

ТАНИТ ЛИ

FANTASY

ORION

ТАНИТ ЛИ

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА

ORION

Романы
ТАНИТ ЛИ,
выходящие в серии
«ORION»

Трилогия
«БЕЛАЯ ВЕДЬМА»

Книга первая:

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА

Книга вторая:

ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА

Книга третья:

ПОИСК БЕЛОЙ ВЕДЬМЫ

ТАНИТ ЛИ

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА

Библиополис
Санкт-Петербург
1993

**TANITH LEE
THE BIRTHGRAVE**

**Copyright © 1975 by Tanith Lee
All Rights Reserved**

**Публикуется с разрешения издательства «DAW Books, Inc.»
и представителя издательства Александра Корженевского
(Россия, Москва 113105, МП, а/я 130).**

**Любое издание данного произведения
без разрешения издательства
подлежит преследованию
в соответствии с законами Российской Федерации
и международного права.**

По всем вопросам обращаться по адресу:

**БИБЛИОПОЛИС,
198147, Санкт-Петербург, Бронницкая 17.**

© 1993, Библиополис

© 1993, В. Федоров: перевод с английского

© 1993, К. Швец: оформление

ISBN 5-87671-039-3

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть I: Под вулканом

1

Проснуться и не знать — где ты, кто ты, что ты — существо ли с ногами и руками, зверь или хребет огромной рыбы — согласитесь, это странное пробуждение.

Но через некоторое время, распрямившись в темноте, я начала открывать самое себя и осознала: я — женщина.

Со всех сторон меня окружали тьма и беззвучие.

В ноздри лез застоявшийся горький запах, ладони осязали шершавую коросту скалы. Я выползла из ниши и нашла место, где можно было встать во весь рост. Странное дело: вопрос о том, не слепа ли я, не занимал меня.

Я двигалась ощупью по проходу; было холодно, но не чувствовалось ни малейшего движения воздуха. Моя стопа с силой ударилась о препятствие, я опустилась на колени и осторожно дотронулась до него. Ступенька, а за ней другие ступеньки, грубо высеченные в скале и почти не истоптанные. Внезапно пришли на память другие лестницы из гладкого белого материала с прожилками, скользкие как стекло, с глубокими выемками посередине ступенек от бесконечного хождения бесчисленных ног — вверх-вниз, вверх-вниз...

Осторожно и все так же на ощупь я поднялась по ступенькам. Считать их мне не пришлось в голову, но их было много — сотня по меньшей мере. А затем — ровное плоское пространство без ступенек. Обрадовавшись, что лестница кончилась, я по глупости ускорила шаг, но тут же была наказана за это. Внезапно площадка оборвалась — и я закачалась на краю невидимой пропасти, словно танцовщица, а затем отпрянула назад и спаслась. Сорвавшиеся камни упали в бездну. Я долго слышала их грохот по отвесной скалы.

Мною овладел ужас. Как я могу идти дальше, ничего не видя? Следующая ошибка будет роковой, а я знала — еще не ведая, кто я — что моя жизнь важна для меня. И еще я чувствовала злое противостояние некой силы, которая затеяла неравную битву со мной в крошечной тьме. Эта сила возбуждала во мне страх и ненависть.

Встав на четвереньки, я медленно двинулась вперед, по левую сторону пропасти. Мгновение спустя моя вытянутая рука повисла в пустоте. Я повернула назад, двигаясь направо — там ждал меня третий угол бездны.

Ярость охватила меня. Я пронзительно выкрикнула во тьму проклятье — и эхо раскатами вторило мне, повторяясь до тех пор, пока я не решила, что скала дробится на части.

Куда теперь?

Наверное, некуда.

Я легла на скальный карниз и заплакала, а потом снова свернулась в клубок, как животное или зародыш — и уснула.

Таков был конец моего первого пробуждения.

* * *

Во второй раз было лучше. Первоначальный сон не был обычным сном, а этот им был, и я проснулась с иным осознанием обстановки.

Я рассудила во тьме, что если лестница кончалась ничем, то мне придется спуститься по ней обратно в проход, и вернуться тем же путем, каким пришла накануне, пока не найду какой-то другой путь. Мне тогда впервые пришло в голову, что я ищу путь на поверхность — я инстинктивно знала, что нахожусь под землей.

Когда я ползла обратно к лестнице, мои ладони, а затем и колени наткнулись на квадратное углубление в камне. Я ощупала его и обнаружила щель. Должно быть, это дверь. Но пока я пыталась найти какой-то способ открыть ее, она внезапно ушла в паз. Я оказалась повисшей над еще одной неведомой пропастью, по-прежнему в абсолютной мгле, цепляясь и скользя кончиками пальцев по гладкому краю двери. Никакой надежды удержаться не было. Мои пальцы разжались, и я упала. Думала, что тут и делу конец, но падать пришлось не очень далеко. Я ударилась о каменный пол и покатилась, достаточно расслабившись, чтобы не причинить себе никакого вреда.

Я медленно повернулась кругом, и теперь вдали, в конце того, что казалось еще одним длинным проходом, виднелся слабый-преслабый отблеск света. Притягиваемая этим светом, я быстро, почти бегом, направилась к нему.

Теперь я разглядела смутные очертания каменных стен и блестящие в них мелкие прожилки. Проход все извивался и извивался, а свечение делалось все гуще и кровавей. Затем я внезапно завернула за угол и вскинула руки, чтобы защитить глаза.

Свет был таким же слепящим, как и тьма, но вскоре я смогла вытереть слезы и оглядеться.

Я стояла в огромной пещере, освещенной только в центре ее, где огромная грубо высеченная чаша, по меньшей мере шести футов диаметром, извергала непрерывный вихрь красно-золотого пламени. А за этим огнем новая лестница вела к узкой двери высоко в стене. В остальном пещера казалась ничем не примечательной и пустой.

Та узкая дверь была почему-то важна для меня, и я знала, что должна добраться до нее.

Я начала пересекать пещеру и внезапно осознала, каким муравьем я выгляжу под ее сводами, устремившимися в бесконечность, ввысь, во тьму. Миновав чашу с пламенем, я ступила на первую ступеньку лестницы. Позади меня раздался стенающий гром. Пораженная, я резко обернулась и посмотрела. Весь пол пещеры покрылся бесчисленными трещинами, и из них вырывались жгучие язычки пламени. На следующей ступеньке заплясали новые огни. Опрометью я взбежала по лестнице, словно скорость могла перехитрить сработавший внизу механизм. Коснувшись ладонью узкой двери, я быстро оглянулась. Пол там, где я прошла, стал морем бушующего золота, и алый дым, клубясь, превращался у высокого потолка в пурпурную тучу. Я толкнула дверь, и когда она открылась, пробежала в возникший проем, захлопнув ее за собой.

Помещение было заполнено светом, хотя у него, казалось, нет никакого источника. Передо мной висел длинный занавес, и когда я отодвинула его, то увидела каменный алтарь и еще одну чашу, где нечто очнулось и зашевелилось при моем появлении. Я не видела это существо, только чувствовала его, и когда оно заговорило, я слышала его слова только внутренним слухом.

— Итак, ты не смогла спать вечно. Я знал, что ты должна когда-нибудь проснуться, несмотря на крепкий сон, в

который я погрузил тебя. Проснуться и явиться ко мне. Даже бездна не смогла поглотить тебя, как я надеялся. Ладно же. Я растолкую тебе, что и как. Я — Карраказ, бездушный, порожденный злом твоей расы, миром, существовавшим за много лет до твоего рождения, и в конце концов уничтожившим ту расу и всех принадлежащих к ней, кроме тебя. А ты спаслась от уничтожения, потому что была малолетней и еще не усвоила должным образом пути зла. Но теперь ты выросла во сне в женщину и усвоишь их. Зло явится к тебе, и ты примешь его с радостью. Помни, куда бы ты ни отправилась, я буду рядом с тобой. Теперь от Карраказа не спастись. Смотри.

На алтаре что-то вспыхнуло, сверкнуло и материализовалось. Нож с острым светлым лезвием-клинком.

— Видишь как легко будет избавиться от меня. Возьми нож. Тебе нужно лишь сказать ему куда ударить, и он подчинится тебе. И тогда ты уснешь навеки, без страха.

Но я стояла совершенно неподвижно и не взяла его. В голове проносились миллионы картин и воспоминаний, и мои руки заledenели от ужаса.

— Значит, ты желаешь выйти наружу? Нет ничего проще. Путь есть. Лестница за алтарем выведет наверх и во внешней мир. Но если ты пойдешь, то будешь проклята и унесешь проклятье с собой; и не будет тебе никакого счастья. Породившая тебя цивилизация умерла бессчетные годы назад. Ваши дворцы в руинах. В высохших фонтанах и пыльных дворах греются на солнце ящерицы. А ты — я покажу тебе, кто ты. Вспомни, тебе полагалось бы быть могущественной чародейкой, повелевающей стихиями, звездами, морями и огнями в недрах земли. По твоему повелению могло свершиться все. Ты была наделена способностью летать, владела искусством хамелеона, умением становиться невидимой — и красотой. Позволь мне показать тебе, какая ты.

В воздухе засиял холодно и ясно новый предмет, и в нем начало возникать мое отражение. Женская фигура, стройная, маленькая; длинные, очень светлые волосы, а затем лицо — отражение рук, закрывших лицо и слегка заслонивших от меня его безобразие. Но лишь слегка. Я знала. Лицо дьявола, чудовища, бессмысленной твари, невыносимое на вид.

Я припала к полу, обхватив одной рукой голову, прижав подбородок к груди, а в другой руке был нож с алтаря Карраказа.

Но прежде чем я смогла вымолвить клинку слова смерти, мой мозг наполнил мягкий свет, холодный, зеленый и очень древний.

— Да, — произнес некто у меня в голове, — всегда есть и это. Если ты сможешь его найти. Родственника своей души из зеленого нефрита.

Я вскочила на ноги и швырнула нож сквозь образ в зеркале так, что оно разбилось вдребезги. За дверью пещеру сотряс массивный взрыв, и пол у меня под ногами содрогнулся. Я бросилась к лестнице.

— Подожди, — сказала оно-он-она, существо без души. — Помни, ты проклята и носишь проклятье с собой. Ты спала в недрах мертвого вулкана. Покинь его, и он проснется, как проснулась ты. Докрасна раскаленная лава хлынет сквозь все проходы и погонит тебя с горы. Она зальет деревни и села, уничтожит урожай и сожжет до смерти все живое на своем пути.

Но я почти не слышала. Мое стремление к свободе было слишком сильным. Я ринулась вверх по лестнице, все выше и выше, прочь от светящегося помещения и угнездившегося там безумия, в холодную темноту, вскоре слегка рассеявшуюся. Когда я остановилась на миг передохнуть, прислонясь к чреву горы, то подняла голову и увидела звезды и лившийся мне в глаза свет луны. Позади меня тьма краснела и содрогалась в бесконечных пароксизмах гнева и боли. Вонь серы наполнила мне живот, голову и легкие и вызвала у меня дурноту, но я упорно лезла дальше, цепляясь руками за камень. Наконец карниз, а за карнизом внешние склоны вулкана, уходящие вниз в темные долины. А наверху — расширившееся теперь до горизонта блестящее небо.

Я спрыгнула с карниза, и когда мои ноги коснулись почвы, подземный демон взревел. Небо и земля сошлись, опрокинувшись вместе и сделавшись алыми, а я упала и продолжала падать вниз, в ночь.

Падала я быстрее, чем смогла бежать, пока еще слишком ошеломленная, чтобы испугаться. А затем очутилась в яме и остановилась, как останавливается сердце при смерти. Я выползла и оглянулась. Тучи над грохочущей горой были красно-коричневыми, и за мною следом ползли первые яркие змеи лавы. Взрыв выбросил град пылающих углей, и они сыпались повсюду вокруг меня. Глаза и рот мне забило дождем черного пепла. Я обмотала рот и

нос уголком своей грязной одежды и снова пустилась бежать.

2

Внизу в долинах больше не темно. Здесь и там и всюду летели огни, и я слышала вопли и крики даже сквозь шум, производимый горой. Ни стенающим, ни мне самой было не на что надеяться. Где нам спрятаться от этой жгучей сумасшедшей ярости?

Я шла по дороге и почти не замечала ее. От первой деревни я кинулась прочь, пробежала через фруктовый сад, где уже занялся пожар от искр вулкана. Виноградины лопались, закипая. Мимо меня промчалось, сметая все на своем пути, стадо блеющих перепуганных овец — и пропало.

Я бежала дальше. Куда вел меня инстинкт?

Что-то с лязгом щелкнуло; я споткнулась и упала. Подлый маленький капкан защебил подол моей туники, каким-то чудом не задев босой ноги. Я высвободила тунику, порвав ее, и увидела впереди слабый блеск воды.

Дворцовый пруд в сливочной пене лилий и лебедей ослеплял белизной, но ночь теперь сделалась малиновой, а гора гремела и громыкала. Я поднялась и побежала к воде. Вокруг меня бились и дрожали виноградные лозы. Скорей — через ворота, по дымящемуся местами вспаханному полю. На мне все время вспыхивали угли. Кожа моя покрылась миллионами маленьких волдырей, но я их почти не замечала. Внезапно сквозь заросли на фоне страшного неба показалось широко разлившееся озеро; его зеркало казалось красным и курилось паром от раскаленных обломков падавших в него горящих предметов.

Спотыкаясь, я брела по берегу, и наткнулась на несколько причаленных лодок, маленьких рыбацких челноков. Почему эти деревенские дурни не бросились к ним и не спаслись? Бессильная злость на них овладела мной, когда я умело оттолкнула свою лодку от берега длинным грубым шестом. На мне лежало бремя вины за смерть всех, кто погибнет при извержении. Но у них было средство выжить — и они не воспользовались им. Будь они прокляты тогда, пусть себе гибнут.

Заплыв на середину озера, я наблюдала, как на смену ночи незаметно пришел рассвет, а с ним унялась ярость

горы. Вокруг меня кипела и пузырилась вода, а горячий душный воздух сделался черным от копоти. Звуки вокруг были похожи на рыгание огромного зверя. Я думала о камне, который служил алтарем Карраказу — этот камень, как и все остальное, поглотила лава, но сама эта тварь уцелела. Она всегда будет со мной, символ притаившегося в моей душе зла, напоминание о моем безобразии, лежащем на мне проклятии и печати смерти.

Когда наступили зелено-лавандовые сумерки и над вулканом дрожало одно последнее облако, я направила лодку к самому дальнему берегу, но даже там местность была превращена в груды пепла. Кое-где земля потрескалась, извергая камни.

Я бы и дальше обходила стороной халупы и хижины, но теперь стало трудно определить, где они. Все рухнуло, на тропе тлели деревья. Лежал ничком мертвый ребенок; с неба упали мертвые птицы. Я плакала, неистово металась во все стороны — лишь бы сбежать от этих свидетельств катастрофы, но они все время лезли в глаза. Неужели мой грех уже явился? Неужели в своем неодолимом желании быть свободной я начала выпускать на волю тьму?

Тем временем я двигалась по узкому проулку между разрушенными стенами каких-то домишек.

Угол, резкий поворот, затем — открытое пространство. Там сгрудилось человек пятьдесят-шестьдесят, стоящих спиной ко мне, таких же оборванных и грязных, как и я. Это зрелище потрясло меня. Я остановилась. В волосах у меня засвистел горячий ветерок.

А потом они начали оборачиваться, поодиночке, группами, чувствуя меня, как дикий зверь чует опасность или еду. Их холодные покрасневшие глаза сосредоточились на моем теле, остановились и отвернулись от моего лица. Я хотела поднять ладони и спрятать лицо, но руки одеревенели, будто прибитые гвоздями к моим бокам. Где-то в толпе заплакал ребенок. Мужчины закричали, а женщины зашептались. Их руки двигались так, как не смогли мои, в каком-то древнем ритуале; для спасения от зла, подумала я. Внезапно прозвучал новый голос, отчетливый, но слегка надтреснутый.

— Богиня! Та, что из горы!

И всюду вокруг меня, словно по сигналу, все падали на колени, моля меня о пощаде, жалости, помощи и всем прочем, чего я не могла дать. К их вою примешивался плач об их грехах и слово «Эвесс». До меня внезапно до-

шло, что они говорят на каком-то языке, которого я никогда не слышала, и все же знала каждый его слог. Слово «Эвесс» означало лик, но не в обычном смысле. Это был лик идола, который мог быть и прекрасным и уродливым, но одинаково повергающим их в ужас, и на него никто и никогда не должен был смотреть. Взглянув на то, что находилось позади них, я увидела, вокруг чего они столпились у конца открытого пространства: грубо обтесанный камень, напоминающий женщину в красном платье с белыми глиняными волосами. На ней была маска, закрывающая «Эвесс», который нельзя видеть, но волосы и стан не вызывали никаких сомнений. Эти люди были рослыми и крупноростными, темнокожими и черноволосыми. Идол изображал не их сородича, но и они и я сразу узнали его. Это была я.

И так я стояла — лицом к лицу сама с собой, а между нами сгорбились холмы их тел: мне, которая принесла алую смерть из горы, поклонялись в страхе, как древней богине из какой-то вдолбленной в их головы легенды.

* * *

Я вышла из паралича и оцепенения и повернулась, чтобы уйти.

Они тихо последовали за мной, шепча свои молитвы. Что теперь? Если я пушусь бежать от них, не побегут ли и они, чтобы не отставать от меня? Глаза у меня стали странными, и куда бы я ни глядела, всюду, казалось, видела блеск Ножа Легкой Смерти. Умереть — и пусть себе следуют за мной в могилу, если хотят. Но я еще прожила слишком мало, чтобы расстаться с жизнью. Наконец, чувствуя тошноту, усталость и боль, я присела на обломки какой-то стены. Я вздохнула, и бесчисленные глаза поднялись, задержались на миг и опустились.

К моим ногам подползла какая-то женщина.

— Пощади нас, тех, кто невольно увидел Эвесс Богини.

— Оставь меня в покое, — огрызнулась я, но слишком слабым голосом, чтобы она расслышала хоть слово.

Она восприняла это как какое-то проклятье; возможно я даже заговорила не на их языке, а на своем, сознательно забытом, и все же усвоенном мной в детские годы, еще до гибели моей расы. Женщина завывала, начала бить себя в грудь и рвать на себе волосы.

— Прекрати, — приказала я.

Она тупо уставилась на меня с застывшими в воздухе руками.

Мною овладела какая-то черствая истерия и я слабо рассмеялась, сидя там на обломках и глядя на нее, на всех них.

Они считали меня богиней. Я была для них совершенно непостижимой. Значит нет надобности ничего объяснять, нужно лишь поступать так, как мне хочется. Никаких препятствий не возникнет.

Я встала, и все суставы мои, казалось, готовы были треснуть.

Старое длинное невысокое здание, нерухнувшее, с лестницей в несколько низких ступенек и прямоугольным дверным проемом, ведущим в прохладную темноту. Там был запах — холодный и одновременно душный, не отталкивающий, но чуждый. Запах Человеческой Жизни, а также чего-то еще. Догадалась я достаточно скоро, когда увидела повторенное изображение Той. Это был их храм, и пахло здесь святостью, страхом и ладаном, смешанными воедино тревожной верой многих поколений.

Они остановились в нерешительности у подножья лестницы, темные на фоне бронзово-сиреневого неба. Я подняла руку, обратив в их сорону ладонь.

— Дальше ни шагу, — велела я. — Мое.

Они, кажется, поняли. Я ушла в мрак одна. За алтарем — прикрытая ширмой дверь: конечное убежище. Там находилась лишь холодная комнатуха. На полу, как и везде, скопился пепел. В углу лежал тюфяк жреца. Я, спотыкаясь, добрела до него и улеглась.

Не придут ли они завтра, не посмеют ли оскорбить божество, поняв, что я не легенда, а нечто куда худшее? Не подползут ли они, пока я сплю, не проскользнут ли за резную ширму, не всадят ли нож или заостренный в огне кол мне в левую грудь и сквозь нее в сердце? Если я усну...не придут ли они тогда...? Я заснула.

Огромный дворец с золотыми, хрустальными и огненными залами и огромные лестницы, ведущие вверх и вниз. Подобно миражу в пустыне, окруженный фантазией садов. Наполовину вспомнившийся мой дом, теперь уже не высящийся, а сровненный с землей молотом времени распада. То, чего я лишилась. Лестницы закручивались, поднимаясь все выше и выше, и менялись. Более узкие, те-

перь уже черные, а не белые, черные колонны и овальный дверной проем. За ним — тронутая миазмами распада красота, нечто мерцающее на каменной глыбе, из каменной чаши. Могущество моей расы, источник знания и зла. Карраказ, выросший словно редкое растение из застоялой порочности многих поколений дурных и безумных мужчин и женщин. Цветок, созданный ядом и отравивший своих создателей.

Это было больше воспоминанием, чем сном, но поскольку оно явилось во сне, оно было туманным и одновременно ярким той яркостью, какой может обладать только нереальность. Орнамент, мерцание пламени, вылившееся в пылающий рельеф, и лицо мужчины — отца, брата, какого-то родственника, которого я не знала — являвшееся в переходах и поворотах дворца. Просыпаясь, я не смогла его вспомнить — только узкие, высоко посаженные глаза, словно осколки его темной души, холодно глядящие на меня.

За миг до пробуждения я увидела Нефрит.

Зло напомнило мне в недрах горы об этом зеленом гладком камне, как-то связанным с моей внутренней сущностью. Я не поняла, только трепетала, желая вновь овладеть им, протягивая к нему руки, умолая. Но мои пальцы поймали пустоту, и я с большим усилием выбросила себя из сна в мир разрушенной деревни, храма и отчаяния.

* * *

Был рассвет и очень тихо. Ночь пришла и ушла без ножа или заостренного кола. Я подошла к ширме и глянула за нее. В основном помещении храма не было вообще ничего, кроме голубой пыли. Но в дверном проеме, на полу у самого порога я обнаружила глазурованную глиняную чашу с молоком, фрукты и сыр на блюде. Рядом лежал сложенный кусок ткани, темно-красной, как старая кровь.

Я не хотела прикасаться к этой одежде, хотя и не знала почему, но все же нагнулась, подняла ее и увидела в своих руках тунику, а под ней на полу оказалась раскрашенная и покрытая эмалью маска. На меня глянуло пустыми глазами белое лицо. Прорези окружала густая черная кайма, а рот горел алым. Изогнутые открытые ноздри были выкрашены по краям золотом, а по обеим сторонам, там где были бы уши, если б маска была лицом, свисали гроздь золотых капель.

Итак, их богиня должна прикрыть свой смертельный лик, столь ужасный на вид Эвесс.

Я унесла все эти вещи в жилище жреца и начала есть. До этого мига я не ощущала голода. Думаю, я могла бы прожить без еды неопределенно долго, поддерживаемая тем же странным процессом, который сохранял меня в живых в горе. Эта первая трапеза была до странности неприятной: после нее в животе и груди будто поселились демоны и секли меня докрасна раскаленным железом.

Я легла, мучаясь болью, и услышала, как снаружи запело множество голосов. Пение все продолжалось и продолжалось. Они призывали свою богиню, в то время как та корчилась в жилище жреца, а потом притихла в ленивом последе боли. В конце концов я встала, и не задумываясь правильно ли это, сбросила свои одежды и надела оставленную ими для меня тунику, а потом и маску, которая держалась на лице благодаря крючкам за ушами.

Я медленно вышла и посмотрела на них.

Море людей, сгорбившихся как и раньше. На самой нижней ступеньке дымилась на жаровне чаша с ладаном. Их ужасные, почти нечеловеческие лица поднялись и впились в мое, теперь свободное для их взглядов.

— Богиня!

— Богиня! Богиня!

Я почувствовала их требование прежде, чем они высказали его. Почувствовала на своей душе их цепкие пальцы.

Затем по лестнице медленно поднялась женщина с узлом на руках и протянула его мне.

— Возьми его. О Великая, будь милостива — спаси его.

Поверх ее головы я увидела тень вулкана, красное блюдо облака все еще пульсировало там, словно огненная рана в небе.

Младенец был почти мертвым, с посиневшим личиком, он слабо и болезненно отрывался, пытаясь заплакать. Повсюду вокруг вытянулась и зияла руинами разрушенная деревня. Неподалеку от озера виднелось отдаленное облако дыма. Должно быть, там сжигали тела.

Она плача сунула мне ребенка.

Я ничего не почувствовала.

— Спаси его, — прошептала она. — Моего сына.

В гневе моя рука поднялась, чтобы оттолкнуть ее. Моя ладонь скользнула по ребенку, и того сразу вырвало чер-

ной рвотой, пеплом из вулкана — и личико его порозовело, глаза раскрылись, он завопил и завыл, но не слабым предсмертным всхлипом, а буйным и яростным воплем перед лицом новой жизни.

Женщина охнула и чуть не упала. Из глаз ее брызнули слезы. Подбежал мужчина и обнял их обоих. Их уста пели мне молитвы, но душа и помыслы были прикованы к ребенку в желании увидеть, коснуться, почувствовать, что он жив.

И тогда все хлынуло ко мне словно прилив, умоляя исцелить их от болезней, от мучений. Казалось, сотни мужчин и женщин подступили вплотную ко мне. От них пахло землей, дымом, потом и страхом. Я прикасалась к ним, не чувствуя ничего, никакой исходящей от меня силы, никакого вдохновенного экстаза, никакого удовлетворения от моих действий, приносивших столько радости. Привели слепого, который протянул мои пальцы к своим глазам — и прозрел. Привели девушку, исходившую криком от боли в бок, и когда моя рука легла на ее бок, она успокоилась и расцвела от облегчения.

Наконец поток страждущих иссяк. Я сделала знак ладонью, выставленной вперед — мое собственное требование уединения — и они попятились, продолжая петь. Я отправилась в жилище жреца и закрыла дверь ширмой; здесь я пронзительно кричала и колотила кулаками о каменные стены до тех пор, пока не разбила их в кровь и не переломала все ногти. Какой похожей на тюрьму казалась мне эта комната, но я не понимала почему.

3

Три дня я лежала в комнате, не прикасаясь к оставленной ими у двери храма еде, часто погружаясь в сон, иногда видя сны, с глазами как большие белые самоцветы за маской, которую я никогда не должна снимать с лица, пока не сожму в пальцах прохладный Нефрит.

На четвертый день снаружи раздалось гудение — словно собрался рой пчел. Я вышла тогда и обнаружила запрудившую улицу огромную толпу чужаков. При моем появлении толпа уплотнилась настолько, что превратилась вскоре в одно единое существо. Люди стеклись ко мне со всей округи на много миль окрест, из всех разрушенных деревень, хуторов, сел и поместий, неся свои хворобы и

ожоги и вымаливая у меня благословения. Я, Богиня Смерти, которая справедливо наслала на них за их пороки гнев вулкана, должна теперь устроить и облегчить их жизнь, дабы они могли послужить моему святилищу.

Я прикасалась к ним, и они исцелялись. А потом еще новые лица и хворобы, и я исцелила и их тоже.

Когда улицы опустели и на лестнице не осталось ничего, кроме их даров, я ушла в храм и опять улеглась спать до тех пор, пока в конце концов шум не поднял меня вновь. Это походило на рану, пораженную ядом, из которой надо выпустить гной, но после каждого выпускания он накапливается опять до тех пор, пока его снова не потребуют выпустить.

Затем целых пять рассветов и пять сумерек не раздавалось ни звука. Я лежала не двигаясь, прислушиваясь, широко раскрыв глаза. Я лежала, как насекомое в куколке, дожидаясь, когда какое-нибудь жестокое бедствие разорвет мой кокон и выпустит меня наружу полусформировавшейся. Я еще не была живым существом. Я была безмолвно спящим организмом, лишенным истинной жизни.

Потом жизнь пришла, но неправильно, не так, как я захотела бы, если б мне было дано распоряжаться.

Раздался громкий треск: что-то отбросили в сторону в дверях храма, наверное дары и нетронутую еду. Послышались шаги, грубые, нарушающие тишину этого места. В том, кто шел ко мне, не было страха, не было ужаса передо мной — я почувяла только откровенное, нетерпеливое бешенство.

— Выходи, скотина! — крикнул мужской голос.

Он, казалось, свалил стены храма, вонзился мне в голову медными лезвиями, этот голос, первый человеческий голос, не преисполненный страха передо мной.

Я встала, повинуясь невыразимому зову. Я стояла у ширмы, и сердце мое уже билось, стуча так же, как стучало, когда я бежала от вулкана, хотя теперь я бежала к огню, а не от огня.

Затем огромная рука обладателя голоса легла на ширму и отбросила ее в сторону, мелкие кусочки решетки разлетелись по полу. Он готов был схватить вслед за тем меня, отшвырнуть в сторону, ломая мои мелкие косточки, словно резные фигурки из клыков. Но остановился как вкопанный. Страх, может, и нет, но есть с детства вбитое суеверие. Они поклонялись Той, все до одного с рождения, и теперь он, казалось, увидел Ее воочию — красная ман-

тия, белые волосы, словно докрасна-добела раскаленный выброс горы, такая ужасная потому, что не говорила ничего кроме «Я здесь.»

Лицо его под густым загаром от бесконечного солнца слегка побледнело. Тигриные, волчьи зубы оскалились в рычании. Он был намного массивней меня, более рослый, крупнокостный, прекрасный и чуждый в своей мужественности. И все же наши глаза оказались на одном уровне. Длинные кудрявые черные волосы спадали ему с головы на плечи, словно черная шерсть барана. Он не носил никакой маски, но его лицо потрясло меня до глубины души, до самого основания, так как это въявь представшее лицо, было лицом из моего сна — длинное, с высоко посаженными узкими черными осколками-глазами.

Он прочистил горло. Его язык быстро прошелся по губам, увлажняя их, и мы стояли, оба наполовину подвластные друг другу — и во мне шевельнулся мой пол, и во мне проснулась женщина, и древняя человеческая сущность, которой я не знала, стала моей.

А затем он заставил себя двигаться. Его рука сдвигала мое плечо — тяжелая и беспощадная. В другой руке появился тусклый острый охотничий нож.

— Ну, сука, и кто же ты?

Я ничего не сказала. Я смотрела на него, выпивая его глазами, чтобы погасить горящий во мне порыв к жизни, который не гас, а лишь разгорался все ярче.

— Ты не заставишь меня дрожать, сука. Какая-то ведьма-целительница из горной пещеры, да? Явилась жить их приношениями, потому что они глупы и напуганы? — Его рука нырнула в мои волосы и с силой потянула за них. — Волосы старухи, но тело не старческое. А твое лицо за этой маской — какое?

Его неприязнь затопила меня, его презрение свело мне живот, но если даже я не получу от него ничего больше — я сделаю их желанными. Его пальцы коснулись крючка маски, и я вспомнила свое лицо — лицо, которое дал мне Карраказ. Я отпрянула и уперлась ему ладонью в грудь.

— Увидеть мое лицо для тебя смерть, — сказала я.

Его кожа жгла мне ладонь; я почувствовала, как под ней забилося от моего прикосновения сердце. Он оторвал мою руку от себя, отступил на шаг.

— Отлично, целительница, прячь свою заурядную жалкую внешность. И оставайся здесь, если хочешь. Но ника-

кой еды и никакого поклонения больше не будет. Если тебе нужен хлеб, можешь заработать его. Помогите нам отстроить их дома, помогите нам спасти что можно на полях. Помогите их женщинам родить детей взамен отнятых у них горой. А иначе помирай с голоду.

Он повернулся, собираясь уйти.

— Ты, которого не было здесь, когда пришел огонь, где ты был тогда? — осведомилась я. — На дальней дороге, разбойничая, убивая ради золота и еды. Именно в этом заключалась тогда твоя работа. Подальше от места, породившего тебя. Ты не волновался о нем, пока свет красной лавы не привел тебя обратно домой, сурового от чувства вины и жестокого от стыда.

Я не знала, откуда у меня взялись такие слова и почему, пока не заговорила, но он снова оглянулся на меня, и лицо его теперь побелело, глаза очертило красной каймой, а ноздри раздулись от гнева и боли, и я поняла, что угадала его точно до последней буквы.

— Так значит кто-то нащептал тебе о Дараке, ловце золота. Не пересказывай мне этого и не думай, что сможешь напугать меня этим. Я тебе сказал, что тебя ждет, и все тут.

Он вышел большими шагами из храма, стиснув кулаки, и теперь я узнала свою тюрьму в лицо.

* * *

Теперь я могу уйти.

Я была свободна. Никаких больше даров, никакой еды, никаких молитв. Он все это пресек. Снаружи шла какая-то возня и работа. Один раз раздались визг и звук падающих предметов у самой двери храма — какие-то женщины дерзнули нарушить его приказ.

Я не ела девять дней, но не испытывала никакого голода и никакой особой слабости.

Я могла ускользнуть ночью — с гарантией, что меня никто не увидит; могла бежать через бесконечную страну до моря и позволить им забыть свою богиню, и позволить Дараку тоже забыть ее.

Но теперь, когда я могла уйти, я не уйду вовсе. Я была пригвождена корнями своих чувств, как цепная собака к колу.

Как здорово поймал меня в капкан Карраказ и сделал все, чтобы я не знала, куда я должна идти и как мне до-

стичь свободы. Сперва нужды этих людей держали меня здесь, а теперь — мои собственные. И если все силы умерли во мне, как сказал Карраказ, то как же я исцеляла? Как? Или они исцелялись с помощью их же веры в меня? Ведь это их руки хватали мои. И я, казалось, помнила книгу с открытой страницей:

«Господин, — закричала женщина, — исцели меня, ибо я, как видишь, больна.»

И сказал он: «Ты веришь, что я могу это сделать?» И женщина заплакала и молвила: «Да, если пожелаешь.» «Тогда как ты веришь, так и будет,» — молвил он и ушел, даже не коснувшись ее. И она сразу же исцелилась.

День десятый. Снаружи: шум, стук, крики, звук таскаемых бревен, пение рабочих бригад. В полдень колокольный звон, призывающий на общинный обед. Похоже, Дарак и его люди очень неплохо все организовали.

Затем хруст гравия под множеством ног, смех, голоса. После этого тишина. Огромная теплая полуденная тишина и томительно-недвижная желтая жара.

Я подошла к дверям храма и стояла там. Деревня стала иной, местами оделась в клетки лесов, то тут то там попадались отстроенные и наполовину покрытые черепицей дома. Вдалеке, в начале улицы — грубое деревянное укрытие, покачивающийся на столбе снаружи медный колокол, стаченный, надо полагать, с крыши какого-то храма. Лениво бредущая по солнцепеку корова. В остальном деревня выглядела опустевшей. Значит, Дарак созвал всех на какой-то совет на невысоком холме за домами. Да, несомненно так. Маленький король на маленьком троне, повелевающий так, потому что его подданные были еще ничтожней, чем он сам.

Мой взгляд перешел на вулкан. Темная островерхая гора, без облака. Снова спит, насытившись, оставаясь все-таки ужасной. Черный обоюдоострый меч, ждущий в небе, готовый обрушить свои красные удары на спину земли, когда б его ни толкнули на это кипящие в нем страсти. Где-то недалеко, значит, и находится король, Дарак.

Стремительное движение, как метнувшийся над камнем змеиный язык.

Женщина поспешно пересекла открытое пространство перед храмом, отбрасывая индиговую тень. Мужчина беспокойно шевельнулся в дверном проеме, сжимая в руках кол, глядя на дорогу, туда, куда народ последовал за Дараком.

— Помоги нам! — вскричала эта женщина. — Наши трое детей больны, и лекарь из Серрайна сказал, что они умрут. Я не могла привести их — они кричали, когда я пыталась сдвинуть их с места.

Я посмотрела на нее повнимательней. Ей было не больше двадцати. Наверно, я была одного с ней возраста. Но она выглядела старой, ее молодое лицо избородили морщины, а волосы у нее выгорели на солнце.

— Быстрее, Мара, — прошипел мужчина.

— Пожалуйста, — взмолилась она.

— Ты веришь, что богиня может исцелить твоих детей не видя их?

— Да — о, да...

— Тогда верь, что я могу, и они будут исцелены.

Лицо ее изменилось, морщины разгладились, словно с поверхности пруда сбежала рябь.

С холма донесся шум.

— Мара! — закричал мужчина.

Она повернулась, чтобы бежать за ним.

— Подождите, — велела я. Они остановились, нервничая, стремясь не обидеть ни Дарака, ни меня. — Скажите всем кому пожелаете, — сказала я, — что всякий, призвавший мое имя, веря в него, может исцелить или исцелиться сам от любой болезни. Нет больше никакой надобности являться ко мне.

Они почтительно поклонились, благословляя меня, а затем убежали словно испуганные мыши.

Улицу заволокло пылью. Возвращалась толпа, более шумная, чем когда-либо. На холме хлестали вино. Наверное там какое-то издревле освященное место собраний, выбранное Дараком, чтобы привести их в трепет.

На лестничной площадке храма стояла каменная скамья. Я присела на нее, ожидая.

Сперва по улице пробежала испуганная корова, оскорбленно мыча. Потом появились мужчины, болтающие, нетерпеливые, нежно тискающие бурдюки с вином, а за ними и группы женщин. Отличить людей Дарака не составляло труда. Они были одеты лучше, чем деревенские жители, и более криливо. Кожаные сапоги с драными шелковыми кисточками, шелковые рубашки, алые и пурпурные. Пояса с железными заклепками, золотые кольца, бахрома на куртках — рваных, как и кисточки, не столько от носки, сколько от тяжелых боев. В основном

это были мужчины, но с ними шли скользящей походкой и пять-шесть девиц, одетых по большей части так же как они, но носивших на несколько унций больше золотых украшений на шеях, фантастические серьги, и заплетавших угольно-черные косы лентами с цветами. Это переполнило чашу. Я хотела уйти в храм, почти опьянев от их вида, но знала, что не уйду, пока не дождусь его. Когда он появился, то вид у него был задумчивый, расстроенный, мрачный. Что-то, чего он добивался на холме, ему не удалось.

Он был одет менее броско, чем другие, но вид девиц, сопровождавших его, не лез ни в какие ворота. Их прически были своеобразной пародией на прически придворных дам — сложные, едва сдерживающие непокорность волос, они высились у них на головах горными пиками, заплетенные, закрученные-перекрученные, закрепленные зубьями золотых гребешков и яшмовых заколок. У ближайшей ко мне вплетенная нитка жемчуга появлялась и пропадала среди прядей, словно бледный змеиный след. Пряди падали им на плечи, путаясь в массе ювелирных изделий. Платья у них были шелковые, на одной малиновое, на другой черно-желтое, а из-под расшитых подолов с бахромой виднелись сапожки разбойниц, покрытые глиной, грязью и пылью.

Мой взгляд нетерпеливо переместился с них на Дарака. Никто пока не увидел меня, сидящую в тени двери-входа. Затем я увидела то, что висело на шее у девицы в малиновом с жемчугом в волосах. Крошечный зеленый прохладный предмет на золотом кольце и цепочке. Нефрит.

Я поднялась прежде, чем смогла подумать, протянула руку вперед и окликнула ее.

Вся процессия остановилась, словно споткнувшись, и уставилась на меня. Я не видела выражений их лиц, только чувствовала их, мои глаза впились в тот зеленый прохладный предмет между коричневых грудей этой самки.

Воцарилось молчание, а затем он произнес:

— Поклонитесь своей богине, люди. Попросите ее показать вам несколько фокусов, пусть заработает свой хлеб.

Тут все застыли как камень. Влажная дневная жара стала удушающей. Я не смотрела на его лицо, только на лицо девицы с нефритом. Та ухмыльнулась, подняла брови, одну за другой, а затем сплюнула на землю перед лестницей. Но глаза ее глядели настороженно.

Я очень медленно спустилась по лестнице и вся дрожала. Остановившись в нескольких футах от нее, я не говоря ни слова показала на зеленый предмет.

Она рассмеялась и снова сплунула. А затем посмотрела на Дарака.

— Чего тебе надо, ведьма? Твердый зеленый камень нельзя есть.

— Дай его мне, — велела я разбойнице.

Та преобразила свой страх в гнев.

— Отвали. Он не твой. Он мой. Мне подарил его Дарак.

— Не твой. Он украл его. Камень мой. Отдай его мне.

Девушка попятилась, прижимаясь спиной к его телу.

— В нашем стане, — мягко произнес Дарак, — если один из нас желает что-то, принадлежащее другому, надлежит драться. За еду или золото, или нож, или женщину. Или мужчину. Вот она, Шуллат, дралась за меня. И я взял ее. Желаете получить зеленый камень, можете тоже драться за него. Шуллат не боится.

Взгляд у Шуллат изменился. К ней вернулась смелость. Она снова очутилась на знакомой почве. Еще миг — и она бы подмяла меня под себя, вцепившись своими кошачьими когтями мне в глаза, молотя меня по груди своими твердыми локтями. Я предпочла бы драться скорее с мужчиной, чем с женщиной. Еще миг — я не могла ждать. Моя рука метнулась вперед. Нефрит прыгнул мне в ладонь. Я рванула, и цепочка лопнула.

Нефрит лежал у меня в ладони словно прохладная вода, спящий, но живой.

Она упустила свой миг, но все еще двигалась. Свободной рукой я с силой схватила ее руку и врезала ей по лицу. Из одной ноздри у нее брызнула кровь, и она отшатнулась назад. Дарак мог поддержать ее, но не стал утруждать себя. Она упала к его ногам и осыпала меня проклятиями не поднимаясь.

Внезапно Дарак мрачно улыбнулся, приставил носок сапога к боку девушки, и очень мягко пнул ее.

— Заткнись, — велел он, — ты потеряла камень. Она дралась с тобой за него, по-своему.

Кто-то начал плакать и кричать. Головы повернулись на крик. Я не видела, кто это, но услышала голос той женщины.

— Она спасла моих детей! Лекарь из Серрайна сказал, что они умрут — но они живы! Она сделала их живыми!

Лицо Дарака сделалось суровым и презрительным. Он тоже сплунул и свернул с улицы в боковой переулок, расталкивая с дороги толпу. Его разбойники побежали за ним, а следом вдогонку девицы. Повсюду нарастал ропот. Я поднялась по лестнице и удалилась в храм, прежде чем они смогли бы окружить меня кольцом.

Приставив к дверному проему сломанную ширму, я легла боком на тюфяк, прижав колени к груди, держа ладони у подбородка и прижав к губам зеленый гладкий предмет, который сделался моим и казался похожим на Начало.

* * *

Пришла ночь и покрасила мир черным, и красные звезды рдели в темноте неба. Я уйду сегодня ночью прочь, по широким просторам. Казалось, ничто не имело значения кроме зеленого обещания. Даже Дарак казался ничем в тех темных сумерках. Но затем неожиданно появилась потребность в пище, а с нею тошнота при мысли о еде и поеживание от неизбежной боли, что придет потом и будет мучить и сковывать меня, и помешает уйти. Сколько она продолжалась раньше? Наверное, час-другой? Не так уж долго. Я смогу ее вынести, потому что должна. Я не ела уже десять дней.

Я вышла на лестницу.

Редкие огни мерцали в открытых окнах, в развалинах, в отстроенных помещениях, и многочисленные — в деревянном укрытии, построенном Дараком для бездомных. Запах пищи доносился оттуда, густой и мускусный. Я направилась в ту сторону.

За узкой дверью горели костры в кольцах камней или в железных жаровнях, а наверху покачивались желтые светильники. На грубом вертеле вращалась, потрескивая и воняя, большая туша. Жители деревни сбились в тесную кучу, словно им нравилась такая близость друг к другу. Дарака там не было.

Когда я вошла, воцарилась гробовая тишина. Они благоговейно притихли. Я прошла по центральному проходу, между костров и котлов. Каждый кусок пищи, мимо которого я проходила, вызывал у меня дурноту, но я нашла бурливший в углу котел, и подымавшийся от него запах показался мне не настолько отталкивающим.

— Что это? — спросила я склонившуюся над ним девушку, застывшую при виде меня, разинув рот.

— Похлебка, — запинаясь, ответила она, — овощная...

— Не дашь ли мне немного?

Она заметалась, сделала знак, и подбежал ребенок с половником и деревянной чашей. Стоя под взглядом всех собравшихся в убежище и покачивающимися золотыми глазами светильников и свечей, девушка принялась наливать половником в чашу, раз, другой...

— Довольно, — остановила я. Потом взяла чашу и поблагодарила ее, но в этот миг большая ручища выбила чашу из моих рук, и девушка завизжала.

— Разве Дарак не говорил тебе не давать пищи ведьме, сучка, — прорычал голос, утробный и угрожающий.

Девушка отступила на шаг. Но интерес разбойника был уже сосредоточен не на ней.

— Итак, бессмертной богине, которая веками спит под горой, все-таки нужно набивать живот, да? Дарак сказал нам, что ты придешь сюда, и велел, когда ты придешь, отвести тебя к нему.

Я посмотрела на разбойника сквозь глазницы маски. Пустое, ничего не выражающее лицо. Он даже знал их легенду, но не возрос на ней сызмальства, как Дарак. С этим мне было не на что рассчитывать.

— Если Дараку Златолову нужна помощь богини, ему требуется только попросить, — сказала я. — Я пойду с тобой.

Разбойник крикнул и развернулся к выходу, предоставив мне следовать за ним.

— Прости нас, — прошептала девушка.

Я коснулась пальцем ее лба, мягко, словно благословляя, и ничего не почувствовала, в то время как ее лицо залилось краской и благодарностью. А затем последовала за своим конвоером.

Он повел меня по темным переулкам, говоря, по какой тропе следовать сейчас, и идя позади меня. Здесь большинство зданий сровняло с землей. Мы миновали рыночную площадь со сломанными загонами для овец и сгоревшим деревом в центре, похожим на огромную угольную палку. Тут я расслышала музыку, дикую, яркую музыку, первобытно мелодичную и ритмичную, в основе которой был бой барабанов. Показался склон, где стоял большой дом, выходящий фасадом на озеро, к горе. От дома остал-

ся только один двор, и здесь в жаркой ранней темноте люди Дарака ужинали вокруг своих костров, играя эту грубую музыку, способную долбить каменные стены.

Разбойник толкнул меня через низкую арку. Под босыми ногами у меня лежала мостовая, все еще теплая. Вокруг валялись разбросанные кости и огрызки яблок, и один-два пса с надеждой обнюхивали их. Девушка с черными волосами отплясывала, с притоптыванием вращаясь бесконечными кругами, и золотые браслеты у нее на руках походили на огненные кольца какой-то горячей планеты.

Сидевший в противоположном конце на полосатом коврике, словно горный король, каковым он, собственно, и был, Дарак поднял голову. Вокруг него расположилось несколько разбойников и девица, помещенная подобающе далеко за низким столом. Я узнала ее: та, другая, спустившаяся с ним с холма, в черно-желтых шелках.

Теперь разбойник стал рьяно толкать и гнать меня. Мы приблизились к столу — интригующему предмету мебелировки из какого-то светлого легкого дерева, покрытому в избыточной мере резьбой, определенно краденому, явно таскаемому с собой как символ богатства, власти и хорошего вкуса Дарака.

Дарак вежливо улыбнулся.

— Богиня наконец испытывает голод, — заметил он. — Присаживайся тогда и ешь.

— Я не могу есть при других, — отказалась я.

— Конечно, твоя священная маска. Тогда сними ее.

— Моего лица никто не должен видеть. Разве ты не помнишь этого, Дарак?

Мой голос, такой холодный и ясный, был моей последней силой. Я теперь слабела, испуганная, рассерженная и сбита с толку. Со всех сторон до меня доходила вонь от еды и спиртного, и, похоже, не виделось никакого спасения.

— Мы не боимся, богиня.

Он перестал смотреть на меня, очищая фрукт. При всем его расслаживании здесь, он был не из тех, кто любит сидеть спокойно. Я пожелала ему смерти, но не достаточно сильно.

— Брось, богиня. Нам ясно, что тебе надо скрывать. Ты альбинос — белые волосы, белое лицо. И глаза тоже — хотя прорези маски отбрасывают на них хорошую тень, никакого цвета не видно. Итак, хватит притворяться. Садись и ешь.

Он слегка кивнул; я едва увидела этот кивок. Но здоровенный скот у меня за спиной захихикал, как ребенок, и смахнул мне кончиками пальцев волосы, подбираясь к крючкам маски.

Нет, клянусь всем содержимым моей пропащей души. Мой позор не будет явлен в этом их вонючем логове.

Стремительно обернувшись, я нырнула под его руку. Моя стопа, длинные пальцы которой сжались словно кулак, взметнулась вверх и ткнула его точно в пах. Изо всех сил. Я видела, для чего эти твари, полуживотные, использовали свои гениталии, помимо их истинного назначения, и испытывала откровенную и жестокую брезгливость. Он заорал, согнулся пополам и упал, и я поняла, что сделала для него достаточно.

Я снова повернулась к Дараку: тот выглядел удивленным.

— Ну, — только и сказал он и умолк.

Я воспользовалась преимуществом за секунду до того, как станет слишком поздно, пока он пребывал в растерянности перед своей ордой.

— Ты вождь этих людей, — обратилась я к нему, — и поэтому имеешь право. Я покажу тебе то, чего нельзя видеть никакому другому человеку. Наедине. Тогда можешь судить сам.

Я почувствовала тошноту, когда сказала это, тошноту и тоску, и уже стыдилась. Но я знала, что требовалось сделать.

Миг спустя он улыбнулся.

— Почетно, богиня, увидеть наедине то, на что никому другому нельзя смотреть.

Некоторые из них расхохотались, и принялись отпустить разного рода нелепые примитивные шуточки насчет полового акта.

Один нагнулся к Дараку и настойчиво попросил:

— Позволь и нескольким из нас пойти с тобой. Не доверяй этой суке.

Дарак поднялся и потянулся. Большие мускулы заиграли под бронзовой кожей.

— В день, когда Дарак побоится пойти с девчонкой в лес, можете подыскивать себе нового вожака.

Он подошел ко мне, взял меня за руку и вывел со двора, идя большими шагами так, что я спотыкалась и мне приходилось бежать, чтобы не отстать от него. Разбойники

позади нас смеялись, все, кроме того, которого я пнула: тот стонал и плакал на земле.

* * *

Мы зашли на ужасную мертвую землю неподалеку от озера. Большие участки обгоревших деревьев, хрупких, но все еще стоящих; ночной ветер ломал их ветки и нес мелкую черную пудру нам в лицо. Только вода казалась чистой. Взошла луна, красная и смазанная с одного края, словно она подтаяла и стала ущербной.

В некотором смысле я была удивлена, что он не повалил меня на землю и не поймел, как только мы вошли в этот ужасный лес. Он был разгорячен, немного испуган, сам того не сознавая, сексуально возбужден, как чувствовала я. Он все еще держал меня за руку, и теперь я высвободила ее.

— Здесь достаточно далеко для богини? — спросил он с язвительной вежливостью. Я гадала, не спросит ли он вслед за тем, так же ехидно и застенчиво, не расстелить ли ему для меня плащ?

— Нет, — сказала я, — чуть дальше. Есть место для всего, но это не то место.

Я шла теперь впереди, к берегу. Мне помнились большие острые камни, которые я видела там.

Шагая по пеплу вперед, по направлению к воде, я попросила его:

— Оглянись вокруг нас. Убедись что здесь никого нет.

— Посмотри ты, богиня, — предложил он. — Твои бесмертные глаза должны видеть получше моих.

И поэтому я посмотрела. А затем припала к земле, сделав ему знак сделать то же, вытягивая руку словно для того, чтобы опереться, и находя не глядя настолько идеальный камень, что я могла б намеренно подложить его здесь. Моя правая рука легла на крючок маски, и он смотрел, замороженный, наперекор себе: старое гнилое суеверие снова одолевало его. Дышал он учащенно, глядя мне в глаза, и моя левая рука метнулась вперед, и камень ударил его по лбу около виска. Удар должен был оказаться достаточно сильным, чтобы убить его, но наверное я сама была в таком же неустойчивом положении, в каком был он; кроме того он в последний миг понял и попытался броситься в сторону, и оказался очень проворен и силен. В

любом случае мне было трудно убить Дарака: он значил для меня больше, чем мой гнев позволял мне понять.

Поэтому удар получился неудачным. Он оглушил его, а не убил, и он упал набок, и щетина на его широких скулах выглядела очень длинной. Я поднялась и побежала от него, как преследуемая кошка, спотыкаясь в темноте.

* * *

Но камень почему-то по-прежнему был у меня в руке. Похоже, я не могла выпустить его, и это замедляло мое бегство. Я не понимала толком, зачем я цепляюсь за него, но, думается, я знала, что он погонится за мной, и тогда мне опять понадобится защищаться. И, похоже, держа его, я так замедлила свой бег, что Дарак мог догнать меня, готовую в тот же миг, как он догонит, драться с ним.

Этот двойной импульс затуманил мне мозги, и хуже того, мой голод набросился на меня, словно зверь. С подгибающимися коленями, ощущая головокружение, я обнаружила наконец, что нахожусь неподалеку от края воды, направляясь обратно к вулкану. Поняв это, я остановилась, тяжело дыша, повернула в сторону и попыталась подняться по склону. К этому времени я должна была порядком удалиться от деревни. Но пепел, голая почва и сланцевая глина осыпались у меня под ногами, и я заскользила, извиваясь, вниз, кое-как цепляясь свободной рукой и создавая такой шум, что не услышала шагов позади меня, пока не стало чересчур поздно. А когда услышала, то обернулась, и там стоял он.

— Иди сюда, прах тебя поberi!

Его голос рассек ночной ветер. Я потеряла опору под ногами, оставила с трудом завоеванную территорию и упала обратно, ободранная и запыхавшаяся, в нескольких футах от него. На лбу у него наливался, словно гневная звезда, кровоподтек, и глаза его почернели от ярости. Он пошатывался, все еще ошеломленный, но в общем и целом я не причинила ему большого вреда. Он обругал меня каким-то ругательством своих горцев, которое я поняла только в общем, а потом приблизился ко мне, и я была на ногах, сжимая в левой руке камень самым острым концом к нему. Он с миг постоял не двигаясь, немного кашляя от нашего пробега по шлачной пыли; его рука тоже не была больше пустой. В ней поблескивал скверный на вид нож,

тонкий, но прочный, с приваренными и торчащими из середины клинка колючими кусочками металла.

Мы кружили друг около друга, оба нервные, в растерянности, снова оба наполовину во власти друг у друга. А потом он вспомнил, что он ведь Дарак, и мужчина, и что я — всего лишь жалкая женщина — нечто такое, что надо победить, подавить и вернуть в вечное подчинение, не достойная его ножа, и он замахнулся другой рукой, ударив меня по ребрам и животу, и тут все оборвалось.

Я лежала под вертящимся черным небом, кружившем на вороньих крыльях, опускаясь все ниже и ниже, с камнем — в миллионе миль от моих рук, и руками — в миллионе миль от моего мозга.

Я достаточно помнила, чтобы закрыть глаза, когда он стянул с моего лица маску Той.

Время остановилось.

Я наконец открыла глаза, и, думается, до того я на несколько секунд потеряла сознание, потому что он сидел чуть в стороне, наполовину повернувшись ко мне спиной, а я не слышала, как он удалился от меня, и не почувствовала, как он уронил маску мне на грудь.

Он глубоко дышал. Я не видела толком его лица, чтобы прочесть выражение на нем. Я повернула голову к камню, и он лежал теперь так близко от меня, что мне подумалось, будто он переместился сам собой. Затем он изменился, и стал ножом, который мне показал Карраказ, ножом, который всегда будет тут как тут для меня, чтобы я могла покончить с жизнью. И я знала, что могу велеть ему поразить меня, и он послушается; и смерть будет утешением. Но мои губы одеревенели, а рот забило пылью. Я не могла воззвать к нему.

Затем Дарак сказал:

— Эта деревня всегда бесила меня. Я помню только побои, которые получал здесь в детстве, но всегда приезжаю снова, чтобы получить новые удары по спине. Вот так я приехал к ним опять и попытался им помочь, а они призывали тебя и взывали к твоему имени. Пусть себе катятся тогда.

После этого он ненадолго умолк. Ветер мягко волновал озеро, и пепел шелестел, как сухие листья.

— Ты, — сказал наконец он. — Я не знаю, кто ты — возможно человек, но не нашей расы. Не мужчина и не женщина. Даже не зверь. Да. Наверное, богиня.

Я зацепила за уши крючки маски. Нефрит, повешенный мной на шею, лежал ледяной каплей у меня над сердцем. Я поднялась, повернулась и пошла к более плоской местности рядом с озером, где я могла выбраться на волю, и идти куда пожелаю.

Когда он окликнул меня, мне хотелось и обернуться и не оборачиваться, а когда он снова окликнул, мне не хотелось, но я обернулась.

Он остановился в нескольких ярдах от меня и сказал:

— Оставь эту деревню. Поехали с нами в горы. Я хочу лишить их тебя, этих хнычущих дураков. Ты умеешь исцелять, я знаю это. Исцеляй моих людей. Я позабочусь, чтобы ты была сыта и одета — более чем.

На его лице проглядывал своего рода страх, но именно собственный страх-то и завораживал его. Он хотел понять причину, а не бежать от него. Я увидела тогда в нем великую силу человека, который способен взглянуть на себя со стороны, каждый раз по-новому.

И он посмотрел мне в лицо — на мое безобразие. И я любила его телом, без надежды или особого желания, и презирала его, и знала, что он захлопнет меня в капкан, и не может быть никакой истинной близости между нами — ни телом, ни мыслью, ни душой.

И я знала, что отправлюсь с ним.

Часть II: Горные станы

1

На второй день пути в горах вулкан стал тенью, оставленной позади. На третий я, оглянувшись, не могла больше разглядеть его.

Это была открытая местность, высоко в горах и неподалеку от неба. Тянулись коричневатые холмы, покрытые заплатами пурпурного утесника и кроваво-красных цветов. Скальные выходы проглядывали из земли, словно древние кости, а в черепных глазницах пещер шевелились твари — медведи, лисы, готовя запасы на голодные

месяцы. Стояло позднее лето. Все соки из года уже выжгло.

* * *

Шайка Дарака была небольшой — человек двадцать. Главный стан лежал впереди, в сердце горы. Несколько деревенских парней убежали с нами, с нетерпением покинув поля ради легкой добычи на широких дорогах и трактах Юга. Мужчины ехали на лохматых горных лошаденках, маленьких бочкогрудых скакунах, сплошь увешанных кисточками, колокольчиками, золотыми монетами и амулетами. На всех женщин имелась пара мулов, а иногда они ехали позади какого-нибудь из разбойников. Дарак ехал на вороном коне, прекрасном и горячем, неподходящем для горных восхождений, шарахавшемся всякий раз, когда из кустов взлетала птица. Когда он выходил на дело, думалось мне, он ездил на каком-то ином.

Как женщина я должна была идти пешком. Как ведьма я получила собственного мула, приведенного из какой-то деревенской конюшни. Красная туника богини исчезла, равно как и белая маска. Я была теперь в темном и носила лицевой покров — *шайрин*; его видел Дарак у женщин степных племен, которым полагалось скрывать свои лица после наступления половой зрелости. На лбу и глазах ткань прилегалa вплотную. Узкие прорезы для глаз, украшенные собственными поднятыми веками, отбрасывали тень на сами глаза. От щек, над носом, ртом и подбородком свисала свободная вуаль из того же материала. Его сшила для Дарака какая-то деревенская женщина.

Когда я выехала с ними, жители деревни стояли на улицах среди каменного мусора, глядя на меня, мрачные и боящиеся, что я что-то отниму у них. Дарак усмехнулся, гарцуя на своем норовистом вороном коне. Некоторые женщины с плачем хватали меня за рукав. Я почти не понимала их, мои уши закрылись для их деревенского наречия. Они были для меня ничем, но чем же тогда был горный стан Дарака? В животе у меня образовался железный груз, но когда мы оставили озеро и вулкан позади, он растворился.

После ночи на пепельном склоне Дарак больше не разговаривал со мной. Все его слова поступали из вторых рук,

из уст других. «Дарак говорит, что тебе нужно то-то и то-то», «Дарак велел мне передать тебе».

Ночью, когда он сделал привал, разбили кожаные шатры, раскрашенные в пять-шесть цветов. Один из них предоставили мне, и здесь я могла уединиться сколько пожелаю. Я ела мало, только когда возникала нужда, и боли становились все слабее, но неизменно возникали всякий раз. Еду и любые другие удобства, какие, по мнению Дарак, мне могли понадобиться, приносила самая тихая из разбойниц. Она ничего не говорила, но ее глаза, яркие и черные, зыркали, словно вставленные в голову агатовые осы.

На рассвете четвертого дня появился разбойник, укушенный змеей, с распухшей и почерневшей рукой. Он ввалился за полог шатра, стремясь исцелиться, не потеряв руки, а также стремясь показать, что он нисколько в меня не верит. Если я помогу ему, он сочтет, что ему повезло. Он стеснялся говорить, чем он занимался, когда его ужалила змея — он тогда опустился на корточки среди камней с целью облегчиться.

Я прикоснулась к распухшей руке и посмотрела ему в лицо. В отличие от жителей деревни он не обладал слепой верой, чтобы принять исцеление от меня.

— Я не могу тебе помочь, — сказала я.

По лицу его градом катился пот, и он страдал от боли, но тем не менее прожег меня взглядом и поднял здоровую руку, словно готовый ударить меня; затем решил, что лучше не стоит.

— Ты же целительница. Именно потому Дарак и взял тебя. Так исцеляй меня, сука.

В голове у меня будто открылась маленькая дверца. Я кое-что вспомнила, но не все.

Я вытащила у него из-за пояса нож, и он нервно отшатнулся. Окунув лезвие в пламя маленькой жаровни, принесенной мне ночью той девицей, я снова взяла его за руку.

— Не двигайся, — велела я, и прежде чем он успел разорить, сделала ему надрез. Он заревел как бык. — А теперь соси, — проинструктировала я. — Соси и сплевывай.

Он сидел с широко раскрытым ртом, изумленный моим внезапным движением и грубым приказом.

— Делай что тебе говорят! — добавила я. — Пока все твоё тело тоже не распухло и не почернело.

Это побудило его к лихорадочной деятельности. Стоя на коленях у меня в шатре, он заработал с неистовой скоростью, выпучив глаза.

В разгаре этой деятельности рука Дарака откинула полог шатра, и он заглянул внутрь. До этого он избегал меня, а сегодня с утра пораньше уехал на охоту; я не знала, что привело его сюда. С миг он в изумлении глядел во все глаза на ритмично покачивающегося, отсасывающего, сплевывающего разбойника передо мной, а затем рассмеялся.

— Ничего себе новый ритуал поклонения богине, — промолвил он и ушел прочь.

Разбойник исцелился, но лишь благодаря везению.

* * *

День спустя после этого мы вышли к самым высоким и самым бесплодным холмам, со смытой дождями и ветрами почвой, греющим на солнце голые бока, словно огромные черепахи.

Перед нами стояла группа высоких деревьев, изящных и тонких, какими могут быть некоторые женщины. Листва покоилась на их верхушках, словно черные клочья туч. К закату мы начали подыматься к этим деревьям по естественному лестничному маршу — широким террасам одного из холмов. По погуканиям, шуткам и иной манере всех окружающих я поняла, что мы теперь почти добрались до стана, но не могла определить, где же он мог быть. Уверенные копыта лошадей стучали под нами, словно ходики. Даже конь Дарака поутих, стал послушнее и надежнее, когда почуял свой дом. Красное небо над нами делалось пурпурным, и сквозь него проступали звезды. Одна упала, похоже за горами, на тамошние равнины, оставляя за собой след в виде золотого огня. Одна разбойница показала на нее, призывая нас посмотреть, но та уже исчезла. Я достаточно знала их древние верования — не только по их рассказам, но и по тому, как они говорили о многих вещах. Мужчины, которые не боялись Той, были вскормлены иным молоком, и боялись вместо этого сотрясающего землю змея или могилы убийц. В душах их таился страх, как бы хорошо они ни маскировали его бахвальством и опытом. Падающая звезда была наверное для разбойниц богом, отправившимся в гости из своего

небесного дома. Для других она была смертью воина, когда тот пал в бою.

Я уже немножко знала их. Меня связывало с ними своеобразное родство, выходящее за рамки того, что связывало меня с Дараком, хоть я и не принадлежала к ним, а их обычаи вызывали у меня отвращение. Даже он, тот, за кем я последовала сюда, был слеплен из их глины, а не из моей.

Небо расколол удар грома. Конь Дарака встал на дыбы и понес, сталкивая по нижним склонам осыпи камней. Жгучий сухой ветер обжег нас и пропал, но небо вдалеке позади внезапно ожило и заалело.

— *Маккатт!* — выкрикнул один из разбойников. Так они называли тот вулкан.

Мы повернулись в седлах на беспокойных лошадях и уставились на просвет в небе.

Один из ушедших с нами деревенских парней принялся вопить и плакать. Ближайший к нему разбойник ударил его, заставив умолкнуть.

Все произошло очень быстро. Небо сделалось красным, затем оранжевым, потом грязно-желтым, потом кровавым и снова погрузилось во тьму, оставив над самым горизонтом только свечение горящих деревьев. Звук дошел до нас с запозданием, глухо громыхая, и пропал.

Я посмотрела на Дарака: и его лицо сделалось суровым и замкнутым. Но я прочла в его глазах, что мысль о деревне преследует его, как и меня, неотступно.

Богиня покинула их, и следом за ней обрушился гнев горы.

Я вспомнила алтарь Зла, далекий и почти нереальный. И вспомнила голос внутри себя: «Ты проклята и унесешь проклятье с собой; и не будет тебе никакого счастья.»

* * *

Погрузившись теперь в молчание при все еще горящем позади нас красноватом светильнике, мы час спустя приблизились к деревьям.

Всадник рядом с Дараком дважды гортанно тявкнул, подражая горной лисице, потом еще пару раз и получил из леса ответ. Трое-четверо наших людей выскочили из тени и метнулись вверх. Я увидела блеск ножей, но это было чистой формальностью. Они, должно быть, заметили нас много часов назад.

Несколько мгновений ушло на переговоры, жесты в сторону Маккатта, а потом мы поехали дальше, через лес, среди высоких выпирающих из земли скал. Еще три остановки и обмен сигналами с дозорными — сложными птичьими криками и паролями — этими яркими игрушками взрослых, опасных и хорошо организованных людей.

Затем земля перед нами словно разверзлась. Я посмотрела на скалы и увидела прорезавшее горы длинное ущелье. Оно было примерно в четыре мили длиной и наверное в милю шириной, и над ним со всех сторон нависали уступы. По склонам кренились деревья, сосны и заносчивые лиственницы. Во впадине росла трава, и там располагались пастбища, где будут пастись бурые коровы и маленькие дикие овцы. На восточной стороне обрушивался, подымая тучу брызг, водопад, а также клубились облака дыма над блеском густых скоплений бивачных костров, окружавших кожаные шатры.

Спуск в черной ночи оказался трудным и коварным. Люди ругались, лошади спотыкались, а мелкие твари шмыгали прочь, поблескивая яркими глазами.

* * *

Все ближе и ближе пятно костра, запах пищи, скученности и замкнутости. Казалось, что теперь пути назад нет.

Дорога расширилась. Мы поехали по ровной земле.

Дарак спрыгнул с коня, и разбойники последовали его примеру. Подошли парни и забрали их лошадей в загоны у склона, но коня Дарака увели в какое-то иное место. Все вокруг дрожало в свете костров, неустойчивое и неопределенное.

Я по-прежнему сидела на муле, ожидая.

Дарак внезапно повернулся и подошел ко мне.

Я бросила взгляд на его лицо, но оно постоянно менялось в неверном свете. Я не могла уловить, что говорили мне его глаза или выражение лица.

— Тебе поставят шатер вон там, около водопада. Я пришлю девушку позаботиться о твоих надобностях — своего рода служанку, но она не будет особо распространяться об этом. Если тебе что-нибудь потребуется, дай мне знать. Ты вольна здесь делать все, что хочешь.

— Да ну? — мягко произнесла я.

Его узкие глаза сузились еще больше, пока не превратились в сверкающие щелки.

— Да.

Между нами повисло молчание, невзирая на шум вокруг. Затем он сказал:

— Меня ждет работа, нужно многое сделать. Сама понимаешь.

Он повернулся и пошел прочь. Из зарева перед ним появилась высокая стройная женщина с тучей черных волос. Когда они встретились, у него и у нее на руках сверкнули кольца. Он поцеловал ее прямо у меня на глазах. Казалось, не существовало никакой логической причины, почему бы ему этого не сделать.

Затем она увела его в шатер с нарисованными на нем голубыми глазами.

Я соскользнула с мула, и беспокойные взгляды разбойников метнулись в мою сторону, головы поворачивались, когда я шла мимо в темноту, в то время как позади всех нас продолжалось неощутимое горение в небе.

2

Итак, я могла делать все, что хочу.

Эта славная свобода, дарованная мне королем, обрушилась на мою душу, словно тяжкий груз. Он привез меня сюда — из собственного любопытства — и теперь, теряя интерес, вручил мне эту странную вольную, которая ничего не значила на самом деле, так как узнав об их крепости, я сделалась их пленницей во всех смыслах слова; но в то же время значила очень много, потому что, даровав ее, он отступился от меня. Чего же тогда я ожидала?

После этой ночи у меня снова пошли периоды забытья. Я лежала не двигаясь, как лежала прежде в деревенском храме, зачастую с открытыми глазами, в своеобразном трансе. Этим я напугала девицу, приносящую еду, угли и пресную воду. Она выбежала крича, что я окоченела, твердая и ледяная, как каменная глыба, и не дышу. Возможно, это было правдой, возможно, ей это померещилось, но после этого ни одна из женщин не заходила ко мне в шатер. Нельзя сказать, будто мне недоставало их общества или им моего. Они были расой диких сух, обособленной от других, как, полагаю, и все прочие породы женщин. Они дрались между собой за своих мужчин, но не

выезжали потом сражаться бок о бок с этими мужчинами. Одевались они в половине случаев так же, как мужчины, но стряпали, штопали и рожали детей так рьяно, словно у них не было никакого иного назначения, кроме как быть самкой и подчиненной. У них имелись свои тайны, и что-то во мне съезживалось от их блистательной глупости и оседлого очарования их жизни.

* * *

Явились сны. Сияющие залы, дворы с их сложными мозаиками плит и фонтанами, теперь опустевшие. В огромном зале — статуя из черного мрамора, блестящего, как стекло. Просто одетый мужчина с длинными волосами и короткой бородой. Здесь не было того преследовавшего меня лица, которое я позже встретила в Дараке. Это был другой незнакомец.

Где находилось это место, руины моего дома? Я должна его найти. А я сидела здесь, в разбойничьем шатре.

Во мне поднимался молчаливый гнев на себя. Кусок нефрита лежал, холодя мне кожу, но моя жизнь пребывала во тьме.

Так проходил день за днем.

Стан оказался в общем примерно таким, как я и представляла: усеянное коровами, овцами и козами пастбище, фруктовый сад — остатки какого-то старого хутора, ныне лежащего в руинах, в южном конце ущелья. От него же остались виноградные лозы и несколько грядок овощей. Это хозяйство было заботой женщин. Мужчины же охотились, когда не уезжали по другим делам, и привозили дымящиеся окровавленные туши с поникшими головами.

В ущелье жило много людей, и оно было рассадником склок и ссор. Отголоски их доходили и до меня — просьбы о любовных напитках и смертельных отравках, которые не удовлетворялись. Что же касается их больных, то когда они верили, что я могу им помочь, мне это, похоже, удавалось. В противном случае я была бессильна. Это заставляло меня бояться. Я была в их среде отверженной. В конце концов они набросятся на меня и разорвут на части, как стая собак разрывает на части хромую собаку, когда та падает. У меня уже появились враги — девица, у которой я отняла нефрит, разбойник, которого я пнула по генитали-

ям, а теперь и многие другие, рассерженные, что я не навела по их наветам порчу. Дарак не обращал на это внимания. Далеко от нас шла война — за горами, за равнинами, горным кольцом и широкой рекой, в регионах южной пустыни, великие древние города которой по-прежнему стояли словно монолиты. Земля эта была для разбойников чуть ли не другой планетой, но она снабжала добычей. На юг шел караван, набитый военным снаряжением, бронзой, железом и золотом. Дарак захватывал все это, а потом обменивал в розницу степным племенам, приобретавшим вооружение для собственных менее крупных сражений. Или, возможно, сам ехал на юг (он уже дважды проделывал это), и заявлялся в горные городки, выдавая себя за купца, чтобы продать там товары и доспехи.

О планах его я знала мало. Как подобало моему положению женщины, я ловила кое-какие сплетни. Ночью, когда он лежал в синем шатре, я подслушивала у костров; днем обрывки слухов долетали до меня, когда я проходила по ущелью из конца в конец и обратно.

Было одно возвышенное место неподалеку от начала водопада, куда я, бывало, забиралась и сидела там часами. Деревья здесь, напоенные водой мелких ручейков и каналов, вырастали толстыми и темно-зелеными. Остро и сладко пахло сосновой смолой и разными пробившимися сквозь почву цветами. Белые колокольчики росли среди валунов, а по мере приближения к ручью сменялись красными и голубыми. Некоторые цветы росли и в самой воде, похожие на тонкие лавандовые пузыри; они твердели и становились пурпурными на противоположной стороне, где стояли, прислонясь друг к другу, горки камней. От падающих брызг над этим местом подымались легкие пары воды. В дневную жару они освежали. Иногда я спала здесь, радуясь возможности сбежать из тюрьмы моего раскрашенного шатра к другой, более совершенной уединенности, так как сюда, похоже, никто не забредал. Ниже, где водопад образовал круглый бассейн, женщины приходили за водой или умыться. Я ясно видела их, маленьких, как куклы, и иногда до меня долетали обрывки слов, всегда приглушенных ревом воды. Еще ниже я могла разглядеть все ущелье, шатры, животных, людей Дарака, борющихся и стреляющих по мишеням, сдирающих с убитых животных шкуры на кожу. Со склона все выглядело достаточно невинным и домашним, возможно потому, что я больше

не была частью всего этого. Я видела Дарака, крошечного и хрупкого, как насекомое, идущего на конское пастбище и берущего своего вороного или его белого товарища и скачущего на них, кружа и прыгая, подымая их на дыбы, кувыркаясь и опускаясь на уверенные ноги. Дарак — бродяга и артист, бахвал, нуждавшийся в восхищении, как в еде, и все же, казалось, понимавший что к чему. Я видела его и ближе, когда он въезжал на конское пастбище со смеющимся лицом, по-мальчишески открытым, но когда он после выходил под аплодисменты и приветственные крики, это выражение исчезало.

* * *

Посреди ночи у моего шатра все вопила и вопила какая-то женщина.

Я поднялась, откинула полог. Две девицы, одна со смоляным факелом, который опалил мне глаза своим резким светом. Лица их были осунувшимися и несколько раздраженными. Третью женщину держал на руках рослый темнокожий мужчина, один из «капитанов» Дарака, как я давно догадывалась. В данный момент ее тело выгибалось дугой и напрягалось, а руки сжались в кулаки.

— Что случилось? — спросила я их.

Девушка без факела шагнула вперед, и я ясно разглядела ее лицо. Она смотрела не в глаза, а на мою шею, где, как она правильно угадала, висел отнятый мной у нее нефрит. Шуллат.

— Илка рождает ребенка от Дарака, и роды идут тяжело. Мы пришли, чтобы ты навела на нее чары и спасла ее ребенка.

Говорила она презрительным тоном и открыла рот, чтобы сказать еще что-то, но тут снова начались вопли.

Разбойник, державший ту, которую называли Илкой, свирепо рывкнул:

— Не дергайся, проклятая брыкливая кобыла.

— Принеси ее в шатер, — распорядилась я.

Он нагнулся под пологом и уложил все еще изгибавшуюся дугой и воющую девушку на мою постель из ковров.

Я посмотрела на нее: живот у нее был почти плоский.

— Рождает? — переспросила я. — Сколько она его вынашивала?

— Пять месяцев, — отрезала Шуллат.

Илка явно мучилась, почти теряла сознание, кроме тех случаев, когда схватки вызывались автоматически.

— Я скажу ей, — заговорила другая женщина, — у нее выкидыш, а не роды.

— Где Дарак? — спросила я.

— Уехал.

Не знаю, зачем я спросила. У меня было смутное ощущение, что некоторые из этих мук должны были обрушиться и на него, повинного в них. Но будь он в стане, его ждал бы шатер с нарисованными голубыми глазами или какой-нибудь другой.

Я склонилась над Илкой и не знала, чем я могу ей помочь. Глаза ее широко раскрылись от боли и страха, и я была еще одной тенью, вьющейся вокруг ее страданий, куда мне не было доступа. Она не испытывала никакой веры в ведьму.

— Разве у вас нет повитухи? — спросила я.

— Нет, — презрительно скривилась Шуллат.

— Я не могу помочь этой девушке.

Шуллат торжествовала.

— Не можешь ей помочь? Зачем же тогда Дарак привез тебя сюда есть наше мясо, пить наше питье и разгуливать где взбредет в голову по нашему дому?

Илка пронзительно закричала.

Я опустилась рядом с ней на колени. На землю стекала кровь. Я не знала, что делать. Положив руку на лоб девушки, я заглянула ей в глаза. Сперва не возникало никакого контакта, но затем, через некоторое время, между нами что-то шевельнулось. Мне удалось проникнуть в ее глаза, в ее рассудок и охладить разгоряченный болью мозг.

— Никакой боли больше нет, — прошептала я.

— Что? — вскинулась позади меня Шуллат, вытягивая шею поближе к нам,

Но лицо девушки расслаблялось, а ее тело, изогнувшееся в новом спазме, выпрямилось. Она улыбнулась.

Другая женщина воскликнула:

— Ты спасла ее!

Но это было не так; ни у нее, ни у меня не хватило веры для спасения. Я просто держала ее, неподвижную и спокойную, шепча о прекрасных вещах, и миром наполнялась душа ее до самых глубин. Через некоторое время глаза ее постепенно закрылись. Она сделалась деревянной и очень холодной.

Я встала. Мужчина уже ушел. Роды и их сложности были не по его части, и он не хотел иметь к ним никакого касательства. Обе девицы были все еще тут, но суетилась, истекая ядом, только Шуллат. Другая помалкивала в благоговейном ужасе перед этой тихой, безропотной смертью.

— Ты убила ее, — обвинила Шуллат.

Я стояла и смотрела на нее. Отвечать было ни к чему.

— Ты убила ее, — повторила она. — Ты навесила ей ведьмин сон, и у нее не осталось никакой воли к борьбе! Она не могла чувствовать, как рвется на волю ребенок — ребенок Дарака. Илку убила ты, и ребенка Дарака убила ты — зачем, ведьма? Что заставляет тебя так завидовать его подаркам?

В сумрак шатра проник Карраказ. Зло явится ко мне, и я приму его с радостью. То, что я сделала, помогая исходившей криком девушке, и считала благословением для нее в этой безнадежной муке — не было ли это всего лишь самообманом? Выжила ли бы она — предоставь я ей обороняться в одиночку? У меня, как инстинктивно догадывалась Шуллат, имелись свои мотивы.

Черноволосая девица из шатра с нарисованными голубыми глазами — как легко было бы избавиться от нее. Какой-нибудь напиток, какая-нибудь мазь, даже благовония. Мои познания в ядах и коварство томились в ожидании.

— Забери Илку, — велела я Шуллат и другой девице, — я сделала для нее все, что в моих силах, но ваша богиня родов не хотела появления еще одного ребенка в разбойничьем стане. Когда вернется Дарак, сообщите ему. Если у вас есть жалобы на меня, я отвечу на них ему, а не вам. Здесь он вождь, а вы — ничто.

Этот психологический прием сработал достаточно хорошо. Мысль о Мужчине, Вожде, и ей самой, женщине, которая была никем-ничем-и-звать-никак, заставила ее присмиреть. Она нахмурилась. Ее темные глаза моргнули в пылании факела. Другая направилась к выходу и кого-то позвала. Вошла еще одна женщина, постарше, с безучастным лицом.

Эта троица общими усилиями подняла тело Илки. Теперь оно ничего не стоило, и ни один мужчина не понес бы его.

Кровь впиталась в ковры. Я подняла их, выкинула наружу и увидела при слабом свете луны женщин, шмыгавших между шатрами, словно маленькие крысы в тенях. Шепотки: «Илка умерла!». Шуллат объяснит, что ее убила ведьма.

Значит, это время пришло.

Дарак не возвращался три дня. Я не знала, где он был, но догадывалась, что ниже в горах, поближе к проезжим дорогам, где размещаются главные посты его королевства, и наверное его ждало там дело.

В эти дни ко мне никто не приближался. Никакой еды, питья или угля для тепла — но меня это не особенно волновало. Когда я спустилась к круглому водоему за водой, группа женщин там попятилась и уставилась на меня, враждебная, но побаивающаяся. Им не терпелось забросать меня камнями и избить голыми руками. Скоро они наберутся смелости сделать это.

На третий день явился один разбойник и сказал, что собирается переместить мой шатер повыше, подальше от других. Выглядел он слегка смущенным, так как этот визит был работой женщин, и ему неловко было находиться под их влиянием. Тем не менее, мужчины вовсе не симпатизировали мне. Их радовало, что нарыв наконец прорвался, и я буду убрана с дороги.

Три разбойника переместили мой шатер и установили его за лошадиным загоном на возвышенной голой скале. Отсюда остальные жилища казались ночью роем маленьких, ярких и беспокойных светляков.

Вскоре я покинула шатер и отправилась жить в то найденное мной цветочное место, куда, похоже, не забредал никто из них, и где воды имелось в избытке. Я нашла здесь и ягоды за ручьями меж камней, прислоненных друг к другу, и пригоршнями жевала горьковатую траву — и мне этого хватало.

Казалось, мне будет легко сбежать от них. Я могла уйти ночью, вверх по крутой дороге, которая была единственным известным мне безопасным путем из ущелья. Часовых наверняка я сумею миновать; я теперь достаточно натренировалась ходить бесшумно. Но должен был вернуться Дарак, а с ним — мое испытание, поэтому мысль о бегстве больше не тревожила меня.

* * *

И я увидела, как он вернулся. Одной неумытой зарей, когда в небе еще ярко горели звезды, в стан въехала группа людей, но не с дороги, а из какого-то прохода в стене

ущелья на южном конце. Всадники миновали развалины хутора, сады и находились примерно в миле от шатров, когда из них высыпали мужчины и женщины и побежали навстречу через пастбище.

Дарак остановился. Он слушал, что они говорят. Мне показалось, что он смеется. Затем он поехал дальше, и они разбежались прочь. В стан он въехал очень быстро, и я могла определить, что он рассержен — маленький черный муравей на черном муравье-лошаденке. Рассержен, конечно, на меня. Рассержен, что такие пустяки мешают его планам.

Потом было новое совещание. Он ел, сидя перед собственным большим шатром, и женщины приносили ему еду и пиво в круглых глиняных кувшинах — заодно с жалобами на меня. Истерия совершенно не соответствовала масштабам события, но у них в природе заложено набрасываться на непохожих. Все должны быть овцами.

Наконец он встал и дал какому-то разбойнику пощечину. Этот, должно быть, оскорбил самого Дарака. Когда обидчик рухнул на землю, Дарак повернулся и направился к моему одиноко стоящему на скале шатру. Я едва сдержала смех, наблюдая, как он вошел, а затем снова появился и свирепо замахал руками, и его люди разбежались по ущелью во всех направлениях искать меня. Но сердце мое начало гулко стучать потому, что он направился к водопаду и стал взбираться по скалистому склону, словно чувствовал, где я должна быть.

Я следила за его подъемом: сперва такой далекий от меня, он становился все более и более близким, все более реальным и угрожающим. Внизу у водосема он остановился, посмотрел по сторонам, потом вверх. Меня он не увидел. Нахмурился и снова продолжил восхождение.

Я присела у прислоненных друг к другу камней и положила на них ладонь, так как нарастала жестокая дневная жара, а они были все еще прохладными, твердыми и надежными. Я задрожала, у меня екнуло сердце, и я жалела, что не страх был тому причиной.

Я слышала его шаги по камням, по воде. Дважды он останавливался, а потом опять двигался дальше.

Затем он свернул с тропы и вырос передо мной на фоне густеющего на восходе неба. На этом светлом фоне он выглядел темным, но я вполне различала его лицо.

Он посмотрел на меня и хрипло произнес:

— Ну конечно. Где ж ты еще могла быть?

Он шел вдоль края мелких ручьев, но не пересекал их.

— Здесь ты находишь покой, не так ли? — сказал он.

В его голосе и выражении лица было нечто, от чего что-то во мне съежилось. Я ничего не сказала. Казалось, я тонула в его присутствии, но тут уж было ничего не поделать.

— Они говорят, — он ткнул большим пальцем в сторону ущелья, — что ты убила какую-то девчонку потому, что та носила от меня ребенка. Вызвала снадобьем выкидыш, а потом опоила ее и дала ей умереть.

Говорить, казалось, не было смысла, но он явно ждал ответа.

— Нет, — ответила я.

— Нет, — повторил он. — Конечно же «нет». Зачем тебе это делать? Шуллаат говорит о тебе так, словно ты женщина, с женскими чувствами и злобой, но ты холодна как речная глина. Возможно, в тебе есть порочность, но не такая заурядная, как ревность. Кроме того, богиня, боги принимают только необходимое. Если им нужно, они берут не спрашивая.

Я почувствовала потребность ухватиться за эту фразу, циничную и все же куда более глубокую, чем тот смысл, который он в нее вкладывал. Но на это не нашлось времени.

— Сам толком не понимаю, зачем я привез тебя сюда. Заболеют овцы и коровы — и это припишут тебе. Они не будут довольны, пока ты не исчезнешь.

— Тогда я уйду, — сказала я.

— О нет, это не так-то просто, богиня. Ты знаешь, где наша крепость. Когда я говорю «исчезнешь», то имею в виду исчезнешь с глаз людских под землей со стрелой в сердце или со сломанной шеей. Впрочем, — добавил он, — если я отрежу тебе язык и пальцы...

— Нет! — выкрикнул визгливый голос. — Убей ее! Твои люди тоже желают ее смерти, Дарак.

Позади Дарака возник женский силуэт, говоривший голосом Шуллаат.

Дарак полуобернулся.

— Кто тебя просил следовать за мной, Шуллаат? Только не я.

— Я знала, что она будет здесь — вместе с Камнями — и знала, что ты не сделаешь того, о чем мы просили — убить и сжечь ее, и избавить нас от ее грязного проклятья.

Я встала, и кровь заиграла у меня в жилах. Меня должны умертвить и сжечь, потому что так потребовала эта сука. Я шагнула через ручей, и она внезапно бросилась на меня с ножом в руке. На этот раз настала ее черед проявить проворство. Лезвие рассекло мне плечо, и кровь быстро окрасила воду, словно вино, превращая лавандовые цветы в пурпурные, а розовые — в алые. Я схватила ее руками за горло, упершись коленом ей в бок: Дура, она могла бы оттолкнуть меня тысячью разных способов, но она снова пырнула меня ножом в руку, и под воздействием боли я толкнула ее тело в одну сторону, а голову — в другую, переломив ей шею.

Все произошло слишком быстро, чтобы подумать: «*А дарую-то я Смерть!*» Импульс шел из глубины моего «Я», безудержный и неодолимый.

Она лежала в цветах, и моя кровь капала ей на лицо.

— Ты никогда не дерешься как женщина, — услышала я слова Дарака. — Ей бы лучше помнить об этом.

Я почувствовала тошноту, но сказала:

— Она выше меня ростом и весит больше, но огонь — великий уравниватель. Унеси ее тело немного подальше вниз, а потом сожги его. Покажи им, что осталось, а я пойду своей дорогой. Не бойся, что я выдам это место. Сделав это, я ничего не выгадаю.

— Ты, — только и произнес он.

Его рука легла мне на плечо. Он развернул меня лицом к себе, и его глаза заглянули в мои сквозь прорези шайрина.

— Я не вижу тебя, — сказал он. — Что ты ощущаешь теперь, когда ты убила? Ничего?

Его рука соскользнула с моего плеча на левую мою грудь, и сердце под ней екнуло, готовое выпрыгнуть и лечь ему на ладонь. Затем его рука съехала прочь. Лицо его сделалось напряженным и сосредоточенным.

— Послушай меня, — сказал он. — Я отнесу ее вниз к водопаду. Неподалеку оттуда есть место, которое мы используем для этого. Я сожгу ее. И покажу им. Но ты останешься здесь. Если они поймают тебя на дороге, то накинутся на тебя как стая волков. Не беспокойся — сюда они не придут за тобой.

Он показал на прислоненные друг к другу камни за ручьем.

— Это место, — небрежно сообщил он, — алтарь для жертвоприношений, древний, как само ущелье. Поговари-

вают, что какой-то там черный бог все еще обитает здесь, но это сказки для малых детей. Твое счастье, что ты выбрала это место. Или, возможно, слышала из разговоров.

— Значит, я жду здесь. Что потом?

— Сегодня ночью мы поедем на юг. Ты отправишься с нами.

— И ты отпустишь меня на волю, когда мы удалимся отсюда?

Он поднял с земли Шуллат. Ее вывернутая голова покачивалась у него за плечом. Он усмехнулся мне суровой и белоснежной от показавшихся зубов усмешкой.

— Нет. Я не отпущу тебя на волю, богиня — женщина, дерущаяся как мужчина.

Он повернулся, спустился по тропе и исчез.

* * *

Я ждала. День сделался красным как кровь, или таким он казался мне, когда я лежала в цветах у ручьев: алые колокольчики, покачиваясь, задевали мне веки. Я теперь боялась, сознавая, что я убила и меня это мало тронуло. Я чувствовала себя виноватой в в отсутствии чувства вины. Карраказ и зло уже пришли ко мне. Я подумала: *«Пробеги между шатров, и тебя убьют, и покончи со всем этим»*. Облака надо мной приняли форму Ножа Легкой Смерти.

Но я была жива, пока ждала его.

Я даже не уловила запаха дыма, и не слышала, как они приходили посмотреть сожженную, хотя они приходили. Приходили.

Он коснулся моего плеча, и я вздрогнула как от ожога. Это сон, подумала я, но он смотрел на меня странным взглядом. Не заметил ли Дарак моего недвижимого и бездыханного оцепенения? Было прохладно и сумеречно.

— Вставай, — предложил он. — И надень вот это.

Около меня лежала на траве куча одежды — мужской, но достаточно маленькой, чтобы подойти мне.

Я повернулась спиной, чтобы раздеться, ибо надо было нагой предстать перед ним.

— Где ты нашел эти вещи?

— У одного мальчика, — ответил он.

Сапоги натирали мне икры, кожаный пояс так и врезался в талию. У этого мальчика, должно быть, были маленькие стопы и вдобавок девичья талия — дырочки на

поясе тянулись по всему ремню. Наверное, Дарак и раньше позволял женщинам ездить с ним. И все же никаких сомнений не возникало насчет того, что одежда эта мужская — особые ножны с грузом колючих ножей, паховый щиток под краем туники.

— Подверни-ка на минутку рубашку, — внезапно попросил он. — Я принес мазь для порезов, оставленных тебе Шуллат.

— Не нужно, — отказалась я.

Раздраженный моей неуместной, по его мнению, скромностью, он подошел и грубо оттянул рубашку с плеча, предплечья и груди. Уже темнело, я не могла разглядеть его лица. Но услышала, как он резко втянул в себя воздух. И прикоснулся к бледно-лиловым шрамам нервными пальцами, словно моя кожа была слишком горячей и могла обжечь его.

— Быстро ты исцеляешься, — заметил он.

Его пальцы прикоснулись к нефриту.

— Когда будешь готова, — сказал он, — спустимся вниз.

— Подожди, — остановила его я. — Сколько человек отправится с тобой? Если они увидят меня, то сразу узнают.

— Большинство из них прибыло из другого места. А те, что из ущелья, равнодушны и к тебе, и к твоим чарам. Травлю затеяли женщины и получили свою жертву. Они подумают, что со мной отправилась Шуллат.

Он повернулся, и я последовала за ним через ледяную воду, меж цветов и дальше до незнакомого мне поворота, уходящего, петляя, в скалу, туда, где, казалось, не было никакого прохода.

Темнота и струящаяся по камню вода, а потом звездный свет, поросшие вереском склоны, топот и ржание лошадей, и поджидающие разбойники.

Дарак повернул меня направо. Какой-то разбойник подвел вороного конька, на которого я теперь, не стесненная юбкой, могла сесть и поехать как полагается. Дарак вскочил в седло и уже съезжал по склону. Я пристроилась к другим, чувствуя себя такой же безликой, как они. Откинув с головы капюшон плаща, я дала прохладному ветру развеять мои волосы. Теперь не имело значения, видят они меня или нет.

Я плыла по течению. Оно несло меня. Необходимость думать и решать, казалось, отпала.

Сквозь смутные очертания тел я увидела Дарак и не сводила с него глаз. Теперь я была в его руках, и какие бы ни ждали меня унижения, несчастья или удовольствия, они должны исходить от него. В то время мне этого было достаточно.

4

Мы ехали сквозь безлунную ночь, пробираясь в темноте от одного поста к другому. Когда небо стало бледнеть, начали раздаваться первые звериные и птичьи крики, и часовые пропускали нас дальше. Проезжая теперь по невысоким горам, я различила на западе большие лесные просторы. За последними горами горизонт был чист: ничего, кроме неба. Плоское пространство. Равнина?

Мы направились к ближнему лесу. К рассвету мы уже были в новом стане. Через него протекала, плеща на серых камнях, небольшая речушка. В напоенном влагой воздухе — знакомые запахи дыма, пищи, животных, кожаных шатров и человека.

Меня удивляло, что Дарак привел так мало людей из стана в ущелье. Теперь я начала понимать, что этот заповедник тоже его, и вероятно, имелись и другие. Пока он пребывал в разъездах, порядок среди обывателей станов поддерживали его «капитаны». Странно, что Дарак полагался на их преданность, но наверное у него имелись для этого веские причины, или же он принял меры предосторожности против любого мятежа. Среди них, кажется, никогда не возникало никаких сомнений в руководстве и никаких разногласий.

Всадники вокруг меня рассеялись, и первым исчез Дарак. Он вызволил меня из опасности, но сделав это, снова забросил. Теперь появятся новые опасности, но это, казалось, не имело большого значения. Я спешила и оставила коня пастись, радуясь возможности размять затекшие от езды ноги. В разбойничьей одежде я чувствовала себя легко и непринужденно, она меня не стесняла. Ноги мои были свободны, несмотря на жмущие сапоги; броская коричнево-желтая шелковая рубашка со слегка истрепанным золотым шитьем и кисточками, приталенная туника, бывшая не более чем кожаной накидкой, оставлявшей ноги свободными, и все остальные детали и украшения казались свежими и яркими после темно-красных и черных

тонов, к которым меня обязывали культовые потребности людей. А теперь стесненность создавала только маска, шайрин, но тут уж ничего нельзя было поделать.

Я пошла по берегу речки, чтобы быть подальше от шатров, и вышла к большим влажным камням, покрытым зеленой шубой мха. Я остановилась, прислушиваясь к журчанию воды, когда в нескольких ярдах позади меня раздался пронзительный свист.

— Имма! — окликнул кто-то. Среди разбойников это было оскорбительное прозвище, означавшее «пигалица».

Я обернулась. За мной следовало трое-четверо человек, ступая бесшумно, как кошки. Они странно усмехались. Грозные, но без недоброжелательства.

— Так кто же ты? — спросил самый рослый черный мужчина с вышитыми на полах туники, несомненно чьей-то преданной женской рукой, змеями.

— Глир говорит, что ты мальчик, а Маггур говорит, что ты девушка, — вставил другой, с золотыми серьгами в ушах.

— А я думаю, в тебе есть малость от обоих, — добавил третий, самый маленький.

Четвертый — теперь я разглядела, что их четверо — праздно ковырял в зубах, прислонясь к одному из больших камней и предоставляя острить своим друзьям.

Ситуация казалась тревожной. Возможно, они захотят выяснить истину собственноручно; при всех улыбках на темных лицах — глаза их были холодными. Они тоже не любили странностей в своей среде.

Я знала, кого они уважали, и поэтому сказала:

— Кто ни есть — я здесь с Дараком.

Их лица слегка изменились, сделались менее дружескими, но и менее грозными.

Затем красивый черный великан медленно повернулся на оси своих ножиц и шутливо отвесил затрещину молчаливому.

— Нет, Глир, ты неправ. Голос девичий. И груди тоже девичьи. Кроме того, Дарак никогда не тяготел к мальчикам.

Разбойник с золотыми серьгами провел ладонью вверх-вниз перед лицом.

— Зачем это?

Он имел в виду шайрин степных племен, который я носила.

— Я — женщина степного племени, — соврала я. — Свое лицо я могу показывать только своему повелителю. А не то умру.

Я слышала, что носительницам шайрина внушали это, дабы помочь им сохранять скромность.

Черный — Магтур — сочувственно поцокал языком и присел на валун. Другие присоединились к нему, за исключением Глира, который бесшумно слинял. Я не понимала их интереса, но между нами, казалось, возникло что-то общее, и я не удалилась.

— Скажи нам, девочка, Дарак не шепнул тебе ночью на ушко о своих планах?

— Нет.

— Очень жаль.

Их плечи дернулись, но они остались сидеть. Это было странно, очень странно. Я пристально посмотрела на них, и они, казалось, чего-то ждали — какого-то исходящего от меня сигнала. Я медленно смерила из взглядом: рослого; того, что с золотыми серьгами; маленького, живого и подвижного на вид. Мускулы у них на руках и ногах так и играли. Их взгляды устремились куда угодно — только не на меня, и я внезапно поняла, что это я завлекла их сюда и я держала их здесь, хоть и не ведала зачем.

— Ну? — произнесла я.

Из взгляды вернулись ко мне: три пса, ждущие команды. Я увидела висевший на плече у златосережного лук.

— Насколько далеко ты можешь выстрелить? — спросила я.

Он снял лук, вставил в тетиву стрелу и выбрал молодое деревце подальше на берегу, вниз по течению. Стрела рванулась, полетела и попала в цель. Его звали Гилт, а другого Кел.

Это превратилось в состязание, Кел сбегал и нашел деревянную мишень, и они поиграли с ней, стреляя хорошо или посредственно, а иногда и вообще промахиваясь, и ругались. Одну стрелу подхватило ветром и унесло в гущу папоротника на другом берегу.

— Пусть себе пропадает, — махнул на нее рукой Гилт.

Это меня удивило. Стрелы никогда не выпускались просто так на волю, и их не оставляли валяться.

Они выглядели встревоженными. Я перешла через речку, ступая по омываемым течением валунам, и выдернула стрелу. Сквозь дыры в зеленых перьях папоротника я уви-

дела небольшую горку прислоненных друг к другу камней. Я повернулась обратно и уставилась на троицу. Они смотрели на меня, побледнев, слегка остекленевшими глазами.

Еще одно злое место, к которому меня потянуло, чтобы получить здесь то, чего хотела, сама не зная о том — королевских телохранителей принцессы знатного рода. Я задрожала. Переломив обеими руками стрелу, я бросила ее в воду, где течение медленно унесло ее прочь.

Я перешла реку и пошла к шатрам. Они тронулись за мной. Кел — бегом, так как он задержался, чтобы снять с дерева мишень.

Бивачные костры уже горели. Шипело поджаривающееся мясо, готовилась уже знакомая мне каша из орехов и меда. Я остановилась и зачерпнула чашей немного коричневого варева, и мужчина, свежавший шкуру, живо повернулся ко мне, прервав свое занятие:

— Эй ты, убери лапы...

Большой кулак Маггура метнулся вперед, словно черный питон. Удар был легким, но разбойник упал и лежал, постанывая.

Я съела кашу стоя, а Маггур, Гилт и Кел стояли вокруг меня, чувствуя себя вполне непринужденно после такого поворота дела, болтая между собой и не устаивая вниманием жертву.

Подошла женщина, склонилась над своим мужчиной и со страхом посмотрела на Маггура.

Теперь я буду в безопасности, и мне ничего больше не нужно. В животе у меня начались боли.

* * *

Именно маленький Кел назвал меня первым Иммой. Теперь они все называли меня так, но звучало это по-новому. Как уступка с моей стороны — и они это знали. Я была их госпожой. Они будут защищать меня даже от самого Дарака, хотя они ни за что не признались бы в этом. А так они шествовали за мной, а я старалась по возможности никогда не выводить их из себя. Если другие разбойники спрашивали их, чего ради они выются вокруг меня, словно пчелы вокруг горшка с медом, они отвечали, что я — женщина Дарака и вдобавок нечто особенное, целительница и проицательница, в чьих жилах течет священная кровь — сам вождь велел им ох-

ранять меня. У них были свои девушки, что правда то правда, ревнивые и любопытные, но Маггур позаботился о том, чтобы с их стороны не поступало никаких оскорблений или неприятностей. Что же касается Дарака, то в течение пяти дней нашего пребывания в лесном стане он был занят со своими капитанами в большом черном шатре, и я ни разу не видела его. Однако пришел клочок бумаги с его каракулями. Я слегка удивилась, что он умеет писать, но слова были корявыми и написаны с ошибками. Записка гласила: *«Богиня взяла не спрашивая»*. Я почувствовала, что между нами возникло понимание, или скорее, что он понимал меня больше, чем я сама. Я все еще боялась того, что сделала.

Но те дни были насыщенными — впервые с тех пор, как я вышла из недр горы. Ибо я обрела свою стражу и заставила их обучить меня кое-чему из их искусства в обращении с ножами и луками. Устраивались скачки на диких бурых лошадях, которых они ловили в лесу, а потом отпускали — после примерно часа чреватой синяками забавы. Это было хорошее время. Я могла выкинуть из головы все сомнения и тревоги и думать только о движениях моих рук и ног и о том, достаточно ли далеко мог рассчитывать мой глаз. Все трое были очень довольны мной и горды. Если уж они и находились во власти женщины — а так оно и было, хотя признаваться в этом даже самим себе они не рисковали — то пусть это будет женщина, способная драться, прыгать и бегать ничуть не хуже их.

Училась я быстро, усваивала четко и хорошо. Умение дремало во мне, в моих снах и воспоминаниях. Среди мраморных дворов, где теперь грелись на солнце ящерицы, мужчины и женщины не были отдельными кланами, как в ныне окружающем меня мире. Хотя я была намного меньше и тоньше, чем даже низкорослый Кел, длинным железным ножом я все ж умела махать не хуже Маггура, и все, что он мог сломать, я могла согнуть. И я держалась на диких лошадях намного дольше Маггура, которого они сбрасывали быстрее, несмотря на его солидный вес. Я была тогда Дараком, и толпа собиралась, приветствуя меня криками, а Маггур потом, усмехаясь, шел рядом со мной, а Кел распевал песню.

Как странно: они называли меня Иммой ради своего душевного спокойствия и того же спокойствия ради мнил меня принцем и мужчиной.

А затем пришла ночь пятого дня, и я лежала в своем собственном шатре — куске шкуры, сооруженной для меня Маггуром — и слышала снаружи сердитое криканье и бранные крики. Откинув полог шатра, я увидела в звездном свете прожигающих друг друга взглядами Маггура и Дарака. До этой минуты я и не подозревала, что Маггур, Кел и Гилт поочередно охраняют мой сон.

— Богиня, прикажи этому олуху убраться с моей дороги, пока я не выпотрошил его как рыбу, — прорычал Дарак.

Маггур, казалось, опомнился. Он посторонился и что-то пробурчал.

— Маггур подумал, что ты — тот, кто приходил раньше и пытался отнять у него его женщину, — соврала я, и ложь вызвала ощущение сладости на языке, ибо я увидела, насколько моим стал Маггур, а это означало безопасность при всех моих сомнениях.

Дарак выругался и широким шагом прошел мимо разбойника, мимо меня, ко мне в шатер.

Я кивнула Магтуру и тоже вошла, дав пологу упасть на место.

Для меня под этой шкурой места хватало, но для Дарака оказалось маловато. Он скорчился, и когда я села лицом к нему, сказал:

— Когда я был так близко в последний раз, ты огрела меня камнем.

Мое сердце, всегда вскакивающее как собачонка, когда он бывал рядом со мной, забилося сильнее. Я вспомнила его лежащим в пепле, с закрытыми глазами и беззащитным лицом и как я убежала от него.

— Завтра, — сказал он, глядя мне в глаза, — мы поедем к Речной дороге. По этому пути последует караван в Анкурум.

— Анкурум? — переспросила я. Название казалось одновременно и чужим и знакомым.

— По ту сторону Степей, в низине Горного Кольца, большой торговый центр, один из многих, где древние города за Горами и Водой покупают военное снаряжение. Не буду тебе всего рассказывать, но караван этот — мой. Или будет моим. Ты поедешь с нами.

— Почему? Я думала, женщины остаются дома.

— Женщины. Не забывай, ты — богиня. Я слышал, чему тебя нынче научил чернокожий. Остальному тебя научу я.

Глаза его сверкали в темноте шатра. Маленькая жаровня, где дымились угли, почти не давала света, и все же я, казалось, очень ясно его видела. Наши взгляды встретились и растворились — один в другом. Прохладная ночь обжигала. Гудение насекомых в траве казалось шумным и пронзительным в огненно-хрустальной тишине.

— Вот и все, — сказал Дарак тихим и слегка невнятным голосом. Он не шевельнулся.

Я подумала о дне, когда он явился в храм и сшиб ширму, дне, когда я отняла у Шуллат нефрит. Подумала о ночи среди сгоревших лесов у озера, о первой ночи в ущелье, когда он ушел к высокой девице с тучей волос. Подумала о заре у ручьев, когда он сказал:

— Кроме того, богиня, боги принимают только необходимое. Если им нужно, они берут не спрашивая.

И я чувствовала, что именно он хотел сказать, но была не в состоянии понять это умом. Не оттягивали ли мы с самого начала неизбежное — бессмысленно и ненужно?

— Нет, Дарак, — сказала я, — это не все.

Его зубы сверкнули, но не в улыбке, а руки очень сильно схватили меня за плечи, сгребая в кулаки золотистую рубашку и разрывая ее, и срывая с меня. Он привлек меня к себе и припал ртом к моей груди, но я напонила ему:

— У тебя есть для меня новая одежда, Дарак, если ты порвешь всю эту?

— Да, — пробормотал он. Он бегло коснулся маски. — Я оставляю тебе это, но больше ничего.

Он стянул с меня сапоги, тунику, пояс, все. Пряжка ремня звякнула о жаровню. Вслед за тем исчезла и его одежда с куда большим шумом. Я думала, что Магтур может в гневе ворваться в шатер, но вскоре все стихло, кроме насекомых и звуков нашего собственного дыхания.

Он был нетерпелив, но я заставила его немного подождать. Мне хотелось потрогать его тело — поджаро-мускулистое, как у льва, бронзовое и золотистое, с невероятно гладкой кожей за исключением тех мест, где бои оставили шрамы. Любовь к этому телу, которая делала меня прежде такой слабой во всем, теперь напрягла каждую мою клетку. Мои пальцы пробежались, слегка касаясь, и обхватили его обжигающий фаллос, и он повалил меня на спину руками более жестокими и уверенными, чем мои.

А затем дыхание с шипением вышло из него. Его прижатое к моему тело стало холоднее. Я держала его крепко.

— Нет, — заявила я. — Ты ожидал, что ваши богини будут скроены, как и прочие женщины?

По его телу прошла своего рода судорога, и, сдерживая смех, он выдохнул.

— По крайней мере у тебя есть то, что нужно для этого. И больше мы ни о чем не говорили.

* * *

Насекомые продолжали жужжать в темноте, словно никогда и не переставали, хотя мы на время забыли о них и всем прочем, кроме себя.

— Кто ты? — внезапно спросил он.

Он лежал на мне, зарывшись в мои волосы.

— У меня не больше причин знать, чем у тебя, Дарак.

Не слушая меня, он продолжал:

— Женщина, но не женщина. И все же больше женщина, чем любая другая порода. И все же женщина, отличная от женщин. Богиня — да, наверное, я поверил в это. И потом, уезжая с Маккатта, я видел ночью красное облако над горой, и пришел к тебе в шатер спросить, знала ли ты — и увидел, как Крилл сплевывает змеиный яд, в то время как ты сидела — такая строгая и застывшая. И не была богиней. А потом Маккатт снова разверзся и прикончил их. Но ты... — он умолк. Теперь стало так темно, я чувствовала, что он поднялся и нагнулся надо мной, но не видела этого. Он коснулся моих бедер, живота, груди.

— Ты никогда раньше этого не делала, и откуда я знаю это — сплошная тайна, потому что не было ничего, что мужчине требуется прорывать. Девственница, и все же сведущая. Кто ты? — Его рука скользнула по горлу, по волосам, чтобы приоткрыть маску.

— Нет, — воспротивилась я — Дарак, ты снял все прочее, но сказал, что оставишь мне это.

Его руки покинули меня, а тело поднялось. Он встал, насколько позволял низкий шатер, и оделся.

— Дарак, — окликнула я, но он мне не ответил.

Он ушел во тьму, и будто не было никогда этого — первого раза.

Я почувствовала во сне близость ко мне Карраказа и усиленно старалась проснуться, но не могла. Сквозь

овальную дверь я смотрела на мерцающий свет в каменной чаше алтаря, и он притягивал меня, поглощал меня — спасти могла только зеленая прохлада, а я не знала, где она. Мои руки поднялись к разбойничьему нефриту у меня на шее, но во сне он был черным, тусклым и бесполезным, как железо.

Огромная ручища легла мне на плечо и вытряхнула из этого кошмара.

— Маггур, — прошептала я.

— Почти заря, — сказал он. — Люди Дарака скоро выезжают к Речной дороге.

Моя нагота его, похоже, не смущала. Он держал ткань из переливающегося материала — зелено-пурпурно-красного цвета.

— Я приходил раньше, — объяснил он, — после того, как он ушел. — Он усмехнулся, показывая на порванную рубашку. — Достал новую — у женщины, Иммы, вроде тебя.

Дарак не пришел за мной. Ожидал ли он, что я восстану сама или захотел оставить меня в прошлом? Я оделась, а Маггур разобрал и свернул шатер. Снаружи нас ждали поблизости Кел и Гилт с лошаденками и моим вороным коньком, со всеми седельными сумками, упакованными и готовыми. Похоже, они устроили так, что я поеду в шайке Дарака со своей собственной свитой.

Я поехала впереди, Маггур на шаг сзади меня, а двое других за ним.

Вскоре я услышала, как бренчат доспехи других. Поляна, блестящая от росы, небольшая радость при первом намеке на день. Несколько голов обернулись посмотреть на нас.

— Женщина Дарака и ее мужчины, — сказали они.

Маггур усмехнулся.

Дарак оторвался от того, чем он там занимался, и кивнул мне. Вот и все. Подошел один разбойник и вручил мне длинный нож, который я заткнула за пояс. С лошадей других снимали колокольчики и бренчащие медальоны. Кел позаботился о наших, а Маггур упрятал их в одну из седельных сумок.

Я чуяла зарю.

Дарак вскочил на своего коня, поднял руку, и молчание стало еще более глубоким.

— А теперь слушайте. В полдень мы доберемся до брода. Караван пройдет через час-три после, в зависимости от

быстроты их продвижения. Сигнал к нападению на него — волчий вой. До него — не шевелитесь, после него — пошевеливайтесь. Помните, другие по ту сторону брода. Гоните беглецов к ним. Убейте всех, начиная с охраны, но чтоб ни царапины на лошадях.

Он повернул коня и поехал в лес.

Мы последовали на ним.

Тогда казалось, нет ничего предосудительного в том, что мы сознательно едем убивать людей. Разбойники давно ожесточились и не думали об этом, а я презирала человеческую жизнь. И меня к тому же одолевали боль и гнев.

Взошло солнце, раскрасив листья едко-зеленым цветом. Мы все время ехали вниз по склону, лес местами редел, оставляя нижние склоны обозримыми, хотя на более ровной местности видимость ухудшалась. Река, казалось, двигалась вместе с нами, иногда полыхая отраженным светом солнца, и всегда слышимая нами.

Мы добрались до брода, переправившись через реку незадолго до полудня.

Река перед нами изгибалась словно лук, сужаясь слева до точки. Сквозь завесу листвы и густого папоротника я разглядела широкий тракт — маршрут пути караванов, который вел к великой Южной дороге. Тракт обрывался на противоположном берегу и продолжался на этом берегу. В промежутке на мелководе торчали колья, показывавшие почерневшими делениями, насколько высоко стоит в реке вода. Брод достигал примерно двадцати футов в поперечнике.

Из обрывков разговоров в лесном стане я поняла, что это новое место нападения. Купцы привыкли сталкиваться с неприятелями дальше, там где тракт пересекался с Южной Дорогой. Здесь же они будут довольно спокойны, а внезапность — великая вещь. Но охранники у них были сильные и злобные — уж это мне Маггур сообщил.

— Те еще, — сказал Маггур, — в северных селах их с детства натаскивают. К пятнадцати годам мужчина там может похвалиться сорока шрамами на теле. Учат их воровать с уличных лотков, и лупят, когда они попадают. Взращивают их на жестокости как злого пса, и они вырастают подобными злым собакам. Кусаться они умеют, так

что остерегайся их зубов — тех, что у них за поясом. И при любом ударе старайся бить наповал. Боль только делает их бешеными, настолько они привыкли к ней — она, можно сказать, вдохновляет их.

Мы устроились ждать. Пошли по кругу хлеб, соленое мясо и пиво в кожаных баклагах, но люди Дарака не издавали почти ни звука. Даже отошедшие помочиться двигались крадучись, словно змеи. Я начала понимать, почему большую их часть набрали из лесного стана, где разбойники учились лесным повадкам просто по ходу повседневной жизни, охотясь на оленей и дичь.

Стало очень жарко. Солнечный свет вскипятил на ветвях свои зеленые пузыри, а от палой листвы под ногами подымался голубоватый туман. Река казалась водопадом из отшлифованных опалов.

Внезапно заклекотал лесной ястреб. Я взглянула на Маггура. Тот кивнул. Это был сигнал, и они приближались, жирные глупые купцы и их ужасная конная охрана.

* * *

Шорох, треск ломаемых папоротников, топот копыт, видать, больших лошадей, колеса фургонов, катящих сквозь подлесок.

Появились первые два всадника. Охрана. Я почувствовала, как Маггур чуть напрягся, но не издал ни звука. Они тоже были черными, но черной у них была одежда и дубленая, а не своя кожа. Каждый дюйм их тел был скрыт и защищен доспехами, даже руки скрывали черные латные рукавицы, а их лица, как и мое, скрывали маски. Но эти маски были иными, так как их сработали наподобие черных костяных черепов, из которых вырастали черные жесткие заплетенные в косички гривы из конского волоса. Лошади их тоже были огромными и черными. По спине у меня пробежал холодок, и рука стиснула длинный нож. Я задрожала и почувствовала потребность выплюнуть изо рта привкус их близости.

Они выехали на середину реки, огляделись, а потом один крикнул что-то высоким ясным голосом. Сразу же появились другие, а затем и покачивающиеся крытые фургоны, влекаемые низкорослыми лошаденками. Процессия начала переправляться через реку.

Поблизости завыл волк, хрипло и настойчиво.

Я мельком увидела, как в удивлении обернулись черные лица черепов, а затем мы тронулись.

Был только один звук и только одно движение, или так казалось в первые секунды. Испуганные крики купцов, ржание раненых лошадей, крики освободившихся наконец от напряжения разбойников Дарака, стремительный бросок без всякого шанса свернуть в сторону и не принимать в этом никакого участия — все слилось воедино.

В правой руке я сжимала железный нож. Думать не было времени. «Старайся бить наповал», — сказал Маггур. Нож описал дугу. Огромное черное тело медленно опрокинулось с коня и отпало от меня в сторону, теперь уже не только черное, но и красное.

Конь подо мной мчал ровно и хорошо. Скачок вперед — и черный охранник навис надо мной, и его собственный нож, очень длинный и загнутый на конце, рассек воздух. Я поддела загиб его ножа собственным оружием и потянула его. Это было нетрудно. Он тоже медленно упал, и колючий нож в другой моей руке вонзился в него, повернулся и высвободился. Кровь забрызгала мне локоть. Я смотрела на нее так, будто пролилась она вовсе не на мою руку. Вокруг меня образовалось некоторое затишье, в то время как повсюду царила сумасшедшая сутолока боя. Лошади спотыкались в потоке, а купцы и мальчишки с воплями бежали в воду. Это выглядело почти комично, но для смеха нет места среди кошмара. Один караванщик крутился и напрыгался на козлах возчика, пытаясь развернуть свою упряжку. Я вспомнила, что купцов тоже надо перебить. И поскакала к нему, и нож вошел и вышел, и он покатился в сторону во взбаламученную розовую воду, с глазами, полными молчаливого укора.

Мимо проскакал, ухмыляясь, Маггур, с черногривой маской в одной руке и окровавленным ножом в другой.

На другой стороне реки подвалила, смыкая разрыв, остальная засада Дарака.

Внезапно я ощутила тошноту. Зло управляло теперь мной, и я знала это. Животный пронзительный крик вырвался из рта. Я стиснула коня меж бедер и пришпорила его. Длинный нож я схватила обеими руками, подняв над головой. И снова погрузилась в хаос, и мои руки обрушивались направо-налево, и нож вращался, словно серебряное колесо. Не знаю, скольких я убила, но многих. В голове стоял звон, ярость торжествовала в кроваво-красном

триумфе. Я мало что видела из мной содеянного, пока не очутилась в реке и не полетела навзничь с конька, который в свою очередь повалился вперед и пал. Холод, привкус крови и горечь воды вытащили меня из сна-смерти. Я поднялась на ноги, шатаясь и наталкиваясь на камни и тела под замутившейся водой. Вот в этот миг на меня и набросились трое черепастых охранников. Тела коней, казалось, застыли в прыжке. Их копыта гудели, как железные молоты, обрушиваясь на меня. Я боролась отчаянно, но расстановка сил была не в мою пользу. Они налетели словно стая воронья, рассекая крыльями воду. Копыто обожгло мне голову, я снова упала, и крючковатые ножи, сверкая, взвились надо мной.

Рев — и словно ниоткуда Маггур ринулся на них. Мельком я увидела Гилта и маленького Кела, чья стрела вонзилась меж лопаток охранника; тот упал рядом со мной, вывалившись из седла. Но Маггур тоже падал — и две оставшихся гадины схватили меня за руки.

Они подняли меня и потащили через реку, чтобы оглушить о ближайшее дерево, а потом прикончить медленно, с наслаждением, потому что я убила какого-то их друга. Если у них, конечно, бывают друзья или любимые.

Но затем их сотряс удар. Я подняла голову и увидела позади них Дарака. Оба его ножа пронзили спины моих несостоявшихся мучителей. Они рухнули, увлекая меня за собой. Я думала — меня разорвут пополам, но в последнюю секунду хватка ослабла — и я упала в воду вместе с ними.

Дарак склонился надо мной и помог подняться.

— Оба твоих ножа пропали, — сказала я. С его стороны было глупо лишаться ножей, чтобы спасти меня.

— Бой окончен, — ответил он.

Я оглянулась. Это было правдой.

— Маггур, — проговорила я. — Он бросился на них и упал.

Рука Дарака крепко врезала мне по лицу. Я пошатнулась, и он схватил меня за пояс, удерживая на ногах.

— Я тоже бросился на них, сука. Благодарю за это меня.

— Благодарю тебя, — сказала я.

Я побрела, ступая меж обломков в реке, мимо него, обратно к берегу.

* * *

Тела вытащили из воды и сожгли, а затем привели в порядок фургоны. Я ничего этого не видела. Мы с Келом

сидели вместе в тени, под кожаным навесом, там, где лежал Маггур. Из разбойников убили только четверых, но одним из них был Гилт. Напавшие на меня сумели это сделать, когда он налетел на них, и я даже не видела, как они это сделали. Другие раны были малочисленными и несерьезными. Только Маггур лежал, тяжело раненный.

— Был еще четвертый, Имма — он шарахнул Магура сзади железной палицей. Я пристрелил и его тоже, после.

Я вытерла кровь и промыла глубокий разрез, и череп у меня под пальцами казался целым, но Маггур не приходил в себя, и я чувствовала охватившее его оцепенение, похожее на смерть.

Долгое время мы сидели так, Кел и я. Затем он сказал:

— Имма, разве ты не можешь?..

— Что?

— Говорят, что ты целительница.

Сквозь мой мозг прошел легкий яркий шок.

— Ты думаешь, что я могу спасти Магура? — тихо спросила я.

— Конечно.

На лице у него не читалось никаких сомнений.

* * *

Утром был туман, и пришел Дарак.

Он взглянул на заснувшего Кела и на Магура, тоже спящего глубоким и здоровым сном.

— Сегодня мы купцы, — уведомил меня он. — Мы поедем дальше до Южной Дороги, само собой, под защитой нашей черепастой охраны. Здесь, говорят, полно разбойников. — Голос его был легким, а лицо холодным.

Внезапно он спросил меня:

— Этот скот — твой любовник?

— Кел?

— Нет. Другой.

— Нет, — ответила я. — если не считать того, что он немножко влюблен в меня.

Губы Дарака сжались и скривились в улыбке:

— Конечно, богиня.

Он поклонился мне.

Поблизости никого не было и видеть никто не мог. Кел и Маггур спали. Я ударила Дарака по криво улыбающемуся рту.

— Возьми назад свой удар, — бросила я. — Я ничем не заслужила его от тебя.

У него был такой вид, словно он сейчас убьет меня, но он меня не убил. Я не причинила ему особой боли и видеть случившегося никто не мог, свидетелей не было. В противном случае все сложилось бы иначе.

Часть III: Путь Верховного Владыки

1

Леса исчезли, и исчезла питавшая их река. Перед нами расстилались открытые равнины, а горы вытягивались позади медленным караваном. Желто-коричневые, как старый пергамент, горбы их всхолмленных спин вдали превращались в лавандово-пурпурные. Одинокое накренившееся деревце с вытянутыми низкими и неподвижными ветвями, каменистое место или отрезок степи у мутного озерца возникали, как случайные фигуры на гладкой игровой доске. Это на самом деле походило на игру — перепрыгивать с одной клетки, наполненной водой, на другую — с безжизненной иссохшей землей.

Двигался по равнине теперь снова купеческий караван, уже под предводительством Дарака, и он был сыном купца из Сигко, одного из северных городков, откуда привезли эти товары. Я сама перебрала все это добро — оружие и доспехи или чистые металлы в больших слитках. Каждый из разбойников забрал по несколько предметов в уплату за бой у брода. Я взяла длинный нож, побольше того, каким орудовала, но всякий, как я знала, не больше, чем мне по силам справиться при небольшой тренировке. Оружие отличной выделки, большой клинок с выжженным и вделанным серебряным леопардом. Рукоять из какого-то белого камня, хорошо отшлифованного, но немного закругленного на месте захвата так, чтоб оружие крепко держалось в руке. Ножны и перевязь, шедшая поперек груди и спины, свисая под левой рукой, были украшены поверх кожи малиновым бархатом, а пряжка и оковка дырочек — золотые.

Когда я выбрала этот нож, меня никто не остановил и не посмеялся, хотя Маггур все еще лежал в своем укрытии. Несмотря на бесславный конец моего боя, в начале его я причинила немало изощренного вреда противнику — в основном своим боевым кличем, с которым я ринулась прямо в гущу охранников, вращая длинным ножом во все стороны сразу. На самом деле все обстояло не совсем так, но я не обсуждала этого. Им нравилось, что я своим боевым безрассудством не хвастаю.

Но, думаю, никто из них больше не считал меня женщиной. Ибо женщины, которые ехали с ними, использовались как проститутки, и мужчины говорили о них при мне совершенно не стесняясь — не ради поддразнивания или похвальбы, а словно забыли про мой пол и ожидали, что следующий анекдот расскажу я.

Одежду они сменили все. Дарак надел черное, остальные темно-синее и зеленое, снятое с трупов или припасенное загодя. Разбойники, ехавшие в качестве охраны, тоже переоделись, но старались пока можно не закрывать лица масками. Только я осталась неизменной, цветастой странностью.

Мы уже два дня двигались по равнинам, когда я зашла в шатер к Дараку. Там будут, как я знала, его капитаны, но положение вещей теперь стало иным. Когда я войду, никто и ухом не поведет из-за того, что я женщина.

Из шатра слышались разговоры, смех и звон пущенного по кругу бронзового кувшина с пивом.

Я подняла полог и вошла.

Шатер был большим и изнутри разрисованным. На коже намалевали красного бегущего оленя, а наверху — солнце с лучами, означавшее мощь. На покрытом прекрасными коврами полу стояли низкие стулья, и я узнала уже знакомый мне резной стол. Сидевшие за ним пятеро мужчин подняли головы, интересуясь, кто к ним пожаловал. Дарак пристально посмотрел мне в лицо, а потом продолжил говорить про то, о чем вел речь. Наплевав на то, что меня проигнорировали, я подошла к свободному стулу — скорее табурету, чем стулу, и села.

Прочие последовали примеру Дарака. Не обращая на меня внимания, они продолжали разговор — сложные планы, которые на самом деле были в сущности очень простыми — о том, как им следует везти добро по Южной Дороге, частично распродав его еще до прибытия в Анку-

рум — их цель — и о том, что надо сделать в самом Анку-руме. Это была опасная авантюра. Глаза у них горели. Кувшин шел по кругу, и я взяла его, когда он дошел до меня, и, просунув под складки шайрина, выдула полный рот через один из носиков в его стенках. Я не хотела этого напитка, но пропустить этот кувшин — один из символов — было не так-то просто. Я проглотила тягучее горькое пойло, желая только одного — выплюнуть его, а затем передала кувшин разбойнику, которому он предназначался. Возникло недолгое молчание. Затем Дарак встал. Он выглядел непривычно благородным в черной тунике, черных легинах и сапогах.

— Выпейте и шагайте, — любезно предложил он своим капитанам.

Дискуссия была окончена. Они обсудили все пункты, но я догадывалась, что обыкновенно такое заседание продолжалось бы намного дольше. Они доводили до блеска детали, наверно без надобности, рассказывали анекдоты и байки о других предприятиях и очень крепко пили.

Теперь же мужчины поднялись, беспокойно прошли мимо меня, и едва выбравшись из шатра рассмеялись, неуклюже затеяв какую-то возню.

— Что угодно богине?

Говорил он резко, чувствуя себя так же беспокойно, как и они.

— Услышать, какие у вас планы. Я устала узнавать только за миг-другой до того, как мы тронемся.

— Тут шел разговор между вождем и его людьми. Не для богинь.

Я могу теперь уйти, освободиться от него. Я должна уйти, должна освободиться, думала я. На мне и так уже кровь, и будет еще, если я не уйду. И он не хочет меня.

Но я ответила непринужденно:

— Боги должны быть везде, Дарак. В следующий раз ты не станешь выпроваживать их, когда я войду.

Он подошел ко входу в шатер и выплеснул в траву остатки пива. Войдя обратно, он опустил полог, завязал его и принялся раздеваться, готовясь ко сну. Было что-то оскорбительное в том, как он это делал. Все мускулы играли, отблески жаровни на его обнаженном торсе были глумлением надо мной. Он принялся медленно, с большой осторожностью снимать с себя сапоги.

— Полагаю, ты останешься, — сказал он.

Эти мужчины и женщины ценили свой пол; в сексе у них всегда присутствовали достоинство и сопротивление. Он ожидал, что я развяжу полог и выйду, печатаю шаг, с негнущейся от ярости спиной, но для меня это не имело никакого значения.

— Останусь, — согласилась я.

Он встал и быстро подошел ко мне, схватил меня за руку, и его пальцы впились мне в кожу, как железные когти.

— Ты заставила гору гореть?

Это поразило меня: снова оно, суеверие, разъедавшее ему душу.

— Нет, — сказала я.

Но сама была не уверена. Проклятье вышло со мной из вулкана, так мне пообещал Карраказ.

— Деревни, все они. Во второй раз от них ничего не останется, — сказал он.

Я коснулась свободной рукой его лица.

Теперь он принялся совершенно спокойно и умело раздевать меня. Когда все оказалось на ковре, он подошел к жаровне и опустил на нее крышку.

Свет превратился в дымно-пурпурный.

— Сними маску, — приказал он мне.

Тут я ощутила предельный страх. Прежде чем я успела шевельнуться, он подошел ко мне, зажал мне руки и стащил маску. Лицо мое овеял воздух, прохладный и обжигающий одновременно. Я пронзительно кричала, пытаюсь вырвать руки и закрыться ими, плотно зажмурился глаза. Его рука твердо накрыла мне рот и ноздри, заглушив крик. Казалось, я не могла дышать и теряла сознание, все еще борясь, словно рыба в агонии на крючке. Все мое существо, казалось, состояло из борьбы и ужаса, а за закрытыми веками я видела то зеркало под вулканом, и дьявола-демона — зверя, глядевшего на меня из него своими выжженно-белыми глазами.

Полагаю, ему от этого было хорошо. Он побеждал мой страх, а заодно и свой собственный. Я ощущала его как бы со стороны, и это вызывало отвращение.

Я приплыла из тьмы обратно в шатер. Не знаю, сколько это продолжалось, но, думаю, недолго. Он лежал около меня и вложил мне в руку шайрин. Я понимала его, и то, что он сделал, но тогда мне это было все равно. Я крепко сжимала шайрин, но не надевала его. Слезы текли по моим волосам, но казалось, что проливали их не я.

— Ни один мужчина и ни одна женщина не могут спать друг с другом так, как мы, — сказал он. — У этого, — он коснулся шайрина, — есть собственное лицо, глядящее на меня. Надевай маску с другими, но не со мной. Я уже видел тебя. Ты не можешь таиться от меня; все твои красoty, уродство, странность и непохожесть — мои по праву, если я имею право на твое тело. — Его рука скользнула между моих бедер, но не к промежности. — Ты не боялась дать мне обнаружить в темноте это, или скорее обнаружить его отсутствие. Женщина, но не человек. Слушай, — сказал он, но после этого замолчал. Он нагнулся и поцеловал меня в губы, чего никогда раньше не делал. Я открыла глаза. Его лицо, столь близкое к моему, было мягким, почти нежным. На нем не проглядывало никакого отвращения. И поэтому жизнь всколыхнулась во мне.

Я увидела, что он освободил меня от чего-то, по крайней мере в отношениях с ним, но конечно также и сковал меня. Для меня это было счастьем, а для него победой — над нами обоими. Но ничто не имело значения. Я дала шайрину упасть, и обвила его руками.

2

Дарак ехал чуть впереди каравана, а я верхом на одной из менее крупных купеческих лошадей отныне ехала рядом с ним. За мной ехали Маггур и Кел, а за Даракom — кучка его людей. По вечерам, когда мы останавливались, он испытывал мое бойцовское искусство и искусство в стрельбе из лука. Я блистала и в том и в другом; Маггур и другие оказались хорошими учителями.

— Глаза у тебя, как у ястреба, — сказал мне Дарак. Из лука я стреляла лучше, чем он, но, удивительное дело, его это, кажется, не беспокоило. Как мне представляется, он понимал свою власть надо мной. По ночам мы становились в шатре любовниками, а позже, когда Речная Дорога во многих днях пути от реки встретилась с Южной Дорогой и начались кошмары, он был очень добр ко мне.

Выехали мы к ней странным образом. Мы так долго ехали по проселочной дороге, что я уже привыкла к ее неровности и душившему ее в лесу подлеску, к нанесенным на нее равнинными ветрами толстым слоям пыли. Стоял сумрачный жаркий день, в небе теснились черные тучи, несшие первые осенние грозы. Мы проезжали через не-

большие заросли низкорослых кустов, перевалили через небольшой взгорок среди камней, и проселок растаял перед нами, словно след улитки.

За камнями вытянулась открытая и ровная местность, а на горизонте стояли два гигантских столпа того же коричневатого цвета, что и равнины. Некогда они были и того выше, а теперь вершины пообкололись и осыпались, но все же возвышались у нас над головами на тридцать футов. По ним шла резьба, в иных местах — глубокая, в иных — поверхностная, большую часть которой выветрило до полной гладкости. Я ехала впереди, и Дарак следовал за мной, сделав знак прочим, чтобы они поотстали, так как они догнали нас лишь через некоторое время. Мое лицо, закрытое дневной маской, не могло ему ничего сказать, но наверное он теперь достаточно знал меня, чтобы почувствовать мои мысли.

Я спешила и приложила ладони к камню. В колонне, к которой я прикоснулась, казалось, пульсировало древнее-преддревнее, давнее-предавнее величие. Я ощущала холод и жар, обводя пальцами изображения птиц и львов, драконов и змеев. У меня закружилась голова. Я закрыла глаза, и под веками колонны стояли целыми, на десять футов выше, с капителями в виде фениксов и пламени.

— Что? — спросил меня Дарак.

Я заговорила — и не знала, что говорю. Казалось, мне никак не оторвать рук от высокого камня. Между двух столпов вытянулась, уходя вдаль, мощеная дорога, прямая как стрела, пятидесяти футов шириной. Колонны стояли, расставленные широко, но были такими огромными, что казались стоящими рядом.

Внезапно конь Дарака поскакал, взбрыкивая задними ногами, сверкая при грозовом свете зубами, словно из желтого мрамора. Он сделал круг и попытался понести. Через несколько ярдов Дарак укротил его, но купеческий конь, на котором ездил я, тоже бежал прямо к камням. Я услышала, как Дарак выругался, бросаясь вдогонку за ним.

Небо сделалось индиговым, давясь и кривясь от ненависти; воздух, казалось, наполнило биение крыльев голубых орлов. Затем туча раскололась. Вспыхнул ослепительный свет, холодный жар — кипящий и ужасный. Я почувствовала, как меня бросило навзничь, переворачивая в воздухе, охватывая пламенем.

Дождь сыпал мне в лицо ледяными иглами, а вдали слышались громовые раскаты. Я почувствовала, как чьи-то руки очень осторожно прикасаются ко всему моему телу. В глазах у меня прояснилось, и я увидела Дарака.

— Ты ранена? — спросил он. — Я не нахожу никаких переломов или ожогов.

Магтур полил водой мне запястья, но я приняла сидячее положение и оттолкнула баклагу.

Молния ударила по колоннам, но те пострадали не больше, чем я.

Я ощущала головокружение, но больше ничего. И даже рассмеялась. Дарак обхватил меня за талию и посадил на лошадь, теперь успокоившуюся и дрожащую. Поглаживая ее для пущего успокоения по ушам и шее, я все еще смеялась.

Мы поехали под дождем обратно к колоннам. Проезжая мимо них, я увидела врезанную глубоко в плиты дороги надпись. Никто из них не поймет ее, ибо она была не на их языке.

КАР ЛФОРН ЭЗ ЛФОРН КЛ ДЖАВХОВОР

Этот путь есть Путь Верховного Владыки.

Я сморгнула с глаз капли дождя и увидела, что надпись теперь настолько выветрилась, что я вообще не в состоянии ее прочесть.

* * *

Дождь продолжался два дня, но, похоже, земле от него не было никакого проку. Она его впитывала и теряла, или превращала в грязь, высохавшую, оставляя черные заплатки. Дорога же осталась неприкосновенной. Великолепная, она бесчисленные века сохранялась сама по себе для пользовавшихся теперь ею купцов. Для меня она была населена призраками, их голосами и волей.

Вот тут-то и настало время снов.

Прежде было время, когда моя жизнь была полусном, когда я лежала в храме или у воды в ущелье. Теперь, когда я спала с Дараксом, моя жизнь стала явью, а сны — мелочью. И все же дорога сделала все иным.

В первые два дня путешествия по дороге меня не покидало ощущение, похожее на подавленность, какую ощущаешь перед грозой, хотя гроза уже отбушевала. На третий день мы разбили на ночь лагерь на обочине дороги у

мелкого пруда с впадающим в него ручьем, среди чахлах вытянувшихся деревьев.

В стране снов нет никаких особых законов. Я была мужчиной, и это не казалось мне странным. Я говорю «мужчиной», но мужчиной, не похожим на любых встреченных мной с тех пор, как я вышла из горы. Я была женщиной моей собственной расы, того особого и надменного народа, которого я не помнила, и все же знала по самой себе.

В том сне все выглядело совсем иным.

Опускающиеся террасами огромные сады, темно-зеленый кипарис, розовые и лимонные деревья, а за ними огромный особняк, выстроенный в архитектурном стиле, который я прежде видела во сне, очень белый, высокий и парящий, с вершиной, устремившейся высоко в небо. А за стеной сад — Путь Верховного Владыки, ведущий к городам Горного Кольца.

Иду между душистых садовых аллей, и впереди большой овальный бассейн, окруженный мраморными статуями и лестницей. В бассейне били фонтаны, и неподалеку от них, среди мраморных глыб, высеченных в виде скал, плескала себе водой на тело девушка. Она была нагой, цвета магнолии на фоне нефритово-зеленой воды, и волосы струились вокруг нее. Мужчина, которым была я, подошел к краю воды и заговорил с ней. И заговорил он на том же наречии, на котором была высечена надпись на дороге.

— Ди лат самор?

Я желала ее, а она боялась, и ее страх был частью моего желания. Теперь она съежилась, отступая от меня в зелень. Она была меньше меня: ниже, меньше, ничто. Но очень красива. Я сознавала, что ноги у нее под водой скованы и выбраться она не сможет. Ее купальные действия тоже совершались по моему приказу.

— Слен эз Каллед — а Кар аслор тлн эз.

Она поднесла руку к лицу и начала скулить. Я ступила на воду, которая с легкостью удержала меня. Я прошла к ней, а затем дала себе немного погрузиться. Она закричала, когда я стала ласкать ее, толкая ее скользкое прохладное тело спиной на скользкий шелковистый мрамор там, где на него падала вода. Фонтаны наполнили ей рот. Она боролась. Я держала ее за мокрые волосы, то суя, то вытаскивая из-под каскадов воды. Начался танец любви и смерти, и обе страсти будут удовлетворены.

Дарак растолкал меня и держал притихшую в темноте.
— Что тебе снилось?

Я вгляделась в его лицо во мраке. Но мне все еще чу-
дился запах плещущей воды, ароматы сада и мокрое тело
девушки; мужское желание все еще распространялось у
меня между бедер.

— Мужчина, — сказала я. — Здесь, на этом месте. Не пей
воды из пруда; тело по меньшей мере одной женщины
сгнило, став илом на дне его.

Дарак снова потрянул меня, более мягко.

— Проснись — призвал он.

— Правда, — сказала я. — Она была неполноценной, низ-
шей расы. Ему доставляло наслаждение, тому, кто мог хо-
дить по поверхности воды, топить ее и овладевать ею, ког-
да ее легкие наполнились водой.

— Ты говорила во сне на другом языке.

— Не я, — поправила я. — Это он говорил. Он сказал ей,
что сделает с ней.

Лицо Дарака, почти невидимое в темноте, казалось
встревоженным. Он расправил мне волосы и гладил мое
тело, дрожащее, словно тело испуганного животного. Но
он не знал, то ли верить мне, то ли успокаивать меня, го-
воря, что это всего лишь кошмар и больше ничего. Надо
будет не говорить ему в следующий раз — так как я знала,
что следующий раз обязательно будет — он был для меня
сильнее и безопаснее, когда не испытывал никаких сомне-
ний в том, что я человек и дурочка, женщина, увидевшая
сон, и проснувшись в страхе, обращалась за утешением к
своему мужчине. Я свернулась, прижавшись к нему, и ус-
нула, и в ту ночь мне ничего больше не снилось.

Но последовали другие ночи. При каждой ночевке на
той дороге был по крайней мере один сон. Дараку я ничего
больше не рассказывала, а когда он пробуждал меня, как
ему часто приходилось делать, от чего-то ужасного, то го-
ворила ему, что не могу вспомнить.

Но я многое узнала из этих горьких уроков.

Сколько тысяч лет минуло с тех пор, как прожили свою
жизнь в мире те, кто породил меня? И насколько далеко

простерли они свое зло и разложение и свою беззаботную жестокость по отношению к тем, кто не мог с ними тягаться? В этой стране — да, я знала, что тут они были королями, Верховными Владыками и императрицами. Но и за морем тоже? И за другими морями? О, теперь они стали прахом. За исключением меня. Часто я пробуждалась от снов о том, что они делали и какими были, и видела в темноте нож, показанный мне Карраказом, и, должно быть, дать злу покинуть мир — правильное решение. Мне казалось, что я не похожа на них и все же я знала, что похожа. Только моя среда и отсутствие у меня Силы не давали мне стать точно такой же как они, и даже в таких условиях я действовала совсем неплохо. Я убивала не задумываясь, и погубила даже Гилта, которого сделала своим. Я ни на миг не задумывалась, хотя погиб он из-за меня.

И они ведь были прекрасными, не так ли, эти мужчины и женщины моей расы? Золотистые и алебастровые, с длинными руками, сверкающими от самоцветов, с глазами, словно зеленые звезды, хозяева всех стихий и магий, какие есть в мире. Они проходили сквозь огонь и по водам; летали на черных крыльях огромных птиц, кружа в красных небесах с белым серпом луны под ними; они исчезали и перемещались словно призраки. Я помню, какой я когда-то была, скачущая верхом на огромном льве по какой-то пустыне, улыбающаяся и прекрасная, как орхидеи, вышитые на моей юбке. Но это тоже было злом.

После семи дней таких снов я сделалась лихорадочно-возбужденной и странной. Мы ехали весь день напролет, но при каждой остановке мне не терпелось двигаться дальше. По ночам я бродила взад-вперед по лагерю, оттягивая момент сна. Но сон всегда приходил и противиться ему не удавалось. У меня также начались месячные, что достаточно естественно для всех созданий, наделенных маткой, и все же раньше со мной этого не случалось, и процесс этот был болезненным и расстраивающим. Кроме того, я страшилась этой плодородной женственности. Я не знала никаких методов противозачатия, явно известных моей расе. Я не хотела зачать. Любой ребенок был бы тогда несчастьем, и семья Дарака — разбойничье отродье, возможно, навеки привязало бы меня к жизни, которая не была моей. Я не знала, что делать, и просто волевым усилием принуждала себя к бесплодию всякий раз, когда думала об этом.

К городу мы подъехали на девятый день.

— Это Анкурум? — спросила я Дарака.

Перед глазами у меня все плыло в лихорадке и жарком мареве и я, казалось, видела на горизонте белые стены, башни и панораму многих зданий за ними.

— Нет, — ответил он. — до Анкурума нам еще ехать не один день.

— Это развалины, Имма, — разъяснил Маггур. — Всего лишь развалины.

— Некоторые из степных племен называют их Ки-ул, — сказал Дарак. — Что значит Злой. Они держатся от него подальше, так же как и от дороги, иначе мы бы уже давно повстречали знакомых. Подходящее для тебя место, богиня.

У него всегда имелось в запасе немного яда, когда он бывал неуверен во мне, но я пропустила сказанное им мимо ушей.

— Мы проедем через него? — спросила я.

— Да. Дорога проходит через Ки-ул.

— Тогда сделай привал там, Дарак.

Он усмехнулся без всякого добродушия.

— Время у нас есть, — промолвил он.

* * *

Добрались мы до него, когда уже вечерело. Наверное, мы все равно остановились бы здесь, хотя некоторые из разбойников роптали и ворчали. Извлекая на свет свои амулеты, они целовали их и трясли ими, но не подходили к Дараку с просьбами ехать дальше. Их вождь не страшился Ки-ула, думали они, и просто посмеется над ними. Хотя на самом деле Дарак нервничал, и место это ему совсем не нравилось. Верно, вокруг него поднимались какие-то миазмы, явственные даже для человека, лишенного воображения.

Раскинувшийся по обе стороны мощеного пути, он вытянулся на много миль к неясным розовато-лиловым силуэтам того, что, должно быть, было холмами или невысокими горами. Здания, или то, что от них осталось, были очень белыми, выгоревшими на солнце, словно кости. Они походили на кости и в других отношениях, в том, как они стояли, зияя прорезами: ребра и черепа дворцов, сочленения колонн, накренившихся, упавших. И ничего

цветного за исключением попадавшихся изредка ползучих растений или сорняков с цветами, с трудом пробивающихся среди камней. Бурая земля и небо, пропитанное плотски-алым цветом, были всего лишь задником, чем-то добавочным, словно город повис в пространстве задолго до того, как вокруг него образовались земля и воздух.

Я не знала, зачем мне нужно войти в него. Ведь не здешние места я помнила из своего короткого детства столько столетий назад.

Я сидела на своем нелегко завоеванном месте в шатре Дарака, в то время как он и его капитаны пили, сидя вокруг своего календаря. Он был примитивным, но колоритным изделием из резного и разрисованного дерева. У каждого времени года, месяца и дня был свой символ. Позднее лето обозначалось золотой лягушкой, и сейчас они обводили кружком день, который был совой, так как именно на это время они договорились о встрече со степными племенами для первой продажи оружия.

— Безумство спускать такой отличный товар этим дикарям. Они же будут ковырять им в зубах или резать яблоки. — Говоривший сплюнул. Значит, они кое-что смыслили в иерархии человеческого положения. Но я почти не слушала. Время от времени мимо меня переходил кувшин с пивом, и я иногда отпивала, только таким образом символизируя свое участие. В обсуждение я не вступала.

Когда шатер опустел, Дарак вытянулся на постели из ковров и посмотрел на меня.

— Ну? Когда ты отправишься бродить по Ки-улу?

— Когда взойдет луна, — ответила я.

— Разбуди меня, — попросил он, — сейчас я отосплюсь, пока хмель от пива не выветрится, и пойду с тобой.

— Я должна идти одна.

— Не будь душой. В этом месте бегают на воле дикие звери, да и люди тоже, возможно, такие же подлецы, как и мои. Я знаю, что ты умеешь драться и ты не глупая слюнтяйка, но вспомни брод.

— Я его помню, — сказала я. — Ладно, спи. Я тебя разбужу.

Он уже стал сонлив от выпитого, так как принял он, как всегда в таких случаях, много. Иначе он бы мне ни за что не поверил. Я присела рядом с ним и следила, как он погружается в сон. Он был красивым мужчиной, даже когда

спал. А спал он как зверь, чутко, но спокойно, твердо сжав губы; тело его иногда подергивалось, руки и ноги напоминали лапы зверя, видящего сон. Я поцеловала его лицо и покинула шатер. Наступили озаренные светом звезд сумерки и тишина, если не считать тех мест, где разбойники еще пили и шумели у костров. И шумели они громче обычного, словно стремясь нанести поражение тягостному безмолвию этого места. Звуки издавал только ветер, тонкие и скребущие, когда свистел, проносясь сквозь зияющие дыры в пустых помещениях.

3

Их я оставила позади очень скоро. Свет костров растаял в отдалении, равно как и начавшееся хриплое пение. Теперь слышался только ветер, свистевший в камнях, шелестевший в пыли. Темнеющий ландшафт, белизна, выхваченная звездным светом. У меня оставался, возможно, еще час, прежде чем взойдет луна.

Идти по бесконечным улицам было легко. Лишь то тут то там попадались цилиндрические секции упавших колонн, через которые приходилось перелезать. Немногочисленные стайки мелких зверьков в страхе бежали от меня, но в конечном счете в мертвом городе, кажется, почти не обитало живых существ. Повсюду вокруг стояли остовы дворцов. Это был город дворцов и окружавших их садов, бассейнов, рощ, статуй и приютов наслаждений. Никаких других зданий в этом улье напыщенного разврата быть не могло. Я вошла по потрескавшейся мраморной лестнице на высокий помост, где все еще стояли две-три колонны — и ничего больше. Оглянувшись назад, я увидела отблеск освещенного кострами лагеря, слабый и отдаленный — казалось, более далекого, чем он был на самом деле, как будто город закрылся от него полупрозрачным занавесом. Впереди под помостом спускались к овальному пространству большие террасы — какой-то огромный открытый театр. Я прошла к нему по более узким улицам, а потом через громадный сводчатый дверной проем, украшенный высеченными фигурами женщин и животных. Лестница вела вверх к террасам, а другая лестница вела вниз. Ветер донес до меня со стороны спуска слабый запах того, что должно было давно исчезнуть — мускусной темноты и страха. Я поднялась наверх, на последний ярус. Мрамор-

ные сиденья, с проходами, каждое со своими колоннами и резьбой. Лестницы, спускавшиеся между ними вниз к овальной арене, были выложены цветными камнями — красными, коричневыми, зелеными и золотыми. Я остановилась. Смутно, еле-еле, я услышала вокруг себя их голоса. Я повернулась, и они явились, но только как призраки. Много мужчин и женщин и их дети, друзья, любимые. Их одежда отличалась призрачной пастельностью оттенков алого, пурпурного и белого. С пологов свисали золотые кисточки, развевались знамена на домах. Я посмотрела в сторону овальной площадки — и цвета вокруг меня отвердели, став ярче и ближе, а звуки поднялись, перекрывая свист ветра. Внизу распускался, как цветок, зеленый огонь. Он сместился и распространился по арене и приобрел очертания. Лес пламени, сверкающий и переливающийся. Из него вырастали деревья с изумрудными стволами и ветвями, распускающимися огненными звездами. Из земли забили фонтаны и заструился, пронизывая все, похожий на газовую ткань белый туман. Это было прекрасно и невероятно. Среди зрителей прокатилась легкая рябь аплодисментов. Казалось, что я одна из них и ощущаю прохладный шелк на своем теле, алмазы, мужские пальцы, ласкающие мне грудь, пока я не оттолкнула их, не желая, чтобы отвлекали мое внимание.

Из тумана и пламени выросла девушка, белокожая, с длинными черными волосами, но нереальная — двухмерное создание, очерченное темной линией. Она двигала руками и головой, танцуя, и вокруг нее обвилась змея, кремово-золотая камей с выскакивающим серебряным языком. Змея тоже была ненастоящей, так же как и появившийся за ней желто-золотой мужчина. Огненные деревья постепенно превратились в красные, туман — в пурпурный, словно большая грозовая туча, фонтаны забили алыми как кровь струями и, казалось, увеличились. Фигуры на арене возрастали в размерах и менялись, по мере того как сплетались друг с другом. Змея обвивалась и вырастала из женской головы; мужчина лениво двигался, променяв собственную голову на змеиную, а женщина ползла между ними, безголовая, с растущим у нее под грудью лицом мужчины.

Когда фигуры стали больше, видоизменения сделались более сложными и экстравагантными. Пурпурная туча тумана пульсировала с овальной арены, наполняя террасы

тяжелым запахом опиата, в то время как сцена поднялась к нам, фигуры на ней достигли в высоту десяти футов, а то и больше. Отовсюду донеслись восторженные крики. Женщина с головой змеи сделала мостик, мужчина с фаллосом, замененным огромным мечущимся хвостом змеи, нагнулся над ней в нескольких дюймах от моего лица. Рука моего любовника снова искала меня, и я его не отталкивала, а прижалась к нему потеснее...

Незакрепленный камень откатился от моей ноги, загрел, стукнулся и полетел на арену.

Театр вмиг стал холодным, разрушенным и пустым.

Ветер рвал мне волосы, и меня пронизывал сырой холод. Восходила луна. Свет дочиста выжег из моих глаз то, на что я глядела.

Но я была не одна. Я чувствовала это, и оглянулась вокруг. У меня тогда наступило просветление, и я не особенно страдала от лихорадочного возбуждения или грез. На другой улице стояла высокая башня. От нее осталась лишь одна стена и лестница, описывающая виток за витком, словно искривленный позвоночник. После того как я увидела их, просветление, надо полагать, меня тут же покинуло. Что-то влекло меня к башне, сильно и настойчиво.

— *Я полечу туда*, — подумала я. И почувствовала быструю рвущую боль в спине. Я говорю боль, но она была как ни странно приятной. Я слышала, как люди, потерявшие в каком-то сражении руки или ноги, клялись, что они по-прежнему ощущают их там — зудящими, чешущимися от желания заняться привычным делом. Именно такое ощущение вызывали и крылья, когда они выросли у меня из плеч и пустили свои корни в мускулы и кости на моей спине, словно конечности, потерянные мной, но по-прежнему бывшие там, зудящие и чешущиеся. Я шевельнула ими, что было удивительно. Даже лишней паре рук я бы меньше удивилась. В лихорадочном сне меня позабавили мои первые попытки летать. Ни один птенец никогда не бывал столь неуклюжим. Но в конечном итоге умение ко мне пришло, и я взлетела. И тогда я ощутила их силу. Каждый сильный взмах, казалось, исходил скорее из глубины моего живота, а не из позвоночника. Ноги я твердо держала вместе, а руки скрестила под грудью, так, как делала в других моих снах. Лететь до башни было совсем недалеко.

Там стоял каменный алтарь, и я знала его достаточно хорошо. В белой чаше виделось мерцание и тень. Но я не боялась.

— Со Карраказ Энорр, — прошептал «неголос» у меня в мозгу, и я знала, на каком языке он говорил, теперь, когда слышала, как на нем говорили увиденные в снах призраки.

— Я Карраказ. Бездушный. Ты думаешь, что не знаешь, почему ты находишься здесь, но ты здесь, потому что здесь Карраказ, а мы с тобой одно целое, ты и я. Я вырос с тех пор, как мы встретились в вулкане. Ты хорошо меня кормила. Я уничтожу тебя, но сперва мы станем единым целым. Позволь мне дать тебе Силу для властвования над этими шлевакинами. Они всего лишь мелкие твари и намного ниже тебя. Но как опасны маленькие ядовитые муравьи, которые едят тебя заживо! Ты не найдешь Нефрит, и поэтому я дам тебе немного Силы, Принцесса Пропавших, прежде чем твой Дарак отвернется от твоего проклятого лица и тебя разорвут шакалы...

Слово, которое употребил Карраказ — «шлевакины», грязные подонки, грязь и экскременты неполноценных людей — точнее не назовешь, настолько они были ниже меня, того, чем я была и чем могла быть. Но прежде чем я смогла протянуть руку и сказать «Дай ее мне», мною овладела какая-то стихийная сила и встряхнула меня. Я вцепилась в камень башни прежде, чем меня могло стряхнуть вниз и яростно закричала:

— Оставь меня в покое!

— Убей его, — сказал «неголос».

Мои руки нашли огромный кусок отставшей черепицы, я схватила его и ткнула им в то, что, казалось, меня мучило.

В правом ухе у меня раздался треск, могучий как гром. Башня рассыпалась, и я упала.

Я упала, но недалеко. Открыв глаза, я увидела, что лежу на красно-зеленых камнях лестницы театра. Чья-то рука схватила меня выше локтя и подняла на ноги. Она не могла принадлежать никому иному, кроме Дарака.

Лицо его, озаренное лунным светом, выглядело бледным и сердитым.

— Ты проснулся и последовал за мной, — констатировала я.

— И обнаружил тебя стоящей здесь, словно каменная глыба с широко раскрытыми глазами. Я тряс тебя, а ты не

просыпалась. Если у тебя бывают такие приступы, то ты дура, раз гуляешь на такой высоте.

Значит, это Дарак уберег меня от зла в башне. И все же, возможно, я в конце концов и не была в башне. Крылья-то уж безусловно исчезли.

— А сейчас ты вернешься обратно, — проворчал Дарак. — Это место так же безопасно, как Яма Смерти. Как раз сейчас свалился невесть откуда кусок черепицы и чуть не вышиб мозги нам обоим.

Я увидела, где он разбился на мелкие кусочки. Дарак толкнул меня, спасая от него, и в доказательство у меня остались синяки. Я чувствовала себя слабой, глупой и испуганной. И радовалась, что он увлек меня прочь, через разрушенный город, обратно к лагерю.

* * *

Костры все еще горели, но большинство разбойников уже спали. Расхаживало несколько часовых.

Дарак уложил меня на постель из ковров и стянул с меня сапоги.

— Как мне представляется, у тебя по-прежнему женские недомогания, — обратился он ко мне. Я кивнула.

— Значит, я даже не получу награды.

С очаровательным эгоизмом он положил голову мне на плечо.

Но я не засыпала. Я лежала, одеревеневшая и холодная, дожидаясь утра, дожидаясь отъезда, и все же радуясь, что бодрствую, так как страшилась теперь снов, которые вызывал у меня этот город.

Уже почти светало. На рассвете воздух пахнет по-иному; это можно определить с завязанными глазами. Земля подо мной слабо задрожала, как кожа на барабане. Я подумала, что это почудилось, но дрожь нарастала.

— Дарак! — прошипела я.

Он проснулся и зарычал на меня. Но тут земля под нами так и поехала.

Еще через секунду нас бросило в разные стороны и обратно друг к другу. Оружие в шатре, стулья, жаровня накренились, и шесты тоже загуляли, свалив на нас шкуру. Высыпавшиеся угли покатались по коврам — и те загорелись. Через мгновение весь шатер охватило пламя. Теперь выбраться казалось невероятно трудным делом. Пламя,

лизало нам пятки, когда мы прорубили и пробили себе путь наружу. Земля все еще смещалась вкось. Летели камни, вздымались и опускались куски мостовой.

Успокоилось все так же внезапно, как и началось.

Я встала. Поперек дороги рухнула колонна, раздавив три шатра и погасив костер. Шатры эти по какой-то причине пустовали.

— В горах у нас тоже бывают землетрясения, — сказал Дарак, — это не так уж страшно.

К нам подбежали Маггур с Келом, а еще один разбойник выплескивал воду на горящую шкуру.

Я усталилась на город и почувствовала, как во мне нарастают сдерживаемые гнев и ненависть, на данный момент — бессильные.

— Дарак, — обратилась я, — мы должны уехать сейчас же. Быстро.

Он взглянул на меня и кивнул.

— Как скажешь.

Но он не особенно торопился, а разбойники как всегда следовали его примеру. Теряли зря время даже нервничавшие. В конце концов, они же провели здесь ночь и остались невредимы, еще одна небольшая задержка не могла играть роли.

Наконец, караван тронулся, а солнце взошло, прожигая в небе круглую белую дыру. Испуганные землетрясением лошади вели себя беспокойно и все еще нервничали. Разбойники ели на ходу, швыряя кости назад — валяться среди костей города.

Потребовался целый час для того, чтобы проехать через него до конца, и все это время я ощущала отовсюду какую-то угрозу, и казалось, что мы двигаемся слишком медленно. Свет над головой постепенно сделался желтым, как гнилой персик. Лошади мотали головами и молча оскаливались.

Внезапно угроза сделалась очень близкой. Я схватила Дарака за руку.

— Скачи теперь скорей, а не то мы здесь погибнем!

Он не подчинялся моим приказам, но этому подчинился. Он теперь знал меня. Обернувшись, он издал резкий лай шакала, служивший им сигналом опасности, а затем прищпорил своего и стегнул моего коня по боку.

Лошади наши понеслись, и другие понеслись за ними тоже. За нами катились со стуком и грохотом фургоны.

И в этот миг город поднялся против нас. Или, наверно, против меня одной.

После это называли «землетрясением», но его не было на самом деле. Земля тряслась и громыхала, что правда то правда, но ничего не упало — за исключением последних фургонов, потому что мостовая вздыбилась и накренила их. На некоторое время все затихло, а потом на нас со свистом налетел через город с обеих сторон ветер — я никогда не видела раньше, чтобы ветер дул сразу в обе стороны. Из глубины города взвились камни, щебень и мелкие осколки, а потом большие глыбы и гигантские куски черепицы, и все они были подхвачены тем ветром и брошены в нас. Капители колонн взлетели и тоже метнулись в нашу сторону вместе с огромными кусками крыши. Лошади пронзительно ржали, становились на дыбы, рвались из упряжи, фургоны подскакивали и переворачивались. Металлические сундуки с оружием падали с грохотом на дорогу, и ножи с кинжалами сыпались серебряным дождем. Я пригнула голову к шее коня. Позади меня вскрикнул Кел, когда камень вонзился ему прямо в мозг и убил его. Желтый свет растекался мимо нас как вода, и я думала, что еще миг и погибну, но я не осознавала смерть — только боль. Летящие куски саднили мне лицо и руки, как язвящие резцы.

Но мы уже достигли окраины этого вместилища костей, Ки-ула, Злого. Страшный град внезапно остался позади. Продолжительный грохот прекратился. Наши лошади стали как вкопанные, исходя потом. Я посмотрела назад.

Путь усеивали куски разбитого камня. Два фургона развалились; трупы людей и лошадей были раскиданы вокруг них.

Дарак стер с лица кровь.

— Глир, Эллак, возьмите своих людей и езжайте обратно со мной. Приведите своих лошадей.

— Нет, — взмолилась я. — Нет, Дарак.

Он не удостоил вниманием мои слова.

Вместе с ним напуганные разбойники перерезали упряжь мертвых лошадей, подняли один из фургонов и впрягли в оглобли новых лошадей. На козлы сели новые люди. Другой фургон полностью развалился, и поэтому все добро из него перегрузили в другие фургоны, на запасных лошадей и коней. Наконец не осталось ничего, кроме мертвых. Я разглядела Кела, лежащего всего в несколь-

ких ярдах позади меня, среди последних колонн. Я не осмелилась вернуться к нему. Маггур покинул меня, подошел к Келу и поднял его. Он принес его к фургону и там его сожгли вместе с остальными.

После этого Маггур сделался очень молчаливым, а Дарак, когда он вернулся и вскочил на коня рядом со мной, выглядел мрачным и рассерженным. Работа эта была долгой и неприятной. Солнце взошло высоко над желтым облаком.

— Вот жертва твоим собратьям-богам, богиня, — он показал в сторону черного дыма. — Еще одна жертва всесождения. Наверное, они также любят и возлияния, — и сплюнув, отъехал от меня.

4

До дня, который был совой, оставалось еще трое суток, и я помню их очень хорошо: кошка, одногорбый верблюд, обезьяна. В день кошки месячные кровотечения у меня прекратились, как прошли и другие симптомы лихорадки и слабости. В тот день Дарак уехал прочь с дороги с немногими людьми, что были впереди каравана. Исчез он прежде, чем я проснулась. Я не видела его в тот день, ни днем ни ночью. В день одногорбого верблюда караван, возглавляемый теперь Эллаком, тоже съехал с дороги, и мы направились к отдаленной розоватой лиловости, замеченной мной на горизонте с момента, как мы минули Ки-ул. Я испытывала облегчение оттого, что мы покинули дорогу. Сновидения прекратились; но теперь у меня появились другие кошмары, видения, которые я никак не могла толком вспомнить, когда в ужасе пробуждалась от них.

Вечером того дня вернулся Дарак. Ездил он зажечь сигнальный костер, который созывает на встречу племенных вождей. Он провел ту ночь со своими людьми за какой-то игрой в кости, а позже с одной из женщин. В ту ночь я тоже видела сон у него в шатре, и подумала, что это еще один из снов-воспоминаний, но он был иным. Я была в нем прекрасной, мои белые волосы оплетали голову и спадали на плечи пятью большими косами, унизанными изумрудами. Я ясно помню это, а также то, что ко мне привели Дарака, и я велела содрать с него кожу, а когда пробудилась, то испугалась и постаралась забыть увиденное.

В день обезьяны я не пыталась ехать вместе с ним. Мы с Маггуром отъехали одни в редколесье, где Маггур подстрелил оленя, после того как не один час ползал за ним на брюхе. Я не люблю, когда убивают животных, и меня тогда от этого затошнило. Но убитый олень был свежим мясом, пищей для него и для них, и когда мы в сумерках вернулись обратно к каравану, нас приняли очень даже радостно.

— Мы с Дараком теперь не спим друг с другом, — сказала я Маггуру. — Найди мне шатер подальше от его палатки; возможно, он захочет привести женщину.

Маггур выглядел обеспокоенным, но нашел мне шатер, и именно в нем я и спала в ту ночь обезьяны. Меня охватило какое-то оцепенение. Я не знала, что буду делать, но это, казалось, значения не имело. Спала я крепко и не помнила своих снов, когда проснулась.

* * *

В день совы медленнодвигающийся караван дотащился до сигнального костра. Впереди высились скалистые холмы, а здесь стояла одна большая скала, заброшенная словно остров в коричневое море песка. На вершине этой скалы тлел костер, вздымая столб густого красного дыма. А у подножья ждали степные воины и их вожди. Я полагала, что все собравшиеся здесь были друзьями в союзе против иноплеменных врагов. Большинство из них гарцевало обнаженными по пояс, демонстрируя свои крепкие поджарые смуглые тела. Их руки и шеи украшали кольца красно-голубых татуировок, а на груди был вытатуирован символ племени. Я различила шесть разных эмблем: волк, лев, медведь, выполненное в зеленом цвете дерево, стрела с красным наконечником; но самым странным был круглый диск, словно луна на древней картине, с пятиконечной звездой в центре. Они носили темную одежду и крепкие кожаные сапоги, и никаких драгоценных камней — за исключением вделанных в металлические браслеты. Маггур сказал, что, по их мнению, драгоценные камни мешают в бою; враг может зацепить воина за них или за волосы — а их они стригли очень коротко или же связывали в пучок на затылке. Вожди мало чем отличались от своих воинов. Около каждого из них находился знаменосец, опоясанный кушаком из алой, зеленой или голубой ткани, а

один или два носили какое-нибудь простое кольцо или браслет, бывшие знаком их маленького королевства. Вождь звездного племени носил на голове золотой обруч со вставленным в него белым прозрачным камнем — вероятно, кварцем. Он, казалось, являлся самым главным из них, и вышел вперед на большом гнедом коне почтить Дарака как собрата-князя.

Они заговорили на том же языке, какой я слышала в деревне и в горах, но с иным акцентом и множеством искаженных или сокращенных слов.

Он был очень официальным, этот разговор между двумя королями. Было трудно понять, забавляют ли Дарака хоть немного все эти формальности, так как лицо его походило непроницаемостью на железо. Я стояла несколько в стороне, у своего коня, и все же глаза вождя со звездой внезапно глянули в мою сторону. Он какой-то миг смотрел, а потом — невероятное дело! — поднял правую руку, отдавая честь и мне тоже.

— Честь тебе, женщина-воин, — крикнул он и говорил теперь на другом языке. Этот был несколько древнее и сложнее. Я увидела, как голова Дарака резко повернулась в мою сторону. Он бы посмеялся над моим смущением, если бы я не знала как ответить, но я знала. Как и в случае с жителями деревни, я сразу же, не думая, поняла все особенности речи степняков.

— И тебе, отец мой, — отчетливо отозвалась я.

Вождь кивнул. И снова посмотрел на Дарака, который, похоже, казался удивленным.

— Я и не знал, что у Дарака Златолова есть в охране степнячка, да к тому же воин. У нас в крарлах уже много лет таких не рождалось.

Я поняла, что они могли счесть меня одной из их породы из-за того, что я носила шайрин, и гадала, как они отнесутся к моей мужской одежде и ножам у меня на поясе. Очевидно, они весьма уважали женщин-бойцов и обращались с ними как с мужчинами, что являлось в таком обществе исключительной честью. Женщине-воину было даже не обязательно носить маску; а то, что я ее носила, лишь увеличивало их уважение ко мне.

Этикет требовал теперь, чтобы Дарак и его люди отправились к ним в стан, или крарл, и приняли участие в пире. Только потом могли иметь место какие-либо торговые сделки. Когда вождь и Дарак тронулись во главе процес-

сии, ко мне подъехали двое звездных воинов. Они отдали мне честь так же, как отдал вождь.

— Я Асутоо, сын вождя, представился старший. — Ты принесешь нам радость, если поедешь рядом со мной.

Я не могла отказаться. Кроме того, мне доставляло горькое удовольствие видеть, что мне уделяют столько же, если не больше, внимания, чем Дараку. Магтур выглядел обеспокоенным, когда я поехала между ними, но я была в достаточной безопасности.

Оба они были светловолосыми, красивыми, моложе Дарака, важными настолько, насколько могут быть важны юноши, возмужавшие благодаря битвам, в которых они сражались, и суровой жизни в степях. Битвы оставили на них много шрамов. Асутоо вежливо беседовал со мной, пока мы ехали, а другой помалкивал. Он, кажется, был младшим братом и как таковой должен был держать язык за зубами. Асутоо также спросил, какого я племени, как провела свою жизнь и какие битвы повидала. Я соврала, что когда я родилась, мать оставила меня на съедение горным волкам из-за моего болезненного вида, так как знала, что степные племена бросали слабаков на произвол судьбы. Позже меня подобрал житель деревни, и с годами я стала на диво сильной, и наконец стала носить шайрин, и уехала с Дараком, не зная, какое из племен мое.

— Люди глупы, — серьезно заключил Асутоо, — но боги спасли тебя и дали тебе силу для битв.

Он говорил на племенном наречии и, казалось, несколько не изумлялся, что его знает посторонняя. Несомненно, боги дали мне и это тоже. Я спросила его, что означают диск и звезда.

Он коснулся татуировки на груди и объяснил: «Нсбесный знак богов. Мы видим над собой звезды, которые являются серебряными колесницами богов. Иногда они съезжают в них на землю, и земля выгорает дочерна. Однажды боги посетили нашего вождя. Они носили серебряное, и их нельзя было коснуться. С тех пор мы носим их символ, а вождь увенчивает чело камнем-звездой».

* * *

Мы добрались до крарла при свете раннего вечера. Предполагался он в безопасных трех днях пути от Пути Верховного Владыки, проклятой дороги, к которой племена

никогда не приближались, не ездили по ней и даже не пересекали, кроме как в самом крайнем случае.

Стан стоял в низине, построенный вокруг большой полосы воды, где росли серо-зеленые деревья. Его окружал частокол из деревянных кольев, вдоль которого расхаживали взад-вперед воины с семифутовыми копьями в руках. В одном месте расположилось шесть племен. За частоколом стояло много сотен шатров, сплошь черных; издали стан выглядел так, словно там расселась огромная стая воронов. По лагерю свободно бродили козы и коровы, сея где попало свой навоз. Несколько женщин, крошечных как блохи, стирали в воде одежду. Большинство же готовили еду у огромного кольца костров в центре крарла.

Мы проехали через ворота, сделанные из железа и явно не связанные с частоколом. Дети и козы тарасили на нас глаза. Караван начал разбиваться. Вскоре с вождями остались только Дарак и один-два капитана, и я тоже осталась с ними из-за Асутоо. Мы объехали крарл и большие загоны для лошадей на стороне, противоположной воротам. В действительности это было замаскированной сделкой, так как торговать здесь Дарак будет, в основном, обмениваясь. Мы нуждались в лошадях, особенно после Ки-ула, а эти были отличные, сплошь бронзовые и гнедые и по большей части необъезженные. Дарак улыбнулся и показал на самую большую и самую норовистую кобылу из табуна.

— Это Саррока — Чертова Кобыла, — сказал вождь со звездой. — Она выведена девственницей, и ей ненавистно ощущать у себя на спине любого самца — хоть коня, хоть человека.

Я знала, что перед этим Дарак не устоит. Он должен покорять все, что ему противостояло. Он спешил, и кобыла выкатила глаза и оскалила зубы, почувствовав его внимание.

Вождь кивнул. Двое воинов побежали вокруг загона, и открыли маленькие ворота на огороженное пастбище позади него. Они окликали ее по имени и протягивали лакомства. Было легко заметить, что они давно готовы к тому, что Дарак заинтересуется. Саррока ничего не приняла бы из их рук. Они положили ей лакомства, закрыли ворота и перемахнули через ограду.

— Бери ее сейчас, Дарак, — посоветовал вождь.

— Если она перестанет есть, тебе никогда к ней не приблизиться.

Дарак расшнуровал купеческую тунику и старательно повесил ее на седло. Его коричневая спина надменно играла мускулами. Он легко прелез через ограду и подождал, пока кобыла не доест и не подымет голову. Затем он окликнул ее, и она повернулась, оскалив зубы. Дарак тихо рассмеялся, возбужденный брошенным ею вызовом. Она топнула и заржала, а затем резко повернулась и побежала. Дарак тоже побежал, да так быстро, что очутился рядом с ней. Когда она свернула на углу пастбища, чуть замедлив бег, он схватил ее за бронзовую развевающуюся гриву, уперся в нее пяткой правой ноги и закинул ей на спину левую ногу, используя ее бок в качестве точки опоры. Это был невероятный трюк, и очень опасный, но он все-таки вскочил ей на спину. Люди Дарака и даже некоторые из воинов одобрительно закричали, но кобыла просто взбесилась. Она металась в разные стороны, вставала на дыбы, взбрыкивала и лягалась, и пронзительно ржала, выражая свою ярость и страх. Его она сбросить не могла. Он обхватил ее за шею, сжимая ей рукой горло. Это мешало ей дышать и быстро утомило ее. Она скакала круг за кругом, становясь все слабее и слабее, словно катящееся по склону большое бронзовое колесо.

Наконец, она стала, опустив голову и истекая потом. Дарак непринужденно соскользнул с нее. Проведя ее обратно через пастбище, он поднял все еще лежащие в траве лакомства. Он протянул их ей, но она мотнула головой и не пожелала принять их. Дарак выронил лакомства и перелез через ограду. Он тоже сверкал от пота, его тело казалось металлическим. Выглядел он исключительно красивым и очень рассерженным, освещенный лучами заходящего солнца.

— Ну, — промолвил он. — Я уберег ваших людей от некоторых хлопот.

— Саррока должна быть твоей, — сказал вождь.

— Премного благодарен, но она мне не нужна.

Вождь пожал плечами.

Я возненавидела Дарака. Он обломал ее ради собственного тщеславия, а теперь, оттого что она не прониклась к нему за это любовью, бросил ее. Если бы он оставил ее в покое, возможно, эти воины махнули бы на нее рукой и позволили ей снова стать свободной.

Солнце зашло, и начался пир.

Мы сидели вокруг кольца костров на огромных подушках, шесть вождей и их сыновья, Дарак с его капитанами и я. Над головами у нас опустил свои алые крылья полог. Еду и напитки подавали женщины в черных платьях и мальчишки. Согласно обычаю племен, мальчика держали при матери и сестрах до тех пор, пока ему не станет тошно от их общества и он не сбежит, чтобы убить степного волка зимой или не поймает дикого скакуна, или не примет участия в бою, если идет война, и таким образом докажет, что он мужчина. Все женщины носили шайрин, но глазницы были шире, чем у моего, и зачастую украшены вышивкой и бусами. Они нервно поглядывали на меня и ускользали прочь, чтобы дать дорогу другим, со следующим блюдом, тоже любопытствующим. Еда была обильной и пахла острыми приправами, но воины к жареному мясу не притрагивались. Его подавали только Дараку и его людям. Я не ела ничего, кроме кусочка церемониального хлеба, который они преломляли перед каждой сменой блюд, и который обязательно надо было взять, если ты друг. Выпила я и немного их вина, но это и все. Они уважили мою умеренность. Их воины тоже постятся, сказал их вождь, перед боем. Я привыкла к последующим болям и спазмам, и они меня мало беспокоили.

Пир закончился, но возлияния продолжались. По кругу пускали чаши со спиртным, приготовленным из козьего молока, смешанного с корой какого-то дерева. Дарак на этот напиток особо не налегал, но вожди и их воины пили крепко.

После этого начались наконец торговые переговоры. Меня они не очень интересовали, ведь это была скорее игра: вожди и Дарак ставили друг другу невозможные условия до самой последней точки, которая была фактически тем, на чем они с самого начала собирались сойтись. Они ведь нуждались, главным образом, в ножах, а Дарак стремился приобрести лошадей и изготовленные их женщинами ткани, пользовавшиеся спросом в городках. Из рук в руки стали переходить деньги и мешочки с тускло-красными фишками, бывшими, по-моему, осколками неотшлифованных драгоценных камней — возможно, гранатов.

К этому времени я почувствовала себя опустошенной. Пары вина, которое я даже не выпила, ударили мне в голову, глаза у меня щипало от огня. Сквозь дым я увидела, как вышли сплясать для нас семь или восемь девушек. Они носили белые шайрины, но хотя лица у них и были прикрыты, тела их были почти нагими. По спинам, под мышками у них проходили тонкие кожаные ремни, застегивавшиеся над грудью золотой пряжкой. С этих ремешков свисали кисточки из белой шерсти, иногда скрывавшие грудь, но не часто. Схожее сооружение окружало их бедра, и хотя кисточки тут были многочисленней, скромность они защищали весьма относительно. Их поджарые коричневые тела мало чем отличались от тел их мужчин, но при всем при том они были прекрасны.

Вождь вежливо просил Дарака выбрать себе женщину, и коль скоро Дарак выбрал, другие разбойники тоже подцепили девушек, пришедшихся им по нраву. Наверное, мне не следовало удивляться, когда вождь нагнулся ко мне.

— И ты тоже воин. Какая из девушек даст тебе место для ночлега в крарле?

Я не сразу поняла, что это тоже входило в обычай их женщин-воинов. После секундного колебания я ответила ему на племенном языке:

— Ты оказываешь мне большую честь, отец мой, но хотя я буду сражаться как мужчина, я все же в достаточной мере женщина, чтобы не спать с женщинами. И посему я могу лишь отказаться от твоего щедрого подарка.

Он сделал рукой жест, означавший: «Это справедливо», и предложил:

— Выбери тогда для своего удовольствия воина. Таких женщин, как ты, в крарлах высоко ценят. Любой мужчина будет только рад.

Я увидела сквозь дымное свечение, как по лицу Дарака расплзлась жесткая улыбка. Он хотел, чтобы я смутилась, очутившись в таком положении, и заикаясь отказалась, а он потом загладил бы мой отказ перед вождем, объяснив мою неизбывную слабую женскую нервозность.

Какого же чужака и врага я имела в человеке, которого, казалось, любила?

Я поклонилась вождю и, повернувшись, положила руку на широкое нагое плечо Асутуо. Я почувствовала, как затрепетали под моими пальцами его мускулы, и была благодарна за это.

Вождь улыбнулся и несколько раз кивнул.

— Хороший выбор. Будь я моложе, ты могла бы положить руку на меня.

— Я бы не посмела надеяться на такой высокий взлет, — поскромничала я.

Ритуал был успешно завершен.

Я не позволила себе оглянуться на лицо Дарака.

Вскоре после этого пир закончился. Явились мальчики с факелами проводить нас к нашим отдельным шатрам. Мне подумалось, что Дарак тронулся было за мной; я услышала легкий тревожный шум, и несколько воинов преградили ему дорогу. Я не оглядывалась, когда ушла с Асутоо за золотые языки света.

Шатер у него был маленький, но вполне пригодный. Мы нырнули внутрь. На полу лежали ковры и подставка, куда мальчик засунул факел, а потом вышел. Я посмотрела на Асутоо. Лицо у него слегка покраснелось, а глаза стали яркими. Он немного захмелел, но не в опасной степени, и не казался удрученным.

— Надеюсь, я не рассердила моего брата, выбрав его? — сказала я.

— Я счастлив, — ответил Асутоо, еще больше краснея. — Мне кажется странным, что вождь не увидел, что ты к тому же женщина.

— Только одно условие, брат мой, — сказала я. — Тебе известно, что я не открою своего лица?

— Я и не ожидал этого. Те шлюхи откроются любому мужчине, но ты — воин и вдобавок принцесса.

Он, казалось, знал меня гораздо лучше, чем можно было ожидать, даже делая скидку на официальную вежливость племенного языка.

Мы разделись, свет факелов сверкал вокруг нас. Он был хорошо сложен и экономен в движениях, несмотря на свою юность. Он ткнул факел в песок на подставке, и мы улеглись в темноте. Я проявляла большую осторожность, чтобы он не осознал моих физических отличий. На этот раз я не чувствовала себя незащищенной от любви и уязвимой.

Я боялась, как бы не сделать его в своих мыслях Даракком, но такое было бы трудно, и меня это радовало. Он во

всех отношениях был совсем иным — мне требовалось всего лишь коснуться его связанных в пучок волос, его кожи; и запах и вкус его тоже были незнакомыми. Сам акт был наслаждением, но не был истинным обладанием. Дарак брал, а Асутоо заимствовал — никак иначе это описать нельзя. Мы вели себя слишком благовоспитанно друг с другом, вот и все.

* * *

Рассвет вполз под полог белой нитью.

Я услышала снаружи движение, топот лошадей, крики и звуки отбытия, к которым я так привыкла. Одевшись, я склонилась над Асутоо и нежно коснулась его лица. Его глаза открылись, сонно посмотрели на меня, и он улыбнулся.

— Они отправляются, — сказала я. — Я должна уйти.

Лицо у него изменилось. Он полностью проснулся, потянулся и принялся одеваться.

Я была уже у полога, когда он спросил:

— Почему ты едешь с тем человеком?

В голосе его звучало что-то, чего я раньше не слышала.

— Я одна из людей Дарака, — ответила я.

— Нет. Ты из племен.

— Я должна идти, Асутоо. Между нами было счастье, но рассвет разлучает день с ночью, и наша разлука неизбежна.

Он умолк, и я вышла.

Они отправлялись раньше, чем ожидали. Воины приводили Дараку лошадей и приносили тюки разноцветных тканей. Приносили также и еду, и разбойники закусывали, готовясь к отъезду. Вождь смотрел на это нарушение этикета снисходительно, так как был более чем удовлетворен. Ножи и другое отобранное ими оружие лежало сваленным в кучи, и воины беспокойно рылись в них. Позже будет собрание и официальная раздача.

Дарак сидел на коне, откинув голову назад, вливая себе в глотку тот или иной напиток из глиняной чаши. Маггур подошел ко мне и усмехнулся.

— Этот здорово рассержен, — заметил он, не глядя на Дарака. — Прошлой ночью он бы остановил тебя, да помещали эти голые вояки.

Дарак повернулся и увидел меня. Выплюнув на землю последний глоток напитка, он развернул коня.

Маггур нашел мне моего коня и вскочил на своего рядом со мной. Большинство разбойников уже сидело в седле. Пора было отправляться. В воздухе носилось ощущение грозы.

— Премного благодарен вам за гостеприимство, — сказал Дарак вождю.

Вождь кивнул. Я увидела, что Асutoo вышел вперед и остановился в нескольких футах от отца. Он посмотрел на Дарак, и Дарак с силой натянул поводья, так, что его конь вскинул голову и взбрыкнул передними ногами по бивачному костру, осыпав ноги Асutoo дождем углей.

Асutoo не шелохнулся. Он обратился к отцу:

— Дозволь мне, вождь мой, поговорить с нашим гостем и братом, прежде чем он уедет от нас.

Вождь, нахмурясь, выразил жестом согласие.

Но Асutoo заговорил не сразу.

— Ну? — осведомился Дарак.

— Слова мои предназначены не только для тебя, Дарак, горный всадник. Я говорю и твоему воину, женщине. — Асutoo посмотрел на меня через разделявших нас лошадей. — Ты знаешь, сколь мало я могу предложить тебе, но если ты станешь моей женой и будешь жить с моим племенем, то получишь весь почет, какого ты заслуживаешь. Я не стану препятствовать тебе скакать на бой; ты поскачешь прежде меня. Ты будешь жить в моем шатре не как женщина, но как мой брат. Прислуживать мне будут другие жены. Я прошу тебя потому, что знаю, что ты не только воин, но и женщина.

Меня пронзила боль, острая, как нож. Мне вдруг очень захотелось остаться, быть его женой и скакать рядом с ним, а позже наверно родить ему детей, и быть только женщиной, и рабой, как все прочие. Я знала, что он будет меня любить, и предоставит мне полную волю быть собой. Он позволит мне разыскать мое прошлое и Зеленый Нефрит, коль скоро мне удастся убедить его. Но почему-то я не могла заговорить.

Возникло молчание. Я не могла смотреть на лицо Дарак, я знала, какое будет на нем написано презрение. Еще миг и он скажет мне: «Ну, что ж, бери его тогда, и мое благословение вам обоим». Но Дарак тоже не говорил ни слова.

— Такая женщина, — сказал вождь, — принесет нам честь. В один прекрасный день, если будет на то ее воля,

она может породить сыновей и сделает наше племя великим. Я отвечу за сына моего Асутоо. Он храбрый воин, и убил много наших врагов. Однажды утром он проснется вождем Звезды.

Тут Дарак развернул коня. Подъехав ко мне, он выхватил поводья из моих рук.

— Твои слова — большая честь для нас, вождь. Но у нас иные законы. Эта женщина — моя.

Лицо у Асутоо побелело, руки сжались в кулаки.

Мне хотелось лишь одного — вырваться, и сказать: «Нет, Дарак, я совсем не твоя», и уйти к этому белолицему мальчику. Но я не могла этого сделать.

Дарак не взглянул на меня. Он поднял руку, отдавая честь племенам и их вождям, а потом развернул нас, все еще держа свободной рукой мои поводья, и только после этого снова овладелт своими. У меня не осталось никакой свободной воли, он украл ее, а я отдала ее, не сопротивляясь. Так ужасно было находиться в его власти, вдвойне ужасно, потому что это приводило меня в восторг. Гнев и радость оттого, что он увлакивает меня прочь — от покоя, безопасности и надежды на свободу, и оттого, что мое мнение в расчет не принимается.

— Дарак, — окликнула я, — отпусти коня, ты порвешь ему рот.

— Не указывай мне, проклятая сука, — закричал он в ответ. Небо ринулось нам в лица. — Я управлялся с лошадьми прежде, чем ты вылупилась из яйца.

Но он смеялся. Мы оба смеялись. Я уже забыла Асутоо, его рухнувшие надежды и его позор.

Часть IV: Анкурум

1

Мы не вернулись на дорогу, но двигались параллельно ей по более новому проселку. Чуть дальше Ки-ула мостовая, кажется, была разломана и больше не годилась для проезда. Бесславный конец Пути Верховного Владыки.

Мои неприятности, казалось, кончились. Больше никаких снов и никаких странных происшествий. Только скучная езда по жаре, шутки, чувство товарищества, пусть даже нелепое. И Дарак. Для него, думаю, это тоже было хорошее время. Не знаю, любил ли он меня или нет и как он мог меня любить, но между нами тогда что-то было. И я не забуду.

А потом мы добрались до Анкурума. Рыжего города, сидящего, опираясь ногами на скамеечку в виде высоких скалистых холмов, прислонясь спиной к невысоким горам, а совсем уж за ним — касающиеся неба силуэты Горного Кольца, неясные и далекие, с их шапками, ставшими уже кремовыми от снега. Об Анкуруме ходит старая легенда, что процветание ему приносит алая лоза, которая растет только в нем и никогда не вырастет в другом месте.

Прежде, чем мы увидели его, мы проезжали через деревни и села, становившиеся все больше по мере того, как мы приближались к городу. На скальных холмах перед его воротами теснилась сложная путаница домов, постоянных дворов и рынков. Казалось бы, округ этот должен был быть таким же негостеприимным и бесплодным, как равнина, но здесь почему-то росли сады и леса, и расстилались разрезаемые небольшими ручьями поля. Наверное, они были правы, поклоняясь богине лозы.

* * *

За стенами город поднимался уступами, террасами и высеченными в склоне горы извилистыми переулками. Здания здесь строили почти целиком из камня, теплого желтоватого камня, похожего на тот, из которого были сложены крепостные валы. Помимо лозы, разросшейся повсюду, город украшали картины, нарисованные на домах, садовых стенах и по всем фасадам постоянных дворов и питейных заведений. Ветер раскачивал малиновые, зеленые и желтые вывески с нарисованными на них изображениями молотов, кружек и буханок. Стоял полдень, и все окутывал бронзовый свет грозы.

— Впечатляет все это изобилие? — спросил Дарак.

Я оглядывалась кругом, замороженная вопреки себе этим первым контактом с густым скоплением людей, которое называлось городом. Меня заинтриговала его структура: весь он лез вверх к огромной крепости-дому своего

начальника, который, в свою очередь, подчинялся своему начальнику, сюзерену этого округа. В этом краю существовали законы, и налоги регулярно взимались деньгами, а не от случая к случаю овцами и козами. На большинстве улиц стояли жаровни, дожидаясь, когда их зажгут с наступлением темноты, но дома местами срастались над головами прохожих и загораживали небо. Я заметила лохани для лошадей, дренажные канавы для стока дождевой воды и боковые улочки, тесно застроенные лачугами, а также ощутила скверные запахи. Не сплошное тут, похоже, изобилие, но я позволила Дараку подразнить меня.

Правда, он и сам прежде не бывал в Анкуруме, но ему доводилось бывать в других схожих городишках вдоль подножия Кольца. Несомненно, ему редко случалось дважды навещаться в один и тот же город. Ведь рано или поздно, но жители всегда обнаружат, что купили товары у вора.

Я поняла, насколько опасна эта игра, в которую он играл, когда узнала, что спустя несколько мгновений после того, как мы въехали в город, его имя внезапно сменилось с Дарака на Даррос. Как позже объяснил мне Магтур, Дарак-разбойник был чересчур хорошо известен. Однако Даррос, сын купца, подозрений не вызывал. Он был фигурой впечатляющей, хоть и эксцентричной; человек, осмелившийся провести свой караван через горы и равнины с их опасным кордоном; человек, пользующийся милостью своих богов. Здеcшние купцы считали его буйным и сумасшедшим, ревнуя к его достижениям. А его люди оказались буянами и негодьями, пившими все время своего пребывания в городе, перебираясь из одного борделя в другой. Тем не менее, груз был делом важным. Да, несмотря на его молодость и отдельные недостатки, они нашли в своих жадных сердцах место для Дарроса из Сигко.

Людей вокруг шаталось мало, так как этот час они считали священным для своих желудков. Половина дешевых лавочек позакрывались, но таверны ломились от посетителей, вытесняя прожорливых едоков на подмостки у обочины.

Гостиницу нам удалось найти не без труда. Караван был большой и выглядел сейчас очень внушительным, особенно с его черными дозорными в черепных масках, страшным атрибутом торговых городов на севере.

Поначалу всегда попадался какой-нибудь человек с покрасневшим лицом, говоривший:

— Совершенно нет мест. Анкурум битком набит из-за Игр.

— Что это за игры? — крикнул кто-то в первый раз.

— Да вы кто, — варвары или как? Мы всегда проводили наши Игры. А теперь, когда построен новый стадион, люди съедутся с округи во много миль. Вы что варвары, севе-
ряне?

Из-за этого могла бы вспыхнуть драка, но Дарак, Эллак и Маггур утихомирили прочих, и мы уехали, не отметив своего приезда пролитой кровью и вышибленными мозгами.

Вскоре до нас дошло, почему Анкурум заполнен до отказа. На более широких улицах висели приколотенные к дверям и стенам афиши, расписанные по большей части рисунками и символами — броско изображенные голубыми и оранжевыми красками борцы и колесницы, влекомые розовато-лиловыми лошадьми. К этому времени небо затянули тучи и пошел дождь, и краски на афишах сплошь стекали в канавы. Время года казалось поздноватым для устройства игр. Вероятно, их задержал достраиваемый новый стадион. *Гигантский и Несравненный Сиркуникс Анкурума*, как именовали его их расплывающиеся искусства.

Наконец мы нашли заведение большое и достаточно скверное, чтобы в нем нашлось место и для нас. В огромных каменных помещениях царили запущенность и холод. Постели не проветривались целый миллион лет. Нам разожгли очаги, принесли проеденные молюю простыни и устроили трапезу. Там проживало лишь пять-шесть других постояльцев и, как мне представлялось, это были местные, а не приезжие. Эти старые и робкие жильцы шмыгали прочь с нашего пути, словно маленькие испуганные зверьки. Где бы я ни встречала кого-либо из них — на лестнице или в столовой — они в жалком ужасе бросались в сторону; а от Дарака и других они с визгом убегали по боковым коридорам, и всю долгую ночь слышалось, как они, нервничая, со стуком открывают и закрывают двери, пытаясь прошмыгнуть в отхожее место и обратно, не встретив никого из нас. Думаю, они были моим печальным уроком по части жалости, но я также и смеялась над ними.

Те первые три дня были гнетущими, черными и дождливыми. Дарак уходил рано утром вместе с Эллаком, Глиром и тремя-четырьмя другими в сопровождении десятка разбойников, переодетых черепастой охраной; выючные

животные везли образцы его товаров. Мне не позволялось ехать с ним, поскольку появление женщины в конторе купца было в городах явно неслыханным делом. Это были скучные времена, бесконечные торги и подписывание документов. Степняцкие ткани сбыли легко, но оружие шло не так бойко. По вечерам, когда я видела его, Дарак сердито ворчал на тайные происки и обманы, с помощью которых торговые посредники пытались надуть и облапошить его — это были настоящие грабители. Забавно было слушать, как он выражает свой надменный и праведный гнев — это он-то, который в первую очередь и похитил эти товары. Но впрочем, он ведь теперь был Дарросом. За исключением одного случая, когда он поскакал на неоседланном бешеном коне по рыночной площади, расположенной через три улицы от нашей гостиницы.

Так я проводила свои дни, запертая в мрачном холле гостиницы, сгорбившись у очага вместе с остальными, в то время как они вели свою бесконечную игру в кости, или одна, если они отправлялись в бордель. Женщины, которых они приводили с собой, пребывали в дурном настроении и заказывали бесконечную череду блюд, от которых они становились чрезмерно тяжеловесными. Они столь же не привыкли к такой сидячей жизни, как и любой из мужчин. Утром третьего дня нас присутствовало мало, и поскольку холл был практически нашим, Маггур повесил раскрашенную деревянную мишень, и мы с ним и еще одним разбойником принялись состязаться в стрельбе из луков. Мой лук пострадал от влажности и бил неважно, пока я его не навощила и не просмолила. К тому времени в игру вступили и другие и разбились на команды. Команда Маггура назвала себя «Баранами», отчасти потому, что трое-четверо из них только что вернулись из борделя. Другая сторона присвоила себе название «Драконы», и в ней насчитывалось на одного человека меньше.

— Пойди, постреляй для нас, Имма, — позвал один из них. — У этих ублюдков нечестное преимущество.

Покуда женщины лениво следили за состязанием, выщипывая себе брови, потому что в Анкуруме это было модно, и отправляя в рот куски засахаренных фруктов и леденцов, «Бараны» и «Драконы» вели бой, переходящий иногда в драки и состязания по борьбе на полу. Маггур был самым лучшим на их стороне, а я наилучшей на моей. В конечном итоге я победила его.

— В недобрый день я научил *тебя*, — сказал он мне. — Ты стреляешь даже лучше, чем Кел.

Сказав это, он огляделся в поисках улыбки Кела, а затем спохватился, вспомнив, что Кел убит. Между нами возникло неловкое молчание, которое, к счастью, нарушил Дарак, вернувшийся непривычно рано, с большим шумом и группой незнакомых людей.

Войдя, он сразу подошел ко мне и взял меня за руку.

— Положи это добро и ступай наверх.

Стоявший неподалеку от нас разбойник посмеялся над его торопливостью, и Дарак небрежно отвесил ему затрепину, от которой тот так и зашатался.

Он препроводил меня из холла наверх к нашей длинной и ледяной комнате. Меня удивило, что люди, которых он привел с собой, шмыгнули следом за нами.

— Подождите, — велел он и закрыл перед ними дверь. Он подбросил дров в гаснущий очаг и выпрямился. Выглядел он одновременно и раздраженным, и позабавленным.

— Продажа? — спросила я.

— Пока нет. Этикет в Анкуруме похуже, чем в племенном крарле. Посредник, с которым я имел дело, устраивает сегодня то, что ему угодно называть ужином. Он хочет, чтобы я принял в нем участие, и как я понял, именно там меня ждет встреча с возможными покупателями. Это значит, что придется вытерпеть несколько часов скуки, слабенького вина и жалких лакомств на тоненьких блюдечках. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

— Зачем? Я думала, анкурумские купцы падают в обморок при виде женщины.

— Похоже, только в своих оружейных лавках. Ожидается присутствие дам, а у меня нет времени связываться с ними, если я хочу выгудить из пруда нужных мне купцов. Ты — мой щит против этого.

Мне не хотелось идти, но я увидела логику в сказанном им. И холодно осведомилась:

— Я должна идти в таком виде?

— За дверью трое портных и женщина, которая завьет тебе волосы. По крайней мере, лицо красить тебе не требуется.

— Думаешь, шайрин не вызовет пересудов?

— Вызовет и, надеюсь, немало. Прекрасная племенная любовница живо утихомирит самую пылкую шлюху. Это

было бы интересно. Кроме того, у тебя есть те изысканные манеры, которые они так обожают, хотя где ты их набрала?

Он внезапно снова открыл дверь, и женщины так и подпрыгнули. Я мигом поняла, что он их совсем застрашал.

— Заходите, — пригласил он, — и поторапливайтесь. Делайте, что я вам сказал и что скажет вам она. Последнее слово останется за ней. Я хочу, чтобы все сделали самое позднее к закату.

* * *

Материал они принесли с собой, выбранный Дараком, и сперва я думала, что его разбойничьи пристрастия к ярко-крикливому обрекут меня на уродство. Но он был человеком хитрым. По крайней мере, он знал, чего не носят в купеческом кругу, даже если душа у него плакала навзрыд от необходимости подчиниться их вкусам. Он даже боялся собственного суждения, когда выбирал это добро. Каждая показанная мне ткань была без узоров и приглушенного цвета: следовательно, он ошибся в игую сторону — перебрал по части скромности. Но я нашла наконец в этой куче красоту — тяжелый шелк с белым блеском алебаstra. Затем последовали снятие мерок и прочая суета. К счастью, то, что в Анкуруме считалось элегантным, отличалось также простотой: платье без рукавов с глубоким вырезом спереди и сзади, чуть подогнанное под грудью, а затем спадающее свободными складками до пят. Имелись также сандалии из выбеленной кожи с золотыми заклепками. Одна из женщин уже что-то шила — новый шайрин, на этот раз из черного шелка.

В перерыве между снятием мерок я вымылась, разделив свою ванну с многочисленными плавучими жуками, жившими в стенах ванной.

К раннему вечеру я была одета. Потрудились они на славу и даже с умом, как показало мне принесенное ими зеркало. Тут ко мне подлетела, страшась ультиматума Дарака, парикмахерша, которая, пока там делали платье, готовила свои духи, расчески и нагревала на огне щипцы. Она втерла мне в волосы сладкое пахучее масло, расчесала их, а затем завилла щипцами каждую прядь в спирали кудрей. Их она уложила у меня на голове петлями и спи-

ралями. Те, что остались, свободно свисали у меня на затылке, скрученные, словно, извивающиеся змеи. Большинство женщин, уведомила она меня, воспользовались бы для такой прически накладными волосами, но в данном случае она ухитрилась обойтись без них. Это удалось, вероятно, благодаря густоте моих волос, но она, несомненно, заслужила небольшую доплату за свое мастерство.

Дарак вошел без стука, и женщины живо засуетились. Он изучил меня, а затем усмехнулся, довольно щедро заплатив им за труды и вытолкал их за дверь. Закрыв ее за ними, он прислонился к ней спиной, глядя на меня. За день он приобрел тунику черного цвета, отделанную черным бархатом, опять же, очень уж скромную, но он в ней выглядел хорошо. На новых сапогах у него поблескивали агатовые пряжки.

— Ты прекрасна, — сказал он. Он подошел и понюхал мои волосы. — Прекрасна, — снова сказал он. Его рука скользнула по коже моей шеи и руки. — Белое на белом. Ты поступила умно, выбрав это. Твоя гладкая кожа — она никогда не покрывается загаром и не краснеет. И не сохраняет шрамов, — добавил он. Его пальцы двинулись вновь. Он даже теперь помнил, куда меня пырнула Шуллат, хотя всякие следы давно исчезли. Внезапно он отступил, и лицо его чуть окаменело.

— Я принес тебе вот это.

Я взяла кусок шелка, развернула его. И уставилась в прохладную зеленую глубь; и восемь овальных глаз отвечали мне таким же взглядом. Все мое существо потянулось к нему, но я не хотела в то время, чтобы он покупал мне нефрит или заставлял меня смотреть на него. Они любили нефрит, и с тех пор, как мы покинули Ки-ул, я не носила того, который отняла у Шуллат.

— Тебе не нравится? — спросил он, слегка уязвленный.

— Нравится, — призналась я, — больше, чем что-либо.

— Я слышал, как ты во сне говорила о нефрите. — Он подошел ко мне поближе и застегнул ожерелье у меня на шее. Оно было таким прохладным, восемь глаз воды, заключенных в золотые берега.

— Дарак, — тихо произнесла я.

— Даррос, — поправил меня он. — И не забудь.

Он поцеловал меня в шею.

— Надень и золотые кольца, а лучше тот золотой браслет, который Магтур украл для тебя у своей бабы в лесном стане.

Я сделала, как он сказал. Браслет не был безвкусно-крик-ливым и придавал некоторый шик гладкой белизне платья. Надела я также и черный шайрин, когда солнце за узким окном заходило, заливая красным крыши Анкурума.

С нами отправились Маггур, Глир и несколько человек «охраны» верхом на лучших лошадях. Эллак, Дарак и я ехали в какой-то карете, нанятой для этой цели, душной, шаткой, влекомой двумя толстыми лошаденками. Дарак и Эллак беспокойно ерзали в тесноте повозки. Эллак тоже оделся в черное, подстриг себе бороду и брови, и, надо полагать, помылся старательней, чем обычно. Невероятное дело: он тоже выглядел красивым.

Карета шумно подсакивала на камнях.

— Дождь закончился. Обратно пойдем пешком, — поклялся Дарак.

2

Полагаю, для людей вроде Дарака неопределенность — это жизнь, а опасность — вино жизни. Тогда, подхваченная течением, заразившаяся его возбуждением и хладнокровием, я действительно не понимала глупости того, что мы делаем.

Дом посредника располагался в «садовом» конце Анкурума, на возвышенности. Из всех его окон открывался великолепный вид, и к нему прилегали террасированные дорожки, где звенели маленькие фонтаны и важно расхаживали прирученные птицы с ярким цветастым оперением. В портике, через который нас провел слуга, горели алебастровые светильники. На фресках стен были изображены обнаженные танцовщицы. Я увидела, что Эллак с трудом удерживается от непристойных острот. Маггур и остальные остались во дворе. Вечер покажется им непроходимо скучным, если они не смогут затеять игру в кости или драку с другими конюхами и слугами, засевшими в близлежащих тавернах.

За залом при входе двойные двери вели в просторное помещение, откуда открывался вход в другие, не менее просторные залы. Здесь среди висящих цветочных гирлянд бродили гости, вежливо беседуя друг с другом. Они деликатно потягивали вино и брали с подносов лакомые кусочки сластей и пряностей.

Эллак смотрел на все это беспокойным взглядом. А Дарак казался надменным от нетерпеливого раздражения. К нам подошел слуга.

— Даррос из Сигко, сударь?

Дарак кивнул.

Слуга, сделав несколько напыщенных жестов, провел нас через зал, где собрались гости, вокруг нескольких изукрашенных домашних фонтанов и далее — вверх по лестнице. Здесь нас приветствовал хозяин дома, кругленький лоснящийся мужчина, который пораженно взглянул на меня.

— Добро пожаловать, Даррос, добро пожаловать. Я так рад, что ты смог прийти.

Брови Дарака пренебрежительно дернулись, когда он улыбнулся.

— Очень приятно.

— А ваши спутники... — Малпосенькие глазки снова покоились в мою сторону. Я его одновременно и завораживала и отталкивала. Если я была степнячкой, то вполне могла чего доброго оказаться неотесанной дикаркой. В Анкуруме нечасто видели степных воинов и их жен, а когда они заезжали туда, к ним всегда относились, как к дикарям.

— Это моя дама, — представил меня Дарак. Это был принятый в свете термин для обозначения любовницы. Тем не менее посредник вздрогнул.

— Ваше приглашение для меня — большая честь, — поблагодарила я его, и он сразу успокоился.

— Может быть, вы тоже прибыли с севера? — спросил он, но глаза его скользили одобрительным взглядом по моей груди.

— Да, — подтвердила я, — несмотря на мое низкое происхождение из степных племен, я получила вполне приличное воспитание.

Дарак совершенно откровенно ухмылялся.

— По-моему, здесь есть люди, с которыми мне надо встретиться, — напомнил он.

— В самом деле. Но сперва еда. А потом развлечение.

— Конечно, — кивнул Дарак.

Глаза посредника устремились теперь на Эллака, который снял с подноса три чаши с вином и осушал их одну за другой.

* * *

Ужин подали очень скоро, хотя возможно не достаточно скоро для Эллака, который набросился на него, как голодный стервятник. Другие гости с тревогой смотрели, как

он набивал рот жареным мясом и вытирал стекающий по бороде сок кусками фигурного хлеба. Дарак, раздраженный и, наверное, сам ставший немного неуверенным в себе от чрезмерной утонченности городских манер, не сделал ни малейшей попытки остановить его. Сам он ел мало, а я как обычно только отщипывала небольшие кусочки, но Эллак, с аппетитом, сделавшим бы честь всем троим, поглощал, невзирая на рыгания, все блюда. Раньше я никогда не обращала внимания на этот особенный аппетит среди людей, набрасывавшихся на еду, как волки, но здесь он вызывал явное недоумение.

Ужин подавали в огромной столовой, освещенной множеством свечей. Тут стояли низкие с подушками лежа и низкие столы; они образовывали полукруг с выложенным мраморными плитами полом в центре, где выступали жонглеры, танцоры и акробаты под бой маленьких барабанов и звуки тростниковых свирелей.

Когда унесли последние блюда, подали чаши для ополаскивания пальцев и салфетки, а затем принесли свежие подносы с вином и сладостями, центральная плита мраморного пола ушла вниз. Должно быть, опускающее устройство было нововведением в доме посредника и потому вызвало аплодисменты. Слуги побежали к скоплениям свечей, опустили их на шнурах и погасили. Утопленная плита начала постепенно подниматься. Свет был очень тусклым, с легкой дымной краснотой и запахом ладана. Плита сравнялась с полом; на ней лежала обнаженная женщина с нарисованными по всему белому телу серебряными листьями, с сеткой из алых самоцветов между бедер. Когда она поднялась на ноги, я увидела, как она расцветила себе лицо: белые губы и алые блестящие веки, словно из них вытекала свежая кровь. Но внимание мое приковала змея. Все кругом ахнули. Гостей сумели увлечь. Несколько женщин взвизгнули, но не отвели глаз. Змея тоже была красно-белой, толщиной по меньшей мере с талию женщины и футов в двадцать с лишним длиной. Заиграла музыка, медленная и плавная, переходящая от одной каденции к другой, обвивая женщину так же извилисто, как и змея. Они танцевали вместе, петляя и извиваясь друг вокруг друга. Танцовщица была одной из тех — «гуттаперчевых» — и для нее не составляло труда извиваться змеей. Внезапно из двери в противоположной стене выскочил мужчина. Он прошелся колесом в центр зала, и

женщина нагнулась перед ним в ожидании, обвитая змеей.

Кровь застыла у меня в жилах. Я почувствовала, что задыхаюсь. Тело у мужчины было окрашено в золотой цвет. Откуда у них взялся этот ритуал? Помнили его, сами того не ведая? Не являлся ли он наследием тех пропавших демонов, которые породили меня?

Танец продолжался, и теперь они были вместе, сплетенные в симуляции наслаждения, со змеей, скользившей между их телами.

Затем плита ушла в пол, и свет зажгли вновь. Гости зашевелились, пробуждаясь, и заплодировали.

— Какой артистизм!

— Триумф красоты!

Видимость культуры, прикрывающая их болезненную развращенность.

Я посмотрела на Дарака, но они с Эллаком озорно и искренне смеялись над представлением, возбужденные, ничего не прячущие под плащом из слов.

К нам подошел посредник, получая по пути поздравления со всех сторон.

— А, Даррос, вот человек, с которым я хотел бы тебя познакомиться.

Мы поднялись и последовали за ним из жаркого зала на прохладную террасу с видом на город. Деревца в цветочных горшках покачивались на ночном ветру. В вышине сияла луна. Было уже поздно, хотя огни в Анкуруме еще горели.

Поджидавший нас человек стоял, небрежно прислонившись к балюстраде. Он носил длинный черный балахон без украшений. Единственной его уступкой моде казались волосы, умощенные, завитые и очень длинные, да великолепный рубин мерцавший, на левой руке. Он гармонировал со сверканием его глаз. Суровое, стареющее, расчетливое лицо.

— Разрешите представить вам Дарроса из Сигко, нашего знаменитого купца-караванщика. Распар из Анкурума.— Посредник суетливо откланялся, явно не волнуясь из-за того, что стал лишним в собственном доме.

Новый знакомый кивнул Дараку и Эллаку. Взяв мою руку, он поцеловал ее с привычной церемонностью. Он не спросил, кто я такая, и, похоже, не особенно интересовался мной.

— Вам понравилось представление нашего друга? — спросил он у Дарака. — Очень искусное, по-моему, несмотря на всю слабость композиции. Однако после столь долгого ожидания вы несомненно хотели бы поговорить о деле.

— Буду рад поговорить о деле.

— Вот и хорошо. Я слышал, вы привезли несколько фургонов оружия отличной работы из северных мастерских. Возможно, — он снисходительно улыбнулся, — вам неизвестна степень моей заинтересованности в этом деле. Заверяю вас, в Анкуруме меня хорошо знают. Естественно, я не ожидаю, что вы мне поверите без какой-то поруки, но я могу сразу забрать у вас весь товар, не прибегая ни к каким посредникам.

— В самом деле?

— В самом деле. Но прежде чем мы перейдем к дальнейшему обсуждению этой сделки... Я слышал о вас много хорошего. Вы — один из немногих, кому удалось довести до Анкурума караван с севера, не потеряв половины его. Неужели вы ни разу не сталкивались ни с какими трудностями?

— Трудностями?

— С разбойниками. Мне говорили, что в горах властвуют они. Не говоря уж о степных племенах.

Дарак небрежно показал на меня.

— Как видите, от этой беды у меня есть своя охрана.

— Ах, да.

— Что же касается разбойников, — продолжал Дарак, — то я достаточно хорошо знаю, что у них на уме. И у меня есть своя стража.

— Значит, вы любите опасную работу, Даррос из Сигко?

Дарак ничего не ответил. Посмотрев Распару из Анкурума в глаза, он улыбнулся своей суровой улыбкой. Она была театральной, но тем не менее недвусмысленной.

— Вижу, что да. И мне также рассказывали, что вы отлично умеете управлять лошадьми. Я слышал, вы день назад укротили на рынке одного необъезженного коня.

— Я вырос вместе с лошадьми, — сказал Дарак.

— Хорошо. А с колесницами вы тоже росли рядом?

Вопрос озадачил и вызвал некоторую напряженность. Эта беседа была отнюдь не просто праздною болтовней.

— А почему вы спрашиваете? — осведомился ровным тоном Дарак.

— Буду прям, — сказал Распар. — Я подумываю расширить свои деловые интересы и включить в них разведение лошадей. У меня уже есть конеферма, в нескольких милях от Анкурума, и с этой конефермы я получил дикую тройку вороных. Ради своего делового имени я хочу, чтобы какой-нибудь молодой человек, любящий опасность и знающий своих лошадей не хуже, чем своих женщин, участвовал в скачках на моей тройке в Сиркуниксе. И, естественно, победил.

Дарак рассмеялся, коротко и резко. Это было бы свидетельством презрения, если б его глаза не сверкали так ярко. Да, он не мог устоять. И когда он сказал: «Я знаком с колесницами», я не была уверена в том, что это правда. А затем он добавил:

— А также немного знаком со скачками. Вы имеете в виду те, о которых говорят больше всего?

— Они самые, — улыбнулся Распар. — Конечно, есть много других заездов и много других скачек — с участием только всадников, а также всадников и колесниц. Но здесь — королевский уровень; они приносят самый большой приз. — Он задумчиво взглянул на Эллака. — Конечно, вам также понадобится найти лучника. Если вам не рассказали, то учтите, это должен быть худощавый маленький человек, мальчик, если у вас есть такой. Достаточно ловкий, чтобы удержаться на ногах, достаточно легкий, чтобы лошади почти не замечали его присутствия на колеснице. У вас есть такой?

Дарак взглянул на меня.

— Есть.

Рассерженная и ошеломленная, я гневно взглянула на него в ответ. Я тоже немного слышала об этих скачках. В Анкуруме о них толковали на всех перекрестках, и разбойники, возвращаясь в гостиницу, приносили с собой эти слухи. Эти скачки назывались «Сагари» и были верной смертью. Участвовало шесть или более колесниц, каждая с тройкой в упряжке, каждая с возницей и лучником, чьей задачей было вывести из строя другие колесницы под градом стрел лучников его противников. Согласно двум законам Сагари, запрещалось целиться как в людей, так и в лошадей, и все же, когда дело дойдет до стрельбы, так легко ошибиться в расчете — или же наоборот рассчитать все точно. И помимо всего этого было четыре препятствия на скаковом кругу, представлявших собой четыре природные

стихий: землю, воздух, огонь и воду, и через каждое проходили шесть раз в шести кругах скачек. Мало кто оставался в живых после Сагари. А Дарак так мало дорожил нами обоими, что готов был бросить нас на верную гибель по прихоти этого человека просто потому, что не мог противиться собственному безумству.

— Нет, — сказала я. — Даррос.

Распар посмотрел на меня, поднял руки, рассмеялся.

— Простите, пожалуйста. Но *женщина*?

— Она владеет луком лучше, чем любой мужчина под моим началом. И у нее подходящий вес или отсутствие его.

— Мне конечно же понадобятся доказательства всего этого.

— Вы их получите.

Они говорили так, словно меня это не касалось, меня, которой досталась самая худшая роль — роль жертвы древней жажды крови этого города, расцветки для песка их арены.

— Нет, — снова отказалась я. — Разве ты не слышал меня?

— Наверное, ваша дама проявляет мудрость, — сказал Распар. — Возможно, она слышала, что все лучники едут голые по пояс, укрывшись своими щитами.

Эта глупость еще больше рассердила меня. Я ничего не сказала.

— Ну, — промолвил Распар, — мы можем обсудить это завтра. Утром я пришлю за вами человека. Примерно в пятом часу после рассвета. Я покажу вам мою конеферму, Даррос; возможно, вас это заинтересует. А сейчас мне пора идти. — Он поклонился мне, кивнул Дараку и ушел с террасы через освещенный свечами зал.

Дарак повернулся к Эллаку. — Ступай, вытащи Магура и остальных из борделей. Мы скоро уходим.

Эллак ухмыльнулся и вышел.

Дарак прислонился спиной к балюстраде и принялся нервными пальцами выковыривать из мрамора растение.

— Ты понимаешь, — сказал он, помолчав с миг. — Этот человек возьмет весь наш товар, быстро и за высокую цену, если мы сделаем то, чего он хочет.

— Как его ручные собаки, — огрызнулась я.

— Дело того стоит, — отозвался Дарак. — Мы не можем здесь вечно бездельничать, дожидаясь, когда с севера при-

скачет галопом какой-нибудь гонец с сообщением о засаде у брода. На это потребуется какое-то время, но если мы пойдем наперекор Распару, он вполне может затянуть торги и помешать нам сбыть с рук товар — тогда это случится. Кроме того, приз-то немалый. Триста золотых овалов колесничему и двести лучнику.

— Лучнику следовало бы давать вдвое больше.

— Лучник был бы ничто без человека, который правит упряжкой.

— Найди другого, — посоветовала я. — Если идешь на смерть, иди один. Я не какая-нибудь жена-рабыня, чтобы быть сожженной на твоём погребальном костре.

— Я мог бы взять Кела, — ответил он.

Я отвернулась, по всему моему телу пробежал холодок. Через секунду-другую я почувствовала на своей руке его теплую ладонь.

— Слушай, — сказал он, — я найду для этого дела другого. Но ты ездила со мной раньше и дралась. Тебе я готов доверить прикрывать мне спину. — Я подняла на него взгляд; и лицо его было напряженным. — Я не верю, что ты можешь умереть, — сказал он мне. И накрутил себе на пальцы мои кудри, когда я уставилась на него. И через некоторое время я, казалось, смотрела сквозь него, оглядываясь на прошлое, на вулкан, на нож Шуллат, на молнию, поразившую меня у колонн и бросившую наземь, но даже не обжегшую. В другой раз я могла бы заткнуть уши, но не на этот раз. — А теперь пошли обратно, — сказал он.

Он взял меня за руку и провел через зал, через другие помещения, через вестибюль, через портик и террасированные сады на улицу. Полагаю, мы шли именно таким путем. Я этого не видела.

3

Ночь была прохладной, но не холодной. Теперь уже меньше огней горело в провалах окон. Жаровни на уличных углах отбрасывали оранжевый цвет на наши лица. Луна тоже стала оранжевой, висящей ниже и менее отчетливой.

Внезапно мысль о гостинице показалась неприятной и угнетающей.

— Я не хочу возвращаться в ту комнату, — заявила я Дараку.

Тот без малейшего колебания повернулся к Эллаку и прочим, ехавшим верхом. Закрытое место не было для Дарака счастливым.

— Возвращайтесь самостоятельно. Мы пойдем другой дорогой.

Все сразу же ускакали, за исключением Маггура.

— Ну, буйвол, здоровенный, а ты чего ждешь?

— Худо гулять одним ночью по городу, — отозвался Маггур. И серьезно добавил: — Тут могут быть карманники и грабители.

Вид у Дарака сделался крайне озадаченным.

— Ах, да, — сообразил наконец он. — Такой законопослушный человек, как я, зачастую забывает об этих опасностях.

Маггур усмехнулся.

— Езжай, дурень, — сказал Дарак. — Я способен позаботиться обо всем. Кроме того, по улицам каждую ночь рыщут, поддерживая порядок, солдаты градоначальника. Я всегда могу позвать одного из них. — Он шлепнул коня Маггура по крупу, и тот ускакал.

Так мы и прогуливались.

Странное безмолвие возникло между нами. Мы долго не заговаривали и даже не шли бок о бок. И все же он, казалось, чувствовал себя со мной вполне непринужденно. Один раз, когда откуда-то выкатились двое патрулирующих улицы стражников, он обнял меня одной рукой. Они едва удостоили нас взглядом: просто двое влюбленных, возвращающихся домой со званого ужина.

Через Анкурум протекала небольшая речка, заключенная в каменные берега, но очень мелкая. По ней плыли разные вещи, брошенные в нее горожанами: битые глиняные чаши, кожура плодов, маленькая кукла. Мы шли вдоль берега этой речки — опасное предприятие, означавшее необходимость перелезть через стены, красться по частным садам и пересекать пустоши, заросшие жгучими сорняками. Мы чувствовали себя детьми, когда приглушенно смеялись прошмыгивая мимо темных окон. Наконец река ушла под землю, в каменную пасть, сужающуюся среди группы деревьев, а из буйной травы обращали к нам бледные лица цветы.

— Скоро рассвет, — сказал Дарак. Он прижал меня спиной к стволу, чуть поднял вуаль шайрина и поцеловал.

— Дарак, — я прильнула к нему и закрыла глаза. — Дарак. Я боюсь. Боюсь самой себя.

Он отстранил меня от себя.

— Все мы боимся самих себя, — отвечал он. — Только не все их нас знают это.

Казалось ничуть не удивительным, что он понимает такие вещи, этот разбойник, горевший теперь только одним желанием — рискнуть своей головой на арене.

* * *

Когда мы покинули то место, в воздухе носился ни с чем не сравнимый запах рассвета.

Мы увидели тогда то, от чего очищали официальные и цивилизованные улицы Анкурума. Во всех садах, и на некоторых стенах квакали, завидев нас, большие лягушки, таращась самоцветами своих глаз. На мостовой обгрызала пробившуюся между плит траву колония улиток. Мимо нас бесшумно пробежали по главной улице две горные лисицы, отливая в темноте серебром, с застывшими хвостами и надменными мордочками. Одна из них вежливо ждала другую, пока та облегчилась у свободного прохода. А затем обе убежали на своих тиковых лапах за угол.

Я повернула голову, чтобы посмотреть на огромную белую звезду, изумленная ее блеском и размером в светлеющем небе. Мы находились на открытом месте; окружающие нас здания были не очень высокими. Я остановилась.

— Смотри, — показала я.

Мы наблюдали за звездой, которая, хоть мы и стояли на месте, продолжала двигаться. Она медленно скользила над крышами Анкурума, словно горящая капля.

— А это что такое? — тихо проговорил Дарак.

Я подумала об Асутоо и его рассказе о богах, ездивших по небу на серебряных колесницах и спускавшихся иногда на землю. Меня внезапно охватил страх, что звезда упадет на эту улицу, ярко горя, извергая их себя прекрасных горящих великанов, от взгляда которых плоть, расплавляясь, слезает с костей.

Но звезда вдруг, словно почувствовав испытующие взгляды, набрала скорость и исчезла в облаке.

Мы молча стояли на улице. Все тело у меня покалывало. Внезапно я почувствовала, что мы не одни. Очень медленно повернувшись, я огляделась кругом.

— Дарак, — сказала я. — Пусть тот движущийся свет будет знамением. Я поеду с тобой на Сагари.

Но если знамение, то черное знамение. Я ощущала приближение рока. Я буду с ним, потому что меня притягивал страх. Темная сила в моей душе раскручивалась виток за витком. Она шептала тихо, как шорох шелка, что он погибнет на Сиркуниксе в Анкуруме, так как слишком часто играл со смертью.

4

Человек от Распара пришел рано, и ему пришлось дожидаться нас. Мы проснулись поздно, все еще сплетенные, на постели гостиницы. Наша одежда и все прочее лежало на полу. Рожденное лишь вчера белое шелковое платье валялось, скомканное и смятое, порванное на подоле и коленях после нашей прогулки с препятствиями, все в коричневых и зеленых пятнах от мха. Нефритовое ожерелье висело у меня на шее, а Дарак лежал на мне, отпечатывая его форму у меня на горле.

Когда мы были готовы, слуга Распара, изжелта-бледный суетливый молодой человек, проводил нас к конюшням. Дарак, Эллак, Маггур и я последовали на своих лошадях за его толстой рыжеватой кобылой по извилистым улицам Анкурума, за Кольцевые Ворота к более высоким предгорьям.

Стояло холодное голубое утро, воздух был очень чистым и холодным. Горы казались тем ближе и отчетливей, чем дальше они высились — серые, с белыми полосами, снизу густо поросшие соснами. Мы миновали небольшой каменный храм с красными колоннами, построенный в честь богини лозы.

Конекферма находилась всего в каком-то часе езды от города, но хозяйство там было богатое, производившее помимо лошадей, вино и сыры. Похоже, Распар любил ко всему приложить руку. Каменные здания с красновато-коричневыми крышами, густо увитые легендарной лозой, стояли вокруг квадратного двора. За зданиями располагались виноградники и луга для дойных коров, один-два фруктовых сада, а уж за ними, вдали, пастбища для лошадей.

Облаченный в коричневое Распар, вежливый и подвижный, распорядился принести нам вина и не терял зря времени на формальности. Сев в открытый экипаж, мы покатали по плодородным акрам. Раз-другой он вопросительно взглянул на меня и на мою мужскую одежду,

но ничего не сказал. С Дараком же он дружески болтал о земле и ее плодах.

— Сам Градоначальник не желает видеть у себя на столе ничего, кроме моего сыра, — похвалился он. — Большая честь.

Было очевидно, что Распар не столько не польщен оказанной ему честью, сколько обрадован возросшим благодаря ей сбытом его продукции.

Сбор винограда уже начался. По террасам сновали женщины с корзинами на крутых бедрах. Эллак задумчиво посматривал на них.

Вдоль аллеи между конскими пастбищами выстроились тополя. Вороные, серые и гнедые лошади повернулись и галопом унеслись от нас, мотая длинными головами. Мы миновали еще одну группу зданий — надо полагать, конюшни и хлева. За ними располагалось огромное открытое пространство в виде большого овала, обнесенного оградой из высоких кольев. В центре возвышался помост из наваленных в кучу камней.

Экипаж остановился.

— Тренировочный трек, — объявил Распар.

Мы вылезли из экипажа, и из одного каменного здания к нам вышел человек, поджарый и загорелый, с морщинами от солнца вокруг черных и зыркающих, как у ящерицы, глаз. Он слегка прихрамывал, его правый бок странно кренился вкось. Он все еще находился на некотором расстоянии от нас, когда Распар вполголоса пояснил:

— Это Беллан. Он служит у меня с тех пор, как колесницы разделялись с ним в Коппайне два года назад. Теперь он мой объездчик. Он участвовал во многих скачках вроде Сагари и выигрывал их все.

Беллан доковылял до нас, поклонился Распару, окинул нас взглядом. Я ожидала неприязни, даже ненависти. Наверняка ведь должна возникнуть ненависть — по крайней мере к Дараку, прямому и высокому, каким колесничий Беллан уже никогда больше не будет. Но ничего подобного я не почувствовала. Он улыбнулся и кивнул Дараку, когда Распар свел из друг с другом. Он оказался дружелюбным, но сдержанным и, похоже, неторопливым на решения. Голос его был глуховатым и приятным на слух.

— Если господин готов, у меня есть для него колесница.

Из-за зданий появился конюх, ведя обыкновенную металлическую повозку с тремя гнедыми в оглоблях.

— Это для разминки, — заметил Распар. — Воронье будут позже. Дай один круг.

Воротную секцию в ограде распахнули внутрь и провели через нее колесницу и упряжку. Лошади рыли копытами землю и мотали головами; при всем том, что они не были главной гордостью Распара, они все-таки были скаковыми лошадьми, капризными и нервными. Дарак, мгновение изучив их взглядом, снял с себя тунику, отдал ее Эллаку, а затем прислонился к колесу экипажа, пока Маггур стаскивал с него сапоги.

Беллан одобрительно хмыкнул.

Дарак прошел в ворота и обошел кругом лошадей. Он немного поласкал их, разговаривая с ними, а потом, явно удовлетворенный, забрался на колесницу. Отвязав и распутав сплетенные вожжи, он тряхнул ими, щелкнул — и кони рванули вперед. Они плохо сочетались в одной упряжке и шли неровно; колесница подскакивала, но Дарак в ту же секунду сообразил, что делать. Правую крайнюю он оставил в покое, левую крайнюю с силой притормаживал, а коренника слегка шлепал вожжами, заставляя его рваться вперед. Колесница покатила, сперва медленно, немногим быстрее пешехода. Неровность мало-помалу покинула тройку гнедых, когда они почувствовали указку поводыев, подгоняющую или сдерживающую. Они притерлись, объединились, и тогда он дал им волю. На середине скакового круга поводыя провисли и натянулись, и кони внезапно пустились галопом. Я убедилась, что Дарак и в самом деле знаком с колесницами, хоть и не понимала, где и каким образом он с ними познакомился. Кони и ездок стали теперь единым целым, одним летящим существом. Поднялась туча пыли, едко-золотой на солнце. Я быстро огляделась по сторонам. Эллак ухмылялся, Распар слегка улыбался, поглаживая подбородок, Беллан, стоявший у ограды из кольев, нагнулся вперед. Глаза у него сверкали, ноздри раздувались, ноги беспокойно переступали, покалеченная левая рука дергалась.

Он мысленно мчался на этой колеснице.

Они сделали поворот легко и размашисто за каменным помостом, который представлял собой Скуру Сиркуникса. Второй поворот — и сквозь тучи пыли предстала напряженная медная мощь, удерживаемая сильной рукой. Колесница замедлила бег и остановилась. Дарак посмотрел на нас.

— Лошади хорошие, Распар, но плохо сочетающиеся.

— Знаю. Ты заслужил лучших.

Гнедые, рассерженные этим внезапным прекращением своего полета, снова рванули было вперед. Дарак с силой натянул поводья, и тут же подбежал конюх, который распряг и увел лошадей.

Дарак вышел с огороженного поля, его коричневое тело слегка побелело от пыли.

— Ну, Беллан? — спросил Распар.

— Да, — сказал Беллан. И повернулся к Дараку. — У пригодного для колесниц есть нечто от льва в пустыне, — хорошо скрытая мощь проявляется только в движении. Неужели ты никогда раньше не участвовал в скачках?

— На стадионе — нет. Только на трске в... — Дарак заколебался, не желая называть какое-либо место, где он бывал в прошлом. — В одном городе, где я проживал, у меня оказалось много свободного времени.

— Да, — молвил Беллан, — у тебя божий дар, а ты им пренебрегаешь. Ты колесничий, но малость заржавел. Подобно хорошему колесу, тебя надо будет как следует смазать, прежде чем ты будешь готов. Но все же хорошее колесо. Теперь я дам тебе испробовать моих вороных, и посмотрю, понравишься ли ты им.

Их уже привели. Они изумительно смотрелись на солнце: тройка животных, высеченная из единого черного янтара, отшлифованная до серебряного блеска, со вставленными в ноздри рубинами. Они стояли совершенно неподвижно и ждали, напряженные и опасные.

— Представь им нашего друга, Беллан, — предложил Распар.

— С вашего разрешения, я предпочел бы, чтобы он сам им представился.

Дарак пожал плечами. И двинулся вперед ровным и твердым шагом. По их телам пробежала дрожь. Все три головы вскинулись почти одновременно. Дарак тихо рассмеялся. Он вошел в азарт. Он не уклонился вправо или влево, а направился к кореннику тройки. Конь оскалил зубы, и другие двое тоже всхрапнули. Передние копыта чуть поднялись. Рука Дарака, уверенная и ласкающая, скользнула по атласной морде. Поглаживая, он нагнул голову поближе, что-то шепча. Зрелище было чувственным, почти сексуальным, но удивительно прекрасным. Конь ткнулся ему в плечо. Другие двое по обеим сторонам вытянули морды, чтобы получить свою долю внимания.

Беллан негромко рассмеялся.

— Отлично, отлично, мой Даррос.

— Один мозг в трех телах. — сказал Дарак, — именно так они относятся к скаковому кругу?

— Испытай их. Они теперь пойдут с тобой. Но учти, только два круга. Они нам еще понадобятся, и их нельзя утомлять. Кроме того, нам требуется многое обсудить.

Конюх ввел их в оглобли и запряг. Дарак стоял на колеснице, ему не терпелось поскорей начать. Вороны трепетно дрожали. Конюх выбежал за ограду и закрыл ворота. Вожжи щелкнули и натянулись.

В первый раз мы видели полет, но этот полет был огнем. Черным огнем, вырывающимся из масла. Лошади мчались вперед, стремясь догнать собственные тени, отброшенные на предыдущем круге. Дарак тоже весь устремился вперед. От этой сумасшедшей быстроты ничего нельзя было ясно разглядеть: только изгиб, порыв, оргазмический, неудержимый, и мир застывает, замирает вокруг этого ядра скорости. Я почувствовала, что должна мчаться с ними, так как стоять не двигаясь было кощунством.

— Довольно! Стой, сигкогский пес! — взревел Беллан.

Колесница вспыхнула, замерцала, затормозила. Кони рысью прошли поворот, возвращаясь к нам.

— Разве я не сказал — два раза и не более?

Дарак усмехнулся.

— Мы с ними забыли.

— Вы с ними должны научиться помнить. — Но Беллан тоже улыбался.

Дарак поклонился, слез с колесницы и, взяв принесенные конюхом легкие попоны, собственноручно накрыл ими каждого коня. Те тыкались в него мордами.

Эллак был не на шутку удивлен. Раньше он не слышал, чтобы его вождь с улыбкой сносил приказы и оскорбления от какого-либо человека. Наверное, он ожидал драки; и поэтому выглядел сбитым с толку, но его внимание отвлекла хорошенькая девушка, принесшая нам охлажденное вино.

— Тебе многому нужно будет научиться, — сказал Беллан, — и вороным тоже. Мы должны поработать над этим. Ты мало знаешь о Сагари. Благодаря милостивой предусмотрительности моего хозяина, ты очень скоро узнаешь о них больше. — Он кивнул на скаковой круг. — Земля, воз-

дух, огонь и вода. Скачки радости, страха и ненависти. Но прежде всего — твой лучник. — Он взглянул на Маггура, на Эллака, немного отошедшего в сторону с кравчей. — Эти люди будут слишком тяжелыми. Тройке незачем любить лучника так же, как возничего, но она должна быть в силах вытерпеть его.

Тут вступил в разговор Распар.

— Даррос предложил, чтобы с ним ехала его дама.

Беллан, похоже, поразился.

— Женщина? В постели, наверное, великолепна, но на колеснице неуклюжа, как вол.

— Лучник Дарроса я, — заявила я.

Беллан посмотрел на меня пристально, впервые заинтересовавшись.

— Ты? Я думал, ты степной мальчишка. Вижу, что это не так. Прошу прощения.

— Шайрин носят только женщины степных племен, — уведомила его я.

— В самом деле? — Беллана эта ошибка не волновала.

— Ты умеешь стрелять?

— Я являюсь лучником Дарроса.

Он теперь откровенно ощупывал меня взглядом.

— Маленькая. Вес подходящий. — Он обернулся и кликнул конюха, который тут же подбежал. — Организуй мишень. И принеси лук и простые стрелы.

Я думала, что испытания пройдут на твердой земле, но вышло иначе.

С лошадей сняли попоны, Дарак стоял на колеснице, а я позади него. Беллан проковылял к нам.

— А теперь — что вы думаете, мои три ночные песни? — Обратился Беллан к тройке. Он потерся лицом об их морды, и они тотчас же откликнулись. Затем он двинулся к задку колесницы. — Сними сапоги. Ты должна чувствовать трепещущую под тобой жизнь, жизнь колесницы и биение сердца. Если хочешь устоять на ногах, твои ступни должны быть как ладони. Они у тебя слишком мягкие, поэтому я дам тебе сандалии.

— Ступни у меня твердые, — возразила я и сняла сапоги. День становился все жарче, и слои металла на полу накалились под солнцем. Я почувствовала, как у меня закружилась голова от напряжения: воздух казался хрупким, как треснувшее голубое стекло. Мне вручили лук и стрелы с длинным оперением. Я не знала, что именно они имели

в виду, называя их «простыми». Позже мне доведется узнать.

Подошел конюх и установил металлическую перекладину на открытом задке колесницы, приблизительно на уровне моей талии, а затем закрепил ее на месте.

Двое человек скакали на лошаденках по скаковому кругу за колесницей, лицом ко мне. Между собой они везли раскачивающийся на шнуре большой деревянный овал мишени, размеченный заплатами синего, желтого и красного цветов.

— Когда колесница помчится на полной скорости, — сказал Беллан, — целясь в цвета на мишени. Синий — отлично, поскольку его трудней всего увидеть, красный — хорошо, а желтый — удовлетворительно.

Беллан вышел за ограду. Ворота закрылись.

Толчок. Я выдержала его. Второй толчок — и меня швырнуло на металлическую перекладину, чуть не сбив дыхание. Проклятый Дарак. Я услышала, как он смеется.

— Смелей, Имма.

Мои ноги балансировали на движущемся, подскакивающем полу, расставленные в стороны над колесной осью. Я напрягла тело, плотно прижатое к металлу, и ждала. Теперь мы ехали быстро. Пыльная земля вихрем проносилась мимо, шипя от скорости. Позади и передо мной лошаденки пустились галопом, так и раскачивая мишень. Я натянула лук, сделала руки твердыми, прицелилась, выстрелила. Стрела прошла мимо цели. Волосы от скорости развевались у меня перед лицом. Придется мне их заплести в косу или собрать в пучок на затылке, как воины в крарле. Я снова прицелилась и выстрелила. Стрела задела щит и шлепнулась в пыль. Колесница по-прежнему набирала невероятную скорость. Новый толчок, который чуть не выкинул меня вперед через перекладину. Я откатилась назад к металлической стенке, моргнула, очищая глаза от пыли, прицелилась и выстрелила. Стрела взвилась вверх, опустилась и попала в красное. Я выпрямилась, а затем чуть расслабила колени. Теперь я лучше чувствовала подскакивающий пол. Я нагнулась над перекладиной и выбила три синих, одну за другой.

— Дарак, — окликнула я, — три синих, один красный.

Он меня не услышал.

Всадники догоняли нас. Я выбила большинство красных, и много синих. Вот они уже впереди нас. Я разверну-

лась кругом и выстрелила с борта. Остальные — красные. Мы обошли их. Я выбила желтый и два синих.

Беллан махнул нам, делая знак остановиться.

Я оставила Дарак с лошадьми и пошла обратно к всадникам. Мишень ошметинилась стрелами, словно дикобраз. Я оставила невыбитыми пять синих.

— Я вижу, ты по-настоящему и не пыталась попасть в желтые, — заметил Беллан. — Это очень хорошо. Среди моих всадников здесь есть великолепные лучники. Они занимаются этим для развлечения. Выбивают примерно три-четыре синих, пятнадцать красных. А у тебя двадцать синих и все двадцать пять красных.

Распар улыбнулся.

— Оставляю вас на попечение Беллана, — сказал он. — Наверное, вы отужинаете сегодня вечером в моем доме?

5

Наши дни составляли теперь странную мозаику, где дикость сочеталась с изысканностью манер и настоящим делом.

Дикостью был учебный трек. Тот первый день с его вспотевшими конями, вспотевшим металлом, перцем пыли и хребтоломными, костодробильными упражнениями, был всего лишь прологом к последующим, полным опасности и дискомфорта, урокам. Беллан был суровым, строгим учителем. Он будет сквернословить так же мерзко, как любой разбойник, когда Дарак не сумеет выполнить его требования, а Дарак будет выслушивать, не проявляя ни гнева, ни возмущения, а потом пробовать вновь и добиваться успеха. Каждую ночь, когда он уляжется на постель гостиницы, я буду втирать мазь в очередной рваный шрам у него на спине, в тех местах, где вороны, напрягая обе его сильные руки, пытались разорвать его тело надвое. Следы многих таких шрамов покрывали твердую и жесткую, как дубленая кожа, белизну спины Беллана. Что же касается меня, то на правой руке у меня саднили рубцы, оставленные браслетами щита — этого бронзового чудовища, закрывающего мое тело. Моя неспособность покрыться шрамами в данном случае была невыгодной — я не могла нарастить защитную ткань. С каждым рассветом рука у меня заживала, но к вечеру кожа снова стиралась в кровь. В отличие от моих ступней, подошвы которых бы-

ли как железо с тех пор, как я проснулась под горой, самообновляющаяся кожа тела делала меня уязвимой, как младенца. Беллан полагал, что я, при всем моем мастерстве лучника, — мягкотелая девушка. Он посоветовал мне забинтовать следы рубцов льняными повязками и надеть на металлические браслеты кожаные кольца. Это помогло, но мне все равно приходилось достаточно тяжело.

На третий день, когда мы сочли себя мастерами лука и колесницы, Беллан начал знакомить нас с сутью дела. Я еще не видела ни стадиона в Анкуруме, ни планировки Прямой, когда ее приготовят для Сагари, но, по милости Распара, учебный трек стал приличной копией. У нас имелись Прямая, поворот и Скоря. Теперь мы узнали препятствия — колонны Земли и Воздуха. Они были чистейшим коварством, и больше чем с двумя другими грядущими препятствиями — Огнем и Водой — мы могли доказать свою способность справиться с ними только на арене. Земля была дубовой стеной на колесах, выкатываемой и устанавливаемой на земле перед скачками. В этой стене имелись четыре арки, в каждом случае достаточно широкие, чтобы пропустить одну колесницу. А состязалось за возможность проехать всегда по меньшей мере шесть колесниц; мы уже знали, что в этом году Сагари собрали семь соревнующихся, не считая нас самих. Воздух представляли две ямы, всего пяти футов в диаметре, что правда то правда, но вытянувшиеся вперед ярдов на десять. Между ними и по обе стороны от них хватало места для проезда, так что колесница, шедшая впереди, одна сумела бы проскочить достаточно легко. Но, когда их много, некоторые неминуемо попадутся в эту западню; ноги лошадей вмиг переломятся, а если застрянут задние колеса, то ничего и лучника, вероятно, выбросит вон на дышло или под копыта преследующих упряжек. Два дня мы потратили на стену Земли, уворачиваясь от двух других учебных колесниц Распара, управляемых людьми Беллана. Падения случались, но без особых жертв. Один колесничий сломал ногу, а одна тройка, не наша, бешено промчалась прямо сквозь деревянную стену — к счастью, хлипкую и не причинившую большого вреда. Через два дня после этого мы играли с ямами Воздуха, не очень глубокими и, к счастью, накрытых легкой сетчатой рамой. Несколько раз вороных заносило в них, но к закату второго дня мы научились такому трюку, как резко повышать скорость или

отставать, что пронесило нас мимо или оставляло последними, а затем настигать других, когда снова пойдет открытый участок.

Следующей была Вода, а у Распара отсутствовали подземные ключи, бурлившие под Сиркуниксом; и мы вместо этого твердо усвоили свой урок под потоками из гигантских накрененных ведер, раскачиваемых сверху на цепях веселыми слугами Распара. Мои лук и стрелы сто раз повисали мокрыми и бесполезными, прежде чем Дарак научился преодолевать это препятствие, а я научилась искусству закрывать их щитом, если он ошибался в расчете. А потом пришел Огонь.

Это произошло на десятый день, когда Игры в Анкуруме уже начались. Сиркуникс находился достаточно близко к городским стенам, чтобы в неподвижности жаркого дня до конефермы долетали иной раз гневные или ликующие вопли толпы. Там шли состязания борцов, травля зверей и акробатика. Скачки начнутся через четыре дня от теперешнего, а еще через два дня наступит черед королевских коронных скачек — Сагари. В тот десятый рассвет мы знали, что у нас осталось всего шесть дней, чтобы подготовиться к победе или смерти.

И поэтому между горящих столбов, служивших символами столпов Огня на арене, мы проехали благополучно, потому что должны были это сделать.

* * *

Вилла при конеферме была прохладным и белым, скупо, но со вкусом меблированным жилищем, которое вносило в нашу дикую жизнь элементы изысканности и деловитости. Здесь была давно уже заключена, скреплена подписями, засвидетельствована и почти забыта сделка, которая казалась теперь мелочью по сравнению с предстоящими скачками. Товары Дарака исчезли. В обмен он получил щедрую цену — цену, заверил он меня, превосходящую все, на что он мог надеяться, пока действовал через посредника.

— Коль скоро мы станем победителями Сагари, то сможем ехать обратно как короли, — сказал он мне, но в глазах его светился увлеченный, яркий, лихорадочный азарт Беллана. Он был колесничим умом, телом и душой; даже во сне я чувствовала, как его тело дрожит, оживляясь от

бега колесницы. Редко он обращался ко мне в темноте за любовью. Он был опустошен; кроме того, Беллан предупредил нас обоих, откровенно и без всякого выражения на лице.

— Если в вас есть хоть капля здравого смысла, вы в постели оставите друг друга в покое, пока все это не закончится. Мужчина правит лошадьми головой, руками, ногами и чреслами. Что же касается твоей женщины, то если ты сейчас случайно сделаешь ее беременной — ты пропал. Когда у тебя месячные? — добавил он, обращаясь ко мне. — Надеюсь, не в день скачек? — Я ответила ему, что не знаю. У меня пока не наблюдалось никакого ритма, как у других женщин. — Я достану тебе одно снадобье, — пообещал Беллан. — Оно просушит тебя до окончания скачек. Эти женщины... — он сделал жест отвращения. — Не будь ты гением с луком, я б тебя никогда и близко не подпустил к этому делу.

На десятый вечер, за шесть дней до скачек, мы сидели за ужином с Распаром. Мерцали свечи, цветные блики на серебряных блюдах и ониксовых чашах. За окном стрекотали в теплых сумерках сверчки.

— Вы подтвердили то, что я предвидел в вас, — сказал Дараку Распар. — Вы удержали их, пронесаясь сквозь Огонь. Прошу заметить, их еще жеребятами обучали смотреть пламени в глаза. Я видел, как люди выезжали на Сагари с неприученными к огню лошадьми и увижу это еще не раз. Дурацкий прием. Он всегда кончается. — Он снова налил вина себе и Дараку. — Я уже внес ваше имя в список участников.

Дарак кивнул.

— Вы будете участвовать как Даррос из Сигко, а не как мой человек. Так будет лучше. Анкурум знает, что вы привели караван и удивится вашему подвигу. Вы — прославленный герой. Обо мне ничего упоминаться не будет, но я отправлю своих людей потолкаться по трибунам стадиона, чтобы объяснить, кому принадлежит прекрасная тройка вороных. Этого вполне достаточно. — Он улыбнулся своей дружеской полуулыбкой. — Вы сказали, что сделаете своим цветом алый. Это очень хорошо. Ни один житель Анкурума не посмел участвовать в этих скачках, а алое — гербовой цвет Анкурума — от лозы. За это вас будут приветствовать громкими криками. Афиши, по-моему, уже приколочены. И вы победите.

Дарак усмехнулся, напряженный, позабавленный, вызывающий. Распар взглянул на меня.

— Я не вижу лица вашей дамы под ее шайрином. У нее есть какие-то сомнения?

— Беллан блестяще разбирается в колесницах, — сказала я, — но можем ли мы доверять его суждению? Разве его не гложет желание быть на месте Дарроса?

— Вы имеете в виду какую-то вызванную горечью оговорку или отсутствие совета? — Распар снова улыбнулся. — Я вижу, вы мало разбираетесь в человеческой душе. Ну, вам не к чему опасаться. Он захочет, чтобы Даррос участвовал в этих скачках по очень веской причине. В Сагари примет участие один человек — Эссандар из Коппайна. Именно его колесница толкнула колесницу Беллана на Скуру тамошнего стадиона. Те скачки были отнюдь не Сагари, на порядок попроще, но все же опасные. Ось колесницы от удара погнулась, левая крайняя лошадь упала. Беллана швырнуло на преследующую тройку. Он ненавидит Эссандара и вполне заслуженно. Всего я не знаю, но как я понял, дело заключалось не столько в невезении, сколько в личных счетах между ними из-за какой-то девушки.

Когда мы покинули конеферму, было уже поздно.

— С завтрашнего дня вы будете ночевать здесь, — решил Распар. — Знаю, что вы любите присматривать за своими людьми, и судя по тому что я слышал о них в городе, это очень даже правильно. Но передайте руководство вашему Эллаку. Больше никаких поездок взад-вперед. После дневных трудов вам понадобится расслабиться. Я пришлю массажистов для вас обоих, мужчину и женщину. Кроме того, теперь, когда вы приобрели мастерство на треке, вас представят здешней публике. Завтра некоторые из дам Градоначальника явятся посмотреть, как прославленный и красивый Даррос управится с упряжкой, и они вполне могут остаться отужинать со мной. Захотят наведаться и богатые бездельники, желающие оценить, в какой вы форме, чтобы сделать свои ставки.

Когда мы ехали обратно по темной дороге к Кольцевым Воротам, я сказала:

— Говорила же я тебе. Прирученные собаки Распара, натасканные выполнять разные трюки для его покровителей и клиентов.

Дарак рассмеялся.

Его, этого бродягу, бахвала и актера, каким он был, это не беспокоило. Пусть себе все приходят и пялятся, сколько влезет.

* * *

И они пришли.

Если из-за этого и возникали какие-то ощущения, то они были хуже огня и боли: гнев, который надо было сдерживать. Как бы было приятно для моей души выпустить стрелу из тетивы не по трем движущимся мишеням, а по той толпе дураков у ограды.

Кудрявые женщины на носилках и в экипажах в переливающихся белоснежных платьях. Я и впрямь хорошо выбрала себе платье для того ужина у посредника. Белое было самым модным цветом среди знатных и богатых. Потому что белое так легко пачкается, и только у богачей, не обремененных работой, оно может сохраниться неиспорченным. На своем белом они носили гроздь драгоценных камней всех цветов в разных оправках — золотых, серебряных, медных, а также из темно-серого металла, называемого ими алькум, сияющего под лучами солнца невероятным голубым светом. Мужчины носили облегающие белые штаны, обтягивающие, как вторая кожа, накладные плечи и рукава с красными, оранжевыми и желтыми полосами.

Женщины, а также и некоторые мужчины, ворковали и вздыхали по Дараку, окликая его между заездами. Для мужчин у Дарака не было времени, и он всячески это подчеркивал; они сердились, но все же видели в нем очевидного победителя. Многие из них провели немало времени на учебном треке, но никто не приближался к стандарту, установленному для нас Белланом. С женщинами же Дарак был куда податливей. Они показывали в мою сторону бледными окольцованными руками, и смеялись. Дарак смеялся вместе с ними.

Несколько мужчин подошло ко мне на углу поля.

— У нас с Клосом одно мнение. Мы действительно должны увидеть тебя на арене. Ты ведь знаешь обычай — обнажаться до пояса. Умоляю тебя, милашка, не держи щит слишком близко к себе.

Я повернулась к Беллану, стоящему чуть позади меня, присматривая за тем, как конюх чистит вороных. У него, знала я, нет времени для этих зевак.

— Беллан, — обратилась я к нему, — Распар будет оскорблен как хозяин, если я всажу этим двум нож меж ребер?

Уголкем глаза я увидела как они попятились, чуть нервно смеясь.

— Да, — ответил Беллан. И усмехнулся. — Увы.

— Тогда я не должна этого делать, — огорчилась я. И неторопливо расшнуровав рубашку, распахнула ее, оставив груди голыми. Они ахнули, и один покраснел, смутившись. С миг я постояла, не двигаясь, в то время как они, в смятении, пытались придумать, чего б такого сказать распутно-остроумного; а потом, не спеша, снова зашнуровала рубашку. — Итак, господа, — сказала я, — я выполнила свои обязательства перед хозяином дома. Когда вы придете в следующий раз, наденьте поменьше драгоценностей. Они ловят солнечные лучи и слепят глаза лошадям. И мне тоже, когда я целюсь. Я могу промахнуться.

Я увидела, что они поняли мой намек. И повернувшись убрались восвояси, а один из них пробурчал:

— Проклятая бесстыжая степная сука.

Беллан тихо посмеивался. В первый раз он почти проникся ко мне симпатией.

— Я вижу, ты за словом в карман не лезешь, — сказал он. — Но будь осторожна. Нехорошо наживать врагов перед скачками. — Улыбка сошла с его лица. Левая рука у него дернулась.

* * *

Пять дней, четыре дня. Массажисты тузили нас, пока тела не зазвенели. А также диета, хотя для меня она была привычной — постная пища и немного вина или пива. Даже когда день заканчивался, Дарак проводил много часов с лошадьми, разговаривая с ними, лаская их.

— Ты и они должны быть четырьмя частями единого целого, — внушал ему Беллан. — А ты, — сказал он мне, — ты — черная ворона на плече мертвеца, ревнующая к тому, кто тебя везет. — Я в то время орудовала так называемыми «перчеными» стрелами — больше никаких «простых», которые мне вручили в первый раз. На арену, похоже, всякий мог брать, что хотел — стрелы, одобренные всем, чем угодно. Чаще всего применяли шнурованные — с привязанным к оперению хвостом в виде тонкой верев-

ки: выстрелишь между ступицей и ободом, и она запутается в спицах и затормозит колеса. Колеса были популярной целью. Полые стрелы, наспигованные железными шариками, пускали сквозь колеса: они ломались об ось и рассыпали свой опасный груз под копыта коней, скачущих следом. Существовало и много других хитроумных устройств, но трудность состояла в том, как заставить такие стрелы полететь. Теперь, вдобавок к расчетам на движение собственной колесницы и движение других колесниц, приходилось делать скидку на изменившийся вес, шнуры, способные увлечь стрелы в сторону или запутаться на втулках твоей же колесницы — короче, тысяча с лишним предосторожностей и трудностей.

Три дня, два дня. Беллан лукаво посмотрел на меня.

— С одной простой стрелой, — сказал он, — и твоим острым глазом, ты могла бы попробовать сделать классический выстрел. В анналах Сагари записаны только три таких случая.

Я спросила его, что он имеет в виду.

— Перерезать надвое поводья возничего. Ремни разлетаются. Из его рук вырвано управление тройкой. Ему конец. Попробуй это.

Десять раз я пыталась на поворотах выстрелить так по одной из преследующих нас учебных колесниц. Но не смогла добиться успеха. Вожжи вскидываются, двигаются, никогда не остаются неподвижными. Я была рада, что светская публика убралась наконец на скачки и не видела этого.

* * *

Еще один день до того Дня.

До этого момента подавить страх было почти легко. Изнурительный труд, постоянно вдальблываемые в оба уха советы, смахивающие на двух великанов жестокие массажи, усталость, мертвый сон со сновидениями, похороненными настолько глубоко, что решительно не вспоминались. Но в тот последний день с нами обращались мягче. Мы спали допоздна и лишь в полдень вышли на трек испытать колесницу, которая помчит нас на Сагари. Черный металл, блистающий как и лошади, украшенный красными эмалевыми солнцами и золотыми побегамии лозы, королева-колесница с воронами между ее алых

оглобелъ — то идеальное единство, какое мог создать только художник стадиона. Беллан улыбнулся нашим похвалам. Колесницу изготовили в собственных мастерских Распара по проекту Беллана. На ней, мчась быстро-пребыстро, мы и взаправду были одним целым; даже я, сидящая ворона, стала его составной частью. Беллан позволил нам лететь по треку, и не отзывал нас, разрешив нам вкушать разок чистую радость этого полета. Но после такого вина день сделался горьким.

Вороны отправили отдохнуть, а мы с Дараком бездельничали во дворе виллы среди лимонных деревьев в цветочных горшках и взбирающихся на стены лоз. Мы играли в кости с Маггуром, но нас прервал Эллак.

Двенадцать людей Дарака отправились гулянуть в город, затеяли пьяную драку, избили до полусмерти нескольких охранников в борделе, и сидели теперь в тюрьмах Градоначальника. Лицо у Дарака побелело. Он встал, отшвыривая кости, и с силой врезал Эллаку по лицу.

— Олух безмозглый, неужели ты и полдня не можешь поддержать порядок без меня за твоей спиной?!

Эллак привык к повиновению, но также привык и к справедливости Дарака в рамках разбойничьего кодекса. Едва он пришел в себя, как рука его почти невольно потянулась к ножу. Дарак тотчас набросился на него, и первый же удар шарахнул Эллака спиной о стену. После второго удара он бы ее проломил, если б Маггур не схватил Дарака за плечи. Гнев Дарака мигом утих. Он стряхнул руки Магура, отвернулся от них обоих и налил себе вина.

— Вон, — приказал он.

Они ушли.

Он осушил чашку, а затем швырнул, вдребезги разбив о плиты двора. Все его тело дергалось от напряжения. Глядя на его лицо, всегда худощавое и суровое, я внезапно увидела, что оно еще больше осунулось и посуровело. Да, он был бродяга и артист, но он будет править лошадьми, подсказывать, мчать. Времени для сомнений или колебаний нет. Полученная им тренировка усовершенствовала его мастерство и была полезна для тела, но что же оставалось для его алчущего, мыслящего мозга?

— Дарак, — окликнула я.

Он повернулся и посмотрел на меня своими черными и яркими глазами, за которыми не пряталось ничего кроме жгучего напряжения.

Я вошла в дом, и он последовал за мной. В отведенных для нас Распаром покоях я стянула с него и с себя одежду, прошлась по его напряженному телу губами, языком и пальцами, возбудила его и привлекла к себе, и когда огонь в нем догорел, он лежал, прижавшись ко мне, молча и не двигаясь.

— Достанется же тебе от Беллана, — пробормотал он.

— Беллан догадается, — согласилась я.

Вскоре он уснул, и я нежно обнимала его во сне, но теперь уже моя душа не знала покоя.

Смерть, смерть. Черная смерть, алая смерть. Смерть красная, как лоза Анкурума. Я лежала безмолвно, но мне хотелось громко кричать. В полусне я увидела, как валили толпой, чтобы схватить меня, фантомы моей пропащей расы, и руки Дарака, удерживающие меня на краю пропасти, внезапно выскользнули из моих. И все же упала не я, а он. Я увидела его разбившимся далеко внизу. Дарак, ты — мужчина, человек, грешник, но не злой; если я завтра потеряю тебя, то соскользну обратно во тьму. Позволь мне помнить, что когда ты упадешь, я должна взять вожжи и обмотать ими шею так чтоб несущиеся кони сломали ее. И исцеления не будет.

6

Остаток того дня прошел как в тумане; свет светильников, чуть больше вина чем обычно, несдержанные шутки и смех, ранний сон, который нам настоятельно порекомендован.

До рассвета оставался наверное еще час, когда я проснулась. Я плакала, и толком не знала почему, но разбудил меня Дарак. Он метался на постели, борясь с невидимым врагом, вскрикивая во сне, и когда я прикоснулась к нему, кожа у него жарко пылала и струилась потом.

— Дарак, — окликнула я.

Я обняла его и попыталась мягко привести в сознание, но это было бесполезно; я стала тормозить его, а он не просыпался, и поэтому я похлопала его по щекам, раз, другой, третий пока у него не открылись глаза и он не уставился на меня.

— О боже, — произнес он. Он сел на постели, потом поднялся, распахнул оконные ставни и уставился на тающую за окном темноту. С конфермы приплыл свежий зе-

ленный запах, но поры его кожи сжались от предрассветного холода.

— Что, Дарак? — спросила я. — Что?

— Колесница и тройка, — ответил он. — Она, я и они: единое целое. Холмистая местность, быстрая езда, хорошая скачка. А потом — деревни и озеро, то старое проклятое место детства. Я увидел на горе тучу, алую. Позади меня стояла женщина — не ты — женщина. «Огненные колонны», — сказала она. И Маккатт раскололся. Красная-прекрасная кровь. Огонь. Повсюду огонь, деревни горят, колесница горит, мчась в огне, и эта женщина позади меня, холодная как лед...

Он оборвал фразу. Стояла такая тишь, лишь легкий шорох лозы на ветру, когда та цеплялась за стены виллы.

Он боялся, и скрывал это от самого себя. Теперь же он знал. Узнать страх в этот день было для этого человека равнозначно смерти. Древнее суеверие все еще разъедало его — о, нет, та женщина была не я, и тем не менее это было не совсем так, потому что ехала-то с ним Та, с ее белым лицом-маской и алой мантией, в пригрезившейся стране ужаса.

Лоза шевельнулась, пробудив память и мысль.

Я подошла к нему и обняла его одной рукой.

— Всего лишь сон, — утешила я. — Сны ничего не значат. Мне ли этого не знать. Сегодня в храме приносят подношения богам Анкурума те семеро, что участвуют в скачках вместе с нами. Богам света, богам битвы, богам лучников, богам лошадей. Но мы скачем за Анкурум, а не за Сигко: наш цвет — цвет лозы. Богиня знает это. — Он даже не взглянул на меня. И я заявила: — Я иду в храм богини лозы, чтобы принести подношение и молить ее защитить честь ее красного цвета.

— Иди, если хочешь, — отозвался он.

Моя идея могла исцелить рану, нанесенную ему суеверием.

— Идем со мной, — призвала я.

* * *

Для Игр не существовало никакой плохой погоды. Это было последнее теплое улыбающееся время, которое наступало перед дождями. Но этот день был наилучшим из всех. Рассвет окрашивал зеленым и розовым скалистые

холмы и сельскохозяйственные уголья, расцвел сотней оттенков бледно-розового склоны горы. Неистово пели птицы, из-за стен садов на дорогу падали созревшие яблоки. Земля купалась в росе. Мы надели простые темные одежды; я распустила волосы, и они свисали у меня за спиной. Великолепие арены было еще впереди.

В храме было очень тихо, его окружала тень. Мы прошли между лакированных колонн в царивший внутри полумрак.

А там было такое блаженное ощущение покоя. Этот храм совсем не походил на деревенский, с его теснотой и пряным запахом. Здесь царствовали древность, тишина и спокойствие. Длинный темный проход, три квадратных каменных колонны по обе стороны, поддерживающие крышу, а в конце — небольшое возвышение из мрамора с красными прожилками, где стоял кумир, а перед ним — алтарь, покрытый зелено-алой тканью. Странно, разве алтарь не должен быть голым камнем, чтобы можно было легко смывать кровь от жертвоприношений? И рядом должна быть канавка для ее стока. За алтарем открылась узкая дверь, и вышел жрец. Я думала, он не увидел нас, так как он принес к алтарю железную чашу, установил ее там, наполнил маслом и зажег огонь.

И, не оборачиваясь сказал:

— Добро пожаловать. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Можете, — прошептала я в тишине. — Мы пришли сделать подношение богине.

Он обернулся и жестом пригласил нас пройти вперед. Лицо у него было стариковское, но спокойное, доброе и мудрое. «Именно он-то, — подумала я, — и пропитал этот храм исходящим от него ощущением покоя».

— Богиня, — ответил он, улыбаясь, — не просит подношений.

Я изумилась. Мне доводилось видеть храмы Анкурума с их заточенными в священных загонах волами, овцами, козами и голубями, готовыми для принесения в жертву, и пополнявшими казну храма, даже пока они умиротворяли бога.

— Что же тогда... — начала было я.

— Посмотрите ей в лицо и попросите ее о том, чего хотите, — сказал жрец, — как попросили бы добрую мать. Если она сможет, то обязательно выполнит вашу просьбу.

— Ваша богиня для нас слишком мягка, — холодно произнес Дарак. — Мы хотим, чтобы она помогла нам на Сиркуниксе, потому что мы носим ее цвета.

Улыбка жреца не изменилась; лишь чуть потемнели глаза, вот и все.

— Если вы молитесь о смерти другого, она не прислушается, что правда то правда, — сказал он, — но если вы молитесь о своей безопасности, то это другое дело.

Я кивнула. Жрец повернулся и поднял взгляд на кумир. Глаза Дарака устремились туда же, и мои тоже. Она походила на куколку: в белой мантии, черноволосая, с красной лозой вокруг лба. Куколка, и все же ...

— *О, кроткая, — мысленно прошептала я, — я проклята и мне не следовало бы говорить с тобой, но будь ко мне добра, ибо сердце мое открыто. Если один из нас должен умереть, то пусть это буду я, а не этот человек — не столько ради него, сколько ради меня. Если ты существуешь, то ты знаешь меня и мою беду. Пожалей нас обоих и спаси его; сделай его храбрым, какой он в сущности и есть, даруй ему победу, которую он желает, а если смерть, то пусть она будет быстрой и чистой. Для обоих.*

Глаза у меня горели. Я опустила их, и в этот миг жрец заговорил.

— Она слышит, — сказал он.

Любопытно, но он, казалось, точно это знал. Затем он внезапно протянул руку и сорвал два красных листика с венца богини. Оказывается, венец был настоящий, а не нарисованный.

Он повернулся, взял мою руку и вложил в нее листья.

— По одному на каждого, — сказал он.

Мои пальцы сомкнулись вокруг них, прохладных и свежих, у меня на ладони. Жрец кивнул и снова ушел через узкую дверь.

Я посмотрела на лицо Дарака, и увидела, что его мрачное настроение прошло. Значит — это сработало. Суеверие против суеверия; я тоже ощутила чувства радости и освобождения.

Мы вышли, и день стал еще теплее. Я вложила один лист лозы в его руку. Он ничего не сказал, но когда мы шли обратно к конферме, я знала, что он охвачен уже нетерпением, думает о колеснице, тройке, ревущей толпе, летящей Прямой, славе и призе. Я не знала, что из всего это-

го выйдет, но он снова стал Дараком. И это для него был День Победы.

* * *

Сперва он сходил на конюшню поухаживать за тройкой вороных, проявлявших во время чистки нетерпение и норовистость, словно чуя, что время пришло. И уже много позже пришел поесть скудную трапезу: хлеб, кусок-другой холодного мяса, вино и вода в равной мере. Беллан вился вокруг нас, удерживая в узде наши аппетиты. Я не ела, не могла рисковать, что явятся те боли и отвлекут меня, но все, что мне нужно, я приняла предыдущим вечером. Распар отправился в Анкурум прежде нас. У него будет собственное отличное место на трибуне, неподалеку от ложи Градоначальника. Повсюду бегали конюхи, и вскоре колесница и тройка тоже отправились к конюшням Сиркуника для традиционной проверки. Мы — Беллан, Дарак, Маггур и я — поехали после, в сопровождении других конюхов.

— Каждому колесничему нужна собственная армия, — заметил Беллан, — в этот день войны.

Своего собственного коня, крепкого гнедого, он направлял одними коленями, зацепив поводья за пряжку пояса; но он принадлежал ему и знал его. На наш отъезд смотрели из-за стен и оград немало мужчин и женщин, по большей части работавших в имении. Они подняли приветственный крик, так как мы теперь оделись для арены, и не возникало никаких сомнений ни относительно нас, ни относительно наших цветов: черный — в честь тройки, алый — в честь лозы. Дарак носил облегающие черные легины, кончавшиеся завязанными на лодыжках ремнями, черный кожаный пояс с красной эмалированной пряжкой, с которого свисали до середины бедер толстые полосы жесткой черной кожи — защита, дававшая, однако, ногам свободу движения. На ногах были черные сапоги до колен, с густо шедшими вокруг голеней красными кисточками. Выше пояса он фактически был голым, если не считать щита-кирасы — дубленой черной кожи, повторяющей форму тела, но закрывавшей только низ спины, живот и ребра, оставляя руки и плечи свободными для управления тройкой. С боков она тоже была открыта и удерживалась тремя ремнями из черной кожи с гранатовыми пряжками.

На кирасе спереди и сзади горело алое солнце, повторявшееся, в свою очередь, на широких черных железных браслетах, усиливавших запястья колесничего. На плечах у него висел завязанный на руках кроваво-яркий плащ, не менее очаровательный, чем сапоги с кистями.

Я, лучница, была его эхом, одетая точно так же, за исключением того, что у меня не было выше пояса никакой защиты, кроме алого плаща, в который я сейчас и завернулась и который на стадионе будет сброшен. И носила я не два браслета, а один — для усиления левого запястья. На правом запястье будет черный железный щит с горящим красным солнцем, висевший сейчас у меня за седлом. Волосы я заплела на затылке в косу и сложила вдвое, завязав алыми ремешками.

Когда мы проезжали мимо маленького храма богини лозы, я обернулась, бросив благодарный взгляд. Дарак не обернулся, но я знала, что он носил под своим левым браслетом листик лозы, так же как и я под своим.

Когда мы проехали через Кольцевые Ворота и въехали в Анкурум, всюду кишели толпы. Они ревели и кричали, завидев нас — похвалы, приветственные слова молитвы:

— Я поставил на тебя, северянин, десятую часть своего серебра — выиграй для меня, ради любви к богам!

В садовом квартале из окон и с балконов глядели женщины. Пухленькие, изнеженные, смазливые, с томным выражением подведенных глаз, они осыпали Дарака цветами. Он и в самом деле выглядел похожим на одного из их богов. Красивый, с темно-золотым и твердым как железо телом, надменным и гордым лицом и яркими, бесстрашными, посмеивающимися над собой глазами. Если он победит, то сможет выбрать любую их них. Но если нет, если нет... яма, кучка земли, никакой песни и никакой белой анкурумской дамы, чтобы разделить с ним ложе.

7

Вещи ветшают, цивилизации угасают; только их символы остаются после них. Наверное, в один прекрасный день люди найдут развалины Сиркуникса в Анкуруме и скажут, что его создали великаны.

Построили его частично из того же теплого желтоватого камня, который преобладал во всем городе, но больший участок его выдолбили непосредственно в стальных хол-

мах. Он находился за пределами первоначальной стены, но для его охвата построили новую стену. Снаружи вздымались к небу его собственные стены, увенчанные круглыми башнями, словно крепостные валы. Со стороны города имелось десять ворот для впуска мужчин и женщин из разных слоев общества. На противоположной стороне — только пять: Железные ворота — ворота борцов и кулачных бойцов; Алькумовы ворота — ворота акробатов и танцоров; Бронзовые ворота — ворота поединщиков и мастеров травли зверей; Серебряные ворота — ворота всадников и колесничих; и пятые, в центре, Золотые ворота — через них проходили участники Сагари. Над теми воротами были высечены на большой высоте буквы, вытянувшиеся в высоту, должно быть, на десять с лишним футов и складывающиеся в надпись на анкурумском, смысл которой напомнил мне о другом языке, близком мне, но который я должна забыть:

СМЕРТНЫЙ, ТЫ ТЕПЕРЬ БОГ

За Золотыми воротами мы съехали по длинному скату в красный полумрак, освещенный факелами в каменных нишах. Здесь пахло лошадьми и еще чем-то с неясным, но сильным запахом. Ехать по скату пришлось долго, так как он вел под высокие трибуны стадиона до уровня площадки арены.

Наконец мы выехали в огромную подземную пещеру. Слева и справа проходы вели к баням, оружейным залам, комнатам лекарей и конюшням. А за этими комплексами таились другие, более глубокие пещеры — звериные ямы и крематории для тех, кто погибал здесь без родни. В противоположном конце этой большой пещеры длинный коридор шириной в десять колесниц вел прямо на арену.

Большинство лошадей уже развели по стойлам. Наступил полдень, и Градоначальник отправился обедать, но через час традиционная процессия, состоящая из его милости собственной персоной, привилегированных дам, представителей важных домов пройдет неторопливым шагом через это место, лениво оценивая форму участников в последний раз перед тем, как определить окончательные ставки.

Пещера была очень широкой и высокой, факелы со стен плескали желтым светом. Она разделялась на десять

частей каменными перегородками высотой с коня, и в каждой хватало места для удобного разворачивания колесницы, лошадей и конюхов. Шесть колесниц стояли на месте, сверкая металлом и красками, а лошадей увещевали остаться в оглоблях. В пятом стойле ждала тройка вороных, достаточно терпеливо сносивших последнюю чистку; ей же подвергалась и стоявшая позади колесница. Корпуса и колеса всех повозок сочились маслом, и оно собиралось на полу в лужи до тех пор, пока не достигало стоков. Сложный аромат, состоявший из запахов масла, металла, пота лошадей и людей, кожи, лошадиного помета, соломы, камня, а также острого, как нож, запаха напряжения.

Вороные замотали головами и потянулись к Дараку, когда тот гладил и ласкал их, похожих на полированное дерево. В их гривы и развевающиеся хвосты было вплетено столько алых лент, что они казались охваченными огнем.

— Вы следили за колесницей и упряжкой? — сразу же спросил Беллан у своего главного конюха.

— Да, сударь. Никто не приближался. Не было ничего такого, о чем я не знаю. У номера семь — ренсянина — один из серых потерял подкову, но это все в порядке вещей, по-моему ничего не подстроено.

Колесничие и их конюхи толпились по всей пещере, забиты были о тройках, шутили, выпивали.

— Плохо, — заметил Беллан.

Какой-то человек в желтом отыскал в нише Алтарь всех богов и склонился перед ним в поклоне.

— Барл из Андума, — объяснил Беллан. — Хороший возница, но не мастер. Если будет держаться ровно, займет второе место. Эти его серые чересчур норовисты.

Лучники тоже толпились тут, тоненькие юноши, уже раздетые до пояса, сохранившие из щегольства только свои цветные плащи. Одна группа вела между собой разговор — похоже, довольно дружеский для людей, которые скоро станут противниками. И все же я видела по их жестам — слегка женственным и злобным — что все это являлось частью игры. Вид у них был какой-то кошачий, а лица у некоторых смазливые, как у девушек, и для пущего сходства еще и накрашенные. Многие носили ожерелья и серьги, а один даже вплел в черный пучок волос нитку жемчуга.

Загрели колеса, и из боковых проходов появились последние колесницы, впереди — тройка серых, впряжен-

ных в пурпурную эмалевую колесницу, которую затем загнали задним ходом во второе стойло. За ними голубовато-золотая колесница, влекомая тройкой атласных гнедых. Возница отвел их на шестое место сам — рослый темнокожий мужчина с крючковатым носом и большим усмевающимся ртом. Глаза яркие и ищущие, как у орла, посмотрели вокруг и нашли то, что искали. Я почувствовала, что Беллан напрягся, твердый как скала. Значит, это и есть Эссандар из Коппайна, человек, который столкнул Беллана на Скуру из-за «какой-то девушки», как выразился Распар. Улыбка Эссандара расширилась. Он кивнул и поднял руку в преувеличенно подчеркнутом приветствии.

Это было грозной насмешкой. Остальные почувствовали это, и на мгновение в пещере воцарилась тишина. Затем один из лучников рассмеялся над чем-то, молчание нарушилось, и инцидент замяли. Эссандар сошел с колесницы и осматривал упряжь. Я повернулась и посмотрела на Беллана. Его лицо сделалось белым. Страх, предвкушение, испуг, волнение и возбуждение настолько обострили мои чувства, что я ощутила, как его боль задевает меня за живое, но он внезапно ушел за колесницу, чтобы проверить вращение смазанных колес.

* * *

Час ожидания прошел быстро, и, кроме того, Градоначальник пришел пораньше. Окруженный своей стражей в красно-белых ливреях, он появился из проходов и прошел вдоль стойл с семенящими за ним дамами и господами. Их элегантность и болтовня были здесь неуместными; похоже, они понимали это и задержались тут ненадолго. У Градоначальника, красивого, дородного мужчины со множеством колец на руках, нашлось милостивое слово для всех. Глядя на вороных, он улыбнулся и кивнул.

— Порода из конюшен Распара. Отличные. А вы — молодой купец-авантюрист, не так ли? Даррос, верно? Ну-ну. Похвалите от меня вашего конюха. Прекрасная работа — все это.

Дамы задержались чуть дольше, нервно держась подальше от «ужасающих» лошадей.

— Я буду смотреть на тебя не отрывая глаз, Даррос; ты безусловно самый прекрасный человек на Сиркуниксе. Тебе следует дать скульптору отлить тебя в металле — точно

таким, какой ты есть сейчас. О! Как бы я желала, чтобы они не мотали так головами! Великолепные дьяволы, я почти не могу дольше оставаться в такой близости от них.

После они ушли, и напряжение натянулось, как тетива лука. Теперь ждали, когда они займут свои места, сделают ставки, а потом трубы стадиона протрубят вызов, начало. Мы все забрались на колесницы: неподвижные, застывшие в ожидании этого звука. Лошади тоже почувствовали это и волновались, раздувая ноздри. Последние конюхи прошмыгнули и убрались. Беллан еще раз проверил колесницу. Лицо у него было таким же бледным и напряженным, как лица любого из возниц и стрелков. Он кивнул Дараку и мне.

— Никаких последних вопросов? Хорошо. Помни, что я тебе говорил; наращивай скорость постепенно, а не рывком, утяжеляй ее слева, когда проходишь повороты один, и справа, когда рядом с другими. Да, — тихо сказал он трем вороным, — вы сегодня отличитесь. Теперь у меня есть сын и дочь.

Вот тут-то он и раздался. Тот раскат серебряного грома, ужасный, чудесный, неудержимый призыв к сердцу, внутренностям и душе.

Все колесницы тронулись вперед. Когда тронулись вперед и мы тоже, я нагнулась назад через поперечину к Беллану.

— Беллан, — окликнула я.

Он побежал рысью, чтобы не отстать и услышать.

— Если я смогу, — хрипло прошептала я ртом, полным огня, — того, голубого — если смогу, я его для тебя сделаю. Не чисто, не стрелой. Как-нибудь так же, как он отделал тебя.

Он отстал, а колесницы уже бежали быстро, парадной рысью.

Темнота. Смутное мерцание факелов. Восемь частей единого фронта, двинувшегося вперед. Затем тусклое свечение — десять проемов впереди, выходы Ворот любви, где стоял, нависая над нами, мраморный бог.

Подобное рождению движение к свету.

Все ярче и ярче горящий свет — белый, золотой, голубой...

Мы выехали наружу.

Рев, гром, море, страшный шум, поднимающийся со всех сторон, потому что они увидели нас, своих богов,

явившихся, чтобы быть прекрасными в угоду их безобразию, чтобы достичь побед, которых им никогда не узнать, и умереть за их грехи. Свет теперь окружал нас со всех сторон. Над головами голубое небо давило на верхние ярусы стадиона и его круглые башни. Со всех сторон подымались крутые ряды трибун, пестревшие знаменами домов и цветами колесниц. Прямая, такая широкая, пока еще белая от свеженасыпанного песка, один огромный танцевальный зал для смерти и радости. А в центре Сгора — помост из камня, горевший наверху гребнями пламени и окруженный десятифутовыми колоннами, сплошь обшитыми золотыми листьями. В самом центре его восемь сигнальных вех — по одной на каждую колесницу, все с шестью гигантскими стрелами — по одной на каждый круг, сплошь оперенных цветами колесницы, которую они представляли. При каждом завершении колесницей круга одна стрела будет выниматься.

Препятствия пока еще не установили. Сперва должно пройти шествие, чтобы они увидели нас невредимыми и во всем нашем блеске.

Тот гром, тот рев рассыпался теперь на отдельные крики и вопли и, перекрывая их, звучали голоса глашатаев, называвших, пока мы ехали, имена и города колесничих так, чтоб все слышали.

* * *

Белый цвет, тройка равных темно-гнедых: Гиллан из Солса.

Пурпурный цвет, тройка неравных серых: Алдар из Нирона.

Желтый цвет, тройка равных серых: Барл из Андума.

Черный цвет, тройка равных серых в яблоках: Меддан из Соготы.

Алый цвет, тройка равных вороных: Даррос из Сигко.

Голубой цвет, тройка равных гнедых: Эссандар из Копайна.

Зеленый цвет, тройка, смешанная из двух серых и одного темно-гнедого: Аттос из Ренса.

Серый цвет, тройка неравных гнедых: Вальдур из Ласкалума.

* * *

Мы проехали не совсем полный круг. Завернув за поворот, мы достигли той точки, над которой располагалась

ложа Градоначальника. Она называлась Тетивой, Тетивой лука, если титуловать полностью, и здесь от Скоры до края трибун тянулась веревка, туто натянутая двумя блоками. По сигналу Градоначальника она будет поднята, и колесницы свободно полетят по Прямой, словно стрелы.

Здесь мы и выстроились в ряд, отдали честь Градоначальнику, и снова стали ждать. Сперва из двери в подножье трибун величественно выкатили стену, которая была столпами Земли. Чтобы вытащить ее на позицию поперек Прямой, потребовалось двенадцать запряженных цугом лошадей. Теперь она стояла как раз на краю поворота Скоры прямо перед нами — она будет первым препятствием. Выглядела она такой же прочной, как утес: немыслимо столкнуться с ней и остаться целым. Ворота были достаточно широкими, чтобы пропустить только одну колесницу, и их, конечно же, было только четверо. Толпа подняла гвалт, когда металлические стойки закрепили. Лошадей распрягли и увели, затем впрягли в ремни, привязанные к каменным глыбам, накрывавшим естественные ключи под ареной. Ход этой операции от нас частично скрыли столы Земли, и, кроме того, она была делом медленным. Голоса с трибун выкрикивали советы и жалобы на потраченное время. А потом глыбы удалили — высоко забили потоки воды, которая до этого, сдерживаемая каменными пробками, стекала в глубину. Обрушивая водопады, забили четыре гигантских фонтана с достаточным пространством между ними и достаточно прочной сетью над ними, чтобы колесница, налетевшая на них, не провалилась. Тем не менее, вес этой обрушивающейся воды просто ужасал. Двенадцать лошадей отправились дальше, на этот раз стащить каменные глыбы с двойных столпов Воздуха, которые были пяти футов в окружности и тридцати футов глубиной. Этого нам было и вовсе не видно, так как все полностью скрывала Скоря, но гвалт поднялся вновь, и лошадей увели с арены. Отряд людей принес последних наших врагов, и, повернувшись в колесницах, мы ясно увидели их — три огромных деревянных столпа, покрытых на фут с лишним слоем смолы. Их закрепили на местах, и толпа затаила дыхание. Из-под трибуны выбежал молодой человек, поджарый, коричневый, а на голове — парик из длинных оранжевых волос. В одной руке он держал горящий факел и пробежал с ним почти всю Прямую, пока не добрался до столпов Огня. Затем

с криком, подхватываемым вновь и вновь на переполненных трибунах, он поразил один столп за другим. Они вспыхнули, словно желтые свечи, плюясь огнем, воняя и дымя, создавая огненную сеть искр между ними. Парень с факелом прыгнул в сторону трибун, где для него была открыта другая дверь, и исчез.

Прогремела труба. Конюхи арены выбежали и стояли, ожидая — один в голове, другой в тылу каждой колесницы. Колесничие сняли сапоги и плащи и повесили их на конюхов; лучники сделали то же самое. Было очень тихо, но когда я сняла свой плащ, тут и впрямь поднялся шум — восклицания, немного смеха, крики и оклики. В Анкуруме явно не все знали, что на алой колеснице едет женщина-стрелок. Другие лучники вдоль ряда уставились на меня, один или два с откровенным негодованием. Эссандар, шестой в ряду и соседствующий с нами, откинул голову назад и нарочито рассмеялся.

Я взяла лук и надела на правую руку щит, и из толпы до меня ясно донесся чей-то мужской голос:

— Вот-вот, хорошенько охраняй этих красавиц, девочка.

Это вызвало буйное веселье. Я повернулась туда, откуда долетел голос, и отдала ему честь, как мы это делали по отношению к Градоначальнику. Все заржали и захлопали.

А затем снова труба, и снова тишина. Полная, гробовая тишина.

Градоначальник встал, подняв золотой жезл.

Миг — настолько тихий, что я услышала кричавшую высоко в небе над стадионом птицу.

Смерть? Теперь смерть? Или что? Или что?

Золотой свет заблестал в воздухе. Застыл.

А затем упал.

8

Тетива обманывает, когда ее поднимают между блоков — ты чувствуешь, что должен дожидаться ее подъема, но в этом нет надобности. В тот миг, когда она прошла определенную высоту, тройка вороных, обученных этому, опустила головы и рванула вперед, а мы с Дараком низко прыгнулись. Прием этот настолько очевидный, что удивительно, как ему не научатся все колесничие. Эссандар знал его, так же как Барл-андумит, черный соготянин

под номером четыре и зеленый ренсянин под номером семь. Поэтому пятеро из нас вырвались вперед, и неудержимое колесо начало вращаться. Тогда не стало времени страшиться ни за себя, ни за другого.

Широкий белый гром под колесами, террасы цветowych абстракций, проносящиеся по обе стороны.

Я ощутила первую стрелу раньше, чем услышала ее. Соготский лучник справа от меня — смазливый парень, юный рысенок. Голова к голове, вороные пока не разогнались во всю их силу. Стрела предназначалась для нашего корпуса с целью сбить листы обшивки. Я поймала ее на щит прежде, чем она вонзилась. Лицо парня, пораженного моей быстротой, сделалось теперь бледным смазанным пятном и осталось позади.

Впереди стремительно приближались ворота — четыре раскрытых рта. Эссандар забирал влево, наперерез ренсянину, стремясь пробиться, оттеснив других, к первым воротам, самому лучшему месту, потому что оно располагалось ближе всего к Скорее. Ренсянин, с силой натянув поводья, чтобы избежать столкновения, отклонился к нам с тройкой, рвущей вперед и потерявшей управление. Дарак, сворачивая в свою очередь, чтобы избежать контакта с ними, пронес нас с быстротой удара кнута наперерез андумиту. Взвились тучи пыли. Я не видела, что творится сзади. Отбив щитом стрелу, я, в свою очередь, выстрелила вслепую вдоль Прямой позади нас и ни во что не попала. Для большего времени нет. Ворота. Наш вираж стоил нам форы — серый ласкаллумит догонял нас слева, ренсянин, оправившись, настигал сзади, в то время как андумит отклонялся вбок и направлялся ко вторым воротам. Эссандар, будучи за пределами этого хаоса, мог выбрать себе ворота без всякого труда.

Будь они прокляты. Ласкаллумит, ренсянин, а теперь еще и соготянин дружно пытались прорваться к третьим воротам, так же как и мы. Ласкаллумские серые находились прямо за нами, а другие чуть позади. Серый лучник уперся перед поворотом и ослабил лук. Я извлекла из сумки в борту колесницы стрелу со шнурком, нагнулась в их сторону и выстрелила им по колесам. Есть! Кружащийся алый змей зацепился.

— Стой! Стой! — услышала я крик Вальдура, раздиравшего уздой широкие рты гнедых. Колесо сбило, запуталось и внезапно остановилось; другое колесо, бешено вра-

щавшееся, увлекло колесницу вбок. Спицы с треском сломались. В замедленном движении колесница накренилась, закрутила влево и опрокинулась. Подлетавшие сзади соготянин и ренсянин разбежались в стороны, чтобы не налететь на них, промахнув при этом мимо ворот, и осадили назад. Стоя спиной к Дараку, выставив перед собой щит, я почувствовала, как мы одолели тот ужасный поворот, не задев дубовых мускулов третьего проезда, с Барлом из Андума на долю секунды раньше через второй и Эссандаром уже за первым.

Три птицы, освободившиеся от земли, чтобы лететь к воде. Голубой Коппайн, желтый Андум, алый Сигко. Тройка Барла бежала во всю прыть, очень быстро приближаясь к Эссандару, но серые отличались норовистостью, это всякий мог заметить. Воронье шло быстро, но еще не достигли своего предела. Дарак мало-помалу давал им волю.

Сзади промчались через ворота ренсянин и соготянин, а следом за ними пурпурный Нирон и последним — белый Солс. Ласкаллум исчез. Я расслышала стон на трибунах, распорядители стянули вниз восьмую вежу с ее стрелами серого оперения и унесли ее. Осталось семь.

Вода казалась серебристым ревом. Брызги уже плевали нам в лицо. Воронье опустили головы в оскорбленной гордости. Мы теперь и в самом деле стали мишенью, очень уязвимой: преодолевать воду при четырех преследователях, которым пока не требовалось думать о ней, только о нас. Со стороны соготянина и ренсянина посыпался град стрел. Некоторые попали в бронзовые щиты, и один открепился и упал, оставив металлические стойки колесницы голыми. Мы уже шли между столпами Воды на том втором плавном повороте. Это был чистый проезд, идеально рассчитанный. Первый последовал за нами ренсянин, отставший на приличное расстояние. Я выстрелила высоко, очень высоко, так как стреле следовало лететь далеко. Стрела с алым хвостом полетела и вонзилась прямо перед несущимися серыми, когда те делали поворот. Пораженные, неустойчивые, как я и думала, они взвились на дыбы, гарцуя. Задние колеса соскользнули вправо, и все они очутились под струями третьего столпа воды. Лошади заржали, заматались и развернулись назад, вперед, а потом направо кругом, угрожая приближающемуся сзади соготянину. Черная колесница свернула в сторону, и черный лучник выпустил несколько стрел по колесам, которые и

прикончили зеленую. Я увидела, как она подскочила и перевернулась, а парнишка-лучник выбрался из обломков и помчался к безопасности Скоры, перебегая дорогу ниронийской и солсийской тройкам.

Мы снова вырвались на волю, отстав на целый корпус от Андума, и вместе с ним несколько отставали от Эссандара. Юный лучник на задке голубой колесницы высокомерно бездельничал, не трудясь целиться в нас. Теперь стало слышно, как неистовствуют трибуны:

— Коппайн! Коппайн!

Между этими криками слышалось:

— Андум!

Доносился также и не столь громкий, менее отчетливый крик, называвший не Сигко, а имя:

— Даррос! Алый Даррос!

На этой части Прямой не было никаких скоплений; мы учтиво обошли Столпы воздуха и завернули, завершая круг, к огню.

Следи за ниронянином! Его скорость нарастала так же, как и наша, благодаря неторопливому, мощному движению. Он уже настигал соготянина, который, в свою очередь, настигал нас. Вокруг вился едкий дым, затрудняя обзор. Лошади закашляли. Огибаем край поворота, и перед нами вспыхивают три горящих факела. Можно как уютно обучать коня, он все равно никогда не полюбит огонь. Серые Барла металась и заколебались даже при их скорости, и колесница сбавила темп. Впереди гневные Эссандара тоже слегка замедлили ход. И все же вороны догоняли. Я слышала, как Дарак поет им слова любви, перекрывая свист ветра и треск пламени. Нервничающие серые впереди роняли от испуга яблоки. Барл быстро оглянулся через плечо. И увидел, как все будет. Мы пойдем с ним бок о бок, а соготянин и ниронянин наверное тоже, следом за нами. В неистовом решении его длинный кнут хлестанул по серым, пуская кровь. Пораженные, они метнулись вперед, присоединяясь к Эссандару в невозможном рывке. Голубой и желтый прорвались сквозь горящую сеть искр, выйдя голова к голове. Скорость свою Барл набрал рывком. Сохранить ее он не мог.

В черный дым! Под покровом его, в нескольких дюймах от столпов к нам подобрался сзади соготянин. Лучник, усмехаясь, выстрелил в Дарака, нарушив один из многих законов Сагари. Я отразила стрелу, получив

вторую в левую руку. Это был парень с жемчугами. Нас лизнули первые языки пламени. Он теперь цеплялся за грохочущую колесницу. Вонь смолы, тлеющих конских волос. Не обращая внимания на вонзившуюся в меня стрелу, я достала три простые стрелы и сунула их оперения в прыгающие языки пламени. Не алое теперь оперение, а желтое. Соготянин свернул, чтобы объехать средний столп с другой стороны. Они вышли впереди нас, и я пустила им вслед все три горящие стрелы. Удача. Одна упала с недолетом. Две другие попали точно в ось — ту деревянную ось, которая так прекрасно загорается. И она горела! Металлические плиты пола под босыми ногами соготянина треснули, и сквозь них прорвалось пламя. Оно распространилось на оглобли, охватило вожжи и упряжь. Так быстро! Теперь они тоже носили алые цвета лозы. Я больше не смотрела на них. Отломилась древко стрелы, оставив у себя в руке только наконечник. Не так уж плохо. И выкинула рану из головы.

Мы завершили поворот, приближаясь к ложе Градоначальника. Первый круг закончен.

Я посмотрела на Скуру. Исчезли три веи — серая, зеленая и черная, а с голубой, желтой, пурпурной, белой и алой стрелы одного круга тоже исчезли.

Мы определили схему этих скачек, наша пятерка. Беллан предсказал, что именно так все и будет. Эссандар ведущий, Барл голова к голове с ним, не надолго, но с умелым лучником, державшим надменного юнца Эссандара на расстоянии. Дарак третий, непредсказуемый третий любых скачек — тот, кто может вырваться к победе или отстать. Сразу за нами настигающий нас Нирон, а потом Солс, у которого, кажется, не осталось вообще никаких шансов и который гнал дальше просто для тренировки. Вот в таком построении мы и прошли второй и третий круг. Это мертвые круги скачек, да и четвертый зачастую тоже. Главными фигурами в этой игре являются, как правило, первый, пятый и шестой круги.

Случайность на четвертом круге нарушила эту схему. Обломки колесницы со стадиона не убрали, унесли только людей, или то, что от них осталось. Таким образом, обломки стали новыми препятствиями. Ласкаллум пал у третьих ворот Столпов земли, загородив их; теперь осталось всего три прохода вместо четырех, а практически всего два, потому что четвертые и самые дальние ворота сулили

такую потерю скорости, что все колесницы норовили по возможности избежать их. Андум и Коппайн все еще оставались вместе, приближаясь к первому и второму проходам, когда отвалившийся лист металлической обшивки из обломков подбросил голубую, а Андум свернул ей наперерез. В тот же миг желтый лучник закинул стрелу со шнуром в колесо Эссандара. Эссандар, мастерски управляющий своей тройкой, осадил коней назад и сдерживал их, а колесница осталась в вертикальном положении пока голубой лучник перерезал помеху крошечным ножом, который дозволялось носить на арене. Но это была заминка. Андум проехал ворота у Скоры и вырвался вперед, а Эссандар, тронувшись снова, обнаружил, что мы с Нионом позади присоединились к нему.

Дарак на данном этапе отдал бы Эссандару первые ворота, но Эссандар оглянулся на нас, и на лице у него появилось выражение, предназначенное не нам, а Беллану. Он еще больше опозорит покалеченного колесничего, если падут тренированные им ученики. Поэтому он повернул назад, игнорируя преимущество первых ворот, и направился прямо ко вторым, куда направлялись мы, а по пятам за нами и Нион. Дарак натянул поводья; вороные, не привыкшие к такой грубости и неспособные остановиться, так и подпрыгнули. Повозка взлетела вместе с ними ввысь, а затем вниз и с силой грохнулась на Прямую. Я подумала, что сломала себе спину о перекладину, и вся колесница сломана вместе со мной, но мы каким-то образом остались целы, брошенные в бок нашим собственным толчком и все же не повалившиеся. Эссандар миновал ворота, но Нион, стремясь избежать нас обоих, врезался со всего разгона в обломки Ласкаллума. Возникла двойная путаница металла, серые слабо брыкались в предсмертной агонии, колесничий и лучник вылетели на песок, возница погиб, а парень пронзительно визжал от боли. Когда Дарак выправил нас, я пустила стрелу ему, пронзительно визжавшему, в мозг — больше для него ничего нельзя было сделать.

Теперь — через проход у Скоры, и быстро, неровно, но быстро. И все же мы были одними из немногих, кто остановился на Сиркуниксе и остался в живых. Толпа, которая закричала от ужаса при нашем прыжке, теперь одобрительно редела и вопила.

Позади нас Солс. Впереди — далеко впереди — Эссандар, а перед ним Барл, несущийся слишком быстро, чтобы

сохранить свое лидерство. Он уже терял скорость. Сквозь воду, мимо ям воздуха, между языками пламени — и как раз пламя-то и прикончило его. Его тройка ненавидела огонь. Каждый раз, когда его кони проносились сквозь него, их ненависть становилась все больше и больше, и теперь, с обрушивающимся на них безжалостным кнутом, они взбесились, развернулись крутом и помчались обратно — туда, откуда примчались. Я увидела, как взвился кнут Эссандара и ожег их, когда они пронеслись мимо него, — толпа тоже увидела это и заворчала. Мы находились у Столпов воздуха, когда эта обезумевшая от огня тройка понеслась прямо на нас.

Дарак свернул в сторону, пронзительно ржавшие лошади пролетели мимо, выкатив глаза, а затем колесо под нами накренилось. Мы утодили в яму. Еще миг — и нам конец. Я прыгнула вперед, на место рядом с Дараком, сбрасывая тот немногий вес, каким я обладала, с погружающегося в провал колеса, и в тот же миг кнут Дарака — в первый и в последний раз — хлестнул по атласным спинам вороных. Они снова прыгнули вперед, почти в полете. Колесо соприкоснулось с землей, и мы проскочили. Я взглянула в ту секунду на лицо Дарака — белое, но еще блее — зубы, оскаленные в усмешке. Толпа завывала, превознося нас, а позади тройка андумита дрожа замедлила бег на середине Прямой, повернутая не в ту сторону, и конюхи выбегали, чтобы поторопить их убраться со скакового круга.

Теперь только Эссандар. Солс в этом не участвовал. А вороные снова выдали свою скорость, ту вторую скорость, которую колесничий может, если очень захочет, выжать из своей тройки в белой окровавленной пене. Сквозь огонь, мимо все еще горящих обломков Соготы, за поворот через Тетиву — и наши четыре алые стрелы убраны вместе с голубым Эссандара. Еще два круга. Он опережал на полкорпуса, но не смог сохранить этого преимущества. Пыль, которая затормаживает всякое колесо, замедляет и его тоже, и у нас будет время догнать его.

Мы сделали это — Земля, Вода, Воздух, и мы уже близко. На повороте с Огнем впереди мы шли ноздря в ноздю: голубая и алая.

Огонь ближе к концу Сагари меркнет, так как смола вся сгорает. Но дыма много, больше, чем когда-либо, густого и черного, как плащ. Под покровом этого плаща, точно так

же, как это сделал Согота, голубой лучник попытался подстрелить нас. Но глаза от дыма слезятся — прицел у него был никакой.

А затем я услышала Эссандара, отчетливо, очень отчетливо:

— Сделай, как эта сука — подпали свою стрелу, парень, и всади в одного из коней.

Лучник рассмеялся. Это будет несложно. Огонь пробежит по древку прямо в черную шкуру, не оставив никакого следа, только пламя. Услышал ли Дарак? Похоже, что нет.

Так быстро и так темно! Скорость невероятная, все стало смазанным. Я сорвала с руки щит, содрав вместе с ним половину своей кожи, и когда увидела пролетающую над нами ярко-оранжевую стрелу, швырнула щит и он вместе со стрелой, теперь безвредной, упал на их пути. Щит подскочил и сломался под копытами коней и затормозил их бег, когда они обходили обломки соготянина. Теперь, на пятом круте, мы были впереди.

Мы первые вырвались из дыма, и трибуны бешено зааплодировали и заорали. Я увидела машущие красные флаги — намного больше, чем вначале. Поворот, и недалеко до Тетивы, теперь целиком натянутой. Но мы больше не должны проноситься в огне вместе с ними.

Беллан, где ты сидишь? Со своим хозяином Распаром, занимающим место неподалеку от Градоначальника? Дай мне свою ненависть, Беллан. И я сделаю это. Я не должна стрелять в возницу, лошадей, лучника — таков закон Сагари, хотя кто догадается? Но колесница и принадлежности колесницы — все мои.

Забавно — я смутно заметила, что солская колесница осталась настолько далеко позади, что на Прямой оказалась перед нами.

Я повернулась и уставилась назад, опираясь на перекладину, уже вставив в тетиву стрелу с простым оперением.

Только одна надежда. Я больше, чем ты. *Смотри, Беллан!* Я выстрелила. Стрела взмыла вверх, серебристая на голубом фоне, пошла вниз, упала. Я направляла ее больше глазами, чем выпустившими ее руками.

И она попала.

Она *попала!*

Вопль, рев на трибунах, мужчины и женщины повскакивали с мест, воя от жестокой радости, ибо я сделала его

— классический выстрел Сагари. Я перерезала вожжи Эсандара надвое.

Человек может спастись, когда у него рвутся вожжи, но это нелегко, а сейчас и вовсе невозможно. Слишком уж быстро он двигался, свесившись над своей тройкой. Натяжение, державшее его в устойчивом положении, теперь увлекло его вперед. Одна вожжа, все еще намотанная вокруг кулака, уволокла его вверх через передок, по спинам его тройки, кувыркающееся, голубое, вопящее существо, удерживаемое какой-то миг между бегущими лошадьми, а затем рухнувшее им под копыта, а после этого под колеса его же собственной колесницы.

Некоторое время гневные продолжали бежать, потом стали, дрожа, пока за ними не явились конюхи.

Мы проехали тот шестой круг одни, быстро, ради удовольствия от быстрой езды, а не потому, что нам это требовалось, и толпа пела нам, когда мы мчались.

Если есть боги Сагари, то как же они, должно быть, смеялись! Даррос из Сигко, носящий алые цвета в честь Анкурума, Победитель. А второе место занял Гиллан из Солса — занял потому, что не осталось других, состязающихся за него.

9

СМЕРТНЫЙ, ТЫ ТЕПЕРЬ БОГ

Трудно сперва поверить, что это не так, после того как тебя нарекут Победителем. Тебе не позволяют вспомнить, что ты создан из праха. Король, естественно, колесничий, но и я по-своему сравнилась с Даракком — тем последним выстрелом.

— Можно смело положиться, эта сука подорвет меня, — усмехаясь, заметил Дарак Маггуру, когда мы освободились наконец от приветственных криков, оваций, теснящихся толп, золотых венков и ушли со своими призовыми деньгами. По окончании скачек произошло многое, но оно было туманным и нереальным. Теперь Дарак вел меня в одну из комнат лекарей — вел, так как я идти не хотела. Мне представлялось, что там могут быть и другие — остатки их, стонущие и вопящие, но на самом деле мной занялись вполне приватно. Мы ведь, в конце концов, были Победителями. Одна пустая чистая комната и один ле-

карь. Он осмотрел мою левую руку. Кожа вокруг обломанного древка уже почти затянулась, но наконечник вошел глубоко. При виде быстро заживающей раны он нахмурился и простерилизовал свой нож. Странное дело, я на тех скачках не чувствовала себя женщиной и почти не ощущала боли. Я села и без колебаний подняла руку, и в тот миг, когда нож рассек мне кожу, жгучая боль пронзила все мое тело, словно добела раскаленное копьё.

Я снова открыла глаза, и обнаружила, что он закончил оперировать меня, забинтовав и левую руку и правую там, где я содрала кожу, срывая с нее щит. Дарак и Магтур исчезли.

— Я их выставил, — строго сказал лекарь. — Они суетились больше, чем ты, девушка. У тебя по крайней мере хватило здравого смысла упасть в обморок и уберечь меня от дальнейших хлопот. — Он приводил в порядок свои вещи и мыл руки. — Вот твой наконечник стрелы. Ты можешь продать его за десять серебряных монет. И твои волосы, дюйм с чем-нибудь, тоже сорвут хорошую цену. Классический выстрел.

Он крикнул и вид у него был не очень одобрительный. Полагаю, благодаря Анкурумским играм он сталкивался с ранениями и потяжелее моего.

Когда он ушел, я лежала, не двигаясь, в своеобразном оцепенении, тяжелом, но не сонном, в меланхолии после страсти и страха. Через некоторое время я расстегнула беспокоивший меня левый браслет, и на ложе упал сухой листик лозы. Я подняла его, и он рассыпался у меня в пальцах. Я молилась богине по-человечески, а она — услышала ли она? Она ли даровала нам победу на скачках и мне — жизнь Дарака? И все же я убила — Эссандара. Я знала, что он умрет. Что-то она думала обо мне теперь, та куколка — богиня на холмах.

Я встала, гадая, куда ушел Дарак, стремясь стряхнуть обрушившуюся на меня растущую депрессию.

Отодвинув занавеску на двери, я вышла в коридор. Там никого не было. Все было очень тихо. Мною овладел внезапный, иррациональный страх. Я даже не помнила, каким путем мы пришли сюда. Потом шаги. Я напряглась. Из-за левого угла появилась прихрамывающая тень с покрывалом из темной ткани на плече.

— Вот, — сказал Беллан. — Возьми этот плащ и надень его. Я рад, что ты не стыдишься своего тела, но оно вызывает несколько чрезмерный интерес.

Я взяла плащ и завернулась в него. Лицо у Беллана было сухим, замкнутым и очень усталым; казалось, оно имело то выражение, какое я ощущала под шайрином.

— Хорошие скачки. И ты с успехом сделала свой выстрел. Я знал, что у тебя получится. Учебный скаковой круг — это одно дело, а Прямая — совсем другое.

— Беллан, — тихо произнесла я, — я сожалею, что разделалась с твоим кровником. Право разделаться с ним принадлежало не мне.

Беллан неловко пожал плечами.

— Я обрадовался, увидев как он пропал — так вот. Даже не погиб, как я слышал, но осталось от него немного. Даже меньше... — Он оборвал фразу. — Два года я жил надеждой увидеть, как с этим человеком обойдутся так же, как он обошелся со мной, жил ради этого, жил из-за этого. А теперь, — он покачал головой, — с этим покончено.

Он пошел по коридору, и я последовала за ним.

— Улицы забиты народом, — сказал он. — Мы выберемся как можно быстрее и тише. Я послал твоего Дарроса вперед. Толпы с вас хватит и сегодня вечером — на пир у Градоначальника в честь Победителей игр.

* * *

Мы отправились в городской дом Распара, — маленький и даже не особенно уютный. Я приняла ванну и тихо лежала, пока великанша с виллы выбивала из меня синяки. А потом уснула. Когда я проснулась, солнце уже заходило, окрашивая медно-красным белые стены. Дарака я не видела с тех пор, как врач вырезал мне из руки наколечник, не увидела и сейчас. Вошли три незнакомых женщины и сказали, что они оденут меня для пиршества Победителей. Я чувствовала себя такой усталой, отупевшей и опустошенной, что казалось, будто я двигаюсь назад во времени — к вечеру ужина у посредника, с которого все и началось.

Похоже, я должна была облачиться в женский наряд, но в цвета колесницы. Они приготовили три платья и хотели одеть меня в алый шелк, но я выбрала вместо этого черный бархат — новомодное платье с ниспадающими красивыми складками. Его длинные тесные рукава скроют бинты. Они уложили мне волосы, завили и заплели их, и вплели в них ярко-красные бусы, похожие на капли крови.

Принесенный ими шайрин был невероятным — черный шелк, расшитый вокруг глаз алой нитью. Работали они даже быстрее, чем те другие с белым платьем.

После того, как они ушли, я некоторое время сидела одна, а потом покинула комнату и спустилась по узкой лестнице в круглый зал. Он пустовал, если не считать Распара, наливавшего себе вино за порфиновым столиком. Он остановился и поклонился мне.

— Добрый вечер. Простите, я еще не поздравил вас с победой на скачках. Надеюсь, рана от стрелы не тяжелая?

— Спасибо, нет.

— Вот и хорошо. Эссандар умер; вам сказали?

Я промолчала. Он продолжал, не дождавшись ответа:

— Беллан уведомил вас о пире? А, хорошо, вы с Дарросом проедете на своей колеснице по улицам до особняка Градоначальника при свете факелов. Там вы будете есть и пить, и получать разные совершенно излишние знаки почта в обществе других победителей, и время от времени показывать себя народу с большого балкона. Сад Градоначальника будет открыт для народа, и будут бесплатно давать вино и мясо. Будет очень шумно и, вероятно, скучно. — Он подошел ко мне, взял руку и поцеловал ее, как в тот первый вечер. — Трудно поверить, что это блудный мальчишка с колесницы... о, простите, но как мне еще это выразить? Я знаю, что вы принадлежите Дарросу, и поэтому не буду докучать вам лестью. Кроме того, что я буду делать с подобной вам женщиной в моем доме?

— Я не принадлежу Дарросу, — заявила я, — и он не принадлежит мне.

— Тем лучше, — сказал Распар. — С тех пор, как закончились скачки, он был с дамой. Теперь уж вы должны его знать. Стоит позвать белой птичке, как он летит на ее дерево. Но вы — гнездо, степная принцесса. Думаю, вы сами это знаете.

Его слова, казалось, не имели большого смысла. Мне было тревожно и не по себе. Я подошла к одному из окон и уставилась в сумерки, на извилистые улочки и покатые крыши.

В этот миг в дом вошел Дарак. Дарак, Эллак, Маггур, Глир и полдюжины других. Он теперь держался очень смело с хозяином дома, выиграв для него скачки. Я повернулась и посмотрела на Дарака. Он тоже носил цвета колесницы — алое, черное и золотое. И все еще походил на

бога; неистощенный и незатасканный. Он сразу же прошел ко мне.

— Тот мясник с кислым лицом извлек наконечник?

— Да.

— Ты не хочешь знать, чем я занимался?

— Наверное, нет.

— Ну, так вот, я был с какой-то глупой сукой, но не безвыгодно. Кажется, у ее мужа тоже есть свои колесничие, и скоро будут другие игры, в Солсе и Ласкаллуме. Как я тебе нравлюсь в качестве колесничего?

Им овладело какое-то безумие. Неужели он не помнил, кто он такой? А молодчики, столпившиеся у него за спиной, прислушивались к угрозе бросить прежнее занятие — я взглянула на них, но они скалились, словно глупые псы. Наверное, это какая-то новая игра. Его длинные черные волосы были немного короче, чем я помнила. Он почувствовал мой взгляд.

— Они их купят, — сказал он. — О, но их не продали. Одна женщина умоляла дать ей хоть малость.

Он взял меня за руку, повернулся и в первый раз отсалютовал Распару — однако так, как отдавали честь колеснице.

— Факельщики стоят у ворот, а конюхи подали колесницу.

Распар поднял чашу и следил, слегка сузив глаза, как мы уходим в надвигающуюся ночь.

Десять факельщиков с пылающими тускло-золотым огнем светочами, колесница, влекомая уже не вороными Распара, а тремя черными работягами, принаряженными, чтобы выглядеть такими же, как победители скачек, и вороные кони эскорта для людей Дарака.

— Сегодня вечером, — пообещал он мне, — я вытащу из тюрем Градоначальника драчливых дураков Эллага — в качестве награды победителю.

Мы стояли на колеснице, но в ней больше не чувствовалось жизни. Душа ее пропала или уснула. Мы медленно петляли по улицам, выезжая на более широкие, и там соединились с другими факельщиками, и цветными фонариками, и процессией верхоконных Победителей. Вот так, сверкая, мы и ползли, скручиваясь в спираль, как змея, вверх к дому-крепости Градоначальника.

На открытые площади перед особняком и в сады позади него вливалось все больше и больше народу.

Смех и крики пронзали мне тело и мозг как ножи. Я слышала, как они ревели при виде Дарака. Слышала крики: Степнячка!

Все это было пустым. Я больше не была богом этого места.

* * *

В портике у Градоначальника блистало десять колонн и еще десять в самом доме — сплошь мраморных, с позолоченными капителями и цоколями, инкрустированными голубой мозаикой. Возникало сильное ощущение яркого света, дыма, движения и звенящей музыки маленьких арф. Мы поднялись в зал на верхнем этаже, огромный, тянущийся по всему особняку, открытый на двух концах, где выступали массивные балконы с колоннами, один над площадями, а другой над садами. Зал был золотым — сплошь золотым. Пол и потолок украшали фрески и картины, но я их не помню; фигуры на них казались перемешанными с людьми в зале. За балконом повисла синяя ночь, раскалываемая иногда голубой молнией, а внизу море разноцветных фонариков, факелов и костров, где жарили мясо.

Победителей на играх в Анкуруме много: кулачные бойцы, акробаты, борцы, но места за высоким столом, где сидит Градоначальник, достаются победившим в скачках конников, гонках колесниц и Сагари. Тарелки, покрытые эмалью и золотые чаши из черной яшмы со вставленными полудрагоценными камнями. Что ни съешь, все твое, и время от времени подходят женщины в одеждах из прозрачной газовой ткани и кладут тебе мелкие побрякушки — золотые ножи и булавки — игрушки, сплошь бесполезные, но достаточно красивые.

Дарака усадили одесную Градоначальника — на самое почетное место. Рядом с ним сидела прекрасная женщина с золотыми волосами, которые казались естественными, хотя в Анкуруме никогда нельзя быть уверенным в таких вещах. Ошую Градоначальника сидел в своих белых цветах Гиллан из Солса, то и дело усмехаясь про себя, возможно, из-за двусмысленности своего положения. Я как стрелок, сделавший классический выстрел, сидела рядом с Гилланом, и Гиллан вел себя со мною очень осторожно: сверхлюбезный или вообще безмолвствующий. Далее

вдоль стола расселись другие колесничие и конники, и, надо полагать, лучники Гиллана, отделенные друг от друга придворными красавицами Градоначальника. Никого из них я не помню. Я прилагала усилия, чтобы быть вежливой и делать вид, будто я ем, стараясь в то же время есть как можно меньше. Все смены блюд я переносила плохо и не понимала, в чем причина. Зал казался горящим и наполненным миазмами.

Мы сидели только с одной стороны стола, а ниже нас вытянулись другие столы, более шумные и менее официальные, чем наш. Люди Дарака, те немногие, кого он привел с собой, сидели именно в той толпе, глуша вино и грызя кости. Я смутно надеялась, что не приключится никакой беды, так как вдоль стен, и особенно позади Градоначальника стояли густые ряды его стражи, что было в порядке вещей для лиц, занимавших его положение. Я следила, как его мясистые, все в перстнях, руки аккуратно подавали куски пищи. В желудке у меня начались боли.

Я должна покинуть это место. Эта мысль возникла внезапно и холодила, как лед. Я сразу увидела зал так, словно он был застывшим, более бледным, почти прозрачным. Забыв о правилах этикета, я собиралась встать и сказать — не уверена, что именно: наверное, просто побегу вдоль столов к двери. Но сверкающая перстнями рука Градоначальника поднялась, властно махнула, затрубил рог, и он встал. Воцарилась относительная тишина. Он собирался провозгласить здравицу в честь Победителей. Пронзенная этим мгновением, я сидела молча и не двигаясь. Море лиц, чуть кивающих, тронутых золотым светом, улыбающихся, смеющихся, гармоничных. Градоначальник вновь и вновь поднимал серебряную чашу, когда глашатай выкрикивал имена и города Победителей, и рог вторил ему, так же как приветственные крики. А затем тренированный голос с его чрезмерным акцентированием: — Победитель Сагари, Даррос из Сигко.

Громкий рев и аплодисменты, Градоначальник, улыбаясь, нагнулся к Дараку. А затем — опять та мясистая рука, легким взмахом гасящая шум.

Все еще стоя, Градоначальник поставил чашу на стол.

— Даррос из Сигко, — повторил он, хорошо разносящимся глубоким грудным голосом. — Мы хорошо его знаем, не так ли? Смелый купец, доведший свой караван до Анкурума в целостности и сохранности; подвиг, не знающий

себе равных. А потом выигравший королеву наших скачек — Сагари.

Приветственные крики взлетели, словно птицы, и он снова легким взмахом усмирил их. По-прежнему улыбаясь, он нагнулся теперь к столам.

— И наш Даррос сделал еще одну вещь. Он обманул нас всех. — Молчание стало глуше. Градоначальник негромко рассмеялся. — Победитель наших Сагари в действительности не более чем вор, убийца и разбойник — Дарак Златолов, отребье северных гор. — Он повернулся к Дараку и кивнул. — Твоя маленькая игра окончена, *колесничий*.

Стражники отделились от стен позади нас и устремились к нам, десяток из них — прямо к Дараку. Внизу теперь поднялся рев, и некоторые женщины завизжали. Мы не принесли с собой в зал никакого оружия; этикет этого не допускал. А я, казалось, не могла пошевелиться. Я увидела, как Дарак стоит, прислонясь к столу, усмехаясь шедшим взять его десяти стражникам. Не уверена, каким образом мне удалось это увидеть, ведь между нами находились Гиллан и Градоначальник. Я увидела, как рука Дарака потянулась обратно к столу и сгребла один из тех данных нам игрушечных золотых ножей — бесполезный, он бы погнулся, а не уколол — и однако один из стражников увидел это движение. Железный меч охранника вырвался из ножен и устремился вперед. Я услышала, как Дарак тихо охнул. Руки его бессильно упали. Он почти лениво посмотрел на воина, по-прежнему кривя рот в усмешке, все еще толком не понимая, что уже мертв. Двое стражников подхватили его с боков, когда он упал, подняли и понесли к выходу. Действовали они очень быстро, даже крови никакой не успело пролиться на этот золотой стол. Двое из них держали меня за руки, держали, поняла я теперь, с той минуты как Градоначальник впервые высказал обвинение. Они подняли меня и уволокли с собой. Думаю, они что-то подсыпали мне в чашу, да и Дараку тоже; когда они меня тащили, ноги у меня были тяжелыми, как железо. А молодчиков Дарака столь же быстро усмирили в основном зале. И все же там им не удалось сработать столь чисто. Эллак и еще один разбойник лежали убитые. Один стражник умирал, несколько других истекали кровью. Белые лица женщин глядели на нас во все глаза, когда мы проходили мимо них, словно похоронная процессия следовала за трупом Дарака.

Голова откинута назад, лицо совершенно неподвижно, рот твердо закрыт, посерьезневший в объятиях смерти. Алый плащ волочился за ним.

Алое в честь лозы. Куколка-богиня, значит, ты все-таки приняла подношение — смерть за смерть, маленькая богиня алой лозы.

10

— Карраказ! — пронзительно крикнула я в черные недра горы. — Карраказ, эт Со! Эт Со — Сесторра!

Рука зажала мне рот. Меня вытряхивали из одной темноты в другую. Глаза Магтура, налитые кровью и пылающие во мраке.

— Ш-ш, Имма, кого ты зовешь?

Странно, он не знал древней речи, и все же, казалось, понял, что я сказала. Я тихо лежала на сырой грязной соломе тюремной камеры.

— Который час, Магтур? Сколько еще?

Он покачал головой:

— Солнце за решеткой выглядит низким. Почти закат.

В каменной камере сидели и другие — все, кого схватили в гостинице. Тех же, кого привели сюда до пиршества Победителей после их драки в борделе, мы не видели и ничего о них не знали.

Мы сидели здесь уже два дня, и сначала разбойники смеялись и подшучивали над стражниками снаружи, бросая в них костями из окошечка в дверях. Травили байки:

— Да, ребята, Слэка смылись, и прихватили с собой к тому же несколько кусков шкур этих свиней.

Теперь же их дух перегорел в этой сырой черной дыре, воняющей их собственными испражнениями и страхом. Нас всех должны были повесить — публично. Мы должны были отправляться на виселицу по трое в день. Никто не знал наверняка, когда придут за ним или кого выберут. В первый раз троица вышла с развязным видом, салютуя и задирая нос. Разбойники влезли к находящейся высоко на стене решетке и увидели, как они болтались на площади. Во второй раз вышли уже не столь храбро. В тот второй день вздернули и четвертого: вместе с остальными повесили и труп Дарака.

Как же взревели при виде его толпы на площади. Так же громко, как ревели на Сиркуниксе. Громче. Жизнь любит смотреть на смерть.

Разбойник у окна — не могу вспомнить кто — сплюнул сквозь прутья решетки.

— На тебя, свинарник вонючего города.

И все же мне снился не Дарак, а Гора, и я бежала к алтарю крича: — Вот я! Вот я! Проклятая!

Я села. В волосах у меня запуталась солома, и на них еще висели красные бусы.

— Сколько, Маггур? — прошептала я. — Они оставят меня напоследок, Маггур, потому что я сделала классический выстрел?

Но это придет. Вожжи у меня на шее, бегущие лошади. Я услышу, как заорет толпа, когда моя шея сломается.

Маггур обнял меня огромной ручищей, и я прислонилась в темноте к нему.

* * *

На следующий день шаги раздались в полдень.

Скрежет двери, охристый свет факелов из ночной темени наружных коридоров. Шестеро стражников с обнаженными мечами и двое тюремщиков.

— На выход. Ты, ты и черный.

Двое разбойников поднялись — одним из них был Гирл. Маггур встал более медленно, его ладонь задержалась на моей руке. Гирл принялся насвистывать похабную песенку; другой разбойник слегка ткнул рукой в сторону стражника, что мигом сосредоточило на нем все их мечи, и посмеялся над ними.

— Пошли, ты, черный. Пока еще ты не потеряешь свою подружку, она тоже идет.

Я приняла руку Магура и позволила ему поднять меня на ноги. Наша четверка зашагала к двери. Не думаю, что я боялась. Чтобы породить страх, нужны какие-то чувства, а я была предельно опустошена. Дверь лязгнула, закрываясь за нами, и нас погнали по черным как смола стокам этого мерзкого лабиринта, за мрачными факелами тюремщиков. Через некоторое время пошли лестницы, а наверху тянулся налево и направо коридор. Внезапно двое стражников отделили меня от остальных и потащили направо, в то время как Магура и других подтолкнули влево. Маггур тут же остановился, игнорируя тыкающиеся ему в спину мечи, затрешины и проклятия. Он был настоящим великаном. Здесь, в этом узком проходе, он мог сбросить

двух-трех из них со своей спины, как дикая собака, стряхнуть и сбросить, пока они не изрубят его на куски. Я покачала ему головой. Я знала, что он подумал, — я и сама подумала то же самое, — что меня забрали для утех нескольких стражников, прежде чем те отведут меня на казнь. Это было ничто. Всего лишь завершение еще одного дела перед смертью. Казалось, он почувствовал мое безразличие, и позволил им повернуть себя крутом и увести прочь, во тьму за червячным хвостом удаляющегося света факелов.

Нам не пришлось далеко идти. Вскоре мы стояли перед обитой металлом большой деревянной дверью. Стражники постучались, изнутри рывкнул голос, они открыли дверь и втолкнули меня в помещение. Дверь закрылась, и стражники остались по другую сторону. Я очутилась в квадратной каменной комнате, освещенной не факелами, а тремя овальными светильниками. На стенах висели шкуры, мечи и щиты. А за дубовым столом сидел в огромном кресле лицом ко мне рослый мужчина, одетый как офицер. Он выглядел нетерпеливым, черствым и безразличным. На запястьях у него тускло сверкали железные браслеты. Похоже, он вовсе не воспринимал меня как женщину. Взяв свиток из грубой тростниковой бумаги, он швырнул его через стол ко мне.

— Ты умеешь читать?

— Да, — ответила я.

Я взяла свиток. В глазах у меня все плыло, они не могли толком различить очертания букв, и свет причинял им боль. Я, казалось, не могла сосредоточиться на витиевато написанных словах; завитушки раскручивались и выгибались, словно змеи в агонии.

— Не понимаю, — сказала я наконец.

— Ты сказала, что умеешь читать. Счел это довольно дикой похвалой для сопливой разбойничьей кобылы. Ладно. Ты выйдешь отсюда на волю. По приказу Градоначальника. Под защиту какого-то вонючего степного дикаря, утверждающего, что ты из его краля.

— Кого? — спросила я. — Никто не знает моего краля.

— Да кого это волнует, девочка? Только не меня.

Он снова рывкнул, и дверь опять открылась. Там стоял стражник, а с ним поджарая коричневая фигура, обнаженная до пояса. Волосы, собранные на затылке в пучок, приобрели от светильников бледный цвет. На груди вытатуирован лунный круг и в нем пятиконечная звезда.

Офицер окинул его взглядом с головы до ног, а затем, презрительно хмыкнув, взял свиток и бросил ему. Асутоо поймал его.

— Вон, — скомандовал офицер.

Я очень медленно подошла к Асутоо. Было трудно разглядеть его лицо в дверном проеме, где скопились тени. Он не прикоснулся ко мне, только кивнул, и я пошла впереди него, позади стражника, к тюремной двери, столь странно открывшейся для меня.

* * *

Полдень стоял темный, шел сильный ливень. Я, должно быть, слышала его сквозь решетку камеры, но полагаю, тогда для меня это ничего не значило. К столбу у низкой двери, через которую мы вышли, были привязаны три бронзовые степные лошади. Стоявший на часах стражник кутался в плащ. Мы находились на задворках Анкурума. Лачуги и вонь хуже, намного хуже при сером дожде. Асутоо подал мне черный плащ и указал, что мне следует надеть его и сесть на ближайшего коня. Когда это было сделано, он сел на коня сам. Он поехал чуть впереди меня, ведя в поводу третью лошадь, несшую на спине поклажу.

По-моему у меня не было никаких мыслей и даже какого-либо удивления, когда мы проезжали через серый дождь и лачуги Анкурума.

Людей попадалось на улицах очень мало. Несколько любопытных взглядов на степняка и его женщину, но это и все. В конечном итоге из дождя выросли стены и ворота, и, выехав из них, мы оказались среди предгорий, в дикой их части, заросшей высокими деревьями. Вот в этот-то лес мы и въехали. Через него протекала небольшая речка, пенившаяся под дождем на серых камнях.

Я натянула поводья и уставилась на воду, и увидела стрелу Кела, уплывшую вниз по течению после того, как я переломила древко. Магтура, должно быть, уже повесили. Его шея — такая крепкая — сломает ли ее веревка? Или он умрет медленной смертью от удушья?..

Асутоо остановился чуть впереди. Я посмотрела на него, и он в первый раз заговорил со мной.

— Тебе нужно отдохнуть здесь, брат мой? Дальше есть одно место — горная пещера, которая укроет нас от плача небес.

— Асутоо, — обратилась я, — почему я свободна?

— Я попросил за тебя, — ответил он.

— Твое слово было бы прахом для них, — возразила я, смутно сознавая, что мы говорим на племенном языке.

— Владыка Распар, — сказал он. — Я вымолил у него твою жизнь.

Мерцающий огонек шевельнулся у меня за глазами, в мозгу.

— Асутоо, брат мой, почему мы едем сюда, а не возвращаемся в кралл Звезды?

Он уставился на меня сквозь дождь, его голубые глаза сделались очень большими, на ресницах застряли капли воды. Я немного проехала вперед, пока не приблизилась к нему, достаточно приблизилась, чтобы коснуться его.

— Асутоо, брат мой, почему мы не едем в кралл твоего вождя?

— Я отверженный, — отвечал он.

— Почему, Асутоо?

— Брат мой, это касается лишь меня и моего вождя. — Он внезапно отвел взгляд, показывая на вьючную лошадь. — У меня там твоя мужская одежда, твои ножи и лук. Не страшись бесчестия от пребывания со мной. Многие воины присоединяются к моему копыю. То, что я сделал — связано с расхождением между законом моего вождя и моим собственным.

— Асутоо, — сказала я, — прости мне мои сомнения. Ты мой брат, и я поеду с тобой к пещере. Я очень устала.

Так мы и поехали, вверх по горному склону, через лес.

* * *

Длинная, но не низкая или темная пещера, вытянулась до мшистого хребта. Асутоо развел неподалеку от входа костер и сгорбился там, подкармливая оранжевые языки, пока я сбрасывала грязный черный бархат, и натягивала одежду, которую носила разбойницей. Имелось и отличие — рубашка была черной, а не многоцветной, и Асутоо не привез никаких драгоценностей — ни золотых колец, ни бус, ни даже драгоценного нефритового ожерелья. Но он привез мои ножи и лук, и тот длинный нож, который я добыла при ограблении каравана. Я извлекла его из малиновых бархатных ножен и повернула клинок так, что серебряный леопард запрыгал при свете костра.

— Это хорошо, Асутоо, — сказала я и села у костра напротив него, но он не ответил мне взглядом. Вместо этого он смотрел на серебряного леопарда, сверкавшего на клинке, когда я поворачивала его. Белый свет вспыхивал и тускнел, вспыхивал и тускнел. Через некоторое время я тихо проговорила: — Асутоо, — и он почти сонно поднял голову и посмотрел мне в глаза, и я удержала его взгляд. — А теперь скажи мне, Асутоо, брат мой, почему ты изгой?

Это выглядело странно. Лицо у него оставалось мирным и ничего не выражающим, но взгляд был полон застывшего ужаса. Он не мог вырваться из моего плена. Мои глаза были белыми змеями, уже парализовавшими его своим ядом.

— Я предал гостя, сидевшего у очага вождя моего. Я ел с ним хлеб дружбы, но все же отдал его в руки врагов. Жрецы крарла наложат за это на меня наказание во искупление, но они поймут нужду в содеянном.

— Какую нужду, Асутоо, брат мой?

— Никакой мужчина не может взять женщину-воина и пользоваться ею как женщиной, если она сама того не дозволит. Дарак взял ее без чести, а она ушла с радостью. Он бы пролил всю ее кровь воина, не оказывая ей никакого почета. Я, Асутоо, сын вождя, никогда не позволил бы ей скакать в бой раньше меня, и не волок бы за поводья ее коня. И он одел ее в женское платье, словно любую девушку из шатров, в белое платье — даже ту, которая ехала с ним на колеснице. Он сделал из нее щит, из той, что была копьем. Такого быть не должно. Я пошел следом, прячась в тених, и по небу прошла серебряная Звезда — колесница. Она послужила мне знаком.

— Что же ты тогда сделал, Асутоо, брат мой?

— Я нашел перед большими Скачками лучников купца Распара. Это было трудно, но я заставил его понять, кем был Дарак, и он не помнил, чтобы кто-либо другой приводил в Анкурум караван целым и невредимым. В темнице у Градоначальника сидело несколько людей Дарака, из них взяли двоих и жгли их огнем, пока они не сказали правду. Распар сказал, что сперва должны пройти скачки; Дарака они могли взять и на пиру, безоружным. Я попросил, чтобы пощадили женщину-воина. Сперва он сказал, что это никак невозможно, но потом прислал мне известие, что это все-таки можно сделать, и предписание Градоначальника...

Он перестал говорить, уставясь мне в глаза.

Мне сделалось холодно, так холодно, но я улыбнулась ему, хотя он и не мог этого видеть за маской шайрина. А в ледяной скорлупе стучала клювом алая птица, пробиваясь на волю. Распар, наверное, сохранил бы меня для себя, пожелай я остаться с ним, но Распару больше всего хотелось сохранить свое доброе имя. Так он расплатился за оружие с севера.

Я встала. Встал и Асутоо. Мы стояли лицом друг к другу, совершенно неподвижные и безмолвные, когда я поворачивала в руке клинок.

— Асутоо, брат мой, — заговорила наконец я, — мне подобает отблагодарить тебя.

Скорлупа рассыпалась, и она наполнила меня, растекаясь, теплая и яркая, из моего нутра мне в легкие, сердце и мозг; а из мозга в руку, в кисть, в нож. Я ткнула им вперед и вниз, в пах, повернула и вытащила. Я, которая помнила, как убивать чисто, воспользовалась привилегией своего рода и забыла об этом. Он нагнулся вперед, застонав от мучительной боли, пытаясь удержать руками кровь. Я прислонилась к стене пещеры и наблюдала, как он умирает. Это заняло немного времени.

Затем я повернулась и вышла из пещеры, спустилась по склону и нашла стреноженных лошадей, щиплющих мокрую от дождя траву. Ливень поубавился. Я вытерла нож о мох и вложила его в ножны. Забравшись в седло, я легчайшим давлением коленей направила коня вверх, к горам.

Неподалеку от гребня я вдруг обернулась и посмотрела на темную пасть пещеры; из нее, казалось, извергался водопад, не белый, а красный. Алая птица во мне была теперь крылами и рвалась на волю. Она вырвалась из моего рта в длинных кровавых потоках звука, и конь подо мной, перепутавшись, понес вверх, вверх, все выше и выше, пока не показалось, что мы покинули землю и полетели в ярко-красное небо.

КНИГА ВТОРАЯ

Часть I: Через Кольцо

1

Один за другим красные цветы падали из моих рук в темную шахту гробницы. На дне ее лежал мертвец.

— Плачь, — говорили окружающие меня голоса. — Если ты заплачешь, он будет жив.

Но я не могла заплакать, хотя горло и глаза мои опалило от непролитых слез. Он уже преображался — было слишком поздно. Он превратился в зеленый твердый материал, в человеческую фигуру из нефрита.

— Карраказ, — сказала я во тьму. — Я здесь, Карраказ.

Но Карраказ не приходил. Древний демон зла и ненависти спал где-то глубоко во мне, наглотившись крови Шуллат, деревень, купцов у брода, Эссандара и других на Сиркуниксе, но больше всего раздувшийся от крови Асу-тоо.

— Мы с тобой одно целое, ты и я, — так он сказал мне в Ки-уле.

— Со Карраказ энорр, — прошептала я. — Я Карраказ.

Я не знала, как именно попала туда, на то высокое гулкое место. Я вспомнила в ужасе безавшего подо мной степного коня, но потом... Вероятно, я упала с него или он сбросил меня. Я находилась очень близко к небу; я скорее чувствовала это, чем знала, ибо лежала в черной дыре в скале. Я говорю в дыре — полагаю, это была пещера, и тьма была настолько густой, что замыкала плотнее любого камня. Никакого света. И все же под веками у меня свет: бледный, зеленый и красный. Не знаю, сколько я пробыла в той пещере, наверно целых пятнадцать дней. Было очень холодно, и я по-настоящему ни разу толком не приходила в сознание. Сны, галлюцинации и мрачная реальность перемешались между собой и растворялись друг в друге. Не могу по-настоящему сказать, что я чувствовала.

Могу лишь вспомнить ту возникающую вновь и вновь фантазию, что, если я только смогу заплакать, Дарак вернется ко мне целым и невредимым, и каждый раз жгучие слезы почему-то не брызгали из глаз, а он превращался в Нефрит.

* * *

Голоса, новые голоса. Не голоса у меня в голове, а чуждые голоса извне. Глухой голос, призывающий и нетерпеливый; более высокий и мягкий голос, пронзительный, держащийся чуть позади, но ненамного. Потом другие звуки, безошибочные и отчетливые в темноте. А потом недолгая тишина. Внезапно девушка испуганно зашептала:

— Гар, Гар! Смотри!

Гар что-то крикнул.

— Нет, животное. Вон там.

Между ними возникла небольшая перебранка, а затем Гар поднялся на ноги, рослый, лохматый, явно давно не мывшийся мужчина. Его черная тень, чернее, чем окружающая меня тьма, упала мне на глаза.

— Сиббос! — пробормотал он имя какого-то божества, употребляемое одновременно в качестве клятвы и ругательства. — Это парень, нет, женщина — женщина в маске.

Девушка, подобрав юбки, взобралась к нему.

— Она мертва.

— Нет, вовсе не мертва, сука ты слепокурая. Я сниму эту маску.

Его большая ручища потянулась к моему шайрину, и в тот же миг моя собственная взметнулась и отбила его. Он выругался и отпрыгнул назад, пораженный, а девица завизжала.

— Жива, спору нет, — пробормотал он. — Кто же ты тогда?

— Никто, — отвечала я.

— Просто, — заметил мужчина. И повернулся к выходу. Девушка схватила его за руку.

— Ты не можешь так вот оставить ее здесь.

— Почему бы и нет?

Они спорили, пока мужчина, насвистывая, спускался к выходу из пещеры, а девушка висела у него на руке. А затем внезапно он снова выругался, прошел широким шагом обратно и поднял меня. Он перекинул меня через пле-

чо, и то ли по злобе, то ли по неловкости треснул меня головой о какой-то выступ. Боль пронзила мне висок, словно укус гадюки, и меня швырнуло обратно во тьму.

* * *

Я думала, что нахожусь в стане, в ущелье. Тот же дым и сумрачный свет, а вокруг меня то, что походило на скопище шатров. Жарилось мясо, бегали собаки, как будто пинки все еще удивляли их. Над головой что-то постоянно скрипело — желтая дуга на темном фоне.

— Не принести ли ей немного мяса? — спросил голос.

— В таком состоянии она не сможет есть мясо; только похлебку или кашку. — Это говорил старческий голос, и вскоре говорившая старуха склонилась надо мной. Ее было легко определить именно как старуху: лицо ее избородили морщины, покрывшиеся в свою очередь собственным слоем морщин, как песок после отлива моря. Кожа у нее пожелтела, но зубы оставались изумительно белыми и острыми, походившими на зубы мелкого свирепого зверька. Глаза у нее тоже были очень яркими, и когда она двигалась, то напоминала змею, гибкую и сильную. Она склонилась надо мной, но я закрыла глаза.

— А как насчет маски? — спрашивала девушка. — Разве ее не следует снять?

— Это шайрин, — ответила старуха. — Она степнячка. Они считают, что если будут гололикими при ком-либо кроме собственных мужей, то умрут.

Девушка презрительно рассмеялась.

— Смейся, смейся. Тебе никогда не вдалбливали с детства такой веры. Ты видела когда-нибудь проклятого человека? Нет, явно не видела. Ну, целительница налагает на него проклятие и говорит: «Через десять дней ты падешь замертво». И человек уходит, настраиваясь на это, и на десятый день он просто делает, что она говорит. Все дело в том, во что ты веришь, девочка. И если она думает, что умрет, если окажется без маски, то нам лучше оставить ее как есть.

Я посмотрела на нее сквозь щелки глаз, на эту хитрюгу, которая так много знала. По легкому бессознательному нажиму, с которым она произнесла слово «целительница», я догадалась, что она сама принадлежит к этому словию. И теперь, когда она встала и отошла, я разгляде-

ла, где нахожусь. Это было ее жилище — не шатер, а фургон. Пологи были распахнуты, а снаружи, под сводчатым потолком черной пещеры горели бивачные костры, жарилось мясо и бегали пинаемые всеми собаки. Здесь же надомной раскачивался светильник, а по парусиновым стенкам и деревянным распоркам висели и шуршали бусы, и высохшие шкуры, и черепа да кости мелких животных. Я лежала среди ковров. Девушка горбилась у жаровни, где в железном котелке бурлило какое-то варево — но не еда. Старуха заняла свое место на деревянном сидении; у нее на коленях свернулась черная длинноухая кошка.

— Вижу, ты очнулась, — проговорила она. Кошка шевельнулась, подергивая бархатными кончиками своих увенчанных кисточками ушей. — Есть хочешь?

— Как ты и сказала, — ответила я, — похлебку или кашку. В степных племенах никто не ест мяса.

— Верно, — согласилась старуха, не обратив внимания на то обстоятельство, что я прислушивалась намного дольше, чем она думала — или, наверное, она и так это знала. Она сделала знак девушке, и та, бросив обжигающий взгляд в мою сторону, выпрыгнула из фургона, заставив его закачаться.

— Как я сюда попала? — спросила я, не столько желая выяснить, сколько пытаюсь отвлечь внимание старухи, которое казалось слишком острым: яркие глаза пронзали как ножи, совершенно беспристрастные и в то же время совершенно беспощадные.

— Гар пошел поразвлечься с какой-то девушкой в верхние пещеры. Они нашли тебя и принесли сюда. Откуда ты попала туда, это уж твои дела; я об этом не знаю.

— Я — воин из степей, — солгала я. — Мой мужчина погиб в уличной драке в Анкуруме. Думаю, я ускакала в предгорья, но потеря ошеломила меня, и я мало что помню. Полагаю, конь сбросил меня.

Ее старое лицо оставалось безучастным. Она погладила кошку.

— В Анкуруме? Ты теперь во многих милях от Анкурума. Ближе к Саготе. И выше, чем в предгорьях. Тут горы — Кольцо.

— Чей это стан? — спросила я.

— О, собственно ничей. Хотя, если спросишь кого другого, тебе ответят, что мы люди Герета. Купеческий стан. Этот караван направляется к древним городам за Коль-

цом и Водой. Мы путешествуем вместе из-за разбойников. В горах их немного, но все-таки попадают, и перед наступающей зимой они любят хорошенько запастись всем необходимым.

— Вы везете оружие для межгородских войн?

— Нсмножко. А в основном — продовольствие. За Водой с земледелием неважно. Плохая бесплодная земля.

Я ощутила во рту горький, как полынь, привкус иронии. Еще один караван; на этот раз неподдельный. И я в фургоне целительницы, я, которая тоже одно время была своеобразной целительницей. И они съехали, страшась разбойников.

Тут девица принесла клейкую кашу, но я не смогла ее есть. Старуха заставила меня выпить какой-то отвар, горький, как ирония у меня во рту, и я уснула.

* * *

Я не помнила своих снов. По утрам у меня была тяжелая голова от горького отвара, и все казалось смазанным и неопределенным. Похоже, мы находились в горном ущелье, персбираясь через Кольцо, но теперь стало холоднее и за стенами пещер, где укрылись караванщики, четыре дня бушевала гроза. Грозу было слышно, но звуки не казались естественными, а походили на вой и царапанье какого-то огромного зверя, норовящего добраться до нас. Через большую пещеру протекала свежая ледяная вода, и костры постоянно горели, плюясь искрами и едким дымом.

На второй день ко входу в фургон подошел мужчина в отороченном мехом плаще и в сопровождении пары подручных.

— Уасти, — позвал он глухим важным голосом.

Это явно было именем целительницы, так как та оставила свой железный котелок и раскрыла полог пошире.

— Что?

— «Что?» Разве со мной так разговаривают?

— А как же еще, Герет-фургоновладелец, если я хочу узнать, зачем ты пришел?

Я без труда увидела, что Герет пришел в замешательство. Он привык распоряжаться людьми, толкач и организатор, возможно очень даже неглупый, при всей своей ограниченности. Глаза у него были слегка навывкате, что

кажется обычным для людей его типа; волосы редкие и кудрявые, а губы очень красные и полные. Он негромко рассмеялся.

— Снисхожу к твоему возрасту, Уасти. Старуха имсет право на грубость.

— Совершенно верно, — согласилась Уасти. — Итак?

— Итак, эта девушка, которую ты, как я слышал, взяла к себе в фургон, — какая-то степная дикарка?

Я сидела среди ковров, в полусне, в бесцельном и отвлеченном состоянии, но это пчелиное жало меня достало. Я поднялась, и в моих ногах в первый раз с тех пор, как я убежала от учиненного мной свежевания, появилась сила.

— Очень дикая дикарка, — я высунулась и наклонилась над ним, держась одной рукой за ближайшую распорку фургона, а другой слегка тронув его меховой воротник. — Ты слышал о женщинах-воинах степных племен? Я, Герет из фургонов, — одна из них.

Герет, похоже, встревожился. Он издал несколько кратких звуков, а я гадала, почему стоявшие позади него двое не бросились выручать его. Я взглянула на них, и один откровенно улыбался. По-видимому, Герет не пользовался большой популярностью. И все же рассмеяться посмела только Уасти.

— Отпусти его, девушка, пока он не промочил свои прекрасные штаны.

Я отпустила. Герет побагровел и поправил плащ.

— Я пришел, — чуть гортанно отрезал он, — сказать, что она может оставаться с нами при условии, что будет работать за еду и прочие блага. Теперь же я думаю иначе.

— Да ну? — обронила Уасти. — И куда же она пойдет? Мы высоко в Кольце, Герет, а теперь уж того и гляди пойдет снег. Разве древнейший закон путешественников не гласит: «Прими незнакомца, дабы тот не умер»?

— Умрет? Эта? — скептически посмотрел на меня Герет. — Она забралась сюда по своей воле, вот пусть так же и спустится. Я не потерплю в своем караване никаких степняков.

— Твоем караване? Надо будет не забыть передать твои слова Ороллу и другим купцам. И не гляди на меня гневным взглядом, Герет. Вспомни, что болезней и неприятностей предстоит достаточно, чтобы ты поблагодарил меня, когда я избавлю от них. А теперь хватит болтать о Той-

что-в-моем-фургоне. О ней буду заботиться я, и тебя беспокоить не стану. Она почти вовсе ничего не ест, так что тебе незачем мучиться бессонницей.

Разъяренный Герет начал было еще что-то говорить.

— Нет, — отрезала Уасти резко, как ножом. — Ты только не забывай, кто я такая, прежде чем говорить, кто ты такой. Ты будешь рад, что поступил, как я сказала, если на тебя нападет лихорадка и мне придется лечить ее.

Таившаяся в ее словах угроза была недвусмысленной, и я в первый раз ясно увидела, что сила целительницы заключалась в ее ремесле: она хорошо им владела и заставляла всех помнить об этом.

— Будь ты проклята! — выругался Герет, повернулся и убрался.

Двое подручных почтительно приветствовали Уасти, и зашагали следом, усмехаясь за спиной вожака караванщиков.

2

Итак, я теперь принадлежала Уасти, стала ее собственностью, так как моя жизнь находилась в ее распоряжении. Но она, казалось, ничего от меня не хотела. Все выглядело именно так.

Она позволяла мне бродить, где пожелаю, через большую пещеру в пещеры поменьше, побыть одной в сырой темноте. Я привыкла к враждебности караванщиков. Она была знакомой. Вскоре, если ничего не случится, они, наверное, примут меня в свою среду. А сейчас они немного побаивались, и этого было достаточно. Когда я возвращалась к фургону, она не делала замечаний по поводу моего возвращения или отсутствия, а лишь поглаживала черную кошку и предлагала мне еду, которую я могла либо принять, либо отвергнуть, как пожелаю. Правда, девица — что верно, то верно — донимала ее, ненавидела меня по разным причинам. Уасти глядела в мою сторону, чтобы определить, волнует ли меня это, а потом приказывала сй уйти или помолчать, или думать о другом. Девица, благоговевшая перед целительницей, угрюмо повиновалась, но однажды вечером, когда Уасти вышла проведать какого-то больного ребенка, девица явилась и застала меня одну. Я смешивала какие-то травы, о чем меня попросила старуха. Для меня было вновь выполнять поручения, но я едва

ли могла отказать. Я бесцельно занималась этим: щепотку того, щепотку сего, зеленые, коричневые и серые ингредиенты, — когда девица прошла через полог и подбежала прямо ко мне.

— Ты! Кто тебе позволил соваться в это? — завизжала она. Это явно было ее делом, и ей не понравилась такая конкуренция. Тут мне кое-что пришло в голову, но в тот момент у меня не было времени думать об этом. Все травы рассыпались, а она драла мне волосы, колотила по груди и пыталась цапнуть ногтями, но те были короткими и не причинили большого вреда. Она превосходила меня ростом и весом, но я обладала большей силой, а она на это не рассчитывала. Я сжала ей руки, а потом обхватила за талию, открыла полог и вышвырнула ее. Летела она недалеко, и я нацелила ее на кучу ковров, сваленных сушиться у костра, но от удара у нее, надо думать, все кости застучали. Она завопила и завывала, и на ее крики сбежалось много женщин и несколько мужчин.

Казалось, мне грозила беда, когда раздался холодноватый голос, потрескивающий как змеиная кожа в сухих тростниках.

— Что же стряслось? Изнасилование или ко мне в фургон забрался волк?

Воцарилось молчание, толпа расступилась и пропустила Уасти. Никто не говорил и не пытался остановить ее, когда она подошла к коврам, девица подняла руку и коснулась ее запястья.

— Целительница! Она смешивала травы «Дарители жизни» — я видела.

— Ну и что? Я попросила ее об этом.

— Попросила ее?.. Но это же была моя работа, — взвыла, побледнев, девица.

— Значит, она больше не твоя, нахалка. Отныне можешь приносить еду и воду, и не более.

— Целительница! — завопила девица, хватая ее теперь за рукав.

Уасти отцепила ее.

— Если я решу по-иному, то скажу тебе, — сказала Уасти. — А до тех пор — ты только кухарка.

Девица скорчилась в комок и зарыдала.

Я очень рассердилась на Уасти, так как поняла, что было у нее на уме — лишиться работы того, кто в ней нуждался, и дать ее тому, кто ее не желал. Она вошла в фургон,

бросила свою сумку с зельями и уселась на деревянный стул.

Я села у полога и спросила ее:

— Зачем это делать? Она же много лет служила тебе и училась твоему ремеслу.

— Зачем? Затем, что она дура и слюняйка. Много лет, говоришь? С двенадцатилетнего возраста, всего пять лет, и усвоила она немного. У нее нет к этому природных способностей. И в пальцах ее нет Прикосновения. Я уж думала, что ничего лучшего все равно не подвернется.

— До недавних дней, — уточнила я.

Уасти неопределенно пошевелила руками.

— Это еще надо посмотреть.

Черная кошка потерлась об меня по пути на свое законное место у нее на коленях.

— Кошке ты понравилась, — заметила Уасти. — Та, другая, ей никогда не нравилась.

— Уасти, — возразила я, — я не целительница.

— Не целительница? О, да. А камень — не камень, а море сделано из черного пива, и люди бегают задом наперед.

— Уасти, я не целительница.

— Ты странная, — поправила меня она. — В глазах у тебя больше силы, чем в пальцах, а в твоих пальцах больше силы, чем в моих, и ты позволяешь ей пропадать втуне.

— Нет у меня никакой силы.

— Но тебе уже доводилось исцелять. Да, я знаю об этом. Я чувствую, как от тебя *пахнет* этим.

— Не исцеляла я. Все делала их вера в то, что я могу исцелить, а не то, что я предпринимала.

Я произнесла это прежде, чем успела удержать вырвавшиеся слова, и Уасти чуть улыбнулась, довольная, что я связала себя признанием. Тут я очень рассердилась, и вся боль, страх и ошеломленность дружно обрушились на меня. Кому как не мне знать, что показывая другому его страхи, обнаруживаешь и собственные? Однако я тут ничего не могла поделать. В фургоне было темно, пологи опущены, блестели только яркие глаза Уасти да яркие глаза кошки — два над двумя.

— Уасти, целительница, — сказала я, и голос мой был бледным твердым лучом, пронзившим эту темноту. — Я вышла из чрева земли и жила с людьми в приданном мне ими облике, которого я не выбирала. Я была богиней и целительницей, разбойницей и воином, а также лучницей и

возлюбленной, и пострадала за все это, и мужчины и женщины, загнавшие меня в тиски, причинившие мне страдания, тоже пострадали из-за меня. Я не буду больше бежать между оглоблями. Я должна принадлежать самой себе и никому другому. Я должна найти сородичей моей души прежде, чем меня испортит засевшее во мне черное влечение. Ты понимаешь, Уасти караванного народа?

Две пары бусинок из яркого льда молча глядели на меня в ответ — бесформенное существо, видящее, ждущее.

— Смотри, Уасти, — я подтащила жаровню поближе к себе и разворошила угли, а потом оттянула с лица шайрин.

При мерцании углей я видела, как сжалось старушечье лицо Уасти, на котором вдруг еще резче проступили морщины. Кошка оцетинилась и вскочила, плюясь, прижав уши к голове.

— Да, Уасти, — сказала я, — теперь ты видишь.

Я снова надела маску и уселась, глядя на нее.

Какой-то миг она не двигалась, а потом успокоила кошку, и ее собственное лицо ничего не выражало.

— И впрямь вижу. Больше, чем ты думаешь, дочь Сгинувших.

При этом имени я съежилась, но она подняла руку.

— Подойди сюда, Пропавшая. — И я подошла, и опустилась перед ней на колени, потому что ничего иного я сделать не могла, а кошка спрыгнула с ее колен и убежала куда-то, чтобы укрыться от меня.

— Да, — сказала Уасти. — Знаю я немного. Только легенду, но легенда — дым от костра, а дерево, пожираемое огнем, — это сущность. Когда я была маленькой, много-много лет назад, односельчане увидели, что я обладаю целительным Прикосновением. Моя деревня отправила меня жить к дикому народу в горах, и там я научилась своему ремеслу. Это были странные люди, скитальцы, они кочевали с места на место, но верили, что обладают оком бога, великого бога, более великого, чем любой другой, и куда б они ни шли, всюду возили с собой шкатулку из желтого металла, а в той шкатулке хранилась Книга. Она была написана на незнакомом языке, и некоторые старики утверждали, что умели читать ее, но я в этом не уверена. Они жевали траву, которую выращивали в горшочках с землей, лежали в темных местах и грезили о Книге. Но легенды о древней сгинувшей расе они знали. На обложке той Книги

была надпись. Обложка была золотой, и рубчики тоже золотыми, но я никогда не видела ничего, кроме надписи. Они никогда не позволяли женщине заглянуть в нее. — Уасти откинула в сторону ковры, взяла железяку, которой она ворошила угли в жаровне, и сыпанула чем-то из открытого сосуда на голый пол. И начертала раскаленным металлом такие слова:

БЕФЕЗ ТЕ-АМ

А затем взглянула на меня.

— Ну, Пропавшая?

Слова, столь близкие мне в рассыпанной ею зеленой пыли, негромкие из-за их силы — какими же новыми и чуждыми они казались, ибо я не почувствовала в них никакого зла, только великую печаль.

— Здесь истина, — прочла я.

— Они называли ее Книгой Истинного Слова, — сказала Уасти. — Ее продиктовал их бог, но легенды знали лучше, и целительницы тоже знали лучше. Вот так узнала и я.

3

Я думала, что была одним целым с Дараком по-своему, забывая, что единство приходит не только от тела. Теперь я стала одним целым со странной старухой караванного народа, благодаря почти неощутимому процессу, проистекающему из понимания.

День спустя, после того как мы поговорили друг с другом, гроза прекратилась и караван поспешил дальше. Время года было поздним для путешествия, снегопады приблизились вплотную, таясь за беловато-серыми небесами, усеянными сгустками туч. Фургоном нашим и тянувшими его лохматыми лошадьми правил какой-то паренек. Уасти часто вылезала пройтись пешком, и я шла вместе с ней. Она была очень подвижной и сильной, и холод соскальзывал с нее, как вода с панциря черепахи. Я не видела девушку, бывшую ученицей Уасти, за исключением тех случаев, когда она приносила ей еду. На меня она не смотрела, только на Уасти, умоляюще, как собачонка.

Но все это было мелочью по сравнению с единством.

На самом деле рассказала она мне не так уж и много, но она *знала*, и это было для меня чудесным раскрепощением. Легенды, которые они рассказали ей, те странные дикари и дикарки из варварского племени, где она научи-

лась своему искусству исцеления, были многоцветными, многогранными и, как бывает со всякими легендами, их требовалось читать между строк, рассматривать скептически, но не переусердствовать в скептицизме, просеивая, отвергая, ища. Когда-то существовала раса — Сгинувшие, называла их Книга племени — великая раса, достигшая большого мастерства в применении Силы, раса гениальных целителей и магов. Но ими овладело Зло и съело их, а потом опять отрыгнуло в новом обличье. И они властвовали, дыша злобой, ненавистью и порчей. В конечном итоге пришла болезнь, безымянная и все же ужасная, и они умирали в самих актах наслаждения, которые и навлекли на них проклятие. Некоторых погребли в великолепных мавзолеях их предков, другие, поскольку не осталось никого, кто мог бы похоронить их, сгнили в своих дворцах и стали наконец белыми костями среди белых костей своих городов, а потом рассыпались даже кости. И так их больше не стало на свете. Но Книга, по крайней мере, по словам жрецов, утверждала в своем надрывном крике, что древняя раса состояла не только из зла и ненависти. Ее символом был Феникс, огненная птица, восставшая из собственного пепла. Будет второе пришествие — боги и богини снова будут разгуливать по земле.

Не знаю, считала ли меня Уасти одной из второго пришествия. Во мне определенно было немного от богини. Она никогда не спрашивала меня, ни откуда я явилась, ни что я знаю, и я никогда не рассказывала ей больше, чем в тот день, когда сорвала с лица шайрин.

Уасти начала обучать меня своему искусству, на свой лад очень простому и скромному, и душа моя отозвалась: я хотела — мне *нужно* было узнать.

Караванщики начали принимать меня в свою среду. Теперь, когда я ходила среди них вместе с Уасти, они почти не замечали меня, а раз или два, когда я одна уходила подальше от фургонов, ко мне подходили люди из пещер, где они укрывались на ночь, и просили передать Уасти то-то и то-то. А однажды я нашла заблудившуюся в каких-то пещерных ходах плачущую девочку, и когда я вывела ее обратно к свету костра, она шла, очень доверчиво и вложив свою ладонь в мою. Я не из тех, кто обожает детей, для этого во мне мало общего с обычной женщиной, но доверие ребенка — замечательный комплимент, и оно тронуло меня.

Той ночью я молча плакала по Дарaku в фургоне, и хотя я молчала, я знала, что Уасти услышала мое горе, но она не подошла спросить или утешить, зная в мудрости своей, что она ничего не может сделать.

На следующий день стало лучше.

О, да, он всегда будет там, во мне, у меня есть веские причины помнить, но это как старая рана — ноет только в определенные моменты, а потом вполне свыкаешься с ней.

* * *

На восьмой день после того, как я присоединилась к ним, начал падать снег, густой и белый.

Ущелье было узким, скалы со всех сторон тянулись ввысь, уходя в свои собственные серые дали. Снегопады в конце концов закроют путь, обрушив вниз валуны и лавины мелких камней и вырванных сосен. Да и волки стали наведываться к нам, как только на землю опустилось белое покрывало. Не очень крупные, беловатого цвета, с огненными глазами. Они изводили нас, словно спрятавшаяся среди скал армия. Детей, больных или слабых накрепко закрывали в фургонах так же, как и запасы пищи. По краям каравана ехали всадники, державшие горящие смоляные факелы, которыми они и тыкали в морды волков. Но лошадям наши новые попутчики не понравились, и время это было утомительным, шумным, раздражающим.

При всем том, что караван официально возглавляли самые важные ехавшие с ним купцы — Оролл, Герет и двое-трое других — в нем отсутствовала организованность и возникали постоянные споры между лидерами. Я гадала, как они вообще сумеют переправиться через Кольцо при столь быстро надвигающихся снегопадах, ведь этот снегопад мог быть только первым из многих. Уасти объяснила мне, что скоро будет туннель, пробитый сквозь скальную толщу самой горы, — укрытый от снегов черный проход, высеченный давным-давно. Она не сказала, что проложили его люди, рабы Древней расы, но я думала, что это сделали именно они. Теперь среди фургонщиков разразился спор о том, следует ли нам прорываться к нему или укрыться в какой-нибудь пещере до тех пор, пока не наступит короткая оттепель, которая обычно бывает после первого снегопада. Герет и еще один вожак стояли за пере-

жидание, а Оролл и остальные предлагали пропустить. Довольно скоро караван раскололся на фракции. Пошли драки, и Уасти пришлось лечить разбитые носы и сломанные костяшки пальцев. Наконец, в убежище пещеры с высокими сутробами снега снаружи и горящими у входа кострами, чтобы не впускать воющих волков, вожаки явились к Уасти и потребовали, чтобы она прочла предзнаменования.

У людей всегда так: они забывают о богах, пока не попадут в беду, и уж тогда обращаются к ним с внезапным рвением и верой. Бог караванщиков был маленьким белым кумиром, грубо высеченным и всего в фут с чем-то высотой. Его везли в фургоне с пряностями, и поэтому от него так и разило целебными травами, корицей, мускусом и перцем, когда чихающие грузчики поставили его в самом конце пещеры. Они называли его Сиббосом, и он был богочеловеком. У караванщиков имелась специальная красно-желтая мантия, которую они теперь вынесли и надели на него вместе с ожерельями, кольцами и цветными бусами. У него было ничего не выражающее, нераскрашенное лицо и никакой особой ауры от него не исходило, так как поклонялись ему недостаточно часто, чтобы он ее обрел, как бывает с огромными статуями храмовых богов, которых страшатся и призывают круглый год.

После того как Герет и его люди ушли, Уасти повернулась и сказала:

— Стара я для такой работы. Ею займешься ты.

Мне совсем не хотелось связываться с их религией, о чем я и сказала ей. Я думала, что она понимала мои потребности и антипатии.

— Да, — согласилась она, — но я также понимаю, что на своем пути ты должна получить власть над другими. Это твое наследие, и ты не можешь вечно шараться от него. Здесь же власть небольшая, и ты должна принять ее и научиться управлять как другими, так и собой.

Затем она достала черное платье с длинными рукавами и стягивающим талию черным поясом и заставила меня надеть его. Оно принадлежало ей, но она была женщиной стройной и маленькой, и оно подошло мне, наверное, даже слишком хорошо. Потом я молча стояла, пока она втолковывала мне, что я должна делать, странная фигура, белые руки, ступни и волосы, черная маска-лицо и черное тело. Она вложила мне в руки необходимые вещи, открыла полог и велела мне идти.

Я вышла из скопления фургонов в круглое сводчатое брюхо пещеры. Красный свет костра и дым набросили на него завесу, подобную колышущимся вуалям из газовой ткани, и сквозь эту завесу я увидела их всех, притихших и ждущих: бледные, внимательные лица, внезапно обратившиеся к богу и его жрецу.

Когда все увидели, что пришла не целительница, а степнячка, то ахнули и негромко зароптали, но они слишком настроились благоговеть перед этим удобным богом, чтобы устраивать сейчас сцену прямо у него на глазах.

Казалось, я так часто играла эту роль: море глядящих во все глаза лиц, сосредоточенных на мне — в деревне, в горном стане, в Анкуруме, когда ревел Сиркуникс, и позже на пиршестве Победителей. Но этот случай был иным. В деревне я не хотела власти над ними, или думала, что не хотела; в ущелье лица были враждебными. А теперь наблюдалось выражение ожидания и покорности — не неистовство стадиона, а тихий сон-транс веры. При виде этого во мне что-то шевельнулось, так как я поняла, что они у меня в руках. Я стояла совершенно неподвижно в своем черно-белом платье, держа в руках медные предметы, а потом пошла между ними к богу. И засмеялась, обращаясь к богу, когда шла к нему. *Ты — что ты такое?* И он мне не ответил, ибо здесь властвовал жрец, а не бог, бедный пустой камень.

С легким лязгом я расставила перед ним медную утварь. Насыпав в круглую чашу на треноге порошок лада-на, я воскурила его, сунув вощенный фитиль в уже горевший в жаровне огонь. Повалил дым, голубой и насыщенный. Я подняла руки, словно в молитве, и услышала позади ответное бормотание. Затем я бросила сушеные зерна, красные, коричневые и черные, и изучила образованный ими на каменном выступе перед Сиббосом узор. Дело здесь не в мистике. Просто видишь то, что считаешь разумным увидеть, или же истолковываешь увиденное так, чтобы значение получалось именно такое, какое тебе хочется. Я различила извилистую фигуру, красную среди черного, черную фигуру, довольно похожую на собаку, и изогнутую дугой фигуру, тоже черную. Поэтому я повернулась к ним и истолковала увиденное.

— Дорога, волк и арочный вход. Сиббос велит вам идти дальше, по дороге к горному туннелю, не страшась ни волков, ни снега.

Уасти объяснила мне, что так будет лучше всего — оттепель не всегда бывает добра или пунктуальна, и предложение Герета могло оказаться опасней, чем прорыв через снега. Но если бы дело обстояло иначе, я вполне могла бы сказать, что волк преграждал нам дорогу, указывая, что нам следует оставаться в укрытии пещеры — увиденного мной арочного входа.

Вслед за тем подошли Оролл, Герет и несколько других, и я дала каждому из них по маленькому закрытому медному сосуду. Герет беспокойно посмотрел на меня, но сосудик взял и ничего не сказал, однако глаза у него часто вспыхивали. Я подняла щипцами чашу с ладаном и высыпала содержимое к их ногам. А затем коснулась каждого сосуда, одного за другим. И каждый державший сосуд открыл его и извлек то, что находилось внутри. Каждый предмет — очень маленький, но символ, и считается, что их значение следует читать в порядке, в котором они извлекаются. Сперва появился красный глиняный диск, символизирующий солнце, а после этого черный деревянный прямоугольник, означающий неудачу. После них белая бусина, символизирующая снег, зеленая бусина, обозначающая теплую погоду, желтый овал удачи и голубой круг, внутри которого вырезан еще один круг, означающий, что бог доволен.

Сосудов этих всего двадцать с чем-то, и целительница должна принести их все и раздать наобум — бог, естественно, направит ее руку. Однако, эти сосуды нетрудно пометить так, чтобы опознавать — крошечная царапина на меди, ощутимая для чувствительной руки — и все же в этом не было надобности. Ведь значение-то можно вывернуть, как тебе заблагорассудится. Сегодня оно было таким: Сиббос говорил нам, что ожидание оттепели — солнца — приведет к неудаче, поскольку будут сильные снегопады и никакой хорошей погоды. Удача придет, если мы положимся на помощь Сиббоса и поедem дальше к туннелю. Было бы так же просто сказать: ждите оттепели, пробиваться через сугробы — к неудаче. Настанет хорошая погода — и придет удача, и бог улыбнется нам.

Тем не менее, истолкование целительницы является окончательным.

Оролл и другие, хотевшие двигаться дальше, хмыкнули и кивнули. Прочие, похоже, помрачнели. Выступить посмел только Герет.

— Я не согласен с таким прочтением. Его должна была провести Уасти. Эта девушка — не настоящая вещунья. Я не доверяю ее суждению.

В пещере воцарилась напряженная тишина. Лишь потрескивали поленья в кострах.

— Ты споришь со своим богом, Герет? — спросила я.

— Не с богом, а с тобой.

Пора уж мне покончить с его смутьянством. Я посмотрела на него, и его глаза не могли вырваться из прочного плена моих. Все произошло очень быстро, и я знала, что он в моей власти.

— В таком случае, Герет, — заявила я, — ты гневаешь Сиббоса. Поставь его сосуд, пока он не сжег тебе руку в своей ярости.

Герет почти сразу же заорал и выронил медный кувшинчик. Ладонь у него покраснела и покрылась волдырями. Раздался крик изумления, несколько взвизгов, и началась толкотня, когда стоявшие поодаль пытались выяснить, что случилось. Я обмакнула пальцы в чашу с водой и брызнула несколько капель на лицо Герета. Тот сразу очнулся и схватился за свою руку. Оролл кивнул мне.

— Воистину, Уасти сделала хороший выбор. У тебя есть истинное знание бога. Глупец, кто сомневается в этом.

Он посторонился, давая мне пройти. Я прошла между расступившимися передо мной караванщиками и вернулась к фургону.

Я расставила утварь по местам. Уасти сидела в своем кресле совершенно неподвижно, ее глаза слегка блестели во мраке.

— Сделано, — доложила я.

Она не ответила. И тут я увидела у нее на горле странное кроваво-красное ожерелье. Испытанный мной ужас был совершенно невыразим. Мне хотелось кричать и кричать, но я каким-то образом удержала крик в себе, как рвоту. Мне на миг подумалось, что в фургон забрался дикий зверь, но никакой зверь не выполнил бы так аккуратно подобной работы. Крови было много, я уже покрылась ею, в неведении ступая по ней. А потом поднялся крик, и сперва я подумала, что мой. Но он был чужим. Прислуживавшая Уасти девица бежала по проходам между фургонами, крича и плача, и рвала на себе волосы. К ней сбегались мужчины и женщины и бежали с ней обратно к фургону. Они распахнули пологи, и в нас вонзился свет, в Уасти и в меня.

— Это она! Она! — взывала девица в истерике от злобы, ярости и ужаса перед тем, что она сделала. — Взгляните на нее, она покрыта кровью старой! Кровопийца!

Ее неистовство охватило их, как пламя сухую траву. Набросились на меня исключительно женщины. Меня вытащили из фургона, опрокинув ничком, а затем перевернули на спину. Было ощущение множества рук, пальцев, вцепившихся мне в волосы и одежду, стискивающих, впиваясь в мое тело, сплошной туман лиц, зверских и сосредоточенных. Меня душили и ослепляли панический страх и шок, и я знала, что вот теперь мне в конце концов придется умереть. Удары, обрушивающиеся на меня вновь и вновь; соленый привкус крови во рту от выбитого зуба. Казалось, не имело большого значения, что они повредят, если мне все равно предстоит умереть — я хотела только потерять сознание и не чувствовать больше этого.

Но я не могла совершенно отключиться. Где-то за туманом боли я услышала смутный рев сердитых мужских голосов, а потом пронзительные крики женщин, и внезапно напавших на меня оттащили и отшвырнули в сторону. Теперь меня держали сильные, грубые, но помогающие руки. Меня подняли — я мельком увидела лица, и особенно одно из них, полное краснорубое лицо Герета — и с удивлением обнаружила, что спасли меня именно его люди, а не подручные Оролла.

* * *

Это был его фургон, богато украшенный и довольно плохо прибранный. Над головой два светильника, выглядящих зеленовато-золотыми сквозь щелки моих век, уже распухших и закрывающихся. Я потрогала языком зуб, он неприятно шатался. И все же я теперь достаточно знала, чтобы понимать — если я оставлю его в покое, к утру он снова встет в свое гнездо. Что же касается моего тела, то платье изодрали в клочья, оставив одни дыры и разрывы, обнажив одну грудь и ноги. Кожа побагровела от кровоподтеков, а голова зверски болела от выдранных клочьев волос.

Снаружи фургона я все еще слышала крики и вопли, но они постепенно стихали.

Я лежала и ждала Герета.

Когда он вошел, я мельком увидела сквозь полог кольца его людей, охранявших фургон.

— Ну, — сказал он, посмеиваясь. — Неважное зрелище, совсем неважное. Здорово они тебя потрепали, женщина-воин. Что теперь сказало бы твое племя, а? Воин, не сумевший отбиться даже от стайки девчонок.

Я не потрудилась ответить; кроме того, это причинило бы слишком сильную боль.

Он опустил светильники на цепочках и подкрутил им фитили. Свет сделался очень тусклым и сумрачным, но я все еще достаточно видела, чтобы знать, когда он снял с себя плащ и стащил лосины, и направился ко мне с бортающимся разъяренным мужеством. Он содрал остатки платья, но не тронул шайрин. Этот субъект нисколько не интересовался лицами. И у него также не нашлось времени заметить еще что-либо.

Закончив, он откатился в сторону и лег на спине.

— Эй ты, — сказал он, — степная кобыла. Сообрази наконец, что Герет объездил тебя. Я знаю, что ты недостаточно сильна, чтобы наброситься на меня, но на случай, если ты думаешь иначе, снаружи стоят двадцать человек, и мне стоит только крикнуть.

Я гадала, сколько в этом правды, вспоминая тот первый день и как подручные усмехались при виде его неловкости. Но, наверное, в этот раз он лучше подобрал себе охрану.

— Я тебя не изувечу, — сумела произнести я.

Он выругался.

— Ты хоть понимаешь, что они тебя прикончат за убийство старой суки? И к тому же не самым приятным образом. Женщины очень ценят свою целительницу. Возможно, мне и удастся спасти твою шкуру — то, что они от нее оставили. Но я спрашиваю себя, стоит ли. Не знаю, как ты сумела проделать тот фокус с медью, но мне он совсем не понравился.

Меня клонило в сон. Я научилась укрываться там, где находила укрытие, и знала теперь, что надо сделать. Уасти научила меня чему-то большему, чем искусство глаза и руки, которое и так уже дремало во мне, хотя и не развитое тренировкой. И я не скорбела по Уасти, так как она не нуждалась ни в жалости, ни в печали даже в смерти. Ее лицо над перерезанным горлом было спокойным и безмолвным.

Я проснулась рано, чувствуя наступление дня без всякой помощи обоняния или зрения, там, где мы засели как в норе. Пока я изучала себя, Герет храпел, лежа на спине, в пьяном забытьи. Я исцелилась. Только самые глубокие царапины и порезы оставили слабые розовато-лиловые шрамы, но прежде чем закончится день, исчезнут и они. Зуб во рту сидел прочно. Пропали даже прорехи в волосах.

Я взяла стоявший в фургоне Герета кувшин с ледяной водой и обтерлась, не заботясь о том, какие лужи образовались на его одеялах. Взяв щетку из свиной щетины, которой он скреб свои жидкие кудри, я расчесала собственные волосы. Вслед за тем я порылась в его сундуке с одеждой и нашла зеленый плащ с застежками спереди и отверстиями для рук. Он сидел на мне очень свободно, но не был чересчур длинным, так как этот вожак караванщиков был человеком невысоким, приземистым.

Почувствовав себя готовой, я подошла к нему и пнула его в бок.

Он крикнул и проснулся. Глаза его сразу же сосредоточились на мне, затуманенные, сердитые глаза навывкате.

— Это ты, да? Чего же тебе надо?

— Встань, — велела я. — Пойди скажи караванщикам, что Сиббос требует правосудия за преступление против целительницы.

Он недоверчиво рассмеялся и перевернулся, приготовившись снова уснуть. Я взяла кувшин и вылила ему на голову остатки ледяной воды. Он сразу же вскочил, отплевываясь от воды и ярости. Еще миг, и он поднялся на ноги, с руганью надвигаясь на меня, с руками, готовыми оставить от меня мокрое место. Но он смотрел мне в лицо. Я почувствовала, как мои глаза расширяются, чтобы поглотить Герета и его жалкое маленькое сознание, и он тут же остановился как вкопанный, с отвисшей челюстью, неподвижным взглядом и все еще поднятыми руками.

— А теперь, Герет, — сказала я, — тебе пора узнать, что я нахожусь под защитой Сиббоса. Ты обесчестил меня и должен быть за это наказан. О, Сиббос! — воскликнула я. — Накажи этого человека.

Я подождала с миг, и Герет начал стонать. Я сказала:

— Бог поднес огонь к подошвам твоих ног. Они горят.

И почти сразу же лицо у него исказилось от боли. Он заорал и завопил, подпрыгивая на месте, хватаясь за ступни в тщетных попытках сбить несуществующее пламя.

Я наблюдала за ним, а затем сказала:

— Я заступилась за тебя перед богом, и он погасил огонь.

Тихо вскрикивая от расстройства, Герет бессильно опустился на мокрые одеяла.

— Теперь есть только прохлада и никакой боли, — уведомила я его, и он зарыдал от облегчения. — Но в следующий раз, — добавила я, — наказание будет более суровым и длительным. Мой хранитель, Сиббос, гневается на тебя. В будущем ты должен делать, что я тебе говорю, и не противиться мне. А теперь проснись, и не забудь.

Затем я подошла к нему и похлопала его по щекам. Транс покинул его глаза, но он все помнил и теперь в них таилось выражение предельного ужаса.

— Ты будешь мне повиноваться, Герет, — сказала я ему.

— Да, степнячка. Да.

— Не степнячка. Теперь я Уасти, ваша целительница. Ступай, скажи караванщикам, что Сиббос разгневан и требует суда. Скажи им, что он будет испытывать огнем.

Он встал, завернулся в плащ и ушел нетвердой походкой.

Все казалось тогда таким легким, но меня вдруг охватил страх, что я забыла какую-то жизненно важную деталь, и мой план не сработает. Но он обязательно должен сработать.

Я уже взяла себе ее имя, и это привяжет их ко мне ее узами. Через некоторое время они перестанут замечать разницу между нами, словно я всегда была их целительницей. Что же касается испытания огнем, то такое зрелище им должно понравиться. Им очень захочется увидеть, как убийца корчится от боли, и поэтому они удержатся от разрывания меня на части, так как это испортит развлечение.

Отсутствовал Герет долго, и шум снаружи сбивал с толку. Наконец, явились пятеро его людей и знаком велели мне выйти. Я пошла с ними, удаляясь от убежища.

Толпа стояла там, где и раньше, и все же совсем иная. Они толкались, ненавидя меня. Несколько женщин вы-

крикнули проклятья, но, насколько я могла судить, на меня они не нападут.

Мы дошли до конца пещеры, где все еще стоял бог в красно-желтом и драгоценностях. Герет тоже стоял там, пожелтевший и нервный. Когда я подошла, он кивнул.

— Я им передал.

— Хорошо, — сказала я. — А теперь распорядись принести тело Уасти в ее деревянном кресле и поместить его перед богом.

Герет сделал, как я сказала, и поднялся громкий ропот. Женщины уже перевязали шею, омыли ее тело, одев его в черные одежды со всеми побрякушками и бусами, а потом прилепили к векам круглые черные диски, чтобы держать их закрытыми. Все это диктовалось их традицией, делалось из страха. Они страшились духов умерших, особенно убитых. Четверо людей Герета отправились за трупом, и возвращались они, чувствуя себя не в своей тарелке, с бледными лицами.

Толпа притихла и отступила, и многие женщины разразились плачем и проклятиями.

Уасти сидела совершенно окоченев, но это придавало ей определенное пугающее величие. Мне не понравилось то, что сделали с ее лицом, ибо они раскрашивают своих умерших словно кукол — белое лицо с красными губами и щеками и алые ногти. И все же во мне шевельнулось лишь отвращение к их обычаям — ничего больше. Это была не Уасти, а лишь сухой сломанный стебель. Люди Герета поставили кресло и отступили, и она сидела там, глядя черными дисками своих глаз.

Я шагнула вперед и подняла руку, и раздалось глухое рычание.

— Вели им дать мне говорить, — сказала я Герету, и тот прикрикнул на них, а когда шум не прекратился, его люди, размещенные по всей пещере, тычками и толчками заставили всех умолкнуть.

— Вы считаете виновной меня, — крикнула я затем им. — Но я не виновата в этом зверском преступлении. Вы видите, что я не боюсь ни мертвой, ни бога. Вчера женщины терзали мое тело. Многие, думается, помнят, что они сделали, — сразу же раздалось визгливые крики злобного согласия. — Тогда смотрите, — призвала я и, расстегнув застежки плаща, сбросила его, и стояла там, нагая и исцелившаяся. По толпе пробежал шепот удивления. На

мне оставили много тяжелых отметин, но на теле у меня не было ни царапины.

Затем одна девица протолкалась в первый ряд толпы, нырнула между охранниками Герета и закричала:

— Ты сделала это с помощью своего колдовства, злодейка! Не думай, будто собьешь нас с толку, стоя тут голая и бесстыжая в своей греховности.

Это была девица, прислуживавшая Уасти, и толпа сразу же начала лаять с ее голоса. Герет снова прикрикнул, на этот раз без моей указки, охранники потолкались, и снова наступила тишина.

— Нет, — сказала я. — Бог убрал с меня следы ваших рук, дабы показать мою невиновность. Но я дам вам и другое доказательство. — По толпе пронесся шорох предвкушения. — Вели принести незажженный факел, — сказала я Герету, — и подставку для него.

Один из его людей принес факел из сложенной поблизости кучи, в то время как другой поспешил за подставкой. Напряжение в пещере нарастало, и задержка на время доставки вещей увеличила его. Моя нагота тоже сбивала их с толку; сами они постеснялись бы раздеться при таком скоплении народа и даже немного смущались смотреть на меня.

Когда факел установили, наколов на шип подставки, я сунула вощеный фитиль в жаровню алтаря и зажгла его. Руки у меня дрожали, когда я повернулась к ним спиной и предстала перед Сиббосом, словно бы в молитве. Могла ли я это проделать? Ну, если и нет, то теперь уж слишком поздно. Я уставилась на ярко-голубой камень у него на груди, пока у меня не затуманились глаза, а в мозгу малопомалу открылся путь — и я пошла по нему. Когда я повернулась к толпе, казалось, что я раздвоилась: во-первых, я сама, тяжелая словно во сне, сознающая свое тело лишь настолько, насколько его сознают в полусне, совершенно без всякого контроля над ним; а во-вторых, — существо холодное, будто кристалл льда опустили на макушку моего черепа, идеально контролирующее свое тело, как не могла этого сделать первая «я».

Я повернулась лицом к ним и положила свою руку на руку Уасти.

— Я не виновата в твоём убийстве, умершая, — провозгласила я, и все же не я, а другая «Я» — голос, вибрации которого я не ощущала в своем горле. — Если все так, как я сказала, пусть огонь не обожжет меня.

Я услышала, как они задержали дыхание, единое задержанное дыхание толпы, всех разом.

А затем я нагнулась вперед к факелу, и пламя лизнуло мне плечи, грудь и живот. Я совершенно не почувствовала жара; даже подожги оно меня, я все равно не должна бы его почувствовать, но этот желтый огонь скользил по моей коже, словно вода, и не оставлял никаких следов. Из толпы раздались крики и возгласы. Я выпрямилась, сняла онемевшими руками факел с шипа и провела им вверх-вниз по всему телу. Он пылал на моей коже, но без дыма. Шум снова спал. Стояла полная тишина. Тогда я вернула факел на шип, повернулась к богу и голубому камню и отключила охвативший меня транс. Произошло странное схождение двух частей меня — такое же быстрое и потрясающее в возвращении, сколь медленным и подобным сну было расхождение. Слух, зрение, обоняние и осязание сделались вдруг словно бы невыносимо острыми, почти мучительными, но у меня не было времени приходить в замешательство. Мое тело было целым, я доказала свою невиновность, и теперь настала пора для следующего шага.

— Фокус!

Прислуживавшая Уасти девица выбежала вперед, поближе к концу пещеры, где стоял бог. И яростно завопила, плюясь от страха и гнева белыми пузырьками пены.

— Неужели вы не видите, что это фокус! Не дайте убийце уйти от наказания!

В толпе снова загромыхал неясный ропот, но я отпарировала:

— Совсем не фокус.

И, нагнувшись к зеленому плащу, оторвала от него кусок, выпрямилась и бросила его в пламя. Ткань сразу же занялась и вспыхнула, мигом почернев. Толпа теперь притиснулась поближе, но ее сосредоточенность сделалась иной. Я начала различать слова.

— Она невиновна. Дух Уасти защищает ее.

— Подождите, — крикнула я, и они остановились словно лошади, почувствовавшие вдруг во рту удила с силой натянутых вожжей. — Сделано еще не все. Бог разгневан смертью целительницы. Один из тех, кто здесь находится — убийца. Если не я, то кто же?

Настал момент нападать, а не защищаться, и я испытывала от этого свирепую радость, я, которая до сих пор всегда была преследуемой.

— Ты! — показала я на полную женщину в передних рядах толпы. — Это ты сделала? — и она попятилась, побледнев от шока. — Или ты? — и я повернулась к тощему, узкоголовому мужчине в центре, у которого отвисла челюсть, показывая печальное зияние между немногих скромно распределенных серых зубов.

— Прикажи своим людям привести сюда тех двоих, — прошипела я Герету, и миг спустя ошеломленного мужчину и хнычущую женщину выволокли пред очи бога.

Сперва я подошла к женщине, и, когда овладела ее наполненными ужасом глазами, сказала:

— Не бойся. Если ты невинна, Сиббос защитит тебя. Коснись руки Уасти, и она тоже защитит тебя.

Женщина — успокоенная, уверенная в своей невинности и подчиненная теперь моей воле, — прикоснулась к мертвой ладони, а затем покорно позволила мне отвести ее к факелу.

— Если она невинна, — выкрикнула я, — огонь будет для нее прохладным и приятным, как вода.

Я направила ее руку, так что кисть до запястья вошла в пламя, и она ахнула при этом, словно девочка, в первый раз увидевшая море, или закат, или гору — хоть и знает, а все равно испытывает восторг и изумление. Голоса истерически усилились. Я извлекла ее не пострадавшую кисть, и брызнула ей на лоб несколько капель из медной чаши с водой. Она очнулась, ошеломленная и улыбающаяся. Следующим стоял мужчина, но результат был тот же. Толпа теперь волновалась, бурлила и голосила. Я навела на нее пристальный взгляд, и сделала рукой знак.

— Ни я, ни они, — провозгласила я. — Кто же?

Я увидела, что прислуживавшая Уасти девица стояла в первом ряду, куда она протолкалась и теперь пыталась попятиться. Лицо ее начал искажать страх. Внезапно она увидела, что я обратила взгляд к ней, и вокруг нас снова наступило затишье. Я двинулась очень медленно и все же по прямой, не глядя ни направо, ни налево, только на нее. Чем ближе я подходила, тем больше она пятилась, но не могла продвинуться. В любом случае толпа бы ей не позволила.

Когда нас разделял какой-то фут, я сказала:

— Ты тоже должна доказать свою невинность перед Уасти и перед богом.

И множество охочих рук толкнули ее ко мне.

Все было легко и жестоко, у нее не осталось никаких сил. Мне и не требовалось ничего с ней делать, достаточно и ее собственной вины и естественного огня. И все же я оказалась неподготовленной к тому, что случилось — к явлению, вызываемому мной, и все же противоположному.

Я притащила ее к труп Уасти и сказала:

— Коснись ее руки, и, если ты невиновна, она защитит тебя, и огонь не обожжет.

И тут она начала сопротивляться и плакать.

— Я боюсь, боюсь.

— Почему?

— Она мертва — мертвая! Я не выношу прикосновения к мертвым!

В пещере грянул громкий голос толпы.

— Испытание! Испытание! Испытание!

Я выкрутила воющей девице правую руку и вынудила ее опуститься к ладони Уасти. Вот тут-то это и случилось. Девушка издала страшный крик, звериный, бессмысленный, оборвавший скандирование словно ударом меча. Она опрокинулась навзничь и упала перед деревянным креслом, ее правая ладонь была обращена кверху, так что все увидели почерневшую плоть, опаленную до костей.

Шум теперь вырос во всеобщий гром торжества, ярости и ненависти. И прежде чем кто-либо смог остановить их — а кто б в самом деле попытался? — женщины овладели телом девицы и утащили, чтобы растерзать ее подобно волчицам, как растерзали бы меня. Однако девушка была уже мертва — умерла в тот миг, когда коснулась руки Уасти.

Ощувив, наконец, тошноту, я подняла зеленый плащ и натянула его. Эта девушка все-таки обладала какой-то таинственной в ней силой, да так и не нашла к ней ключа, только лезвие бритвы было той силой, которая уничтожила ее.

5

В ту зиму оттепели не было. Если и не прорицание, то здравый смысл Уасти доказал свою правоту.

Вереница фургонов, охраняемая красной движущейся оградой факелов, с трудом пробивалась вверх по узкому Ущелью Кольца, под аккомпанемент воющих с востока вьюг и кружащее белое неистовство нового снега. По край-

ней мере теперь мы освободились от волков, ибо они не любят восточных ветров, хотя воют ничуть не хуже их.

Я сжала в фургоне Уасти, среди ее вещей, которые я наконец узнала очень хорошо и считала своими. Парень правил моими лохматыми лошадьми, как правил ими для Уасти, и другая девушка, тихая как мышка, приносила мне по моей просьбе еду и сопровождала меня,нося принадлежности целительницы, когда я посещала больных. Нуждались они в немногом. В целом их можно было считать здоровыми. Одному я вправила сломанную руку и сняла боль; у некоторых появился жар, проходивший через день-другой; роды, легкие и без осложнений, у опытной матери, отлично знавшей, что с ней происходит. В данном случае училась сама целительница, но это знание могло позже оказаться полезным. И все называли меня Уасти.

Самым же странным из всего было случившееся с черной кошкой с кисточками на ушах. Два дня после смерти Уасти я не могла ее найти и не знала, куда она подевалась, так как мы тогда уже путешествовали. Но на третий день, рано утром, я проснулась и обнаружила ее сидящей у меня на животе. Она умывалась, подымаясь и опускаясь в такт с моим дыханием. Я кормила ее и ничего от нее не ждала, но она следовала за мной по фургону и по стану, когда мы разбивали его, и сидела, мурлыкая, у меня на коленях. Она тоже, похоже, позволила мне заменить Уасти. Я любовалась ее красотой и радовалась ей, но эта связь не была осознанной.

Другой моей заботой был Герет. Он проникся страхом ко мне, страхом настолько глубоким, что никогда не освободится от него. Меня это вполне устраивало, но я не хотела, чтобы он казался таким трусливым при караванщиках: пусть только уважает меня как целительницу, что они сочтут вполне подходящим.

На следующей нашей стоянке — под скальным выступом, в плохо защищенном месте, ибо пещеры попадались теперь редко — я пошла к его фургону. Он пил после вечерней трапезы с несколькими другими купцами, и когда увидел меня, то поторопил их уйти, и сидел в нервном ожидании.

— Герет, — обратилась я к нему, садясь напротив него в своем черном платье целительницы, новом наряде, сделанном для меня женщинами. — Ты действовал отлично.

Сиббос простирает на тебя свою милость, и я, хоть у нас раньше и бывали расхождения, вполне довольна. Я слышала разговоры, что через день-другой — наверное, послезавтра — мы доберемся до туннеля через Кольцо. Я также слышала, что это часть пути столь же опасна, как и дорога сквозь снега. Каравану пора обрести истинного руководителя, а не свору спорщиков, каждый из которых время от времени претендует на это звание. Мне кажется, что ты самый сильный и самый лучший организатор, и следовательно, ты им и должен быть.

Я увидела, что он доволен. Обладать полным и признанным контролем над фургонами, быть фактическим, а не номинальным главой — это сулило много преимуществ. Это также положит конец несчастьям и бедам, которые всегда вызывает грызня.

— Да, — согласился он, — Уасти. Но как я могу это сделать? Сегодня все выдвигают меня, а завтра Оролла или другого. У меня есть свои люди, но у Оролла и остальных тоже.

— Я сделаю это за тебя, — пообещала я. — Я пользуюсь благосклонным вниманием Сиббоса, и я высказываю мнение бога.

Взгляд у него внезапно сделался хитрым, понимающим и отнюдь не благоговейным.

— Но, — добавила я, — помни, если ты светская власть, то я власть духовная. Если оказавшись во главе, ты перестанешь повиноваться мне, огонь бога обрушится на тебя.

Лицо у него пожелтело.

— Да, целительница, — быстро согласился он. — Буду помнить, клянусь в этом.

* * *

В каком-то смысле все должно было бы идти значительно хуже, чем шло. Но кое-что было в пользу Герета. Пусть он был не особенно сильной личностью. Оролл, которому полагалось бы иметь больший вес и авторитет, обладал хитростью, но был чересчур нерешительным, когда доходило до действия. Герет, с другой стороны, в этом случае стал бы действовать, пусть даже и неправильно. Караванчики раскололись на шесть фракций: люди и слуги каравана Герета и люди и слуги других пяти. Первоначально каждая группа присягала на верность своему соб-

ственным князю-купцу, но так как в группе Герета было существенно больше мужчин и женщин, чем в любой другой команде, их голос обычно бывал самым громким. Вдобавок к этому подручные Герета носили его личную сине-коричневую форму. Охрана была у всех купцов, но охрана Герета, одетая в соответствии с должностью, обычно вела себя более воинственно, производя этим психологическое воздействие. Последним фактором в пользу Герета был его груз — пшеница, кукуруза и готовая мука. В его задачу входило снабжать всех во время пути хлебом, и, хотя караванщики могли прожить на своих запасах соленого мяса, сушеного сыра и фруктов, теплый свежий хлеб был им весьма любезен. Наверное, это было лучшим объяснением, почему весь караван время от времени нарекался «народом Герета». Но, как и к богу, к нему обращались только проголодавшись.

В отношениях с богом я уже изменила их привычки. Его власть была важна для меня, так как она служила мне укрытием. Вследствие этого я возносила ему молитвы по утрам и вечерам, и они привыкли молиться вместе со мной. Помогая больным, я взывала персонально к нему. Когда мы разбивали стан, в укромном месте устанавливали одетую статую, и я благодарила его за нашу безопасность. Никому не навязывали посещать эти поклонения, но большинство приходили. Так вера стала вездесущим явлением, более важным, чем раньше. И теперь это принесло мне большую пользу, так как именно через Сиббоса я сделала Герета вожаком.

Когда я на следующее утро после визита в фургон Герета возносила Сиббосу молитву, то простояла дольше, чем обычно, а потом повернулась и посмотрела на толпу. Был один из тех серо-стальных бесконечных дней, очень холодных, и все сгрудилось поплотней.

— Я должна прочесть предзнаменования, — объявила я им. — Ибо нам грозит опасность.

Я бросила зерна и долго стояла над ними, словно что-то увидела, а потом снова повернулась и сказала:

— Тут зверь, ходящий на шести ногах, но голова у него отрублена, и я не могу найти ее в этом узоре. Перед зверем яма, в которую он упадет, потому что у него нет направляющей головы. — Толпа забормотала, а я развела руки в стороны и крикнула: — Это караванщики. Шесть частей без вождя.

Тут толпа разразилась криками, гомоном тревоги и удивления, выкликая имена каждый своего князя-купца.

Я подняла руку, призывая к молчанию, и когда добилась его, сказала:

— Мы должны избрать единого вождя для нас всех. Это надо сделать. Таково предупреждение Сиббоса. Помолимся же ему, дабы он направил нас.

А затем начала молитву, которую читала ему раньше, по утрам и вечерам.

— Великий бог, проведи нас чрез темные края и убереги нас от всякого зла. Защити нас от опасности и беды. Дай нам здравое суждение о том, что мы творим. Дай нам хлеб и воду, покой и отдых. И когда мы призовем тебя, не отвернись от нас.

Выдумка простая, но их души были открытыми и наивными. Фраза «дай нам хлеб», столь невинно вставленная в молитву, бессознательно напоминала о Герете, торговце пшеницей. Закончив молитву, я посмотрела на них и спросила:

— Кого вы выберете своим вождем?

Я сказала Герету, чтобы при этом вопросе некоторые из его мужчин и женщин выкрикнули его имя. Они так и сделали, и — как-то вся разом — толпа подхватила крик. Она забурилась и направилась к его фургону, и вскоре вышел, притворно изумляясь, Герет и неохотно согласился стать их начальником.

Что же касается Оролла и других, то они немного поворчали, но в конце концов согласились, что лидерство было по существу ничем, но могло оказаться полезным для поддержания порядка. Как я и предполагала, Оролл был слишком нерешителен, а прочие последовали за ним и примирились со сложившимся положением.

После этого дела пошли легко. Герет был их начальником, но Геретом руководила я. На этот раз я ощутила силу власти и свободу, и чувство самоотождествления. Я проводила долгие часы, склонясь над старыми пожелтевшими картами страны, в которую мы двигались, страны за Кольцом и Водой. И теперь, когда я видела сны, то чувствовала впереди манящую прохладу Нефрита. Как бы невероятно это ни казалось, я вела себя, сама того не ведая, к своей цели. И ни разу не отклонялась, только задерживалась в пути — как время, проведенное в деревне с Дараком, а теперь и с караваном. Никогда раньше осознание скорого дости-

жения цели не было таким сильным. Я просыпалась, пылая от радости, трепеща и светясь от ожидания. Скоро, скоро.

* * *

На второй день после избрания Герета мы подъехали к высокому месту — коварному подъему среди покрытых белыми шубами скал, к черной круглой дыре: туннелю через Кольцо.

Часть II: Вода

1

Путешествие это было черным, и длилось десять дней.

Туннель достигал примерно двадцати футов в ширину и около двадцати футов в высоту, хотя местами это варьировалось, стены и потолок расширялись или смыкались. Но пространства для проезда всегда хватало, а через определенные промежутки мы встречали широкие залы-пещеры, где могли остановиться и устроить привал. Хуже всего была сочащаяся влага, гулкая беззвучность, которая, казалось, разговаривала с тобой, и тьма, колышущая пламя факелов, словно крылья гигантских нетопырей. И постоянно присутствовал безымянный страх.

В туннеле заболело много детей, но причиной тому всегда был страх. Взрослые тоже стали добычей внезапных болей и обмороков, которые они приписывали дурному воздуху, ползущему через туннель со стороны гор. Страх был делом естественным; я ожидала его — бессознательный ужас перед нависшими над нашими головами милями скальной толщи, первозданный ужас перед темным подземельем, обычный для всех созданий, которые смертны и хоронят своих покойников в земле. И все же этот страх был больше, чем суеверные кошмары. Я знала задолго до того, как нашла ключ к нему. Дух Сгинувших был в этом месте очень силен.

Я снова начала видеть их во сне, однако сны эти не пугали меня так, как прежде. Мои чувства притупились. Я видела мельком, как строилось это сооружение — людей-надсмотрщиков, выступивших против собственного народа из страха перед Высшей Расой. Увидела вспотевшие бригады, поднимающие камень, их тела мертвенно-белого цвета, как у слизней, от многолетнего пребывания под землей. Мелькали и щелкали бичи. Люди падали замертво. А когда являлись *они*, то были прекрасными — в агонии вырождения. У них были связаны с этим туннелем более великие замыслы, но не хватило времени их исполнить — колонны, резьба, фрески. Это тому проходу предназначалось быть не всего лишь пробитым в скале следом червя, а еще одним из их непревзойденных и превосходных произведений искусства, построенных трудом и несчастьем подчиненных. Позже я обнаружила нацарапанные на стене знаки — стершиеся и не поддающиеся прочтению ничьих глаз, кроме столь зорких, как мои. Они были самой древней формой языка, слышанного мной в деревне, в горах, в Анкуруме и среди караванщиков. И все они были проклятиями — проклятиями Великим — проклятиями людей.

Однажды на одной из пяти наших стоянок я нашла дальнюю пещеру, очень влажную, увешанную сталактитами, похожими на жесткую бахрому стеклянного занавеса. В ней находился черный бассейн, а на дне тускло поблескивали кости. И на самом краю бассейна — стих, высеченный на древнем языке:

Болезни змей грядет ужалить вас.

Смерть, старый темный человек, грядет вас унести.

Так спите ж худо, пададь, мразь, на ложах золотых.

Неподалеку от конца туннеля проход был менее законченным и более опасным. Пошли узкие мостики, где фургоны приходилось для облегчения частично разгружать, а люди и лошади переходили поодиночке. И встречались места, где потолок опускался достаточно низко, чтобы царапать по парусиновым верхам фургонов. Но вскоре воздух приобрел странную сладость, и нам в лицо подули резкие свежие ветры.

На десятый день мы вырвались из туннеля-утробы на волю и выехали на каменистое плато, тянущееся на много миль над огромной ширию реки, называемой ими Водой.

Стоял ранний вечер, время, когда дух обычно начинает уставать, но сегодня, когда мы оказались на воле, он был на подъеме. Дети и собаки носились, неистовствуя в играх; народ облегченно вздыхал и поднимал взгляд к небу.

Мы нашли туннель в снежных сугробах, но теперь на куда более низком плато всюду виднелся лишь голый камень. Позади высились горы, белые посередине, но здесь, в месте чуть теплее и ниже границы снегов, нас беспокоили только свирепые, дикие ветры с юга. Они были сухими и суровыми, как страна, откуда они принесли. Мы еле-еле видели ее, ту страну, сквозь туманную даль. Тускло-дымчатые очертания плоскостей, одна сплошная голая пустыня, как казалось с плато. И все же там должна быть жизнь, иначе зачем мы приехали?

Другое дело — река. Она тянулась вширь на много-много миль, напоминая чуть ли не маленькое море без приливов и отливов, блестящая голубизна которого не имела никакого отношения к тусклому небу. Цвет этот придавали воде какие-то отложения в иле на дне, однако он потрясал своей насыщенностью — широкая аквамариновая лента тянулась с запада на восток, насколько хватало глаз, и дальше, почти до горизонта — разрез, нарисованный на монотонном серо-коричневом ландшафте.

Со скал устремлялись к равнине три-четыре речки, превращаясь в водопады, прыгающие с уступов — они были прозрачными, как стеклышко, и из них можно было совершенно спокойно пить, не то что из реки. В миле с чем-то от плато мы остановились на ночлег у одного из сверкающих озер, образуемых этими речками на их искрящемся пути к Воде.

Подобно собакам, почуявшим запах дичи, караванщики поднялись рано и на рассвете снова двинулись в путь, и ими овладело тревожное молчание.

На бесплодном берегу, казалось, не росло ничего, кроме небольших скоплений колючей черной травы. Скалы, ободранные и выщербленные скоблящими ветрами, застыли, словно худые деформированные великанши, в позах злобы и безумия. Воздух, просачиваясь сквозь отверстия в этих скалах, издавал звуки, похожие на девичий плач и визг раненых зверей. А перед нами прекрасный голубой яд Воды — единственное, что мы теперь видели впереди до самого горизонта. Казалось, тут какой-то затерянный край, совсем неподходящее место для ожидания, чем

нам пришлось заняться поневоле. Сегодня или завтра с той, кажущейся пустой стороны приплывут лодки и перевезут нас и наши товары. Герет сказал, что на другом берегу находятся поселения и хутора, а дальше к югу — первый из великих городов. Но рассказывал он весьма туманно. Похоже, никто из караванщиков не собрал достаточно полных сведений об этом крае, словно они были загипнотизированы или одурманены; может, просто не хотели вспоминать.

Ожидание затянулось, и мы разбили стан. В сгущающихся сумерках затрещали поленья в красных кострах, и было очень тихо — ни птичьего пения, ни звериного крика, только пугающие звуки в скалах да ленивое движение реки.

Я лежала в фургоне без сна. Кошка сжалась в углу, бодствуя с напряженными мускулами и слегка ошестинившейся шерсткой. Я погладила ее и закрыла поцелуями ее кошачьи глаза, и она уснула, беспокойно дергаясь во сне, напоминая мне о Дараке. Позже появился довольно пьяный Герет. Он ввалился, не особенно церемонясь.

— Прости, Уасти, — извинился он, храбрый от пива, — но здесь скверное место. Большинство из нас на ночевках у Воды ищет общества.

— Допустим, Герет. Так иди и поищи общества.

Он уселся и предложил мне кожаный бурдюк с пивом.

— Нет? Слушай, Уасти, нам следует быть друзьями, тебе и мне. Я помог тебе, когда женщины хотели убить тебя, а потом ты помогла мне получить то, чего хотел я. И вот я действую — и еда получше, и здравый совет там, где я имею влияние. Мне, знаешь, приглянулась одна девчонка — ее братья были недовольны этим, но теперь они достаточно дружелюбны, как и она.

— Так что же ты не пойдешь на ночь к ней, Герет?

— Надоело, — поморщился он, — всегда одно и то же. Мужчина любит разнообразие. — Он положил горячую ладонь мне на плечо. — Брось, целительница, ты под этим платьем молодая и гладкая — мне ли не знать, ведь я видел. И к тому же не девственница, как я помню. О, тогда я был грубоват, но теперь я буду вести себя прилично.

— Я не хочу тебя, — ответила я. — Если б желала, пригласила бы давным-давно.

Он недоверчиво хмыкнул и принялся шарить потными руками по моему телу. Я оттолкнула его, и он, удивленный моей силой, мгновение оставался недвижим.

— Ты так скоро забыл, Герет, — прошептала я ему, глядя прямо в глаза, — что я могу с тобой сделать?

Он сразу отпрянул, слепо шаря в поисках бурдюка.

— Ступай, — приказала я. — Желающих помочь тебе хватит. Вон там.

Он неуклюже вылез из фургона, и я увидела, как он, пошатываясь, уходит в темноту, бормоча ругательства.

Тут и я покинула фургон, ибо он, казалось, весь пропах Геретом и пивом. Ночь была холодной, и все же странно душной. Ветер налетал порывами.

Я начала наконец ощущать веревку, привязавшую меня к каравану, и жаждала освободиться. Я желала обрести одиночество, меня грызла тоска по нему.

Я пошла по усыпанному галькой берегу и оставила лагерь позади. Внизу текла похожая на чернила вода, и я чувствовала ее сладкий и смертельный запах. Я вспомнила свою расу, которая умела ходить по воде, и гадала, смогу ли я перейти через реку, как переходили они, к противоположному берегу, который, казалось, — особенно теперь, в темноте — звал меня.

Надо мной внезапно полыхнул холодный белый свет, заставив меня вздрогнуть и оглянуться. Позади из-за гор взошла белая луна. Пыльный воздух странно подчеркивал ее абрис, и она стала похожа на побелевший череп. Свет провел по воде дорожку из серебряного стекла, и она вдруг показалась мне тропой, безопасным для меня мостом. Мои руки сжались в кулаки, тело напряглось от предвкушения Силы. Я вытянула ногу вперед, готовая пуститься в путь...

Визгливый крик позади меня, а потом другие голоса. Я различила зов.

— Уасти! Целительница! Целительница!

Я разгневанно обернулась, под кожей у меня горели искры ярости, заставляя каждый мой волос вздыбиться, как шерсть у кошки. По берегу бежал человек, а я даже не двинулась ему навстречу. Его ребенок, малыш двух-трех лет, уполз от матери и напился голубой воды. Мужчина тянул меня за руку, и я знала, что смогу спасти его ребенка, только если поспешу за ним, но не могла этого сделать.

— Я здесь общаюсь с богом, — сказала я ему, — а ты мне помешал.

Он запнулся, в замешательстве и растерянности, а стеклянный свет на воде внезапно треснул, и я поняла, о чем он просит, и, повернувшись, побежала с ним.

Ребенок кричал и брыкался, мать в ужасе металась. Я выставила ее вон, и вызвала у ребенка обильную рвоту с помощью одного из снадобий Уасти, а потом вливала ему в горло чашку за чашкой чистую воду, вместе с травами и порошками. Боль сделала его покорным, но как только она прошла, он стал капризным и сонным. Я думала, что спасла ребенка, поэтому успокоила его и позволила ему уснуть. К тому времени я очень устала и тоже пошла спать. За час до рассвета явился тот же мужчина и разбудил меня — тело ребенка посинело. Я отправилась с ним, но не смогла даже разбудить его, и вскоре он умер.

— Яд реки оказался слишком силен, — сказала я им.

Мужчина тупо кивнул, но женщина заявила:

— Нет. Ты пришла поздно. Он сказал, что ты не сразу пошла с ним, когда он прибежал к тебе.

— Ш-ш, — зашипел мужчина. — Это длилось всего миг, и она, — он понизил голос, — общалась с богом!

— Какое мне дело до бога, — завопила вдруг женщина, хватая своего умершего ребенка. — Какой же он бог, если отнимает у меня сына и не оставляет мне ничего!

Мне следовало бы пожалеть ее, но я ощущала только презрение. Я знала, что будь ребенок девочкой, она бы скорбела куда меньше, и это вызывало у меня протест. Не говоря ни слова, я отвернулась от них и ушла.

Я снова прилегла уснуть, вся окованная, не волнуясь о том, что станет рассказывать обо мне женщина, желая лишь освободиться от них и пересечь голубую воду.

2

На рассвете поднялся сильный ветер, несший тучи пыли. Девушка пришла как обычно и принесла еду. Я накормила кошку и закрыла полог, спасаясь от песка.

Наверное где-то час спустя я услышала одинокий крик, за которым последовали другие, и звуки шагов по гальке на берегу; караванщики увидели лодки. Я взяла узел со своими пожитками и позвала кошку. Она спрыгнула на землю и пошла за мной к берегу.

Ветер приобрел цвет — серовато-желтый, как сама эта земля. Вокруг взвивалась пыль, сильно затрудняя возможность видеть, но я порадовалась шайрину, он полностью защищал меня. Другие обмотали тряпками рты и натянули на глаза капюшоны. Я еле-еле различала нечеткие, да-

легкие силуэты на испачканной пылью голубизне и гадала, как это караванщики что-то увидели. А затем услышала низкий, гундосый стон рога. Это и послужило сигналом, хотя в фургоне я его не слышала.

Почти час мы следили с берега за лодками. Они с трудом добирались к нам по выщербленной песком реке. Наконец к выветрившемуся берегу чуть ниже по течению причалили пять длинных некрашенных судов, определенно больших, чем лодки, как их называли люди Герета. Невысокие, с поднятым носом и кормой, устремленной вниз по кривой, вырезанной в виде хвоста большой рыбы. Каждое обладало единственным парусом, но их сняли с мачт и действовали только весла, выстроенные в ряд.

Весла подняли, поставили стоймя, и на усыпанный галькой берег прыгнули люди. Очень темнокожие, темнее, чем любые, среди которых мне пока доводилось жить. Везде, где я побывала, похоже, преобладали черные волосы, но кожа и глаза были чаще всего светлыми, а среди племен степей попадались также блондины и шатены. Эти же были оливково-бронзовыми — почти серо-бронзовыми, словно они, как и ветер, переняли цвет этой земли. И черные глаза — истинно черные, когда невозможно отличить радужную оболочку от зрачка. А волосы, очень коротко подстриженные, а зачастую и вовсе сбритые с оставшейся на головах тенью щетины с иссиня-черным отливом, которого я никогда раньше не видела. И еще одним их отличием, возможно, самым странным, служила черная грубая одежда, не расцвеченная никакими украшениями. Даже среди степных племен в одежде то тут, то там поблескивало цветом или металлом, и это указывало на индивидуальность ее хозяина. А эти не носили ничего, кроме коротких ножей на поясах; одежда же отличалась отчетливой одинаковостью — почти как обмундирование, хотя она и не была им.

Высокий бритоголовый подошел и заговорил с Геретом, Ороллом и остальными, ждущими сзади. Мрачное лицо не выдавало никаких чувств. Гребцы и караванщики уже разгружали фургоны и укладывали товар на корабли.

Наконец Герет повернулся и пошел вдоль берега с удовлетворенным видом. Приблизившись ко мне, он поднял глаза, и выражение его лица мигом сделалось кислым.

— Я б на твоём месте укрылся, целительница. Эти бури могут длиться два-три дня.

— Нет надобности, — отмахнулась я. — Мы ведь скоро начнём переправу, не так ли?

Его выпученные глаза выпучились ещё больше.

— Ты тоже хочешь переправиться, да? Странно. Мы всегда оставляем женщин на этом берегу. С охраной, конечно. Старая Уасти никогда не переправлялась с нами.

— А я переправлюсь, — заявила я.

Он услышал в моем голосе категоричность, и больше не спорил, хотя я видела, что ему это не понравилось.

Когда товары уложили и привязали, примерно половина мужчин каравана забралась на палубы пяти судов и расположилась среди бухт канатов неподалеку от кормы. Когда я поднялась на пятый корабль, они неуверенно взглянули на меня и начали перешептываться. Тут до меня дошло, что когда они доберутся до хуторов за Водой, покупатели могут устроить пир, а также предложить другие развлечения. Судя по несчастным лицам оставшихся мужчин и ещё более несчастным и удрученным лицам женщин, так оно и было. Естественно, гости не хотели брать с собой целительницу. Меня это не беспокоило. Я испытывала непреодолимое стремление переправиться, почти отчаянное желание добраться до страны за рекой, и если им это не нравилось, пусть подавятся.

Кошку я взяла с собой на корабль, но она сопротивлялась и внезапно, как раз когда гребцы поднимались на борт и готовили весла, оцарапала меня и прыгнула через борт на гальку. И стала совершенно неподвижно, глядя мне в лицо своими серебряными глазами и вздыбив шерсть. Чувства гнева и потери заставили меня впервые осознать: я не вернусь обратно.

* * *

Переправа заняла почти два дня, в течение которых вокруг нас бушевала буря, яростно и без спадов. Путешествие отличалось монотонностью — бесконечный скрип весел и шпангоута, шлепки густой воды, кружащая резкость ветра. На середине реки, когда сквозь пыль и даль нельзя было разглядеть суши, мы проплыли мимо каменной глыбы, торчащей футов на десять из голубизны. Она была

совершенно гладкой, за исключением грязной резьбы, оставленной на ней стихиями.

— Что это такое? — спросила я ближайшего караванщика.

Тот покачал головой.

— Они называют его просто Камень, целительница, — промямлил он, смущенный моим присутствием.

Раз или два смуглый экипаж, налегая на весла, заводил глухую, стенающую, протяжную песню. Говорили они на другом языке, нежели караванщики, но песня была опять иной и, казалось, не имела смысла. Я подумала, что она была искаженной и сокращенной версией чего-то более древнего.

Наступила ночь, но перерыва не сделали; темнокожие продолжали грести. Их сила и выносливость казались непонятными, даже зловещими, так как я заметила, какими невыразительными и пустыми были их лица. Они казались почти погруженными в транс, бездумными, но я полагала, что такими их сделала тяжелая жизнь.

Под конец второго дня ветер спал, и возникли мрачные, затянутые облаками небеса. Мы увидели каменистый край суши, к которой стремились, и через час достигли ее. Она показалась на первый взгляд еще более плоской и бесплодной, чем другая сторона под Кольцом. Высилась приземистая каменная башня — вот и все. Но как только корабли причалили, нас провели в пещеру, вниз по подземному склону, и несколько минут спустя мы вышли на поверхность — невероятное дело — среди деревьев.

Деревья эти, правда, были тонкими, согнувшимися, с искривленными стволами, напоминавшими мне оставленные нами на том берегу истерзанные каменные фигуры. На ветвях торчком стояла черно-зеленая листва, жесткая, словно высеченная. За деревьями тянулось хаотичное поселение темнокожего народа, окруженное с трех сторон скальными стенами, но открытое на восток, где все еще виднелся ярко-голубой кусок реки, уходящей вдаль. Между скальными стенами тянулась нить ручья, и на его берегах находились небольшие делянки озощей и злаков, питаемых водой. В остальном поселение выглядело бесплодным, если не считать странных деревьев, торчавших то тут, то там среди домов, сооруженных из глиняных кирпичей, — деревьев, похожих на гигантских хищных птиц, подстерегающих добычу.

Приблизительно в центре поселения стояло большое здание, укрепленное вставленными в глиняную почву грубо обтесанными камнями. Крыша из волокнистого коричневого материала, а непосредственно под ней несколько щелей, обозначающих окна. Дверью служили каменные стойки с перемычкой, и вот к ней-то и направились Герет, Оролл и темнокожий, с которым они говорили прежде.

Ожидание было недолгим. Мы сидели, укрывшись под деревьями у неразгруженных товаров, и три женщины принесли нам глиняные чаши с водой и густым желтоватым молоком. Эти женщины были худыми и костлявыми, одетыми в такую же грубую одежду, как мужчины, с волосами, закрученными на макушке в узлы, и они тоже выглядели мрачными и молчаливыми. Я не видела ни детей, ни даже собак или коз — обычной накипи такого поселения. Стояла полнейшая тишина, если не считать раздающегося иной раз сухого змеиного шороха листьев. Через некоторое время Герет и другие вышли из большого здания, сопровождаемые еще одним темнокожим, очень высоким, с ожерельем из белых камней на шее. Этот явно был у них королем или вождем. Он протянул руки и горланно произнес, обращаясь к нам:

— Добро пожаловать. Сегодня ночью мы устроим пир.

Караванщики выглядели довольными. Я гадала, что же могло быть такое в этом неприятном месте, чтобы заставить их порадоваться хоть одной проведенной здесь лишней секунде.

Герет подошел ко мне.

— Тебе нежелательно приходить к ним на пир, — сказал он. — Не подходит для женщины. Они самые настоящие свиньи, эти черные, но... — Он оборвал фразу и усмехнулся. — Видишь вон ту старуху? Иди с ней, и она найдет тебе место для ночлега. Я приду за тобой завтра, примерно на закате. Мы тогда поплывем обратно на тот берег.

Я повернулась и увидела старуху, невероятно сморщенную, беззубую и согнутую почти пополам. С кожи аллигатора меня прожгли взглядом свирепые черные глаза. Узел у нее на макушке поседел.

Не говоря ни слова, я покинула Герета, и, когда я пошла к ней, она — тоже не говоря ни слова — повернулась и пошла впереди меня. Мы перебрались через ручей по грубо сложенному мосту из дерева и камня, прошли между деревьев-хищников, вверх по склону, в пещерный вход в

одной из скальных стен. Снова короткий проход в темноте, а затем плоское плато, совершенно бесплодное, покрытое глинобитными хижинами. Здесь я увидела нескольких женщин и немногочисленных детей; очевидно, они жили отдельно от мужчин.

Меня отвели в свободную хижину и оставили там одну, хотя время от времени ко входу приближались взглянуть на меня какая-нибудь женщина или ребенок.

В хижине я оставалась, пока день не завершился мрачным закатом. Я еще не знала, как поступить — я чувствовала, что если выйду из хижины и направлюсь обратно через проход в скале, женщины могут остановить меня. На самом-то деле, я и не собиралась приближаться к зданию из глины и камня, а хотела лишь выйти из гнетущего оазиса и пуститься в путь через эту малоприветливую страну, так как чувствовала, что должна это сделать. Меня переполняло ожидание с легкой примесью страха. Я испытывала неодолимое притяжение и рассудила, что сего, должно быть, вызывал Нефрит или какое-то место Нефрита.

А затем закат. До того я слышала возню женщин; теперь воцарилась давящая тишина. Я подошла к двери хижины и выглянула. На плато легли квадраты приглушенно-красного света. Вход в каждую хижину загоразивала грубая тростниковая ширма, и в них не было огня. Ничто не шевелилось. Я покинула хижину и прошла между другими, и никто не вышел и даже не выглянул из слепых провалов окон. Я нашла проход в скале и медленно вошла в другую часть поселения. Вниз по склону между деревьев, через мост. Здесь тоже стояла тишина, полная тишина, но когда я перебралась на другой берег ручья, услышала слабое гудение, словно звук роя пчел, шепот-урчание глубоко внутри здания в центре поселения. Дверь его теперь была закрыта кожаной завесой, из-под нее просачивалось слабое оранжевое свечение.

Я не знала, что притягивало меня к этой завесе — возможно, всего лишь любопытство, а возможно и иное. Но я подошла к ней, ожидая обнаружить там часового или стоящего на посту караульного, и когда никого не обнаружила, отодвинула завесу примерно на дюйм и заглянула внутрь.

За дверью тянулся длинный низкий зал, с костровыми ямами в противоположном конце, где висело мясо — теперь уже одни кости. Среди грубо высеченных балок клу-

бился дым, а окна закрывали кожаные клапаны. Освещался зал мрачным и неверным светом, и люди, лежавшие вдоль стен зала на кожах и шкурах, брошенных поверх утрамбованной земли, казались неотчетливыми, слабо шевелящимися тенями. В зале клубился туман, а не просто дым. Я не могла отличить караванщика от хуторянина, но то тут, то там горбился кто-то из Темнокожего Народа, мальчики или очень молодые юноши, используемые, кажется, как и в степных племенах, для прислуживания старшим. Глаза у них были яркими черными линиями на смазанных тенями лицах, а зубы выглядели заостренными и белыми, как зубы животных.

Затем мой взгляд устремился к центру зала, и я различила трех обнаженных девушек. В первый раз я увидела в этих темнокожих красоту. И поняла, что она рано приходила и рано умирала, убитая отвратительной жизнью и изнурительным трудом. Девушкам было не больше тринадцати, но они выглядели вполне зрелыми — гибкие, пластичные, с полными идеально-девичьими грудями, трепещущими при малейшем движении. В отличие от прочих соплеменников они носили украшения — разноцветные бусы, спадающие на их дымчатые тела, и маленькие осколки кристаллов, вплетенные в иссиня-черные волосы. Они были прекрасны, но я увидела не только это. Казалось, я смотрела то ли в свое прошлое, то ли в свое будущее, то ли на нарисованную картину, которая вечно менялась, и все же сохраняла свои основные элементы. В центре круга из трех девушек сидела, сверкая при свете огня чешуей и выпуклыми черными глазами, гигантская ящерица, а точнее ящер. Ранее я не заметила его, потому что мой взгляд скользнул по нему и отбросил, не поверив. Он был размером с большого пса, даже с волка, какая-то мутация адского характера. Его собственная самоцветная красота вспыхивала, когда пламя стеклянно поблескивало на его броне, а его холодные глаза переходили с одной из танцующих девушек на другую, и тут я ясно определила смысл их танца, чувственного и влекущего, и жесты танцовщиц обращались к нему. Внезапно одна девушка встала на колени, а затем сделала мостик, опустив голову к собственным лодыжкам и ступням, пока ее волосы не коснулись пола. Ее бедра широко распахнулись перед ящером, она начала напевать и гладить себя. Ящер поднялся, накренился над ней, при этом его фаллос — гигантский и

все же странно похожий на человеческий — высунулся из чешуйчатых ножен. Я думала, девушка завопит от боли, когда он вонзился в нее, но она лишь застонала и опустилась еще ниже к собственным лодыжкам. Другие девушки пристроились вокруг ящера, лаская его, когда начался противоестественный акт совокупления.

В голове у меня все поплыло. Огненная буря разноцветных огней затуманила мне взор и исчезла. Я впервые почувствовала густой горько-сладкий запах. Наркотик. Да, теперь я узнала поднимающиеся над костром голубоватые пары; но дело было не только в этом — нездоровая магия таилась также и в их чашах, и в пище. Я шагнула назад, и кожаный полог упал на место. Вокруг прохладная темнота и безмолвие. И все же я стала возбужденной и сонливой — я вдохнула сущность их черного пира. Я пошла обратно через оазис, переступая ногами, словно налившимися свинцом, и ко мне тянулись бледные руки, и слышался старый и древний смех мертвых, которые не умерли, а продолжали жить в разложении всех, кто пришел позже.

Я пустилась бежать вдоль узкого ручья к месту, где русло расширялось и становилось прудом, в котором бил из огромного каменного шпиля яркий, игольно-острый фонтан. Уже стемнело, и в небе взошла луна. Я сообразила, что оставила скальную изгородь позади и шагаю по плоской пустой равнине. Деревья все еще стояли, как рекруты на часах, но впереди, казалось, не было ничего, кроме безрадостной, выбеленной луною пустыни. И вдруг — стремительный серебряный блеск по отвесу скалы передо мной. И темнота, с блеском перемещающаяся, и слабые приглушенные звуки осторожнодвигающихся людей и животных.

Я увидела, где проходил их путь раньше, чем они попали сюда: извилистый проселок, ведущий под игольные струи и мимо пруда. Спрятавшись в тени одного из деревьев-скелетов, я следила, как они приблизились, около сорока человек, одетых все как один сплошь в черное, на черных конях с обмотанными копытами. Луна на мгновение скрылась за облаком, и когда она вышла вновь, я испытала потрясение, и под воздействием наркотика чуть не вскрикнула, так как от их голов и от голов их коней не осталось ничего, кроме черной гривы и начищенного до блеска серебряного черепа.

Мне потребовался какой-то миг, чтобы вернуть способность рассуждать, а затем я увидела в масках всего лишь маски и поняла наконец, что послужило образцом для черепастых охранников Севера.

Наверное, логично предположить, что они приехали на хутор — вряд ли они могли ехать к какому-то иному пункту в этой пустыне. Но этим дело не ограничивалось. Я знала, что они приехали за караванщиками, чтобы увезти их — не знаю, куда и зачем. И вдруг я рассердилась и испугалась. Я стала их целительницей, Уасти. В мое существо внезапно впиалась ответственность за их презренные жизни.

Черепастые на миг задержались у пруда: некоторые из лошадей в масках-черепах напились. Я заскользила обратно от тени к тени, от дерева к дереву. Это потребовало больше времени, чем я полагала, так как теперь все стало мрачным и реальным. Вот, наконец, и зал, но уже без света из-под кожаной завесы. Я побежала к нему, мимо двери, во тьму. Там мерцала искорка света — в противоположном конце, где находились костры для поджаривания мяса. Я споткнулась о лежащего; тот шевельнулся, но, казалось, не заметил меня. Был слышен легкий шум и слабые рыдания. Сексуальный пик пира наступил с темнотой и, несомненно, повсюду вокруг меня сминали красоту других девушек их Темнокожего народа. Я пробралась к огоньку и обнаружила длинный тканый занавес, заслонявший последний костер. Свет за занавесом отливал алым, и здесь на меня уставился сидевший на железной цепи гигантский ящер. Около столба с цепью сидели трое темнокожих и среди них тот, который, вероятно, был их вождем и носил ожерелье из белых камней. Они сидели совершенно неподвижно и смотрели на меня без всякого выражения на темных лицах. Я знала, что их язык иной, но слышала его мало. Опустошив свой мозг, я сумела найти слова.

— Приближаются люди, люди в масках в виде черепов. Идут на вас.

Какой-то миг мне думалось, что они не заговорят, но вождь сказал:

— Не на нас, женщина. На твоих соплеменников. Так подстроено.

Значит, дальнейших слов в конце не понадобится. Я резко повернулась и выхватила из костра длинную тонкую

ветку, горящую на одном конце. Ею я ткнула в них, и они вскочили и попятились, а на их лицах появилось какос-то подобие эмоции. Глаза ящера нервно завращались и заморгали. Я повернулась и побежала обратно в зал, содрав по ходу дела занавес.

— Проснитесь, — закричала я им. — Проснитесь — приближается враг!

Это был самый древний из ключей; пламя трещало и освещало красным часть зала, и все же никто не шевельнулся. Люди лежали вповалку и, казалось, спали, хотя огонь отражался в их открытых глазах. Они сонно улыбались моему призыву.

Здесь толку не будет. Я побежала к кожаной завесе у двери, выскочила наружу, и она упала за моей спиной. Стоя неподвижно в безлунной черноте, вглядываясь в черноту, я высоко подняла горящую ветку дерева. Вскоре появились они и не столь уж бесшумно; глухой стук лошадиных копыт, позвякивание сбруи. Моя ветка, а не луна осветила серебро на их темных силуэтах. Всего пятнадцать футов отделяло их от меня.

Не знаю, почему, но я крикнула им на Старинной речи Сгинувших единственное слово:

— ТРОРР!

И они остановились, как я приказала, и остались недвижимы. Затем ехавший во главе — их капитан, подумала я, — отделился от остальных и подъехал немного ближе. На его правой руке был массивный браслет из черного металла и золота в виде переплетенных змей. Сквозь глазницы черепа в его маске я не смогла разглядеть глаз, ибо их закрывало черное стекло.

— Кто ты? — потребовал он ответа глухим холодным голосом. Это была не Старинная речь, но нечто, настолько близкое к ней, насколько мне вообще доводилось слышать в мире живых.

— Я Уасти, — ответила я на том странном среднем языке, на котором заговорил он. — А вы явились увести людей, находящихся на моем попечении.

Когда я назвала присвоенное мной имя, по их рядам прокатился легкий шорох, но быстро стих.

— Посторонись, — приказал капитан черепастых. Он спешил и подошел ко мне медленным угрожающим шагом, свободно положив руки на яркие рукояти десятка ножей на бедрах.

Я оставалась совершенно неподвижной, пока он не оказался очень близко, а затем упала перед дверью на колени в позе мольбы, все еще держа в правой руке горящую ветку.

— Господин, — начала я, — умоляю тебя... — и схватилась за его пояс.

Он обругал меня, отбросил в сторону ударом кулака и направился широким шагом к завесе. Однако нож, на который я положила ладонь, вышел из ножен.

Я встала. Он протянул руку к завесе.

— Ни шагу дальше, — предупредила я.

Он не обратил внимания, и я метнула нож ему в спину, ловко, так что клинок вонзился прямо в сердце. Он издал короткое удивленное проклятие и рухнул ничком, угодив головой под край завесы, так что снаружи остались только его туловище и ноги.

В меня полетели копьа. Я бросилась наземь, и они, не причиняя вреда, ударились о камни стены, и лишь одно нашло цель в затвердевшей глине. Но они спешили, воины с обнаженными, бледными, как лед, мечами, и побсжали ко мне, гневно завывая.

Совершенно не к месту мне пришло в голову, что их действия — не просто агрессия, тут говорило чувство. Должно быть, этот капитан пользовался у них популярностью.

Все перепуталось. Мне казалось, что я опять с Дараком. Я швырнула горящую ветку в лица двух воинов, добравшихся до меня первыми, и когда они отшатнулись, плюясь от боли, выхватила у обоих из рук мечи. Один клинок разрезал мне ладонь почти до кости, когда я ухватила за него; от крови он стал скользким и держать его было трудно.

И все же я наделала им хлопот.

Хуже всего было мое женское платье — я почти забыла про него, и поэтому оно сковало меня не только тканью, но и неожиданностью. В конце концов, запутавшись в нем, покрытая их и своей кровью, окруженная плотным кольцом черепастых воинов, я получила свою смертельную рану.

Я почти не ощутила боли, только огромное оцепенение. Свет и чернота стремительно сошлись. Луна плыла, словно выпуклый бледный нарост на лике неба, а затем потемнела и пропала.

Потому-то я и не видела, как они забрали караванщиков. Несколько дней я вообще ничего не видела, кроме горячечных снов, о которых лучше забыть.

Полагаю, я пролежала мертвой два-три дня, если можно назвать смертью состояние, при котором смертельная рана самоисцеляется. Наконец, я очнулась, ощущая сильную боль и огромную слабость, посреди угнетающей темноты. Некоторое время мне думалось, что я вернулась под Гору и должна начать все заново. Затем до меня дошла вонь истолченной земли, и я поняла. Я лежала в могиле — меня похоронили Темнокожие. Не так уж и странно — подобно многим другим примитивным народам, они страшились духов неумиротворенных покойников. Возле меня даже положили немного сушеных фруктов и глиняную чашу с молоком и оставили на мне одежду и шайрин, да вдобавок накрыли мне лицо черной тканью. К счастью, почва была настолько сухой и рыхлой, что не особенно давила на меня и не мешала дышать, да и могила была неглубокой, так как Темнокожие, несмотря на все страхи, не уделили мне много времени. Тем не менее, вырываться на волю мне потребовались долгие часы, и в своем болезненном состоянии я испытала всевозможные ужасы — что я и в самом деле умру, что я никогда не выберусь на поверхность, что, наверное, я все-таки умерла, а это какая-то болезненная фантазия. Но в конце концов земля подо мной и вокруг меня подалась, осыпая меня, проникая в рот и глаза, и я выползла в чистоту серого дня. С плачем я упала на землю, но не смогла двигаться вновь, пока солнце не нависло пурпурным диском низко над горизонтом.

Тогда я села и огляделась. От хутора я находилась далеко; мне едва удалось различить скальные стены, деревья и поднимающийся над ними дым кухонь. А вблизи находилось нечто более интересное — лоскут пастбища, где разочарованно щипали желтоватую траву три-четыре тощие костлявые лошади.

В наступающих лавандовых сумерках я потащилась к этому пастбищу и добралась до ограды — как раз в тот мо-

мент, когда туда же подошел молодой парень, чтобы увести животных на хутор. Он бросил на меня единственный взгляд, побелел, а затем повернулся и убежал со всех ног, крича от страха. И неудивительно — ведь я же была трупом, и позади меня зияла разверзтая могила; я шла, серая от грязи и пыли, с руками, покрытыми кровью от сорванных ногтей, со свалявшимися, слипшимися от глины волосами, белыми, как иглы какого-то странного животного: дух, живой мертвец. Лошади тоже от меня шарахнулись, но мне удалось схватить одну за беспорядочную жесткую гриву. Напряжение, потребовавшееся для того, чтобы забраться на нее, лишило меня последних сил. Я навалилась всем телом ей на шею, слегка пнула ее в бок, и она рванула испуганным галопом.

Я не думала, что они станут меня преследовать.

* * *

Тянулась дорога, вымощенная камнем, с плитами, теперь далеко не ровными, местами выступавшими, местами — ушедшими в землю.

Первая часть скачки прошла в каком-то болезненном сне. Теперь же вокруг царила пронизанная лунным светом темнота, черно-белый мир пустынной ночи.

Я находилась далеко от хутора и гадала, почему лошадь устремилась в этом направлении. Позже мне пришлось в голову, что хуторяне, вероятно, время от времени ездили этой дорогой, и лошадь, откликаясь на знакомый пинок, рванула по ней. Менять курс не имело смысла.

Я выпрямилась и посмотрела по сторонам и вперед.

Мерзость запустения.

Плоский ландшафт, попадающиеся иногда скопления скал, невысоких, приземистых и ветшающих. И древняя дорога, такая похожая на Лфорт Кв Джавхор, по которому я путешествовала с Даракком. Впереди пустыня и дорога раскинулись до самого края земли, неустанно и монотонно. Луна прожигала в моих глазах белые дыры.

* * *

Я тогда думала, что не знаю, почему я позволила лошади нести меня по древней Дороге, но, должно быть, я все-таки знала. К рассвету я начала ощущать притяжение. И

рыба, вытащенная на берег в жестокой сети, не может почувствовать себя более беспомощной. И все же я не испытывала ничего похожего на ужас, ощущаемый рыбой. Я радовалась, что меня притягивает, влечет; взволнованная, ликующая, окрыленная. В меня вливалась новая сила, укрепляя и согревая меня. Я выпрямилась и шлепнула лошадь ладонью. Та какое-то время шла неспешной рысью, теперь же она снова побежала вперед очень быстро и уверенно по этой дрянной мостовой.

Небо надо мной постепенно серело, звезды растворялись, словно брошенная в воду соль. На востоке почти у меня за спиной облака раскалывались золотыми трещинами.

Я долго его не видела. Небо светлело позади меня и оставалось индиговым впереди. Но затем солнце пробилось на волю и озарило его, и я отлично увидела, к чему же я спешу. Примерно в двух милях от меня начинался постепенный подъем, и мостовая стала широкой дорогой, идущей по насыпи, возвышавшейся примерно на пятьдесят футов над окружающей бесплодной пустыней. Милей дальше по обеим сторонам ее стояли две огромные колонны, высеченные из темного камня, и дорога там казалась укрепленной и ровной. За ними, примерно в пяти милях от меня, монотонная местность извергла из себя огромную скалу с плоской вершиной и черную, как слепота. А на вершине этой скалы стоял Город.

Он тоже был черным, но сверкающе-черным, из базальта и мрамора. Возносящиеся шпили и многоступенчатые крыши отражали солнце, как зеркала.

Я удерживала лошадь на месте и глядела на него во все глаза, учащенно дыша. Насколько древним был этот Город? Достаточно древним. Он стоял еще в их время; они, Древние, построили его руками своих рабов. Я не испытывала ни отвращения, ни страха, только потребность быть там, среди этой сверкающей темноты.

Лошадь прыгнула, подгоняемая мной, и помчалась к насыпной дороге.

* * *

Я никак не думала, что застигну их в дороге, но я забыла, что множество скованных людей идут медленнее, чем едет одинокий всадник, как бы сильно их ни хлестали.

Ехала я быстро — мостовая под копытами лошади выравнилась между темными колоннами, очень высокими, увенчанными высеченными языками пламени и фениксами с золотой отделкой. Свет стал полным и резко-ярким. Внезапно я увидела впереди в миле от меня ползущую массу — черных всадников и спотыкающихся людей, скованных друг с другом тусклым металлом. Пленные караванщики и приехавший за ними отряд, люди с мечами, пронзившие мне сердце, что для них означало смерть.

Я пнула лошадь, и та снова побежала вперед. Она имела склонность сбавлять темп всякий раз, когда я оставляла ее без внимания. Воздух запел, и силуэты пустыни стремительно понеслись мимо меня. Неприятная процессия впереди становилась все ближе и ближе.

Трое ехавших в арьергарде черных солдат услышали меня первыми. Они быстро обернулись, и солнце вспыхнуло бликом на их серебряных масках-черепках. Один из них пораженно вскрикнул. В замешательстве они повернули лошадей, выхватывая мечи. Но это был лишь привычный жест. Разве они уже не убили меня однажды? Запинающийся ритм движения колонны окончательно поломался. Серые лица пленников поворачивались в мою сторону, люди кричали от отчаяния, удивления и боли. Даже сейчас мелькали бесполезные бичи. Затем двадцать черных всадников поскакали обратно, чтобы преградить мне путь. Один из них, по-видимому, был их новым капитаном, так как толстый браслет из переплетенного черного и золотого металла сверкал теперь на его правой руке.

Натянув поводья, я остановила лошадь и сидела, глядя на них. Они были безликими, однако, я тоже не уступала им в этом. Всего тридцать человек, и я не боялась. Я ощущала только презрение. Мы с ними знали, как мало вреда они могли мне причинить.

Молчание длилось долго. Затем один из них взволнованно выпалил:

— Она же умерла — Мазлек убил ее. Я сам видел, как клинок пронзил ей левую грудь — она пала.

— Да, — тут же настойчиво добавил другой. — Мазлек, а потом мой собственный клинок. Я вонзил его ей в живот. Она плавала в собственной крови. И не двигалась. Все еще лежала там, когда на рассвете мы забрали их из зала. Она была мертва.

— Молчать! — прорычал новый капитан железным голосом, но он боялся так же, как и все остальные. — Вы ошиблись.

— Они не ошиблись, — очень мягко уведомила я его. — Твои воины убили меня, а хуторяне меня похоронили. Но вот я здесь, и я опять цела, и я жива. Эти люди, которых вы держите в цепях, — мои. Куда вы их ведете?

— В цитадель, — ответил капитан, — служить на войне солдатами под началом Джавховора Эзланна, великого Города, что находится перед тобой. Это не твое дело.

Оттого, что они употребляли древний язык и называли древний титул, меня переполнила ярость. Я знала, что они не принадлежат к Старинной Расе, хотя и старались изо всех сил подражать ей.

— Кто этот человек, что дерзает носить титул Верховного Владыки? Вы его слуги?

С гневом пришло и невероятное ощущение Силы. Я почувствовала, как они трепещут перед ней.

— Мы солдаты военачальника Джавховора, — прохрипел капитан. — Ты видишь нашу силу. Поворачивай назад, и мы не причиним тебе зла.

— Зла? — переспросила я. — Вы что, опять меня убьете?

Снова воцарилось молчание. Лишь шипел сухой ветер пустыни.

— Отпустите захваченных вами людей, — потребовала я. — А не то я убью их, одного за другим, у вас на глазах. Они — мои. И достанутся либо мне, либо Смерти, а не вам или вашему господину.

— Если ты — их ведьма, то их судьба, похоже, достаточно мало тебя заботит. Лучше уж надежда остаться в живых на войне, чем смерть здесь и сейчас.

— Они для меня ничего не значат, — заявила я, — но они мои. И достанутся либо мне, либо Смерти, — и это было правдой. Я не ощущала никаких преград, только великий гнев и великую Силу.

Капитан прочистил горло:

— У нее нет никакого оружия. Пусть с ней разделяется пустыня. Поворачивай! — крикнул он.

Воины развернули коней. И ждали, повернувшись спиной ко мне, очень обеспокоенные.

— Вперед! — призвал капитан.

Пыль тучами взвилась из-под кованых копыт, цепей и волочившихся по земле ног.

Из живота у меня поднялся белый жар и наполнил мне мозг. Я почувствовала, что если я не смогу высвободить его, то у меня треснет череп. Из глаз брызнула ослепительная белая боль. Руки сжались в узлы муки и ярости. Я вытянула их над головой, поднялась на стременах, все мое тело ныло и напрягалось, когда я выкрикнула им вслед единственное слово.

На насыпной дороге вспыхнула рваная пелена. Лошади пронзительно заржали и взвились на дыбы. Земля громыкала и содрогалась. Гром и холодный жар затмили мир.

Только моя лошадь стояла подо мной неподвижно, как скала. Боль меня покинула, оставив слабой, дрожащей и бледной. Я с усилием выпрямилась и открыла глаза, мгновенно заслезившиеся. Черные солдаты и их кони пребывали в хаосе, люди вылетели из седел, тела животных шатались и брыкались. Караванчики повалились аккуратными рядами среди своих цепей. Их кожа, казалось, лишилась всякого цвета, и на них самих и на окружающей их земле лежал своеобразный серебряный осадок. Все они были мертвее мертвых.

Меня чуть не вытошнило, я ощущала головокружение, дурноту. И мне потребовалось некоторое время, чтобы заметить, что черные люди пали вдоль насыпной дороги на колени, стискивая свои маски-черепа и открывая надменные сильные лица и серебристо-белые волосы. Ко мне очень медленно приблизился капитан, красивый мужчина с лицом, как и у всех остальных, жестоким и холодным, но теперь раздетым донага, как и у остальных.

— Прости нас, — взмолился он, падая передо мной на колени в пыль. — Мы давно тебя ждали. Так давно, что были неразумными, — а затем он произнес мое имя, имя целительницы, как сперва подумала я, а потом поняла разницу, ибо он повторял сго вновь и вновь, свистящее, шипящее *слово* с «У», смягченным до звука «О» в Старинной речи. — Прости нас, Уастис, Богиня Великая, прости нас, согрешивших, Уастис, Богиня...

2

Сейчас трудно объяснить, что я в то время не испытывала душевных мук или раскаяния из-за того, что совершила. И сейчас нельзя добиться никакого словесного ис-

купления. И все же убийство само принесло кару за себя. Я шаталась в седле, словно мучимая какой-то болезнью, бледная, полуослепшая, полуоглохшая, неудержимо дрожа, с телом, промокшим от ледяного пота. Но с прежним ощущением Силы, а никак не поражения. Это было лишь временное расстройство. По бокам от меня ехали черные солдаты, снова в масках. Мертвых караванщиков оставили тем хищникам, какие могли существовать в этом бесплодном месте.

Свистел ветер.

Мы не поднялись по самому дальнему отрезку насыпной дороги, который вел к горящим черным воротам Эзланна Темного. И направились вместо этого по скальному карнизу, шедшему вокруг основной массы скалы и достаточно широкому, чтобы по нему могло проехать шестеро в ряд. Наконец зияющий арочный вход, тускло-зеленоватый свет факелов в стенах, скат, идущий по наклонной вниз, а затем вверх. Местами нам преграждали путь железные ворота с механизмом, реагирующим на нажимы браслета из переплетенных змей. Все это я увидела, но спросила намного позже. Последние ворота были не из железа, а из воды; нам преградила путь водяная завеса, но они, по-видимому, умели управлять и ею, ибо над головами у нас сомкнулись огромные плиты и перекрыли ее, пока мы не проехали.

Я поняла, что мы теперь в Городе, однако, все еще по-прежнему под землей. Черные, полуосвещенные, высеченные людьми проходы. А затем новый свет, холодный и серый, под открытым небом. Мы выбрали на круглый двор, окруженный черной стеной и черными сверкающими колоннами. Единственная брешь в этой стене — извилистый проспект из белого камня с выстроившимися по обеим сторонам высокими темно-зелеными кедрами; за ними с обеих сторон — голубоватая панорама садов. Мы поехали между кедров, где стояли черные мраморные статуи мужчин и женщин, сплетенных со зверями и птицами: свет скользил и сочился по их застывшим телам. Вот и последний поворот, и впереди дворец военачальника Джавховора. Построенный наподобие одинокой башни высотой в десять этажей, он вытягивался ввысь, сужаясь в соответствии с планировкой и с перспективой. К нему вела лестница, белая с черно-алыми прожилками. На первом пролете высился ряд громадных округлых арок с изо-

бражением зверей, сделанных, казалось, из многоцветного хрусталя. Узор на дверях повторялся и в следующих секциях башни, но уже в длинных окнах. В этом пронизанном радугой стекле вспыхивали и гасли огни — фиолетовые и изумрудные, лиловые, розовые, лавандовые и золотые. На ступени лестницы и на наши тела лились сияющие разноцветные капли.

Все это я тогда увидела в беспорядке. Этот новый ландшафт казался ирреальным. Мои сопровождающие пребывали в растерянности, разрываясь между своим воинским долгом перед командиром и своим новым духовным долгом по отношению ко мне. Капитан и трое воинов препроводили меня в башню. Об этом я мало что помню. Со всех сторон меня окружала великая красота, но мне стоило невероятных усилий удержаться на ногах, и я не могла наслаждаться ее созерцанием. Думаю, я впала в тупой сонтранс и очнулась, только услышав раздраженный насмешливый голос, вонзившийся в их благоговейное и мое сонное молчание, словно нож.

— Так, значит, это богиня, да? Это пугало с поля какого-то хуторянина? Ты что, Сронн, ума лишился?

Ко мне вернулась способность видеть, и мои глаза невольно сосредоточились на говорившем человеке. Из моего мозга в позвоночник стремительно разлился электрический страх. Казалось, я знала его, отлично знала.

— Вазкор, военачальник, Истинное слово гласило о пришествии богини, — осмелился сказать капитан, склонив голову перед человеком, который был его господином, уступающим в старшинстве только Владыке Эзланна.

— Знаю. Уастис. Неужели эта *женщина* — я называю ее женщиной только за неимением достаточно мерзкого определения, которое могло бы подойти к ее внешности, — кажется тебе воплотившимся духом Древних?

— Она убивала, Вазкор, военачальник. Я докладывал.

— Да, ты в самом деле докладывал.

Мой взгляд прояснился, и я разглядела его. Высокая, крупно костная, элегантная фигура, энергично, по-звериному и уверенно носившая его темную мужественность. Его лицо тоже скрывала маска, золотая маска в виде головы волка с красными стеклами в узких глазницах. Серебристые волосы волчьей гривы скудно висели поверх его собственных, доходивших почти до талии, жгучих иссиня-черных волос — шевелюры темнокожего народа. И кожа у

него на кистях тоже казалась оливково-серой бронзой, однако форма их была совершенно иной. На тонких, крепких, как железо, пальцах пылали три черных кольца. Он носил длинную черную бархатную тунику, доходящую до середины лодыжек, но с разрезом на бедрах с боков, напоминающую мне юбки разбойников. Черные штаны из прекрасной переливающейся ткани и сапоги из пурпурной кожи с бессчетными мигающими золотыми пряжками. На шее у него висела цепь — одиннадцать гладких колец выдолбленного зеленого нефрита, соединенных золотыми звеньями.

Сначала волкоголовый стоял совершенно неподвижно. Затем он положил руку на плечо капитана, легко и смертоносно.

— Сронн, тебе известно, как нам необходимо организовать принудительный набор рекрутов для самой последней кампании Джавховора. Может, ты подвел меня и используешь эту жалкую телку в качестве оправдания?

Дурнота от применения Силы быстро таяла.

— Все обстоит именно так, как он тебе говорит, — сказала я.

Золотая волчья голова дернулась в мою сторону. В этом жесте было столько неприкрытого возмущения, что я чуть не посмеялась над ним.

— Помолчи, сука пустыни. Ты здесь никто.

Я узнала его презрение — презрение Высшего к всего лишь человеку. Но уязвимым-то был как раз он. В глаза мне вонзились два копия боли. Нефритовая цепь сорвалась с его шеи, потрескалась и упала мелкими кусками на мраморный пол. Солдаты тут же рухнули на колени. Но он оказался не столь быстрым. Он очень медленно направился ко мне, и голос его был тихим и сухим.

— Ты, видно, не знаешь меня, иначе не пыталась бы пробовать на мне свои колдовские фокусы.

Я не боялась. Я чувствовала, что состязание с ним будет нетрудным, надежно защищенная броней своей новоприобретенной гордыни.

В футе от меня он остановился. Его сильные руки быстро поднялись к волчьей маске. Значит, они тоже верили в силу неприкрытых глаз. А затем маска исчезла, и я увидела его лицо.

— Дарак, — прошептала я.

Ноги у меня тут же подкосились, словно мое тело перевернули пополам. Как это ни нелепо, я, перед которой пали

на колени солдаты, теперь сама невольно опустилась на колени перед этим человеком, которого намеревалась заставить умолкнуть навеки. Но я не могла его тронуть; он, как и я, уже умер и тоже возродился. Я видела, как стража градоначальника выносила его из пиршественного зала, видела его тело, вздернутым на виселицу, раскачивающимся и безжизненным. И все же здесь стоял Дарак, оспаривая веру других в мою божественность, но Дарак чуть старше, нарисованный поэзией, принц, выпившийся из куколки разбойника. Однако теперь, стоя перед ним на коленях, я увидела, что это не совсем Дарак. И на лице у него не отражалось никаких признаков узнавания, замороженности, страха, презрения, любви или ненависти.

И внезапно мое чувство Силы покинуло меня. Я заплакала. Пораженные, ужаснувшиеся солдаты подняли головы. Тот, кого называли Вазкором и который был Дараком, в отвращении отвернулся от меня.

— Неужели ты не способен устроить ничего лучшего, Сронн?

Я нагнулась лицом к коленям, равнодушная ко всему, в бесконечном и глубочайшем горе. Я больше не знала, что должна делать. Моя рука нашла кусок разбитого нефрита, и я прижала его к себе.

Я слышала выкрикнутый приказ и смутно сознвала, как вбежали другие люди и схватили солдат, с которыми приехала я. Потом тишина.

Я почувствовала наконец, что он садится в одно из больших кресел из черного дерева. Я не могла понять, почему он еще не распорядился увести меня; ведь он же не верил в мое бессмертие. Наверное, он припас для меня какое-то более жестокое и более изысканное развлечение.

Наконец он произнес:

— Их придется убить, приведших тебя солдат. Жалко. Нам нужен для войны каждый, кого мы сумеем заполучить. Однако кто же может сказать, что произойдет в стычке с нецивилизованными шлевакинами из-за Алутмиса. Лачуги хуторян, естественно, будут сожжены. Не останется никаких следов твоего приезда. А теперь, Уастис, встань. Этот зал спроектирован, чтобы радовать глаз, а твоя теперешняя поза, на мой взгляд, портит его.

Казалось, у меня не было выбора. Я медленно поднялась и стояла, но не могла посмотреть на него.

— Я напоминаю тебе какого-то человека, не так ли? — спросил он меня. — Ты должна забыть об этом, Уастис Перевоплотившаяся. Мы с тобой не той породы. Нам расти под землей, а потом от сна к жизни. Чтобы властвовать. Таково наследие детей Сгинувших. Подойди сюда.

Снова, казалось, у меня не было выбора. Я подошла к нему. Он извлек из-под полы длинной туники кинжал с прекрасным лезвием. И провел им по тыльной стороне правой руки. Потекла струйка крови, а потом застыла, словно красный самоцвет на мгновенно затянувшейся коже. Еще секунда, и слабый шрам исчез, растворился.

— Совсем не трудно, Уастис, — сказал он мне, — узнать сестру.

* * *

Жизнь, бесконечно кружа, замыкаясь на себя, словно темная птица, беспощадно несла меня обратно к моей сущности.

Казалось бы, мне следовало испытывать радость, отыскав в мире людей этого «брата». Но я не испытывала радости. Я не испытывала вообще никаких чувств, кроме невыносимой печали и растерянности. То, что я вновь нашла Дарака, казалось наименее странным из всего. Я не могла определить, пугало это меня или радовало. Каждый раз, когда я вспоминала, как он, Вазкор, военачальник Эзланна, Темного Города, стянул с лица золотую волчью маску, я могла только плакать, как не плакала при смерти Дарака.

Я была больна, когда приехала в Эзланн, и полубезумна. Сопровождавшие меня слишком благоговели передо мной, чтобы заметить это. Но он увидел и отослал меня в покои, которые в то время для меня ничего не значили, всего лишь черное спокойное место, где можно поплакать. Наверное, дней десять. Помню, появлялась женщина, похожая на черную моль. Она носила черную одежду и черную шелковую маску, не похожую на шайрин. У рта не было никакого отверстия. Помнится, я никак не могла взять в толк, как же она ест, а поскольку она была человеком, я думала, что она умрет с голоду. Это стало помешательством. Мне снилось ее истощенное тело, руки, хватающие еду, с плачем подносящие ее к закрытому рту, слабо и без надежды. Позже я узнала обычаи Великих Городов юга.

Началась сумеречная эра. Я вставала и гуляла по нескольким овальным комнатам. Я не знала наверняка, сколько именно там комнат, иногда три, иногда — семь. А иногда они казались бесконечными и бесчисленными. Я мылась каждый день по многу раз в бассейне из черного мрамора, похожем на сонную гробницу, и это доставляло мне странное удовольствие. Я часто выглядывала из двух длинных окон, которыми была снабжена каждая комната. И не могла понять, что вижу, — бледное свечение, мягкие белые туманы, тусклые позолоченные колонны, очень тонкие и высокие, из зеленой листвы в комнаты лился постоянный и неизменный голубовато-зеленый свет. Никаких закатов и рассветов. Не было вообще никакого времени.

Лишь очень и очень нескоро я начала видеть свои апартаменты такими, какими они были.

Всего четыре комнаты, все овальные, и каждая схожа с предыдущей и последующей. Их выстроили цепочкой вокруг внутреннего пространства, куда и выходили высокие окна, и можно было выходить из первой комнаты во вторую, из второй — в третью, из третьей — в четвертую, а из четвертой — обратно в первую. Каждую комнату украшали занавеси и поделки из дорогостоящих черных материалов. Предметы из гладкого черного оникса как будто ждали, чтобы их погладили, — резные звери и лебеди. Черная и темно-серебряная мозаика на полу, черные газовые драпировки. На столах из черного дерева неожиданно белое свечение огромных алебастровых светильников, которые женщина каждый вечер зажигала от золотых волшебных фитилей. А за окнами у меня — окаменевший сад из резного зеленого нефрита, светящийся и затуманивающийся из таинственных источников. Как эти комнаты вентилировались, не знаю. Никакого доступа к открытому воздуху не было, кроме единственной двери, через которую входила женщина. Я изучила дверь и обнаружила, что она заперта. По ее поверхности шли две маленькие бороздки; я коснулась их, но не добилась никакого эффекта. Я была заперта, словно редкое насекомое, в прекрасной тюрьме и оставлена там для наблюдения, а впоследствии, наверное, и бесстрастного препарирования по воле моего хранителя.

Во мне росло новое помешательство — что есть какие-то скрытые средства для слежки за мной. Я спросила у

женщины, но она не отвечала. В досаде и гневe я ударила ее по лицу. Могла бы с таким же успехом ударить куклу.

Спустя день после этого — я говорю день, подразумевая одну из тех неизвестных единиц времени, что следовали за сном, — она принесла мне нижнее белье, длинное платье из черного шелка с талией в обтяжку и рукавами, поясok из золотых звеньев, сплошь в виде трилистников, и золотую маску с мордой кошки. Она положила их на постель и сразу же покинула меня.

Когда она ушла, я изучила эти вещи и больше всего маску. Она была прекрасной. Оправу больших глазниц составляли полупрозрачные зеленые камни, и никакие стекла не прятали за ними человеческие глаза. На заостренных ушках висели покачивающиеся серьги из золотых капель и дисков, с кусочком изумруда, горящим в центре. С макушки маски свисали длинные хвостики жестких золотых нитей, заплетенных наподобие волос.

В апартаментах не было зеркал, что порадовало меня, меня, которая не смела посмотреться даже в гладь озера. Теперь, почти загипнотизированная этими странными одеждами, я тосковала по возможности увидеть себя одетой подобным образом. И все же я не оделась. Я стояла нагая, какой была с тех пор, как очнулась здесь, боясь обуравующей меня одержимости.

Подойдя к двери, я в тысячный раз попыталась открыть ее. Она не поддавалась.

И пошла в бассейн.

Я долго лежала в надушенной воде, потом, наконец, поднялась и обнаружила, что женщина вернулась. Она вытерла меня, а потом подала черное шелковое платье. Мне казалось вполне естественным, что следует надеть его, а также и золотой пояс. Потом она протянула мне маску. Я взяла ее, и женщина сразу же закрыла ладонями глаза и отвернулась.

Я сорвала с лица ненавистный шайрин и надела маску кошки.

Невероятно! Она была такой тонкой и изящной ковки, что покоилась у меня на лице легче, чем тень. Золотые косички упали мне на волосы. В меня влилась новая Сила. Я сразу почувствовала себя так же, как на насыпной дороге, когда осведомилась у воинов Вазкора: «Вы что, опять меня убьете?»

Я схватила женщину за плечо с такой силой, что та вскрикнула от боли.

— Проведи меня через дверь.

Она каким-то образом вывернулась и убежала от меня, но я настигла ее у двери, когда она открыла ее сильным прикосновением мизинцев к двум замеченным мной ранее бороздкам. Дверь распахнулась. Я схватила ее за руку и прошла через боковой проем, волоча ее за собой как пленницу.

3

За дверью — темный коридор, переливающийся, словно стекло, освещенный настенными шарами-светильниками.

Я подталкивала ее, держа за край рукава. В конце коридора — единственная арка, закрытая занавесом ювелирной работы. Мы прошли через нее в еще одну черную комнату, на этот раз очень и очень большую, гулкую и вызывающую своими размерами странный холодок. К потолку устремлялись огромные базальтовые колонны. Тут было предельно темно, только одна крошечная пылающая точка скрывалась где-то впереди среди колонн.

Внезапно меня схватили за руку и оторвали от женщины. Тень скользнула ко мне и повернула меня к себе, покуда женщина стремительно улетала от меня, быстрая, как моль, на которую она походила.

— Итак, ты теперь готова, — констатировал Вазкор.

Его голос, голос Дарака, стал для меня чужим за то время, что я не общалась с ним. Я не видела его лица, однако чувствовала на своей руке давление его пальцев.

— Идем со мной, — предложил он.

Я не могла вынести прикосновения его знакомой-незнакомой руки. И высвободила свою.

— Где находится это место? И что это такое?

— Идем со мной и увидишь.

Он пошел прочь, ожидая, что я последую за ним, но это было трудно сделать во тьме. До встречи с ним я чувствовала себя довольно уверенно. Теперь я не была столь уверена. Во мне пробудился неистовый страх, что его сущность поглотит мою; я знала этот ужас, я уже испытала с Дараком, но не столь сильно осознанный.

Мы стояли в проходе, полого поднимающемся вверх. Тусклый свет просачивался на наши маски волка и кошки

с конца прохода. Там стояла высокая занавешенная фигура — золотая статуя, слабо сверкающая из-под покрова. Перед ней плита алтаря, на котором высилась большая базальтовая чаша, а в чаше — мерцающий, постоянно меняющийся свет.

Свет, так хорошо мне знакомый.

Здесь был Карраказ. Так близко. Однако я не слышала голоса и не испытывала никаких чувств.

— Значит, здесь, — прошептала я.

— Древний алтарь, — закончил он. — Благодаря мне пламя у них продолжает гореть, как горит оно во всех великих храмах Городов.

Он приблизился к алтарю. Я последовала за ним. И уставилась на скручивающееся фосфоресцирующее пламя. Неужели он не ощущал Зла рядом с собой?

— Посмотри, — сказал он.

Я оторвала глаза от пламени, посмотрела на статую и увидела металлическую женщину в черном платье и в золотой маске кошки.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он. Мне подумалось, что я услышала в его голосе легкое презрительное удовольствие. — Я должен обучить тебя и объяснить тебе все насчет тебя самой, богиня.

* * *

И он посвятил меня — в их обычаи, верования, темные мечтания и свои собственные амбиции, которые должны были стать и моими. Он объяснил мне, что использует меня в качестве орудия своей власти — как топор для очистки дороги. Однако он заметил также, что страшился меня и моего неожиданного появления, сам того не желая; страшился, что я в конечном итоге буду больше, чем он. И еще научил меня бояться его.

Город Эзланн был древним, как и все Города за Водой, — они называли ее Алутмисом в честь алутмина, голубого камня, добываемого за тысячи лет до их рождения. Добыча камня, строительство Городов велись во времена Великих. А теперь люди, которые не признались бы в своей принадлежности к роду человеческому, жили тут, словно вторгшиеся в заброшенные дома крысы. Я не знала, как они завладели этими жилищами, и ни в каких анналах этого не сообщалось — только их легенда. Легенда гласи-

ла, что они носили в себе семя Великих — смешанная порода: полубог-получеловек. Они отстроили города точно такими, какими те были в прежние времена. Они научились пользоваться механизмами Городов (хотя так толком и не поняв принцип их действия, догадалась я). И ныне они говорили на искаженной Старинной речи, театрально воспроизводили придворный этикет вымерших, опасно баловались ментальными упражнениями и искусством магии, которыми в совершенстве владели Сгинувшие, и прилагали до смешного огромные усилия для того, чтобы скрыть друг от друга свою человеческую природу.

Древние часто носили маски, поэтому теперь маски носили все; однако прижилась иерархия, низменная по происхождению, ибо в Городах Сгинувших все были равны в своем великолепии. Здесь же нижестоящие носили маски из шелка или атласа, чиновники и военные носили маски из кованой бронзы. Более высокопоставленным доставались серебряные маски, и наконец шли золотые маски элиты — командиров, князей и принцесс. В этих масках были глазницы, обычно скрытые цветным стеклом, отверстия в ноздрях, но не было отверстий для рта. Все знали, что у Великих было немного телесных потребностей, и еда теперь превратилась в тайный процесс, никогда не производившийся и не упоминающийся прилюдно. Ведь нужда в пище предполагала позорный ряд последующего мочеиспускания и испражнения. А Сгинувшие обходились без подобных ритуалов для поддержания жизни. Однако доведенное Сгинувшими до совершенства искусство секса усердно культивировалось. Силой обладали немногие; обыкновенные люди, они вынуждены были всю жизнь трудиться, чтобы хотя бы подступиться к истокам понимания. Их маги были старыми, иссохшими и по большей части дураками. Вазкор, обладавший Силой, как ему полагалось по праву происхождения, скрывал ее, дабы не вызывать зависти. Он не желал объяснять мне, как он оказался среди них, но зная странные и все же неизбежные пути, которыми пришлось идти мне самой для достижения превосходства в человеческом обществе, я испытывала не удивление перед тем, что он делал, а только любопытство.

За пределами городов юга прозябали хутора и деревни темнокожего народа. Положение этих людей осталось та-

ким же, каким было раньше. Рабы, люди-рабочие, которым дозволялось жить своей отвратительной, безнадежной жизнью по милости военщины Городов. Они обрабатывали скудную землю и отсылали на городские склады подать в семь восьмых своего урожая; их без всякого предупреждения отправляли в солдаты или строители. По законам, введенным их хозяевами, им не разрешалось иметь никаких украшений, даже цветного лоскутка в одежде, за исключением вождей, которые должны были носить в знак своего звания ожерелье из камней. Равным образом им не дозволялось устраивать религиозные или светские церемонии, кроме тех, что связаны со смертью. Эти последние разрешили, вероятно, потому, что запрет вызвал бы страшное негодование, ибо разгневанные духи представлялись им значительно более грозной силой, чем солдаты. Казалось странным, что народ согласился терпеть такое порабощение — вечное, без всякого вознаграждения или послаблений. Однако городская легенда утверждала, что темнокожие были детьми древней расы рабов, тех, кто страдал еще под ярмом Сгинувших. Они рождены для страдания, утверждали Города, и, наверное, заставили их поверить в это.

Книги Городов поведали мне также о войне. Раньше я знала мало, и все же слухи о ней доходили до противоположной стороны Гор. «Караван» Дарака отправился в Анкурум, потому что Города через посредников покупали там военное снаряжение, равно как и в других городках вдоль Кольца — и теперь я поняла, почему. Дело не только в том, что немногие соглашались опозорить себя кузнечным ремеслом, но и в том, что ныне эта мертвая земля мало что могла дать. Интенсивная обработка истощила запасы ее недр. Древняя раса безжалостно требовала от нее полной отдачи, и земля отдала практически все.

Прочла я о войне немало, но поняла далеко не все. Существовало, по-видимому, три коалиции, три группы Городов. Эзланн и еще пять здешних городов входили в коалицию, называемую Белой пустыней; шесть других, расположенных дальше к югу — в коалицию Пурпурной долины, а еще десять городов — далеких, таинственных — в коалицию Края моря. Каждая группа теоретически находилась в состоянии войны с другими двумя; Эзланн и его союзники — с Пурпурной долиной и Краем моря, Край моря и Пурпурная долина — друг с другом и так далее.

Внешне война велась с целью захвата дополнительных территорий, и все же... Она казалась игрой, игрой, похожей на ту, которой меня научил Вазкор. Та игра представляла собой сложное и изощренно-злое противоборство волей, которое проводилось на доске в красно-черную клетку фигурами из слоновой кости и прозрачного кварца. Называлась она «Замки», и играть в нее можно было только вооружившись хладнокровной ненавистью. Битвы в войне Городов случались редко и устраивались на ничейной земле, на территории, которую они называли Театром военных действий. Сражения велись и впрямь как в театре — соблюдение военного этикета было более важным, чем победа. Кроме того, уже пять с лишним лет вообще не бывало никаких сражений. Я и не понимала этого и все же, кажется, понимала. Воевали ли между собой представители Древней расы по-настоящему или притворно, чтобы сдобрить перцем скуку на вершине достигнутого ими полного могущества? При этой мысли во мне не шевельнулось никаких воспоминаний. Фактически все мои воспоминания, проснувшиеся под горой вместе со мной, таяли с каждым днем. Я теперь едва могла вспомнить огненные залы, статуи, озеро с лебедями и бесконечные мраморные лестницы, помнила только, что я вспомнила их...

Узнала я все с большими подробностями, ибо, подобно всем неуверенным в себе людям, горожане очень скрупулезно записывали каждый нюанс и мелкое правило их бытия.

Я поняла, какое презрение испытывал к ним Вазкор. Когда он говорил о них, на лице его возникало особенное выражение — сдерживаемое и все же едкое отвращение, омерзение, ничуть не менее жгучее от того, что он никак по-настоящему не выражал его.

И последняя легенда — вера, которая поддерживала их и все же одновременно, должно быть, служила также источником постоянного страха — что некоторые Сгинувшие лежат где-то, спящие и все же живые, и в один прекрасный день проснутся. Они называли это «перевоплощением», хотя на самом деле оно не было таковым, так как они должны были вернуться в собственные тела. Тем не менее, пробудятся они новыми, собственные тела будут для них чуждыми — особого рода перевоплощение. Именно для этих богов и поддерживали огонь в каменных чашах, пламя Зла, бывшее для Городов лишь

сигнальным костром. У каждого Города имелось собственное божество. Здесь, в Эзланне, оно носило имя Уастис.

Закончив, наконец, читать изукрашенные книги, я молча сидела у большого окна башенного дворца. Я ничего не видела сквозь радужный хрусталь с мерцающим на его цветах пламенем светильника; лунный свет снаружи превращал оконные стекла в тюрьму.

Три дня я почти ничего не делала, кроме как читала и впитывала ощущения этого места. Даже мой отдых — прогулки по необыкновенным садам, игра в «Замки» — был частью моего обучения. И вот внезапно и в первый раз я осознала, что эти невероятные вещи реальны и истинны. Даже ожидаемая богиня, и та явилась.

Вазкор стоял по другую сторону длинной комнаты, темный и неподвижный на фоне пустого овала очага, где все еще подергивало языками слабое бледное пламя.

— Итак, ты теперь немного понимаешь, — сказал он мне.

— Немного. Но чего хочешь *ты*, Вазкор?

Он пожал плечами.

— Нельзя ограничивать мыслящий мозг, богиня. Откуда я знаю? Мне известно лишь то, чего я хочу в настоящее время, и ты поможешь мне добиться этого. Когда у меня будет то, чего я хочу сейчас, я захочу другие вещи, о которых в данную минуту не имею ни малейшего представления.

— В данную минуту твоя цель — место Джавховора Эзланна?

— Эзланна, а потом и его собратьев на юге.

— И тогда война Джавховора будет твоей. Как же вписывается в твои планы эта война?

— Когда я заполучу Эзланн и его пять союзников, я начну боевые действия против Пурпурной долины и Края моря. Ты уже, несомненно, поняла, что наш милитаризм ничего не значит в смысле завоевания. Когда я, наконец, полностью выйду на сцену Театра, там многое изменится.

— А я, — заключила я, — символ твоего права на власть.

Челюсть его слегка передернуло. Эта прямая ссылка на мою собственную Силу вызвала у него беспокойство.

— Это к твоей же выгоде, — сказал он.

— Да.

Я поднялась и подошла к очагу. Но не остановилась поблизости от него. Я боялась близости и возникшего у

меня ощущения интимности и тоски, потому что он был Дараком, не мертвым.

— Наверняка ведь, — заметила я, — когда ты заполучишь все, что хочешь в *данную* минуту, я стану для тебя помехой. Я ведь помню твоих солдат, умерших только потому, что видели Уастис и не должны были проболтаться.

— Я знаю, что тебя нельзя убить, — он взглянул на меня своими узкими глазами, очень холодными и пустыми.

— Смерть заживо может быть не менее действенной. Какая-нибудь подземная камера без доступа воздуха, где я всегда буду настолько близка к смерти, насколько это вообще возможно.

Он улыбнулся.

— Ты забываешь, богиня. Мы с тобой брат и сестра. Ты и я. Когда все это закончится, у нас будет еще один долг перед нашими предками, кроме долга Власти. Как еще может вернуться и распространиться Сила, иначе чем через новую жизнь? Мы будем вместе делать детей, и наша раса возродится.

Я уставилась на него во все глаза. Он казался лишенным эмоций и все же очень уверенным. Если б какой-то человек заговорил так со мной прежде, в момент торжества моей собственной гордыни, я могла бы свободно убить его, но я не смела выступить со своей едва оперившейся Силой против зрелых возможностей Вазкора.

— Я — это я, — заявила я ему, — СО ЭНОРР СО. Может, я и женщина, но отнюдь не вместилище твоей гордости.

Он снова улыбнулся, не очень широко. Моя индивидуальность была ему безразлична. Ей не было места в его взгляде на вещи. Мной внезапно овладел страх, знакомый ужас попасть снова в оковы чужой воли, лишиться всякой личности, кроме той, какую навязывала она, существовать только для нее, умереть вместе с нею, как, я считала, должно было произойти со мной при кончине Дарака, не вполне осознавая это.

Я повернулась и вышла из комнаты, и он не пытался остановить меня.

* * *

Мне было нелегко найти черный холодный зал статуи. Он повторял в миниатюре Великий храм города Эланна.

Я узнала, что у всех высокопоставленных чиновников и князей имелись собственные копии.

Войдя, я замялась, не совсем отчетливо понимая, зачем пришла. Пошла в темноту и вскоре очень хорошо разглядела колонны, витиеватые металлоконструкции, зачехленную великаншу из золота.

Перед ней на алтаре в каменной чаше колыхалось пламя.

Идя вперед, я ожидала ощущения страха, но страх не приходил. Неужели за долгие годы бездействия сила Карраказа иссякла в пламени? Едва я подумала об этом, как в затылочной части моего мозга возникло слабое движение, слабый шепот:

— Я здесь.

И все же я не испытала ужаса. Я приблизилась к каменной чаше и заглянула в нее на свет. Да, я чувствовала Карраказа, но Карраказа совершенно изменившегося, я чувствовала не страшную Силу, исходящую от чаши, а только трепет присутствия. Похоже, я стала более сильной. Это существо никак не могло тягаться со мной.

— Карраказ, — произнесла я вслух.

Пламя съежилось и скрутилось.

Я вдруг стала счастлива и перестала бояться. Я была непобедима. Если меня не могло привести в трепет это чудище, то чем же был он, Вазкор, Брат-Который-Страшился-Меня? Мои руки невольно поднялись к кошачьей маске, но остановились. Я еще не разбила проклятия; мое лицо по-прежнему оставалось безобразным, и пока я не найду Нефрит... И вдруг я поняла, что моя новая сила была столь же мощна, как Нефрит, что я не нуждаюсь в Нефрите, что я могу нанести поражение всему, что меня беспокоит, одной лишь своей волей. Я *знала*. Ликование! В первый раз ощущение бытия, а не существования!

* * *

Странно, но когда мы считаем, будто все понимаем, мы не понимаем ничего. Странно, когда мы считаем, будто ничего не понимаем, мы начинаем наконец понимать.

Он явился ко мне утром, после моей единственной в день трапезы, которая состояла не из пищи, а из напитка,

по вкусу очень похожего на вино. Оно содержало все питательные вещества, какие требовались моему телу, и было первым вполне перевариваемым продуктом из всего, что мне доводилось потреблять. Никаких мучительных болей в животе, которые до сих пор следовали за каждой легкой закуской.

Вазкор посмотрел на меня сквозь красное стекло глаз волчьей маски и сказал:

— Завтра Праздник Золотого Глаза. Весь Город заполнит Храм Уастис. Вот в этот-то день и проснется их богиня. Надеюсь, ты понимаешь.

— Ты лично позаботишься о том, чтобы я поняла, — сказала я.

Он подошел к столу из черного дерева, взял тонкий серебряный кубок за полированную ножку и повертел его.

— Я еще не видел твоего лица, — сказал он.

— Да, — согласилась я, — и тебе нет надобности его видеть.

— Есть, — сказал он.

Он снял волчью маску, положил ее на стол и стоял, глядя на меня, ожидая.

Я вспомнила Дарака, который дважды стягивал с меня шайрин и оставлял меня опаленной и нагой. Однако теперь я не испытывала страха. Да, пусть увидит, что сделал со мной Карраказ, и убьется этого. Я сняла с себя маску и свободно держала ее в руке. Глядя на него не отводя глаз, я не расстроилась, а порадовалась, когда глаза у него расширились, а лицо побелело.

— Теперь ты видел, — сказала я. — Запомни его.

Он отвернулся, я тихо рассмеялась и снова прикрылась, смеясь.

* * *

Я пробыла в Эзланне семнадцать дней, а видела только сады да башенный дворец, и больше ничего. Окна, каждое само по себе, были зрелищем, самоцветом, произведением искусства; какая же тогда ему нужна показывать что-либо, помимо собственной красоты? И вот теперь мне предстояло увидеть Город, войти в него и, наконец, овладеть им.

Праздник Золотого Глаза выпадал каждый год на одно и то же время — на длинный месяц, называемый ими Бе-

лая Госпожа, потому что скоро выпадет снег и покроет бесплодные пустыни новым и чистым саваном. Праздник будет длиться три дня, дни развлечений, музыки, наслаждений, поклонения Сгинувшим и их представительнице Уастис.

В этот день в Эзланне произошло множество событий — так он сказал. Но теперь, когда солнце заходило, все двинулись к Великому храму, и мы должны идти вместе с ними. Вазкор объяснил мне все, что требовалось сделать, и я не ощущала никакого опасения, а только легкое веселье и слабость, которые, чего я еще не поняла, были ложными. Военачальник, каковым являлся он, поедет, сопровождаемый десятком собственных солдат в авангарде, пятью по бокам и двадцатью девами позади и замыкающей кавалькадой из тридцати капитанов. В портике храма он будет ждать прибытия Джавховора и его личной охраны. Солдаты останутся с ним, а девы удалятся в здание. Я, следуя за девами, ускользну от них в коридор, о котором он мне рассказал, и там меня встретит жрец, преданный Вазкору. Все очень просто, мне не помешают.

Одевшись, как другие девы, в черные одежды, оставлявшие голыми груди и руки, и закрыв лицо, подобно им, серебряной маской в виде цветка — овал в центре и жесткие лепестки, обрамляющие лицо, и густой парик висящих за маской серебряных волос, — я последовала за Вазкором среди звуков позвякивающей сбруи, марширующих ног, ритмичного песнопения женщин по темным коридорам, в Город.

У каждого Города был свой цвет, а так как Эзланн построен целиком из черного камня, жители взяли обычай использовать черную мебель и носить черную одежду. Мир, называемый Эзланном, казался странным и очень красивым. Солнце почти зашло, и небо залили темно-серые и светло-розовые сумерки, на фоне которых поднимались устремленные ввысь силуэты Города, четкие и острые, как шипы. Впереди горбился, словно спина спящего зверя, высокий холм, а на холме — храм, ряды округлых террас, установленных одна над другой и уменьшающихся по мере подъема до тех пор, пока они не достигали высшей точки в виде открытого купола, где сверкал, словно холодный зеленый глаз, сигнальный огонь.

К храму тянулись бесконечные отдельные процессии, сплошь черные, усеянные мягкими звездами светильни-

ков, тонких восковых свечей и факелов. По всем верхним улицам Эзланна темные медлительные толпы, подобно черной искрящейся светильниками воде, текущей в гору, изгибались и рассасывались тонкими струйками к своему источнику.

Пока мы шли, небо пронзили звезды. Я пела вместе с окружающими меня девами песнопение Уастис, которой «храбрые и прекрасные приходят воздать дань».

Мы достигли храмового холма, и выстроившиеся вдоль улицы толпы поредели и исчезли. Мраморные плиты, а затем громадное здание: когда мы приблизились к нему, портик над его сорока пологими ступеньками походил на здоровенную разинутую пасть какого-то чудовища.

Девы повернули в сторону. Арочный вход поменьше, тусклый свет, шорох одежд. Слева открылся коридор с нарисованными на стенах лотосами и лозами. Я быстро свернула в него. Мимо меня прошли женщины, не замечая меня, одурманенные растительным вином юга, своим песнопением и верой.

Чем дальше я углублялась в коридор, тем темнее там становилось, и вдруг передо мной забрезжил слабый свет. Я подошла поближе, и свет превратился в светильник, который твердо держала полная рука в черной перчатке. Жрец носил черные одежды священнослужителя со стежками из серебра. Каким-то образом по размеру и конфигурации его серебряной маски я сумела определить, что лицо у него толстое, хотя и небольшое для его тела, с узким лбом — голова отнюдь не умного человека.

Он поклонился.

— Богиня.

Гладкий маслянистый голос. Верил ли он в то, что говорил? Я чувствовала, что нет, однако, он убедил себя, что верил, — любопытный парадокс, думать над которым у меня не было времени.

— Отведи меня туда, — велела я.

Он тут же повернулся и двинулся вперед по лабиринту темных коридоров под храмом Уастис.

* * *

Статуя в храме — больше, чем гигант, она колосс. Голова ее касается потолочных балок, ногти ее мизинцев размером с человеческий череп. По праздникам ее открыва-

ют, и она предстает во всей своей красоте, освещенная свисающими с потолка на цепях горящими светильниками, которые обливают светом только ее, а не места внизу. До губ она — обнаженное золото, ее лоно, бедра и ноги покрыты золотой тканью юбки, удерживаемой широким золотым поясом, унизанным зелеными камнями нефрита. На шее — золотое ожерелье с гроздьями из нефрита, опускающимися на грудь. Каждый из этих нефритов больше женского тела. Волосы статуи сделаны из сплетенной золотой проволоки и серебряной шерсти, а голова — кошачья.

В маленькой тускло освещенной комнате две жрицы с лицами — серебряными цветками душистым желтым кремом покрыли мне шею, плечи, руки и грудь, живот и спину, ступни и кисти. Крем высох и затвердел на моем теле, как новая кожа из полированного золота. Бедра мне они завернули в доходящую до голеней жесткую золотую юбку. На талии застегнули золотой пояс, а на шее — золотое ожерелье, и нефриты холодно позванивали у меня на груди. Они отвернулись, когда я сняла серебряную маску и надела кошачью мордочку, присланную Вазкором. Я гадала, кто изготовил эту маску и не пришлось ли и им тоже умереть как слишком много знавшим. Жрицы расчесали мои длинные волосы и ничего к ним не добавили. Белое родственно серебряному.

А затем они, сами убравшие меня, упали ниц и застонали в явном страхе перед моей божественностью.

Вернулся жрец и провел меня по еще одному коридору к маленькой черной каменной двери. Тайный замок привело в движение одно его прикосновение. Дверь со скрежетом открылась. Я нагнулась, проходя под низкой перемычкой. Дверь закрылась.

Ступенька. Много, много ступенек. Мои босые ноги вызвали слабое шуршащее эхо. Помост и еще одна дверь. За ней — узкий выступ и обрыв в сотни футов высотой до пола храма.

Кто, подняв взгляд, увидел бы крошечное пятнышко на животе богини, как раз над узлом ее юбки? Крошечный овальный шрам у нее на теле был дверью.

Снаружи звук глухого рева и дыхание поклонения. Мне требовалось лишь дождаться единственного призыва, призыва верховного жреца:

— Явись!

Этот призыв раздавался на каждом празднике, он стал всего лишь частью церемонии, но сегодня на ту мольбу ответят. Внезапно кожа у меня заледенела, колени затряслись. Я представила себе, как шагаю с узкого уступа, теряя сознание, падая и вновь приходя в чувство как раз вовремя, чтобы испытать удар о каменные плиты. В животе статуи царила крошечная темнота. Дрожа, я прижалась к металлической стене, боясь в любую секунду услышать призыв. Страшиться незачем. Я не выйду. Да, а потом Вазкор меня накажет — какой-нибудь медленной смертью — постоянной мукой, бесконечной пыткой. И все же я была сильнее его. Карраказ трусливо удрал от меня. Я немного выпрямилась, но мне очень хотелось, чтобы он явился сюда, распахнул дверь и унес меня на руках обратно вниз по лестнице. Быть в безопасности и быть его женщиной — женщиной моего любимого, которого я никак не могла не любить, потому что любила его еще до нашей встречи. Ослабев от этой тоски и от сопровождающего ее гнева на себя, я прислонилась к двери. И раздался призыв.

— Явись!

Он звенел и гудел даже здесь, могучий голос в безмолвии верующих за дверью.

Инстинктивно, потому что так было задумано, не размышляя, я нажала на металл — сперва налево, затем направо — и древняя пружина откликнулась. Дверь медленно поднялась, и передо мной, зияя, открылся храм, черный, сверкающий миллионом маленьких огней, похожих на глаза алчущих животных.

Я вышла на уступ, не столь уж узкий, каким он казался среди окружающего богиню пылания светильников. Один огромный порывистый вздох потрясения поднялся, словно морская волна. Я не видела их лиц, только знала, что все лица подняты. Дверь за мной снова опустилась; назад пути не было. И все же сейчас все казалось мне нереальным.

Через некоторое время до меня донесся голос главного жреца. Я его не разглядела, однако голос дрожал, и он явно не совсем владел им.

— Кто это, что дерзает отвечать на нашу молитву, на которую может ответить только богиня?

— Я и есть богиня, — отозвалась я. Ясные слова упали в толпу, словно стеклянные бусы в бассейн. — Я Уастис Перевоплотившаяся. Я Истинногрядущая, Восставшая, Та, кого вы ждали.

Внизу храм, казалось, закачался, словно большой корабль в море. Мой взгляд притягивала к себе маленькая белая крапинка, пламя в чаше алтаря. Онемелой правой подошвой я искала в уступе бороздки и наконец нашла их. Пальцы моей ноги, слегка надавив, напрягли сухожилия стопы. Раздалось слабое хриплое гудение древних механизмов, заржавевших от долгого неприменения или применения не по назначению. Уступ лишь чуть дернулся. И начал двигаться, медленно опускаясь к полу.

Крики и восклицания, несколько женщин визжали. Наверное, жрецы знали об этом устройстве, но отнюдь не народ Города. А может, даже жрецы не знали, только Вазкор и его присные. Ощущение походило на левитацию, настолько плавно шел теперь спуск. Большие светильники позади меня померкли. Меня поглотила чернота храма.

Ослепнув, я вглядывалась в собравшихся сквозь глазницы маски. Мне не удавалось разглядеть ни одного лица, только огоньки тонких восковых свечей и темноту. Несмотря на присутствие огромной толпы, я чувствовала себя совершенно одинокой.

А затем ко мне подошел человек. Постепенно стали различимы его черные одежды, золотая маска льва с золотой гривой — главный жрец. В нескольких футах от себя я остановила его.

— Больше ни шагу, — приказала я.

Он казался высоким, уверенным. Жрец заговорил, и я услышала его разгневанный голос.

— Мы должны знать, истинная ли святость перед нами.

— Неужели богиня должна доказывать свою божественность?

Он выпрямился во весь рост и сложил руки на груди — жест наглого вызова.

Я посмотрела на него и узнала его — смертник. И почувствовала жгучее презрение, захлестнувшее мне глаза, точно слезы. Я направила на него палец, и мое презрение пронзило его позолоченным концом тонкого белого луча, который попал ему в грудь, и все его тело на секунду вспыхнуло, озарив храм. Он без звука упал навзничь. Пламя в его чаше, бывшее для меня Карраказом, подпрыгнуло и съежилось.

Храм застонал и забормотал. Я услышала, как они опустились на колени, пресмыкаясь, скребя по полу тяжелыми одеждами и звеня по камню драгоценностями.

Теперь я видела лучше. Различила ряд из тридцати жрецов, распростершихся передо мной на лестнице, шепча молитвы, народ, князей и их женщин, согнувшихся, словно они блевали. На возвышенных местах, на золотых креслах я увидела Высших под пурпурным балдахином Джавховора, всех до одного в позах испуганной покорности.

Неподалеку от конца огромного зала высилось одно лицо в маске, один из присутствующих стоял прямо. Да, но и он тоже покорится, ибо не посмеет показать, что не испытывает ни малейшего страха перед богиней. И вот он опустился на колени, голова его наклонилась. Вазкор воздал мне свою пустую дань.

5

Новая тюрьма. Храм, как и все другие места, оказался западней. Прошло тридцать дней, и я мало помню их; они могли быть одним долгим днем, настолько каждый из них походил на остальные.

Каждое утро я вставала рано, и являлись женщины омыть и одеть меня. Они не всегда золотили мне кожу, только каждый четвертый день, когда я должна была стоять в храме. Я носила платье из плиссированного черного льна, с рукавами и талией в обтяжку, с множеством сложных складок на юбке. Большие золотые ожерелья, золотые браслеты, пояса, кольца на пальцах рук и ног оковывали мое тело, словно доспехи или цепи. Только золотая кошачья маска по-прежнему доставляла мне удовольствие, так как казалась мне моим лицом больше, чем мое собственное.

В своей базальтовой клетке я усаживалась в кресло с высокой спинкой; ко мне являлись мужчины и женщины и падали ниц. Одежда на них была очень богатая, их драгоценности стучали о мрамор. Доступ к богине получали только золотые и серебряные. Здесь я снова была в деревенском храме или среди разбойничьих шатров. Они молили меня о выздоровлении, о любви, о власти, как светской, так и духовной. Недомогания я снимала прикосновением, но духовной власти над сородичами я им не давала. Это право принадлежало мне, а не им. В ответ на мольбы о почете и постах я отсылала их к Джавховору. В те дни, когда я стояла в храме, туда приходили и

склонялись передо мной тысячи. Женщины визжали и плакали. И все же я была бессильна, я ждала в тени чело- века, про которого они забыли. В те дни я действовала по- добно бездумной машине и стала очень похожей на ма- шину. Казалось, я почти не думала, не чувствовала.

Толстый жрец Опарр, который привел меня к статуе, был моим старшим служителем, и, как я полагала, шпио- ном Вазкора. Он впускал ко мне визитеров и стоял позади моего кресла, пока те пресмыкались. Он теперь стал моим главным жрецом, заменив убитого мной священнослужи- теля, но оставался присным Вазкора. Вазкор поднял Опарра из безвестности и ничтожества (уж это-то было очевидно), посадил его, как рядовой сорняк, в саду храма, и поливал, когда мог, помогая его росту. Теперь сорняк сделался деревом-столпом для Вазкора. Я пока не знала, каких других людей он расставил на высоких постах, но догадывалась, что таких было много, сплошь стремящих- ся к власти и всем приносимым ею благам, очень предан- ных человеку, который им столько дал, и слишком глу- пых, чтобы увидеть еще большую выгоду в свержении своего благодетеля. Вазкор умен, и все же со мной он круп- но рисковал.

Город пребывал в волнении от моего пробуждения, од- нако я этого не видела. Другие пять союзных Городов Бе- лой пустыни неистово следили за собственными алтаря- ми.

Мои покои в храме были очень тихими. Окна выходи- ли во внутренние дворы с огромными безлиственными де- ревями. На тридцатый день моего явления и заточения выпал снег и превратил черные камни в белые. Это была первая увиденная мной зима — я не помнила холодного времени из своего сгнувшего детства. Этот снег похуже, чем в горах. Он шел беззвучно, и теперь пустыня и в са- мом деле станет белой.

* * *

Толстый Опарр доложил, стоя передо мной:

— Джавховор просит богиню уделить ему немного свое- го священного присутствия.

— Где Вазкор? — сразу же спросила я.

— Вазкор, военачальник, естественно, будет сопровож- дать своего владыку Джавховора.

— Когда?

— Как только голубь Джавховора вернется во дворец.

Вазкора я все это время не видела. И не знала, чего он желал от меня, что сделать или сказать его повелителю, этому человеку, которого он собирался заменить. Я отдала Опарру одно из своих золотых колец, чтобы он надел его на лапку почтового голубя, приняв в обмен золотое кольцо Джавховора с ониксом и вырезанным гребешком феникса.

Ждать пришлось недолго. Полагаю, они пришли, пробираясь через сугробы, но путь-то им расчистили. Не знаю, чего я ожидала, скорее всего, что увижу нового Распара из Анкурума, а может даже еще одного Герета.

Джавховор вошел в сопровождении всего трех человек, и одним из них был Вазкор. Джавховор оказался высоким, прямым и стройным. Золотую маску феникса он сразу же снял, надо полагать, из уважения ко мне. Лицо его с тонкими, возможно, чересчур изящными чертами было необыкновенно прекрасным и все же ни в коем случае не женственным, и он был очень молод, не старше шестнадцати лет.

Несмотря на свою молодость, он производил впечатление своей осанкой и двигался спокойно и элегантно. Он отвесил мне глубокий поклон, но не пал ниц, как падали другие. Глаза его на фоне бледной прозрачной кожи выглядели иссиня-черными, а длинные волосы отливали при сиянии светильников золотом, как маска.

— Я твой слуга, богиня, — степенно проговорил он, и я почувствовала в нем искорку вежливого вызова по отношению к той, что столь внезапно явилась ниоткуда.

— Чего желает владыка от Уастис? — спросила я. Это была обычная манера спрашивать тех, кто являлся ко мне.

— Засвидетельствовать свое почтение. Побывать с богиней наедине. Задать ей несколько вопросов, если она разрешит. Мне очень любопытно; надеюсь, богиня не прогневается.

— Любопытство, — заметила я, — как правило, не вызывает гнева богов.

Он улыбнулся, вежливый и спокойный. И полуобернувшись, сказал своим трем спутникам:

— Можете идти.

— Владыка, — возразил высокий человек в волчьей маске, — вам не подобает быть без охраны.

— Вазкор, Вазкор, я не боюсь. Богиня оградит меня от всякой беды.

Они покинули его, и Вазкор тоже, а затем и Опарр, через особый ход унесший свою гладкую маслянистость. Мы остались одни, Джавховор Эзланна и я.

У одной из стен стояла единственная скамья. Он перенес ее поближе и уселся. Его стройность ввела меня в заблуждение, я не сочла его особенно сильным, но скамья-то была мраморной, большой и неподатливой. Он непринужденно сидел, глядя мне в лицо, закрытое маской, чуть снизу вверх, поскольку скамья была ниже моего кресла.

— Могу я спросить, что хочу?

— Спросить можешь, — отозвалась я.

— А ответы — на усмотрение богини? Отлично понимаю. Откуда ты произошла, богиня?

Мне было трудно ориентироваться, Вазкор не прислал мне никакого предупреждения. Я не ожидала столкновения с таким вежливым прощупыванием.

— От Древней расы, — ответила я.

— Но Древняя раса исчезла, богиня. Говорят, ты спала, а потом проснулась.

— Да, — подтвердила я, — под далекой горой.

— И явилась в Эзланн. Почему?

— Эзланн — мой город. Он поклонялся мне задолго до моего пробуждения.

— Как же богиня явилась в Эзланн?

— Я явилась сюда, — сказала я. — И этого довольно.

— А как же богиня вошла в храм, узнала о потайной двери и секретном механизме?

— Я вошла, — сказала я, — и узнала. И этого довольно.

— Уже ходит легенда, — сказал он, — что Уастис в облике золотого феникса пролетела сквозь каменную стену своего храма, сожгла себя в пламени сторожевого огня на алтаре и восстала вновь. Говорят, что она жила среди многих народов и была их божеством, что она умерла и вернулась к жизни, что вид ее лица столь ужасен, что превратит в камень любого увидевшего его человека, что тело ее заполнено змеей, а мозг высечен из нефрита.

— Некоторые вещи сокрыты, — сказала я.

— Однажды, — тихо произнес он, не глядя на меня, — кто-то подослал убийцу к моему военачальнику, Вазкору. У него есть враги, богиня, и такие вещи случаются. Я слышал о том, что случилось, — охрана Вазкора вбежала и об-

наружила, что убийца несколько раз пронзил ему ножом грудь и горло, однако мертвым был не он, а убийца. Вазкор сломал ему шею в то самое время, как тот убивал его. Охранники полагали, что Вазкор погибнет от таких ран, но он не погиб. Это ты и сама видела. А я знаю про это, — он посмотрел на меня и улыбнулся, — потому что мне тоже приходится держать шпионов, богиня.

Я не знала, что делать. И ничего не сказала. Миг спустя Джавховор поднялся.

— Сила, — проговорил он. — Я знаю, что ты можешь испепелить меня на месте, как того жреца. Но ты не гневливая богиня. Есть и еще одна часть легенды. Ты слышала ее?

Единственное мое оружие заключалось в молчании, и поэтому я ждала.

— Легенда утверждает, что богиня возьмет в мужа Верховного владыку своего Города. Притча о единении религии и государства. Народ Эзланна уже призывает к этому.

Да, он был очень опасен, наверное, еще опасней, чем Вазкор, ибо его оружием была честность. Я гадала, чего бы захотел от меня Вазкор в такой ситуации. И чего захотела бы я.

— Ты, — сказала я, — смертный.

— Конечно, — согласился он, — очень даже смертный. Убийце, который всадит нож в сердце *мне*, будет незачем больше страшиться меня.

— Не знаю, что тебе сказать, — проговорила я. — Мне нужно время, чтобы найти ответ.

Он поклонился и снова улыбнулся, но без всякой теплоты.

— В твоём храме каждодневно молятся о нашем союзе. Такова страсть к точному соответствию.

Он надел маску феникса и повернулся к дверям. Когда он приблизился, те мигом распахнулись стоявшими снаружи слугами, которые наверняка слушали всю беседу, если смогли столь идеально предугадать его выход.

Вскоре вернулся Опарр.

— Ты слышал, о чем говорилось? — спросила я его.

— Я? Но, богиня, ведь я же не присутствовал.

— Естественно, — обронила я, — в этом помещении есть несколько «глазков».

Он молчал, и его руки в перчатках беспокойно дергались в складках балахона.

— Слушай, Опарр, — сказала я. — Ты слуга Вазкора, но я тоже предана ему — уж это-то ты видел. Мы должны действовать совместно, мы трое, иначе замыслы твоего господина ни к чему не приведут. Беседа, которую я только что имела, могла бы пройти лучше, если бы ты заранее предупредил меня о том, что скажет Джавховор. А теперь извести Вазкора и спроси его, что я должна ответить и что я должна делать.

Какой-то миг Опарр стоял молча, а затем низко поклонился, пробормотал: «Богиня», и вышел.

Во мне теплилась надежда, что Вазкор придет самолучно, но он не пришел. Это ведь, в конце концов, было бы глупо. Вместо него ко мне в полночь прокрался Опарр, как раз когда женщины готовили мне постель.

— Ну? — спросила я его.

— Да, богиня, — сказал он.

— Да? Что ты имеешь в виду?

— На все, о чем просили, ответ должен быть «ДА».

Я так и догадалась, но это разъярило меня. Как всегда, меня покупали и продавали. Используя всю силу своей ненависти, я ударила Опарра по голове и шее. Он зашатался и упал. Некоторое время он лежал на полу, стеноя от боли и несправедливости.

— Убирайся, пока я тебя не убила, — приказала я, и он убежал.

Женщины в страхе попятнулись от меня. Ненависть из моих глаз ударила, как копье, по высокой черной вазе, которая мгновенно разбилась вдребезги.

— Вон! — крикнула я женщинам, и те с радостью удрали.

Я лежала в прохладной темноте. И думала. *Уйду. Сегодня ночью я убегу в пустыню.*

Я гресила об этом, о коне, летящем подо мной по безлунным просторам. Но за мной гнался другой конь, черный и более сильный, чем мой. И Вазкор схватил мои поводья и остановил меня, и я поняла, что рада этому. Рада, что не сбежала от него. Так оно и было.

* * *

Мой ответ отправился к Джавховору вместе с золотым перстнем с печаткой. В Городе очень обрадовались. Прошло пять дней, дней предполагаемого очищения моего

жениха. На шестой женщины принесли мне подвенечное платье — из черного бархата, так густо расшитого золотой нитью, изображавшей феникса, что оно сидело у меня на теле жестко, как латы. Свадьба была странной. В назначенное время я вошла в огромный зал храма, впереди меня шли девушки и рассыпали лепестки тепличных зимних роз, белых, как снег. Я сидела на высоком троне, а Опарр, выглядевший более крупным и впечатляющим в своем церемониальном облачении, возглавлял хоровые песнопения моему величию. Наконец, формальный вопрос — возьму ли я себе в мужа какого-то человека? И формальный ответ: да, им будет, как и подобает, Верховный владыка.

Элегантный, прекрасный мальчик, который должен был стать моим супругом, вышел вперед, безликий, одетый в черно-золотое. Казалось недопустимым вовлекать его в этот обман. Он был одновременно и слишком невинным, и слишком знающим, чтобы втягивать его в такое. Однако он опустил передо мной на колени и произнес ясным холодным голосом все хвалы и обещания, какие полагалось произнести. После чего я подняла его с колен и стояла с ним рука об руку, и с любопытством обнаружила, что он, при всей его стройности, намного массивней меня; ибо он показался мне таким молодым, что я ожидала, будто придется стоять рука об руку с не по годам развитым ребенком. Снова песнопения, а затем мы вместе покинули мою тюрьму тьмы, отправляясь, как мне представлялось, в другую, очередную тюрьму.

Мы ехали по заснеженным, запруженным народом шумным улицам стоя, по-прежнему держась за руки, на большой золотой колеснице, влекомой шестеркой вороных кобыл. Позади и впереди колесницы маршировали гвардейцы, а девы пели и бросали на снег разноцветные лепестки. Стоял лютый холод, а поездка вышла долгой. Иной раз благодаря нашей близости на колеснице я чувствовала дрожь моего спутника, легкий беспомощный спазм, неподвластный даже его самообладанию. Его рука легко лежала в моей, тонкая длиннопалая рука поэта или музыканта.

Мы достигли дворца, еще одной из огромных, многоярусных черных башен Эзланна. Внутри выложенные мозаикой полы, золотые гроздья светильников, теплый сквозняк от горячих труб, проходивших в стенах и под плитками пола.

Еще час мы сидели на тронах, пока мимо тянулась бесконечная цепь аристократов, слагавших к нашим ногам бесценные побрякушки.

Было сумрачно, и горели светильники. Мы остались наедине в округлой комнате с двадцатью узкими окнами, выходившими на Эзлани. Джавховор снял маску, которую он, казалось, не любил носить, и впервые заговорил со мной в тот день, если не считать его взываний у моих ног в храме, которые вообще адресовались не мне.

— Ну, значит, с этим закончено, богиня. Наконец-то. Я даю тебе десять женщин — надеюсь, этого хватит; если нет, тебе нужно лишь сказать. Они явятся, как только ты нажмешь вон на тот резной цветок. Принесут любые прохладительные напитки, какие тебе потребуются, приготовят тебе спальню и будут постоянно прислуживать тебе. Дворец твой, можешь гулять в нем, где хочешь. Естественно, ты пожелаешь время от времени присутствовать в храме. Я дам тебе надлежащий эскорт всякий раз, когда понадобится.

Держался он, как всегда, очень вежливо, но голос у него теперь был чересчур холодным.

— А мои супружеские обязанности? — осведомилась я.

— Никаких, — ответил он. — Ты для меня в первую очередь богиня, а лишь потом жена, и я помню об этом. Это для меня большая честь.

— А ты, — сказала я, — мой муж. От меня даже не ожидается, что я окажу честь твоей постели?

— Меньше всего это, — сказал он.

Я почувствовала слабенький укол разочарования, и это удивило меня.

— Значит, ты не станешь требовать, чтобы я спала с тобой, — заключила я, — но, как мне представляется, я могу от тебя этого потребовать.

— Ты можешь требовать от меня лишь до определенного предела, богиня. Есть некоторые вещи, которые даже ты не в силах потребовать.

Я ожидала, что он смутится, но он не смутился, а лишь не хотел объяснять, что не желает меня, что его тошнит при мысли обо мне, — Той, чье лицо превращает людей в камень, Той, которая убивает одним взглядом. И я принадлежала Вазкору, он фактически так мне и сказал.

— Ты недооцениваешь мои силы, — уведомила его я. — Однако я понимаю твоё нежелание. Спокойной тебе ночи, муж мой.

Он поклонился и вышел. Я нажала резной цветок, и вскоре явились женщины и отвели меня в мои новые покои, которые были не эзлански черными, а бело-зелеными с золотом. Там я положила в металлическую шкатулку его свадебный подарок — большое ожерелье из сплетенного серебра и золота с нефритами в виде львов.

Оно тревожило меня, он тревожил меня, но я выбросила все это из головы и уснула.

6

Нам приходилось во многих процессиях ездить рука об руку, так как это диктовалось традицией. И смотреть, сидя рядом, множество представлений, и он вежливо спрашивал меня, что именно танцорам, или актерам, или жонглерам, или фокусникам показать мне. Одно время я боялась этих представлений, ожидая, что здесь гниль проявится сильнее всего, но видела только прекрасное — женщину, превращавшуюся в самоцвет, двух львов-альбиносов, на спинах которых двое юношей-альбиносов сплетали свои тела в самые невероятные узоры. Звучала также и музыка, сложная и мягко вибрирующая, медленная мелодия, терпеливо извлекаемая из округлых животов струнных инструментов и раструбов серебряных рожков.

Однако я больше думала о нем, чем о том, что видела. На публике мы сидели достаточно близко, но во дворце жили врозь, не обмениваясь ни словом, за исключением тех формальных слов, какие должны были произносить ради его народа. Я заставляла его в огромной библиотеке дворца, заполненной прекрасными книгами с картинками и переплетами из золота с самоцветами, но когда я заходила, он уходил. Сперва я думала, что у него никогда не было женщины, и, возможно, из-за этого-то он и страшился меня, но позже узнала, как всегда можно узнать из сплетен людей общины, что две-три из маленьких прекрасных, похожих на ланей, дворцовых служанок в то или иное время доставляли ему удовольствие.

Раньше я никогда не была по-настоящему одинокой, не было ни времени, ни личности, чтобы вызвать такое чувство пустоты. В своих снах я тосковала по Вазкору, по телу и силе Вазкора, страстно желала причинить ему боль, наказать и уничтожить его, мечтала использовать его так, как мужчина использует женщину — унижить его, и нако-

нец стать его рабой. Но проснувшись, я думала о своем муже-Джавхоре, имени которого я не знала. Думала о нем рядом с ним на колеснице, чувствуя легкую внезапную дрожь от холода, пробежавшую иной раз по его телу, — и жаждала согреть его своим, ласкать его волосы и гладкие щеки, и пойти с ним во дворец, и поговорить с ним, и убедить его спеть мне, как он пел со своими девушками с глазами ланей.

И я боялась. Вазкор, подобно черной тени смерти, протягивал руки, чтобы схватить и заменить своего повелителя.

Спустя несколько дней после брака, когда я приехала в храм, чтобы народ мог порасшибать носы об пол передо мной, я отыскала Опарра.

— Передай это письмо Вазкору, — приказала я.

Но так и не дождалась письменного ответа. Наверное, теперь Вазкор еще больше не доверял мне, ибо я написала: «Ты знаешь, что Джавхору известно о твоей Силе? Ты понимаешь, что он догадывается о твоих честолюбивых устремлениях? А он не дурак».

Опарр явился ко мне несколько дней спустя и, когда мы остались одни, тихо передал мне:

— Ответ, богиня, таков: «некоторые люди, видя перед собой смерть, идут к ней, вместо того, чтобы бежать от нее. От того, кто продолжает идти к смерти, нетрудно избавиться».

Тем вечером я пошла к Джавхору в библиотеку. Он сразу же поднялся, поклонился и повернулся, готовый уйти.

— Мой господин, — в первый раз я обратилась к нему как к равному. Он остановился, с любопытством посмотрев на меня.

— К твоим услугам, богиня, — отозвался он. — Чем могу помочь?

— Ты в опасности, — предупредила я, губы мои казались под маской похолодевшими и одеревеневшими. — Ты, должно быть, понимаешь это... твои шпионы... не знаю, смогу ли я тебе помочь — не думаю, что мне удастся — но ты наверняка можешь помочь себе сам, сейчас, пока еще не слишком поздно.

— Ты хочешь, чтобы я казнил всех своих капитанов? — тут же отпарировал он. — Несколько непрактично.

— Не нападать, а защищаться, — сказала я.

Он пересек библиотеку и посмотрел на меня, слегка улыбаясь.

— Ты не можешь понять, богиня, — сказал он. — Я с трех лет живу с сознанием смерти. Для смертного эти вещи не столь важны, богиня.

Я невольно протянула руку и коснулась его лица. Такая мягкая кожа, такие тонкие косточки... Он отпрянул; затем, поправляя мой произвольный жест, на мгновение взял меня за руку, а затем отпустил ее.

— Я пришлю кого-нибудь зажечь светильники, — сказал он, — чтобы ты смогла здесь почитать.

Я могла бы удержать его там, посмотрев ему в глаза и парализовав его волю, но была не в состоянии это сделать.

Словно глупая, влюбленная дурочка, я наблюдала за ним из окон, стояла в дверях комнат, где он сидел, не ведая обо мне.

Я тайком пригласила к себе фокусника, и его трюки помогали заполнить время.

С Вазкором я не разговаривала сорок шесть дней.

* * *

И вот настало утро, когда я проснулась с чувством нездорового страха. Кожа моя покрылась потом, ночная сорочка и маска для сна пропитались им. Долгое время я лежала, пытаюсь успокоиться, а потом уселась на постели, чтобы подняться. Бледная комната накренилась, и казалось, что табун белых лошадей нес ее, словно колесницу вокруг и вокруг Скоры — моей постели. Я снова легла, и все тело у меня ныло и дрожало. Тогда я поняла, что заболела, и не могла понять отчего. Мое тело, такое сильное и самоисцеляющееся, что пережило даже смерть, наконец предало меня, поддавшись какой-то лихорадке от холодной погоды. У меня хватило ума нажать резной цветок у постели для вызова женщин, но после этого я мало что помню. Вроде бы собрались лекари, не смевшие прикоснуться ко мне и предписавшие много одеял и жаровни вокруг постели, но это не принесло никакой пользы. Помню, мельком видела Опарра, беспокойного и смущенного, наблюдавшего за мной, полагала я, для гарантии, что я не буду в бреду возводить какую-то клевету на Вазкора. Он был мне решительно ни к чему, и я, наконец, заставила

его понять, что не потерплю его присутствия рядом с собой.

Казалось, только много месяцев спустя я начала медленно возвращаться к самой себе. От меня мало что осталось. Кожа сделалась дряблой и изношенной, как у старухи, и мысли путались в голове.

Потом, когда я лежала на подушках, словно высохший труп, женщины запорхали, словно птицы, и исчезли, а рядом со мной стоял мой муж. С его приходом голова моя, казалось, прояснилась. Он положил свою маску у постели и был очень бледен. Мне на мгновение подумалось, что это от заботы обо мне. Но это было глупо.

— Мне очень жаль, что ты больна, — сказал он серьезно и мягко.

— Я не знаю, сколько я проболела, — проговорила я, раздраженная, ибо мне никто этого не сказал.

— Девять-десять дней, — сообщил он. — Я приходил и раньше, но ты меня не узнавала.

По телу у меня внезапно пробежал холодок, и я спросила:

— Горожане знают, что их богиня больна?

— О, да, — тихо произнес он. — Знают.

Я со страхом заключила:

— И теперь они сомневаются, что она богиня, потому что она, как всякая смертная, может заболеть.

— Нет, богиня, ты не права. Они волнуются от страха за тебя. Но никаких сомнений нет и в помине. Опарр днем и ночью возглавляет всеобщие молитвы за тебя. Женщины терзали себе волосы и грудь ради тебя, и каждое утро отправляли на заклание черного быка.

— Какое бессмысленное разбазаривание, — пожалела я.

— Но теперь ты выздоравливаешь, — сказал он.

Я взяла его за руку, и, хотя увидела, что он чуть-чуть отпрянул, руки он не высвободил, и я не отпускала его.

Должно быть, я уснула.

Через некоторое время — золотое пятно от светильника у меня на веках. Я приоткрыла глаза, и он по-прежнему был тут, около меня. Хоть я еще как следует не проснулась, мною овладело чувство уверенности и неотложности.

— Ты в опасности, — сказала я. — Ты должен исчезнуть. Они убьют тебя.

Мои глаза затуманились, и я не видела выражения его лица.

Он мягко сказал мне:

— Знаю.

— Исчезни сейчас же, исчезни, — прошептала я, слабо толкая его обеими руками.

— Это не имеет значения, — отказался он, — я всю жизнь ждал этой минуты.

Я беспомощно почувствовала, как сон увлекает меня на дно. Я боролась, пытаясь удержать его, но не смогла этого добиться.

Я видела, как в темном коридоре он спокойно шел к пылающей, страшной яркости. Я побежала за ним, призывая его вернуться, зовя его вновь и вновь, но, похоже, не могла докричаться до него, он не оборачивался, он продолжал идти, шагая так спокойно, свободно свесив руки по бокам, к пожирающему свету.

* * *

Во дворце царил жуткий шум: рычал и топотал дикий зверь.

Я проснулась и села, выпрямившись, на золотом ложе. Было очень темно, и шум гремел вокруг спальни. Внезапно сквозь окна сверкнула белая, как лед, молния.

Гроза.

Теперь я различила отдельные звуки бушующего ветра, хлещущего дождя-снега, молотящего кулака грома. В комнате никого не было; светильники задуло. Все еще раздраженная из-за болезни, я нажала на резной цветок. Но никто не явился.

Через некоторое время я вновь различила другие звуки, которые слышала во сне и которые гроза заглушала. Крики и вопли, пронзительные крики восторга или ужаса, чего именно, не определишь. Я вновь и вновь безрезультатно нажимала на резной цветок. Наконец я вытащила себя из постели и начала добираться до двойных дверей спальни. Дело это оказалось небыстрым и трудоемким. Я не смела идти по открытому пространству пола, который, казалось, ускользал из-под ног, а пробиралась, держась обеими руками за стены. На темноту обрушилась еще одна пылающая вспышка молнии, а затем сразу же еще одна, но на сей раз золотая, а не белая. Двери распахнулись. В дверях много черных фигур, жрецов и жриц, а впереди всех Опарр. Он поднял руки и громко крикнул своим храмовым голосом:

— Хвала и любовь! Богиня в безопасности! Уастис не-
вредима!

Крик подхватывали вновь и вновь. Жрицы вбежали ко мне в спальню, и Опарр закрыл за ними двери.

Я была сбита с толку и очень слаба. Мне все представлялось каким-то неопределенным и странным, и все прочее поэтому не было более странным — то, что жрицы раздели меня и натерли кремом, делавшим мою кожу золотой, и одели меня для храма, и увешали меня храмовыми драгоценностями, и наконец надели мне на голову кошачью маску поверх моих гладких прямых волос и даже поверх самой спальной маски. Я смутно поняла, что женщины испуганы.

Когда я была готова, одна из них позвала, и двери снова открыли. Опарр шагнул вперед.

— Сойдет, — решил он, а затем мне: — Народ боялся за тебя, богиня; ты должна показать им, что ты жива и здорова. Мы тебе поможем.

Они не несли меня, но с обеих сторон шли жрецы и держали меня за локти, чтобы я не упала. Что-то в этих людях говорило мне, что они вовсе не жрецы. Они шли широким солдатским шагом.

Через некоторое время Опарр их остановил. Он приблизился и тихо сказал:

— Мы почти пришли, богиня. Ты должна запомнить только одно. Когда военачальник, который тебя спас, опустится перед тобой на колени, ты должна коснуться его плеча и произнести: «Бехеф лекторр». Только эти слова, вот и все, что тебе нужно запомнить. Когда он опустится на колени. Ты понимаешь?

Я кивнула. Я могла запомнить слова, но они не имели тогда для меня большого смысла, эти два слова на Старинной речи.

Впереди появился красный свет. Мы свернули за угол и вошли в длинный зал, выходящий на широкую террасу над Городом. Двери террасы были широкими, и на фоне черного несущегося неба струился алый свет факелов. Внизу столпились тысячи людей, запрудив сады и дорожки, и они кричали, звали и были в неистовстве гнева и страха единственное имя:

— Уастис! Уастис! Уастис!

Гроза утихла. Выпал град, и плиты террасы сделались очень скользкими. Здесь стояли люди, неподвижные чер-

ные фигуры, с серебряными черепами вместо голов. А неподалеку от края террасы стоял в одиночестве человек с золотой волчьей головой. Опарр остановился. Человек с волчьей головой повернулся к нам, а затем опять к народу. Он поднял руки, и грянули крещендо нестройные крики с барабанным боем песнопений. Он медленно отошел от края и двинулся к нам.

— Отпустите се, — приказал он державшим меня жрецам-солдатам. Он посмотрел на меня, и глаза его за стеклянными щитами были неистовыми, достаточно сильными, чтобы удержать меня на ногах. — Теперь ты должна выйти туда, где тебя смогут увидеть, — сказал он. — Они очень боятся за тебя, и ты должна успокоить их.

Его глаза держали меня крепко; мое тело напряглось, и плиты, казалось, перестали крениться у меня под ногами. Я начала деревянно шагать к краю террасы, а Вазкор на шаг позади меня твердо держал меня, не прикасаясь, двигая как механическую игрушку.

Толпа внизу увидела меня и начала петь и кричать.

Я уставилась на нее безо всяких мыслей в голове, а он подсказал мне сзади:

— Дай им свое благословение, богиня.

И я, не думая, подняла руки и сделала знак толпе, который делала в храме.

Тут толпа стихла, и в этой тишине Вазкор подошел и встал рядом со мной на колени, склонив голову.

Я очень устала и хотела спать, но не забыла. Нагнувшись, я коснулась его плеча и произнесла два слова, которые ничего не значили — по крайней мере, для меня. Не уверена, что там услышали мой голос; он был немногим громче шепота. Полагаю, в расположении террасы заключалась какая-то хитрость, позволявшая шепоту разноситься.

Вазкор поднялся. Его глаза приказали мне повернуться и идти обратно в зал. Я не поняла этого приказа, лишь подчинилась ему.

Я шла впереди него, прочь от шума, прочь от света и служителей. Не осталось никого; даже Опарр пропал. В слабо освещенном коридоре он освободил меня от своего мысленного контроля и взял меня на руки. Двери в мою спальню стояли приоткрытыми. Он распахнул их пинком и пинком же закрыл их, когда мы оказались в спальне. И положил меня на постель аккуратно и точно.

— Все прошло хорошо, — сказал он. — Можешь спать. Слабая холодная боль.

— Где он? — спросила я Вазкора.

— Кто?

— Джавховор, мой муж. Он был со мной прежде, чем явился Опарр.

— Джавховор удалился, богиня; ему незачем больше тревожить тебя.

На тело мое навалились свинцовые гири, но я должна была еще немного поговорить.

— Вазкор, где он? Он умер?

— Он кончился, богиня, и это очень хорошо для тебя. Ты была больна, и теперь я скажу тебе, отчего ты заболела. Твой муж, боясь твоей Силы, потихоньку отравлял тебя. Нормальная женщина умерла бы, но ты, богиня, будучи той, кем являешься, выздоровеешь и будешь жить.

— Нет, — прошептала я. — Нет, Вазкор, нет.

Но он уже исчез. Двери закрылись.

Вдали еще слабо ревели толпы, беспощадные в своей радости. Снова пошел снег.

7

Пять дней мне потребовалось для того, чтобы снова стать сильной, и за те дни Вазкор овладел последними бастионами светской власти в Эзланне. Однако, это удалось ему совсем без труда, коль скоро богиня произнесла над ним древние слова: «Бехеф Лекторр» — «Вот Избранный».

Я вспомнила, как Вазкор, говоря о рекрутировании хуторян, объяснял его необходимостью пополнить армию для самой последней кампании Джавховора. Но тот вовсе не стремился к войне; набор проводился для Вазкора. Он еще тогда строил планы, словно предчувствуя мое появление.

Каждый вечер, несмотря на слабость и неохоту, мне приходилось выходить на террасу, чтобы народ видел меня. Историю исчезнувших из памяти дней я узнала, хотя и по секрету, от лекаря, лечившего меня. Мой муж, Джавховор, пытался убить меня с помощью яда. В ночь грозы Вазкор заподозрил самое худшее, возбудил толпу и явился со своими воинами во дворец. Вызвали Джавховора. Тот отрицал обвинение с полным, как казалось, спокойствием и полуулыбкой, а затем в самом разгаре клеветы какая-то

невидимая сила сразила его на глазах у толпы. После этого привели меня, и я избрала нового Владыку Города — естественно, своего спасителя и защитника.

Я ничуть не сомневалась, что убил его Вазкор, — убил, как убивала я, белым ножом ненависти, выскакивающим из мозга. Что стало с телом, я не спрашивала, об этом мог знать только Вазкор, да и смысла в расспросах не было. Что же касается яда, то тут все ошибались. Какой же удачей оказалась моя болезнь для военачальника — но теперь он был Джавховором и избранным богини.

* * *

Выздоровев, я ожесточилась в своей злости. Я увидела в Вазкоре того, кем он был на самом деле, — моего врага, и понимала, какая мне грозит опасность. Куда б я ни шла, меня сопровождали его люди, женщины и мужчины. Перед моими дверьми стояла его стража — для защиты и почета, объясняла она. Однажды меня вызвали и отвели в небольшую комнату, где ждали Вазкор, Опарр и разные жрецы. Здесь Опарр зачитал нам слова, которые я помнила по той, другой, церемонии в храме. И когда это закончилось, мы с Вазкором предстали рука об руку на высокой террасе, и народ радостно взревел. Это было формальностью, однако я боялась теперь того, чем может завершиться эта ложь; но новый брак оказался еще более фиктивным, чем последний. Вазкор был занят. Он отправлял послания к пяти Городам-союзникам Эланна через заснеженные пустыни и получал ответы, так что для меня у него времени не находилось.

В течение многих дней я не видела никого, кроме женщин, но затем появился Опарр. С тех пор, как я его ударила, он, приходя ко мне, сжимался от страха. К этому страху — после ночи убийства моего первого мужа, когда он на короткое время получил власть надо мной, доставляя меня к Вазкору, — добавилось некое злорадство, мелкое торжество. Теперь он то ныл, то ликовал; то или иное чувство по очереди брало верх, когда он ощущал мой гнев или слабость. В случае беды он будет опасен для меня, однако я не смела причинить ему вреда, так как все еще страшилась силы Вазкора.

Теперь он низко поклонился и уведомил меня, что я должна на следующий день отправиться в храм, где мне будут поклоняться. Народ томился без своей богини.

Я ответила: «Да», и отправила его восвояси, и думала, подавленная огромной властью, принадлежавшей мне в Городе, о том, какой беспомощной она меня сделала. Во сне я видела себя великаншей, крошащей в своих руках Эзланн, швыряя его башни в пустыню, где они раскалывались и растекались, словно кровь.

Желтым рассветом я поехала в храм на колеснице богини, сопровождаемая тридцатью черными охранниками позади меня и еще тридцатью впереди, а по бокам — двумя черными лучниками с серебряными черепами вместо лиц. Всюду знак Джавховора — феникс, но под ним — волчья голова. Не помню поклонения, только рокот и ропот песнопений, похожих на морской прибой, да тяжелый запах фимиама. При возвращении на улицах густо валил снег. В огромном переднем дворе мой возница натянул поводья, останавливая белых кобыл. Воины вежливо ждали, пока я не удалюсь во дворец. Медленно, прямой деревянной походкой богини я покинула колесницу и зашагала по снегу. Опасность окружает меня со всех сторон, и ничего тут не поделаешь. Через черный дверной проем, по коридорам со стекловидными полами...

Внезапно я осознала, что позади меня кто-то есть, идущий, принаравливаясь к моему шагу.

Я обернулась. За мной следовали трое человек, ступая мягко, как кошки. Под серебряными масками я почувствовала настороженность. Не послал ли их уже Вазкор для того, чтобы устранить меня? Однако они носили маски фениксов, а не черепа, что странно успокаивало, хотя теперь это ничего не значило.

— Что вам угодно? — спросила я.

— Мы — новая стража богини, — доложил один, выше ростом, чем двое других.

— Люди Вазкора, — бросила я с горьким нажимом.

Высокий согласился:

— Теперь Вазкора. А раньше мы были стражей Асрена, Феникса, Джавховора Эзланна.

Прежде я так и не узнала имени своего первого мужа. Оно поразило меня; произнесенное в тот момент этим человеком, оно породило такое впечатление, словно я вдруг мельком увидела его, живого и близкого.

Я отвернулась и продолжала путь к своим покоям, однако кровь у меня заиграла. Я ощутила большую перемену в обстановке. Они шагали за мной, но я уже не ощущала

никакой угрозы в их присутствии. У двойных дверей я снова остановилась.

— Можете войти, — пригласила я.

Я вошла к себе, и они последовали за мной. Третий стражник закрыл двери, оставив нас наедине.

Какой-то миг царило молчание, а затем они опустились на колени, сняв маски. Я подошла к ним и подняла рукой лицо самого высокого стражника. Узнавание. Этот человек уже стоял передо мной на коленях на насыпной дороге перед Эзланном — не капитан, ибо с ним-то Вазкор разделался, но один из надменных серебристо-белокурых солдат.

— Я — Мазлек, — подсказал он.

Имя было знакомым: *Она же умерла — Мазлек убил ее — я сам видел, как клинок пронзил ей левую грудь.*

— Богиня, — прошептал Мазлек, глядя на меня большими глазами, открыто и сдержанно благоговейными.

— Как ты спасся от Вазкора? — спросила я его.

— Легко. Он меня не знал, а я был человеком Асрена.

— Шпионом, — догадалась я.

— Наверное. Я был человеком Асрена. Когда нас обрекли на смерть из-за того, что мы видели тебя, я ускользнул. Ничего иного я от Вазкора и не ждал.

— И таким образом Асрен Джавховор узнал от тебя, как я попала в Эзланн.

— Да, богиня.

Я чуть улыбнулась такой разгадке тайны — ибо Асрен, мой муж, никогда не верил в мою божественность, только в мою Силу. Однако этот солдат верил.

— И теперь вы — моя стража, — я повернулась к двум другим, чуть поменьше ростом, одинаково белокурым и очень красивым — они могли быть братьями. — Ваши имена?

— Слор, — сказал один.

— Днарл, — сказал другой.

Даже голоса у них были схожими.

Я знаком велела им встать и увидела, что Мазлек, их капитан, и впрямь очень высок и силен, тот, который однажды убил меня в лунной тьме.

— Долго вам придется стеречь меня?

— Продлить наше пребывание сперва будет довольно легко, богиня. Позже, наверное, тебе понадобится провозгласить нас почетным караулом. В целом, богиня, под мо-

им началом находится восемьдесят воинов. Не очень много, но достаточно, чтобы уберечь твою священную особу от непосредственного оскорбления или нападения.

Я снова невольно улыбнулась и, взяв его за руку, покачала головой, когда он начал было тут же опускаться на колени.

Теперь я буду в безопасности. Больше, намного больше, чем в безопасности.

Спать я легла рано, прежде чем свеча дня окончательно догорела над снежной пустыней. А за дверями ждала моя стража, готовая защитить меня, Мазлек, Слор и Днарл, которые некогда были Маггуром, черным великаном, Гилтом — золотые серьги, и маленьким Келом-лучником.

8

Опарр явился утром. Я приняла его, и, чувствуя мое настроение, он съезжился, когда говорил.

— Вазкор Джавховор просит присутствия богини.

— Зачем?

— Я лишь жрец богини. Мне не все известно.

— Ты червь в поленнице дров, Опарр, — любезно сказала я. — Ты повсюду ползаешь и многое узнаешь.

Он колебался, нервно теребя руками в черных перчатках подол балахона. А затем сказал:

— По-моему, это связано с совещанием в За, богиня.

За, центральный Город Белой пустыни — я смутно знала это название. О совещании я ничего не слышала, однако не желала никакого дальнейшего общения с этим ядовитым жрецом. Я поднялась, и он проводил меня к Вазкору, а за мной шагало восемь человек: Слор и его отряд.

Он дожидался меня в библиотеке, среди книг Асрена и порожденной там Асреном красоты. Опарр, Слор и остальные остались за закрытыми дверями.

Вазкор был в маске и сидел в своем кресле совершенно неподвижно.

— Присаживайся, богиня, — предложил он.

Фраза прозвучала, словно команда. Я села.

— Итак, мы должны отправиться в За, — тут же начала я. — Зачем это?

Последовала пауза. Он не ожидал, что мне что-то об этом известно. Когда он видел меня в последний раз на

нашей формальной брачной церемонии, я была вялой, податливой. Наконец он встал. И ходил среди вещей Асрена как хозяин. Может быть, это и глупо, но меня это разгневало, однако он быстро пришел в себя и развернул перед нами на полированном столе пергаментную карту. Карта эта была светло-коричневого цвета и прекрасно разрисована черными маленькими ненужными рисунками кораблей, колесниц, лошадей, трудившихся на полях крестьян, марширующих солдат. На севере тянулся единственный сапфировый шрам, ниже гор — Алутмис, Вода.

Он положил на всех углах ониксовые гири и показал мне, что и как. Я его почти не слушала. Я могла думать только о руках Асрена, раскатывающих, гладящих эту карту. Но внезапно я осознала: Города, расположенные, словно созвездия вокруг того, что было нарисовано в виде какого-то неясного животного, такого, какое могло быть изображенным на чертеже астролога. Эзланн отмечал голову, четверо других — тело, а вытянувшийся сзади хвост заканчивал последний Город.

— Вот Эзланн, — показал Вазкор. — К юго-западу от него Амнат, к западу Кмисс. К юго-востоку от Эзланна Со-Эсс, а между Со-Эссом и Кмиссом расположен За. А за дальними пределами За — Горный Город Эшкорек-Арнор. Теперь ты видишь, что этикет требует, чтобы любая встреча шести городов коалиции устраивалась в За. Его положение символически центральное между прочими пятью.

Я вспомнила гонцов, скакавших туда и обратно после смерти Асрена и кое-что поняла.

— Ты собираешь в За пять Верховных владык, чтобы подчинить их себе и захватить бразды правления.

— План мой именно таков, — подтвердил он.

— А я, зачем я должна ехать с тобой?

Он убрал гири, и карта быстро свернулась, словно потревоженный зародыш.

— Необходимо, чтобы богиня была там.

— А почему это необходимо, Вазкор?

Он ничего не сказал. Не снимая маски, он повернулся и положил карту на место в глиняный футляр.

— Потому что, Вазкор, — сама ответила я на свой же вопрос, — без богини ты — ничто, никто и звать никак.

Мы оба отлично это знали, но мне доставило огромное удовольствие произнести это вслух.

Помолчав, он произнес ровным тоном:

— Я вижу, ты вполне оправилась от болезни. Я рад, мне не хотелось бы рисковать твоим здоровьем на пути в За.

— Когда мы покидаем Эзланн? — спросила я его.

— Через два дня, — ответил он. — Ты можешь взять с собой пять женщин, не больше; они — плохие путешественники. Естественно, я пришлю тебе подразделение своих воинов в качестве личного эскорта — Города будут ожидать тебя, окруженную почетным караулом.

— Нет надобности, — возразила я. — У меня есть своя собственная стража. Восемьдесят воинов и их капитан, мой командующий. Этого должно хватить для моего почетного караула, не так ли?

Он быстро повернулся ко мне, и я знала, что за маской он глядит на меня во все глаза.

— Кто этот человек?

— Ты, несомненно, выяснишь это сам, — сказала я. — Мне не хотелось бы лишать тебя возможности потрудиться. Только помни, он под моей защитой.

Его напряженность спала. Он очень вежливо заметил:

— Возможно, ты была не очень благоразумна.

— В самом деле? Возможно, я в этом не одинока.

— Ты не должна упорствовать, — сказал он, — в своем недоверии ко мне. Мы одно целое, ты и я, как бы настойчиво ты ни пыталась выкинуть это из головы. Если ты богиня, то Вазкор — бог. У них здесь нет для меня легенды, вот почему я должен использовать тебя в качестве своего щита. Какое-то время.

— Довольно глупо с твоей стороны, — заметила я, — использовать в качестве своего щита копье, — ибо внезапно мне вспомнились слова Асутоо в пещере, когда я заставила его рассказать мне, как он предал Дарака. — Слишком узкое для защиты и чересчур острое.

Он мне не ответил, я покинула библиотеку и пошла к себе в покои. В дверях я позвала Слора.

— Извести Мазлека, что я объявила Вазкору Джавховору о своем почетном карауле.

Я увидела, как его незакрытое маской лицо напряглось, а затем расслабилось. Он мрачно улыбнулся.

— Отлично, — сказал он.

— Вы будете носить мой знак? — спросила я его.

— Богиня...

Я не поняла знакомой эмоции у него на лице; я так часто видела ее на других, однако она по-прежнему не имела ни малейшего смысла.

— Голову кошки, — сказала я. — Вы можете найти кузнецов, чтобы отлить ее? У нас всего два дня.

Он поклонился.

— Сделаем, богиня.

Когда он ушел, я долгое время сидела в по-зимнему освещенной комнате и переходила от своего триумфа к глубокой депрессии. У меня складывалось ощущение — столь часто теперь одолевавшее меня — что покинув любимое место, я больше туда не вернусь. Но пусть даже так, я не понимала, почему меня должно расстраивать расставание с этим городом, пока не пришла мысль, что покинутой я должна Асрена. Я не могла объяснить этого зудящего ощущения его присутствия даже после того, как я узнала о его смерти. Казалось, он окружал меня повсюду, особенно в библиотеке, которая была всецело его, однако у меня не было ничего, принадлежавшего ему, за исключением ожерелья, подаренного им в нашу брачную ночь, которое не могло быть памятью о нем, ибо даруя, он знал, что оно предназначено для меня и не испытывал потому никаких чувств. День заканчивался, и от мыслей о предстоящем отъезде, от ощущения, что возврата не будет, я начала в отчаянии расхаживать по комнате, будучи не в состоянии сидеть спокойно.

Наконец, я подошла к дверям и открыла их. Снаружи четверо воинов в масках фениксов. Я знала, что все они мне незнакомы, и все же могла определить даже по таким мелочам, как контуры их тел, когда они посмотрели на меня, что они — мои.

Губы у меня, казалось, одеревенели, а во рту пересохло, но я обратилась к ним:

— Покойный Владыка Асрен Джавховор — где он похоронен?

— Богиня, — сказал один из них. — Это проделали быстро и с позором. Работа Вазкора. Мы не знаем.

— Но дай нам время, — сказал другой, — и, возможно, мы выясним.

— Времени нет, — ответила я.

— Наверное... — начал было еще один воин. И заколебался. — Возможно, одна из женщин — женщин Асрена Джавховора — может знать. Должны же были разрешить

хоть какие-то обряды. Он ведь был, в конце концов, не какой-то хуторянин-шлевакин, — добавил он с сильной горечью.

— Выясните для меня, — распорядилась я и слегка коснулась его плеча, почувствовав под пальцами ту особую дрожь, которая была проявлением не сексуального, а духовного желания. Он поклонился и исчез.

* * *

Окна почернели. Вошли женщины и зажгли светильники, шурша по полу своими платьями.

Затем пришли Днарл и двое других. Они привели с собой девушку и оставили ее наедине со мной.

Я ожидала, что почувствую ревность — любого рода ревность, сексуальную, ментальную, какую угодно, не знаю, какую именно. Однако, не почувствовала ничего подобного.

Она была очень молодой, лет четырнадцати-пятнадцати, очень хрупкой и прекрасной; подобно ему, она достигла совершенства раньше своих лет, и в ней, казалось, было что-то эфемерное. Под темной вуалью у нее рассыпались по плечам ледянисто-золотые волосы. Я бы не попросила ее снять маску, но, полагая, Днарл внушил ей, что это следует сделать. И золотая личина в виде какого-то цветка была у нее в руке. Ее вполне совершенные руки и обнаженные груди отливали жемчугом. Она не носила колец или иных драгоценностей, хотя казалась прямо-таки созданной для украшений. И хотя она явно боялась меня, было бы бесполезно уговаривать ее не пугаться.

— Я попросила пригласить тебя ко мне, — начала я, — потому что хочу знать, где похоронен мой муж.

— Да, богиня, — прошептала она, не глядя на меня.

— Ты знаешь это?

— Да, богиня.

— Откуда?

Она сделала руками легкий нервный жест.

— Вазкор Джавховор прислал воина сказать мне. Похоронили его с позором, сказал он, из-за того, что он сделал, но тем не менее некоторые должны помнить и навещать это место.

— Почему сказали тебе? — спросила я ее.

— Потому что... — она запнулась. — Я была его... но я ничего не значу. Не гневайся на меня! — и заплакала от чистого страха. Похоже, она тоже ожидала ревности.

— В этом нет надобности, — мягко успокоила я ее. — Во мне нет никакого гнева на тебя. Ты отведешь меня к тому месту?

Она немо кивнула и тут же повернулась к дверям.

Путь получился долгим. За нами шли двое стражников и несли светильник, в котором сперва, казалось, не было нужды. Но вскоре освещенные коридоры остались позади. Мы пошли по темным, пахнущим землей ходам глубоко под дворцом, по старым и заброшенным погребам, покрытым толстым слоем пыли и выглядевшим туманными от густой паутины, вниз по лестницам, описывающим виток за витком, уходя в темень. Путь этот представлялся опасным. Помнится, я удивилась тому, что она не боялась. Наконец — ровный коридор и в конце его большая железная дверь. Она вставила пальцы в бороздки, двинула ими, и дверь со скрипом и неохотно открылась.

То, что находилось за ней, наполнило меня лютой яростью.

Какой-нибудь холмик земли в пустыне и то меньше разгневал бы меня.

Черный бархат затягивал пять стен этой подземной камеры, от которой так и несло пылью и заброшенностью. Несмотря на драпировку, пол так и не подмели дочиста. Повсюду валялись грязные обрывки ткани да осколки стекла. Влажность скоро во всем прогрызет дыры. В центре помещения — затянутый в черное помост — то ли деревянный, то ли каменный, не мне знать. И на нем-то и покоился гроб Верховного владыки — обшитый золотом кедр, украшенный фениксами и змеями, инкрустированный голубыми камнями и нефритами, заколоченный гвоздями с алмазными шляпками. Вокруг гроба увядали разбросанные цветы, добавляя свое разложение к остальному, драгоценные благовония пролились и растеклись, липкие, прогорклые и дурно пахнущие, по трещинам пола.

Стража ждала в коридоре; девушка, широко раскрыв глаза, шмыгнула в угол, когда я все ходила и ходила вокруг гроба, пока мой гнев, как и боль, немного не спал. Девушка снова заплакала, на этот раз, думаю, по нему. Саднящее чувство потери, которое испытывала я, было,

должно быть, невыносимым для нее; в конце концов, она ведь знала его и была с ним.

— Если ты желаешь на какое-то время задержаться, я подожду тебя в коридоре, — предложила я, но она мигом задушила в себе рыдания и выбежала следом за мной.

Так она и повела нас обратно долгим мрачным путем. Мы добрались до моих покоев, и я жестом пригласила ее зайти ко мне. Там я поблагодарила ее, но она, похоже, не поняла, за что.

— Позже, — пообещала я, — я, если смогу, перехороню его, открыто и с почетом, в традициях Эланна.

Но она не уразумела, да и в любом случае, каким пустым казалось все это, каким бессмысленным, ибо он теперь не мог ни насладиться этим, ни страдать от этого. Однако я не могла выбросить из головы ту грязную камеру.

Затем я отпустила ее. Она настолько боялась, что я не могла больше удерживать ее ни минуты. Мне хотелось попросить у нее что-то, принадлежавшее ему, какую-нибудь подаренную ей мелочь, значившую меньше, чем другие, но я знала, что раз она настолько испугана, то отдаст мне самую лучшую и самую дорогую вещь; кроме того, такая просьба в тот момент казалась неуместной и бессмысленной. Поэтому я ничего ей не сказала, но позже сожалела об этом.

Той ночью мне привиделось много снов, бесформенных, но ужасающих. Проснувшись, я вспомнила лишь каменную чашу и пламя, которое было Карраказом, и слова проклятия, и то, как я кричала, что я сильнее, намного сильнее, чем он — та тварь в чаше.

На следующий день начались приготовления к отъезду, и на закате мне пришлось отправиться в храм и в последний раз благословить Эланн, хотя, что правда, то правда, *они* ожидали, что я вернусь. Когда я стояла там, закованная в золотые украшения, мои глаза ни разу не отрывались от чаши, где горело пламя. Однако пламя оставалось совершенно неподвижным, и никакой голос не тревожил меня словами: «Я Карраказ Бездушный, порожденный злом твоей расы... спасения нет... Ты проклята и понесешь проклятие с собой... и не будет никакого счастья. Ваши дворцы в руинах. На павших дворах... греются на солнце ящерицы... позволь мне показать тебе, какая ты».

Когда я покидала деревню под вулканом, собравшиеся толпы смотрели на мой отъезд мрачно и со страхом; женщины плакали и хватали меня за рукава. И позже, из амфитеатра гор, я оглянулась назад и увидела алый светильник — деревню, горевшую при вторичном извержении вулкана. Теперь я ехала с Вазкором, хотя и не бок о бок, даже без той отдаленной близости, которая связывала меня с Дараком. Нас разделяли сотни неодушевленных и живых объектов: великолепно разодетые солдаты; невероятно убранные лошади в шелковых попонах с вплетенными в гривы и в хвосты пурпурными лентами и золотыми нашлепками на сбруе; фургоны с провиантом, запряженные мулами, и даже рекруты с хуторов, облаченные, как и солдаты, в кожу, но без масок, с такими же мертвыми глазами и лицами, какие я видела у них при первой встрече.

В Эзланне звонили колокола, глухо и бесконечно, и толпы бурлили по обеим сторонам улиц и балконам. Я ехала в своей открытой колеснице, которую за воротами покину и сменю на карету. Народ кричал и приветствовал нас. Это было больше, чем процессией богини и короля, — это был великолепный отъезд начальника на войну. За Белой пустыней тянулся Театр военных действий, место турниров, где каждая коалиция сражалась с другими, однако Вазкор знал, да и другие, наверное, тоже, что нынешний Театр военных действий начнется у черных ворот Эзланна. Каждый Город был для него призом, завоеванием и властью, чем-то, способным хоть на время затянуть кровоточащую рану его гордости. Да более того: не только Города юга, но и все за пределами его тела и даже само тело ему требовалось покорять и держать в тисках, чтобы удовлетворить снедавшее его душу страстное желание.

Крики и колокола все звенели и звенели. Как непохоже на деревню, совсем непохоже. Но впрочем, ведь богиня-то на самом деле не покидала их; ее Сила была повсюду, в огромных неподвижных статуях и в лице ее главного жреца Опарра.

Я чуть не рассмеялась.

За мной ехало восемьдесят воинов в масках фениксов, носящих все, как один, на правой груди знак золотой кошки; каждой из десяти групп в семь воинов командовал восьмой воин, носивший на талии зеленый кушак. Идея эта принадлежала не мне, а, надо полагать, Мазлеку. Однако теперь никто не мог с кем-то спутать почетный караул богини. Уж не знаю, как они договорились с кузнецами и торговцами краской — ведь никакого собственного дохода у меня не было.

* * *

Добираться до За нам пришлось четырнадцать дней, вдвое дольше, чем потребовалось бы одинокому коннику, но так обстоит дело с любимыми караванами. Мало что вызывало у меня личный интерес; ибо я была заточена в своей карете — душном позолоченном ящике. После каждой ночи я просыпалась негнущейся и с болями во всем теле. Карету с трудом тащили четыре норовистых тихих мула. Несколько раз в день она, содрогнувшись, останавливалась, и я слышала, как возницы уговаривают и увещевают мулов, в то время как те стояли, глядя на них с вежливым интересом, пока кучера не пускали в ход кнуты.

Я взяла с собой всего двух женщин — самых хорошеньких, ибо мне вдруг пришло в голову, что мне волей-неволей придется часто смотреть на них, — но они оказались вздорными, беспокойными и боялись находиться долго в моем обществе; а их разговоры, возникавшие непродолжительными вспышками, были пустой болтовней дур.

Каждую ночь сооружали лагерь, предприятие как военное, так и архитектурное, что увеличивало продолжительность нашего путешествия. Сперва, приблизительно ранним вечером, пехотинцы проворно маршировали вперед, достигали намеченного места стоянки и начинали воздвигать переносные металлические стены, привезенные ими на выючных лошадях. К тому времени, когда прибывали конники и повозки, лагерь надежно окружали железные секции стен пятифудовой высоты с затейливыми воротцами, и вырастали шатры и палатки. Выставляли часовых, размещали и кормили лошадей, аккуратно разводили костры и готовили еду. К ночи мы становились городом, и притом шумным городом. Несмотря на крепкие железные стены и часовых, по проходам между палатками всю ночь

шатались пьяные, ревностно преследуемые разъяренными начальниками; лошади срывались с привязи и носились галопом по лагерю, храпя, испражняясь и врезаясь во что попало. Горстка проституток еженощно устраивала оргии в своих аляповатых жилищах в нижнем конце лагеря, и там вспыхивали драки, вызванные нелепым соперничеством между теми или иными группами солдат. Существовала неистовая и индивидуальная преданность своим: всякий капитан, под началом которого служил какой-то солдат, был лучше любого другого капитана. Каждый рассвет озарял мертвые и умирающие останки жертв этих стычек до тех пор, пока Вазкор не положил им конец, пригрозив казнить холодным и трезвым утром всякого, кто обнажит меч против своего же брата — солдата. Однако прежде чем новый порядок дошел до их мозгов, пришлось устроить три такие казни.

Шатер Вазкора служил центром лагеря. Мой же стоял, отделенный от него одним-двумя рядами палаток, под защитой моей собственной стражи. Я заметила, что среди людей Мазлека не случалось никаких драк и никто из регулярных войск тоже не решался бросить им вызов.

Ледянисто-красными зимними рассветами лагерь свертывался и готовился к отбытию. Эзланны, у которых все естественные функции были скованы жесточайшими табу, всячески исхитрялись в утаивании того, что было необходимым. Рекрутированные хutorяне, словно в порядке умышленного оскорбления, совершенно открыто ели, пили и отправляли все прочие телесные надобности. На них смотрели как на животных, вот они и вели себя, как животные, и — любопытная вещь — поступая так, добились в какой-то мере животного достоинства. Во мне больше не было ни отвращения, ни жалости к людям, привязанным к таким necessities; я теперь жалела не их, а утаивающих и отрицающих естество эзланнов.

Большая часть путешествия была, как я сказала, смертоносной для меня. Я прихватила с собой книги из библиотеки Асрена, но тряска кареты и тусклый свет делали чтение при движении совершенно невозможным. Лишь ночью я могла обратиться к ним, да и тогда не читала, так как каждая страница, к которой я прикасалась, заключала в себе его призрак и навевала особую меланхолию. Зимние виды из маленького окошка кареты — сплошная беспросветная белизна, совершенно плоская, со снежным ма-

ревом на близком горизонте, закрывающим небо или, возможно, горы, — вызывали у меня по ночам мертвеиные бледные сны. В пустыне, похоже, не водилось никакой живности, даже снежных волков и медведей, как в горах Кольца. Сам караван производил большой шум, но помимо него не было ничего, вообще ничего.

На рассвете десятого дня пути я позвала к себе в шатер Мазлека.

— Мазлек, найди мне верховую лошадь и какую-нибудь подходящую для меня мужскую одежду, чтобы я могла ехать верхом.

Он выглядел пораженным.

— Но, богиня... — он заколебался. А затем сказал: — тогда придется доставать одежду мальчика... И понимает ли богиня, какой стоит холод?

Несмотря на колебания, одежду принесли: простая, черная и чистая, но поношенная. Я натянула легины, тунику до колен с разрезами по бокам и сапоги. Когда я затягивала пояс и мне пришлось проколоть новую дырочку для пряжки, мне вдруг с неожиданной болью вспомнилось, как я надела в ущелье одежду мальчишки-разбойника при Дараке. Мазлек принес и плащ, тоже черный, но с подкладкой из чистого серого меха какого-то животного — вернее, шкурок нескольких животных, так как я различала по меткам и сочленениям, где они соединялись. Я подсчитала шкурки, чтобы знать, когда поеду, сколько смертей, двенадцать или четырнадцать, согревают меня. На руки я натянула собственные перчатки, расшитые золотом. Они и золотая маска, несомненно, выглядели совершенно не соответствующими моему новому наряду.

Снаружи ждала вороная кобыла. Мне выбрали очень послушную и благонравную. Откуда ж им знать, что в лесу с Маггуром я скакала на бешеных бурых лошадях.

Я легко перемахнула в седло, вызвав огромное удивление. Меня взволновала возможность снова почувствовать между бедер живое существо, то явление, которое, кажется, всегда пробуждает сексуальное воображение, а на самом деле означает, по крайней мере для меня, своего рода стихийную свободу. Я знала молодцов Дарака, которые были «едины» со своими лошадьми, и я отлично понимаю, что они имели в виду, хотя у меня не было коня-напарника. Я нагнулась к шее кобылы, погладила ее и, подняв голову, увидела через разделявшие нас полуразобранные ряды

палаток Вазкора. Он сразу же повернулся и что-то сказал воину, который немедленно побежал ко мне.

— Богиня, — обратился ко мне гонец, — Вазкор Джавхор спрашивает, нельзя ли ему поговорить с тобой.

Меня сильно позабавило почтение, которое он проявлял на людях — потому что иначе не мог.

— Конечно, — согласилась я и, повернув лошадь, неторопливо подъехала к нему. Со всех сторон, разинув рты, глазели на меня пораженные солдаты. Даже некоторые из хуторян обратили в мою сторону свои бессмысленные лица и смотрели, продолжая сидеть и жевать хлеб.

— Ну, Вазкор, — осведомилась я, глядя на него на сей раз сверху вниз — мелочь, но довольно приятная.

— Не соблаговолит ли богиня зайти ко мне в шатер? — спросил он.

— Соблаговолит, — снизошла я.

Он подставил руку, чтобы помочь мне спешиться, но я легко спрыгнула и первой вошла в шатер. Я не бывала в нем раньше, но оказалось, что шатер внутри был таким же черным и аскетическим, как и снаружи, с несколькими горящими светильниками, жаровней и столом из черного дерева, аккуратно заставленным картами и различными военными атрибутами. Полог закрылся, и стало очень темно, хотя светильники горели.

— Богиня, — сказал он. — Я бы настоятельно рекомендовал тебе продолжать путь так же, как и раньше, — в карете.

— Вазкор, — отпарировала я. — Я бы настоятельно рекомендовала тебе не рекомендовать мне.

— Ты должна понять, — резко сказал он, — что быть богиней — означает быть связанной определенными правилами соблюдения достоинства. Появившись верхом в этой неприглядной одежде, ты уничтожишь собственный образ.

— Я ездила верхом много раз. Падение мне не грозит. А если ты возражаешь против моей одежды, то найди кого-нибудь, кто сможет изготовить мне одежду для верховой езды, которая не вызовет у тебя возражений, конечно, при условии, что в наряд этот не будет входить юбка.

Он был в маске. Стоя неподвижно как камень, он сказал:

— Это очень глупо с твоей стороны. Твоя глупость может перевесить твою полезность для меня.

Его голос казался лишенным эмоций и очень спокойным. По телу у меня невольно пробежал холодок, и я поняла, что все еще боюсь его. Однако что он мог мне сделать такого, что не исправится и не исцелится? Наверное, во мне больше говорило желание страшиться его, чем настоящий страх. И я освободилась от страха.

— Брат, — сказала я, откликаясь на то родство, которое он использовал в обращении ко мне. — Мы не должны ссориться из-за таких пустяков. Я буду действовать, как мне нравится, а ты будешь действовать, как нравится тебе, и пока нам обоим выгодно помогать друг другу, мы так и будем делать. Ты не можешь приехать в За без Уастис.

Возникло короткое молчание. Затем он сказал:

— Вечером я пришлю к тебе портного. На том и порешим.

Это было поражением для него, но все же оно слегка меня тревожило.

Я вышла, снова вскочила в седло и поехала во главе своей стражи в сопровождении Мазлека, оставив карету своим женщинам с их дурацкой болтовней.

* * *

С лошади мертвый белый мир выглядел не столь уж чужим. Один раз с криками пролетела стая птиц, направляясь на восток.

Вечером пришел портной с испуганной женщиной — подогнать мне одежду. Я теперь носила тонкую черную шерсть, бархатную черную тунику с разрезами и золотыми полосами. На сапогах сверкали золотые пряжки; на подкладку плаща пошел мех белого медведя, почти неотличимый от моих волос.

К концу двенадцатого дня мы проехали через деревню темнокожих, сгрудившуюся вокруг замерзшего водопада среди каких-то скал. Мужчины кололи лед на воду, но, как я помнила, женщин, животных и детей где-то спрятали. Солдаты Вазкора прошли деревню насквозь и присвоили кувшины с маслом, запас дров, а также тайком — кожаные бурдюки с пивом. Наступил вечер, и наш лагерь расположили примерно в ста ярдах от поселения. В темноте воины украдкой выбрались из лагеря и устроили на хуторян набег в поисках пищи. Позже я услышала визг, вышла из шатра и увидела горящий в нескольких рядах от меня

большой костер. При его свете солдаты с энтузиазмом насиловали одну из деревенских девушек. Я не знала, ни как они ее раздобыли, ни почему она так боялась, поскольку помнила девушек, танцевавших с ящером у Воды.

Посмотрев на шатер Вазкора, я увидела, что он стоит там, окруженный своей стражей, видимо, заинтересовавшись, как и я, чем вызван шум. Он был в маске, но в его облике появилось что-то странное. Но только на мгновение. Заскучав, он почти сразу же вернулся в шатер. Не знаю, почему я повернулась и тут же пошла к шатру, — наверное, в гневе на него, или же потому, что они терзали женщину. Никаких чувств к ней как к живому существу я определенно не испытывала.

— Прекратить, — приказала я, когда подошла достаточно близко.

Воины повернулись и виновато уставились на меня. Один, все еще лежавший на ней, то ли не услышал, то ли зашел слишком далеко, чтобы его волновало что-то иное. Вопли девушки затихли. Я нагнулась над насильником, взяла его за плечо и стащила с нее. Когда он поднялся, беспомощный в моей хватке, семя уже извергалось из него. Я несколько раз ударила его по лицу без маски. Он приходил в себя, пошатываясь, с остекленелыми глазами, ошеломленный и разъяренный. В лице его не было ничего особенного, только невежество, скотство и гнев. Не думаю, что он понял, кто я такая. Наверное, никто не сообщал, что богиня теперь разъезжает верхом, как мужчина. Тяжело дыша, нелепый, с летаргически болтающимся перед ним признаком его пола, он выхватил длинный нож и нацелил его на меня. Воины криками пытались привести его в чувство и шипели мое имя как предупреждение. Извергая пьяную цепь проклятий, он бросился на меня с пожом, но он был дурак. Я шагнула в сторону и подставила ему ногу. Он тяжело упал. Я даже не подумала убивать его Силой; по-видимому, в этом не было нужды, а он, хрипя, лежал на земле и вскоре перестал двигаться. Наконец, я сообразила, что он напоролся брюхом на собственный клинок. Солдаты сжались от страха. Я посмотрела на девушку, но та была мертва. Я велела им похоронить ее и вернулась к себе в шатер. Это было единственное происшествие за время пути.

На четырнадцатый день мы достигли ворот За. Название его — искажение древнего слова, означающего «го-

лубь». Голубь — символ Города, и я несколько раз слышала, как солдаты в разговорах называли За голубкой. Подобно Эзланну, его называли так за цвет — жемчужно-серый камень, из которого складывались здешние скалистые земли и из которого его и построили. Он тоже стоял высоко, но не на скале, а на сделанной человеком каменной платформе, возвышавшейся на двадцать футов над окружающей местностью. Прекрасный город, полный игрушек и птиц, которые нашли здесь убежище от пустыни и свили гнезда на крышах, шпилях и башнях.

Мы въехали в ворота вечером и ехали час с лишним по широким улицам, вдоль которых выстроились кричащие толпы. Городские птицы перекрывали этот шум невероятно звонкой бурей чириканья, описывая в вышине круг за кругом, в соответствии со своим ритуалом перед сном. Дворец Джавховора За стоял на крутой площади, многоярусная башня с многочисленными башенками и с украшениями, которые делали ее похожей на торт. Напротив дворца стояла одинокая, прямая, как столб, башня с механическими часами, отбивавшими время днем и ночью. При каждом ударе — пугающем лязге медного гонга — вокруг вершины башни шествовали фантастические фигуры из позолоченного железа с эмалью в виде дев, чудовищ и воинов. Это был шедевр уникального орудия пытки, терзавшего меня, пока я жила в За, словно красивый и капризный ребенок, который становится все хуже и хуже, пока не устанет, достигая апогея в полночь — в двадцать четвертый час дня, когда двадцать четыре громовых удара пробуждали от сна или размышлений все живые души, словно труба Страшного суда.

2

Приветствовавший нас Верховный владыка За оказался невысоким и полным. Хотя феникс — символ любого Джавховора, в каждом городе его рисуют и отливают по-разному, так что можно легко отличить одну маску от другой. Художественная форма За предпочитала плавность и мягкие изогнутые линии. Волосы у владыки За были длинными, желтыми и кудрявыми, в ушах висели драгоценности, а на руках красовались ажурные сетки из золота и жемчугов. Позади порхали прекрасные женщины в масках голубок и роскошных серых одеждах. Играла музыка.

Владыки обменялись официальными словами приветствия. Возникло небольшое смущение оттого, что Джавхор За не знал, что богиня уже присутствует здесь. Он поспешно поклонился, стараясь не коситься на мой кавалерийский наряд, и в комнате воцарилось молчание.

Позже, в своих отдельных покоях, я услышала, как башенные часы прогрохотали девятнадцатый час.

Все они присутствовали в Городе, владыки Аммата, Кмисса, Со-Эсса и горного городка Эшкорек-Арнора. Цвета их войска и шатры вытянулись по широкому открытому полю позади дворца, различаясь по цвету: красный Аммата, фуксин Кмисса, пастельно-голубой Со-Эсса и тускло-желтый Эшкорека. Надо полагать, это были цвета их городского камня, и я гадала, какие темпераменты могут породить такие места, как Аммат цвета крови или Кмисс цвета пурпурной раны. Я отлично понимала, что оказавшись в стенах За, я снова должна стать богиней. И поэтому облачилась в плиссированный нефритово-зеленый шелк и бесчисленные украшения из черного янтаря, изумрудов и золота. За мной торжественно шли две женщины в черном бархате и драгоценностях с двумя колоссальными веерами, сделанными из перьев множества белых птиц. Веер — для них символ Величия и Почтенности — выглядел глупо: на земле лежал снег толстым слоем. За женщинами шли Мазлек и его десять подкапитанов, тоже позванивавших украшениями и медалями.

Мы вошли в Большой зал За с западного конца, откуда в помещение спускается огромная мраморная лестница в сотню ступенек. Кипарис из черного дерева и золота в центре зала, словно взирающий с вершины горного пика на покрытые резными змеями колонны, ветвями касался золотых светильников потолка. При моем появлении затрубили фанфары, и мне расчистили путь; теперь все до одного поклонились мне — склонили головы, а большинство женщин опустили на колени. Я презрительно окинула их взглядом и обратила внимание на стилизованные крылья, свисающие с плеч многих мужчин и женщин.

Я спустилась по лестнице, и Вазкор приблизился ко мне и опустился на колени. Я слегка коснулась его головы и сказала: «Встань, муж мой», после чего он препроводил

меня к золотому креслу под кипарисом. Вот здесь я и про- сидела весь первый официальный вечер. Нас развлекали представлениями — по-моему, танцами и акробатикой, но я их почти не помню. Верховные владыки подошли ко мне и представились. Все выглядели надменными, сытыми и странно благоговеющими передо мной — за исключением владыки Эшкорекса. Этот маленький человечек кланялся так, словно пытался спрятаться; будь у него панцирь, как у черепахи, уверена, никто из нас вообще бы его не увидел. Более того, он боялся меня, и я совершенно ясно видела по его лицу, из вежливости не закрытому маской, что страшился он не моей божественности, а моего избранного, Вазкора. Присутствовало также и несколько женщин, довольно красивых, — принцессы Городов и наложницы или жены Джавховоров.

К полуночи раут начал подходить к концу. Мы с Вазкором удалились вместе. Я уже заметила, что его покои при- мыкают к моим. У моих дверей мы расстались, но чуть позже одна из женщин сообщила, что он ждет меня в моей приемной. Очевидно, наши приемные связывала общая дверь, хотя я ее и не видела.

— Очень официально, — сказала я, когда вышла к нему. Он был в маске — теперь он всегда носил ее при мне, за исключением тех случаев, когда мы встречались на людях.

— Не беспокойся, — сказал он. — Я задержу тебя ненадолго. Сегодня ты действовала прекрасно.

— Делать было абсолютно нечего.

— Иногда важна манера, с которой ничего не делаешь. Несмотря на твой курьезный въезд в За, все сильно очарованы тобой. Помнишь ту темноволосую женщину — жену Казарла из Со-Эсса?

— Не особенно.

— Неважно. Она скоро придет к тебе служанку с просьбой об аудиенции, — он умолк, но я ничего не сказала, и он продолжал: — Мне думается, она хочет ребенка.

— И предполагается, будто я подарю ей ребенка?

— В самом деле предполагается, Уастис. Хотя, как мне представляется, она не ожидает, что ты сделаешь это обычным способом. Ты пообещаешь ей зачатие.

— А если она останется бесплодной? — спросила я. Просьба эта казалась жалкой, и я не была уверена, что смогу ей помочь.

— Со-Эсс, — веско указал он, — нам друг.

— А Эшкорек?

Он пристально посмотрел на меня сквозь стекло волчьих глаз.

— Почему ты спрашиваешь?

— Этот горный владыка, видимо, понимает, в чем заключается истинный смысл вашего совещания.

— В Эшкореке таится опасность, — признал он. — Он сам по себе очень велик и очень надежно защищен в своих горах. Мне необходим полный контроль над ним. Глупо будет выступать против дракона, оставив дома невысиженным драконье яйцо, — он кивнул мне. — Мне пора идти.

Спустя примерно полчаса после его ухода ко мне пришла женщина от жены со-эсского владыки, и через несколько минут вошла сама принцесса. Она сняла маску и опустилась на колени, прекрасная холодная женщина, в очень подходящем ей ледянисто-голубом платье.

— Встань, — разрешила я. — Мне известно, зачем ты пришла.

Она слегка покраснела.

— А теперь, — сказала я, — скажи, зачем понадобился этот ребенок?

— Но, богиня, если я не рожу, то буду отвергнута, — она посмотрела на меня пустыми глазами. — Я молилась и страстно желала твоего приезда в За. Ты должна мне помочь — я в отчаянии.

Негнушаяся гордая женщина, она не привыкла умолять. Я внимательно посмотрела на нее и, кажется, внезапно поняла.

— Ты не можешь зачать, потому что не наслаждаешься, пребывая со своим мужем, — догадалась я.

— Это правда, — призналась она и отвела взгляд.

— Наслаждайся, пребывая с ним, и я обещаю тебе ребенка.

Она подавила рыдание, и я подумала, что эти южане, возомнившие себя представителями Древней расы, судили о своих женщинах по способности рожать и оставляли женщину холодной, потому что половой акт для них по-прежнему оставался потрясающей загадкой.

— Подойди сюда, — велела я, коснулась ее лба и посмотрела ей в глаза сквозь открытые глазницы кошачьей маски. Она разок отшатнулась, а затем расслабилась.

— Я дам тебе вот это кольцо, — сказала я. — Надевай его всякий раз, когда к тебе приходит муж, и ты получишь и удовлетворение, и ребенка.

Я снова коснулась ее лба и надела кольцо ей на палец. Она от души поблагодарила меня и удалилась. В конце концов все оказалось совсем нетрудно, хотя я была не уверена, что ее вера в меня достаточно сильна, несмотря на все ее молитвы.

Я выпалась, как могла, между боем часов.

* * *

В За мне часто снился Карраказ, и это были странные сны, не особенно пугающие, но какие-то неутешные. Моя жизнь оставалась предельно пустой. И все же я не могла освободиться от нсе. Куда, в конце концов, я могла отправиться? Ведь не осталось ничего, что могло составлять одно целое со мной.

Собралось совещание — Со-Эсс, Кмисс, Амнат, За, Эшкорек и Эзланн. Позади каждого Джавховора — строй телохранителей и капитанов, а позади моего золотого кресла, поставленного во главе стола, — Мазлек, Днарл и Слор. Вазкор прислал мне письмо с указанием, как и когда говорить, и перечислял словесные сигналы, которые он мне будет подавать. Заучивая наизусть точные слова, я подумала о единственном письменном послании, присланном мне Дараком, малограмотном, с беспорядочным расположением букв. У Вазкора же почерк был аккуратный, школярский, по которому ничего нельзя было определить.

На первом заседании много говорилось о войне, о предстоящих кампаниях, чести, победе и итоговом слиянии трех коалиций. При каждом новом выступлении все смотрели на Вазкора. Он уже держал их в руках, и они знали это — его решительность, мощная аура его железного ума, исходившее от него ощущение Силы совершенно подавили их. Благодаря тому, что сказал он, и тому, что сказала я в соответствии с его инструкциями, они начали понемногу склоняться к избранию одного властелина. Зрелище было изумительное. Я не испытывала никакой жалости к ним, попавшим в сети Вазкора. Исключением был Джавховор Эшкорека. Он не благоговел в страхе — он пребывал в ужасе, а это огромная разница. На первом заседании он держался в стороне, опустив голову. На втором и третьем за-

седаниях он был красноречив уже самым своим молчанием. На четвертой сходке владыка Со-Эсса выразил мнение, что Вазкор, которому оказала честь богиня, должен стать повелителем пяти братьев Элланна. Помнится, я сочла себя наивной, оттого что не увидела раньше, что Со-Эсс нам и в самом деле друг, а заодно и приспешник Вазкора. Уж не знаю, что пообещал ему Вазкор, и как это проделали — возможно, с помощью Силы. Я окинула взглядом стол, и, как собака, вынюхивающая крыс, я внезапно поняла их всех: Со-Эсс, Кмисс и За уже стояли за него. Аммат готов пасть. Но Эшкорек... Пока я еще мысленно тянулась к нему, он поднялся и стоял там, сгорбившийся, ошеломленный, сердитый; испуганная черепаха, высунувшая голову навстречу змее.

— Нет, — заявил он, — я так не думаю.

— О чем именно вы не думаете? — осведомился Вазкор.

— Я не думаю, — запнулся Эшкорек, — я не думаю, что какой-либо из наших городов должен терять свою независимость.

— Сила — в единстве, — мягко указал Вазкор.

Эшкорек покачал головой. Он в отчаянии обратил взгляд к остальным, но было бесполезно ожидать от них какой-либо поддержки.

— Я просто говорю, что я не думаю...

— Вот именно, ты не думаешь, — резко оборвал его Казарл из Со-Эсса. — Весной Пурпурная долина может обрушиться на нас всех, и все лето выть вокруг наших стен. Один мелкий спор между нашими Городами — только один — и сразу изоляция и крах. Нет. Безопаснее находиться под единой властью. Я счастлив склониться перед ней.

— Война никогда раньше не создавала такого положения, — возразил Эшкорек. Возникло молчание. Внезапно он обернулся ко мне. — Богиня, — обратился он, — я зываю к тебе.

Я поразила его глупости.

— Джавховор Эшкорек, — сказала я, — я придерживаюсь одного мнения с избранным мной владыкой.

Случилось невероятное. Я видывала такое прежде, видывала и впоследствии, но это всегда любопытно. Страх Эшкорек превратился в ярость. Он резко замахал обеими руками.

— Ты! — завизжал он на меня. — Шлюха — ведьма Вазкора! Отличная богиня, только перед такой и пресмыкаться древнему роду!

Стол разразился праведным ужасом; солдаты обнажили мечи. Эшкорек крикнул, повернулся и вышел из зала.

— Вазкор Джавховор, — крикнул Амнат, уже инстинктивно подчиняясь Вазкору, — позволь мне отправить вслед за ним воинов. Оскорбление богини не должно остаться неотомщенным.

— Богиня, — повернулся ко мне Вазкор.

Я не знала, что сказать. Произошедшее странно потянуло меня: черепаха, несмотря на свою глупость, правильно оценил мою роль.

— Пусть уходит, — пробормотала я.

Все низко поклонились мне, и заседание закончилось.

Чуть позже в тот же день, когда Джавховор Эшкорека ехал по площади, приказав готовиться к отбытию из За и путешествию на восток в свои горы, крошечный кусочек черепицы, сброшенный с одной из башенок, — надо полагать, птицей, — упал и поразил его. Он вошел ему в мозг и мгновенно убил. Это был несчастный случай, однако никого особенно не удивило, что невидимые силы сразили его после того, как он оскорбил богиню. Эта смерть произвела впечатление на владык Городов. Теперь они просто настаивали на сюзеренстве Вазкора. Убийство может быть полезным уроком, а люди Вазкора, причем в изрядном количестве, были всюду.

После смерти владыки Эшкорека в За установилась странная погода. С востока налетела трехдневная гроза и накрыла мир черной пеленой. Во дворце днем и ночью горели свечи и светильники. Вот при этом жутковатом и неестественном свете Вазкора объявили властелином. Провели разные церемонии, но я их помню не очень хорошо, в памяти остались лишь мерцание золотого света на золоте да зеленовато-темное небо и гром. Наедине я с ним оставалась реже, чем раньше, а на публике чаще.

Жители За боялись грозы. Когда она миновала, они пели мне благодарственные молитвы на площади. Уж не знаю, почему они не благодарили собственную богиню, кто бы там она ни была; но, впрочем, она ведь еще не проснулась.

На других заседаниях, как Вазкор известил меня, мое присутствие было необязательно им. Я очень устала и радовалась этому.

Прошло пять ночей. На шестую Вазкор прошел через таинственную дверь, соединяющую наши покои.

— Богиня, — уведомил он меня, — все подготовлено к зимней кампании. Через два дня мы выступим на юг, и к тому времени к нам присоединятся основные силы армий Кмисса, Со-Эсса и Аммата.

— А Эшкорек? — спросила я его.

— Мы встретимся с ними по пути к Пурпурной долине.

— Кто там теперь владыка? — поинтересовалась я.

— Один человек.

— Твой?

— Да. Я планировал это давно, богиня, задолго до твоего счастливого пришествия. Твое прибытие лишь ускорило наступление этого дня, вот и все. Он все равно бы настал.

Он разговаривал со мной иным тоном, и вошел без маски. Я чувствовала себя слабее обычного; усталость была очень сильна. Последние дни я ощущала недостаток сна, как оказалось, необходимого мне время от времени, а часы гарантировали, что я его не получу.

— Значит, мы выступаем через два дня, — сказала я.

— Нет, богиня. Не *мы*. Ты останешься в За.

Тут я поняла, что он наконец настал — миг моего уничтожения — не смерть, а низведение до участи бесполезного существования обычной женщины, — и я была не готова к нему. Верно, я не хотела ехать с ним через холодные заснеженные пустыни на войну с кем-то, чье имя для меня — звук пустой. Но еще меньше мне хотелось играть роль, к которой он меня так осторожно подготавливал.

— Я тоже, — заявила я, — еду на юг.

— Хотя ты и богиня, — сказал он, — ты все же женщина. Я знаю о твоей стычке с моими солдатами из-за деревенской сучки. Но твоих сил недостаточно, чтобы уцелеть в битве.

— Я ничего не знаю о тебе, — сказала я. — А ты, Вазкор, ничего не знаешь обо мне. Мир, лежащий по ту сторону Кольца, тебя не интересует, и поэтому я не буду рассказывать, как я жила там.

— Ты спала с человеком по имени Дарак, — сказал он, — который походил на меня.

Конечно, было естественно, что он смог сделать такой вывод еще при нашей первой встрече, но слышать, как он говорит об этом *так*, словно ему все это отлично известно, вызвало шок и боль. Я задрожала всем телом и не могла продолжать разговора. Отвернувшись, я пошла к дверям своей спальни, а затем остановилась, потому что он последовал за мной.

— Видимо, ты поступила так, как я просил, в деле с женой Со-Эсса, — сказал он. — Как я понимаю, она и счастлива, и полна надежд. Я поставил тебя очень высоко, и тебе самое время понести мое семя для напоминания всем, что ты в браке со мной.

Я остановилась в дверях, окаменев. Пугал меня не сам акт, а цель его и этот человек, такой бесстрастный во всем, что он делал, который так же бесстрастно приготовился возлечь со мной. Я и могла и не могла вообразить такого между нами. Внезапно ко мне вернулся разум. Отказом ничего не добьешься. Этот миг принадлежал ему, и бороться было бы глупо.

— Ты мой муж и владыка, — вежливо сказала я. — Ты можешь спать со мной, когда сочтешь нужным.

Мы вошли в большую комнату с резными голубыми на стенах, и он закрыл за нами двери. Мы были одни, женщины давно удалились. Мерцало несколько свечей, почти догоревших, отбрасывая тусклый рассеянный свет. У постели лежала одна из украшенных самоцветами книг Ас-рена.

Я сняла одежды без спешки или колебания и оставила их лежать там, где они упали. Я думала о Герете, которому я помогла стать лидером караванщиков, Герете, который изнасиловал меня и боялся — хотя то, что он сделал, было мелочью. Повернувшись к Вазкору, я увидела, что он стоит совершенно неподвижно, одетый и молчаливый. Я подняла руки и стянула с лица маску. Глаза его сузились, вот и все. Мое безобразие было больше не властно защитить меня. Руки мои опустились. Я подошла и улеглась на шелковую постель. Миг спустя он подошел и встал надо мной.

— Как видишь, Вазкор, — сказала я, — я вполне послушна.

Две свечи замерцали и одновременно погасли, потом еще одна и еще. Темнота. Он не потрудился снять одежды, только самое необходимое. Герет. И все же Вазкор не мог ни вызвать тошноты, ни заставить меня смеяться над

ним. Я не в силах была взять верх над ним с помощью холодной воды или угрозы толстого белого бога. Я забыла, что он должен прикасаться ко мне, забыла, что он будет ловок в том, что делает, забыла, что в темноте его тело будет напоминать тело Дарака, руки будут руками Дарака, только без их шрамов. Даже движущийся корень между моих бедер... Молча я наблюдала за собственными реакциями, словно это было сном. Уж не знаю, получил ли он какое-то удовольствие. Вроде бы, нет. Для него это было еще одной победой, еще одним улаженным делом. Он настолько идеально держал себя в руках, был настолько идеально безразличен, что я даже не заметила мига его беспомощности, пока тот не миновал.

Его длинные волосы задели мне лицо, когда он поднялся и покинул меня — отнюдь не волосы Дарака. Свечи не горели. Он произнес в темноте:

— Благодарю тебя, богиня. Надеюсь, что вернусь до рождения.

Она была нелепой, эта его уверенность, и все же она вызвала у меня холодок. Я ничего не ответила, и вскоре он ушел. Похолодев, я лежала на постели до тех пор, пока луна не засияла на моей наготе. Я нашла спальную маску и надела ее. Часы начали отбивать второй час утра, а потом третий, четвертый и пятый часы. Спала я в За, Голубке, неважно.

3

Два дня в За громыхали и лязгали армии Аммата, Со-Эсса и Кмисса. Царили страшный шум и суматоха, но я их почти не слышала, равно как и ужасные часы. Я послала за лекарем и, отобрав среди его трав и лекарств те, какими пользовалась Уасти, приготовила сонное зелье. Казалось нелепостью, что я раньше не додумалась до этого. Я проспала две ночи и день между ними. Глаза я открыла в странно безмолвном рассвете — исчезли Вазкор и его военные силы, и фургоны из обоза.

Я встала, приняла ванну, оделась и позвала к себе Мазлека.

— Через За будут еще проходить войска?

— Да, богиня, — подтвердил он, — еще должно подойти несколько соединений регулярных войск и много пехоты. Они будут проходить через Город много дней.

Я сообщила ему, что нам предстоит присоединиться к Вазкору; он, казалось, удивился, но и обрадовался перспективе участия в боевых действиях. Я терпеливо ждала, пока не наступил четвертый день после отбытия Вазкора. В полдень из Аммата прибыло пятьсот всадников и двести пехотинцев под командованием здорового блондина в полном походном вооружении в отличие от своих подчиненных. Они расположились под стенами на придворцовом поле или нашли помещения для постоя в Городе, и началась шумная ночь. В темноте, освещенной факелами моего эскорта, я прошла по короткой траве среди рядов палаток и прибыла к огромному алому шатру. Под черным плащом я носила все регалии богини. Часовые сразу узнали меня, и через какие-то минуты я вошла и оказалась лицом к лицу с нервничающим, пораженным командиром. Он не так давно что-то пил и из кожи вон лез, стараясь скрыть этот факт. Подав мне высокое кресло, он расхаживал вокруг стола, не зная, что со мной делать.

— Командир, — сказала наконец я, когда иссякли его неловкие любезности. — Я весь день ожидала вашего ответа.

— Моего — моего *ответа*? — воскликнул он, останавливаясь как вкопанный.

— Снарядить моих людей для похода.

Его не скрытые маской глаза сделались круглыми от удивления.

— Я вижу, командир, — сказала я, — что посланцы до вас не добрались. Я должна отправиться на эту кампанию вместе с моим мужем-властелином. Честь вооружить меня предоставлена Аммату.

С лицом, покрасневшим от потрясения, он начал оправдываться и заверять меня, что немедленно выполнит пожелания властелина.

Это вызвало задержку на два дня для Аммата, но тем не менее Мазлек и его восемьдесят людей получили в походных фургонах превосходное снаряжение для себя и для своих лошадей. Командир нервно спросил, что я выберу для себя, но доспехи были для меня совершенно бесполезны. Их, как правило, изготавливали не для женщин, и поэтому подходящих из бывших в употреблении не находилось; к тому же, каждая часть их была громоздкой, неудобной и наверняка свалилась бы в тот же миг, как только мой конь перейдет в галоп. Поэтому я выбрала только но-

жи и длинный яркий меч без эмблемы. Он считал, что мне надо изготовить персональное снаряжение, но я уведомила его, что нуждаюсь в вооружении только для нападения, а не для защиты. Он прочистил горло и кивнул, считая меня, полагаю, облаченной в мою божественность и потому неуязвимой. Однако страдать от всякой раны я буду, даже если и не смогу умереть. Но сейчас это казалось неважным. Я не представляла себе битву как таковую, я думала только о том, что Вазкор твердо решил запереть меня в За и что я не дам себя запереть.

За это время в За въехал и выехал отряд Со-Эсса, и войско из самого За с лязгом прошло на юг под высоким арочным сводом ворот.

В последнюю ночь, когда я допоздна засиделась в своих покоях, готовя официальное письмо тому, у кого гостила, желтогребенчатому Джавховору, вбежала одна из моих женщин и уведомила меня, что тот только что явился лично.

Он вошел, глубоко поклонился и завопил с маской. Я спросила его, что ему угодно.

— Богиня, прости меня, но я понял так, что ты должна была оставаться здесь, в За.

— И как же ты это понял?

— Владыка Вазкор... — он заколебался. — Властелин доверил ваше благополучие моим заботам. Он объяснил положение дел. Твое деликатное состояние...

Я посмотрела на него каменным взглядом, и он покраснел.

— Деликатное? — переспросила я. — Это почему?

— Из-за *беременности*, — выдавил он гортанным шепотом.

Это было одновременно и смешно, и жутко.

— Владыка Вазкор, боюсь, страшно ошибся, — заявила я. — Следовательно, тебе нет нужды убеждать меня не ехать, и в самом деле, я бы настоятельно рекомендовала тебе этого не делать. Ты немедленно убереешь от моих дверей свою стражу. С любыми дальнейшими попытками задержать мою особу разберется моя собственная стража. Ты помнишь, кто я и какими силами обладаю. Ты желаешь, чтобы я их продемонстрировала?

Он побелел и попятился, пытаясь найти подходящие слова.

— Я понимаю твое затруднительное положение, — смилостивилась я. — Ты разрываешься между необходимо-

стью подчиниться Вазкору и желанием не гневить меня. Однако на самом-то деле все очень просто. Я здесь, а Вазкор — нет. А теперь иди и больше не беспокой меня чем-либо, связанным с этим.

Он поклонился и, трясаясь, вышел; я так никогда и не увидела стражу, которую он, как я догадалась, привел с собой — бедный, сбитый с толку дурак.

* * *

Мы выехали на заре навстречу сильному яркому солнечному свету.

Дорога шла вниз с платформы, на которой стоял Город, в безлюдную белую пустыню, однако в тот день она казалась прекрасной, искрящейся, как алмаз, под ясным бледным небом. Вдали на востоке я теперь смогла различить самые слабые признаки тех гор, которые вели к Эшкорек-Арнору и окружали его. Там правил теперь человек, который ожидал во время совещания в За смерти черепахи и слов Вазкора: «Теперь *ты* Джавховор».

Мы двигались довольно проворно, так как не тащили с собой много фургонов, и они нас не слишком задерживали. По ночам воздвигались металлические стены, вспыхивали костры. Ко мне приходил Мазлек и понемногу обучал меня военному делу, но не слишком долго; уставая от езды, я легко погружалась в сон. Ко мне относились с большим уважением и вежливостью. Амматский командир явно думал, что делает приятное всем. Он действительно с нетерпением дожидался, когда сможет доставить меня с почетом, в целости и сохранности и должным образом вооруженную, к моему донельзя обрадованному мужу.

Как я поняла, Вазкор установил место встречи для всех своих сил в точке, называемой ими Львиной Пастью. Неподалеку от этого места, где в небо вонзались высокие скалистые холмы, создавая частокол вокруг Пурпурной долины, находилось ведущее вниз узкое ущелье. Зимой ущелье заваливало снегом, и ходило немало рассуждений и споров о том, как Вазкор планировал пробираться через эти непроходимые снега или как долго придется ждать, пока весенняя оттепель не выполнит эту работу за него. В любом случае по этому поводу ворчали. Зимняя кампания по ту сторону Театра военных действий была редким и рискованным предприятием.

Ближе к холмам ландшафт изменился: замерзшие русла речек, редкая россыпь лесов с голыми деревьями, сло-манными снегом ветвями. Здесь стояло несколько деревень, и в них не обошлось без обычных солдатских грабежей, но на этот раз никаких изнасилований не было, возможно, только потому, что тут прятали женщин лучше. Здесь мы также начали догонять и обгонять длинные неповоротливые процессии больших колесных пушек, осадных башен и других военных машин, влеко-мых запряженными цугом мулами или мертвоглазыми темнокожими. Они оставляли на белой земле большие черные колеи. Погонщики шныряли вдоль напряженных рядов, и длинные бичи взвивались и опускались, словно извивающиеся языки змей. На десятый день, когда мы проезжали мимо, пало сразу два мула, надорвавшись под грузом большого металлического тарана. Люди с бичами сердито ругались и кричали, но у амматских солдат это зрелище вызвало немало смеха. Я отвернулась от двух одинаковых туш, лежащих на снегу, словно рисунок. Уж не знаю, почему меня так расстраивал вид умершего животного, коль скоро человеческая смерть меня совсем не трогала. Наверное, потому, что животные были прекраснее, и в них не усматривалось никаких признаков разложения, в то время как даже в наилучшем из людей всегда можно найти какую-то вину или порок, из-за которых он кажется заслужившим смерть.

* * *

Скалистые холмы выросли и отвердели в лежавшей перед нами пурпурной темноте. Пересеченная лесистая местность сгустилась и отступила. Время от времени небо расшивали узорами птицы, а на рассвете появилась горстка белых волков, шныряющих вокруг стен лагеря и воющих от голода.

— Выходит, в этих горах водятся животные? — спросила я у Мазлека.

— Водятся, но мало, богиня.

— Теперь больше, — я кивнула на окружавших меня солдат и лошадей. Он усмехнулся.

После того, как мы увидели горы, нам понадобилось два дня, чтобы добраться до них, три — чтобы преодолеть первые склоны, ибо они шли вверх и вниз, и не было ни

какой-либо дороги, ни короткого пути. Утром, в четвертый день восхождения, ко мне вежливо обратился амматский командир.

— Вон там, богиня, — показал он, — Львиная Голова. Поднявшись на нее, мы доберемся до Пасти — вероятно, до заката.

Я посмотрела туда, куда он указывал, и увидела большой бесформенный кусок черной с белыми снежными пятнами скалы. На мой взгляд, она даже отдаленно не походила на льва, хотя, может быть, так и было в давно минувшие дни.

— Вон скулы, — гордо объяснял он мне, — и глаз, а вон те слоистые образования — грива.

— Да, да, — вежливо согласилась я.

Поднявшись на Львиную Голову, какая-то лошадь упала и сломала переднюю ногу, и ее прикончили. Тени удлинились, небо висело низко и не являло цвета заката. В меня просочились ощущения холода и меланхолии. Я начала-таки в конце концов страшиться встречи с Вазкором.

Теперь пошла извилистая проселочная дорога, с нависшими по обеим сторонам скальными стенами, потом расщелина, а ниже — большой заснеженный уклон, террасированный и опускающийся в противоположном конце с гигантских валунов. За ними, похоже, находился спуск, откуда неясно высывались в густеющем свете сумерек верхушки других скал. На самом же уклоне вытянулся огромный лагерь, суетившийся, словно улей. Уже видны красные точки факелов. Тянущийся к небу дым костров. Здесь, должно быть, сгруппировались тысячи людей, не считая фургонов, машин и привязанных к кольям животных. Дальше на востоке по уклону естественные арки выходили на другие уровни, где двигались взад-вперед остальные части армий.

Я ехала теперь в авангарде за воинами из Аммата, охраняемая по бокам: слева Мазлеком, а справа — алым командиром. Мы осторожно спускались по скалам. Я вдруг вспомнила стан в ущелье, и меня невольно охватил гнетущий страх.

Нас окликнули часовые. Мы теперь ехали между рядами палаток, дымов, света костров, убирающихся с нашего пути солдат. Скоро я увижу черный шатер.

Воин, стоящий около коня амматского командира, что-то говорил...

— Нет, сударь. Властелин перебрался вперед, в нижний лагерь — два дня тому назад.

Слова медленно проникли ко мне в мозг. Вазкор исчез.

Теперь говоривший кланялся мне. Шатер тотчас же разобьют, и устроят все для моего удобства. Они очень удивились, увидев меня, но для них всех было высокой честью иметь в своей среде мою священную особу.

Что правда, то правда, мое прибытие вызвало в большом лагере своеобразный эффект. Мое присутствие их, похоже, искренне взволновало и обрадовало. И вдвое довольней, кажется, стали как раз воины Кмисса, Со-Эсса и Аммата. Для них я все еще оставалась особенной, потому что принадлежала не им. Теперь они громко приветствовали меня, когда я проезжала, и тепло разливалось у меня по телу — облегчение оттого, что Вазкор где-то в другом месте, и ощущение собственной Силы, столь внезапно вспыхнувшее во мне в месте под названием Львиная Пасть.

4

Меня очень обрадовало, что Вазкора тут не было. Он уехал вперед примерно с двумя сотнями воинов из Эзлана и Со-Эсса, на более низкий участок неподалеку по ущелью, откуда открывался идеальный вид на территорию долины. Там он разбил новый лагерь, замышляя стратегию игры, в то время как выше к Львиной Пасте прибывали последние части войск. Командование у Пасты перешло к Казарлу, Джавховору Со-Эсса — логичный шаг, поскольку из всех собратьев-Джавховоров Вазкора только он лично явился со своими армиями. Войска Кмисса, За, Аммата и Эшкорека явились под началом младших братьев, старших сыновей, кузенов и племянников владык. Отсутствие первых трех было вызвано возрастом, требующим спокойного и размеренного образа жизни; кроме того, я понимала, что Вазкор предпочел бы в таком предприятии более молодых и охочих. Он, несомненно, принял меры, чтобы не допустить возникновения любых заговоров среди оставленных дома номинальных владык. Что же касается нового хозяина Эшкорека, то он слишком недавно обосновался в своем кресле, чтобы так быстро убегать из него. Вероятно, он остался по недвусмысленному приказу Вазкора.

Мой первый день у Пасти полностью заняли две существенные мелочи. Сперва требовалось достать у них похожий на вино напиток, которым я теперь утоляла голод. Для путешествия сюда я привезла достаточно, но в конечном-то счете все колодцы пересыхают. Пока я ехала вместе с Вазкором, никаких трудностей не возникало, так как заботился об этом он. А одной мне приходилось преодолевать барьеры их смущения, описывать его, а потом смотреть, как его украдкой и почтительно доставляют ко мне в шатер. Тем не менее, я не утратила их уважения, ибо никто из них не смог бы прожить, питаясь такими крохами. Вторую свою трудность я считала дурацкой, однако, она досаждала мне. Мои месячные кровотечения давно приобрели определенный ритм, появляясь у меня раз в двадцать дней, и больше ни в коей мере не расстраивали меня, так как протекали легко и безболезненно и длились всего сорок восемь часов, а то и меньше. Теперь же прошло двадцать пять дней, а ожидаемый гость не приходил. Я убедила себя, что, по всей вероятности, путешествие сюда все расстроило, но это рассуждение меня не утешило. Мозг сверлило глупое, ледяное подозрение, но даже мысленно я боялась признаться в этом.

На второй день у Львиной Пасти я переключила свои мысли на другие дела. Солдаты все подходили и подходили регулярными потоками, и огромный лагерь стал еще более переполненным и разросшимся. Я отправила Днарла и двух других передать мои приветствия различным военачальникам, в том числе и Казарлу, и попросить их навестить меня в двадцатом часу у меня в шатре. Я знала, что они почтительно явятся, но притом будут в замешательстве, не ведая, о чем следует говорить с угнездившимся в центре военного лагеря женским божеством. Но для них это не составило труда. За все два часа, проведенные в их обществе, я произнесла всего несколько слов, да и те, в общем-то, сводились к подсказкам. Я дала им полную волю говорить о войне — о ее истории и будущих кампаниях. Они понятия не имели, что Вазкор не хотел, чтобы я находилась здесь. Им думалось, что он будет доволен их попытками уведомить меня обо всем, что они знали, а когда они обнаружили, что я не только понимала, о чем они говорят, но вполне искренне интересовалась и увлеклась их рассказом, у них сложилось новое мнение обо мне. Я была, считали они, женщиной, но с мужским умом; это мне-

ние так и излучалось их лицами и являлось высшим комплиментом. Они ушли от меня в хорошем настроении, впечатленные своей богиней, научив ее немного тому, чего следует ожидать на войне, и раскрыв многое в их собственных характерах.

Утром я встала рано и прогулялась в сопровождении Мазлека, Днарла и Слора по рядам палаток. На меня больше тарачились, чем отвешивали глубокие поклоны, однако солдаты, с которыми я заводила разговор, казались как благоговеющими, так и гордыми тем, что Восставшая выделила их. Завтрашний день увидит этот лагерь тронувшимся в путь, чтобы присоединиться к Вазкору на нижней стоянке, и уже полным ходом шли приготовления к отбытию. Появился Казарл и взял меня на экскурсию к военным машинам и на инспектирование строевой подготовки мечников и конницы. В районах расквартирования лучников воины смолили свои луки, несколько конных тренировались, пуская стрелы в раскачивающееся соломенное чучело и мешки, а другие, псшие, — по разным висящим на столбах мишеням.

Я заметила Казарлу, что забыла выбрать себе лук и хотела бы сделать это сейчас. Он, казалось, изумлялся всему новому, к чему я показывала себя способной, и этот раз не стал исключением. Однако ж он подозревал воина, и мы прошли среди припасов; через некоторое время я выбрала тот лук, который показался наиболее удобным. В нем не чувствовалось такой близости, как в тех, какими я пользовалась, когда была с Дараком — те ведь делались лично для меня, но я надеялась, что со временем между нами может сложиться союз. Прихватив несколько стрел, я вышла с ним из палатки и живо расправилась с цветными глазами мишеней. Вокруг меня прокатился ропот восхищения со стороны лучников, и я знала, что известие об этом распространится по всему лагерю.

Делала я и другие вещи, возможно, глупые, так как у меня не было уверенности, что я добьюсь в них успеха, но, впрочем, у меня было очень мало времени. Я сразилась среди офицерских шатров в учебной схватке на мечях и ножах с одним худощавым и хитрым бойцом. Сперва я думала, что он сдерживался от тревоги из-за такой ситуации, но через некоторое время мое умение убедило его, что ему лучше что-то предпринять против меня. Нас судили по очкам и в итоге сочли равными. Думаю, я могла бы

побить его, хотя и не стану клясться в этом, но мне не хотелось вызывать ни зависти, ни гнева тем, что я сделала. На открытом месте находились табуны лошадей из горных долин Эшкорек-Арнора, все еще диких, которых воины мало-помалу объезжали для ратного труда. Мне это дело не нравилось с тех пор, как я смотрела на Дарака, объезжавшего в степном крарле Сарроку, и узнала, что покорить лошадь означает также сломить ее дух. И все же я выделила белого жеребца — гордость табуна, не лощеного, неприрученного и разъяренного на весь этот мир.

— Этот, — указала я.

Казарл начал было возражать, но я вежливо предложила ему помолчать. С помощью проклятий и стрекал белого залучили в отдельный загон, и я прыгнула туда следом за ним. Теперь я понимаю, что это и впрямь было глупостью, но в то время такое действие имело свою извращенную логику.

Белый повернулся и посмотрел на меня двумя горящими колесами глаз и стал попеременно рыть землю то одним, то другим копытом. Я велела не придерживать его для меня, да, по-моему, они и в любом случае едва ли смогли бы его удержать. Он обругал меня по-своему и встал на задние ноги в самой невозможной позе, и пока он балансировал так, на пределе своей взбешенности, я побежала к нему и в последний момент увильнула в сторону, прежде чем он смог шарахнуть меня копытом, а когда он встал обратно на все четыре, я ухватила за его гриву, уперлась ногой в ледяной бок и забралась ему на спину. Он подпрыгнул, подняв в воздух все четыре ноги, отчего у меня при сотрясении, казалось, сместились все суставы позвоночника. Я вцепилась ему в шею и гриву, но мои руки не дотягивались до его огромной шеи, чтобы поприжать дыхательное горло — старый, но верный прием объездчиков. Лагерь, скалы и небо разбились на мелкие осколки и начали виться вокруг наших голов. Скачка была жуткой, и мне не раз думалось, что я погубила все свои планы, и буду сброшена и, вероятно, съедена, так как эти дикие табуны из Эшкорека пользовались славой пожирателей людей. Пусть даже так, но не могу отрицать, что панический ужас в данном случае доставлял мне своеобразное удовольствие — это было осязаемой реальностью посреди напастей и бед, казавшихся нереальными.

Конец наступил совершенно неожиданно. Никакого замедления бега, просто внезапное прекращение всякого движения. Не знаю, сколько длилось это страшное испытание, но, думаю, довольно долго. Вокруг загона собрались толпы воинов, смотревших во все глаза, кричавших приветствия. Казарл носил маску и оставался непроницаем, однако поднял руку, отдавая честь.

Конь стоял подо мной не дрожа, очень спокойно. Сперва я думала, что то неистовство может начаться заново, но через некоторое время рискнула слезть. Подойдя к могучей голове, я пристально посмотрела в его тлеющий глаз. Конь наклонился и ткнулся мне в плечо. Подняв руку, я погладила бледную шею, слегка испещренную, как стало видно вблизи, полуневидимой прекрасной сетью голубоватых веснушек, будто она была высечена из мрамора.

— Мой, — объявила я.

Я свое доказала. Этот белый дьявол бывал спокоен со мной и одним-двумя конюхами; как надлежало, его представили им — но со всеми прочими он по-прежнему оставался демоном. Наверное, это самое разумное — сдерживать коня только одной рукой. По крайней мере, я не уничтожила ни его самого, ни его душу бешеного коня.

Мы отправились к Вазкору утром, я ехала во главе на белом коне. Это было нетрудно. Я сообщила Казарлу, что приведу армии Белой Пустыни к их властелину, и тот поклонился, сразу же капитулировав. Что же касается следовавших за мною воинов, то, думаю, что такое положение удручало немногих. В конце концов, я же была богиней, да притом богиней-воином, владыкой на день. Но заключавшийся в этом скрытый смысл значил очень даже многое. Я больше не боялась встречи с Вазкором.

Когда солнечные лучи упали на край скалистых гор, мы спустились, петляя по старой проселочной дороге, созданной в далеком прошлом, наверное, путешественниками, и прибыли на огромное ровное плато с разбросанными на нем палатками и загонами для лошадей. Это было огромное открытое место, а за ним в скалах зияло много узких проходов, которые летом должны были вести прямо в долину, но теперь были завалены снегом. В одном месте

у бреши в скале виднелось внизу пустое пространство, завешенное сейчас белой вечерней мглой.

Армии юга уползали за мной вниз огромной змеей и растекались по плато.

Позади меня полыхнул красным свет факелов в руках солдат.

Из черного шатра вышел человек в волчьей маске с алыми глазами.

— Властелин, — окликнула я. И отдала ему честь. — Я привела тебе твои боевые силы, как ты приказал.

С миг он стоял не двигаясь, а затем подошел ко мне. Остановился около коня, поднял голову.

— Добро пожаловать, — официально приветствовал он меня.

Он протянул мне руку, чтобы помочь сойти с коня, и я приняла ее потому, что на нас смотрело множество глаз.

Я подняла одну руку, и Казарл, следуя указанию, спешил и передал остальную огромную колонну на попечение ее капитанов. Фигуры на лошадях повернулись и удалились. Стало очень шумно, когда воины принялись разбивать палатки и расквартировываться.

Вазкор кивнул мне:

— У меня в шатре.

— Нет надобности, — отказалась я. — Уже подъезжает мой собственный — вон там, видишь?

Подошел конюх, чтобы увести моего коня, и тот топнул и мотнул головой. Я повернулась, дабы успокоить его, и обнаружила позади себя Мазлека и еще десятерых из моей стражи, застывших и неподвижных, повернувшихся лицом к Вазкору — прекрасная мизансцена, исключительно эффектная и очень действенная.

Вазкор снова кивнул и отошел. Я подошла к белому коню и ласково успокоила его.

* * *

В ту ночь я не могла лежать спокойно. Я ликовала, упиваясь достигнутым, может быть, слегка переусердствовав. Я сидела у себя в шатре в красном пылании множества жаровен и светильников, подрагивая, словно животное во сне, и грезила наяву о достигнутой цели и независимости.

А затем к пологу подошел Казарл Джавховор, вошел, имея бледный вид, поклонился и посмотрел на меня.

- Надеюсь, богиня хорошо себя чувствует, — сказал он.
- А разве она должна чувствовать себя иначе?
- Я явился попросить прощения, — проговорил он.
- За что?

— Ты должна понять, — нервно сказал он, — я не знал о состоянии богини у Львиной Пасти.

— Моем состоянии? — повторила я, и мои мысли затвердели в камень.

— Да, в самом деле — я не знал. Владыка Вазкор уведомил нас всех, и он разгневан. Надеюсь и молюсь, что твое здоровье не подверглось опасности.

Он оборвал фразу и отступил на шаг. С миг я не могла понять, почему, а потом сообразила, поднялась на ноги и почувствовала, как ярость и гнетущее напряжение закипают во мне, электризуя и ужасая — аура, которую он мог ощутить и, возможно, даже увидел. Я отвела от него взгляд, и хрустальный предмет на одном из приставных столов раскололся. Я сжала кулаки и попыталась унять ярость.

— Вазкор, — прошипела я, — ошибся. Можешь так и передать своей армии. А теперь — вон!

Он сразу повернулся и, спотыкаясь, вывалился из шатра.

Я стояла в центре шатра, мой гнев обратился внутрь, словно горящее, бушующее море, заключенное в кувшин. Проведя руками по животу, я сказала всему, что могло быть у меня в утробе:

— Нет, нет, не от него. Вон, вон из меня. Не от него.

Острая боль вонзилась мне сквозь пах в живот. Она напугала и отрезвила меня, и вскоре я сделалась очень спокойной и холодной. Шевельнулась одна мысль.

— Нет, — сказала я ей и натянуто улыбнулась. — Я не поверю в тебя. Я очень сильна. Если я не уверю в тебя, ты не сможешь быть.

И захлопнула перед этой мыслью железную дверь, и повернулась к ней спиной.

5

Три дня бригады воинов работали впереди, пробивая проход через ущелье в скалах, расчищая по мере сил снег. На четвертый день великие армии юга упаковали свое снаряжение и последовали за ними. Я уже видела мель-

ком то, к чему мы шли через ущелье, которое выходило в долину. Длинная впадина белизны, вдали замерзшее озеро, заплаты вечно-зеленых деревьев с покрытыми листвою вершинами и голыми ветвями, стоящих словно черные птицы на одной ножке. А вдали — безошибочный силуэт города, накрененные стены, защитное возвышение платформы, естественное или иное, окруженное лесами.

В ночь третьего дня Вазкор и его капитаны сидели в черном шатре и обсуждали путь через горы и поход к тем стенам. Город назывался Ораш — первая рыба улова. Я тоже просидела все это собрание. Никто не отрицал моего права занимать тут место. Вазкор вообще со мной не разговаривал, и я тоже не разговаривала с ним, только слушала. Похоже, тут почти напрочь отсутствовал какой-то план, только агрессивная настойчивость, решимость и жадность.

Хотя проезд через скалы оказался короче, чем предвидели, его нельзя было назвать легким. С вершин обрушивались снега, сорванные с мест эхом от тысяч марширующих ног, копыт, катящихся колес фургонов. Переход этот занял три дня, и в первый из них погибло десять человек. Ночью лагерные костры бросали кровавые кляксы на ледяные стены, высившиеся над станом. На третий день голова армии появилась на скальных карнизах внизу, а следом потащились и остальные. Последние крутые мили до низа долины мы преодолели по остаткам старой дороги. По долине проходило много дорог. Они, казалось, появлялись из ниоткуда и снова исчезали в земле после мили-другой пути, словно следы огромных перевозданных слизней.

В той части долины возникало странное ощущение. Безмолвие. Пустыня тоже безмолвствовала, но по-другому. Там свистел сухой ветер, а иной раз пролетали птицы. Было легко представить себе, что какая-то жизнь могла существовать, прячась теперь от снега. Но в долине, похоже, не дуло никаких ветров — горы, казалось, замуровали ее, словно чашу, а низкое белое небо служило крышкой. Даже деревья в долине выглядели нереальными: прямые твердые стволы, почерневшая листва. Воины рубили их, пополняя запасы дров, и скрежещущий визг каждого, когда оно падало, пронзал мне уши и доходил до самого живота. А впереди — окруженный лесной гирляндой город Ораш. Ораш казался спящим или же покинутым. Когда мы еха-

ли к нему по долине, во мне начала расти странная убежденность, что он совершенно пуст, или же в нем все умерли. Это ведь Уасти, вспомнила я, рассказала мне среди фургонов каравана легенду о Сгинувших — как пришла болезнь, и они умирали там, где стояли или лежали, пока наконец не осталось никого, кто мог бы похоронить их. По ночам начал являться сон. Я еду на белом коне так же, как ехала днем, но во главе, одна, а за мной неподалеку движется великая армия с людьми Мазлека. Ворота стояли, распахнутые настежь, а за ними идут прямые, как линейка, улицы, тянущиеся к отдаленной горячей точке. В снах никогда не бывает никаких звуков; я не слышала громахания следовавшего за мной воинства. Скачка все продолжается и продолжается, а с нею растет страх, страх явно беспричинный, и все же холодный и цепкий, и избавиться от него никак не удастся. У этого сна не было никакой кульминационной точки, никакого внезапного ужаса, только движение, пустота и страх.

Мы разбили лагерь у замерзшего овального озера на пятый день похода по долине. По краю его торчали обледеневшие тростники, острые, как ножи. Пришел и ушел розовато-лиловый рассвет, и силуэт, бывший городом, исчез во тьме. Вот тогда-то мне в голову и пришло нечто, чего я раньше не замечала, во всяком случае, сознательно: в Ораше не горело никаких огней. Нам полагалось бы заметить их отблеск на много раньше, каким бы он ни был слабым, над накрененными стенами ночью. А теперь на расстоянии дневного перехода я различила очертания его валов и башен, но оконные провалы были пустыми и черными.

Я прогуливалась вокруг железных стен лагеря с Мазлеком. Теперь я повернулась к нему и высказала свои соображения.

— Да, — сказал он, — я подумал о том же. Это очень странно.

Кожу у меня начало нервно покалывать. Я устала через плоскую долину на густые заросли деревьев, которые опоясывали город, а потом текли к нам, редая по мере приближения. Вдоль нашего металлического частоты неподвижно стояли через постоянные промежутки часовые Эзланна, Со-Эсса и Аммата лицом наружу, сжимаемая в руках копия.

— Лагерь хорошо охраняется, богиня, — сказал Мазлек.

Я кивнула.

Это казалось мелочью, темнота в Ораше. Наверное, они на зиму впадали в спячку, как животные. Белая Пустыня слишком мало знала об их нравах.

* * *

Заснула, тот сон не пришел. Вместо него всю ночь завывали волки, целая стая их, все кружившая и кружившая вокруг лагеря. Я ворочалась с боку на бок, беспокойно и все же толком не проснувшись. Раньше я не слышала в долине волков, не могла различить их вой, подступающего все ближе и ближе. Мною овладела внезапная убежденность, что они перебрались через частокол. Я сделала усилие и проснулась. Не раздавалось никакого воя волков, только безмолвие давило, словно холодная рука.

А затем раздался страшный грохот, какофония пронзительного ржания лошадей и невозможный гром их копыт. За тканью стен моего шатра вспыхнул жгучий оранжевый свет. Я могла бы рассудить, что это какое-то происшествие — пролили в костер масло для светильников, забрел к лошадям пьяный — но по моему позвоночнику протянулся в мозг электрический серебряный шнур, и я уже *знала*. Спала я по большей части одетой для похода, так что требовалось всего лишь схватить железный меч, длинный нож, заткнуть за пояс кинжалы.

— Днарл! — позвала я, ибо сегодня ночью у моего входа караулил он. Но никто не ответил. Я откинула полог и вышла, и меня мгновенно отшибло в сторону стадо бешено несущихся мулов. Следующим рухнул шатер. Всю эту сцену отчетливо освещала пылающая масса трех горящих фургонов и нескольких палаток невдалеке от меня. Там с ржанием неслись сквозь огонь дикие лошади, перепуганные и разъяренные, и оружие толпы людей. Сквозь шум ломающегося дерева, крики и панику я слышала, как рычат капитаны, наводя порядок. Где-то справа от меня раздался отчаянный гулкий стук. На этот раз золотой огонь, извилистый столб дыма и струи искр: среди запасов дров взорвалось масло. Почти освободившись, я увидела бегущую ко мне темную фигуру и сперва подумала, что это, должно быть, Днарл.

— Эта веревка обмоталась мне вокруг голени, — беспомощно сказала я, но это был не Днарл, это был человек в

белых одеждах, испачканных грязью, с лицом, скрытым маской, похожей на кошмар в аду. Он упал ко мне, рука его ожила, оцетинившись кривым клинком, и я откатилась вбок, с трудом поднялась на колени и ударила его в грудь, когда он попытался подняться и прикончить меня. Я встала и споткнулась об еще одного мертвеца. На этот раз им был Днарл.

Еще два грохота — взорвались фургоны с маслом. Горящие щепки и искры осветили небо. Палатка рядом со мной занялась и вспыхнула, словно торт в свечах. Разъяренная, я побежала между шатрами. Двое в белых одеждах и масках демонов людей из Ораша резко повернулись ко мне, но мой меч и длинный нож взметнулись как один и поразили их обоих прежде, чем они смогли издать хоть какой-нибудь звук. Чьи-то руки схватили меня за волосы, но я дернулась назад, ударив его пяткой, и руки разжались. Свистнул клинок и рассек мне спину настолько чисто, что на секунду я даже не почувствовала этого. Я обернулась и обнаружила пятерых-шестерых, ждущих меня на фоне подожженной темноты. При свете пожара их белые одежды выглядели теперь мрачно-красными, а с масок капало пламя, словно кровь. Они надели морды зверей, не похожих на каких-либо виденных мной или известных понаслышке: гривастые и рогатые, с выпирающими длинными жестокими зубами.

Я прыгнула вперед, и мои клинки зазвенели по их клинкам. Металл встретил сопротивление, и один из рогатых выругался. По ребрам мне чиркнула острая боль, а затем напавший сзади толкнул меня вперед и сшиб с ног, ударив о бело-красно-черную землю. Мною не владело никакого истинного боевого неистовства. С миг я в панике извивалась и дергалась, избегая верного удара ножом.

А затем услышала, как он говорит с легким смешком на городской речи: «Женщина».

Давление ослабло, и меня перевернули на спину, лежать, глядя на его страшную маску.

— Нет времени, — бросил один из них. — Убей ее и пошли дальше.

Но он, этот житель Ораша, жаждал насладиться своим открытием. По-прежнему прижимая к земле обе мои руки, он нагнулся надо мной, и в мозгу у меня разбилась маленькая тонкая скорлупа, и глаза мои наполнились ненавистью. Раньше это вызывало мучительную боль, но те-

перь казалось остро-сладким. Между нами замерцал бледный свет. Он завопил и скатился с меня. Я быстро вскочила на ноги, обернулась и увидела, что они глядят на него во все глаза. Один поднял нож, готовый метнуть его, но сам выгнулся дугой и упал на бок. Сладкая боль пронзила мне глаза. Я бегала среди других и убивала их мечом, не замечая того, что делали они.

После этого было много шума, красный свет и вонь гари. Казалось, снова взорвался алый вулкан, на этот раз на южном снежном ландшафте — и тишина. Постепенно свет стал тусклым, почти укрощенным.

Сквозь стелющиеся тени я разобрала крик: «Богиня! Богиня!»

Я ждала, опираясь на малиновый меч, по-настоящему не зная еще, кто же придет.

А пришел Мазлек, в маске, но узнаваемый, и разные другие солдаты — моя стража, воины Эзланна и Со-Эсса. Найдя меня, они встали как вкопанные.

— Ты ранена? — спросил Мазлек.

— Не сильно.

Полагаю, я была покрыта кровью. Позже я узнала, что многие видели, как я убивала орашцев среди палаток.

— Теперь положение улучшилось, — доложил Мазлек. — Большинство пожаров погашены, все нападавшие перебиты.

Они явно подошли в полночь к восточному участку, убили часовых на стене, забрались и выпустили на волю нескольких лошадей, сумели поджечь фургон-другой, прежде чем проснулся сбитый с толку лагерь. Внезапность — отличный союзник, но их было слишком мало. Вреда они причинили не так много, как казалось. Наиболее существенным моментом было то, что Ораш тоже теперь, надо полагать, отбросил «этикет» войны, предпочитая драться голыми руками и ненавистью.

После того, как я вытерлась насухо у себя в шатре, я спросила, где был Вазкор и что он делал в бою. Я не знала, почему спросила. Ведь мне было известно, что чего бы я ему ни желала, оставаться целым или наоборот, — пострадать он не мог. Он не прислал мне никакого известия, но, впрочем, я этого от него и не ожидала.

* * *

Итак, огромная армия Белой Пустыни выступила против Ораша, Города Пурпурной долины, и я думала, что

после той стычки у озера будет немало сражений. Но этого не случилось. Какой бы там дух ни воодушевлял их явиться к нам с мечами, он умер вместе с трупами среди тлеющих палаток.

Мы добрались до него в полдень и ответили на огонь огнем. Среди лесов насчитывалось десять деревень, охранявших городские поля. Их наряду со всеми урожаями, садами, запасами строевого леса, масла и тканей подожгли и полностью уничтожили, за исключением необходимых вещей, взятых армией для себя. Селян, думаю, по большей части перебили, хотя некоторых я видела после в лагере в роли бесплатных слуг или шлюх.

После того, как дым рассеялся, оставив на всем вонючий черный осадок, армия расположилась вокруг склона на платформе и на насыпных дорогах, ведущих в Ораш с юга и с севера. Несмотря на копоть, это был белый Город, родственный по планировке любому собрату в пустыне. Из него не раздавалось ни звука, ни сигнала. Наступили сумерки, и не зажглось никаких огней.

— По всей вероятности, берегут топливо, — предположил Мазлек.

Это было логичным, и в то же время темнота вызывала беспокойство. Вокруг стен загорелись бивачные костры, двигались светильники; в небе появилась ледяная луна, и между двумя этими сияниями белый Город стоял безжизненным и слепым.

* * *

Утро после ночи, тревожимой множеством расхаживающих часовых. На этот раз не шли ни на какой риск.

С первыми же лучами рассвета каждый час боевые трубы сил Вазкора гремели свой вызов на бой, немножко напоминая мне часы в За. Из Ораша не доносилось никакого ответа. Любопытно, что мы по природе своей боимся и очень подозрительно относимся к затишью. Казалось, что в Ораше ждет какая-то западня, и это помешало огромным таранам двинуться к его воротам, а осадным башням подступить к его стенам.

Наступил вечер, наползая на восточную линию гор.

— Что решили делать? — спросила я Мазлека.

— У Вазкора сейчас трое человек из орашских деревень.

— Он допрашивает их о Городе? — меня это слегка позабавило. — Они что-то знают?

— Похоже, он думает именно так, но они не скажут. Время от времени слышны их вопли.

Я не испытывала никаких чувств к шлевакинам из деревень, равно как и Мазлек, и все же мы оба выразили невысказанное взаимное отвращение к бессмысленной жестокости Вазкора, потому что мы оба ненавидели его, но по разным причинам.

— Я подумал насчет Ораша, — сказал Мазлек. — Помому, он пуст.

— Да, — согласилась я. — Я тоже так думаю.

Той ночью не светила луна, и во тьме прокатился слух, что нашу атаку следует начать сейчас.

Как не должны они были ожидать нас в снежные месяцы, так не должны бы и ожидать, что мы станем проламывать им стены в темноте.

Проведена она была отлично, эта приглушенная подготовка, лошади стояли неподвижно, воины безмолвствовали, смазанные машины плавно шли на колесах. Первым стал звук, произведенный могучим остроконечным тараном, устремившимся к северным воротам. После этого грома возникла самая короткая пауза, полубессознательное ожидание ответа из Города. Однако никакого ответа не было, никакого набатного колокола, никакого крика, никакого града снарядов, потока огня. После паузы снова раздались звуки боя и уже не прекращались. Я сидела на своем белом коне в некотором отдалении. Он беспокоился и волновался из-за надетых на него доспехов. До этого он ходил, стянутый очень легко, только мягкое седло да узда. А теперь он нес на себе, как и его собратья — боевые скакуны, большой железный нагрудник, набрюшник, а на спине — жесткую кожаную попону со встроенным седлом. Наголовник с торчащим из лба коротким рогом единорога служил для защиты глаз и головы. Большинство боевых коней обучали лягаться, кусаться и колоть этим металлическим рогом врага своего всадника, но белый был этому не обучен и считал всю эту обузу совершенно бесполезной. Он зло глядел на других скакунов и фыркал, говоря им, какие они дураки, коль терпят человеческую наглость.

Ворота вдруг со страшным шумом разлетелись. В дымном свете факелов воины хлынули толпой через брешь. Армейская кавалерия отряд за отрядом подымалась гало-

пом по насыпной дороге и устремлялась в разбитую пасть Ораша. Я тронула коленями белого коня, подняла руку, делая знак Мазлеку и его бойцам, и быстро поскакала за ними.

Через те ворота, значит, как в моем сне, хотя и не во главе и не в безмолвии.

От широкой приворотной улицы тянулись к небу башни, крыши и террасы. Было шумно и слишком светло.

Прошел, наверное, час, и тогда все стало еще громче и ярче. Ораш наводнили солдаты, вбегающие в его передние и задние ворота. Многие откололись от основного потока, чтобы разграбить и поджечь иной покинутый дом или особняк. Поджоги вызывали бешеное веселье: большие теплые костры горящих домов, расцвечивающие мир, подобно празднику. А затем мы достигли площади, наша конная колонна с Вазкором во главе. Большое открытое место, и наверху многоступенчатой лестницы — огромное величественное здание; его ледянисто-белые колонны, казалось, плясали в отраженном пламени. На лестнице стояла женщина, высокая, в белой мантии, с головой, заключенной в дьявольскую маску, похожую на встреченные нами раньше. Было потрясением увидеть ее там, внезапно, эту единственную жизнь — нереальную в пустом городе.

Она пронзительно закричала на нас, и колонна остановилась. По ее голосу я определила, что она очень стара, немного безумна, но не боится. Среди всадников я увидела Вазкора, темного и высокого, на вороном коне, глядящего на нее из-под черного железного шлема с колышущимися перьями.

— Ты, — обратилась она к нему. — Война-Смерть. Это Храм Города. Они бежали перед тобой в Белханнор, но я не бежала, и за мною богиня. Ты нарушил этикет прежней войны, шакал пустыни. Убирайся теперь назад, а не то погибнешь.

Так значит, они эвакуировались — ответ — и разумный. Кампания Вазкора была делом новым и опасным, сметающим и пожирающим все на своем пути. Но эта старуха осталась. Она подняла руки, и в воздухе перед ней вспыхнул огонь, а затем погас.

— Смотри, — визгливо прокричала она Вазкору. — У меня есть Сила. Я уничтожу тебя. Убирайся назад, а не то ты умрешь.

Вазкор сделал легкое движение рукой; сперва я не увидела, но затем заговорила тетива, и стрела вонзилась жрице-ведьме под левую грудь. Та зашаталась и упала на лестницу, но все еще была жива. Она направила руку на Вазкора и проскрежетала невнятную тираду, которую я не разобрала — какое-то проклятие — а затем уронила голову на руку и лежала не двигаясь, словно древняя свалившаяся птица на лестнице.

Ступеньки были очень широкими, и Вазкор прищипил коня и въехал по ним наверх, через ее пронзенное стрелой тело, и колонна последовала за ним, а рядом с нами бежали случайно прибившиеся пехотинцы. В Храме должно было храниться много ценных вещей, и, надо полагать, они не страшились гнева этой богини, поскольку с ними была их собственная пробудившаяся богиня.

Между колонн царил мрак. В узком темном коридоре внезапно раздался разъяренный крик, а потом — натиск тел и кровь. Я выхватила меч и зарубила воина в дьявольской маске сбоку от меня. Значит, они-таки остались здесь и рвались защищать святилище, хотя их было немного. Я рубила и колола в полумраке, а белый конь, никогда этому не обучавшийся, лягал и сек своим смертельным лбом. Вскоре все закончилось, и пол усеяли мертвецы, павшие среди догорающих факелов.

Я спрыгнула с коня и с минуту постояла в замешательстве похмелья после боя. Бой-то закончился, однако в этот миг ко мне наконец пришел страх. Не могу объяснить пугающего ощущения, что я должна идти дальше. Я нагнулась и подняла ближайший факел, и стала пробираться через толпу солдат, мертвецов и испуганных лошадей. Передо мной вырос дверной проем, а за ним — пространство без окон, с мягким светом из каменной чаши на подставке. А дальше почти в тени — огромная мраморная фигура богини Ораша. Я подняла факел и увидела ее белое тело с облегающей белой юбкой, водопад серебряных волос и, наконец, лицо. Но она была первой, увиденной мной на юге, которая не носила маски. Это была не кошкоголовая Уастис. Божественность этой была особой. Из моего горла вырвался звук, слабое дурнотное кряканье. Факел выпал из моей руки, но в чаше пламя взметнулось, и я не могла отвести глаз.

Над белым телом женщины было лицо Проклятой — лицо всего ужаса, безобразия и отчаяния, мета ненависти.

А я-то думала, что не видела прежде зверя, похожего на дьявольские маски Ораша, существа, послужившего образцом для этих масок; однако ж, я видела это существо, могла бы увидеть в любой момент жизни своей, стоило мне только пожелать, — это было лицо, которое Карраказ показал мне под Горой. Мое собственное лицо.

Шаги у меня за спиной. Я не могла обернуться, так как стояла на коленях в святилище. Некоторое время никакого другого движения больше не возникало, а затем рука хладнокровно и точно опустилась на мое плечо.

— Богиня, поклоняющаяся богине. Как удачно.

— Вазкор, — произнесла я, и даже имя его в этом месте и в этот миг казалось каким-то своеобразным амулетом.

Он поднял меня и поставил на ноги, но я не могла стоять на них. Меня, казалось, снедали стыд и отвращение.

— Держи себя в руках, — предупредил он меня.

Я чуть подняла голову, глядя на него. Железная фигура, закованные в латы руки и ноги, кольчужные пластины на груди и на спине, шлем, маска, металлические кисти.

— Каждый Город, — тихо произнесла я, — здесь и в пустыне, и на Краю Моря — каждый поклоняется женщине. Нет никаких богов, именем которых Вазкор мог бы назваться, только богини. — Не уверена, почему это открытие явилось мне именно тогда. Я отвела взгляд от него и сказала: — Ораш, Ораш, а не Эзланн — мой город.

Я повернулась и каким-то образом вышла оттуда. В коридоре, где все еще умирали воины, ко мне поспешили Мазлек и Слор.

— Я ранена, — сказала я, — но не тяжело.

И когда я лежала в своем шатре за пределами города, я прошептала стоявшему около меня на коленях Мазлеку:

— Есть ли предел тому, что ты сделаешь ради меня?

— Нет, — с силой сказал он. — Нет, богиня.

— Тогда сожги Ораш, — попросила я. — Сотри его с лица земли, уничтожь его. Не оставь от него ничего.

Он на мгновение притих, а затем встал, прошептал мое имя и покинул меня.

Я заснула, но во сне я слышала трубный зов, означающий тревогу. Снаружи возникла большая суeta, но я знала, что никакой враг на нас не напал. А затем заснула еще более глубоким сном.

На рассвете я проснулась и вышла из шатра.

Ораш превратился в конце концов в черный Город. Выпотрошенный, зияющий, проклятый. В лагере все еще царила суматоха — безумная и неистовая из-за потерянных в огне богатств. Один из мелких пожаров, рассудили они, распространился, и сжег город дотла. Грабителей погибло немного, для этого слишком быстро подняли тревогу.

Мазлек не рассказывал мне о том, что сделал, и я с ним тоже об этом не заговаривала. Вазкор, если он что-то и заподозрил, никак своих подозрений не проявил. Призом этот город был небольшим. Его жестокое уничтожение могло быть для Вазкора ценнее, чем стоящая у него в тылу брошенная пустая скорлупа, которую мог захватить враг.

То, что я сделала, было глупым. Это не могло принести никакого утешения, ибо я сожгла не собственное безобразие, а только его символ. И все же...

6

От черного остова Ораша мы поехали на юг к Белханнору. Сюда скрылись беглецы из Ораша, так сказала нам та жрица, оставив отражать нас только храмовую стражу. Мы наткнулись на затвердевшие на морозе колом оставленные в снегу их фургоны, но бегство их было быстрым. Единственные настигнутые нами отставшие были трупам, брошенными там, где они рухнули.

Мы ехали поблизости от западной цепи гор и миновали тонкие вытянувшиеся деревья. Снег в этом году лежал долго.

Я мало что помню в том утомительном походе. Казалось, я все время мерзла, и меня постоянно слегка лихорадило, что приводило к коротким, но странным галлюцинациям, так что я несколько раз видела Белханнор прежде, чем мы действительно добрались до него. Кровотечения у меня не было сорок два дня, и я не желала думать о том, что это означает.

В первый раз мы увидели его ранним вечером под мрачным янтарным небом, черный силуэт бледного Города, белого, как Ораш.

Час спустя мы разбили лагерь в кустарниковых лесах у подножья гор. Я ушла к себе в шатер и лежала там, не спя и не бодрствуя, пока на нас напознала черная ночь. На

рассвете затрубили новые трубы по другую сторону долины. Белханнор, похоже, приготовился биться по-старому, отвечая вызовом на вызов.

В тот день я чувствовала себя совсем разбитой, и эта разбитость бесила меня. Я вышла и велела привести мне белого коня, но когда он явился, я едва сумела забраться в седло. Перед глазами у меня все плыло, и весь мир лагеря, деревьев, гор, равнины, отдаленной армии, отдаленного Города вращался, словно гончарный круг. Никто не спорил со мной, что я должна скакать в бой вместе с войсками Вазкора. Наверное, я выглядела лучше, чем чувствовала себя.

С обеих сторон завывли духовые инструменты, ставшие единым голосом, трубившим наступление, и рассекли утро от макушки до пояса гремящим желтым клинком. Суматоха движения, пролетающая внизу черно-белая, как разбитая мостовая, земля, свинцовое небо с единственной прорехой линияло-оранжевого цвета. Впереди — силы Белханнора, большая кружащаяся масса, не белая, а железная. Однако это была не та битва, на какую они надеялись. С нашего левого фланга заговорили сгустками дыма и света амматские пушки. Белханнорские шеренги сломались и повалились, словно игрушки.

Пушки белому коню не понравились. Он свернул в сторону и обрубал их по-своему, и вскоре вонь от пороха и раскаленного металла довела его до бешенства, но он не сбежал. Обезумевши так же, как и я, преисполнившись, наверное, такой же, как и я, неистовой решимости с головой окунуться в омут войны, он внезапно рванулся вперед, оставив всякие следы подчинения в прошлом. Шеренги наших собственных солдат расступились и дали нам дорогу. Я не очень хорошо помню, как вырвалась вперед и бросилась на изувеченную пушками переднюю шеренгу, бывшую Белханнором.

Я не ощущала никакого страха, когда «судьба-которая-была-белым-конем» швырнула меня в гущу вражеских рядов. Я радовалась, я ликовала, ибо здесь ждало полное забытие. Я подняла меч обеими руками и была больше не безликой женщиной в капкане земли, а первым всадником, лучником, колесничим, воином. Я была Дараком, я была Вазкором, я была Смертью. Их лица — в шлемах, в масках или ничем вообще не закрытые — накатывались и отлетали от меня, словно головки цветов, и огромный бе-

лый зверь у меня между бедер плясал на их умирающих телах. Небо стало багровым от пушечных залпов. Я слышала, как огромные ядра летали у меня над головой, словно железные птицы, и знала, что для меня самой опасности нет. В том смерче ненависти и радости я нашла красоту боли, победоносную какофонию ужаса, которая казалась музыкой. Огромный нарастающий гимн, последнее соитие с тьмой, где последняя нота — оглушительный, пронзительный, оргазмический крик мучительной боли.

Конь конвульсивно содрогнулся, как тонущий корабль. Я отпустила поводья и медленно упала вбок, сознавая только движение падения, конь тоже падал, еще более медленно, до тех пор, пока мы не лежали бок о бок, опустошенные этим актом любви или смерти.

* * *

Я очнулась и подумала, что нахожусь у себя в шатре, на низком тюфяке с его кучей одеял. Затем в глазах у меня немного прояснилось, и я увидела, что тут большая занавешенная комната в пятнах от малого количества огней светильников. В ногах постели шевельнулись две неотчетливые женские фигуры. Одна поднялась, вышла за двери и через несколько минут вернулась, приведя высокого темного человека. Глаза у меня, похоже, не могли четко различить его, и я не могла поднять головы. Человек подошел и остановился около меня, возвышаясь надо мной.

— Поздравляю с успешным боем, богиня, — сказал Вазкор. — Твоим последним на какое-то время, как мне представляется.

— Где это место? — спросила я. Голос у меня был очень слабым, я думала, он меня не услышит, но он расслышал.

— В Белханноре, — ответил он. — После битвы Город сдался, и мы заняли его. Джавховор явно умен и сообразил, что сопротивление бесполезно. Ухаживающие за тобой в данную минуту дамы — принцессы Белханнора. Они жаждут сделать все, что могут, для твоего удобства. Снаружи, конечно, стоит стража — из твоих собственных воинов.

Должно быть, он очень уверен в своей власти над Городом, если оставил меня лишенной сознания и беспомощной с этими женщинами — я ведь была в конце концов все еще ценна для него. Теперь я видела лучше и различил-

ла их бледные испуганные лица. А за дверью стоял Мазлек.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Насколько я изранена?

— Немного, — ответил он. — Но ты быстро исцеляешься. После того, как ты пала, Мазлек и его отряд прорубили к тебе дорогу. Белый конь погиб.

— Значит, мне понадобится другой, — заявила я, заглушая чувство вины и боль, чтобы он не увидел их. — Когда мы выступаем?

— Я оставлю здесь часть своих войск под началом Аторла, принца Кмисса. Остальные выступают завтра на рассвете.

Я, конечно, поняла тогда, что в этот поход отправятся без меня. Так быстро, определила я, моим ранам не зажить.

— Тогда я последую за вами, — предложила я. — Как и раньше.

— Нет, богиня, ты должна оставаться здесь, в Белханноре. Ты забываешь о своей беременности. Я думаю, мы больше не смеем рисковать ребенком.

— Ребенком? — повторила я со слабой яростью. — Этот ребенок не существует.

Вазкор повернулся и двинулся к дверям. Сперва я подумала, что он просто бросил убеждать, считая, что уже все доказал, но потом увидела, что он выпроводил моих сиделок, и в комнату вошла горбунья в одежде из грубой ткани, изнуренная смутным безобразием темнокожей. Она подошла с Вазкором к постели и стояла, глядя на меня невыразительным лицом без маски, которое само по себе было маской, и двумя сверкающими рептильными глазами, резными, черными и пустыми.

— Это деревенская ведьма, — сказал он, — недостойная тебя, но, как мне сообщили, очень умелая. Я прошу извинить за нее. Ну вот. Тебе крайне необходимо понять свое состояние, — он повернулся к старой ведьме и произнес несколько слов на деревенской речи, указания для обследования.

Я наполовину надеялась, что она побоится прикоснуться ко мне, но у этой старухи не осталось никаких эмоций. Он выбрал обдуманно и хорошо. Щупавшие меня руки были сухими и жестокими, а он стоял и смотрел на нас, когда она тыкала и изучала мое побитое и измученное те-

ло, и добавила к старым болям несколько новых. Наконец она отошла, кивнула и что-то пробормотала. Вазкор взмахом руки велел ей убираться, и она вышла. И он и я знали, что сказала она, но мы взаимно притворялись, будто я не знаю.

— Ты ждешь ребенка и удивительно здорова, учитывая твои ранения. Донашивать тебе еще, по всей вероятности, дней двести. В Эланне твой срок наступил бы в месяц Павлина, — он чуть улыбнулся. — Белханнор безопасен, и ты останешься здесь под защитой Аттورها. Твоя личная стража, естественно, тоже останется.

Я лежала на постели, не в состоянии поднять голову. Но упрямо заявила:

— Я не рожу тебе этого ребенка.

— Родишь, — заверил он.

Спор был бесполезен, ни он, ни я не могли одолеть друг друга.

Он вышел, и вернулись две белханнорские принцессы и глядели на меня в жалком страхе.

Сон.

* * *

Он выехал с армией утром, как и обещал сделать, он, полководец, идущий навстречу новым завоеваниям. А я осталась в тылу, безо всякой надежды отправиться следом.

Не знаю, какие я получила раны, но еще через день я достаточно поправилась, чтобы встать и прогуляться по своим покоям из белого мрамора с гобеленами на стенах.

Сперва я не знала наверняка, что буду делать, но постепенно твердо решила выжить все что можно из сухой тыквы.

Из окон своих покоев я рассматривала заснеженную панораму Города, садов внизу, ледяной зеленоватости реки, перепоясанной огромными каменными мостами, башен и извилистых улиц, и террас лестниц. Похоже, он несколько не пострадал, по крайней мере, здесь, в Высоком Квартале. От Мазлека я узнала, что капитуляция Города была быстрой и полной. Джавховор опустил перед Вазкором на колени в воротах и поцеловал ему руку в латной рукавице. Они не привыкли к истинному опаляющему дыханию войны, эти Города, веками сражавшиеся в своих игрушечных войнах.

К вечеру, после того, как зажгли светильники, я известила Атторла через посланца, что желаю его видеть. Тот явился достаточно быстро, одетый по случаю какого-то праздника в алый бархат и множество самоцветов. Он был мелким князьком, смазливый и воспитанным, с очень маленьким ртом. Светло-серебряные кудри спадали ему на плечи. Он носил маску феникса, но снял ее передо мной.

— Как я понимаю, принц, Белханнор оставили на наше попечение.

Легкое удивление. Он-то ведь понял так, что Белханнор оставили на *его* попечение.

— Понимаю вашу озадаченность, принц, — милостиво сказала я. — Естественно, вы командуете здесь всеми нашими войсками, как естественно и то, что ваши указы подлежат моему подтверждению.

Он, похоже, пришел в смятение, но не подумал оспаривать это. Ведь я же была, в конце концов, Уастис Перевоплотившаяся, и он верил в мою религиозную власть, даже если его не приводили в восторг мои посягательства на власть светскую. Он поклонился, признав сказанное мной, и я отпустила его. После этого меня донимали всеми мелкими делами, о которых требовалось позаботиться, — умирение очень мелких волнений, размещение стражи для наведения порядка на улицах, отправка припасов нашим армиям. Мое вмешательство ограничивалось в основном проставлением своей печати на документах, уже составленных Атторлом или, скорее, его советниками и писцами, так как любая канцелярская работа его страшно утомляла. Тем не менее, благодаря этому я сохраняла какой-то остаток признания моей власти.

Ухаживавшие за мной принцессы в серебряных платьях были, как я выяснила, дочерьми самого Джавховора. Они стали моими официальными фрейлинами, и обе носили тот громоздкий и неуместный почетный веер. Они подавали голос только в ответ на мои приказания, что меня вполне устраивало, и страх их всегда присутствовал. Их отец, бледный, полный, обеспокоенный человек, по собственному почину явился ко мне засвидетельствовать свое почтение, и присылал мне роскошные подарки в виде драгоценностей, шелков, духов и великолепно переплетенных книг, соперничавших даже с теми, которые мне достались от Асрена.

Это было неприятное время. Как безмолвный белый снег, что не уступал путь весне, так и моя жизнь, казалось, затвердела и онемела под покровом, который я не могла прорвать.

Казалось, у меня не осталось ничего, только эти тривиальные атрибуты власти, моя собственная Сила, которая приходила вместе с ненавистью и росла во мне день за днем, словно опухоль. И та, другая опухоль, оставленная во мне им, тоже росла. Я не страдала от трудностей, какие испытывают большинство обыкновенных женщин, у меня не было ни тошноты, ни боли, только ощущение тяжести, совершенно непропорциональное тому, что я носила под сердцем. С восьмидесятого дня беременности знак моей несвободы начал выпирать из меня. Как я понимаю, живот у меня был не очень большим, да и не стал очень большим, и все же тогда мне казалось, что он сделался огромным и раздутым. Дело усугублялось тем, что в остальном мое тело оставалось худеньким и стройным; даже груди у меня лишь чуть увеличились. Больше, чем когда-либо, в тех свободных бархатных платьях, какие мне теперь приходилось носить, существо у меня в утробе казалось навязанным мне, чем-то пришпиленным к моему собственному «я», втолкнутому, завладевшим, преследующим меня днем и ночью.

Трижды я пыталась от него избавиться — один раз с помощью собственной воли; но боль была ужасной, и я не смогла заставить себя продолжать; один раз, просто выпив слишком много их вина, что ничего не дало. В третий раз я выехала из Белханнора в один из крошечных хуторов, все еще стоявших неподалеку от него (большинство из них Вазкор стер с лица земли прежде, чем Белханнор склонился перед ним, и на его стенах виднелись пятна копоти от их дыма). Секретности ради со мной поехали только Мазлек и Слор, но я достаточно хорошо говорила на языке темнокожих, чтобы найти их целительницу и попросить ее помочь мне. Она не проявила ни малейшей тревоги или удивления, с какими я столкнулась бы в Городе. Знаком она пригласила меня к себе в лачугу, и там я пролежала весь остаток дня и ночь в смрадной вони огня, тошноте и страхе. Я и не представляла, что существует столько разновидностей боли — боли острой и яркой, как

серебро, боли, обжигающей, как расплавленное золото, и глухая гулкая бронзовая боль, которая наступает потом.

Наконец в предрассветной серости она склонилась над мной.

— Все кончено? — спросила я ее.

— Нет, — ответила она. Она меня никак не титуловала и не тратила на меня много слов.

— Что же тогда теперь? — прошептала я, стараясь удерживать панику, возникающую при мысли о новых предстоящих мне ужасах.

— Ничего теперь, — сказала она. — Любящий ребенок. Он с тобой не расстанется.

Поэтому я позвала Мазлека, и они со Слором помогли мне забраться в седло и уехать. Я не видела под масками их лиц и была рада этому.

Несколько дней меня мучила сильная дурнота, рвота и общее недомогание, и все это время я заставляла себя потерять семя Вазкора, но все оказалось бесполезным. Я страдала, и, наверное, существо тоже страдало во мне, но не желало убираться вон.

Через гонца до нас дошли новости о двух Городах, которые пали перед Вазкором и его воинством в лесистом краю дальше на юг.

7

Шестьдесят дней прошло в Белханноре, и мы вступили в месяц, называвшийся в Пурпурной долине Временем Зелени. К началу этого месяца обычно начинала шевелиться весна, но по городу и по всей долине лежал густой твердый снег. Росло беспокойство, страх, который всегда приходит, когда нарушается установившийся порядок вещей. Облаченные в белые балахоны жрецы местного храма приносили в жертву их богине ягнят и голубей — обычай, которого я не видела в действии с тех пор, как покинула Анкурум. Я вспомнила За и три дня темноты, и поэтому не очень удивилась, когда Атторл попросил об аудиенции и вошел вместе с Джавховором, идущим в нескольких шагах позади.

— Богиня, — речитативом обратились оба, и глаза на нескрытых масками лицах деликатно отводили взгляд в сторону от моего живота.

— Что вам угодно?

— В Городе тревожатся, богиня, — сказал, поигрывая с нашейной цепью, Атторл. У него эта тревога, похоже, вызвала скуку. — Возникло некоторое волнение из-за погоды — люди бегают, какая-то сумасшедшая баба бродит по улицам, крича о Судном дне...

— Богиня, — неловко обратился Джавховор — в храмах читали молитвы, также и в великом Храме нашей богини, но снег не сходит. Теперь мы в смирении обращаем свои взоры к тебе — Вазкор-Властелин говорил о твоей власти — смеем ли мы надеяться...?

Я говорю, что не удивилась, но и особого восторга я тоже не испытывала. Власть — да, но над стихиями и временами года? Они ожидали от меня слишком многого, и если у меня не выйдет — что? А если я откажусь — что?

Когда я сидела в кресле перед их смущенными лицами, в моей памяти вдруг ожил голос, который сказал: «Чародейка, повелевавшая стихиями, звездами, морями и скрытыми огнями земли».

Не уверена, какое знание открылось мне тогда, но я поднялась на ноги и сказала:

— Думается, во дворце Белханнора тоже есть храм? Тогда отведите меня туда и оставьте там.

И Атторл, и Джавховор, похоже, поразились, но меня провели по коридорам к большой двери, охраняемой шестью стражниками Джавховора.

— Оставьте меня здесь одну, — приказала я, — и когда дверь за мной закроется, велите всем в нашем Городе молиться.

Я закрылась в маленькой золотой комнате. Это неожиданное иррациональное побуждение было настолько сильным, что я даже не отшатнулась бы от их богини, окажись она сестрой богини Ораша; но она ею не была. Она была маленькой и прекрасной, с головой, покрытой золотым солнцем с лучами и увешанной кулонами из нефрита, занимающего особенное место во всех южных иерархиях. Перед ней каменная чаша на золотых лапах. Пламя горело очень низко, когда я подошла к нему.

Я не знала, почему я делала то, что делала. Нагнувшись над пламенем, я прошептала: «Я сильна, даже сейчас я сильна. Твоя Сила и моя будут огромной мощью».

В мозгу у меня не родилось никаких слов, я почувствовала лишь страшную борьбу, не похожую на физическую, но тем не менее изнурительную. Я сражалась с этой изви-

вающейся тварью, и, наконец, она стала неподвижной. Я стояла с закрытыми глазами, сжав в руках края чаши и вытаскила из себя нечто напряженное, яркое и не желающее вылезать.

Казалось, не прошло никакого времени, и все же я простояла здесь целую вечность. Сверкающая нить вонзилась мне в череп, а затем вышла над переносицей.

Акт этот оказался тяжелым, но мгновенным: прозвучал страшный грохот, сокрушительный удар грома над дворцовой крышей, и резкая сила молнии опалила меня сквозь закрытые веки. Я обнаружила, что не могу из разлепить, но тем не менее не боялась. По высоким ставням зазвенел, словно стекло, дождь, и в его шуме и свете я потеряла равновесие и упала, и лежала по-прежнему с закрытыми глазами, и знала теперь, чего именно я хотела.

В то время это имело для меня смысл, хотя позже остались лишь неясные его контуры. Я получила власть над огромной грозой, которая растопит своими кипящими каплями снег, и чуть повернула ее, словно дикого скакуна, так, чтобы половина ее была обращена к армиям Вазкора. Я не знала, где они в это время находились, наверно, на бивуаке, у ворот пятого Города Пурпурной долины, в тамошнем лесном краю — хотя возникшая картина показывала замерзшую узкую реку, и до меня доносились звуки маршевых шагов и скрип колес. Я толкнула грозу вперед, и молния ужалила меня в веки. Все пропало в ударе грома.

Совершенно неожиданно я открыла глаза и поднялась на ноги. Я дрожала и тряслась, но чувствовала себя очень взволнованной и счастливой. Пламя в чаше приплюснулось, и холодный небесный огонь отражался на стенах.

Я сидела на одном из молитвенных сидений Джавховора и его семьи и пыталась успокоиться, но это оказалось трудной задачей. Гроза постепенно утихла, а после несколько часов монотонно барабанил дождь. Думается, я заснула, так как золотая комната внезапно сделалась красно-пурпурной от грозового заката за окнами.

Я подошла к двери и вышла в коридор, и стражники пали передо мной на колени. Меня это не тронуло, я шаталась от усталости. Чуть дальше я нашла Мазлека, проводившего меня к моим покоям.

— В Городе, — проговорила я, — что?

— Гроза, богиня. А теперь небо ясное.

Мне снилось, что я с Асреном, странный сон, ибо Асрен казался немногим старше ребенка, хотя я знала, что это он: его черты и его красота отбрасывали всякие сомнения. Странный также и потому, что мы гуляли рука об руку, очень счастливые, в каком-то зеленом саду. Потом пошло много белых лестниц и внизу одна из тех каменных чаш, где поддерживали огонь символа Непробудившихся, символа, который был Карраказом. Ребенок-Асрен уставился в чашу, а потом вопросительно посмотрел на меня, и я улыбнулась, показала и кивнула. В ответ на этот кивок он прыгнул с лестницы и упал в чашу, и пламя закрыло его.

Прокатившаяся гроза очистила Белханнор от снега и черной слякоти. Небеса сделались золотыми, а воздух стал теплым. Думаю, я забыла о том, что делала или пыталась сделать в дворцовом храме, вообще не думала об этом, пока мне не напомнили. Проходил день за днем, и на деревьях лопались почки. За стенами убереженные от пожаров войны поля становились зелеными и лимонными. В Городе мне пели гимны, богине, прискакавшей уничтожить их, а теперь благословившей.

У нас шел семнадцатый день нашей внезапной весны, когда к нам добрался первый из гонцов. Это было драматическое появление, неистовствующий человек, кричавший что-то неразборчивое в дворцовых воротах, под которыми рухнул замертво взмыленный конь.

Я услышала взволнованное гудение в коридорах за моими покоями и послала одного из воинов Мазлека выяснить, что происходит. Мне, однако, не понадобилось дожидаться его. Ко мне явился Джавховор, и лицо у него пожелтело от тревоги.

— Богиня, — сообщил он, — прибыл гонец. Властелин и его армия в Верхних Лесах — это тянущаяся к востоку от нас цепь скалистых гор — там гроза и обвалы, с ними обрушилась масса накопившегося снега, сломанных деревьев и камней, всех их сорвал с круч дождь, а река Аш вышла из берегов. Ах, богиня, много народу погибло.

Я поднялась, холодна и сурова.

— А он? — спросила я. — Есть известия о моем муже?

— В безопасности, — с радостью заверил он меня, — в полной безопасности. Но численность армии сильно снизилась — и есть другие неприятности.

Они, похоже, подступали к Анашу, Городу, господствующему на той реке и пятому из их целей. Теперь разрезанная обвалом на части и пришедшая в расстройство армия оказалась под ударом войск Анаша, которые быстро стремились использовать все преимущества.

В последующие несколько дней прибыли другие гонцы, с новыми подробностями. В ходе сражения рать Вазкора обратили в бегство. Вазкор и кучка его капитанов окопались в горах, стараясь стянуть к себе всех, кто остался — даже раненых, больных, дезертиров. Зимняя кампания начала наконец брать свое. Свирепствовала какая-то болезнь, а пайки после катастрофы с обвалом стали скудными.

Мне показалось, что в глазах белханнорцев появился блеск вызова, но я забыла в своей глупости про самостоятельную мощь трех все еще целых Городов, и еще хуже — про ярость Анаша и Эптора, избежавших жадности Вазкора. Эти два города объединились для отражения и, разгромив его силы, вполне могли обрушить свою месть на братские города, где все еще задерживались остатки его войск.

Прискакал всадник — последний принятый нами гонец. Он принес известие, что Вазкора и его армий больше нет — все убиты, или умерли от болезни, или разбились на стаи, бегущие, словно шакалы, в горы, где надеялись обрести безопасность. Ничего не скажешь, внезапный конец военной мощи. Гонец по возможности перечислил убитых, среди которых оказался и дядя Атторла, после чего Атторл, ясное дело, забился в рыданиях. Несомненно, когда мне принесли известие о конце Вазкора, то ожидали схожих результатов. Но я не почувствовала ничего, даже торжества, так как знала, что он не погиб.

Потом мы некоторое время ничего больше не слышали. Белханнором овладели мрачная депрессия и беспокойство.

У меня уже миновал сто двадцатый день (который, по подсчетам той ведьмы, был серединой моей беременностью), я сделалась тяжелой, часто бывала сонливой и голова у меня постоянно болела. И я спала, когда в Город приплелась первая усталая группа беглецов из двух его собратьев дальше к югу. Вазкор взял их легко, и теперь они бежали от сил Анаша и Эптора, которые, разгромив нашествие Белой Пустыни, наносили удар в северном направлении, стремясь завершить дело.

Белханнор из жалости открыл перед ними ворота, что было неразумно. Он уже принял беглецов из Ораша. Теперь численность населения резко возросла — въехало множество фургонов с мужчинами, женщинами, детьми, скотиной и домашними животными. Город запрудили, загрохотали толпы народа; на улицах, садах и конных манежах разбили палатки, а лабиринт улочек в нижнем квартале стал совершенно непроходимым и задыхался от избытка жителей.

Атторл, как я слышала, пытался по мере сил организовать оборону, но болел от нервозности и страха и не добился никаких успехов на этом поприще. Главные боевые машины Белханнора Вазкор присвоил себе и забрал с собой на юг. И теперь выкатили ржавые пушки, торчавшие из стен, словно проведенные по ошибке не туда водосточные трубы. Солдаты в Белханноре действовали умело, хотя это был небольшой гарнизонный отряд, не больше четырехсот воинов: достаточно для усмирения штатских, но при таких обстоятельствах — безнадежно мало. Нерешительные попытки Атторла рекрутировать простых людей, особенно из числа беглецов, потерпели провал.

Вазкор рассчитывал только на постоянный успех, никак не готовясь к неудаче, которая рано или поздно обязательно бы постигла его.

Я не испытывала никакого чувства вины из-за грозы — я считала, что просто устроила неизбежную катастрофу чуть раньше.

* * *

Анаш и Эптор прискакали быстро, считая все на своем пути к нам, неумные и стремительные от бешеной ярости. Мы могли наблюдать на горизонте признаки их приближения с наших высоких башен — облако дыма, черное и грязное — какая-то горящая деревня; а ближе — пылающие бивачных костров ночью. Интересно, что некоторые из тех, кто бежал в Белханнор, упаковали свое добро и снова бежали из него. Они были мудрее; другие испытывали в его стенах ложное чувство безопасности. Как мне представляется, у меня, должно быть, тоже водились схожие мысли, хотя и неосознанные. Я чувствовала себя слишком тяжелой и мрачной, чтобы пытаться бежать. Мною овладел черный юмор: меня, некогда осаждавшую Ораш и

Белханнор, теперь осаждали эти Города, которых я даже не видела.

* * *

Они добрались до нас бодрящим горько-зеленым вечером, когда лил с перерывами весенний дождь, вечером, подходящим для ностальгии и старых любовных песен.

Атторл умолял разрешить ему использовать мою стражу для обороны стен, а я предоставила решать Мазлеку. Тот кивнул, вероятно, не видя никакого иного пути. Теперь я сидела в своих спальных покоях в одном из резных кресел. Передо мной лежала на наклонном столике из слоновой кости раскрытая книга в переплете, украшенном самоцветами. Столик был полезной вещью, благодаря ему я могла удобно приблизить к себе книгу над непристойностью, которая была теперь моим животом. Книга эта рассказывала о легендарных животных и зверях — саламандрах, единорогах — и страницы ее блистали великолепными красками мастерских иллюстраций. Я в общем-то и не читала ее, всего лишь любовалась ею, когда вдруг обнаружила единственное слово, написанное на полях. Мне думалось, что эта книга — один из подарков белханнорского Джавховора, и я не представляла, что держу одну из книг Асрена, ту, в которую никогда раньше не заглядывала. Я не знала его почерка, — мне доводилось видеть его личную печать, не больше — и все же я сразу узнала его. Без завитушек, четкий, прямой, мудрый и все же открытый, наивный до ущербности — все это я увидела в единственном написанном им слове. Я протянула руку, чтобы коснуться слова кончиком пальца, и в этот миг раздался страшный гром, разбивая мир вдребезги. Спальня дрогнула и успокоилась. Я оттолкнула столик, подошла к ближайшему окну и увидела на реке красноватое свечение, отбрасываемое горящими домами в Нижнем Квартале. Осаждающие выстрелили через стену, и ядро попало в цель. Я и не сознавала мощи этих железных птиц смерти.

После этого грохот раздавался еще не раз, то близкий, то далекий, но всегда ужасающий. Постепенно дымная завеса покрыла красное небо.

С наступлением ночи обстрел прекратился, хотя тогда я этого не заметила. Когда наступила тишина, я по-прежнему сидела у окна как прикованная, в беспомощной заво-

роженности. Но тишина эта была относительной. Ветер доносил вместе с пеплом треск горящих домов, крики и издаваемую трубами тревогу.

Я не покинула своих покоев. Дворец наводнили перепуганные женщины. Мою дверь караулили трое моих стражников: когда их сменят другие, возможно, будут какие-то новости.

В полночь пушки проснулись вновь. Это был умный шаг — не давать нам выспаться. Вскоре пришел Мазлек, весь в грязи, с рукой, обмотанной окровавленной временной повязкой.

— Рассказывать, в общем-то, не о чем, — сказал он. — Их много и, судя по всему, подходят еще. Думаю, с ними и люди из других Городов, набранные в войско после их сдачи.

— Они пытались взять Белханнор? — спросила я.

— Нет. Они с ним играют, богиня. К стене подъезжал их глашатай и кричал, что воинам из Белой Пустыни не будет никакой пощады, но... — Мазлек умолк, слегка улыбаясь. — Белханнору, если он откроет ворота, они обещают братскую любовь.

А вот этот ход был острым маленьким кинжалом, который проткнул даже мою летаргию.

— — Что же сделал Атторл? — спросила я.

— Выстрелил по глашатаю, — ответил безо всякого выражения на лице Мазлек. — Выстрелил по нему и промахнулся. Белханнорские пушки бесполезны. Первая взорвалась и убила тринадцать человек на стене, а ядро из нее так и не вылетело. Богиня, — предупредил он, — они будут спасать собственную шкуру — это лишь вопрос времени.

Он произнес это тихо, теперь уже не так резко, но, впрочем, клинок уже вонзился.

— Я должна убраться отсюда, — сказала я, но это было пустое заявление. Я не знала, куда мне направиться.

— Доверишь ли ты это дело мне?

Я кивнула.

— Тогда собери все, что тебе нужно, богиня, и будь готова идти со мной в любое время дня и ночи. Я буду охранять тебя, не щадя живота своего. Ты сама это знаешь.

Несмотря на прерывистый грохот войны, в ту ночь я заснула глубоким сном без сновидений.

Утро было тихим, совершенно неподвижным. Река сияла, словно зеленый жемчуг. Из своих покоев я не видела

никаких развалин, только слабый дым, расплывающийся по бледному небу, словно девичьи волосы на воде. Я приняла ванну, оделась, и мне принесли мой напиток. Помнится, я сидела в кресле, глядя на окружающие меня бесценные вещи, гребни и украшения, и зная, что все они не мои. Нести мне придется немного, за исключением... Я подошла к столику и прикоснулась к раскрытой книге, про которую забыла с тех пор, как громыхнули первые пушки.

Затем стук и, когда я пригласила войти, вошел человек в ливрее Джавховора и сообщил, что тот нижайше просит меня явиться к нему. Это казалось странным, так как раньше всегда приходили ко мне, и все же приглашение это было очень вежливым. Я последовала за лакеем, и тот привел меня в зал для аудиенций, назначение которого практически потеряло смысл, но великолепие отнюдь не померкло. Среди этих ало-зелено-белых гобеленов ко мне подошел человек с бледным лицом, без маски, бывший Верховным Владыкой, и очень низко поклонился.

— Богиня, прости меня за просьбу явиться сюда, но я счел, что так, наверное, будет безопаснее.

Недолгое молчание, во время которого я заметила вдоль стен нескольких придворных и министров. Позади меня нервно трепетали белые веера принцесс.

— Мы все вынуждены были... — начал Джавховор и запнулся. — Мы сочли это наилучшим, — сказал он. — Жестокое решение. Мы отдались на милость наших братских Городов, Анаша и Эптора. Для нас не было иного пути, богиня. Я не мог видеть, как вокруг меня погибают мои подданные.

Я разгневалась на себя за то, что попала в эту западню, разгневалась на Джавховора за то, что тот расставил мне силки, разгневалась на Мазлека за то, что он не появился вовремя.

— И что же вы сделали? — спросила я. Ничего не значащий вопрос, но он ответил.

— Жители Белханнора восстанут против воинов Белой Пустыни на стене. Все устроено, — он опустил голову, посеревший и несчастный из-за предательства, в котором я его даже не винила.

— А я? — поинтересовалась я. — Как я вписываюсь в этот гобелен?

— Тебе, богиня, не нанесут никаких оскорблений, клянусь в этом.

— Очень рада, что вы так уверены. Я не разделяю вашего оптимизма.

Снаружи раздался внезапный отдаленный шум — крики, возгласы, рев удивления и боли. Не грянуло никаких пушек; в этом не было надобности. Жители Белханнора сейчас настезь распахивали ворота, приглашая своих братьев войти, надеясь и немного нервничая.

Я опустилась в кресло со всей своей тяжестью — ждать исхода — и заметила, что принцессы мало-помалу отступили от меня к отцу. Вскоре под окнами послышался топот сапог, лошадей, гомон множества голосов, а затем и ритмичный маршевый шаг по коридору снаружи; двери и занавеси распахнулись, и в зал ввалилось человек двадцать. Смешанные мундиры пурпурного и ярко-желтого цвета, латы, забрала шлемов откинута, являя надменные маски львов и медведей — маски Анаша, души этого наступления. В зал по-хозяйски вошел человек, солдат в серебряной маске, очень злорадный в своем торжестве — их командующий, мнящий себя их Джавховором.

Полукивок Верховному Владыке Белханнора, злобный, легкий смешок.

— Хорошо. Умный ход, брат.

Слова эти вполне могли принадлежать Вазкору, но голос был очень легким и высоким, странно сочетающимся с массивностью этого человека.

А затем наглый поворот, взгляд, охватывающий весь зал вдоль и поперек и остановившийся наконец на мне.

— А это кто, брат? Наверное, твоя дама?

Он должен был знать обо мне, знать про кошколикую богиню Эзланна. Ту, что отдала в его власть врага Анаша.

— Я — Уастис, — бросила я командующему. — Мой муж — Вазкор, который запахал бы тебя и твоих глубоко в речной ил, если бы только у него нашлось время.

Я сказала это с целью разгневать, вывести его из равновесия в этой атмосфере задабривающего пресмыкательства. Его рука метнулась к эфесу меча, и я почувствовала, как меня охватывает лень, знание того, что я могу сделать по крайней мере с ним и его двадцаткой, если сумею вызвать в себе достаточно ненависти. Но после этого придет смерть или же единственная форма смерти, которую я могу познать. И мне вдруг стало страшно.

Раздался слабый пораженный возглас как раз за дверью, легкий толчок и ругательство оттого, что один че-

ловец упал и толкнул при падении других. Анашский командующий обернулся, и в тот же миг дверной проем сменил цвет и форму и заполнился воинами в черных ливреях, подпоясанных зеленым кушаком, и все — со знаком кошки на правой груди. Быстрые мечи и падающие перед ними люди. Пол усеяло пурпурно-желтым.

Двое подбежали ко мне — Слор и Мазлек.

— Богиня — быстро!

Я побежала с ними, не взглянув на изумление тех лиц, что остались в живых после нашего ухода.

* * *

Коридоров во дворце Белханнора более чем хватало, и те, по которым мы бежали, были совершенно пусты. У меня сложилось впечатление, что направлялись мы вниз, но спрашивать, так ли это, не было ни времени, ни дыхания — тот, другой во мне мешал, и я с трудом поспевала за своими телохранителями. Затем мы свернули в широкий темный зал и наткнулись на стаю пурпурно-желтых солдат, грабивших сундуки. Очевидно, они считали все, что не носило их цветов, своей законной добычей. Сразу выхватывали мечи и с криком бросились на нас через зал. Мазлек утащил меня с их пути через захлопнувшуюся за нами боковую дверь.

Теперь со мной бежало меньше воинов. Многие остались по другую сторону двери, чтобы задержать погоню. Наклонный ход тянулся вниз, а дальше пошли темные пролеты лестниц, где кое-как продолжали гореть факелы в стенах. Я все время спотыкалась.

Во влажной темноте мы слышали громкий лязг вышибленной наверху двери и поняли, что охота пошла заново.

— Недалеко, — прошептал Мазлек. — Скоро дверь, которую они не смогут открыть.

Лестница сузилась и стала неосвещенным коридором. Позади доносились дикие, резкие, яростные звуки. Слор остановился, и остальные воины замерли, где стояли.

— Мы задержим их здесь, — прикинул он, — место узкое. К тому времени, когда они сумеют пробиться мимо нас, доставишь богиню в безопасное место.

Мазлек на секунду заколебался, а затем кивнул. Протянув руку, он крепко сжал Слору плечо, а затем вернулся и увлек меня в темноту.

К этому времени я совсем запыхалась и почти не понимала, что происходит. Когда мои пальцы наткнулись на камень и я обнаружила, что коридор кончается глухой стеной, это показалось лишь какой-то ужасной частью моей муки. Я прислонилась к холодной выщербленной поверхности, хватая воздух открытым ртом, а Мазлек сунул что-то мне в руки.

— Плащ, — сказал он. — И простая шелковая маска — серо-стального цвета нижестоящих в Белханноре. Пожалуйста, надень их.

Я отвернулась и подчинилась ему, хотя не могла взять в толк, как нам это поможет. Когда я снова оглянулась, то увидела, что он надел поверх кольчуги тунику из того же материала и тоже простую маску. Кошачью маску я бросила туда же, куда он бросил свою, а вместе с ней — свой знак и кушак, но открытые глазницы кошачьей морды прожигали меня взглядом — мое собственное «я», брошенное на произвол судьбы. Скрежет заставил меня отскочить от стены. Появилось узкое прямоугольное отверстие, обрамляющее черноту.

Мазлек поднял руку с кольцом, которого я у него раньше не видела.

— Я купил этот ключ много дней назад, — сказал он, — подумал, что он может оказаться полезным.

Он провел меня в эту черную пасть, прошел следом за мной и закрыл за нами дверь.

— Они могут так и не увидеть этой двери, — сказал он. — А если и увидят, то без кольца она для них все равно бесполезна.

Он крепко схватил меня за руку, и мы двинулись вперед. Сперва я ничего не могла различить, но затем вокруг нас начало рябить зеленоватое свечение, и я почувствовала реку.

Свет усилился. Я увидела грязь и мхи, облепившие стены. В ногах у нас путались ярко-зеленые сорняки.

Мы вышли из небольшой пещеры, похожей на крысиную нору, в тусклый, белый, слегка дымящийся день. Путь закончился на низком берегу реки, но не той реки, какую я видела из окон. Эта походила на маслянистую струйку, забитую зарослями сорняков и мусором. Из грязи грубо высеченные ступеньки лестницы вели наверх к узким улицам, обшарпанным домам и военным руинам нижнего квартала.

Пурпурно-желтая солдатня Анаша просочилась и на эти улицы, но благодаря осторожному маневрированию мы избежали лобового столкновения с ними. Несмотря на обещанное их вождем братство, они вламывались в двери парфюмерных лавок, к портным и ювелирам и забирали все, что считали ценным. В одном переулке мы прошли мимо собаки, которую они использовали для упражнений в стрельбе из луков. Дважды мимо нас поспешно проходили строевым шагом воины в мундирах цвета древесного угля, искавшие потайные укрытия. В войске Эптора, похоже, было больше порядка.

Большинство дверей было плотно закрыто и заперто изнутри на засовы. Многие, думаю, бежали в последнюю минуту в погреба и ходы под домами. Ближе к стене встретилась целая улица, опустошенная пожаром, все еще дымящаяся, и там густо валялись мертвецы, некоторых из которых я узнала; последние солдаты армии Вазкора.

Наконец, белый каменный дом с внутренним двором, дверь которого болталась на сломанных петлях. Мы зашли в него, и Мазлек выволок из внутренних комнат мебель, чтобы забаррикадировать вход. Он не позволил бы мне помочь ему. Когда баррикада была сооружена, мы зашли внутрь и поднялись наверх, где нашли узкие пустые спальни. Он заставил меня улечься в постель и закрыл одеялом.

— Я буду стеречь тебя перед дверью, — сказал он, — если возникнет какая беда.

— Но, Мазлек, — сказала я, — сколько же мы здесь пробудем?

— Недолго. Мы должны как можно скорее убраться из города.

— А потом? Куда?

— В Белую Пустыню, — ответил он.

Я лежала в комнате, но не спала, хоть и очень устала. Один раз на улице возникло большое волнение, слышались крики, вопли и грохот, но я слишком утомилась, чтобы встать и посмотреть, и в конце концов шум стих. Я провела немало времени, размышляя совершенно неуместно о том, что в Нижнем Квартале, похоже, напрочь отсутствовали какие-либо лачуги. Город дворцов и домов,

каким был Эзланн и какими, как я полагала, были все Города юга — да, они слишком гордые, чтобы выродиться в трущобы, эти незаконные дети Сгинувших.

Бесцветное небо сползло к темноте.

Тихо вошел Мазлек.

— Я должен на время покинуть тебя, богиня, — сказал он. — Не выходи отсюда и не зажигай никаких светильников.

Я кивнула, и он вышел. Ночь подступила вплотную, очень черная, расцвеченная лишь множеством маленьких огней от каминов, мерцающих розово-красным на потолке узкой комнаты. Дом начал зловеще скрипеть и трещать, как бывает во всех домах, когда в них есть одинокая жертва. Я слышала бессчетные шаги на лестницах, тяжелые, жесткие шаги солдат с ножами, чье обращение с беременными женщинами было мне чересчур хорошо известно по лагерной болтовне, чтобы остаться невозмутимой. Но все они были нереальными, кроме последних. Услышав их, я села на постели, напряженная и совершенно неподвижная. Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился анашский солдат с высвеченной огнями ливреей и медвежьей маской, с заткнутым за пояс окровавленным ножом.

— Богиня, — сказал анашский солдат голосом Мазлека, — не тревожься. В этих одеждах все будет легко. Большинство из них пьяны — открыто пьют на улицах, как скоты. В воротах, несомненно, будут часовые, но, думаю, такие же небоеспособные, как и остальные. Во дворе стоит лошадь.

Я последовала за ним из дома, и он усадил меня позади себя на лохматую вычурную лошадь, сильную, коренастую, темную зверушку, больше смахивающую на осла; к седлу была привязана стеклянная бутылка вина. Мазлек открыл ее и вылил половину красной жидкости на мостовую.

— Когда я дам тебе знать, богиня, ты должна прикинуться пьяной, цепляться за меня и смеяться, — он казался до крайности смущенным и добавил: — Прости меня. Я бы не стал просить тебя об этом, будь какой-то иной путь.

— Ах, Мазлек, — упрекнула я его. — Ты ведь не считаешь меня такой уж душой? Забудь, что я та, кем ты меня считаешь, оттого что убил меня мечом на хуторе у Воды, а я исцелилась и последовала за вами. Если мы хотим проделать этот путь вместе, то ты должен понять, что я не

представляю собой ничего очень уж примечательного и особо достойного любых хлопот с твоей стороны. Я буду делать то, что ты мне скажешь, и буду тебе благодарна за помощь.

Для меня это был момент усталой истины — и горький, и утешающий. Если сказанное мной и шокировало Мазлека, то он не подал виду. С миг царило молчание, а затем он прищпорил лошадь, и мы ускакали.

Скачка получилась быстрой, темные переулки перемежались абстрактными узорами от света костров и силуэтами фигур на фоне этой красноты. Пьяные воины кричали нам, но не проявляли особой склонности преследовать. А сердце города среди дворцов яростно пылало оранжевым огнем, и поднимались всплески пурпурного дыма. Вот и вся обещанная братская любовь. Мы добрались до широкого проспекта, и впереди совершенно неожиданно за домами выросла стена. Это нижние ворота, не шибко важные и, надо полагать, слабо охраняемые. Мы проехали мимо большого костра на улице, вокруг которого столпилось много народу, и в коня попал брошенный кем-то предмет. Конь вильнул в сторону, затем поправился и побежал дальше, вокруг квартала разграбленных лавок и конюшен, где бродили немногие отбившиеся животные, а впереди маячили ворота.

— Давай, — скомандовал Мазлек.

Даже мне, готовой к его преображению в иную роль, оно показалось удивительным. Внезапно он дернул поводья лошади так, что та запротестовала и загарцевала, и начал раскачиваться в седле, ревя какую-то нескладную песню без слов и мелодии. Он отвязал полупустую бутылку и теперь высоко размахивал ей. Его преобразование настолько захватило меня, что я чуть не забыла про свое собственное, но наконец вспомнила, обхватила его руками и принялась распевать во весь голос одно из музыкальных выступлений, слышанных в стане Дарака, при звуках которого некоторые даже здесь могли поднять бровь от удивления.

Вот так мы и добрались до пасти ворот, вероятно, входа для гуртовщиков, судя по их ширине и уродливости и количеству сцементированного с дорогой древнего скотного помета.

У ворот болталось человек десять, больше, чем я надеялась, но без масок и, судя по окружавшему их запасу бу-

тылок и мехов с вином, они явно пребывали не в лучшей форме. Я подумала, что могут возникнуть какие-то сложности с паролями, которых мы не знаем, но они, очевидно, начисто забыли обо всем подобном.

— Стой! — к нам, пошатываясь, подошел ближайший, бывший, похоже, главным. — Стой, надравшийся сукин сын. Стой, стой, стой. Что там у тебя за седлом?

Говорил он на своего рода армейском жаргоне, ставшем чуть ли не самостоятельным языком.

— Баба, — отозвался Мазлек и предложил ему стеклянную бутылку.

Солдат выпил, рыгнул и посмотрел на меня.

— Белханнорка, — определил он.

— Совершенно верно, — подтвердил Мазлек, — и вполне готовая заставить меня забыть об этом.

— Видно немногое, — сказал солдат, — но, по-моему, она с икрой.

— Меня это мало трогает. Она ведь не скажет, что это мой, если мы опять заедем сюда, не так ли?

Солдат поднял руку и принялся исследовать меня, и я почувствовала, как напряглось тело Мазлека. Я слегка шлепнула его.

— Разве я говорила, будто принадлежу тебе, солдат? — спросила я Мазлека. — Всего лишь за то, что ты подвез меня? Вот этот, сразу видно, милый парень, — я потрепала солдата по щеке, и этот дурак улыбнулся во весь рот. — Мы ненадолго выезжаем за ворота. Почему бы тебе не отправиться с нами?

— За ворота? — с сомнением переспросил он. — А почему не здесь и сейчас?

— Люблю отбирать и выбирать, — нашлась я. — И, кроме того, неужели ты хочешь, чтобы этот сброд лез вперед тебя?

Он взглянул на других солдат, снова улыбнулся во весь рот и пошел впереди коня. Когда он вывел нас за ворота, раздалось несколько криков, но он велел им заткнуться, что они и сделали, так что никаких осложнений не возникло.

От ворот тянулась узкая тропа. Платформа здесь переходила в склон, свободно усеянный подстригаемыми по весне деревьями.

— Здесь годится, — сказал наш сопровождающий.

— Забудь про него, — кивнула я на Мазлека, слезши с коня. Я позволила солдату увлечь меня в какие-то кусты,

где он и приступил к получению того, что его больше всего интересовало. Мазлек, возможно, проявил излишнюю быстроту, так как слишком рассердился, но тренированный боец в нем спас нас; к тому же он был слишком хорошим профессионалом, чтобы напортачить при всей его ярости. Он внезапно вырос над нами, зажал солдату ладонью рот и воткнул в него нож. Анашанин умер без звука; Мазлек стащил его с меня и отшвырнул в сторону.

Я не видела за маской выражения лица Мазлека, но каждая линия его тела выражала ужас.

— Богиня, я думал, что поспел слишком быстро, чтобы он...

— Неважно, — отмахнулась я.

Он покачал головой и отвернулся.

Мы снова забрались на лошадь и быстро усаkali от стен Белханнора по деревенским полям в безопасную темноту.

* * *

Нам повезло. Примерно час спустя, проезжая тянувшими от подножья горы зарослями кустарника, мы нашли другую лошадь, близнеца первой, легко пойманную на приманку в виде сахарной травы. Усевшись по отдельности, мы поскакали рысью и встретили рассвет не останавливаясь.

Белханнор сделался теперь лишь силуэтом на горизонте, вырезанной из слоновой кости фигурой, со все еще висевшей над ее головой струйкой дыма, похожей на грозовую тучу. Мы сделали привал в роще кривых колючих деревьев и развели небольшой костер. Мазлек стащил с себя анашские тряпки и опять надел мягкую тунику стального цвета и маску нижестоящего гражданина. Теперь мы сделались всего лишь беглецами из Белханнора, одной парой из, вероятно, целой сотни, направлявшихся, наверное, в разрушенный Ораш в ожидании, пока можно будет спокойно вернуться домой.

Мазлек извлек из седельной сумки небольшой короб, и я поняла по его стеснительности, что там должно находиться.

— Мазлек, — тихо сказала я, — я могу много дней обходиться без пищи. Снабжай себя, сколько хочешь.

Он кивнул, но есть ушел за деревья. Он не дрогнул от моего откровенного заявления, но даже при таких обстоя-

тельствах вбиваемые всю жизнь табу не могут так быстро улетучиться, если они вообще могут когда-то улетучиться.

Позже мы продолжили путь, скача с постоянной, но неспешной скоростью. Окружающая местность казалась мне совершенно незнакомой — в последний раз я видела ее под снегом и сквозь туман лихорадки. Тем не менее, путешествие получалось странное, эта езда обратно по ранее пересеченной мной местности — я в первый раз возвращалась в какое-то место, до которого требовалось добираться дольше одного дня. Почва под копытами лошадей сделалась теперь тепло-коричневой с многочисленными пятнами зелени. Сумрак надвигался медленнее, и птицы на заре звенели, словно колокольчики. Лисье логово среди зарослей папоротника-орляка — и лисица с белыми пятнами на рыжей шерсти, все еще наполовину в зимней шубке.

Прошло пять-шесть дней, и Мазлек сообщил мне, что мы едем не к Орашу, как я думала, а сворачиваем теперь на восток к гряде холмов. А за этими холмами — горы, часть великой цепи первозданных детей, потянувшихся ввысь из южной земли. Дальше к северу они сливались с Кольцом, рассекаемые только голубой водой, Алутмисом. К северо-востоку они теряли свои пики на скалистых равнинах, тянувшихся от Эшкорек-Арнора, Города Белой Пустыни.

— Самая лучшая для нас дорога, — заверил Мазлек. — Если кто-то последовал за нами, разыскивая тебя, то они предположат, что мы поедem открытым путем — обратным тому, каким пришла армия.

— *Дорога?* — переспросила я. — Через эти горы есть дороги?

Похоже, что были, хотя и древние, ускользающие, непроходимые зимой проселочные дороги прежних обитателей гор, исчезнувших, как и Сгинувшие, много веков назад. Мазлек казался достаточно уверенным, но мною овладело дурное предчувствие. Страшилась я не дороги, а конечной цели — Эшкорек-Арнора. Сама не зная почему. Вероятно, меня преследовала тень Джавховора Эшкорек — той встревоженной черепахи, что чересчур далеко высунула шею из панциря. Того храброго, перепуганного человека, который закричал на меня за столом Совещания в За, а затем умер на площади от вонзившегося в мозг куска черепицы — примера силы Вазкора. Однако страшиться незачем — там теперь новый владыка — человек Вазкора.

На одиннадцатый день нашего пути мы въехали в предгорья и оставили долину неудачи позади. Нам встретились деревня-другая, где Мазлек мог отойти в сторонку с черноглазым вождем и вернуться с узелками еды. Я ела самую малость каждый седьмой или восьмой день, и мой избалованный желудок каждый раз бунтовал, причиняя страшные боли. Самой худшей бедой была постоянная усталость. Несколько раз я засыпала в седле и только чудом не падала, пока какой-нибудь толчок не будил меня вновь. Каждую ночь — шестичасовой привал. Мы не устанавливали каких-либо караулов, хотя Мазлек, думаю, спал мало. Как караульная я была совершенно бесполезна, я не могла долго оставаться с открытыми глазами. Это сердило меня, но я была беспомощна; такой меня сделало находившееся во мне существо.

Но никакой погони, похоже, не устраивали. Вероятно, беглая сука-ведьма-шлюха-богиня не шибко интересовала их. Похоже, они даже не потрудились преследовать Вазкора, а просто поверили известию, что он погиб. Дураки. Трудно сказать, где он был и что подделывал, но я, по крайней мере, знала, что погибнуть он не мог, мой брат, с его самоисцеляющейся кожей.

За холмами поднимались горы, сгрудившиеся, неогранные аметисты, тускло светящиеся на фоне мягких весенних небес.

Я стала сознавать, что что-то ищу, во сне и наяву, мой мозг перепахивает сам себя, пытаюсь что-то вспомнить. Любопытная вещь — этакое ощущение поиска без известной цели.

9

И они в конце концов оказались добры к нам, эти горы. Лошади с их уверенными мохнатыми маленькими ногами справлялись хорошо и наслаждались пучками раскалывавшей камень ледянисто-зеленой горной травы. Свежие ручьи и водопады впадали в неглубокие водоемы. Вереск всех оттенков пурпурного цвета покрывал мехом спящие старые кости.

Сперва шли извилистые проселки, достаточно безопасные, но грубо высеченные. А потом мы нашли дорогу —

широкий и вымощенный проход, и вымощенный не так, как мостили дороги степей рабы Сгинувших, а маленькими булыжниками размером с ладонь. На этом пути нас по большей части окружали с обеих сторон отвесные стены гор, но то слева, то справа, то тут, то там открывалась страшная пропасть, рваные каскады скал, рушащиеся в бесплодные долины. Чем дальше мы ехали, тем заброшенной становилась дорога. Вскоре зелень и вереск совсем исчезли. Мы поплатились за наш безопасный проход созерцанием уродства.

К вечеру, наверное, на пятый день в горах мы проехали мимо ветхой маленькой лачуги футах в двадцати от дороги. По склону к нам тянулось полубесплодное поле, а неподалеку от двери прислонились для опоры друг к другу три-четыре отчаявшихся дерева. В поле работали два старика, оба кожа да кости, в лохмотьях, с развеваемыми ветром длинными светлыми волосами. Это не темнокожие, а, надо полагать, отверженные из числа горожан. Один присел, сгорбившись и глядя на нас без маски, а другой стоял, прямой и негнувшийся, повернувшись спиной. Миг спустя я заметила, что по полю бродит стая сизых горных голубей, клюющих скудный урожай. Время от времени стая этих сизарей слеталась на голову или плечи стоящего человека и топталась на них или чистила перышки.

Наши небольшие припасы подыстожились. Я увидела уголком глаза, что Мазлек натянул поводья и спешил.

Внезапно сидевший закричал:

— Не позволяй ей приближаться ко мне! Не позволяй ей!

— Прости его, богиня, — заступился, похоже, раздраженный услышанным Мазлек. — Всего лишь сумасшедший старик — несомненно, женоненавистник. Он никак не хочет оскорбить.

Он прошел по полю, и птицы со страхом разлетелись, за исключением стайки на чучеле, оставшейся спокойной.

Мазлек заговорил со стариком. Тот неистово замотал головой и замахал тонкими, как плети, руками.

— Нет — ничего не осталось — те, другие, забрали все — воры!

— Другие? — голос Мазлека теперь сделался резким и отчетливым.

— Десять человек на лошадях — черные всадники — черепастые маски — кроме него, темного — волка —...

Мазлек повернулся и посмотрел на меня. Мои руки крепко сжали поводья, а сердце застучало с болезненными, нервными перебоями. Мазлек оставил старика и вернулся на дорогу.

— Вазкор, — констатировал без надобности он. — Все еще жив.

— О, да. Я никогда не считала его погибшим.

— Направляется к Эшкореку — как и мы, — заключил Мазлек и быстро вскочил в седло. — Нам следует поспешить, богиня; наверное, мы сможем их догнать теперь, когда едем по одной и той же дороге.

— Нет, — сказала я.

Старик хрипло прокричал что-то.

— Разумней ехать туда, — указал Мазлек. — Двенадцать воинов смогут защитить тебя лучше, чем один.

Он волновался о моей безопасности. Возражать было бесполезно. Мы погнали коней вперед и оставили старика стоящим в поле около облепленного голубыми чучела, которое он поставил отпугивать птиц.

* * *

Вокруг нас сгустилась тьма. Между далекими гребнями скал светились голубовато-белые звезды.

— Мы не знаем, как давно они проезжали, — сказала я. — Возможно, они опередили нас на много дней.

— Не думаю, — возразил Мазлек. — У такого старика должна быть короткая память, однако он отлично их помнил.

— Мне скоро понадобится отдых, — предупредила я.

Он кивнул во мрак.

— Я найду безопасное место, а потом поскачу вперед к ним. Он подождет или вернется со мной.

— Так ли? Хотелось бы мне знать, Мазлек, станет ли он...

Но, конечно же, станет. Ведь я носила то, что принадлежало ему.

Вскоре после этого дорога пошла под уклон. И за скальными выступами возник новый красноватый свет.

— Костер, — пробормотал Мазлек.

Минуту спустя мы увидели впадину, на дне заполненную светом костра. Это казалось явным, даже неосторожным. Я увидела движущихся за огнем лошадей, силуэты

людей, сидящих на фоне скалы. Внезапно из кустов выскочили двое воинов, по одному на каждую узду. Третий стоял сзади с парой ножей наготове. Не столь уж он и осторожен, в конце концов, раз расставил часовых. Схвативший за узду коня Мазлека ткнул его.

— Кто ты?

Мазлек спокойно ответил:

— Я — Мазлек, начальник стражи богини Уастис. Я препроводил ее к мужу.

Черепастые лица повернулись ко мне. Во мне не было ничего узнаваемого, ни золотой кошачьей маски, ни богатой одежды. И беременность стала очевидной с тех пор, как они меня видели в последний раз.

— Ну, — предложила я им, — пойдите и спросите у своего Владыки. Я думаю, он вспомнит меня.

Легкое колебание, затем они отвели наших лошадей в сторону и повели их по тропе в лагерь; воин с ножами шел позади. Во впадине было тепло и дымно. Один из наших проводников обошел костер и вошел в спрятавшуюся за ним пещеру. Я начала задыхаться, дым лез мне в горло и глаза. Мне хотелось убежать, и я несправедливо ругала Мазлека за то, что тот привез меня сюда. Проклятый Вазкор. Я не хотела, чтобы его ядовитая тяжесть опять подавила мою свободу.

Из пещеры вынырнул человек, а за ним последовал другой, высокий, худощавый, темный; под серебряными прядями волчьей головы его собственные черные шелковые волосы свисали длинными сырыми прядями. Он обошел костер и стал, глядя на меня.

— Добро пожаловать, богиня, — приветствовал меня он.

Когда он заговорил, я ошеломленно поглядела на него. Сухой, старый, опустошенный голос. Не голос Вазкора.

Мазлек стоял у моего стремени, подставив руку, чтобы помочь мне сойти с коня. Я спешила.

— Устройте богиню поудобнее, — закончил неузнаваемый голос. Он кивнул, повернулся, чтобы уйти обратно в пещеру, и исчез.

— Так, даже он понимает поражение, — тихо произнес Мазлек. — Оно для него конец, и он это знает, — в тоне его прозвучала горькая радость, которую я могла бы разделить, если б он сказал это в дороге.

Я убрала ладонь с руки Мазлека и, обойдя костер, последовала за Вазкором в темную пасть пещеры. Там дале-

ко в глубине висела кожаная завеса для уединения, а за ней слабо светил фитиль в масле. Я дала пологую упасть на место и стояла, уставясь на постель, сделанную из одного сложенного одеяла, на которой лежал он. Лежал совершенно неподвижно. Маска теперь исчезла, и лицо его выглядело болезненно-бледным под серо-оливковой кожей, и тени у него на лице, казалось, углубились. Если бы не открытые глаза, которые медленно повернулись, чтобы взглянуть на меня, он мог сойти за мертвеца. Губы его чуть растянулись.

— Как видишь, наша позиции, наконец, поменялись местами, — сказал он.

— Ты болен, — тихо произнесла я, не совсем веря в это.

— Да. Я болен. Но скоро мне станет лучше. Сожалею, что разочаровал тебя, богиня, — его взгляд немного сместился, перейдя на мой живот. — Хорошо, — произнес он, но это совсем не разгневало меня.

Воздвигнутые мной против него стены ненависти, конечно же, мгновенно рухнули. Его беспомощность тронула меня и вызвала сочувствие. Я подошла к нему и опустилась на колени рядом с ним.

— Что я могу для тебя сделать? Мне достать тебе чего-нибудь?...

Протянув руку, я коснулась его лица кончиками пальцев и, словно это послужило сигналом, тут же заплакала молчаливыми горькими слезами. Он тоже потерял то, что было ему дорого, какими бы там ни были извращенными его желания и надежды. Пропавший. Он не мог даже выразить боли, которую испытывал. Он лежал под моим прикосновением, словно лед: Дарак, превратившийся в нефрит на дне шахты-гробницы, потому что я не смогла плакать по нему.

— Давай положим этому конец, — сказал он миг спустя очень мягко. — Это бесполезно для нас обоих.

Я поднялась на ноги, а он закрыл глаза, затворяя эту последнюю дверь в себя каменной печатью.

* * *

Мне подыскивали еще одну пещеру, и здесь-то я и улеглась; Мазлек лег поперек входа в нее. В ту ночь караулила я.

Рассвет, ледяной холодок в горах, крутые бока скал, блистающие красным.

Тем утром меня ждал кубок с винным напитком. Мазлек, словно ребенок, потягивался, протирая глаза и виновато глядя на меня, оттого что не стоял всю ночь в карауле.

Вазкор вышел из пещеры, когда солдаты принялись седлать и навьючивать лошадей. Он осмотрел собственного коня медленно и тщательно. Лицо его скрывала маска. Через некоторое время от забрался в седло и сидел с необычной одеревенелостью, словно ему требовалось усилие, чтобы удержаться на коне. Воины ждали его сигнала и последовали за ним по дороге.

До меня вдруг дошло: это сделала я. Началом всего этого послужила гроза, которую я повернула от Белханнора. Я разбила вдребезги душу Вазкора. И все же я не могла толком в это поверить. Где же, в конце концов, мое торжество по поводу достигнутого?

Мы с Мазлеком ехали несколько позади. Через некоторое время Вазкор знаком велел ехать первым другому воину и ждал на дороге, пока мы не добрались до него. Он повернулся к Мазлеку, и тот отстал. По сравнению с черным мерином Вазкора моя лошадь выглядела карликовой.

— Я видел прежде этого человека, — произнес через некоторое время Вазкор. Голос у него звучал слегка хрипло от жара и все же отличался от того, какой я слышала в последний раз. — Твой начальник стражи — один из людей Асрена, ездивший, по-моему, какое-то время со мной. В Эзланне.

Я ничего не сказала, не могла придумать, что сказать, поскольку те слова, которые мне нужно было произнести, замерли во мне на веки вечные.

— Ты думаешь, — сказал он после еще одного недолгого молчания, — что со мной все кончено.

Копыта резко цокнули по дороге.

— Ну, богиня, замок на реке Ан пал, но я могу опять отстроить его на его же развалинах, из его же кирпичей. Это не поражение, богиня, а задержка. Мы направляемся к горной крепости, которая обеспечит нам полную безопасность до тех пор, пока для меня не настанет подходящее время. Башня-Эшкорек — подарок мне от бывшего Джавховора Эшкорек-Арнора. Надеюсь, ты сочтешь ее удобной. Наш ребенок, вероятно, родится там.

Там, где горы подступали, выравниваясь, к Городу, они принимали окраску львов. Большая башня-крепость, подобно самому Эшкореку, была сложена из того же желтовато-красного камня. Не прекрасная, а уродливая, она отбрасывала свою неукротимую черную фаллическую тень на окрашенные закатом горы и скалы. Очень прочная, очень надежная, но предназначенная не для охраны рубежей, а для охраны того, что находится внутри. Тюрьма. У меня сразу возникло ощущение, что если я войду в нее, то уже никогда не смогу выйти на волю.

Ближе я увидела, что эта крепость окружалась огромным овальным кратером, заполненным на треть стоячей водой, черной и непроницаемой, как незрячий глаз. Через этот ров, казалось, не существовало никакого пути, кроме как вплавь. Водоросли стелились по поверхности сверкающими сетями, густея у основания башни.

Один из воинов Вазкора крикнул. Скалы подхватили его голос и раскололи на множество голосов, и швырнули их в нас со всех сторон. Затем молчание, но когда поползло эхо безмолвия, раздался ответный звук, и безмолвие бежало, как преследуемый преступник. В башне со скрипом и скрежетом открылась узкая дверь, и из этого рта-проема к нам начал высовываться длинный каменный язык. Надо рвом он выгнулся и исчез со скрежетанием в каком-то пазе под краем рва: мост. Он был шириной, по меньшей мере, в десять футов, но воины все ехали колонной по одному, точно по центру, и ведомая одним лишь инстинктом я сделала то же самое. Мой желудок, казалось, превратился в лед, когда я проезжала над водой. Вопреки своей воле я посмотрела в глубину, ничего не увидела, однако быстро отвела взгляд.

За узким дверным проемом — крытый внутренний двор с конюшнями по обе стороны, темное, примитивное, невеселое место. Трое человек в серых с желтыми полосами ливреях стояли, словно статуи. Толстый человек под длинной меховой туникой глубоко поклонился.

— Комендант, — произнес Вазкор.

— Мой государь, ваш гонец добрался до меня всего лишь день назад. Мы не так готовы, как хотелось бы.

Из-под серебряной маски орла блеснули маленькие глазки. Но этот малый — совсем не орел, а мифологический демон-жаба, упитанный и ядовитый. Опарр — и все же не Опарр; нечто поглубже и почернее.

Раз это крепость, то в ней должен быть какой-никакой гарнизон. Мы поднялись по каменным лестницам, прошли через большой овальный зал мимо складов и оружейных к толкотне казарм. Людей здесь все-таки жило мало, кучка одетых в серое солдат — воинов коменданта плюс старуха и молодая женщина, обе явно безмозглые, судя по моим беглым взглядам. Такой порядок казался странным, но я слишком устала, чтобы расспрашивать об этом; мы долгие дни пробыли вместе в дороге — я потеряла счет, сколько именно дней. Вазкор при всех по-прежнему заметных следах лихорадки выглядел менее опустошенным, чем я, — но, впрочем, у него ведь здесь была, надо полагать, какая-то цель; а у меня же — ничего.

Я последовала за худенькой, слегка прихрамывающей служанкой в маленькую комнату неподалеку от вершины башни, и, когда та удалилась, я опустилась на занавешенную постель и погрузилась в сон.

* * *

Я проснулась вновь в темноте, вся дрожа от напряжения, прислушиваясь. Но ничего не было слышно в безмолвной прочности башни. Я подошла к узкой щели окна, отодвинула ставню, выглянула на выбеленные скалы, черное небо, белоглазые звезды. Я была очень напряжена, не зная, почему.

Стоя там, я вдруг сообразила, что же искал мой разум с тех пор, как Мазлек привез меня к горам — тот полубессознательный поиск безвестной цели. Я пыталась вспомнить слово, которое Асрен написал в книге, прекрасной книге, которую я собиралась забрать с собой из Белханнора, но оставила там. И теперь я сообразила, что, странное дело, я так пристально изучала буквы, характер написания того слова, что не увидела, чем же было это слово само по себе. Какая бы важная мысль в нем ни заключалась — теперь это утрачено. Последний единственный предмет, который

мне остался от Асрена, навеки выскользнул у меня из рук и из памяти.

Мой глаз уловил какое-то движение, неожиданное в этом месте, где небо и горы казались сцепившимися в древней неподвижности.

Я посмотрела на скальные образования, а затем подняла глаза и, невероятное дело, обнаружила ответ в черной мгле над головой. Между неподвижной россыпью звезд — три другие звезды, более крупные и очень яркие, плыли в виде клина на юг. Анкурум и улица, и движущийся серебряный свет, который я наблюдала вместе с Дараком, свет, который наблюдал также и Асутоо, и принял за божественную колесницу, знамение, обязующее предать. Три сверкающих шара проплыли над башней, уйдя из моего поля зрения.

Я боялась, испытывала более чем первобытный страх, потому что не могла понять этих огоньков в небе. Я отвернулась и стала лицом к комнате, словно меня ждал враг. В этом месте было — *что-то* — нечто, чего я страшилась и все же должна была найти глубоко в скелете башни. Я почувствовала это с самого начала, но серебряные звездные колесницы богов Асутоо сорвали с моих глаз последнюю пелену.

* * *

Утром хромая девушка принесла кувшин с водой, серебряную чашу винного напитка, а чуть позже вернулась с подборкой шелковых и бархатных одежд и серебряной маской, любопытная форма которой казалась головой рыси. Очевидно, эти вещи прислал комендант башни, и я гадала, кому же они принадлежали. Наверное, отсутствующей жене или даме сердца, ибо в настоящее время он, похоже, не держал тут ни той, ни другой. Одежды были всех оттенков и тонов эшкорекского желтого, довольно просторные, что вполне, казалось, подходило к моему состоянию. Единственная трудность: звание коменданта не давало ему права носить золото, и вследствие этого он не мог снабдить меня золотой маской; в силу этой случайности я снизилась в звании, довольствуясь серебром. Желтые пряди свисали с рысей головы мне на волосы, каждая кончалась вырезанным из желтого янтаря изысканным бледно-желтым ноготком.

Вскоре после этого по лестнице поднялся Мазлек. Я увидела, как он воспринял серебряную маску, а затем отменяла мысль, которая пришла ему на ум так же, как пришла мне.

— Что происходит, Мазлек?

— Послали гонца в Город уведомить Джавховора, что Вазкор здесь.

— Вазкоровского Джавховора, — тихо произнесла я.

— Да, богиня. Люди Вазкора ожидают немедленной преданной помощи с этой стороны — почетного приема в Эшкорек-Арноре, военный совет, свежие войска — но я думаю, богиня, дела обстоят не столь просто.

— Почему?

— Этот человек — комендант — он очень обеспокоен. Не думаю, что Вазкор — желанный гость не только для него, но и для его хозяина.

Я вспомнила слова Вазкора в дороге, резкие, утвердительные. Однако он ничего не мог сделать без поддержки Городов Пустыни. А если он потерял ее, то что с ним станет?

— Где Вазкор? — спросила я Мазлека.

— В комнате на восточной стороне башни. Один воин сторожит перед дверью, и с прошлой ночи его никто не видел.

— Мазлек, — сказала я, внезапно остро захотев выкинуть Вазкора из головы и подавить мои страхи перед этой крепостью, — в этом месте что-то есть — что-то, что я должна найти.

— Богиня.

Он был вполне готов следовать за мной, защищать меня, однако он не понял. Я наполовину надеялась, что он воспримет тайную суть этой башни. Во время бегства из Белханнора между нами, казалось, выросла своего рода духовная близость; мы мало разговаривали, однако все бывало достаточно ясно. Мне вдруг вспомнился Слор, его слепое пожертвование своей жизнью ради спасения моей жизни, но я отбросила эту мысль.

— Я плохо объяснила, — извинилась я. — Я не знаю, что меня здесь беспокоит, даже если существует что-то, беспокоящее меня. Но я должна искать, пока не найду это или не сумею это найти, — я обнаружила, что напряженно сцепила руки. — Что-то спрятанное, — закончила я.

Он пошел следом за мной вниз по лестничным пролетам к овальному темному залу и стоял наготове позади

меня, когда я заговорила с одним из отдохавших там трех серых солдат. Я заметила, что они не вскочили мигом, когда я вышла, вытягиваясь по стойке «смирно», как вскочили бы перед золотой кошкой богини Эзланна, и многое поняла благодаря этой мелочи.

— Где комендант? Я хотела бы с ним поговорить.

— Господин комендант еще не встал, сударыня.

Ответ прозвучал с некой пренебрежительной невнятиостью. Он так легко забыл, кто я такая — кем я *была*?

— Солдат, — напомнила я ему, — я Уастис из Эзланна, Перевоплотившаяся из Древней расы, жена Вазкора Джавховора, Властелина Белой Пустыни. Обращаясь ко мне, меня называют «богиня» люди, стоящие на ногах, и склоняют сперва передо мной головы.

За столом беспокойно зашуршали, двое товарищей солдата поднялись с кресел и неуклюже встали в неопределенно-почтительных позах. Однако на того, с кем я разговаривала, мои слова, кажется, не произвели впечатления и даже спровоцировали на наглость:

— Я слышал о богине, — отозвался он, — в Эзланне. И потом, *сударыня*, вы носили простую маску, явившись сюда и платье тоже простое. Эти вещи... ну, если я правильно помню, это подарок коменданта.

Я не испытывала гнева, а только знала, что не смею уронить свой авторитет именно здесь, где я почувствовала такую опасность.

— Солдат, — предупредила я и подошла к нему, и пристально посмотрела ему в глаза под бронзовой маской, глаза скользкие, не желающие встречаться с моими. — Люди не оскорбляют меня дважды. Поскольку тебе нужно от меня доказательство, то, боюсь, что я должна представить его. Ты не забудешь, кто я. Подыми руку, — он заныл, и тогда я поняла, что он у меня в руках. — Мое прикосновение для тебя — огонь, каленое железо.

Я дотронулась пальцем до его обнаженной ладони, и он завизжал.

— Освободись! — прошипела я, и транс слетел с него. Он отбежал назад, дуя на волдыри, рыдая от потрясения и страха. — Итак, — продолжала я, — ты говоришь, что комендант еще не встал. Ступай и предложи ему встать. Я ожидаю увидеть его здесь, прежде чем догорит вон тот огарок свечи.

На этот раз мне подчинились.

Я взглянула на Мазлека, и его глаза сузились под маской в злобной усмешке; он гордился мной и моими свирепыми силами. Я уселась в ожидании и наблюдала за дверью поверх желтого бархатного горба на моем животе.

Фактически комендант не замедлил явиться, в маске и кольцах, однако все еще в спальном халате. Он снял маску, поклонился и снова надел ее. Я гадала, слышал ли он что-нибудь об инциденте в зале. Я видела, что ему хотелось подобраться поближе к очагу, где огонь поедал дрова. Он демонстративно дрожал, но я сидела, где была и предоставила ему возможность помучиться. Я была не уверена, как мне следует начать допрос, и вообще мудро ли я поступила, начав с него, но любое преимущество служило утешением.

— Доброе утро, комендант. Я нахожу, что должна поблагодарить вас за свой гардероб.

— Пустяки, — он снова поклонился.

— Ваше гостеприимство крайне приятно Владыке Вазкору и мне.

— Я... Я надеюсь, здоровье Джавховора сегодня лучше, — он, кажется в пути чем-то заболел.

Я заметила, что он назвал Вазкора только «Джавхово-ром», а не «Властелином».

— Это не болезнь, — отвечала я, — а всего лишь усталость. Но Эшкорек обеспечит его отдыхом.

Гостеприимный хозяин нервно рассмеялся.

— Скажите, — поинтересовалась я, — ведь это же наверняка крепость; почему же в ней нет гарнизона?

— О, но уже много-много лет тут вообще не было никакого гарнизона. Место отдаленное, да и захватывать особо нечего, даже если и переправится через горы армия Пурпурной долины.

— Что она вполне может сделать, — сказала я. Он вздрогнул. — Вам ведь наверняка известно, комендант, какой урон мы нанесли им? Городам Белой Пустыни было бы желательно держаться вместе, находясь под такой угрозой.

Снова слегка вздрогнул, словно я ткнула в больной зуб. Значит, определенно наклеывались неприятности для Вазкора, а, может быть, и для меня самой, но я отставила эти мысли в сторону.

— Мне любопытно, комендант, — сказала я. — Мне любопытно, потому что если здесь нет никакого гарнизона, то зачем же вообще кого-то здесь держать?

— Э... Политические соображения, — проямлил он очень напряженно, и я увидела, что снова коснулась нерва, на этот раз более чувствительного.

— Значит, ваши солдаты охраняют ничто?

— Да, в самом деле, — за исключением башни.

Лжец.

Я кивнула и после минуты вежливой болтовни мило-стиво отпустила его. Потом пошла к себе в комнату и попросила Мазлека следовать за мной.

— Что тебе известно о планировке башни? — спросила я его.

— Очень немного, — отвечал он. — Личные покои, склады и оружейные наверху, внизу — кухни, баня, казармы, ныне пустующие.

— А еще ниже?

— Вероятно, погреба.

Если до этого я не знала, куда меня увлекал мой неистовый мысленный поиск, притягиваемая только инстинктами, то теперь почувствовала окатившую мое тело волну холода.

— Погреба, — повторила я, — а под ними темницы, Мазлек?

Я увидела, что он словно наткнулся на стену, так же, как и я.

— Да, — согласился он и уставился на меня.

Ни он, ни я не говорили об открытии, которое пришло так внезапно. Это было невероятным, немислимым. Эта башня — «Подарок мне от бывшего Джавховора Эшкорек-Арнора», — как сказал Вазкор, — владение Вазкора, его крепость, его защита, — *тюрьма*.

— Мазлек, — сказала я. — Когда стемнеет. В первом часу тогда должно быть тихо.

И он кивнул, так что мне не понадобилось больше ничего говорить.

2

В ту ночь я собиралась вообще не спать, но усталость заставила меня прилечь на занавешенную постель, и я дремала и опять просыпалась, страшно вздрагивая. Сны — лица, белые с открытыми глазами, пристально глядящими, каменная чаша и пляшущее в ней пламя... Скребу-щийся в дверь Мазлек. Я стащила себя с постели. Я испы-

тивала боязнь, отяжелела от страха. Я открыла дверь, и он стоял там, с едва горящим светильником в одной руке и обнаженным ножом в другой.

— Богиня, — доложил он, — я расспросил воинов Вазко-ра, как пройти в винные погреба. Не так низко, как нам понадобится спуститься, но, как мне подумалось, достаточно близко. Примерно час спустя я сходил туда и тщательно все обыскал. Казалось, что никакого способа попасть еще ниже нет, но мне повезло. Из кухни в погреба спустилась по лестнице старуха.

— Она увидела тебя, Мазлек?

— Нет. Я спрятался, но в этом в общем-то и не было нужды. По-моему, у нее слабое зрение, а с разумом и того хуже. В погребе есть выдвижная панель и лестница за ней.

— Она открывается только для нее?

— Нет, богиня. Когда она вернулась и снова ушла, я пощупал там — стена-блудница открывается для всякого, — он на мгновение умолк, свет мягко мерцал у него на маске. А затем он сказал: — Она несла еду, похлебку в чаше. Когда она вернулась, то не принесла ее с собой.

— Мазлек, — сердцебиение у меня в груди причиняло жгучую боль.

— Если ты предпочитаешь остаться здесь, богиня, я схожу туда один.

— Нет, — отказалась я.

Он кивнул и повернулся к лестнице, и я последовала за ним.

Даже тогда я не верила в это — не могла позволить себе поверить. И все же я знала, с отчаянной уверенностью. Каждый шаг вниз заставлял с нетерпением сделать следующий, но одновременно меня мучил страх.

Путь был долгим. Внезапно мы достигли черного сводчатого помещения, где хранили вино и масло, и, почти загипнотизированная бесконечными винтовыми лестницами, я споткнулась. Мазлек поддержал меня, и я вцепилась в его руку.

— Мазлек, — хрипло прошептала я, — ты считаешь, что заключенный здесь — именно тот, кто, как я считаю, тут сидит, — или я сошла с ума?

— Асрен, Феникс, Джавховор Эзланна, — прошептал он так же хрипло, как и я.

Я с трудом выпустила воздух.

— Да, Мазлек. Да.

Его рука легла на полуневидимые бороздки в стене. Я думала, она не откроется, и чуть не закричала, но раздался тихий скрежет, и темный камень повернулся в сторону. За ним свет скользнул по изношенной лестнице в тридцать ступенек, которые я невольно сосчитала, обуздывая свою истерию, когда мы спускались. Мазлек тоже шел нетвердой походкой, и я слышала его дыхание, хриплое и неровное.

Здесь царил запах смерти — запах гробницы.

Мы достигли каменного пола; по обе стороны — тесно сдвинутые стены — узкий ход. А в конце хода — деревянная дверь, просто запертая снаружи на засов.

Мы остановились, уставясь на дверь, и стояли там, окаменев. Затем я подбежала к двери, ломая ногти, когда дергала засовы, и через секунду Мазлек тоже очутился там, помогая мне.

Дверь дернулась, и мы распахнули ее.

Дрожащий свет светильника запрыгал по крошечной прямоугольной камере без окон, застланной вонючей мешковиной. Лицом к нам сидела, скрестив ноги, фигура, прикрытая грязными лохмотьями. Молодая, мужского пола и безмолвная. Светлые волосы, грязные и свалявшиеся, лежали на плечах спутанными кудрями. Лицо медленно поднялось, улавливая отблеск света. Иссиня-черные глаза заглянули в мои. И под грязью — изящество, изваянное, возможно, слишком тонко, красота, ничуть не женственная...

— Мой государь, — прошептала я. — Асрен...

Я сделала шаг вперед, но на плечо мне упала грубая и обжигающая рука Мазлека.

— Нет, богиня, — голос у него был таким же напряженным, давящим, как и его пальцы.

— Почему...? Почему, Мазлек? Пусти меня.

Но я уже поняла. Ни он, ни я не могли удержать меня на краю пропасти, в которую я упала.

Юноша в прямоугольной камере издал слабый кулдыкающий стон и отпрянул от зарева светильника в угол, где и свернулся в защитной позе зародыша.

Я стояла в дверях совершенно неподвижно, с Мазлеком позади меня, и без всякой цели впереди — ибо мы уже нашли то, что искали — Асрена, Феникса, Джавховора: но за этими глазами — ничего; за этим лицом — ничего. Безмозглое, беспомощное, стенающее существо, застрявшее в теле, которое мы помнили.

— *Где он, — спросила я Вазкора.*

— Кто?

— Джавховор, мой муж. Он был со мной до прихода Опарра.

— Джавховор исчез, богиня; он больше не потревожит тебя.

Стоя там, в дверях, я вспомнила многое. Вспомнила, что за все это время Вазкор ни разу не говорил о нем как об умершем. Вспомнила версию Вазкора, что Асрен пытался отравить меня и потому я заболела, — версию, которой я даже тогда не поверила. Вспомнила подземную камеру с ее драпировками и замусоренным полом, а в центре из золота и драгоценных материалов — фантастический гроб — *пустой* гроб. Вспомнила совещание в За, где покойный Верховный владыка Эшкорека закричал на меня: «Вазкоровская шлюха-ведьма!». И эти слова приобрели новое значение, ибо он, должно быть, знал, кого же отправили гнить в его башню-крепость — его примирительный подарок узурпатору. Вспомнила потерянное слово в украшенной самоцветами книге про зверей. Вспомнила...

— Богиня, — окликнул меня Мазлек.

— Да, — отозвалась я, — да, я знаю.

Я снова уставилась в камеру. Существо, которое ранее было Асреном, распрямилось и лежало на мешковине спиной к нам. Все мое тело сделалось одной пульсирующей раной жалости и отвращения — я ничего не могла с этим поделать, ничего.

— Мазлек, — прошептала я, — что же дальше? Мы не можем оставить его здесь...

— Да, богиня. Но он — словно ребенок. И боится. Если я заберу его силой, он закричит, разбудит стражу коменданта и шакалов Вазкора.

— Как ребенок, — повторила я.

Мне снилось, что я была с Асреном, странный сон, ибо, хотя я и знала, что это он, он казался немногим старше ребенка...

Теперь он повернулся и лежал лицом ко мне. Пустые иссиня-черные глаза следили за покачиванием у меня на волосах желтых шелков. Я взяла у Мазлека нож и перерезала одну из прядей. Войдя в эту вонючую камеру, я со-

дрогнулась, но подавила свое отвращение. Оно было столь маловажным. Если я любила, то должна по-прежнему любить... Я протянула желтый шелк с мерцающим на конце пряди янтарным бледно-желтым ноготком. Он глядел на него стеклянным взглядом и не отшатнулся от меня, когда я опустилась на колени рядом с ним. Одна рука поднялась, погладила сияющую игрушку. В широко раскрытых глазах мелькнула искорка интереса. Я вложила прядь ему в руку.

— Идем, Асрен, — мягко попросила я. Смахнув с лица его свалывшиеся грязные волосы, я взяла его свободную руку. Он позволил мне поднять его на ноги. В дверях Мазлек взял его за другую руку.

— Идем, мой государь, — сказал он.

Из-за маски я не видела, как он плачет, но слезы падали из-под нее ему на грудь темными полосами.

Мы покинули темницу, прошли через погреба и поднялись по бесконечным лестницам ко мне в комнату. Асрен не издал ни звука; замороженный куском янтаря он, казалось, не замечал ничего иного.

3

Утром я отправилась к Вазкору.

У двери его, как и сказал Мазлек, стоял воин, но для меня не составило труда попасть к нему. Было еще рано, но Вазкор уже поднялся и был одетым, хотя и без маски; он сидел за столом у открытого окна, читая расправленные перед ним документы. Я подумала, что он, возможно, еще слаб и болен, но он не жаловался ни на слабость, ни на болезнь. Наверное, мое собственное горе отпечаталось на его внешности, делая его неуязвимым, жестоким и сильным.

Он поднялся и стоял, глядя на меня и на мою позаимствованную одежду.

— Доброе утро, богиня. Я должен попросить в Эшкореке золотую маску для тебя.

— Вазкор, — сказала я. — Я нашла Асрена.

Его лицо изменилось, легкое смещение темных плоскостей. Он равнодушно переспросил: «В самом деле? Должно быть, это не доставило тебе удовольствия».

— Тут дело не только в моем неудовольствии. Я нашла его, и теперь он у меня в комнате. Он под моей защитой.

То, что ты с ним сделал, невыразимо словами, непростительно, и я не позволю тебе больше ничего сделать.

Мельком посмотрев на меня, он отвернулся и принялся складывать в стопку бумаги на столе.

— Если ты желаешь быть его нянькой, то это твое личное дело, богиня. Тебе придется кормить и одевать его, мыть, помогать ему отправлять свои человеческие надобности и подмывать его после этого. Задача, которую я вряд ли поручил бы твоим заботам. Однако если это утешит тебя, то пожалуйста. Я только попрошу тебя не перенапрягать свои силы. У тебя скоро будет собственный ребенок.

— Ребенок? — переспросила я, чувствуя, что задыхаюсь. — *Ребенок? Твое* семья, Вазкор. Существо, которое несомненно будет иметь сходство со своим родителем. Почему ты не убил его? Почему ты убил только мозг?

— Он еще может быть полезен для меня. В его нынешнем состоянии я могу управлять им, когда и как пожелаю.

— Нет, — заявила я.

— В настоящее время нет, — поправил он. — Я рад, что ты спасла его, богиня. Наверное, ты очень удачно предвидела события.

— Ты больше не причинишь ему вреда, — поклялась я.

— Ты забываешь, богиня, что тебе тоже доводилось уничтожать людей без причины. Твой Мазлек, думаю, вспомнит караванщиков, которых ты убила просто для доказательства, что они — твои. Наверное, это и будет твоим ответом мне — убить Асрена, когда я приду за ним.

Я оставила его и вернулась к себе в комнату, вспомнив о том, как стояла перед ним на коленях в пещере и плакала из-за него, и чувствовала, что сойду с ума.

Однако Асрен у меня на какое-то время в безопасности. Черная тень какое-то время не будет нас тревожить.

* * *

Он, казалось, толком не сознавал своего нового окружения. Я не могла определить, сделался ли он сколько-нибудь счастливее или нет. За его телесными надобностями стала присматривать в конце концов не я, а хромая девушка; она заботилась о них прежде, и ее это, похоже, не расстраивало. Я тогда ненавидела себя за то, что не могла делать для него этого, не давала себе никакого покоя, и все

же это было настолько чуждо моим собственным надобностям... Наверное, со временем я смогла бы научиться. Но когда он бывал чист, она приводила его ко мне, и я одевала и кормила его, как малое дитя. Не помню, доставляло ли мне это какое-то удовольствие, какое-то косвенное материнское удовлетворение. Помнится, делая это, я часто плакала потихоньку, чтобы не смутить его своими слезами. Он легко смущался и пугался, как малый ребенок. Дождь за окном, какой-нибудь шум в башне, внезапно открывшаяся дверь в мою комнату — любое из этих событий могло вызвать у него шок и заставить спрятаться за ближайшим предметом мебелировки.

Попытки занять его поглощали мои дни — драгоценными украшениями как игрушками, тенями от моих рук на стене, принимающими облик каких-либо зверей или птиц с крыльями. Я нашла путь на окруженную зубцами крышу и выводила его туда на прогулку со следующим за мной, как тень, Мазлеком: взад-вперед и вокруг, вдоль мрачного парапета. Мазлек поймал на складе мышь и принес ее ему. Мы кормили ее остатками сыра и хлеба, и она очень быстро стала совсем ручной, не проявляя никакого желания убежать. Асрену нравилось наблюдать за мышью и гладить ее. В эти минуты на лице у него появлялся еле заметный отблеск интереса, и я ухватывалась за него в безграничной надежде, что смогу восстановить разум и обучить его быть таким, каким он был. Но мне было нечего исцелять, ибо ничего не осталось. Ничего. Он спал на тюфяке у моей постели; он мог бы получить постель, а я тюфяк, но занавески пугали его, и он там не засыпал. По ночам я лежала без сна, прислушиваясь, как он дышит во сне, спокойно, сладко. Я могла посмотреть на его лицо, разглаженное сном, и увидеть его таким, каким он был, каким я никогда его не видела.

Кроме своего времени, я отдала ему всю свою любовь, какая еще оставалась во мне. Прежде он отверг меня, а теперь я была для него лишь символом, защитой, и потому он принимал руку, державшую его, мои поглаживания по его лицу, которые, казалось, его утешали.

Мазлек молча охранял нас, запертый в собственном аду. Он никогда не заговаривал с Асреном, но когда ему требовалось позвать его, Мазлек обращался к нему, называя ничего не значащим титулом «государь».

Тогда это время казалось долгим, но, думаю, оно было не очень долгим. Я вдруг вышла из полусна, в котором жила. Мне ничего не было известно о положении Вазкора, и я должна была узнать о нем, так как оно могло затронуть Асрена — уж на это-то Вазкор намекнул. Конечно же, он нашел ему какое-то применение, хотя пока и неясное для меня. Почему же Вазкор, который ничего и никого не терял зря, держал его здесь живым?

В тот полдень, когда мы вышли погулять вдоль парапета, я увидела стоявшего в одной из выступавших ниш стены элланнина и утащила Асрена с глаз долой. Первый часовой, выставленный Вазкором. И стоял он не лицом на юг, к долине, а на северо-запад, к Эшкорек-Арнору и Городам пустыни.

Я увела Асрена вниз. Мне не хотелось, чтобы они увидели его таким, каким он стал.

Гору омыл розово-красный вечер, плавающий со звездами.

Мазлек сообщил мне, что Вазкор созвал своих воинов в зал и велел присутствовать коменданту. Где-то под утро вернулся гонец из Эшкорека. Должно быть, я тогда спала и не услышала скрежета тянущегося через зловеющий ров моста, цокота копыт и усталых шагов во дворе. Я оставила Мазлека охранять Асрена и спустилась в зал одна.

Овальный зал неровно освещали мрачный свет очага и пылание свечей. За длинным столом сидели без масок восемь воинов Вазкора и открыто пили. Комендант и его стража стояли около очага и казались обеспокоенными. Когда я вошла, он нервно взглянул на меня. Вазкора здесь еще не было.

— Полагаю, мы сейчас услышим какие-то новости, — сказал комендант.

— Полагаю, услышим.

Я уселась в высокое кресло около стола и ждала.

Не поднимая головы, я определила, когда он вошел. Все задвигались. Комендант суетился и кланялся, воины Вазкора поднялись на ноги, не стесняясь своих кувшинов с вином, — надо полагать, они знали, как его мало волновали определенные городские тонкости.

Он подошел к моему креслу и остановился, вежливо предлагая руку.

— Богиня.

Я поднялась и позволила ему отвести меня к столу. Он усадил меня справа от себя и указал коменданту на противоположный конец стола. Золотая волчья морда медленно повернулась, скрытые глаза коротко изучали каждого из них.

— Я отправил гонца в Эшкорек-Арнор — наверное, вы помните? А, да, комендант. Вижу, что помните. Похоже, с юга надвигается какая-то беда — Пурпурная долина идет войной. Города пустыни мудро поклялись укрепить свою коалицию. Но не мудро избрали себе нового Властелина.

Говорил он небрежно; и я гадала, чего же ему стоило говорить так, когда под ним пошатнулись основы его честолюбия. Комендант ахнул и начал было что-то бормотать.

Вазкор резко и жестко оборвал его.

— Ваши соболезнования преждевременны, сударь. Я еще не умер, — не закрытое маской лицо коменданта побледнело до грязно-желтого, и он стих. — Вы должны понять, — продолжал Вазкор, — что Кмисс, Амнат, Со-Эсс, За и Эзланн объединили силы для разгрома армий долины. Они также отправляют небольшой отряд к этим горам для того, чтобы раздавить меня. Около двухсот воинов — количество немалое, но, впрочем, они же не знают, сколько войск я привел с собой. Эшкорек пока еще не отправил воинов против меня, но, несомненно, отправит, когда на него поднажмут как следует.

Капитан стражи Вазкора поднялся на ноги, дав выход своим чувствам в каком-то проклятии эшкорекской неверности.

— Властелин...

— Не нужно пугаться, капитан. Я сохранил одну гарантию. Существует обвинение, будто это не боги, а я — какими-то невероятными средствами — сразил Асрена Джавховора. Они сказали, что, по их мнению, улика против него — его попытка убить богиню — была ложной; и в доказательство избрали своего нового Властелина из королевского дома Эзланна. Так вот, господа, Асрен Джавховор все еще жив.

Пораженные восклицания из-за стола, за исключением коменданта, который беспокойно пялился на свои перстни.

Вазкор подождал, пока стихнут возгласы. А затем сказал очень холодным и размеренным голосом:

— То, что пытался сделать Асрен, было глупым. Преданный ему народ сам убил бы его, разорвал бы на части на улицах, если б ему отдали его тело, когда он рухнул. Но богиня была милостива и не желала мстить. Я распорядился объявить его умершим, а затем отправил его сюда, где он с тех пор и пребывал в заключении под властью коменданта. Когда к нам придут наши гости, я сообщу им это и представлю им Асрена. Скорей всего, они выберут его Властелином вместо своего нынешнего избранника. А потом благодарный Асрен восстановит меня в должности военачальника своих армий.

— Можете ли вы доверять ему? — спросил капитан.

— Полностью, — ответил Вазкор. — Разум Асрена стал несколько, скажем, неустойчивым... И не забывайте, пожалуйста, моя божественная жена обладает некоторым влиянием.

Все осторожно посмотрели на меня. А он вообще не удостоил меня взглядом. Он представлял, что я увижу, как глупо выступать сейчас, объяснять им, чье в действительности влияние будет передвигать Асрена в следующих ходах этой игры. Ситуация складывалась любопытная. Воины Вазкора не знали, что это он уничтожил разум Асрена, и, хотя когда он представит Асрена, они неизбежно увидят, чем он стал, явно не приходилось опасаться, что они выдадут манипуляции Вазкора — ведь в их же интересах, чтобы он преуспел. Что же касается возможных предателей — как же они бессильны. Я сама — но я буду молчать. Мазлек — но он предан мне и поступит так же, как и я. Старуха и девушка — возможно, но они недоумки. Какую-то опасность представлял только комендант. Я взглянула на него, и он, казалось, внезапно осознал, как он влип. Когда он задрожал там, на своем кресле, Вазкор повернулся к нему.

— В нашем нынешнем положении есть определенные дипломатические ошибки. Было бы куда более подходящим, комендант, если бы вы вернулись в Эшкорек-Арнор до начала следующего этапа. Ваше присутствие здесь, должно быть, смущает и вашего господина, и вас самого.

Комендант явно не мог верить в свою удачу. Он поклонился и глубоко поблагодарил Вазкора за такую тактичную доброту.

Вазкор поднялся, предложив мне руку. Двое его воинов зашагали следом за нами, когда мы поднялись по лестни-

це к его комнате. Зайдя туда, он закрыл дверь и указал мне на кресло у слабо горящего камина. Я не пошла туда.

— Комендант, — прикинула вслух я, — естественно, погибнет, прежде чем доберется до Города.

— Естественно, — согласился он, — так же, как и его мать.

— Возможно, что кто-то найдет их тела.

— Вовсе нет. Эта башня хорошо хранит тайны.

Я ничего не сказала, и он снял волчью маску и положил ее на стол.

— Думается, ты понимаешь теперь, почему Асрена держали здесь все это время.

— Понимаю. И я против тебя, Вазкор. Ты сделал достаточно. Он тебе не конь, чтобы ехать на нем на базар.

— Когда они окажутся у дверей, сестра моя, ты, возможно, подумаешь иначе.

— Тогда давай покончим с этим здесь, — предложила я. — Мы оба обладаем достаточной Силой, чтобы освободиться на всю жизнь.

— Я использовал свою жизнь, — отозвался он, — и не стану останавливаться сейчас. Я не скиталец. Я знаю свой путь.

Он сел в кресло, которое отказалась занять я, и посмотрел на меня. Его лицо было совершенно непроницаемым, полностью замкнутым, а глаза — ровной полоской тьмы, в которой, казалось, не существовало никаких прорех.

— Даже ты, сестра моя, рассматриваешь жизнь как реку, в которой встреченные тобой люди вроде островов. Но ты ошибаешься. Твое видение отличается узостью, созданной тобой же. Мы суть сумма наших достижений, не больше, не меньше. Горная дорога, что привела нас сюда, была построена умершими людьми, про которых никто из нас иначе и не вспомнил бы. То, что мы создаем, — единственное, что может уцелеть или имеет право уцелеть. Человек — ничто, он существует только для других людей.

У меня не нашлось ответа. Да и не было смысла отвечать. Я даже не подивилась, что он потратил на меня столько философского красноречия. Я коснулась рукой двери, собираясь уйти.

— Сколько еще времени до появления ребенка? — спросил он.

— Шестьдесят-восемьдесят дней — по-моему, я сбилась со счета. По твоим словам, в месяц, названный в Эзланне в честь павлина.

— Ты понимаешь, что теперь он официально — потомство Асрена, — сказал он мне. — По крайней мере, на данный момент. Мелочь, но тебе следует постараться запомнить.

— В Белханноре жила одна женщина. Деревенская целительница. Я сделала все, что в моих силах для избавления от того, что ты мне подарил, но потерпела неудачу. Итог моих усилий может оказаться не очень прекрасным.

— Ребенок будет идеальным, — заверил он меня. — Удивлен, что ты не понимаешь этого. Твои органы самоисцеляются от смертельных ран, а ты полагала, что твое чрево поддастся деревенскому аборт.

Странно, я об этом не подумала, не сопоставила раньше эти отдельные и все же взаимосвязанные факты. Я поняла, что делала глупость, все еще наполовину веря, что не рожу. Я открыла дверь и вышла. На лестнице башни было темно, очень темно.

* * *

Весь вечер я слышала приготовления коменданта к бегству из башни. Он должен был отправиться на рассвете со своей немногочисленной ратью. Но не в Эшкорек-Арнор. Я не знала, что уготовил ему Вазкор, не знала, кто позаботится об этом — он сам или его стража.

Твердо решив уснуть, зачеркнуть любые звуки, любое насилие, я лежала без сна до тех пор, пока небо не прорезали первые красные лучи солнца.

Ничего не было. Однако не было и цокота копыт, скачущих к Городу по мосту.

Полное перевозданное безмолвие.

4

Я вывела Асрена на прогулку у зубцов башни, чего не делала с тех пор, как Вазкор установил там часового. День был теплый и яркий, голубое колесо неба медленно вращалось над головой. Асрен стал посмелей с мышкой и позволял ей перебегать с одной руки на другую, поглаживая ее всякий раз, когда она останавливалась.

Футах кн в тридцати стоял одинокий часовой, повернувшись к нам спиной, отведа любопытные глаза. Раньше я считала небезопасным заговаривать.

— Мы должны покинуть башню, — тихо сказала я Мазлеку, — очень скоро, прежде чем прибудет армия нового властелина.

Я сообщила ему о планах Вазкора, и Мазлек ничего не сказал, но его правая рука вцепилась в парапет, ритмично сжимаясь и разжимаясь.

— Не знаю, как мы сможем это сделать, — добавила я. — Возможно, ночью. Мы можем разделаться с попавшими нам случайными стражниками, но любой шум привлечет Вазкора. Думаю, я не смогу бороться с Вазкором, его силы превосходят мои — я уже рассказывала тебе об этом. И ров — как мы сможем перебраться через него, не воспользовавшись мостом, который вызовет больше шума, чем все прочее?

Мазлек покачал головой.

— Возможно, здесь есть подземные ходы, как в Белханноре, богиня. Они бывают в большинстве крепостей как последнее средство спасения во время осады или штурма. Но найти их будет трудно. Волков Вазкора не купишь.

— Старуха, — вспомнила я. — Она может знать, и она слишком примитивна, чтобы выдать ему какие-то подробности.

Часовой потянулся, снял шлем, почесал белобрысую шевелюру и снова впал в неподвижность.

— А выйдя отсюда, — продолжила я, — куда мы можем отправиться? В Городах никакого пристанища больше нет.

— К востоку от гор лежат скалистые равнины и области лесов, болот — на юго-востоке и на юге, а потом море. Дикий край, в нем очень удобно затеряться, если за тобой кто-то гонится, — предложил Мазлек.

— Пустынный край?

— Почти, богиня. Немногочисленные дикие племена, бешено воюющие между собой, хотя, как сообщают, иноплеменным чужакам они не причиняют вреда.

— Значит, в этот запустелый край мы и должны отправиться, чтобы оказаться на время в безопасности.

Такое будущее казалось серым и безнадежным для всех нас, но иного пути не представлялось. Бегство, насущная надобность, не оставляло места для отчаяния.

Мы обошли овальную загородку, чтобы оправдать свое присутствие там. Глаза часового стрельнули в сторону Асрена, когда мы проходили мимо, удивленные, позабавлен-

ные, совершенно лишенные сочувствия: человек, наблюдающий за прыжками полоумного на ярмарке. Вазкор хорошо подобрал своих тварей — темные, несумные люди, хорошие бойцы, лишенные страха из-за отсутствия воображения, преданные, потому что подчинялись собственному здравому смыслу: и до сих пор хватало еды и вина, женщин и престижа; заслуживающие доверия на самом последнем рубеже, потому что старый порядок был им выгоден.

Мы вернулись через небольшую дверь в каменное нутро башни.

— Я приведу ее сегодня ночью, эту старуху, — пообещал Мазлек, — когда она закончит работу.

Я кивнула.

Мышка, взлетев на плечо Асрена, посмотрела на нас глазками — капельками крови.

* * *

День тянулся, едва волочась, пока я ждала ее прихода. В окнах сгустился свет, голубой, как витражное стекло. Тонкая луна отбрасывала на вершины световые блики и тени.

Я сидела на постели, отодвинув занавески далеко назад, усадив рядом с собой Асрена. Что-то заставляло его бояться; он плакал и цеплялся за меня, и теперь я держала его в объятиях и не могла пошевелиться, потому что он опять начал бы плакать. Раздался тихий стук в дверь. Вошел Мазлек, а следом за ним старуха и остановилась, уставившись на меня. Она сняла маску, надо полагать, по указке Мазлека, но ее лицо походило на взошедшее тесто, бледное, невыразительное и лишенное глубины. Округлые водянистые глаза все мигали и мигали, глядя на меня, а затем на человека, которого я держала.

— Я должна ходить за ним? — спросила она. — Девушка вам не нравится?

— Нет, — ответила я. — Это никак не связано с уходом. Я хочу расспросить тебя кое о чем.

Она вылупилась на меня.

— Погреб, — сказала я, — и под погребями — есть какие-нибудь другие ходы?

— Ходы, — повторила она. И моргнула. — Ходы.

— Ходы, которые ведут из башни. Выход.

— Мост через ров, — сказала она мне.

— Помимо моста через ров.

Она моргнула.

— Под башней, — подсказала я, — ход под башней, который ведет в горы.

Асрен зашевелился в моих объятиях, и ее глаза соскользнули с моего лица на его.

— Хорошенький, — сказала она и цокнула, как цокают домашнему зверьку.

Мазлек схватил ее за плечи и развернул лицом к себе.

— Ход из башни, — зашипел он и тряхнул ее. Она завизжала и стала бороться.

— Нет хода — нет хода!

— Отпусти ее, Мазлек, — устало велела я.

Он взял и вытолкнул ее, закрыв дверь перед ее круглыми глазами.

— Это бесполезно, — сказала я. — Мы в капкане.

— Я обещаю погребу, — сказал он, — и ниже. Должен же быть какой-то путь, богиня.

— Да, должен быть, Мазлек. И скоро.

Я повернулась к Асрену и увидела, что он заснул у меня в объятиях. Я подняла руку, коснулась его волос и в тот же миг почувствовала, как внутри меня что-то толкнулось, резкое, настойчивое и очень реальное. Это было первое движение, которое я почувствовала, первое полученное мной доказательство, что существо, разбухавшее у меня в животе, было одушевленным, и я содрогнулась, ощутив его, словно носила под сердцем смерть, а не жизнь.

* * *

Мазлек тогда все обыскал. Погребу, вонючие ходы темницы, подвалы и подземелья Башни-Эшкорек. И не было никакого выхода к свободе, по крайней мере, который он смог бы найти.

В этих поисках прошло четыре дня. А на пятый примерно в полдень на макушке крепости залязгал колокол, ужасный шум, самый древний звук паники и ожидаемого насилия.

Асрен закричал, а испуганная мышка прыгнула с его запястья и взобралась по занавескам постели. Я поспешила к нему, пытаясь заглушить лязг тихими словами. Невероятно, но мои защитные инстинкты так его уменьшили,

он показался таким маленьким, что я взяла его на руки и стала укачивать.

Вскоре пришел Мазлек сообщить то, чего мне не нужно было сообщать. Часовой Вазкора различил в нескольких милях от башни походную колонну: солдаты нового Властелина доберутся до нас еще до наступления ночи.

* * *

Легко судить после, когда все решения — в теории, в тишине, когда исход больше не имеет значения. Наверное, мне следовало предоставить играть Вазкору, следовало отдать Асрена послужить ему орудием в то короткое время, когда в этом была необходимость.

И все же я не могла такого допустить, этого последнего унижения, этого последнего надругательства над его личностью. Асрена, который показался мне в храме Эзланна одновременно слишком наивным и слишком знающим, чтобы быть втянутым в интриги.

Ратников явилось много, думаю, в общем и целом больше двухсот. Они расположились вокруг башни и разожгли свои ночные костры, отсвечивавшие на смешанных ливреях пяти Городов Белой пустыни и Эшкорек-Арнора, ибо он в конечном итоге тоже прислал свою квоту сил. Они ничего не делали, просто сидели вокруг нас кольцом, демонстрируя свои возможности.

Когда взошла луна, к ним выехал воин Вазкора, нервничавший, несмотря на всю свою предполагаемую неприкосновенность посланца; он-то отлично знал, что они почти готовы прикончить его, едва завидят. И все же лучники сдержались, и он добрался до их командующего и передал слова Вазкора: что он держал здесь Асрена живым, защитил его здесь как своего Владыку, с той ночи, как разбушевалась толпа в Эзланне, что Асрен заступится за него. В лагере возникло некоторое замешательство. Командующий — принц За, хорошо знавший Асрена, — потребовал, чтобы его показали через час после рассвета в нижнем окне башни. Если тот не появится или не убедит командующего, их пушки откроют огонь по крепости и не прекратят его, пока не сравняют ее с землей. Договорившись об этом, он отпустил посланца.

Мазлек быстро рассказал мне все это у меня в комнате. Я мягко подняла Асрена на ноги.

— Забери его, — приказала я Мазлеку. — А теперь уходи, быстро. Ты обыскивал нижние пределы башни, ты должен знать там сотни потаенных мест, наверное, они не найдут тебя. А если башня рухнет, там будет намного безопаснее.

— А ты? — спросил он меня.

— Ты же знаешь, что я не могу умереть, Мазлек, — напомнила я ему. — За меня опасаться не нужно. Только забери его сейчас же, пока они не явились за ним. Я задержу Вазкора, насколько смогу.

Мазлек сделал, как я ему велела, вот только Асрен упирался, глядя на меня, но я нашла среди занавесей мышку и отдала ее ему, и Мазлек, наконец, вывел его за дверь и увлек вниз по лестнице.

План этот был путаным, глупым. Но я так немного могла сделать, у меня было так мало путей.

Вазкор не приходил долго, настолько он был уверен во мне.

Он вежливо постучал в запертую дверь, и, когда я не ответила, а дверь не шелохнулась, двое его воинов навалились на нес плечами, и через некоторое время они вместе с ней упали ко мне в комнату. В другой час такое зрелище могло бы быть очень смешным. Вазкор вошел в комнату, пока они еще поднимались и сквернословили.

— Где? — бросил он мне. Только одно это слово.

Я всегда в каком-то смысле боялась его, хотя, наверное, всего более в сексуальном смысле. Но теперь я испытывала ужас, настоящий и полный.

— Где? — снова повторил он.

— Если ты предполагаешь, что я что-то спрятала, то с какой стати мне говорить тебе, где оно спрятано? Ведь это довольно-таки бессмысленно, не так ли?

Он подошел ко мне и поднял меня с кресла. Он не носил маски, и лицо у него было белым, а глаза — необыкновенно черными. Жаркий гнев может быть жестоким, но его холодный гнев был ужасен; казалось, нет пределов тому, что он способен сделать, и никакое действие, сколь бы решающим оно ни было, никак не укротит его.

— Скажи мне, — приказал он, — где он.

Глаза его расширились, увлекая меня вглубь. Я почувствовала себя потерявшей вес, плывущей... бесполезно сопротивляться, просто сказать ему, что я сделала... Однако, я тоже знала это искусство Силы и освободилась от его

хватки, ощущение настолько физиологическое, что у меня, казалось, остались от этого синяки.

— Нет, Вазкор.

— Час до рассвета, — сказал он, — а потом час после него. После этого ударят их пушки, и крыша рухнет нам на головы.

— Для меня это не имеет значения, — ответила я.

Он поднял мне маску и ударил по лицу, вновь и вновь. Никакой боли не было. Одно из черных колец у него на пальце порезало мне щеку, и теплая солоноватая кровь стекла мне в уголок рта. Через некоторое время я поняла, что он остановился. Я сидела в маске у себя в кресле, глядя на него. Двое воинов вышли, и дверь была закрыта.

— Ты понимаешь, богиня, что ты идеальная жертва для любых пыток, какие я потружусь придумать — твоя исцеляющаяся кожа позволяет изобрести бесчисленные варианты мук. И пока это продолжается, мои воины тщательно обыщут башню. Мы найдем его, несмотря ни на что. Тебе нет смысла страдать без надобности.

Я издала слабый кашляющий смех, ибо совершенно внезапно перестала его бояться.

— Ты ничего не сможешь мне сделать, — заявила я. — Я твоя сестра, как ты помнишь. Я прикасалась огнем к собственному телу, и оно не горело. И, Вазкор, уже самый факт, что ты требуешь от меня что-то сказать тебе, доказывает мне, что, по твоему мнению, существует некоторый шанс, что иначе ты можешь ничего не найти.

Он отвернулся от меня, подошел к оконной ставне и открыл ее. Темное небо уже бледнело. С миг он стоял там, а затем повернулся, снова поднял меня с кресла, вытащил за руку из комнаты и увлек вниз по лестнице.

От его побоев у меня кружилась голова, и то, что он делал, сначала выглядело совершенно бессмысленным. Мы зашли глубоко, тем же путем, каким прошли я и Мазлек в свое время. Когда мы добрались до винных погребов, он сперва не прикоснулся к стенной панели, а повел меня вдоль и поперек по всему помещению. Всюду были следы недавних поисков — его люди усердствовали, но наверное слишком уж неистовствовали, чтобы обыскать вполне основательно. Тут до меня дошло, зачем он привел меня сюда. Асрен с его детскими инстинктами, нуждающийся в защите, которую он обрел во мне, мог почувствовать мою близость и выбежать ко мне из того укрытия, какое нашел

для него Мазлек. Я сразу же остановилась, но Вазкор потащил меня дальше.

— Нет, — уперлась я.

— Хорошо, — ответил он. — Болтай, сколько влезет. Тем скорее он найдет тебя.

Обшарив погреба, он подтащил меня к панели и отодвинул ее. И поволок меня вниз по лестнице в узкий мрачный ход за ней. Я снова увидела деревянную дверь, открытую так же, как мы ее оставили, а за ней прямоугольный, вонючий, черный ужас той камеры. Не здесь — наверняка никак не здесь. Он подтащил меня к дверному проему и держал там, поворачивая голову и проверяя каждый угол. Мы зашли в камеру, и он поворошил сапогом мешковину. Ничто не шелохнулось. Мы вышли.

Вазкор коснулся правой стены, проводя пальцами по серии меток. Часть стены со стоном ушла в сторону, и за ней лежал еще один темный коридор. Нашел ли этот путь Мазлек? Вазкор заставил меня войти в него.

Было темно, однако я почему-то видела. Вдоль прохода шли разделенные равными промежутками двери, железные двери с маленькими зарешеченными окошками, запертыми снаружи. Лестничный пролет привел вниз в темный пустой зал. Капала вода; по поддерживающим сводчатый потолок колоннам скакали и плясали черные тени. В ноздри мне лез запах разложения сгнившей древней воды.

У противоположного конца лежала горой обветшавших форм куча каменной кладки, остатки более ранней стены. На полу валялась разбросанная солома.

Мы пошли через открытое пространство между колоннами к каменной куче. Было очень тихо; только ленивое капание воды нарушало тишину. Наши шаги звучали резко.

В соломе что-то метнулось от моих ног, отбежало не так уж далеко, а затем уселось, уставясь на меня яркими красными глазами. Мышь.

Сердце у меня болезненно сжалось. Сжимавшая мне руку лапа Вазкора безжалостно тащила меня вперед.

— Рассвет уже наступил, богиня, — сказал он.

Я изо всех сил пожелала, чтобы Асрен не узнал этого звука, этого знакомого звуко сочетания, которым так часто называл меня при нем Мазлек.

Среди разбитых камней упавшей стены возникло мимолетное движение. Появилась только голова, бессмыс-

ленное прекрасное лицо с почти ожидающим выражением и ищущими меня большими глазами.

— Асрен, — окликнул Вазкор. — Выйди, Асрен.

Позади нас быстрое шипение выдоха, скрежет выходящего из ножен клинка. Вазкор стремительно обернулся, отпрыгнув вбок, и меч Мазлека, лишенный своей цели, легко чиркнул по его груди. Секунду длилась неподвижность, когда все мы трое застыли в немой сцене. Затем своего рода сверкание в воздухе, яркое мерцание, которое могло быть обманом зрения. Меч Мазлека с лязгом упал на каменные плиты, его тело накренилось вбок и упало. Я подбежала к нему, по он был мертв, и кожа у него стала совсем холодной.

Все еще стоя на коленях, я подняла взгляд и увидела, что Вазкор стоит у одной из колонн, а Асрен, теперь выбравшийся из каменной груды, шел к нему, уже став марионеткой в его руках.

— Вазкор! — закричала я.

Он повернулся и посмотрел на меня, и сразу же, словно у него остановился механизм, Асрен встал как вкопанный.

— Богиня, — предупредил Вазкор, — твоё вмешательство в это дело прекратится. Я сейчас намерен вывести его наверх к нижнему окну башни, где он поговорит с ними.

— Нет, — не уступала я.

— Иначе он для меня бесполезен, — сказал Вазкор, — и поэтому, если ты это предпочитаешь, он может умереть сейчас, и мы все пострадаем вместе.

Его рука двинулась по колонне. Из-под пола донесся глухой ржавый визг, дрожь, как при землетрясении. Кирпичи откатились к другим кирпичам, оставив на месте того пересеченного нами ранее открытого пространства большой овальный колодец из тонированного зеленоватого камня. В глубине его сочилась и дрожала черная, как нефть, вода.

— Вода рва, — сказал Вазкор.

Волосы у меня встали дыбом, меня лихорадило — ощущение того же страха, который я испытала, когда мы ехали по мосту.

— Вода не пуста, — сказал Вазкор, — в ней водятся живые существа. Комендант и его рать близко с ними знакомы. Асрен, если ты того желаешь, тоже может познакомиться с ними.

— Нет! — закричала я ему и в панике вскочила на ноги.

— Богиня, — проговорил он, — ты не можешь остановить меня.

— Мои Силы, — прошептала я.

— Твои Силы? Ты думаешь, наверное, что они превосходят мои.

— Они одинаковы, — сказала я.

— О, нет, — он покачал головой. — Нет, богиня. Тебе следует кое-что понять, хотя время и место для сообщений, прямо скажем, неподходящие. Между нами и тем, чем мы можем повелевать, есть большая разница. Твои Силы интуитивные, неиспытанные, неустойчивые. А моя Сила усвоенная, закаленная и устойчивая. Да, богиня, усвоенная. Нет, я в конце концов не из твоей Сгинувшей расы. Мой отец был полководцем в Эшкореке, магом-любителем. А моя мать родом из темнокожих, девушка, которую он изнасиловал по пути на одно из игрушечных сражений, в которые они играли в былые дни. Я рано прослышал о легенде — легенде о Силе и Втором Пришествии. Я энергично взялся за дело. Должно быть, он обладал какой-то чахлой способностью, тот человек, что породил меня, чем-то, проросшим во мне. Учился я очень хорошо. К четырнадцати годам меня из-за этого выгнали из родной деревни камнями и собаками. Люди страшатся мага, а когда я пришел в Города и обнаружил, что они ожидали лишь пришествия богинь, а не богов, то думал, что дорога для меня закрыта. К счастью, я достаточно походил на отца, чтобы сойти за горожанина, несмотря на мою темнокожесть. Я записался в армию Джавховора Эзланна и благодаря своей смелости, а также взяткам и интригам стал, наконец, главнокомандующим. А потом, богиня, мы нашли тебя.

В мозгу у меня загудело; я ощутила в себе ужасное шевеление. Он думал заставить меня навеки умолкнуть, потому что он слепил себя сам из глины, а я еще не сформировалась. Но он забыл про гордыню, которая выросла во мне, древнее презрение к человечеству, которое он сам же помог взлелеять. В моих жилах забурилась добела раскаленная лава, лицо у меня застыло, как холодный белый камень, так что я сняла маску рыси и не почувствовала никакой наготы, только ощутила, что могу вызвать страх. И увидела, как он дрогнул, самую малость, как в тот первый раз, когда он увидел мое лицо.

— Вазкор, — проговорила я, — ты человек.

— Однако, обманул я тебя отлично. В Эзланне, когда ты заболела, а я возложил вину на Асрена, ты мне не поверила. И все же, ты не думала, что твоя болезнь приключилась очень удачно? Я наслал эту болезнь для собственных целей, и ты, думается, не догадалась об этом. И балкон, ты ведь помнишь это, когда я управлял твоими движениями и твоим разумом так же легко, как могу делать с этим созданием, которое было Асреном?

Я почувствовала за его ровным голосом скребущий звук, руки, цепляющиеся за скалы, и пропасть внизу. И почти не слышала, что он говорил.

— Вазкор, — повторила я. — Ты человек. Ты можешь умереть.

— Ты забываешь то, о чем тебе рассказывал Асрен. Один убийца насмерть заколол меня, а я выжил.

— Потому что ты заставил себя силой воли, — сказала я.

— А если я утрачу волю к жизни?

— Да, когда не сможешь больше приказать этого.

Я увидела, как из его зрачков метнулся огонь, на этот раз прозрачный и очень яркий, и из ядра моего мозга вылетела горящая стрела и попала в обращенный на меня смертельный луч, и поглотила его, и обратила его вспять. Казалось, я сделалась намного больше, чем Вазкор, выше и горела. Я почувствовала, как его Сила съехала и откатилась, и устремилась следом за ней, вогнав ее в самую пещеру — мозг, где находилось ее логово, в темные места разума Вазкора. И там я нашла алмазную искру его знания, глубоко в черных коридорах черепа, которые у большинства представителей человечества закрыты и пусты, но которые у Вазкора были открыты и полны жизни. Я нашла эту искру, этот маленький твердый яркий камень и спалила его в пепел, уничтожила его без сожаления, потому что он выдавал себя за моего брата, а был всего лишь человеком.

Я отступила. Свет растаял. Я чувствовала себя маленькой, опустошенной и испуганной. У колонны стоял Вазкор, и я увидела, что я с ним сделала. Я окликнула его по имени, но он лишь бессмысленно глядел на меня. Глаза его замерцали, когда ослепшее внутреннее око отчаянно поворачивалось к каждой из трех дверей способностей, которые я закрыла навек. Как он убил ту часть мозга Асрена, которая делала его мыслящим человеком, так и я убила ту

часть мозга Вазкора, которая делала его магом и богом. Сила в нем умерла.

Не знаю, сознавал ли он то, что делал. Он попытился назад, и последний шаг заставил его потерять равновесие на краю черного бассейна рва. Всплеска не последовало — настолько густой и насыщенной была эта вода. А затем легкое быстрое движение вокруг него, словно сама вода бросилась принять дорогого гостя.

Вазкор пронзительно закричал. Вода покраснела, заискрилась.

Я прижала ладони к ушам, отвернулась и тоже начала пронзительно кричать.

Наступила тишина, слышалось лишь, как капает вода. Жидкость в бассейне стала черной и пустой.

— Асрен, — позвала я, — теперь мы в безопасности.

Я плакала и не могла толком видеть. Найдя рысью маску, я надела ее и, спотыкаясь, побрела по соломе к нему. Шум напугал его. Я обняла его и принялась мягко укачивать в темноте.

* * *

Пушки грянули совершенно неожиданно. Я совсем забыла про них.

Сперва шум казался далеким громом за холмами. Вскоре донеслись и другие шумы, треск и глухой стук рухнувших наверху помещений.

К нам просочился дым и тусклый красный свет. По своду потолка расползлись огромные трещины. В противоположном конце зала одна колонна медленно раскололась сверху донизу, согнулась и рухнула. Сквозь провал обрушился серый камнепад.

Асрен застонал. Я прижала его голову к своей груди, склонилась над ним, закрывая его по мере сил своим телом.

На нас обрушился, словно хищная птица, громкий рев. В первый раз я испытала ужас, когда потолок надо мной прогнулся и раскололся. Мелкие камешки посыпались, словно морось, а затем от пола в верхнем помещении откололись плиты.

Больше не было времени бояться.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Часть I: Змеяная дорога

1

Была тьма, а во тьме — ничего. Теперь же, по-прежнему замкнутая в темноте, я начала слышать единственный звук, ритмично повторяющийся, неустанная машина, поднимающая, опускающая, втягивающая, выталкивающая. Совершенно неожиданно я снова начала дышать.

Мои глаза чуть открылись, увидев прохладный тусклый зеленоватый свет. Я подумала, что это Нефрит, и обнаружила, что слишком слаба, чтобы дотянуться до него и прикоснуться к нему. Я не знала, где я, и не помнила, что случилось. Снова я лежала под горой, ожидая рождения; последовательность событий перемешалась и стала неразделимой.

Однако свет был вовсе не зеленым, он теперь становился яснее, белел. Легкий глухой звук, и заплясали пылинки. Я услышала крики, а потом дробный стук осыпавшихся камней. Пыль собралась в серую кучу, рассеялась, и передо мной показался большой разрыв, заполненный беловатым светом, за исключением того места, где его занял силуэт человека, нагнувшегося ко мне, безликого. Он издал приглушенное восклицание, но эта речь была новой для меня и в данный момент не имела смысла. Рука опустилась к моему лицу, взявшись за серебряную маску.

— Не тронь, — велела я.

Я воспользовалась городской речью, не могла припомнить ничего другого, чем можно воспользоваться. Он не понял, но отдернул от меня руку и вскрикнул от удивления. Несомненно, он счел меня мертвой.

Он повернулся и, извиваясь, вылез из выкопанной ими норы и крикнул другим. Миг спустя сильные руки ухватили меня за голени и лодыжки и бесцеремонно вытащили

из могилы в резкий, палящий блеск дня. У меня хватило сил поднять одну руку для защиты моих ослепших слезящихся глаз, и в этой позе я и лежала, пока они изучали меня, в испачканной и разорванной мантии из желтого эшкорекского бархата, собравшейся складками у меня на бедрах, а под ней грязные ленты, которые некогда были тонким шелковым нижним бельем.

Через некоторое время один из них рассмеялся — я его не особенно винила — и что-то заметил другим. На этот раз мне, кажется, удалось ухватить суть — не то, что он сказал, а какой язык употреблял. Он был новым для меня, совершенно новым, и все же в нем звучало отдаленное эхо, нечто узнанное мной... Я чуть подняла руку и пристально посмотрела на трех человек. Они носили шерстяные рейтузы тускло-красного и желтого цвета и кожаные пояса и сапоги. До талии они оставались обнаженными, если не считать кожаных курток без рукавов, и их коричневые, твердые тела пестрели татуировками многих цветов и разнообразными шрамами. Представители какого-то племени, говорящие на языке, отличающемся и все же связанном отдаленным родством с речью степей. Превозмогая натиск слепящего неба, я пыталась рассмотреть их лица, худые и неподвижные, большие мрачные рты, широко расставленные глаза морской голубизны. Их рыжеватые волосы не связывались в пучок и не стриглись коротко, а заплетались за ушами в толстые косицы, которым не давала спадать на глаза стягивающая голову круглая полоска крашеной ткани.

Я была все еще в сильном замешательстве, но это новое пробуждение начинало приобретать смысл. Слегка повернув голову, я различила других, одетых схожим образом мужчин, сновавших среди развалин рухнувшей башни. Грабители, а не спасатели. А чего я ожидала? И если они зашли так далеко просто с целью поглазеть на руины городской мощи, то у них не будет времени возиться с женщиной из того Города, полумертвой и явно ничего не стоящей. Они снимут с меня кольца и серебряную маску, ибо они входили в их добычу из развалин башни, а потом уедут восвояси, предоставив меня своей судьбе, или же, возможно, проткнут меня копьем, чтобы помочь мне в этом. Если, конечно, у них нет моды на высокородных рабынь.

Они снова заговорили, и я заставила себя прислушаться к сказанному ими. На этот раз картина получилась чет-

кой и ясной, и я обнаружила, что могу, наконец, говорить на этом наречии. Они обсуждали указания своего священнослужителя, или провидца, который ясно предсказал падение Башни-Эшкорек, и настоял, чтобы они поехали к ней, провозгласив, что они найдут здесь нечто драгоценное. Драгоценное? Какие же другие тайны могли тут скрываться тогда? У меня не было времени для праздных гаданий. Похоже, они уважали религию и магию, и теперь я смутно вспомнила, что Мазлек говорил об их непрерывных войнах.

— Я и есть та драгоценность, о которой говорил ваш провидец, — вмешалась я в их разговор, и их пораженные лица разом повернулись ко мне. — Я магиня великой Силы, целительница и пророчица. Я помогу вам в ваших битвах, заступлюсь за вас перед вашими богами.

Это было нелепое заявление для женщины, лежащей на спине, со свалывшимися от пыли и грязи волосами и задранной до талии рваной юбкой. И все же они приняли его от меня с наивностью дикарей, для которых все на свете просто или необыкновенно и величественно. И я заговорила на их языке. Откуда я его могла знать, если не была той, за кого себя выдавала?

— Из Эшкира, — усомнился он, назвав по-племенному Эшкорек-Арнор.

— Нет, — возразила я. — А что я и откуда — не ваша работа. Ваш мудрец дал вам наказ. Разве этого не достаточно?

Третий из них, который за все это время ничего не сказал, внезапно нагнулся вперед и поднял меня. Он был силен, и его это, похоже, не затруднило. Нес он меня не на руках, как поступил бы житель Города, а перекинув через плечо, словно подстреленную дичь, и я подумала о караванщиках.

Теперь я увидела, что башня при падении завалила одну сторону рва, создав для них мост, по которому они и переправились.

Все стало смазанным и почему-то довольно забавным. Меня положили лицом вниз поперек лохматого бурого коня, которому такое положение дел понравилось ничуть не больше, чем мне, и он с досадой дергался, так что мой нос в бесовском ритме тыкался в грубый чепрак у него на спине. Когда я лежала так вот, их провидица, опрокинутая в столь чудовищной позе, дикари собрались вместе и, надо

полагать, обсуждали дела. После некоторого периода неудобств и неловкости, отупляющей жары и тыкания носом о чепрак, мой паладин наконец уселся позади меня, и мы тронулись в путь. Мой мозг закрылся, не воспринимая ничего, кроме юмора, не слишком подходящего для богини положения, и я засмеялась.

Вот так я и покинула Башню-Эшкорек, головой вниз, поперек коня, смеясь.

* * *

Я мало что помню из этого путешествия, лишь изредка увиденный мельком и уголком глаза крутяш голубоватой луны. Похоже, они не сделали привала с наступлением ночи, свой путь с гор они знали отлично. Время от времени звучали сквозь дрему короткие обрывки разговоров, но я, похоже, опять не могла их понять. В то время это меня не особенно встревожило. Были также и сны о прошлом, хотя прошло несколько дней, прежде чем я вспомнила, как башня рухнула в тесную люльку у нас над головами; ловушка, но такая, которая не дала остальным камням свалиться на нас. В этом месте отсутствовал всякий воздух, и постепенно вползла сумрачная усыпляющая смерть. Асрен не боялся, и это меня очень радовало. Он тихо лежал в моих объятиях, и еще долго после его смерти я держала его. Я не надеялась, что кто-нибудь когда-нибудь явится и принесет мне свежий воздух, чтобы я снова могла дышать, но меня это мало волновало. Однако эти воины, посланные своим провидцем, открыли дорогу.

А путь им пришлось проделать немалый. Позже я подсчитала, что на возвращение у них ушло три дня.

Раз-другой устраивали привал. Один раз мне предложили еду, но я не хотела ее, да и в любом случае не смогла бы ее есть, не поднимая маски рыси.

Сколько я пролежала под башней? Эти воины прибыли не сразу — не раньше, чем убрались солдаты. Разок я подумала о ребенке, гадая, не умер ли он в утробе, а если нет, то как ему понравилась моя поза на лошади. Воины не проявляли особого уважения к выпирающей беременности. Но раньше я об этом не думала.

Четвертый день. Утро изменило небо, когда я растянула шейную мышцу, пытаясь увидеть его. Множество подбрасываний, и я сообразила, что мы спускаемся с горных

склонов; позади меня как раз мелькнули окрашенные солнцем террасы. Я теперь окончательно очнулась, чтобы терпеть дальше свою неудобную позу.

— Дайте мне сесть, — крикнула я, и воин, чей конь меня вез, крикнул. Мне пришло в голову, что я говорю на городской речи. Я неуклюже поправилась, с трудом подыскивая новые слова. — Дай мне переместиться — дай мне ехать верхом вместе с тобой.

Воин нехорошо рассмеялся. Я осознала, что никакой женщине не позволят сидеть на лошади, не говоря уж о лошади, на которой уже ехал воин.

— Тогда дай мне слезть, — попросила я. — Пойду пешком.

Он посоветовался с соседями, молчаливый диалог. Миг спустя мы остановились, и меня стащили с коня. Один из них обвязал меня веревкой за талию и прикрепил ее к луке седла «моего» воина.

— В этом нет надобности, — указала я. — Я не убегу. Я по своей воле иду к вашему племени быть провидицей и целительницей.

Они тупо посмотрели на меня, и я оборвала фразу, осознав, что снова вступаю в городскую речь и размахиваю руками в бессмысленной жестикуляции, как при мне делали люди, когда не могли толком выразить свою мысль на чужом языке. Внезапно я стала гадать, а так ли я хорошо овладела им, как решила в башне; не вообразила ли я, что они меня понимают?

Дернув мою привязь, конь тронулся, и я по необходимости тронулась за ним.

Сперва я думала, что выбрала место удачно, ибо мы продвигались по последнему из этих склонов, и путь с каждой минутой становился все легче. Меня радовала возможность пройти пешком, даже так вот, на привязи, даже хотя ноги у меня казались слабыми и иной раз неожиданно подгибались в коленях и даже несмотря на то, что придворные сандалии создали не для хождения по ровным рытвинам и валунам, и я тысячу раз расшибала пальцы ног. Мы спускались в долину, усеянную рощами терновника, тонких сосен и других темных стройных деревьев. Долину наводняли велюровые тени, но небо над головой было золотисто-зеленым, все еще расчерченным красными контурами облаков. Я была далеко не счастлива, глядя на него; как я могла быть счастлива? Однако на

меня, казалось, накатывало своеобразное спокойствие, вдыхаемое из прохладного воздуха, словно снадобье за-
бытья.

А затем, почувствовав у себя под ногами лучшую почву, мои сопровождающие прищпорили своих коней и пустились галопом. Я попыталась бежать вместе с ними, но это была безнадежная попытка. Лохмотья моего платья спутали мне ноги, и миг спустя веревка туго натянулась и свалила меня наземь. С пылью в глазах и в ноздрях, царапающуюся обо все каменные выступы, разрываемую острыми камнями, меня беспомощно волокли вперед, практически удушая веревкой на талии. Именно этого и боится колесничий, если у него в душе есть место для страха — одна из тех смертей, которые может предложить Сагари. С левой рукой на груди в инстинктивной защите я попыталась освободиться другой от веревки. Бесполезно. Я крикнула, чтобы они остановились. Бесполезно.

Внезапно путь сделался более гладким. Еще больше пыли. Как это ни нелепо, я извернулась, избегая кучи козьего навоза, и меня поволокло вместо этого через сломанный куст. Мое путешествие подошло к концу.

С миг я лежала там ничком, а затем с трудом поднялась на колени. Вокруг самодельного проселка были раскиданы среди высоких сосен синие палатки. Впереди палатка побольше с желтым рисунком на синем фоне, а перед ней большая костровая яма, откуда валил дым, и где только-только разожгли костер четыре женщины в шайринах и черных одеждах без рукавов. Они прекратили работу и уставились на меня. Один из воинов наорал на них, и они разбежались, как перепуганные курицы, в заросли, с глаз долой.

Мы подъехали к этому месту, обогнув скальный выступ, который хорошо скрывал его от неровностей склонов. Никакого иного тыла у них не имелось, и все же это был крапл, хотя и небольшой — в целом около двадцати палаток.

Пыль еще не успела улечься, воины скакали кругами, наши лошади все еще фыркали и волновались после галопа, когда из разрисованной палатки вышли один за другим двое человек. Первым вышел очень рослый мужчина, хотя и недостаточно высокий для его шири, весьма мускулистый и с намеком на жир, появившийся от многих кувшинов пива. Его большие голубые глаза с тяжелыми мешками под ними были глупыми, но при том и хитрыми;

вдобавок к заплетенным в рыжие косички волосам он носил пышную бороду, хорошо смазанную жиром и тоже заплетенную в косички. Должно быть, укладка этой бороды его здорово утомляла и, судя по ее виду, выполнялась, вероятно, не чаще трех раз в году, а последняя операция прошла давным-давно. Он, несомненно, являлся вождем и расхаживал с таким видом, будто весь мир принадлежал ему, очень уверенный в своей незыблемости. Одетый, как и его воины, в кожаную куртку, рейтузы и сапоги, он носил поверх татуировок множество ожерелий и всяких побрякушек, браслеты из начищенной до блеска меди, а на поясе у него болтались кисточки. Другой, вышедший следом за ним, был субъектом совсем иного сорта. Высокий, худой, прикрытый длинным коричневым балахоном, схваченным на талии кожаным ремнем, с незаплетенными огненными волосами с проседью, с лицом выбритым, как и лица воинов, но покрытым черной краской, так что казалось, будто он тоже ходил в маске. Дикие светлые глаза вращались на этом черном лице, которое, несмотря на седые волосы, выглядело физиономией неопределенного возраста, и он сжимал обеими руками висевшую у него на груди деревянную фигуру. Их провидец?

Руки поднялись, отдавая честь. Изукрашенный вождь кивнул и посмотрел на меня.

— Что это? — расслышала я его слова сквозь пульсацию у меня в крови.

— Эшкирка из башни, Эттук, — доложил один из них, а затем рассмеялся. — Провидица, как она сказала. Та драгоценность, которую нас послал найти Сил.

Священнослужитель Сил подошел ко мне. Я хотела подняться и встретиться с ним лицом к лицу, но не смогла, и, стоя на коленях, старалась вместо этого подыскать слова.

— Я — магиня, — заявила я, но употребила городскую речь.

Сил подошел очень близко, и я почувствовала вонь от его тела, запахок кожи, вечно завернутой в покров и никогда не знавшей ни солнца, ни воздуха, ни воды. Он казался рассерженным, его сухие руки сплетались и расплетались, а острые желтоватые клыки оскалились в улыбке ненависти ко мне. Глаза его сверкали и метали молнии. Внезапно он плюнул мне в закрытое маской лицо. И провизжал несколько слов, которые я не поняла, и запрыгал в диком танце. Он отскочил от меня и, все еще визжа, под-

бежал поочередно к каждому воину, тыкая в них костлявыми пальцами. Воины, казалось, оробели и попятились. Я не могла толком разобрать, в чем дело, но, похоже, я была отнюдь не тем, что он хотел увидеть привезенным; там была какая-то другая вещь — и они упустили ее.

Я снова почувствовала, что могу рассмеяться, несмотря на мучившие меня боли. И все же я должна разобраться с ними сейчас, с этими племенными дикарями, или же я пропала. Я заставила себя думать о том, как они волокли меня те последние ярды по неровной земле, о том, как провидец плюнул мне в лицо. Гнев, жаркий и яркий, переполнил меня, как кувшин. Я поднялась на ноги.

— Старик, — окликнула я Сила преднамеренно невежливо и употребила теперь правильные слова, ибо он стремительно повернулся и прожег меня взглядом, словно грязный старый пес, который еще способен укусить. — Я сказала тебе, — повторила я. — Я — магиня.

Я посмотрела на него, и гнев захлестнул мне глаза огромным пульсирующим потоком. Но не появилось никакого света, никакой боли — только боль от огромной мощи, которая не могла найти выхода. Стоя там, я боролась с собой, стараясь выпустить эту мощь на Сила, убить его и проявить себя перед новыми опасными мучителями. Но я больше не могла ни контролировать, ни применять свою Силу. Мой гнев спал и застыл. Я вспомнила, как выжгла из мозга Вазкора гнездо способностей, как навеки замуровала ходы его мозга. Сделав это, я, казалось, опустошила себя и уничтожила. О, мне следовало бы раньше догадаться об этом; ведь я же оказалась неспособна понять их речь, когда мы ехали, и до сих пор не могла полностью овладеть ею, а таким даром я обладала всегда, с момента пробуждения под Горой.

В шоке и страхе столкнулась с Силом, пребывая в полной растерянности. Эттук и его воины рассмеялись. Однако Сил совсем не смеялся. Он подошел ко мне и нанес несколько звонких ударов по голове; звуки их стали тревожными гонгами Белханнора, гремящими оттого, что у ворот стояли Анаш и Эптор.

2

В палатке, куда меня положили, было очень темно; и пахло женщинами и женскими вещами, но никого кроме

меня там, казалось, не было. На полу валялись козьи шкуры и одеяла, и я лежала на них, окостеневшая, мучаясь болью и тошнотой. Я начала осторожно изучать свое тело, ибо меня теперь охватил холодный страх, как бы не исчезла наряду со всем прочим и моя способность к самоисцелению. Этого, к счастью, не случилось, так как порезы и раны у меня на теле затягивались, а кровоподтеки рассасывались.

Внезапно я увидела перед собой женскую фигуру. Вплоть до этого момента она стояла совершенно неподвижно, а теперь зашевелилась и пошла вперед. На нее упал слабый свет, просочившийся сквозь стену палатки, и осветил закрытое лицо; лишь большие темные глаза холодно смотрели на меня. Ей было около тридцати, что в племенах дикарей равнялось сорока годам жителей Анкурума; тем не менее она была прекрасна: это я разглядела, даже не видя ее лица. Под черными одеждами у нее также скрывалось прекрасное тело, или, во всяком случае, ранее прекрасное, так как теперь его разнесло от далеко зашедшей беременности, а большие твердые груди обвисли, отяжелев от молока. Одевалась она в основном так же, как и обыкновенные женщины этого крарла — те, которые убежали от воинов, — в черное платье без рукавов и черный шайрин. Однако ее голые руки от запястий до плеч окольцовывали браслеты из серебра, меди и раскрашенной эмали, а на шее у нее висело ожерелье из золота с тускло-голубыми самоцветами. В ушах звенели серьги с теми же камнями. Волосы закрывали шею и ниспадали на спину, словно занавес. Она явно была родом не из этого крарла и не из темнокожих; ее белая кожа была кремовой от легкого загара.

— Я — Тафра, — уведомила она меня, — жена Эттука. Единственная жена Эттука, — добавила она, предъявляя права на мое уважение и страх.

Я ничего не ответила. Помолчав, она сказала с упреком:

— Ты поступила глупо. Незачем гневить Сила. Я уговорила Эттука сохранить тебе жизнь. Он прислушался.

— Почему? — поинтересовалась я.

— Ты в тягости, — ответила она без всякого выражения на лице. — Городским отродьем, но его можно воспитать так, что оно усвоит наши обычаи — еще одно копые для мощи Эттука. Или же еще одна — рожать ему сыновей. Ты понимаешь меня?

— Да, — ответила я. — А что уготовано мне?

Она говорила медленно, так чтобы я не потеряла нить рассуждений:

— Ты будешь при мне, — сказала она.

— Твоей рабыней.

— Моей рабыней. Женщина из Городов должна знать много разных хитростей, способов, с помощью которых жена доставляет удовольствие мужу.

Не уловила ли я проблеск беспокойства в ее словах? Не сомневалась ли она в верности своего мужа?

— Завтра на заре, — сказала она мне, — ты тогда сможешь прийти ко мне. Сегодня ты лежишь здесь, в палатке Котты, куда приходят женщины, когда они больны.

Она повернула свое великолепное обремененное тело и вышла. Все определилось. Мне придется в конце концов быть высокородной рабыней, которой я страшилась стать, когда лежала в башне. Однако это было самым лучшим из всего, на что я могла надеяться. Я больше не обладала ни властью, ни статусом. Кто я такая, чтобы спорить с судьбой? По крайней мере, меня избавили от пыток Сила. Теперь я буду выполнять черную работу и стоять на коленях перед воинами, и убегать от них, если они накричат на меня. Я буду женщиной, такой, какой считали тут женщин, — безмозглым животным, имеющим лишь полдуши, созданным рожать детей и доставлять удовольствие мужчинам: запоздалой мыслью бога.

Было очень жарко. Я разомлела и задремала. Позже пришла женщина, крупная, как мужчина, с мускулистыми руками и волосами, завязанными синей косынкой. Звякая серьгами, она ощупала мое тело, хмыкая про себя.

— Здорова, — уведомила она меня, — несмотря на грубое обращение воинов. А этот, — она слегка ткнула меня в живот, — не родится еще много дней; сто — сто двадцать.

— Нет, — возразила я, — меньше.

Она рассмеялась.

— Э, нет, ты неправильно истолковала признаки, девушка. Котта знает толк в этих делах, а ты слишком маленькая, — она налила мне молока, и я медленно выпила его.

— Сейчас... — я пошарила в поисках слов, — сейчас еще лето?

— Да, лето уже много дней и ночей. Мы скоро снова двинемся на восток.

— Башня — когда пала башня?

— Дело мужское, — отвечала Котта, — мне неизвестно, да и все равно.

Она отошла от меня и занялась возней с какими-то сундуками, которые я едва видела во мраке.

Значит, настало лето. Сколько же я пролежала под башней? Похоже, много дней, много-премного дней. Легкая боль от молока засверлила у меня в желудке.

Котта вернулась с тазом воды и принесла мне черную одежду. Она положила ее около меня и несколькими умелыми движениями содрала с моего тела обрывки бархата. Смыв губкой грязь, она наложила на мои порезы немного мази, но они быстро заживали, хотя, как мне показалось, не так быстро, как раньше. А затем она надела мне через голову и руки одежду из черной ткани и завязала шнуровку на шее. Ее руки направились к маске рыси, и я инстинктивно отпрянула.

До тех пор я не замечала ее глаз, но теперь уловила их отблеск, ярко-голубой, неподвижный, устремленный мне в лицо.

— Маска принадлежит Эттуку, — сказала Котта. — Это его право. Позже, когда ты родишь ребенка, у него будет право и на твоё тело.

— Я не должна показывать своего лица, — прошептала я. Ее смех напоминал лисий лай.

— О, значит, ты быстро усвоила обычаи племени. Это хорошо. Не бойся, что Котта увидит твоё лицо. Котта слепая.

Она говорила о себе в третьем лице, словно речь шла о ком-то ином. И не особенно расстраивалась по поводу своего недуга: для слепой она выглядела очень умелой.

Я медленно сняла с лица серебряную маску, глядя ей в глаза. Они совершенно не моргнули, ни одной реснички не дрогнуло. Я вложила маску в ее большие сильные руки и натянула уже знакомый шайрин.

* * *

Наступил рассвет, и я отправилась в раскрашенную палатку Эттука. Я шла крадучись, пригнув голову и сгорбив плечи, как делали, по моим наблюдениям, другие женщины, не занимающие высокого положения в крарле. Тафра не стала бы красться, но, впрочем, она же была женой Эт-

тука и, подобно его коню, приобрела авторитет благодаря благосклонности вождя.

Я думала, что, несмотря на ранний час, я не застаю там Эттука, ибо мне представлялось, что она желала заполучить меня лично для себя и научиться тем городским штучкам, которые, как она надеялась, я знала. Но он все еще лежал там голый на одеялах и храпел. И храпел он не ритмично, как другие мужчины, а приступами, рывками, с нерегулярными промежутками издавал громкие рычащие, фырчащие звуки, похожие на вой кабанов.

Тафра сидела рядом с ним, но когда вошла я, она оттолкнула в сторону одеяла и встала. На ней не было ни одежды, ни маски; очевидно, поскольку я была рабыней, мой взгляд на ее лицо явно не шел в счет. Несмотря на свою беременность, она была, как я уже заметила, невероятно красива. Пышность и зрелость ее форм не вызывали ощущения излишества, как это часто свойственно женщинам, наделенным красотой подобного рода. К тому же она не лишена была изящества: узкие кисти и ступни, кошачий подбородок, рот, совершенный настолько, что казался нарисованным, и расцвеченный, как бледно-красный цветок.

Она кивнула на Эттука и приложила два пальца к губам, предупреждая, что я должна молчать. Знаками она показала на духи и другую косметику в резном сундучке. Я молча вымыла ее, надушила и расчесала ей волосы перед зеркалом из полированной бронзы. Я не чувствовала себя униженной этим. Она была слишком прекрасна. Я стала сознавать в себе нечто, благоговееющее перед красотой — той особой красотой, которую я увидела в Асрене, в дворцовой девушке, которую он любил, и столь неожиданно обнаруженной теперь среди палаток варваров. Ведь я, в конце концов, носила проклятие уродства; даже мое тело, которое Дарак находил красивым, было теперь обезображено.

Я заплела ей пряди волос и прицепила к их концам серебряные колокольчики. Достав из кувшинчика синий крем, она нанесла его себе на веки, а красным кремом из другого кувшинчика натерла себе губы. Эти ее действия раздражали меня, поскольку были излишними и не добавляли красоты.

Затем она вернулась к нему на одеяла, и горечь обиды пронзила меня — не за себя, а за нее, женщину столь от-

менной внешности, добывающуюся милости у отвратительного храпящего создания, разлегшегося рядом с ней.

Жестами она отправила меня за едой, и я, обходя пасущихся коз, пробралась к утреннему костру. Никаких мужчин мне на глаза не попало, а женщины у костровой ямы визгливо закричали при моем появлении. Когда я подошла ближе, одна из них подняла кусок дерева и бросила в меня. Тот отскочил от моей кожи, и они резко, хрипло рассмеялись.

Я с трудом подыскала слова.

— Тафра, — сказала я. — Меня посылай жена Эттука — за едой для вождя.

Они забормотали и сбились теснее, и вскоре одна из них, довольно высокая и полногрудая, с яркой рыжевато-белокурой копной волос подошла ко мне и отвесила мне оплеуху. Снова раздался смех.

— Ты хочешь еда, — передразнила она меня. — Ты спрашивай меня.

— Тогда я спрашиваю тебя.

— Я спрашиваю — я *спрашиваю* — послушай эту городскую эскирку, — снова передразнила она и сорвала аплодисменты. — Я дочь Сила, — сказала она. — Ты разгневала Сила. Тех, кто гневает провидца, не кормят среди палаток.

— Не для меня — а для вождя, Эттука.

Она снова небрежно ударила меня, и прежде чем я успела сообразить, что делаю, я ответила ей ударом на удар, и она оказалась лежащей на спине среди груды древесного угля для костра.

Женщины завопили и завизжали, а дочь Сила медленно поднялась и бросилась бы на меня, но гомон прервал еще один голос, и они застыли. Котта стояла у входа в свою палатку, и ее слепые глаза, которые, казалось, видели, безошибочно остановились по очереди на каждой из нас.

— Что за беду ты вызвала, дочь провидца? Она хочет лишь послужить вождю. Она теперь принадлежит Тафре, так что тебе следует держаться с ней повежливей.

Дочь Сила чуть приподняла вуаль шайрина и сплюнула на землю, а затем, явно символизируя что-то, растоптала слюну.

— Тафра, — отрезала она, — иноплеменная шлюха, — она отошла от костра и показала на ряд стоявших на огне котелков. — Бери, беловолосая.

Я прошла мимо нее, и она прошипела:

— Ты еще вспомнишь, кого ты ударила.

Одна женщина неохотно наполнила мне одно блюдо какой-то жидкой кашей, сильно отдающей козьим молоком, другое — зрелыми черно-красными ягодами, а в третье положила темный ржаной хлеб. Она также достала кувшин пенистого пива. Все это расставили на поднос из жесткой плетеной циновки и оставили на земле, предоставив мне поднимать самой. Когда я нагнулась, чья-то нога ударила меня в бок, и я упала.

Я не знала, которая из них это сделала, но Котта крикнула из своей палатки:

— Чтoб больше такого не было. Она ждет ребенка. Эттук не поблагодарит вас, если потеряет из-за вашей стервозности воина.

Я не знаю, как она поняла, что они сделали. Шума-то почти не было. Я подняла поднос и поспешила убраться от них обратно к раскрашенной палатке.

Войдя, я обнаружила, что Эттук проснулся, сидит и злобно глядит на меня.

— Где тебя носило, сучка? — зарычал он. — Тебе пришлось самой ходить по ягоды и готовить, прежде чем ты смогла принести все это?

— Женщины, — заикнулась было я.

Он снова рявкнул, приказав молчать, и выхватил поднос, так что все жидкости из сосудов расплескались. И принялся запихивать еду себе в рот, в то время как Тафра наливала ему в окованную серебром чашу пиво. Внезапно он схватил ее за грудь почти так же, как схватил поднос. И рассмеялся. Тафра кивнула мне.

— Ступай теперь. Я прикажу привести тебя, когда ты мне понадобишься.

Я повернулась, вышла и стояла на резком свете солнца, преодолевая отвращение.

Женщины все еще окружали костер, за исключением дочери Сила, вероятно, отправившейся кормить отца. Котта тоже ушла в палатку.

Я прокралась по стану и нашла среди сосен узкий ручей, недалеко от палаток. Я гадала, не следует ли мне отправиться вниз по течению этого ручья, чтобы найти меж-

ду склонами гор за деревьями русло реки, русло, которое приведет меня не к Эшкореку, а в конечном итоге на юг, к неизвестному морю. В конце концов, меня ведь ничто не удерживало здесь.

Я сделала полшага, и, казалось, путь мне преградила невидимая стена. Уж не знаю, что это было — предвидение или всего лишь желание обрести безопасность, какой бы сомнительной она ни была. Я покачала головой, словно отказывая ручью и дороге, которую тот мог предложить, и снова вернулась в крарл.

* * *

В чем заключались мои обязанности, я выяснила достаточно скоро.

Я сидела в пыли неподалеку от палатки Котты, ломая голову по поводу прегражденного пути у ручья, когда женщины позвали своих мужей и детей к трапезе у костровой ямы. Завтрак в постели им не полагался; он был привилегией Эттука и Сила, надо полагать, тоже. Один из воинов крарла побудил меня к действию, рывком подняв на ноги и съездив по уху за праздное сидение. Затем одна худощавая женщина, скорее обеспокоенная, чем недружелюбная, обязала меня подавать еду вместе со всеми другими женщинами мужчинам и мальчикам. В присутствии мужчин женщины стана могли есть, сидеть или даже стоять не двигаясь. У них это было традицией, тем не менее, они находились в большем рабстве, чем темнокожие. Даже я была меньше рабыней, ибо все во мне бунтовало, и хотя я ничего не могла поделать со своим жребием, я не принимала его с покорностью. А женщины крарла, даже девочки, принимали целиком и ни секунды не сомневаясь; даже дочь Сила, прислуживавшая вместе с остальными. Когда мужчины покончили с едой, то поднялись на ноги, вытирая рты, не устаивая взглядом своих женщин, и пошли по своим мужским делам: готовиться к охоте (ибо эти дикари ели мясо, когда им удавалось добыть его), точить ножи, чистить коней и вообще вести важные разговоры и обсуждения, которые нам не полагалось слышать. Мальчики из кожи вон лезли, чтобы подражать им. Похоже, их мужская жизнь начиналась рано.

Теперь женщины доедали ошметки и объедки того, что осталось, и пока девочки шумно играли поодаль, они, в

свою очередь, занимались чисто женской болтовней. Только это и позволялось им — пустые разговоры о тряпках, вещах, детях младенцах, предстоящей стряпне и предстоящих трудах, а также о мощи их мужей (либо в постели, либо на охоте или на войне); все это перемежалось сплетнями и злословием в адрес любой женщины, которая отсутствовала в данный момент.

Наибольшую злобу вызывала у них Тафра. Прислушиваясь к их разговорам, я узнала, что Этгук добыл ее год назад в бою из вражеского племени. Ее еще не приняли в свои — они называли ее иноплеменной сукой. Им не нравилось, что милость Этгука досталась ей, а не одной из них; не нравилась им и ее беременность, благодаря которой она могла еще больше утвердиться в его палатке, особенно, если родит ему сына.

Трапеза женщин, однако, продолжалась недолго. Вскоре они встали, и я вместе с ними, и отправились драить блюда и чаши и мыть их в том самом ручье, к которому я приходила раньше. В ходе этой работы я бессознательно подошла к той прежней границе и поняла, что упустила момент, когда можно было уйти, как часто бывало в прошлом, когда я собиралась бежать от надвигающейся беды, но какое-то обстоятельство или чувство препятствовали этому.

После мытья посуды наступил черед стирки одежды и одеял, полоскания и выколачивания этого пахучего тряпья о камни. Настал полдень, и я ожидала какого-то отдыха, но они развесили одежду сушиться на сконструированных для этой цели маленьких клетках из дерева, а затем побежали обратно в стан и занялись штопкой, ткачеством и другими утомительными трудами. Девочки проявили ко мне некоторый интерес, сводившийся, в основном, к поддразниванию, — подражая матерям, как мальчики подражали воинам в напускном безразличии. Теперь их отправили поиграть, и они убежали в сосновый лес, упиваясь своей короткой свободой.

Дочь Сила тоже стирала и сушила, и я каждую минуту ожидала, что она ударит меня или что похуже, но она ничего не сделала. А затем, когда мы шли к палаткам, она подошла ко мне и вполголоса прошептала:

— Я рассказала отцу, провидцу, о том, как ты ударила меня. Он разгневался еще пуще, чем прежде. В башне хранилось много золота, а твоя наглость заставила воинов за-

быть про это. Теперь слишком поздно возвращаться, ибо мы уже на Змеиной дороге и должны направляться на восток. Он найдет на тебя порчу, эскирская сучка. Твои кости и жилы исковеркаются, и ты будешь ходить калеской до конца дней.

Когда она сказала это, мне сделалось дурно, хотя ни малейшего уважения к возможностям Сила я не питала. Однако пожелание зла может причинить вред, если ненависть достаточно сильна. Но самое худшее, что можно сделать, — это помочь нападающему своей верой.

— Заклинания Сила-козла не повредят мне, — отозвалась я. — Я обладаю собственной магией — магией, которую я не обрушила на него прежде из сострадания. Пусть бережется он, а не я.

— Ты, — зарычала она, — ты даже не умеешь говорить на нашем языке.

— Есть и иные языки помимо того, что во рту. Твой отец, если он хоть чем-то похож на провидца, в чем я сомневаюсь, должен это знать.

Она умолкла, неохотно пережевывая сказанное мной. Через некоторое время она толкнула меня и поспешила уйти.

Мне пришлось тогда застыть на месте и сказать мысленно самой себе: *«Он ничто, и не может повредить тебе. Смерть не может повредить тебе, а этот старикан меньше, чем смерть»*.

Но затем мне вдруг пришли на ум слова, которые я увидела нацарапанными на стене того туннеля сквозь Кольцо:

Смерть, темный мрачный старикан, идет вас унести...

Проклятье человечества моей родной Сгинувшей расе.

Мои руки инстинктивно поднялись к груди в поисках нефрита, сорванного с шеи Шулла, и не нашли его. Когда я стояла там, до меня донесся голос какой-то девочки:

— Ты нужна Умыкнутой.

Это было самое лучшее имя, которое могли подыскать для Тафры среди палаток.

Я даже рада была пойти к ней, оставив свое несчастное «я» в покое. Эттука там больше не было. Он ушел к охотникам. Она снова велела мне одеть и причесать ее. Говорила она со мной мало, и я догадалась, что она понятия

не имеет, как следует относиться ко мне. Что, по ее мнению, я знала? Наверное, она больше нуждалась в чьем-то ином присутствии — если не дружелюбном, то, по крайней мере, не явно враждебном, чем в сохранении надежной приязни Эттука. Между нами имелось своеобразное родство, заключавшееся не только в беременности, но и в том, что обе мы были пленницами, не принятыми в крарл.

3

Змеиной дорогой называли они свой путь на восток, к болотам и плодородным лесным землям за ними; кто проложил эту дорогу, они, похоже, не знали. Она представляла собой проход вниз с более высоких горных долин на каменистые равнины и через них. Дорога извивалась среди скал и пропастей, словно одноглазый змей, которому поклонялись некоторые из них и символ которого висел на вонючей шее Сила. Эттуковцы наряду со многими другими племенными общинами укрывались на зиму в горах, а на восток начинали перебираться поздней весной и ранним летом, и прибывали на обильные пастбища востока в самом разгаре лета. По пути происходили бои и битвы, а также стычки на месте окончательной остановки крарла. Территория, сколь бы непостоянной она ни была, завоевывалась в упорной борьбе.

Через два дня после моего прибытия к ним палатки свернули, нагрузили выючных лошадей, и мы тронулись в путь. С собой мы везли огромные запасы пищи, высушенной женщинами в те минуты, когда они не ухаживали за своими мужчинами. Мясо убитой на недавней охоте дичи висело на спинах лошадей, чтобы проявиться на солнце, с него капала кровь, и оно привлекало целые колонии мух. Воины ехали несколько впереди, пренебрегая медленным шагом женщин, шедших пешком или деливших между собой немногочисленных мулов. Дети бегали кругом, иногда погоняя коз, что входило в их обязанности. Козы болтались вокруг проселка, недовольно блеяли, а сторожевые собаки лаяли и бегали слизывать кровь, стекавшую с висящих туш, или глотали мух.

Тафра ехала на черном муле, благодаря своему статусу и беременности. Мул принадлежал ей, следовательно, никто другой не имел права на него, и женщины ворчали из-за этого. Котта тоже ехала на муле — привилегия слепоты

— однако она, кажется, видела ничуть не хуже любой из нас, если судить по тому, как она смотрела на все — на дерущихся оленей-самцов на отдаленной равнине, на кружащих в небе птиц. Когда с ней разговаривали, она внимательно смотрела тебе в лицо. Мне пришло в голову, что, наверное, у нее сохранилось немного зрения, пусть даже смутного, и она использовала его в своих интересах, хотя это совсем не соответствовало ее характеру. И, кроме того, она смотрела на меня без маски и не проявляла никакой реакции, а один раз я видела, как она нагнулась неподалеку от костра, по-прежнему подняв глаза на женщину, которую слушала, и зрачки ее нисколько не сузились. Она и впрямь была незрячей. Тогда я рассудила, что у нее, наверное, обострились, компенсируя зрение, все другие чувства, и именно это заставляло ее так точно ориентироваться во всем, что происходило вокруг.

В конце каждого дня пути разбивался стан чуть в стороне от проселка. Сил каждое утро благословлял нашу стоянку на данном месте, положив одну руку на змеинный амулет.

Вокруг нас тянулась до самых гор дикая пересеченная местность. На ней в изобилии встречались водоемы и рощи темных тонких деревьев, иначе бы летняя жара спалила нас досуха. Я жила на одном козьем молоке, и это мне не особенно нравилось. Волосы Тафре я расчесывала по первой вечерней прохладе, перед тем, как к ней приходил Эттук после обильной трапезы вокруг костра, пьяный, вымазанный в жире и рыгающий.

Ночью я спала под открытым небом, что при такой теплой погоде не имело значения, но подтверждало мое ничтожное положение. Никто из воинов меня не беспокоил; у них было правило не спать с женщиной, коль скоро становилось заметно, что утроба у нее заполнена, хотя я не заметила, чтобы Эттука стесняло это обстоятельство, когда речь шла о Тафре.

Мои груди стали больше и тяжелей от молока, и у меня начались боли в спине и в основании позвоночника.

— Что случилось? — спросила у меня Котта. Наверное, я издала легкий стон от боли, сама того не замечая. Я рассказала ей о своих трудностях, и она попросила у Эттука мула. Должно быть, она привела прежний аргумент — еще один самец для племени — ибо мул стал моим, и отныне я ехала следом за Тафрой.

Сил ко мне не приближался, и если даже он навел свои чары, то я никак этого не ощутила.

* * *

Путешествие было монотонным, но скука иногда может быть предпочтительней, чем иные вещи.

На девятый день пути, ближе к закату, среди воинов впереди возникло какое-то волнение. Мы проезжали через узкое ущелье, где дорога проходила по руслу высохшего ручья. С обеих сторон высились скалы, а деревья, вцепившись корнями в скальные стены, склонялись перед нами; их темные вершины покачивались подобно перьям на металлическом шлеме. Вот наверху-то среди этих деревьев воины заметили какое-то подозрительное движение: зверей там не было.

Когда эта новость просочилась до обоза с женщинами и козами, среди тех и других возникла легкая паника. Вражеское племя, собирающееся напасть на нас с верха ущелья? Однако никакого нападения не произошло. Мы добрались до более высокой местности. И наступила ночь.

Лагерь разбили в убежище из других скал и навалили камней вокруг трех открытых сторон, соорудив таким образом импровизированный вал; внутри разожгли костры из хвороста. В красном свете воины стояли в карауле, и их лица выражали напряженное удовольствие. Драться — это было хорошо. У племен долин считалось признаком мужественности овладеть многими женщинами, породить уйму сыновей, но лучше всего — как можно больше мужей. Женщины сбились в кучу вокруг главного костра и нервно тараторили, словно намеренно преувеличивая страх, чтобы еще раз подчеркнуть храбрость своих мужчин. Я сидела неподалеку от палатки Эттука, зашивая без всякого интереса и смысла кусок ткани. Ткань эта в других руках могла бы стать в результате носильной сумкой, но я лишь создавала иллюзию труда. У них не любили, чтобы женщины в краре бездельничали; а я таким образом казалась занятой, хотя на самом деле ничем не занималась. Сгруппировавшиеся у других костров Эттук и воины постарше пили и смеялись.

Внезапно ночь разорвал топот копыт. В лагере воцарилась тишина. Сразу же показались выхваченная племе-

нем костра мужская фигура, силуэт коня, развевающаяся грива и волосы. Выкрикнули слова, которых я не разобрала и что-то перелетело через каменную изгородь, вонзившись глубоко в почву. Всадник снова повернул, подняв коня на дыбы, и пропал столь же стремительно, как появился. Эттук подбежал к брошенному предмету, вытащил его из земли и потряс им — заостренным колом длинной фута в четыре с привязанными лоскутьями алой шерсти и тремя кольцами из белой глины.

— Копье войны! — закричал Эттук со свирепой радостью в голосе.

Поднялись крики. Воины прыгали и вскидывали руки. Женщины сбились потеснее — кроме одной, высокой дочери провидца. Та поднялась и пошла вдоль палаток за отцом и вскоре вернулась с ним.

Сил поднял костлявую руку, а другой стиснул одноглазого змея.

— Танец войны, — объявил он, и воины радостно заорали.

Словно это послужило сигналом, все женщины поднялись и разбежались по своим палаткам, все, кроме дочери Сила и меня. Меня они не увидели в темной тени палатки. Дочь Сила несла переброшенную через руку черную мантию, которую и надела теперь на отца. На ней красовались разноцветные вышивки, варварские изображения солнца и луны, дерева и горы, моря и огня. Он тряхнул широкими рукавами, сложил руки на груди и затянул какую-то монотонную ритуальную песнь, смысл которой до меня не дошел. Воины расступились, образовав полукруг, и в пространстве между провидцем и Эттуком с его воинами появилась девушка с трепещущими, словно языки пламени, волосами. Она плюнула на землю слева и справа и сделала пальцами движение, как бы обрызгивая полукруг. Песнь Сила подошла к концу, и его дочь сразу же подбежала к Эттуку, и Эттук прижал ее к себе. Очевидно, она являлась символическим посредником между человеком и силой магии, и теперь она должна была отдаться вождю. Наверное, половое возбуждение было частью их боевого неистовства. Воины принялись топтать ногами, когда большие неотесанные ручищи Эттука шарили по извивающемуся, как змея, телу дочери Сила.

— Нет, не для тебя, — произнес у моего плеча голос, голос Котты.

Я встала. У меня не было никакого желания смотреть, как возбуждается в огненном мраке жажда крови. Мы прошли среди теней к палатке и проскользнули внутрь.

— Если б они тебя обнаружили, девушка, — сказала она мне, — тебя бы ждали побои и, наверное, чего похуже. Даже дочь Сила должна прятать глаза в отцовской палатке, когда они покончат с ней.

— Когда они будут драться? — спросила я.

— Завтра. На рассвете. Это мужское дело.

Я рассмеялась.

— Я тоже дралась и убивала, Котта. Это дело дураков, а не мужчин.

А затем я застыла, сидя как каменная, ибо до меня дошла великая истина, вырвавшаяся из моих же уст, словно ее изрек кто-то другой. Я и в самом деле убивала, и не только мечом, но также и мыслью. Я в своей гордыне убивала и ранила, и из-за этого моя Сила покинула меня. В тот миг это сделалось для меня совершенно очевидным.

Я опустила голову и прошептала: «Что же я надслала?»

Котта ничего не сказала. Она забрала у меня шитье и принялась распарывать его.

Через некоторое время я сказала:

— Я тоже слепая, Котта.

Меня не волновало, поверила она мне или нет. Из моих уст потянулась медленная череда слов, в которых запутанно смешались Дарак и Вазкор, Асрен и Астуоо, Мазлек и Маггур, Сиркуникс и Театр военных действий. Она не могла понять, но почувствовала во мне потребность выговориться. Когда я умолкла, она тоже молчала. Мы тихо сидели час с лишним в темной палатке, в то время как снаружи в красном мерцании глухо топали воины, призывая своих богов и возбуждая гнездившуюся в них жестокость.

После этого я улеглась спать на одеяла, и вот тогда-то она и заговорила со мной, словно наш разговор не прерывался.

— А теперь и я тебе кое-что расскажу. Котта родилась слепой — это было в последние годы отца Эттука. Для крарла слепая бесполезна, как бесполезен мальчик-калека, ибо он не может воевать. Слепая в некотором смысле еще хуже, ибо она может родить слепых детей, и поэтому я не могла перейти к какому-то мужчине, если бы тот захотел меня, чего ни с кем не случилось. Но мне позволили жить, потому что я быстро научилась трудиться и могла делать большинство дел ничуть не хуже, а то и лучше, чем зрячие

женщины. И я научилась выхаживать больных и помогать женщинам рожать, и поэтому я стала полезной. А теперь скажи мне, эшкирка, почему ты говоришь, что Котта слепая?

Я лежала в темноте и ответила, словно она подтолкнула меня: — Котта не слепая.

— Да, — согласилась она. — Но Котта смотрит не сквозь два отверстия в голове, которые люди называют глазами. Котта смотрит внутрь, и там есть все. Я не знала, что я слепая, пока мне не исполнилось десять. И когда мне сказали, я не поняла, ибо я могла *видеть*, и думала, что все видят так же, глядя внутрь, а не наружу, — она распоролла мое шитье по ткани и начала заново. — Какого цвета эта ткань? — спросила она меня.

— Синего.

— А вот что такое синее? Я никогда не видела *синего*. Но я видела цвета, которые ты тоже никогда не видела, как и все, смотрящие наружу. Я поворачиваюсь к небу и вижу птиц, но не такими, как видят их люди.

— У тебя в палатке, — тихо произнесла я, — когда я сняла маску, — какой ты увидела *меня*, Котта?

— Нечто, чего я никогда не видывала раньше. Положи ладонь в прохладную воду, когда день жаркий. Вот что я увидела.

— Котта, — резко сказала я. — Я безобразна, я страшнее всякого безобразия; неужели ты этого не увидела?

— Для тебя и для других — возможно, — отвечала она. — Но для Котты — красива. Красотой, какой я раньше не видывала. Красотой, подобной огню, хоть и не горит.

— Твое внутреннее око ввело тебя в заблуждение, — уведомила я ее.

За палаткой наступила тишина. Я поднялась с одеял и вышла спать под открытым небом, свернувшись среди камней, поддерживая руками ноющие груди. Ее слова мучили меня, и я убежала от нее.

Как горько, что она видела так хорошо, и все же так обманчиво. А завтра будут драться.

Я проснулась поздно, окостеневшая и замерзшая, не смотря на греющее солнце, и с ощущением дисгармонии — то ли в мире, то ли во мне самой, этого уж я не знала.

Я вышла в стан. Костры не горели, хотя от ритуала прошлой ночью осталось много пепла. Бродячая коза надменно уставилась на меня. Царило молчание. Это было странным; кроме козы и меня здесь, кажется, больше никого не было, и все же я чувствовала чье-то присутствие. Я пробиралась по неровной почве, еще больше перепаханной топающими ногами, кругом валялись оторванные кисточки и виднелись лужицы крови — следы совершенного ими воинского жертвоприношения, словно недоставало им человеческих смертей. Я добралась до ближайшей палатки, подняла полог и заглянула внутрь. Палатка пустовала. Я пересекла дорогу, уже созданную женщинами, ходившими взад-вперед с кувшинами к небольшому водопаду, протаптывая дублеными подошвами тропу. Еще три палатки, и в каждую я заглянула, но никого не нашла. Я добралась до водопада, где из пятнистой от лишайника скалы бил в постоянном хрустальном течении ключ, но никаких кувшинов и никаких признаков, что сюда сегодня приходили, я не обнаружила. По коже у меня поползли мурашки. Я много раз оглядывалась через плечо. Может быть, я проспала вторжение и захват? И все же, если их захватили, то почему я не услышала ни звука? И не встретила никаких признаков насилия?

Что-то толкнуло меня в бок.

Я вскрикнула, метнулась в сторону, перекатилась и вскочила на ноги, мои руки по привычке потянулись к ножам, которыми я больше не обладала.

Мой нападавший — коза — поглядела на меня с легким изумлением и помотала головой. Я начала проклинать ее, когда вдруг все тело у меня пронзила острая боль. Я согнулась, охнув, и, словно это оказалось достаточным искуплением, клещи разжались так же внезапно, как и стиснули. Подобно козе, я помотала головой, словно стряхивая с себя последние остатки боли, и в этот миг пронзительный женский крик раздался в этом безмолвии и, казалось, заполнил весь стан.

Я сразу же побежала на него, хотя не могла определить, почему. Мне пришло в голову, что я никогда не была храброй, а только надменной или бездумной.

Палатка Котты. Теперь стало тихо. В чаще раздалась глухая гортанная трескотня какой-то птицы. Я распахнула полог и заглянула в палатку. В ней было очень темно, но я увидела слепую, сгорбившуюся над стоящим на маленькой жаровне железным котелком.

— Котта.

Она подняла голову.

— Эшкурка, — определила она. — Значит, тебя тоже оставили. Хорошо. Возможно, ты мне поможешь.

— Но куда все ушли?

— Мужчины драться, — ответила она, — а женщины прятаться. Так всегда бывает на случай, если захватят стан.

— А почему ты тоже не ушла, Котта?

— Меня ждет работа, так же, как и ее. Мы будем слишком заняты, чтобы бегать по скалам.

Я посмотрела туда, куда она показывала, и увидела лежащую на одеялах Тафру. Жаровня высвечивала бисеринки пота на ее незакрытом лице, словно маленькие самоцветы из красного стекла. Она извивалась и бормотала про себя, а затем внезапно напряглась и начала серию ужасных криканий, все более и более громких, пока наконец муки ее не достигли предела, после чего она снова пронзительно закричала — так, как я услышала ее от самого водопада.

Моим первым порывом было подойти к ней, успокоить ее. Но я вспомнила про Илку, девушку, умершую в ущелье, и осталась недвижима. Кроме того, что я могла теперь сделать? Котта сняла котелок с жаровни, вылила густую жидкость в глиняную чашу и отнесла ее Тафре. Приподняв одной рукой ей голову, она заставила ее выпить.

— Еще какое-то время, — сказала Котта. — Это облегчит твои муки.

Голова Тафры упала обратно на одеяла. Ее большие испуганные глаза закрылись сами собой.

— Бесполезно, — простонала она, — Эттук погибнет в бою, и они убьют меня.

После этого она, казалось, задремала, лишь бормоча время от времени что-то нечленораздельное.

Котта разложила свои вещи, примитивного вида металлические предметы, имевшие мало сходства с инструментами лекарей в Городах. Она поставила кипятиться воду и, когда та выкипела, послала меня к водопаду принести еще.

День тянулся и густел в медном свете раннего вечера. Я вышла из палатки и огляделась в покинутом стане. Казалось, ничто не шевелилось. Я спросила у Котты, где располагалось их поле боя, но та не знала или не интересовалась.

лась. Да и бесполезно было бы искать их. Если они выиграют битву, то отправятся в другой лагерь за бабами и пивом.

В небе кружила черная фигура птицы с длинными неровными крыльями — и улетела прочь.

Я помассировала спину, наполненную ноющей безжалостной болью, и снова вошла в палатку, чтобы вынести это зрелище до конца.

Над станом лениво покоилась жаркая летняя луна, когда ребенок Тафры решил наконец освободить ее.

Было глупо ненавидеть этого ребенка; он подчинялся инстинкту столь же древнему, как сама женщина, и не имел ни малейшего выбора, и, несомненно, тоже страдал. И все же я ненавидела его за причиняемые ей боль и ужас, а через нее, ее крики и молитвы неизвестным богам — причиняемые и мне тоже.

Котта знала, что Тафре придется тяжело, хотя и ничего не сказала. Теперь она делала все, что могла, но могла она мало, так как роды затянулись и не поддавались управлению извне. Я дала ей свои руки, одну за другой, и она рвала их зубами и ногтями, словно попавшее в капкан неистовствующее животное. Всю ночь она пронзительно кричала, и этот крик был подобен острому ножу, тупящему свое лезвие о наши нервы.

К рассвету она потеряла сознание и лежала неподвижно. Лицо у нее посерело и сжалось, все тело взмокло от пота. Воды отошли час назад, и палатка сильно пропахла кровью. Котта массировала ей ноги, щупала живот, который непрерывно сокращался в схватках.

— Плохо, — заключила она. — Ребенок расположен неправильно. Этого-то я и боялась.

Я помогла ей перевернуть Тафру на бок и опустилась на колени, чтобы она могла прислониться спиной ко мне. Котта окунула медные инструменты в воду.

— Я сделаю это сейчас, — сказала она, — пока она ничего не чувствует. Ты сильная. Если она очнется, ты должна удержать ее неподвижной.

Я обхватила руки Тафры и сжала их. Подошла Котта, и я отвернулась от того, что она делала, внезапно ощутив дурноту и слабость, несмотря на то, что я сама видела и вызывала смерть. Миг спустя я почувствовала, как тело Тафры вздрогнуло. Она очнулась.

— Держи ее, — выкрикнула Котта, но это оказалось очень трудно. Мои кости, казалось, с треском ломались от

ее неистовых корчей, а затем она дважды дернулась и завопила, как не вопила раньше — бессмысленный вопль, в котором звучало обвинение. Между медных стержней родовспомогательных щипцов Котты лежало тело младенца, который в своей спешке на волю выбрался из утробы ногами вперед. Такое крошечное, это существо вызвало столь огромные страдания.

— У Эттука есть сын, — определила Котта.

— Все кончено? — прорыдала с зажмуренными глазами Тафра. — Все завершилось?

— Все кончено, все завершилось, — заверила ее Котта. Она перерезала ножом пуповину.

Я дала Тафре улечься на спину, и вскоре Котта мягко нажала на ее тело, и из него вышел послед.

Затем тишину нарушил другой шум, волнение, которые донеслись из забытого мира за пределами палатки.

— Они вернулись, — произнесла как во сне Тафра.

— Вернулись или нет, а ты теперь отдыхай. Эттук может и подождать со знакомством с собственным ребенком.

— Его сын, — проговорила Тафра. Она даже не открыла глаз, чтобы посмотреть на него, и все же она знала, что теперь находится в безопасности... Мать воина.

* * *

Я выскользнула из палатки посмотреть на них, идущих между скал, и ощутила головокружительное презрение. Они были пьяны, окровавлены и потрепаны, словно ястребы после боя в небе; они откидывали назад свои головы с рыжими косицами, чтобы напиться из кожаных бурдюков. Следом за ними шла цепочка долинных лошадей, нагруженных награбленным добром: оружием, едой, драгоценностями, и связка иноплеменниц, постанывающих от скотского обращения, которое они уже претерпели, и предчувствия того, что еще грядет. Они тоже были рыжими, из крарла, родственного этому.

Они перепрыгивали через изгородь, сшибая ее камни, и смеялись во все горло. Скоро выйдут из своего укрытия женщины крарла трепетать, восхищаться и устраивать героям пир. Стан из тихого и пустого превратился теперь в сплошное буйство разгула под только-только появившимся на небе солнцем.

Ко мне подошла Котта.

— Я должна пойти посмотреть их раны, — сказала она.

— Их раны? — я ощутила во рту горечь.

— Либо я к ним пойду, либо они придут ко мне. Позаботишься о ней у меня в палатке.

— Тебе лучше сказать Эттуку, что у него есть сын. Ему понадобится сообщить; он слишком мало стоил ему, чтобы он узнал о нем иначе.

— Наверное, даже и этого не стоил, — сказала Котта. — Ребенок мал и слаб. Сомневаюсь, что он переживет этот день.

Я вернулась в палатку и опустилась на колени около Тафры. Она спала, обессиленная, но спокойная, и все же у нее был какой-то неживой вид; часть ее красоты увяла этой ночью, и вряд ли теперь возродится вновь. Мальчик лежал рядом с ней в одной из плетеных корзин, которые они использовали для новорожденных. Я долго смотрела на него, но затем отошла и уселась в глубине палатки. Мой живот и позвоночник пульсировали одной болью, и я уже знала, что моя утроба близка к опустошению. Я не испытывала боязни, наверное потому, что слишком устала. Кроме того, казалось, Тафра родила за нас обеих, настолько ужасными были ее муки. Я не могла поверить, что то, что ожидало меня, может быть столь же тяжелым.

Шум снаружи усилился. Я расслышала женские голоса и шипение мяса на вертелах. День был в самом разгаре.

Через некоторое время острый нож пронзил меня, и потекла без удержу красная жидкость. Я свернулась в комок и оттолкнулась от существа внутри меня, крепко сжав истерзанными руками шест палатки. Если ты хочешь освободиться от меня, тогда уйди, сказала я ему. И, казалось, пришел ответ, очень быстрый и сильный. Это существо слишком большое для меня и никогда не выберется, подумала я, но снова оттолкнулась от него, и мои мускулы затрещали, жалуюсь, и я почувствовала, как оно двигается. Затем последовала короткая пауза, но я ощутила сместившееся биение и наконец оттолкнула его к выходу из всех сил. Казалось, я толкаю с утеса огромный камень; увидела, как он висит, окровавленный, своим внутренним взором. Затем взвыла новая боль, и я вскрикнула, потрясенная ею, долгим криком, который закончился иначе, победно, ибо я поняла, что наконец навеки избавилась от преследующего меня призрака.

Вне меня, но все еще прикованный ко мне, катался сгусток моей ненависти, проклятие, наложенное на меня Вазкором. Я потянулась за ножом Котты и перерезала эту последнюю связь, завязала ее поближе к ребенку, а затем сгорбилась и выгнала из себя послед.

Вот со столь малыми муками и родился мой ребенок.

* * *

Мой ребенок, сын Вазкора.

Вытеревшись досуха губкой, я вымыла его при свете жаровни, глядя на него и все же не видя. Он был очень маленьким, как и сын Тафры, и все же идеально сложенным, вполне здоровым, несмотря на трудности, которые устроила ему я в Белханноре, и другие обстоятельства, подвергшие его испытанию позже. У него была бледная кожа, жемчужная в полумраке палатки, черные глаза, клок черных волос, наследие его родителя (не могу сказать — отца; он случил нас, как другой случает лошадей). Я не испытывала никаких чувств — ни ликования, ни неприязни. Я удалила мертвого младенца Тафры из его плетеной гробницы и заменила его своим. Я не размышляла. Поступок этот казался логичным, четким и очень ловким.

Он махал мне ручонками и терся беспокойной головкой о мягкую подстилку корзинки.

Когда Тафра станет сильнее, она очнется и даст ему молока, и он возмужает среди палаток Эттука, темноволосый, темноглазый, бледнокожий из-за своей умыкнутой матери-иноплеменницы, обладающий — какими дарованиями? Об этом я могла лишь догадываться. Какую гадюку я могла оставить им — какого змея, что ужалит их спустя долгое время после моего ухода. Догадается ли Котта? Наверное, она, которая, казалось, видела, сразу заметит разницу и поймет — но кто ей поверит? Уж Тафра-то не попуст.

Я завернула мертвого младенца Тафры в одно из одеял, подняла этот сверток и подошла к пологу палатки. Пир весело шел на некотором расстоянии от этого места — дым костра, шум, движение, пение.

Я проскользнула между камней, добралась до неохраваемой изгороди и перелезла через нее.

Я ни в коей мере не ощущала ни слабости, ни раскаяния. Мое решение было слишком быстрым, слишком вне-

запным, и все же, я думаю, я давным-давно уже знала про него, сама того не подозревая. Во мне не шевельнулось ни малейшего сомнения по поводу того, что я сделала.

Путь из крарла был крутой и ненадежный. Прокарабкавшись примерно с полчаса, я почувствовала усталость и физическую боль. Удалившись за пределы стана на значительное расстояние, я уползла в глубокую расщелину, загороженную нависшими над ней высохшими на солнце кустами, и уснула.

Когда я проснулась, надо мной висела черная, как смоль, ночь.

Я выбралась из расщелины и снова зашагала деревянной походкой, по-прежнему сжимая свою ужасную ношу. Наконец мне попался ручей, очень узкий и темный, но почва здесь под ногами казалась помягче. Я выкопала в земле могилу для принесенного мной существа, а затем направилась вниз по течению, нежа ступни в прохладной воде.

Я подошла к лесу ближе к полуночи. Луна отбрасывала прозрачный индиговый свет, и стволы высились, словно тусклые темные колонны, покрытые беспорядочной резьбой и поддерживающие лунный свет на сплетенных ветвях. Под моими ногами — мхи, камни и проросшая между ними трава. Теплая, безмолвная ночь.

Мне и в голову не приходило, что за мной могут послать погоню. Они упивались своей победой, и, кроме того, я не представляла большой ценности. Я снова улеглась спать под открытым небом, не думая ни о людях, ни об охотящихся животных. Вообще ни о чем не думая.

Утром, плеснувшим с неба тонким золотом, я пробудилась и поняла, что я не только свободна, но также в первый раз с тех пор, как вышла из Горы, действую в одиночку. Без внешних причин, без влияния со стороны других — действие, задуманное и исполненное по моей собственной воле.

Утренний холодок, тяжесть молока у меня в груди, боль между бедер казались ничтожной ценой в уплату за это.

5

Небольшая горка прислоненных друг к другу камней.

Столь знакомая, однако, я не могла вспомнить, откуда, когда лежала под деревьями, глядя на эти камни. За ними

— журчание ручья, вдоль которого я шла ночью раньше. Да, наверняка в этом и заключался ответ: камни означали близость воды. Мое тело и рот истомились от жажды. Я поднялась, скрипя каждым своим суставом, и пошла между деревьев к камням, и посмотрела вниз на стремительно струящийся здесь золотистый и словно прозрачный ручей. Сняв черную «рубашку», я стояла по колено в потоке, омывающим прохладой мне кожу, и пила из сложенных ладоней до тех пор, пока намокшая вуаль шайрина не облегла мое горло, а влажные волосы не прилипли белыми прядями к коже. Я провела рукой по животу, кожа все еще дряблая после родов, тем не менее быстро натягивающаяся. Вскоре мускулы и плоть будут твердыми и гладкими. Я с моим уникальным даром исцеления ликовала, плескаясь в ручье.

Медленно я стала сознавать чужое присутствие. Подняв наконец взгляд, я встретила пару ледянисто-желтых глаз. Не думала раньше, что желтый оттенок может быть таким холодным. Вокруг глаз серополосый мех звериной морды, над челюстью выступают острия зубов, уши с кисточками прижаты к голове — дикая кошка горных долин и, вероятно, голодная.

Мы уставились друг на друга, эта хорошо снаряженная, хорошо оснащенная тварь и я, обнаженная, в воде, без ножа для защиты и без оставшихся сил оглушить или убить. В другое время я бы сочла эту кошку очень красивой. Она начала грациозно двигаться по берегу ко мне, сосны за ней упирались в небо, отбрасывая теперь тени, полосатые, как ее шкура. В последний миг она отвела взгляд, опустила голову и принялась пить из ручья, футах в двух отсюда, где стояла я. Я чувствовала ее мускусный запах. Ее язык делал быстрые розовые движения, напоминая мне кошку Уасти. Через некоторое время она подняла морду, всю в бисеринках воды, повернулась и прыгнула назад, туда, откуда пришла, исчезнув в лесу за прислоненными камнями.

Удача. Возможно, она все-таки уже наелась и не нуждалась в моем мясе. Я начала неудержимо дрожать, выкабкала из своей ванны и терла тело пригоршнями сухой травы, пока это действие и теплое солнце не высушили меня.

Натягивая «рубашку», я задела рукой кучу камней. Один мелкий камешек выскочил и упал в ручей, где тече-

ние унесло его. Я следила, как уносится камешек и сразу увидела на его месте стрелу, и вспомнила ручьи над ущельем, реку в лесу, в которой уплыла стрела Кела, сломанная пополам, потому что она прикоснулась к злему месту. *Алтарь для закляний — древний, как само ущелье. Говорят, будто тот или иной черный бог все еще обитает здесь...* А я лежала здесь, ликуя, и дикая кошка не тронула меня.

Свобода была такой недолгой, несмотря на мою радость. Нет никакой свободы. Темное проклятье было со мной повсюду, куда бы я ни пошла.

Я побежала от ручья через утренний лес. Птицы разлетались с моего пути. Когда я не смогла больше бежать, то пошла быстрым шагом, стремительно и не особенно думая. Крутой путь и много деревьев. У меня отсутствовало всякое чувство направления. Я сорвала с куста несколько ягод и заплакала, как избалованный ребенок, когда боли в желудке стали досаждают мне.

Прошел день, и пришла ночь, когда я находилась высоко на скальной дороге, карабкавшейся из леса к темнеющему небу. Спала я в пещерке, свернувшись клубком, так как места там было мало, и мне снилась беломраморная спальня, где я лежала на шелковой постели, а рядом со мной качался в золотой колыбели ребенок. Розовый голубоглазый ребенок с челкой желтых волос.

— Это ребенок Асрена Джавховора, — сказала я, а затем открылись двери, но темный человек в черной маске подошел ко мне, подняв меч, фаллический и угрожающий. Меч свистнул и рассек колыбель. Я увидела, как кудрявились на загривке сильной шеи черные волосы, ибо убийца был Дараком.

* * *

Я не знала, куда направляюсь, хотя и догадывалась, что должна была давным-давно покинуть путь, называемый эттуковцами Змеиной дорогой; не осталось никаких следов проселка. Это был опасный край, населенный дикими зверями и дикими племенами вроде эттуковцев. И все же я не видела никаких людей, и они, надо полагать, не видели меня — или же они уволокли бы к себе для развлечения. Животные, которых я мельком видела, относились к робкому десятку: стройный длинноногий олень, извиваю-

щиеся гибкие серые змеи, птицы и рыжевато-коричневые белки. Один раз в сумерках четверо волков пробежали в расселине в скалах далеко вниз и побудили меня выбрать для сна более глубокую пещеру. Через панорамы холмов и лесов по ночам доносилось глухое эхо странных лаев и визгов разных тварей. Я чувствовала, что мне нет места в этой обжитой местности, посторонней, лишенной способности выжить. Я съела красные ягоды, вызвавшие у меня рвоту, и поняла, что отравилась. Подол моей «рубашки» порвался на колене, а остальная одежда истрепалась и изнашивалась. Я пила из прозрачных ручьев или коричневых зеркал крупных прудов, где в сумерках квакали лягушки. Молоко во мне начало высыхать.

Десять дней я путешествовала без удобств, без определенного направления и без всякой цели. На одиннадцатый день местность начала меняться. Она стала ровной и плоской, камни постепенно ушли в почву. Из темного мира, угловатого от камней и сосен, она стала серо-зеленым пологим миром.

Двенадцатый день. Нет больше острых горько-сладких запахов высот, только в ноздри лезут раздражающие дымы-туманы; туманы настолько разряженные, что их едва удавалось разглядеть. Небо походило на раскаленный металлический щит над множеством прудов, зарослей камыша, болот, ручьев. Птицы кричали по-иному. Жужжали тучи насекомых. По ночам я ложилась там, где земля была суше всего, не думая о безопасности, и беловатый фосфор тумана двигался между полосками воды. Я добралась до болот.

* * *

На пятнадцатый день, мой четвертый день в болотах, я ослабла и стала раздраженной. Вода совершенно не годилась для питья — я попробовала ее и *поняла*. Не считая ягод, многие из которых оказались ядовитыми, я не ела с тех пор, как покинула кралл Эттука. Мои груди, все еще слегка чувствительные и распухшие от неиспользованного молока, навели меня на мысль попробовать кормиться от собственного тела — но они были неудачно расположены для такого мероприятия, а никакого сосуда, кроме моих ладоней, у меня не имелось. После некоторых колебаний я подоила себя, пытаюсь быть одновременно коровой, пастушкой и подойником, и подавленно увидела, как молоко

стекает тонкой струйкой на землю. Я прокляла свои груди проклятием, которому они, к счастью, не поддались.

У меня кружилась голова от гудения moskitov, и я отлеживалась в дневную жару в тени камышей.

На семнадцатый день я вышла к огромному водоему, мелкому, отливающему зеленою, как старый стеклянный кубок. В нем росли деревья, налитые жидкостью, древние дули из коричневого мрамора, роняющие в заросли камыша длинные мягкие листья. Я стала пересекать этот водоем, грязь засасывала мои подошвы, зелень доходила мне до колен. Серая жара слепила глаза, и я сперва подумала, что силуэт впереди мне померещился. Затем я решила, что это высокое дерево с особенно толстым стволом, потом — что это целая роща. Наконец я сообразила, что это — развалины башни из старого белого камня, а вокруг башни — клин твердой земли. Я стояла совершенно неподвижно и прислушивалась. И услышала сквозь гудение насекомых и слабое вязкое плюхание воды звуки — звуки знакомые, но нежеланные. Человек.

Словно зверь, я сгорбилась за ближайшим деревом, боясь охотников. И, как у зверя, во мне шевельнулась единственная связная мысль. Человек. Пища. Там, где обосновался он, обосновались и его кухонные котлы и палатки, даже здесь, в болотистом крае.

Идя теперь очень тихо, я прокралась к острову. На берегу я поползла среди камышей и вперед через густой подлесок. Я залегла в сорока футах от развалин башни, почти распластавшись на земле, и осторожно выглянула. И увидела их.

Крарл, это я сразу поняла, и все же...

Они не принадлежали к породе Эттука, это уж наверняка. Волосы они отращивали длинные, не заплетенные в косы, блистающие, словно черный огонь, а кожа у них была очень темной, почти такой же черной, как эти волосы. Видя, как они двигаются вокруг костров, среди палаток из черных шкур, сами в черных одеждах, я могла определить, что они обладают природной грациозностью движений, физической красотой, узкой, твердой, скульптурной внешностью, заставлявшей их казаться нереальными. Белая башня, черное племя, блеск металла, украшений и огня. Да, еще один кочевой народ, путешествующий через болота на восток, как собирался сделать крарл Эттука. И все же они двигались не по Змеиной дороге.

Я пролежала в своем укрытии весь день, следя за ними, дожидаясь темноты. В целом они казались очень молчаливыми. Высокие, тонкие, серьезные дети играли в игры с белыми квадратиками, сидели, скрестив ноги, при входе в палатки. К закату женщины приготовили еду на отдельных кострах и сели ужинать со своими мужчинами. Я сильно проголодалась. Я начала замечать только то, что они делали с пищей. По воде капали красные солнечные пятна. Я прикусила язык и, преодолевая голодное жжение в желудке, погрузилась в дремоту.

* * *

Вода, деревья и остров мерцали в темноте бирюзой. Похоже, они не выставили никаких часовых.

Крадучись, я добрела до основания башни. Ни единого звука. Я кралась вперед, пока не добралась до заваленных углей первого костра. Ранее я заметила стадо коз, голов эдак в двадцать, в загоне по другую сторону башни и, продвигаясь к ним, я напряглась, опасаясь, как бы они не начали блять (обычно они лучше сторожевых псов), но я явно не потревожила их козьего сна. Я поискала у костра остатков пищи и ничего не нашла. В отличие от эттуковцев они, к несчастью, не небрежничали с едой. Значит, делать нечего, придется пробираться дальше в стан.

Я рыскала среди палаток из шкур, широко раскрыв глаза. Между тускло-красными корками угольев я поискала потщательней и нашла россыпь безвкусных крошек. Лошади — у них ведь наверняка есть с собой лошади? И, наверно, припасы могут быть там — однако у них не оказалось ни лошадей, ни фургонов, ни телег. Я остановилась у палатки, подняла полог так медленно, что и он, и мои пальцы, казалось, закрипели, словно ржавая дверь. Внутри — чернота, черные свернувшиеся фигуры и спокойные звуки их сна. И моя рука змеей устремилась вперед, прежде чем я смогла ее остановить. У полога лежали на блюде три сероватых лепешки и кувшинчик с водой. Возможно, они поставили их тут персонально для меня. Я смогла сделать лишь одно — удержаться, чтобы не съесть их тогда же и тут же, в столь небезопасном месте. Я заставила себя уйти прочь, за пределы стана, обратно в мое убежище. Там я напилась вволю и набила рот едой, которая, несмотря на свой цвет, приятно отдавала медом. Впервые мне

довелось быть по-настоящему голодной. Утолив голод, я выкопала в мягкой земле ямку и зарыла в ней пустой кувшинчик. Медленно зайдя в воду, я, осторожно ступая, вернулась к убежищу из согнутых деревьев, удаленному от острова. Люлька из низко опущенных ветвей послужила мне постелью. Я заползла в нее и, несмотря на бушевавшую в животе боль, внезапно провалилась в сон.

* * *

Моя уверенность, что они не заметят кражу, была опрометчивой: для не слишком богатого кочевого народа всякие жизненные блага полагалось учитывать.

Утром раздались пораженные крики, хотя и недолгие. Они отнеслись к своей потере философски. Искать не отправился никто.

В тот день они собрались и двинулись дальше, прочь от башни, пешком, неся свое добро. На землю опустился тяжелый туман, и по какой-то причине я под прикрытием его последовала за ними. Наверное, меня толкала потребность в пище, хотя она на данное время исчезла. И все же я не знала, сколько мне надо путешествовать, прежде чем я доберусь до чистой воды и съедобных ягод. Или, наверное, в то время я настолько привыкла жить среди людей, что мне требовалось их присутствие неподалеку от себя. Мне не понравилось время, проведенное мной в одиночестве в горных долинах. Что-то меня притягивало; вероятно, близость людей упорядочивала сумбурность моей жизни.

Мягкая почва приглушала почти все звуки, белые туманы держались, и следовать незамеченной было легко; если же я теряла их из виду, то могла найти их следы. Думаю, мне также доставляло странное удовольствие охотиться за ними подобно зверю. Особенно потому, что они почуяли меня и забеспокоились. Козы, женщины и дети шли теперь в середине колонны, а тридцать с лишним мужчин двигались вокруг них с длинными острыми копьями в руках. Я не могла толком понять их речи, которая опять оказалась новой для меня, но из отдельных слов уразумела, что, по их мнению, за ними и впрямь следовал зверь, один из горных хищников, забредший прочь из-за голода в болото, где не водилось ничего свирепей ящериц длиной с ладонь.

Я свалила дурака, держась позади них, коль скоро узнала, что они думают, но, возможно, я *стала* в диком лесу полузверем — наверное, полукошкой, после той встречи у горки камней. После трех дней нашего путешествия туман рассеялся, и я отстала, укрывшись в зеленоватых очень высоких камышах. Они разбили стан задолго до заката на участке твердой земли, в некотором отдалении от того места пряталась я. Этот край был лучше и чище. Вдоль окоема тянулась река. Камыши шелестели хрустящим, а не вялым звуком.

Горело много костров, в которые они совали свои острые деревянные копыя, чтобы придать им твердость. Они вели себя деловито, пользовались очень немногими принадлежностями, и некоторое время я не могла уразуметь, что они готовятся к охоте.

Затем холодный страх. Однако по-прежнему больше звериный, чем какой-либо еще. У меня в мыслях не было пойти в их стан — ни разу не подумала об этом. Теперь я повернулась и стала маневрировать, пробираясь в камышах.

Полагаю, я оставила следы — помятые и поломанные камыши. В конце концов, они же были охотники. Солнце опустилось низко, когда я почуяла позади первые признаки их приближения.

Среди высоких камышей я заблудилась, и мои чувства подвели меня; казалось, я слышала, как они идут ко мне сразу со всех сторон. Я ударилась в панику и забегала кругами. Когда первая темная фигура раздвинула зеленую завесу, я низко пригнулась к земле и гортанно зарычала, потому что не могла вспомнить никаких слов, став воплощением гнева, страха и ярости. Я не сознавала тогда, что дикие края лишили меня последних признаков человеческого начала. Другие фигуры вышли из камышей и стояли не двигаясь, так же, как стоял первый.

Воцарилось долгое молчание, и в этом молчании кошачий страх и ярость овладели мной. Я выпрямилась и посмотрела на ближайшего охотника. Лицо его было совершенно неподвижным, почти вырезанным, и все же он был удивлен; его глаза сразу выдали это. Он что-то сказал мне. Я не поняла. Покачала головой. Он сделал руками жесты, и через некоторое время я сообразила, что он спрашивает: «Ты следовала за нами?» Я кивнула. Он улыбнулся и махнул рукой в ту сторону, откуда они пришли, а за-

тем показал на меня, подняв брови. Невероятно. Он сказал: «Желаешь пойти с нами?» Они были со мной добры и терпимы, и я не могла понять этого. Я отрицательно покачала головой. *Нет*, я не хотела идти с ними. Опрометчивый поступок, они ведь могли и убить меня. Но они не убили. Он кивнул, повернулся и пошел прочь через камыши, а другие охотники последовали за ним.

Я все еще не верила в случившееся несколько мгновений после того, как они скрылись.

Затем до меня дошло, что именно мне предлагали и кто. Я побежала за ними и догнала их среди камышей, они обернулись и вопросительно посмотрели на меня. Я чувствовала себя, словно глупый ребенок, когда кивнула им. Вожак снова улыбнулся и пошел дальше со своими людьми, оглянувшись только раз, посмотреть, следуя ли я за ними.

Часть II: Край моря

1

Через день после того, как я пришла к ним, черное племя добралось до реки, которую я видела на окоеме, и переправилось через коричневые воды, либо вплавь, либо с помощью тех, кто умел плавать. На другой стороне стояла стена спутанных камышей, а за ней простиралась сухая выгнутая равнина, усеянная множеством деревьев с гибкими ветвями — разновидность яркой ивы, — полощущих свои известняково-зеленые волосы в тех водоемах, которые здесь еще сохранились.

Они разбили палатки, привязали и подоили уверенными руками коз. Я мало что узнала о них, за исключением того, что народ они спокойный, нелюбопытный и щедрый, что быстро стало очевидным. Когда я последовала за их вождем в крарл, они смотрели, а не пялились на меня. Они предложили мне еду, от которой я отказалась, поскольку больше не испытывала голода. Из их речи я ничего не могла понять, но с помощью жестов и мимики они дали мне знать, что я вольна путешествовать с ними и делить с ними убежище. Взамен они не просили ничего. Они

показали одну из черных палаток, где я должна спать в обществе двух молодых незамужних женщин. Я подумала, что тех это может возмутить, но они не проявляли никаких признаков негодования. Одна из них взяла меня с собой, показала уединенный пруд, где я могла вымыться, и дала мне черную одежду взамен моих лохмотьев. Я уже забыла, как управляться с длинным подолом: среди камышей и куманики ткань зацепилась за колючку, и я споткнулась. Девушка схватила меня за руку и помогла освободиться, степенно улыбаясь, когда я поблагодарила ее. Я думала, что разница в цвете нашей кожи может сделать меня объектом ненависти, однако не почувствовала в ее прикосновении никакой неприязни. Она заставила меня понять, что ее зовут Хуанхад.

Сумерки окутали камыши, и тогда она приготовила небольшую трапезу на костре у нашей палатки. Две девушки уселись есть и снова предложили мне пищу. Я покачала головой. Хуанхад показала на мой шайрин. Похоже, она думала, что я не могу есть в нем. Женщины черного крарла ходили без масок, но явно были знакомы с женскими табу других племен; Хуанхад не пыталась снять с меня маску, хотя и помогла мне снять изодранную «рубашку». Я снова покачала головой, и они вернулись к еде.

Спать они отправились рано, но сперва поместили у полога три сероватых лепешки и кувшинчик с водой — совсем как в тот раз, когда я пришла к ним, чтобы украсть пищу. Той ночью это меня озадачило, но позже, когда я стала понимать их язык, то выяснила, что лепешки и вода являлись подношением их богам, выставляемым каждую ночь во всех палатках, чтобы любое скитающееся божество могло поесть и выпить, если оно случайно наткнется в темноте на крарл. Неудивительно, что когда они обнаружили исчезновение ритуальных лепешек, то подняли крик.

Утром, прежде чем мы направились к реке, к палатке подошел их вождь. Он сумел сообщить мне о предстоящей переправе и о том, что племя направляется на восток, однако не к плодородным землям, как я думала, а к морю. Его звали, как он объяснил, Квенекс, и он вежливо выразил желание узнать, как зовут меня. Так как я плохо понимала их речь, личное имя могло быть существенно важным, наверное, даже могло спасти мне жизнь, если меня окликнут во время опасности. Я указала, что никакого

имени у меня нет. Он не проявил особого удивления. Мягко коснувшись моего лба, он произнес единственное слово: «Марда». Так, как я выяснила впоследствии, у них называлась слоновая кость.

* * *

Мы провели два дня, путешествуя по ивово-зеленой стране за рекой. Мимо нас струились небольшие речки, направляясь, как и мы, к морю. В сумерках второго дня, выходя из-за деревьев, я увидела у ручья ниже по склону небольшой табун лошадей. Они были дикими, в этом не могло быть никаких сомнений, равно как и в их красоте; не относились они и к породе лошадей-людоедов из долин Эшкорека. Их длинные морды опускались и подымались, изогнутые шеи поворачивались, а черные овальные самцветы глаз пристально смотрели на людей. Я думала, что они прыгнут в ручей и убегут от нас по обычаю всех диких лошадей, но они не сделали ни единого движения с целью ускакать. Мы тихо прошли мимо них, и они уступили нам дорогу. Я увидела, как Хуанхад протянула руку, а черная шелковая голова потянулась в свою очередь к ней, задев ее плечо. Их вожак кивнул Квенексу, когда тот шел мимо. Лошади не казались ни испуганными, ни надменными. Наверное, они чувствовали, что, по крайней мере, эти люди не вскочат им на спину, не станут их душить, объезжать и выжигать их сильные легкие в угоду войне или человеческой корысти. Думаю, мне не померещилось, что от меня они отвернули головы, вежливо и с достоинством игнорируя мое существование.

Еще через три дня равнина уступила место известнякам и зарослям колючих деревьев. В воздухе наблюдался странный привкус близости моря, которого я еще не знала. Что искали они на соленых берегах, я тоже не знала. Они были народ молчаливый. Меня они не отвергали, но и не заводили со мной панибратских отношений. Наверное, именно из-за этой мягкости и этого защищенного одиночества, а может быть просто потому, что пришло время, началась моя печаль. Никак иначе я не могу определить это состояние. Я не плакала и не предавалась внутренним терзаниям. Меня сковала тяжесть. Она была не сожалением — сожаления бесплодны, и не отчаянием — отчаяние не обязательно беспричинно. Она не была ужас-

ной или невыносимой, хотя причиняла боль. Это ощущение продолжалось три дня и две ночи. И до тех пор, пока оно не прошло, ничто другое меня не беспокоило. А потом я заплакала.

На шестую ночь я ела с Хуанхад у костра; подошла одна женщина и присела вместе с нами, держа на руках ребенка. Я уставилась на этого ребенка сквозь мерцание костра; он был такого же возраста, каким был бы мой собственный ребенок, которого я бросила в крале Эттука усваивать их отвратительные обычаи, мысли и дела. Прежде я никогда не испытывала никакого ощущения потери, ибо он был частью Вазкора, его навязанной мне воли. Я была рада избавиться от него. А теперь я впервые посмотрела на все иначе. Он ведь был и частью меня. И более того, он был индивидуальной жизнью, новым созданным существом, в жизни которого я, в силу уникальных законов природы, заслужила право принять участие. А я пренебрегла этим правом, выбросила этот подарок, отождествив его с ненавистным трудом.

Я встала и медленно отошла от костра в заросли колючих деревьев. Я цеплялась за них и горько плакала в ошеломленном расстройстве чувств. Однако все это время холодный голос у меня в мозгу шептал: *«Это пройдет, дура. Это пройдет. Такое в это время не для тебя»*.

Я заснула среди деревьев, ощущая вкус соли у себя на губах от слез и от морского ветра, а когда проснулась, то, думаю, поняла, что и слезы-то для меня были роскошью, я не имела права плакать. Я подумала о воине, каким он станет, и о том, как он будет защищать Тафру — свою мать, от глумящегося племени. Я хорошо поступила, оставив ребенка с ней. И было легко отдать то, чего я не желала.

И все же, когда я шла в тот день к неизвестному морю, все призраки и грехи моей жизни являлись воочию и терзали меня. Я мчалась на колеснице в Сиркуниксе, смотрела, как умирает Дарак, размахивала мечом в битвах Вазкора, пятилась от алого омута его могилы. Подо мной пронзительно ржали белые кони, падали, защищая меня, люди с лицами Маггура, Кела, Мазлека и Слора.

На закате подошла Хуанхад и мягко коснулась ладонью моей руки. Я теперь достаточно знала их язык, чтобы понять почти все сказанное ею.

— Что у тебя за беда, Марда? Ты бродишь одна — бормочешь про себя; у тебя жар?

— Да, — сказала я, — это всего лишь жар.

Я ушла в палатку и легла, уставясь на тени до тех пор, пока меня не сморил сон, и я не полетела на огненных крыльях над черными утесами своих сомнений. Внизу огромная полоса воды, наморщенная лунным светом. Я парила над ней и летела на юг, видела побережье, усеянное разрушенными белыми, как кость, городами. Я развернулась к ним и полетела над черными яркими валами моря, туда, где пена рассыпалась серебром по дюнам и бастионам гребенчатых скал, похожих на разбросанные тела драконов, орлов, великанов.

Но из белого скелета городов поднялась фигура — Дарак? Вазкор? Он взлетел ко мне, размахивая черными крыльями, и улыбнулся мне, широко разведя руки, — не обнять, а не подпустить меня. Все ближе и ближе — теперь я хорошо разглядела его, косички его черных волос, шрамы на обожженной солнцем коже, племенные украшения, нож на поясе.

— Твой сын, — крикнул он мне через разделяющее нас воздушное пространство. — Воин Эттука! Нравится тебе то, чем ты меня сделала? Я убил сорок мужей, и у меня четыре жены и тринадцать сыновей, а через три дня я погибну от иноплеменного копья меж ребер. Я мог бы быть принцем в Эшкорек-Арноре или в Эланне. Я мог бы быть королем с подчиненной мне армией, прекрасными женщинами, ублажающими меня, и Силой заставлять всех людей поступать так, как я желаю. Нравится тебе то, что ты сделала?

И он выхватил из-за пояса нож и, взмахнув сильными крыльями, развернулся и метнул его. Он полетел ко мне сквозь тьму.

— Он не способен убить меня, — сказала я.

Но затем я увидела нож таким, каким он был на самом деле, или каким он стал. Нож с алтаря под Горой — тот клинок, который мог прекратить мою жизнь, который показал мне Карраказ — Нож Легкой Смерти. Его холодное острие вошло мне в грудь, такое острое, что я не почувствовала его. Я вскрикнула, когда оно по рукоять вонзилось в мое тело.

И нашла вместо смерти лицо Хуанхад и рассвет.

2

В тот день мы достигли моря.

По выходе из болот погода все время была странной для лета — серой и пасмурной — и все же зачастую очень

жаркой. Теперь же в полдень небеса все еще хмурились; на контурах деревьев просматривалось предгрозовое свечение. Дорога уже какое-то время шла под уклон. Пересеченная луговая местность вытянулась в тенистые долины. Затем впереди на фоне этого серого света появились силуэты скального хребта, а за ними — слабо-розовая лиловость, словно меловая черта на небе.

Хуанхад остановилась и закричала: «Море! Море!»

Другие подхватили ее крик, употребляя иные слова, которые я еще не освоила. В первый раз я видела их, проявляющими что-то, похожее на волнение. Дети скакали и смеялись, а козы шумно блеяли. Квенекс поднял руку и призвал нас продолжать путь, и обычный ритм ходьбы возрос до рысего темпа. Я спешила вместе с ними, но не вполне понимала зачем. Эта грязная цветная линия для меня ничего не значила, а после моего сна возникло, кроме того, и нежелание.

Через несколько минут облачный покров разорвал раскат грома. По открытой земле ударила медная молния, и полил большими тяжелыми каплями дождь. Капли тепло падали на нас, сперва редко, но постепенно чаще и чаще, пока мы не стали продвигаться сквозь кольчугу тепловатой воды, барабанной дробью молотившей по нашим головам. Молния вызывала розовато-белые просветы во внезапно наступившей темноте. Я не видела, куда мы идем, но меня не покидала уверенность, что все мы свалимся с края какого-нибудь утеса, как сведенное с ума стадо свиней.

Но они слишком хорошо знали дорогу. Хуанхад крепко схватила меня за плечи и заставила остановиться, и я обнаружила, что племя рассыпалось цепочкой вдоль вершины утеса примерно в ярде от обрыва. Поэтому я посмотрела вниз и увидела море, простиравшееся далеко-далеко от отвесной гряды скал в двухстах футах под нами. На другой стороне в воду врезались призраки других мысов, бледные в струях дождя. Впереди — кипящий котел, волнующийся, беспредельный, исполосованный всеми цветами меняющегося неба, соединенный у последней видимой черты с тонкой зеленой глазурью пены и фиолетовой дымкой. Истинная красота всегда удивительна своей необычностью.

Тут я поняла, что раньше знала море, о чем меня должен был предупредить мой сон. Я медленно повернула голову на юг, надеясь увидеть обломки белых костей того Го-

рода, но глазам моим мешала стена из дождя и утесов. Я не нашла на юге ничего, кроме пустой земли, каменных берегов и скульптурных очертаний волн. Однако моя Сила исчезла. Откуда же я могла знать?

Хуанхад мягко коснулась моего плеча.

— Море, — прошептала она. — Здесь тебе будет лучше, Марда.

Через некоторое время Квенекс позвал их, и они один за другим повернулись к нему, словно с неохотой отводя взгляды от моря. Мы потащились сквозь дождь параллельно обрыву. Я спотыкалась о белые выступы известняка. Мы шли по кривой и вверх, и внезапно впереди вырос белый силуэт, приземистый, потрепанный, и мы добрались до обвалившейся башни, открытой дождю и с брешами в сотне мест. Наверное, в былые дни она была сторожевой или маячной. У нее имелось что-то общее с той башней на болоте, где я впервые нашла их крарл.

Дождь начал стихать так же быстро, как и полил. При последней мороси племя образовало кольцо в нескольких футах от башни вокруг ее основания и стояло совершенно неподвижно, словно ожидая. Воцарилось молчание. Над небом мерцали грязновато-розовые огни. Было что-то тайное, загадочное и даже мистическое в том, как они стояли вокруг башни. Я, дрожа, вышла из их круга и тоже ждала.

Квенекс поднял руку, один лишь узкий черный силуэт на фоне бледных обвалившихся руин. Он отдал честь башне. А затем двинулся к одному из проломов, нагнулся и зашел внутрь.

Далеко в море свирепо кричала чайка. И никакого иного звука.

Квенекс вышел из башни, в руках он нес деревянный бочонок, покрытый белой крошкой от лежавших на нем сверху камней.

С помощью ножа он отковырнул крышку. Крышка отвалилась. Внутри — тусклый отблеск, какой-то предмет — металлический?

Он вынул его на свет, и предмет оказался большой книгой, переплетенной сплошь листовым золотом. Сперва во мне шевельнулась лишь память об Эзланне, За, Белханноре и книгах Асрена Джавховора, украшенных множеством самоцветов, сверкающих при пламени свечей и бесценных. Квенекс вынес книгу и обошел круг, подходя по

очереди к каждому из них, и каждый мужчина, женщина, ребенок очень осторожно прикасались к книге, словно она была для них слишком горячей или слишком холодной. Тут я и вспомнила, что мне рассказывала Уасти, целительница караванщиков, о бродячем племени и золотой книге, содержащей легенды о Сгинувшей Расе. Сердце мое ударилось о ребра. Я потянулась через круг и положила всю ладонь на поверхность золотой книги. Квенекс посмотрел на меня. Он позволил мне прикоснуться к священному предмету, но большего он сделать не разрешит. Уж это-то я видела. Что там сказала Уасти? Никакой женщине не дозволялось заглядывать в нее. Однако я почувствовала надпись, смазанную временем и множеством прикосновений, ощутив ее ладонью, словно ползущей змеей. Я подняла руку и увидела те слова, какие были написаны по зеленой пыли на полу фургона.

БЕФЕЗ — ТЕ — АМ. В этом — Истина.

Затем Квенекс отошел от меня, поднося книгу другим, ждавшим не двигаясь и томясь.

Я содрогнулась и, прежде чем смогла остановить себя, рассмеялась. Они, казалось, не заметили этого. Они, мирные черные из болот, которые носили грех и печаль того, что создало меня, которые поклонялись анналам гордыни и глупости; анналам, которые, наверное, являлись ключом к моей утраченной Силе, к тому, что я должна узнать о себе, и даже к местонахождению зеленого утешения, сродственника моей души, Нефрита.

* * *

Огромный красный гонг, быстро опускавшийся на луга в глубине суши, был первым и последним появлением солнца, увиденным нами в тот день. Свои черные палатки они разбили между морем и башней и по тянувшейся за ней кремнистой поросшей кустарником местности. Их бивачные костры протестующе шипели и коптили на мокрой траве. Они занялись своими обычными делами, за которыми я видела их каждый вечер, и все же я пробыла с ними достаточно долго, чтобы ощутить в их действиях нечто иное. Женщины болтали больше обычного, а мужчины — меньше. Дети бегали и кувыркались по лугам, где козы щипали траву и таращились на них яркими и безумными глазами, улавливая носившееся в воздухе предвку-

шение чего-то необычного. Когда полностью стемнеет, будет какая-то церемония, пир или ритуал. Какое-то ликование, имевшее отношение к морю и древней книге.

Книга. Я была одержима ею. Она лежала сейчас в палатке Квенекса, и вокруг нее стояло кольцо воинов-охранников. Охрана эта диктовалась больше традицией, чем чем-либо иным; в конце концов, кто же в племени нарушит покой Книги? Однако я не могла прорваться сквозь цепь из копий и людей. Я рыскала по лагерю, переходя от костра к костру, пытаясь уловить обрывки их разговоров и понять их. И ничего не узнала.

Овальная луна пронзила тучу, и море под ней вспыхнуло белым от края до края. Под нами разбивались с легким содроганием могучие валы.

Их трапеза закончилась. Женщины смеялись. С козых пастбищ прибежала стайка детей с охапками бледных цветочков. Они бросили их, и я увидела лежащие на траве бесчисленные гирлянды. Их подбирали женщины и надевали на головы себе и своим мужчинам. Что-то заставило меня стать напряженной и испуганной, и я отступила от них вдоль утеса. Я видела слишком много церемоний, непонятных, ненавистных и пустых, чтобы приветствовать эту. Ко мне подошла Хуанхад, а чуть позади нее шел воин, оба в гирляндах. Она протянула цветы и мне тоже.

— Ты — не из наших, — медленно произнесла она так, чтобы я поняла, — но ты вполне можешь порадоваться вместе с нами, если желаешь.

Моя рука оставалась, словно примерзшая к боку, но я подумала о Книге. Протянув руку, я взяла цветы, надела их поверх волос и поблагодарила ее. Они повернулись и пошли обратно в стан, и я последовала за ними.

На лугу развели новый костер, немного поодаль от башни, и теперь они образовали вокруг его дымного пламени новое кольцо, взявшись за руки. Высокий мальчик, лет эдак пятнадцати, заиграл на длинной узкой дудке, сделанной из прочного стебля какого-то камыша. Из этой дудки полились странные тонкие звуки, не имевшие ничего общего с мелодией. Кольцо принялось раскачиваться то в одну, то в другую сторону. Хуанхад, ее воин и я проскользнули в круг. Руки расцепились, чтобы принять нас, а потом снова сжались. Я раскачивалась вместе с ними, и костер замельтешил в глазах, вой камышовой дудки спутал мои мысли и чувства. Круг тронулся налево и вокруг

костра, сперва рысью, а вскоре и бегом. Я видела за пламенем смазанные лица. Топот ног перекрывал потрескивание влажных прутьев и шум гремящего внизу моря. Внезапно мужской голос закричал за пределами круга. Круг распался, руки расцепились, мужчины, женщины и дети отступили от костра и побежали вперед, вслед за мальчиком с дудкой и Квенексом, который опять нес в руках золотую Книгу.

На небе холодно горела луна, и на фоне все еще голубого неба я увидела тонкие очертания бегущих фигур, растянувшихся вереницей, с развевающимися под серебряными брызгами летних цветов волосами.

Я не знала, ни куда они бежали, ни что все то для них значило. Я слепо следовала за ними, без их экстаза, продираясь сквозь высокие травы и спотыкаясь на острых камнях. Казалось, прошло много времени, и дыхание у меня стало частым, а под грудью покалывало. Я боялась потерять их — я и так уже бежала последней и сильно отстала. Тяжело дыша, я перелезла через белые камни и увидела, что они пропали. Я вгляделась вдоль линии утеса, но никого впереди не было. Я задержала дыхание и прислушалась, надеясь услышать звуки дудки, но и та умолкла. Они могли исчезнуть с таким же успехом.

А затем я догадалась взглянуть вниз с края утеса и увидела, что валы разбивались теперь далеко впереди, оставляя длинный участок открытого берега. Вот на этом берегу и лежало племя, словно люди, отдыхающие после трудного пути, на спине, соединив руки, совершенно неподвижно; сочетание их тел опять же представляло собой круг, выражающий бесконечность, ибо у него нет ни начала, ни конца. На мгновение мне подумалось, что они ринулись туда вниз с утеса и погибли, а затем в центре я увидела высвеченную лунной ступицу этого колеса, которой служила Книга.

Я полезла по скалам в поисках пути вниз. Он оказался ненадежным известняковым спуском, прерываемым естественными террасами. Я рискнула воспользоваться им, цепляясь за расщелины и длинную траву; из-под моих ног со стуком сыпались на берег камни. Вся в синяках и царапинах я приземлилась на последнем отрезке пути, где камень уступил место песку. Я обогнула утес, выбирая тропу рядом с его нижней частью, покрытой зелеными пятнами. Они, казалось, не слышали меня, и я снова гадала, не

мертвы ли они. Однако приблизившись, я увидела, что они дышат, хотя и лежат с закрытыми глазами, словно в трансе. Я коснулась плеча одной женщины, и та не шелохнулась. Перепрыгнув через ее тело, я очутилась внутри круга.

Из-под моих ног разлетелся песок. Я посмотрела на них, но они не очнулись. Во мне снова проснулся зверь, дикое немнящее существо. Я осквернила какое-то их тайное священнодействие, не посчитавшись ни с чем, кроме собственной потребности.

Я подбежала к Книге и опустилась рядом с ней на колени. От волнения глаза мои пронзили черные стрелы. Я распахнула обложку.

И вскрикнула. Я неистово листала страницы — одну за другой. Я не могла поверить своим глазам, не желала им верить. Ибо страницы Книги были чистыми.

О, да, письма в ней когда-то были, уж это-то я увидела, но чернила выцвели. Теперь остались лишь слабые следы на желтизне. И по ним я ничего не могла определить.

Я раскачивалась всем телом, все еще стоя на коленях у Книги, уставясь на черное отступающее море.

Я быстро сообразила, что это племя не то, о котором говорила Уасти, горное племя целителей, обучавших ее. Затем я рассудила, что и эта Книга не та, о которой она мне рассказывала, а другая, наверное, копия, или даже иное произведение. И все же она носила то же самое название и почиталась; должно быть, и она была *какой-то* реликвией Сгинувших — каким-то ключом для меня. Я надеялась. А здесь в результате ничего не оказалось.

Я поднялась на ноги, оставив Книгу раскрытой, ночной бриз слабо ворошил пустые страницы. Я выпрыгнула из круга и пошла на юг вперед по берегу. Если не Книга, то руины рухнувших городов. По крайней мере, они должны здесь быть, ибо где же еще племя обнаружило бы свою реликвию?

Я устала, шла с полужакрытыми глазами, еле волоча ноги. По краю моря я оставляла свои следы, кружевные веера пены холодили мне кожу, рос древний рыбный запах воды. Песок сменился галькой, а потом — более грязным песком. Я бросила гирлянду в море и смотрела, как волны уносят ее, а затем приносят обратно ко мне.

До меня дошло наконец, как горька была ирония Книги, провозгласившей: «В этом — Истина». Ибо в ее выбе-

ленных страницах и заключалась истина. Что такое истина, кроме как нечто выцветшее, потерявшее свой облик, ставшее нечитаемым и неразличимым, чистый лист, где люди могут написать все, что пожелают.

* * *

Под ногами теперь — сплошная галька и осколки белого камня. Ночь подходила к концу и меня настиг жестокий холод приморского рассвета. Большую часть ночи я прошла под нависающими гончарными изделиями великана — утесами, в то время как море дышало, то накатывая в приливе, то отступая в отливе. Один раз мне пришлось забраться на место повыше, за пределами досягаемости воды и спать там, пока снова отступающие волны не разбудили меня, и я продолжила путь. Я шла по узкому участку между длинной полоской воды и высокими неровными каменными стенами.

Из моря поднялись бледно-желтые ноготки солнца, роняющего капли своего цвета на серебряные валы. Кружили и кричали морские птицы.

Я обогнула еще один утес и обнаружила, что он был последним. Передо мной лежал широкий и открытый залив, простирающийся до террас невысоких гор. За заливом вдали — едва различимый в утреннем тумане язык суши, вонзавшийся в море на много миль. Сперва я не увидела белых силуэтов, разбросанных по горам у залива, как и языка суши. Но солнце указало на них холодящим оранжевым пальцем, и я поняла, что нашла с рассветом сившиеся мне города.

Я вошла в холодную воду залива, следуя его изгибу и все же не подходя ближе. Интуиция — все, что осталось у меня от моей Силы, — подсказала мне, что это место очень древнее, древнее, чем Эзлани, Темный Город, древнее даже, чем Ки-Ул, и не только древнее. Оно было необитаемым. Его окружал какой-то атмосферный барьер, оттонявший людей прочь. Далекие предки черного племени некогда все-таки пришли — и нашли Книгу. Наверное, приходили и другие — ненадолго, однако, никогда не задерживаясь достаточно долго, чтобы оставить следы на холодных камнях. И кто б там ни приходил и ни уходил, города забыли их. Я подумала о тех городах Края моря на далеком юге, которые намеревались завоевать Вазкор. Не наступил ли и у них тоже упадок? Не

столкнулись ли бы его армии, если б дошли туда, с еще одной такой древней окаменелостью?

Позади раздался резкий звук, заставив меня стремительно обернуться, широко раскрыв глаза, и увидеть, как некий демон-хранитель развалин проснулся и выступил против меня.

В прибое стояли, дожидаясь, трое высоких черных воинов, с развевающимися на ветру длинными волосами, с копьями в правых руках, ножами на узких бедрах. Их предводитель, самый высокий, заговорил:

— У мужчин и женщин нашего крарла возникает иногда потребность отыскать это место. Все, кто испытывает такую потребность, приходят сюда. У тебя возникла такая потребность?

— Да, — сказала я, — а также потребность быть здесь одной.

— Нехорошо быть здесь одной, — мягко указал воин. — Днем в городах водятся странные твари, а еще более странные — ночью.

Холодный ветер сек мне кожу. Я задрожала.

— Я — Фетлин, — представился он.

— Я — Вексл, я — Пейюан, — сказали второй и третий.

Снова повторилось магическое число три — моя стража опять стояла, дожидаясь служения мне, последовав за мной сквозь ночь — и я даже не почувствовала их присутствия. Но теперь я не хотела никаких услуг. Больше ни один человек не умрет за меня, как дурак.

— Вернитесь, — призвала я, — вернитесь к Квенексу и своему народу. Я осквернила ваш обряд на берегу. Я открыла золотую Книгу — я нарушила неприкосновенность очага и попрала гостеприимство вашего крарла. Плюньте на меня и возвращайтесь.

Фетлин посмотрел на меня и сказал:

— У тебя была в том потребность.

— Вы ничего не знаете о моей потребности, — закричала я на него. — Возвращайтесь — убирайтесь — я больше не допущу, чтобы из-за меня гибли жизни!

Я перестала кричать, и ветер заполнил тишину, как заполнял тысячелетнее молчание в этом заливе.

— Если ты войдешь в Город, мы последуем за тобой, — заявил Фетлин. — Именно так должно быть. Твоя потребность есть твоя потребность. Только наши собственные боги понимают, почему.

Было нечто решающее в том, что они признали, как не удалось Магтуру и его людям, и как лишь частично удалось Мазлеку и его друзьям, что они связаны со мной какими-то необъяснимыми и таинственными узами.

— Отлично тогда, — сдалась я. — Ни у кого из нас нет выбора. Я сожалею, ибо вы погибнете.

Я повернулась к ним спиной и направилась в глубь суши к изогнутому ковшу залива, безразличная к тому, что они пошли следом за мной.

3

Дальше на юг от моря шла насыпная дорога, подымавшаяся над берегом. Наверное, там был когда-то порт и сторожевой маяк, но не осталось ничего. За песчано-гравийным склоном — заросли крепких темно-зеленых деревьев, и, пробираясь меж ними, я обнаружила первые руины дороги, некогда сорока-пятидесяти футов шириной, вымощенные теми огромными плитами, которые я помнила по Лфорн Кл Джавховор; теперь от нее осталось немного. Растения вздыбили плиты. Лишайники и сорняки сплелись друг с другом, словно гобелен, покров, натянутый на что-то мертвое.

Потом возник открытый зеленый отрезок, где дорога целиком пропадала и снова появлялась двадцатью футами дальше, разделяя рухнувшую стену, охраняемая с обеих сторон цоколями колонн. Те некогда были очень высокими, а теперь они казались похожими на растаявшие огарки свечей. Когда я добралась до них, то протянула руки, чтобы коснуться стершейся резьбы. Ничто не шевельнулось ни во мне, ни вокруг меня. И все же давным-давно это были ворота феникса.

Когда я миновала их и стояла в городе, мне пришлось быстро оглянуться. Позади фигур воинов я увидела бледное сверкание моря. Я повернулась и продолжила путь.

По зелено-белым заплатам мостовой, между открытыми фундаментами, кроме которых ничего не осталось. К холмам прислонилось несколько потрескавшихся мраморных обелисков, словно не решивших — то ли упасть сейчас, то ли подождать еще несколько веков. Сквозь обломки дворцовых стен дули те странные воющие ветры, которые живут в покинутых местах.

Солнце поднялось выше, и небо стало бледно-голубым. Был полдень, и я прошла через множество ворот, по многим разрушенным дорогам. Они все стали для меня одинаковыми. Мы забрались выше на террасированные горы, внизу — отдаленное бирюзовое море. Здесь между зданий пробилось одно дерево. Я уселась под ним, уставясь в пространство через пустую площадь.

Фетлин, Вексл и Пейюан присели в нескольких футах от меня, разделяя скромную трапезу из козьего сыра и сушеных фиников. Я отказалась от предложенной ими пищи, но отпила глоток-другой из прихваченного Фетлином бурдюка с водой.

Руины заставляли меня чувствовать себя скованно, мне требовалось двигаться дальше, несмотря на усталость, однако, я не знала ни куда идти, ни что я должна искать. Хотя по-прежнему дул сильный ветер, стало теплее. Я закрыла глаза, прислонившись спиной к дереву. Я дремала, соскальзывала в сон, когда вдруг мозг мой словно пронзило зеленое копьё. Я резко проснулась и в тот же миг почувствовала Притяжение, такое же сильное, какое ощутила на равнине перед Эзланном. Поднявшись на ноги, я стояла не двигаясь, стараясь ощутить его, как собака вспоминает слабо помнящийся запах.

С площади шла на юг маленькая боковая улочка, огражденная с обеих сторон немногими одиноко стоящими стенами. Я пошла по ней и слышала, как Фетлин и двое других поднимаются и идут следом за мной. Через некоторое время Притяжение стало таким сильным, что я пустилась бегом. Одна из моих черных теней бежала рядом со мной, а три других — позади меня. Улица исчезла среди деревьев. А за их темной влажной тенью земля внезапно круто пошла под уклон. Я остановилась, обнаружив, что смотрю на небольшую долину, скрытую от взглядов с берега террасированными горами и утесами.

В холме была высечена лестница, теперь такая же зеленая, как и холм, ведущая вниз. Долина также была зеленой и почти пустой. Белые камни на этой зелени казались овцами, забредшими в какое-то заколдованное место и окаменевшими.

На противоположном конце долины покоилась туча пихт, и из этой тучи возникла рука великана с одним длинным пальцем, направленным вверх, в небо.

За спиной у меня Вексл издал неизвестное приглушенное слово, наверное, имя бога.

Рука была каменной, как и все прочее, но цвет был теплее — более прочный строительный материал, который и сохранился подольше. На среднем суставе этого пальца-башины виднелось кольцо, которое на самом деле было опоясывающим ее огромным балконом. На этом кольце все еще оставались кусочки золота; они отражали солнце и сверкали желто-белым.

Я начала спускаться по заросшей лестнице и сразу же ощутила холод. Мне думалось, что трое воинов могут не пойти со мной, но они пошли.

Неподалеку от дна долины ступеньки заросли кустами, и воины ножами прорубили мне дорогу. Трава в долине казалась бархатной, но ближе к зданию она стала жестче и длиннее, и там же росли пурпурные цветы с колючими стеблями. Я несколько раз оглянулась на местность позади воинов. Долина была совершенно неподвижной.

Я подвернула ногу на одном слишком гладком камне и снова, несколькими футами дальше, на другом. Я посмотрела вниз, потому что они на ощупь вовсе не походили на камни, и увидела лежащий в траве череп, отполированный, коричневым от времени. После этого я внимательно смотрела, куда ставлю ногу, но увидела другие черепа, а также кости.

В ледянистых тенях пихт лежали скелеты трех больших собак или даже волков.

Что-то в этих костях напугало меня. Однако холодок, щекочущий мне позвоночник и шею, желание оглядываться через плечо стало настолько частью моей натуры, что мне почти удавалось не обращать на них внимания.

Три тени легли у основания руки, поднимаясь далее по сложной каменной кладке и резьбе, изображавшей браслет. Прямо передо мной, словно камень, вставленный в этот браслет, находилась овальная темная дверь, казавшаяся сделанной из оникса. На двери не виднелось никаких меток, никаких указаний, как войти. Поперек порога лежало что-то, пляшущее на нас черными глазами.

— Хранитель, — тихо произнес Фетлин.

Скелет был полностью облачен в разложившиеся древние латы, плащ, лишившийся всякого цвета, шлем с длинным распавшимся гребнем. На бедре покоился меч, яркий от ржавчины. Это казалось странным, ибо цветы и трава, покрывшие все остальное, не тронули его.

Страх, который я тогда испытала, исходил не от меня, а от этого места и от какой-то давней-предавней атмосферы, связанной с наложенным на него проклятием или Силой.

— Дальше ни шагу, — сказала я Фетлину. — Войти я должна одна, если есть способ войти.

Они не стали со мной спорить, и я заставила себя двинуться вперед к овальной двери. Нагнувшись к мертвому часовому, я прикоснулась пальцами к его бронированной груди.

— Мир тебе, древний, — сказала я. Понятия не имею, почему я это сказала, но слова эти, казалось, сами сошли с моих уст. — Я не намерена причинять никакого вреда, и я имею право ходить здесь. Узнай меня и пропусти.

Ни холод, ни страх нисколько не уменьшились, но я прошла дальше, обойдя его кругом, а не перешагнув через скелет, и, когда я положила ладонь на овальную дверь, раздался щелчок замка, и она открылась передо мной.

Уж не знаю, чего я, собственно, ожидала, полагаю, самого худшего или самого лучшего, что могло выпасть на мою долю. Но ничего столь заурядного, как круглая белая комната. Я вошла в нее, и дверь за мной захлопнулась. Я не ощутила никакого особого страха, так как я почему-то знала, что так и произойдет. С закрытием двери в комнате стало темнее и все же не совершенно темно. Свет шел не из окон, а из колодца наверху, где была расположена ведущая в башню лестница.

На стенах виднелись слабые силуэты, призраки картин. Я ничего не смогла на них разобрать. Мне требовалось мое утраченное зрение — то зрение, которое могло различать высеченные слова на пути Верховного Владыки, настолько стершиеся и смазанные, что никто другой не мог определить, что там вообще что-то написано. Я покинула стены и пошла к лестнице из белого мрамора. На первой ступеньке сидел, усмехаясь, второй воин-скелет.

— И тебе тоже мир, — прошептала я. Глубоко в глазницах, казалось, двигались глаза, а страшный рот смеялся. Я обошла его и направилась вверх по лестнице.

На первом уровне не оказалось ничего, только подобие выцветших стен, да и свет был сильнее. На втором уровне мне холодно задул в лицо ветер. Стены помещения пронзали пять открытых овальных дверных проемов. Я пересекла мраморный пол и вышла через один из них на кольцо-балкон пальца-башни. Балкон окружала очень вы-

сокая балюстрада, ее резной верх возвышался над моей головой на целый фут. Только рослые мужчины или женщины могли смотреть поверх этого кольца на зеленую долину. Я же могла видеть только небо, твердое и ледянисто-голубое, да верхушки гор под ним. Я медленно обошла балкон вокруг. Пол был выложен цветными камнями, красными, коричневыми, зелеными и золотыми, так же, как в разрушенном театре в Ки-уле, однако, узор выглядел более сложным, почти математическим. Я обходила балкон круг за кругом, не сводя глаз с цветной мозаики. Круг за кругом. До меня дошло, как во сне, что я могу ходить здесь вечно, пока не умру. Однако мозаика содержала такое разнообразие перспектив, что мне казалось, будто я пересекаю не одно и то же пространство, а прохожу над водой и вершинами деревьев и красными песками какого-то другого мира...

Спасла меня чайка, летящая в сторону суши. Она пронзительно закричала высоко над башней, словно предупреждая меня, наверное, из-за собственного страха перед этой долиной. Я пришла в чувство, убежала в овальную дверь и стояла в бледной комнате, тяжело дыша. Дура! Ведь я же знала наверняка, что в этом месте будет какая-то магия и капканы для ловли всякого мозга и воли. Неужто я уже забыла коричневые кости в траве?

Лестница все еще вела вверх, на этот раз прочь от дневного света. Я подошла к ней и начала подниматься. Здесь уже черный мрамор и темнота. И уозость. Теперь мои сны стремительно вернулись ко мне, те сны, которые я утратила в Эзланне. Белый мрамор, ведущий к черному, а потом...

Я закричала в неудержимом приступе страха. В темноте я столкнулась лицом к лицу, грудь с грудью с третьим часовым. В отличие от двух других он стоял на ногах, уравновешенный каким-то непостижимым образом, в овальной пасти-двери, у которой кончалась лестница. Никакой возможности обойти, кажется, не представлялось.

— Мир тебе, древний, узнай и пропусти меня, — сказала я.

Мы стояли лицом друг к другу, и он высился надо мной, глядя злобным взглядом из провалов в черепе. И тут на меня накатил гнев, лютый и внезапный.

— Пропусти меня, — прошипела я скелету, словно тот был каким-то солдатом, а я — кошкой-богиней Белой пус-

тины, и, когда скелет остался на месте, отвесила ему оплечу. Тот опрокинулся и закувыркался вниз по лестнице, гремя доспехами. У подножья твердый мрамор треснул, и череп в шлеме отделился от позвоночника и откатился прочь с глаз долой. Тут к липкому постоянному страху добавился новый страх. Я знала суеверную важность всех часовых — людей, поставленных караулить до смерти и даже после нее пустующие обители исчезнувших народов. И все же теперь дело сделано и с определенной целью. Я прошла через дверной проем в последнюю комнату башни.

В темноте был источник света. Он мерцал и вспыхивал, и по трем расписанным стенам играло множество разных цветов. Я не могла уделить времени этому свету, так как всем моим вниманием завладела роспись — картины были четкими, невыцветшими, но очень-очень древними, и когда я посмотрела на них, то задрожала всем телом.

На одной из стен картина изображала черную гору. Над ней покоилась пурпурная туча, а под ней лежала спящая женщина. Женщина с очень белым телом и такими же белыми волосами; и у нее не было никакого лица. Вместо него в камень вставили кусок нефрита. На второй стене вновь изображалась нефритовая женщина, одетая в зеленую мантию, оставлявшую обнаженными грудь и руки. Она держала в одной руке золотой бич, в а другой — серебряный жезл. Позади нее стояли трое воинов, одетых так же, как те скелеты, в позолоченные латы и зеленую ткань, с развевающимися под шлемами зелеными перьями. Насколько я видела, они не обладали никаким сходством с Маггуром, Гилтом или Келом; Мазлеком, Слором или Днарлом; Фетлином, Векслем или Пейюаном. На третьей стене женщина предстала в последний раз, позади нее — символ заходящего кровавого солнца, а в обеих руках у нее нож, который я так хорошо помнила, — Нож Легкой Смерти, с острием, направленным ей в грудь.

На это я не стану смотреть. Я повернулась к четвертой стене, которую закрывал длинный занавес. Протянув к нему руку, я сорвала его, и за ним стояло широкое золотое ложе, а на нем — белокожая женщина в зеленой мантии с волосами, заплетенными золотом и нефритовыми украшениями, с газовой вуалью на лице. Я не знала, являлась ли она статуей или забальзамированным существом, но я

теперь достаточно хорошо знала, в какое место я вошла. Это была гробница. И гробница эта была моей.

Первым побуждением у меня было — упасть на колени, застонать от страха, но любопытство погнало меня дальше. Я нагнулась над созданием, которое столь легко могло быть мной, и стянула газовое покрывало.

Нет, тело это было все же не мое. Я долго глядела на нее во все глаза. Резьба из чего-то прекрасного, однако из этих бледных уст никогда не исходило никаких слов, за этим широким лбом никогда не пробуждалось никакой мысли. Ее закрытые веки походили на два зеленых листка, упавших на спящее лицо.

— Ты забываешь, — сказала я комнате, — ты забываешь, что я такое. Ты забываешь, что я сделала ради познания самой себя.

И повернулась.

Тут я поняла, откуда исходил свет, благодаря которому я увидела все это. На каменной глыбе — гладкая каменная чаша, а в ней металось и горело яркое пламя. Голос начался с шепота.

— Со — Со — Со.

— Молчи, — сказала я. — Молчи.

Я начала бочком-бочком продвигаться вдоль стен к лестничной шахте.

— Со. Аaaa! Со — Карраказ энорр, — прошипел «неголос» у меня в мозгу. Я никогда не слышала в нем такой силы, такого наэлектризованного торжества. — Я Карраказ Бездушный. Я — Я — Я...

— Нет! — закричала я. — Ты ничто.

— Я — это я, я помню. Я помню нашу сделку в месте, называемом людьми Ки-улом, — и то, что мы выполнили ее. Но это все теперь прах. Я помню караванщиков на дороге к Темному Городу и Главного Жреца, и битву под Белханнором. Ты хорошо накормила меня. А теперь ложись и умри. Ты сделала многое.

Казалось, я никак не могла добраться до лестницы. Мои ноги и руки сделались свинцовыми, притягивая меня к полу. Я поползла на животе, волоча себя вперед, прижимая ладони к скользкому полу.

— Умри, — шептал голос. — Сон — смерть. Безмолвие. Покой. Умри. В мире только боль, беды и несчастья. Усни.

Мои руки ухватились за овальный вход-пасть. Мрамор обжигал их, оставляя волдыри. Отверстие, казалось, заты-

нуло паутиной. Я медленно вытолкнула голову наружу сквозь паутину, и это причинило резкую боль. Я больше не чувствовала своего тела, только лицо и руки.

— Фетлин! — позвала я и знала, что он никогда не услышит меня.

— Не зови, — прошептал голос. — У тебя нет никаких других потребностей. Только сон.

— Фетлин! — закричала я, и мой голос сделался сильнее, но разбился о мраморные стены. Боль расколола мне позвоночник. — Фетлин! — завопила я. Вопль вышел громким и ужасным. Казалось, он сотряс башню до основания. Далеко внизу я слышала грохот распахнутой ониксовой двери, хотя и не могла понять, как они открыли ее.

— Лучше умри, — тихо и проникновенно промурлыкал голос.

По мраморной лестнице затопали бегущие ноги. Я попыталась протащить себя по лестнице к ним и не смогла. Комнату позади меня рассекла цветная молния. Бегущие ноги все ближе и ближе — ко мне двигалась вверх по лестнице темная тень.

— Смерть грядет, — сказал голос.

Мне подумалось, что я поняла тогда, какой трюк он проделал со мной, он-она, существо в камне. Я слепо и дико ударила по убийце на лестнице, но он схватил меня за руки, и миг спустя я поняла, что это все-таки Фетлин.

Он выволок меня из дверного проема и побежал со мной вниз по лестнице, держа меня на весу, обхватив рукой за талию, в то время как мои оцепеневшие ноги пытались двигаться, как при беге, но без успеха. Я почувствовала и откликнулась на его стремление поторопиться, но не поняла, почему. В последнем зале ждал Вексл, а Пейюан держал открытой дверь.

Мы бежали из этого места. Меня теперь держали за руки Вексл и Пейюан. Мои ступни касались травы, и к ним понемногу возвращалась жизнь. Они бежали. Земля подо мной вращалась, небо почернело от грозы. Из тени пихт, в открытую долину. Я обрела наконец свои ступни и ноги.

Внезапно мир накренился вбок. Нас швырнуло в жесткие травы, среди колючек и черепов. Мы кое-как поднялись на ноги и с трудом снова потащились дальше, пока нас не захватил следующий толчок. Трава долины заколыхалась без ветра. Мы добрались до нижних ступенек ле-

стницы на горе. Кусты цеплялись и хватали нас за одежду, волосы, кожу. Земля гневно громыхала, как барабан.

Я ползла, цепляясь и неистово рвалась вверх по лестнице, лицом к зелени, ничего не видя перед собой. Когда раздался гром, я подумала, что нам конец, но землетрясение прекратилось. Небо озарила молния. Фетлин положил руку мне на плечо, и, повернувшись, я увидела, что долина опять стала неподвижной, таинственной, спокойной в своей смертельной зачарованности.

— Я привела вас в злое место, — сказала я. — Сожалею.

Мы достигли вершины холма, и Фетлин посмотрел вверх на грозовые тучи.

— Ты нашла то, что искала? — спросил меня Вексл.

— Нет, — ответила я, — не то, что искала. Здесь для меня в конце концов ответа нет.

Я стояла неподвижная, опустошенная. Я не могла ни о чем думать, не видела никакого решения и никакой надежды. Что же мне теперь оставалось? Моя жизнь и впрямь была бессмысленным путешествием. Я уставилась обратно на долину. Наверное, я поступила неправильно, позвав на помощь. Было бы легко улечься рядом с моим вторым «я» и отдаться тьме.

— Мы должны найти убежище, — решил Фетлин. — Близок закат, а гроза может заслонить его. Мы не сможем добраться до моря до наступления ночи.

Я взглянула на их лица. Страха они не испытывали, однако, их черты стали неподвижными и строгими от беспокойства. Они не доверяли разрушенным городам по ночам.

Никакой грозы и дождя не последовало, однако когда мы пошли за Фетлином через валуны и рухнувшие стены, воцарилась сумеречная прохлада. Гром удалился в море. Наступила полночь.

4

Сгустилась темнота. В найденном нам Фетлином укрытии — крошечной ушедшей в землю комнатухе со все еще целым потолком и низкой узкой дверью-пастью — мы сгорбились вокруг нашего маленького костра. Вексл и Пейюан прислонили к двери кучу камней из развалин, и теперь оставалось только небольшое отверстие. В комнатухе стало очень дымно, и даже при этом оранжевое теп-

ло костра просачивалось наружу. Я не знала, от чего мы прятались, да и они, думаю, тоже. Древние легенды и еще более древний инстинкт объединились, сделав их настороженными.

Они поели овсяных лепешек и сыру, и Фетлин установил караул — сперва он сам, вторым Вексл и последний Пейюан — на все часы ночи. Меня не включили в число караульных то ли из вежливости, то ли потому, что он считал меня неспособной, не могу сказать наверняка. Я не стала спорить по этому поводу. Свернувшись в углу, где рос упрямый куст, и заснула усталым сном, даже не волнуясь о том, какие явятся сны или воспоминания.

Сон сперва казался спокойным. Один раз я проснулась и увидела, что Фетлин сменил у отверстия двери Вексла. При моем втором пробуждении обстановка стала совсем иной. Вексл больше не стоял на посту, а за костром больше не лежало вытянувшихся спящих фигур Фетлина и Пейюана. Сам костер догорел, однако я видела сильное свечение в черноте за дверью.

Я встала и подошла к двери, и обнаружила, что могу выйти из нее, не пригибаясь. За пределами убежища вытянулись улицы с высокими зданиями, вели вверх и вниз лестницы, стояли прямые, как древки копий,obelisks. Тут я поняла, что вижу сон, ибо это был город, каким он стоял когда-то, а не таким, каким он стал вместе со своими собратьями на террасированных холмах. Однако во дворцах не горело никаких огней, на столбах не качались фонари, не двигались цветные светильники в руках людей. Только то огромное резкое пылание, что горело на востоке, в стороне моря — отвратительный красный маяк какой-то катастрофы. Я вышла на городские улицы под сень древних стен. Я взбиралась все выше и выше в горы до тех пор, пока не смогла наконец посмотреть вниз и увидеть, что этот огромный факел горел на мысе, что вдавался далеко в море. Вокруг него происходило какое-то движение, гнущее механическое движение. Иногда языки пламени взмывали очень высоко, и пурпурные тучи дыма столбом поднимались в небо. Море кроваво сверкало.

Мною овладела пугающая уверенность, что я застряну из-за моего сна в капкане древнего мира с его миазмами зла. Я сделала высшее усилие, похожее на отталкивание пловца от илистого дна реки, и голова моя вырвалась на поверхность сна, и я пробудилась.

Мне сразу же стиснула запястье рука Вексла.

— Ни звука, — прошептал он. — Рядом какая-то опасность.

Я кивнула, и он отпустил меня. Я села. Маленький костер пригасила куча набросанной земли. Фетлин и Пейюан стояли на коленях у дверного отверстия, вглядываясь во мрак то в ту, то в другую сторону.

Затем раздался шум снаружи. Кожа у меня заledenела, а волосы стали дыбом. Никогда я не слышала подобного. Я не знала, что это такое, но меня затошнило от страха и ненависти. Некий скользящий шорох, похожий на трение сухой старой дряблой кожи о травянистую мостовую улицы. Первое, что пришло мне на ум: к нашему укрытию ползет какая-то огромная змея. Я никогда не видела в диком лесу этих больших змей, но слышала, как разбойники, а позже караванщики рассказывали о них всякие истории, и вспомнила ту тварь, с которой танцевала женщина в Анкуруме, шириной с ее талию и длиной в двадцать футов с лишним. Несмотря на их пугающие размеры, они не ели людей, а предпочитали лакомый кусочек поменьше и посочнее, такой, как невезучие ежи. Но затем звук раздался вновь, и в нем улавливалось что-то, вызвавшее у меня уверенность, что это существо — не змея; оно было слишком большим, и в нем не было ничего от грации змей. И оно приближалось.

Я подползла к дверному отверстию и выглянула наружу.

Между обвалившимися стенами что-то находилось. Оно стояло на улице, изгибая тело, поворачивая голову, дергая длинным хвостом взад-вперед, со звуком скребущей по камню сухой старой кожи.

Я слышала о драконах. Теперь я увидела одного такого. Хотя это не настоящий дракон, сообразила я, когда снова начала рассуждать.

После переправы через Алутмис я видела, как три девушки танцевали в зале вождя, и их партнером был крупный ящер величиной с волка, мутант своего рода. Я нашла это ужасное зрелище достаточно любопытным. Теперь я увидела, что природа не покончила со своими экспериментами в области размеров. Я убеждала себя, что тварь на улице — всего лишь ящерица, однако, далось мне это с трудом. Эта тварь была размером не с волка. Она вышла далеко над стенами, ее широкая плоская голова не

уступала в длине мужскому телу, а сужающийся мечущийся хвост не уступал по толщине четырем связанным вместе людям. Слабый звездный свет выхватывал сухой, шуршащий, черный каскад ее чешуи; все ее тело прикрывала броня. В длинной пасти торчали хорошо развитые зубы и длинный, черный, похожий на кнут язык. Огромные глаза вращались на невероятной оси каждый в иную сторону. Тварь вздыбилась на ногах-тумбах и двинулась к нам.

Бесшумно, напряженно мы отступили от отверстия. Но, думаю, у нас еще теплилась надежда, что она не знает, что мы тут. Сквозь щель отверстия мы следили, как отвратительная голова опустилась, скользнула к отверстию и резко остановилась. Теперь она издала еще один звук, шипящий плюющий звук гнева, и комната наполнилась смрадом ее дыхания, вонью смерти, нечистот и всего разложившегося. Мы распластались у стен и правильно сделали. Сквозь дверное отверстие проскочил и метнулся к нам длинный язык, сам по себе величиной со змея, слепо ищущий рыщущий по крошечному пространству. Именно так ящерица поменьше ловила бы мух.

Никто из нас и не думал ударить по языку, когда мы стояли, застывшие, у стен. Еще миг, и он убрался. И почти сразу же снаружи началось неистовое шкрябание, когда она принялась прорывать себе путь к нам.

— Мы погибнем, Фетлин, — сказала я, — если останемся здесь, — я не пыталась понизить голос; в этом больше не было смысла.

— Крыша скоро обвалится, — ответил он. И словно подтверждая его слова, снаружи посыпались и загремели камни.

— Или же он достаточно расширит дверной проем, чтобы видеть, куда метнуть свой язык, — пробормотал Вексл.

Плита у нас над головами сдвинулась и разбилась на улице. Я почувствовала дурноту, но мне пришла в голову одна мысль.

— Луны на небе нет, — сказала я, — а днем эта тварь отсыпалась. Наверное, она боится света. Когда она пришла, мы погасили костер.

— Верно, — Фетлин достал с пояса кремень. Нагнувшись, он высек из камня пламя и стряхнул его в засыпанный костер. Затрещал, оживая, прут.

— Наша единственная надежда, — сказал Фетлин. — Если свет заставит его отступить от нас, то мы должны бе-

жать к берегу; у нас недостаточно топлива, чтобы протянуть всю ночь. Он, несомненно, погонится, но, думаю, такая тварь и соленую воду тоже не любит.

Мы спихнули с костра землю и подбросили еще веток, отломанных у куста в углу. Пейюан отломил четыре самых крупных ветви и дал каждому из нас по одной сунуть в костер и использовать как факелы. Тварь снаружи гнусаво закашляла, когда дым стал раздражать ее голодную, безжалостную глотку. Внезапно взметнулось красное пламя, осветив дверное отверстие, и ящер зашипел. Мы услышали, как он неуклюже отбежал назад, издавая хруст, когда его огромные лапы крошили мелкие камешки. Вексл и Пейюан вытолкнули камни из двери-пасти; Фетлин швырнул вслед за ними горящие ветви. С чадающими ветвями в руках мы выскочили из укрытия. Я мельком увидела его, попятившегося назад и все же всего в нескольких футах от нас, с его полуослепшими глазами и извергающейся из пасти ядовито-желтой слюной. Затем мы повернулись и молча побежали со всех ног по улицам из белых костей, направляясь к морю.

* * *

Он погнался за нами. Мы знали, что он должен погнаться. Мы увидели внизу море и слышали, как он, шурша, неудержимо настигает нас. Мы нашли дорогу и деревья, и к этому времени наши ветви оплыли у нас в руках, погашенные влажным ветром с залива. Не было ни времени остановиться и развести новый костер среди деревьев, ни каких-либо валяющихся поблизости веток. Но вот у меня в легких огня, кажется, вполне хватало.

Мы, спотыкаясь, выбежали на берег. Он был очень широким и серым под затянутым тучами небом. Море плескалось далеко впереди, чернильно-черное, шепчущее.

Пейюан взял меня за руку и увлек мое слабеющее тело вперед.

— Еще немного, — тяжело дыша, побуждал он.

— Пейюан, по-моему, я не умею плавать...

А затем на песке позади нас раздался звук, неожиданно близкий.

У нас хватило ума оторваться друг от друга и броситься в разные стороны, но одна лапа задела шею Пейюана, и тот упал, покотился, а затем лег не двигаясь. Я подумала о

третьем воине, которого оттолкнула в сторону в башне, и о том, как его череп оторвался от позвоночника. Я не могла понять, как это ящер так быстро настиг нас, но, полагаю, я отстала, а берег был для него удобным местом бега, без всяких препятствий на пути. Теперь он плевался и кренился вбок за телом Пейюана. Я обнаружила у своей ноги камень, подняла его и швырнула им в ящера. Его броня отразила камень, но он обернулся, и его взгляд упал на меня. Я не поняла, почему я так поступила. Ведь Пейюан погиб — я не могла ему ничем помочь. Почему же я не оставила его и не побежала к спасительной воде?

Слева от меня раздался крик; по берегу бежал Фетлин. Чудовище, опять отвлеченное, снова развернулось. Справа от меня запрыгал с высоким ухающим воем Вексл. Он швырял в ящера песком и бегал вокруг него, размахивая руками.

Это стало гротескной игрой. С энергией, выжатой из последних сил, мы бегали, прыгая и вопя, вокруг ящера, все время смещаясь ближе к морю, вне опасности, пока он не мог решить, кого из нас сразить первым. Но в голове у меня все плыло, а ноги едва держали меня. Я не думала, что доберусь до моря.

Мы громко шумели, и чудовище злобно шипело на нас; поэтому я не помню, когда же я впервые услышала тот, другой звук. Высокий, постоянный, пульсирующий вой, запредельный для моего слуха. Сперва я подумала, что это всего лишь прелюдия к обмороку, который покончит со мной. А затем на нас всех упала Тень.

Она легла на песок, охватывая нас, — огромный овал черноты, и нас обуял автоматический страх перед неведомым, что валится с небесных далей, куда не могут отправиться люди. Только ящер оставался равнодушен к этой тени, она его мало трогала. Он двинулся за нами, брызгая слюной из шипящей пасти. В этот миг сверху ударила белая линия тонкого огня и накрыла его, ослепив нас. А когда мы снова смогли видеть, там, где был ящер, лежала куча дымящегося, вонючего шлака, а песок сделался черной пылью.

Я слышала, как рассказывают разные истории в стане, в крарле и деревне о богах и метаемой богами молнии, что сжигает и уничтожает. Я упала на колени, но голова у меня сама по себе откинулась назад, и я посмотрела прямо на летящий, звенящий, серебряный предмет, который парил еще миг высоко над берегом, а затем устремился в сторо-

ну, на юг и исчез за противоположной линией утесов, отмечавшей залив, оставляя за собой нить золотого огня во тьме.

5

После всего случившегося мужчины обнаружили, что не могут говорить друг с другом об этом. Происшедшее было слишком чуждым и непостижимым, ему не было названия в мире реальных вещей. Мы прикоснулись к легенде, и потому ничего не говорили.

Мы встали и пошли назад, туда, где лежало тело Пейюана. Вексл склонился над ним и осторожно перевернул его на спину. Глаза Пейюана открылись.

— Вы убили зверя? — спросил он.

— Он мертв, — ответил Фетлин.

Пейюан улынулся, и Вексл помог ему подняться. Пейюан стряхнул с себя песок.

— Теперь тебе придется искупаться, Морда.

Мне едва верилось, что он жив. Я видела, как умер Гилт, как умер Днарл. Мне едва верилось. Я подошла к нему и коснулась его плеча, и он улыбнулся еще шире.

— Да, я жив, — он рассмеялся и обнял меня. — Чудо, божий дар.

Мы вместе вернулись обратно по берегу, нашли среди деревьев ветви, теперь, когда надобность уже перестала быть неотложной, и разожгли костер. Ночь казалась более теплой, и отсутствовало всякое ощущение опасности, однако Фетлин все равно выставил караул.

Разбудил меня предрассветный холод. Над морем поднимался серый свет, и на фоне его Пейюан ходил взад и вперед перед деревьями, стараясь остаться бодрствующим. Я поднялась и тихо пробралась к костру.

— Пейюан, — окликнула я. — Я посторожу за тебя.

— Нет, нет, я подожду, пока не взойдет солнце, — он конвульсивно зевнул.

— Ты принял на себя удар ящера, который обрушился бы на меня, — напомнила я ему. — Я могу, по меньшей мере, принять на себя последний час твоего караула.

После небольшого спора он подошел к костру, улегся и мгновенно заснул.

Так я и увидела, как солнце вновь взошло над длинным морем.

И подумала о многом. Подумала о том, как редко я, с тех пор, как вышла из Горы, возвращалась в свое прошлое. События разделяли каждый отрезок моей жизни, и теперь руины, ящер и огромная Тень отделили еще один отрезок. Я не могла теперь вернуться к народу Квенекса. Я снова должна была идти вперед в неизвестные места. Повернувшись, я посмотрела на трех спящих воинов и подумала о том, как остался в живых Пейюан. А затем гадала, не остался ли он в живых потому, что я сперва отвергла их, тогда как раньше всегда охотно принимала являвшихся ко мне трех стражей как свою защиту и свое право. Я поняла, что должна сделать.

Солнце полностью взошло в небе, и они скоро проснутся. Теперь, когда настал день, тут на берегу не будет никаких опасностей. Поэтому я повернулась кругом и побежала прямо к морю и спрятала свои следы в его холодной наступающей пене. А затем — на юг. Позади меня — мыс, язык суши, где я видела во сне болезненную красноту огня; а впереди — далекие утесы в конце залива.

* * *

К полудню я миновала те далекие утесы, и никаких гордов больше не было.

День стал жарким, а небо — твердым и голубым. После полудня я покинула теплый песок, найдя путь вверх от берега. На мысу скопились раскидистые деревья, а вокруг их стволов сплелись папоротники высотой по пояс. Место это было необитаемое, одичавшее, полное странных ярких цветов и птичьих криков. Я брела по нему, держа море по левую руку от меня в качестве ориентира.

Закат окрасил все в алое, пурпурное и зеленое; лес подел. Я увидела впереди между деревьями открытое пространство, широкую, сравнительно голую долину посреди леса, и обнаружила, что лесные звуки и крики птиц прекратились. Вокруг меня повсюду царило тревожное безмолвие, однако я совершенно ничего не чувствовала. Я осторожно пошла дальше, и тишина, казалось, становилась все глубже и глубже. Несколько обеспокоенная, я снова остановилась и прислушалась, и на этот раз уловила новый звук, скорее, почувствовала, чем услышала, — высокое тонкое рокотание в воздухе, вызвавшее у меня желание потрясти головой, чтобы прочистить ее.

Шаг за шагом теперь, соединяя свое тело с каждым деревом и тенью, я подкралась к краю долины и, выглянув наружу, увидела то, что ожидала там увидеть.

Асутоо рассказывал мне давным-давно о серебряных небесных колесницах богов, которые иногда ездили по земле, а в Анкуруме и позже в городах Эшкорека я подымала голову к небу и видела звезды, которые двигались, горя, по черному фону. Но теперь я вспомнила падающую звезду, замеченную мной, когда я ехала к стану Дарака в горах, — звезду со следом в виде золотого огня, которая, казалось, опустилась на равнине за горами. То, что пронеслось над нами на берегу, тоже оставляло след в виде пламени. Наверное, в своем подсознании я связала эти два недоступных рассудку факта; наверное, я намеренно последовала за ней, замороженная глупым любопытством всех дышащих тварей, за этой падающей самой яркой, самой близкой звездой.

Ее серебряный овал покоился в долине и, казалось, пульсировал и трепетал от невозможного света, а трава вокруг нее почернела.

Последние лучи солнца уронили на стволы красные хлопья, когда я вышла из-за деревьев.

Часть III: В полой звезде

1

Долина и лес наполнились индиговыми цветами вечера, но свет огромной звезды остался, холодный и очень яркий. Я поползла к группе диких деревьев, скопившихся примерно в ста футах от этого места, и села в их тени, уставясь на нее, почти загнипнотизированная. Я не могла подобраться еще ближе, поскольку там не было никакого укрытия, и не могла убраться назад, потому что... Всякое рассуждение, казалось, потеряло смысл. Как и на берегу, *это* было настолько чуждым для меня, настолько нереальным, что, когда я сидела там, то все прочее тоже казалось не вызывающим доверия. Сперва я думала, что, наверное, эта звезда живая, но через некоторое время серебристый кусок отодвинулся, и в темноту вышли четы-

ре фигуры. Звезда была полой, а эти фигуры — ездившие в ней боги. Подобно звезде, они отливали серебром и двигались, мерцая, вокруг своей колесницы по сгоревшей траве.

Мои глаза протыкали, пытаясь пронзить темноту, что появилось за отверстием в звезде. Я ощутила невероятный порыв двинуться вперед, войти в эту тьму. Я вцепилась в траву долины, опасаясь, что брошусь в сверкающую бездну прежде, чем смогу остановиться. И тут начался ужас.

Внезапно из-за края серебряной колесницы вновь появилась фигура. Подойдя к отверстию, она остановилась в нерешительности, а потом повернулась к группе деревьев и побежала ко мне. Три других последовали за ней. Сперва я не могла поверить своим глазам. Но они подбегали все ближе и ближе, и я больше не была зрительницей. Я вскочила на онемевшие от страха ноги и устремилась прочь от них, пошатываясь и спотыкаясь в высокой траве. Теперь уже бесполезно прятаться; они знали о моем существовании и о том, что я нарушила их священное уединение. Я бежала от одного ряда деревьев к другому, отчаянно убираясь тем же путем, каким пришла, в убежище леса. Но я знала, что они догонят меня. Пробиваясь между папоротников и узких стволов, я встретила на своем пути серебристую пылающую фигуру и, круто подавшись назад, обнаружила еще одну. Они окружили меня, взяли в кольцо, и к ним быстро присоединились два последних охотника. Я очутилась в капкане света и страха. Я лихорадочно подняла взгляд на потерянный лес над долиной. У меня не было ни ножа, ни даже палки, хотя какой от них был бы прок? Использовать против той смерти, которую они устроили громадному ящеру на берегу, нож или копье было даже более нелепым, чем стоять с пустыми руками. Исходивший от них свет слепил глаза. Опытавшись от ужаса, я пожелала, чтобы они уничтожили меня тут же и тотчас же, ибо напряжение ожидания было невыносимым.

Затем одна из фигур заговорила. Я не поняла сказанного. Это был новый язык, совершенно отличный от всего, что я когда-либо слышала. Потом слова прекратились. Сверкающая фигура нагнулась вперед. Вот теперь — смерть, подумала я, но она отступила, а на траве у моих ног что-то лежало. Я не прикоснулась к этому предмету, но фигура показала на себя, и я увидела на ее запястье такой же. В состоянии ошеломленности и страха не имело

смысла отказываться. Я подняла серебряную ленту, в которой мигал зеленый самоцвет, и защелкнула ее у себя на запястье.

— Теперь мы способны понимать друг друга, — произнес мужской голос.

Сперва я подумала, что утраченная Сила вернулась ко мне, но затем сообразила, что это явление связано с браслетом.

— Не бойся, — успокоил тот же голос. — Мы не собираемся причинять тебе вреда.

Голос настолько походил на человеческий, что и в самом деле успокоил меня.

— Если вы не собираетесь причинять мне вреда, — отозвалась я, тяжело дыша, — то зачем же вы охотились за мной по всей долине?

— Это та женщина с пляжа, — вмешался еще один мужской голос. — Белые волосы и странная маска-лицо.

— Да, действительно, — согласился первый голос. — Меня зовут, — добавил он, — Йомис Лангорт. Мы хотели бы, чтобы ты пошла с нами к нашему кораблю.

— Вашему *кораблю*? — переспросила я. — Но у него же нет паруса.

Йомис Лангорт рассмеялся.

— Да, совершенно верно. Но, впрочем, он в нем и не нуждается.

— Никуда я с вами не пойду, — отказалась я.

— Почему бы и нет? Наверняка ведь ты не боишься. С той тварью на пляже ты вела себя храбро. И тебе ведь любопытно, не правда ли, узнать про наш беспарусный корабль?

Я повернула голову и посмотрела на корабль между деревьев. Наверное, они уничтожат меня, если я не пойду, и не тронут, если я отправлюсь с ними. И во мне росло убеждение, что они никакие не боги, а всего лишь люди.

— Я пойду с Вами, Йомис Лангорт, — сказала я.

— Хорошо.

Мы повернулись.

— Тебе не следует прикасаться к нам, — предостерег он, — эта наша одежда — защитная. Смотри... — он сорвал пригоршню травы и провел ею по своей руке. Трава скрутилась и завяла, а я опять подумала о богах Асутоо.

— Предупреждение поняла, — сказала я.

Так мы и пошли к полной звезде.

Раньше я не сознавала, какая она громадная. Темное отверстие, в которое я всматривалась, находилось в нескольких футах от земли, однако, когда мы приблизились к нему, раздалось мурлыканье жизни, и дверь-дорожка выдвинулась достаточно далеко, чтобы мы могли войти. Когда дверь отверстия опять скользнула вверх и закрылась, зажглись мягкие огни. Полукруглое помещение с открытыми дверями, выходящими в расположенный за ними коридор. Помещение это выглядело совершенно обыкновенным, но стены, пол и сводчатый потолок переливались, — светясь и пылая. Здесь четверо моих стражей — спутников, конвоиров? — сняли со своих тел серебро, оно упало у стен. Стены загудели и открылись, и воздушный поток, словно втянутое дыхание, утащил одежду внутрь, и стены снова закрылись. Я несколько не удивилась; я ожидала странного, но эти вещи были, по крайней мере, не менее логичными, чем странными.

Приведшие меня люди — они *должны* быть людьми — потягивались и улыбались, словно радовались освобождению от серебряного материала. Под ним они носили штаны, сапоги и облегающие, лишенные украшений рубашки из белой ткани с металлическим блеском. На бедрах низко висел широкий пояс, у одного красный, у двух других коричневым; пояс Йомиса Лангорта был черно-фиолетовым. В остальном они, кажется, мало отличались друг от друга. Все высокие и поджаро-мускулистые, с загорелой кожей, голубыми глазами и светлыми волосами, подстриженными на загривке. Их возраст странно не поддавался определению, лица молодые, тела сильные, но в глазах их — выражение умудренности много чего повидавших в жизни людей.

— Идем со мной, — предложил Йомис Лангорт. Он прошел через открытые двери в расположенный за ними коридор. Я последовала за ним, а трое других зашагали в ногу за мной. Коридор сиял холодным светом. Вдоль него по стенам появлялись нарисованные на одинаковых расстояниях черно-серебристые символы. Время от времени в глубине корабля чувствовалась гудящая вибрация. Коридор все тянулся и тянулся, без боковых ответвлений.

Внезапно Йомис Лангорт свернул в сторону, став лицом к одному из нарисованных символов. Скрытые двери,

на которые, похоже, указывал символ, раздвинулись, но он не вошел.

— Не подождешь ли ты минутку здесь, — вежливо сказал он мне.

Я подошла ближе и заглянула в большую овальную комнату. Пол казался похожим на стекло, бывшее одновременно и непрозрачным, и прозрачным. Высокие, вероятно тонкие колонны из какого-то светящегося материала и установленные явно с произвольными промежутками, тянулись к потолку, заливая помещение бледно-золотым светом. Никакой другой мебели не наблюдалось. В помещении витал запах чуждых вещей — приятный, но тревожный — и я замешкалась больше из-за этого, чем из-за какого-то подозрения насчет заточения.

— Сперва вы за мной бегаете, — сказала я, — а теперь ты говоришь мне «подожди».

Я глянула в лицо Йомису Лангарту и увидела на нем то снисходительное веселье, какое видела на лице разбойника, который позволял себе быть добродушным, пока пытался нервную, пугливую лошадь загнать на пастбище.

— Да, — сказала я, — ты не ошибся. Мне неспокойно.

— Здесь тебе беспокоиться не из-за чего, — заверил меня он. А затем твердо: — Прошу.

Выбора тут, кажется, не было, поэтому я прошла мимо него в комнату, и двери с шипением закрылись за мной.

Оставшись одна, я побродила по кристаллическому полу, провела нервными, быстрыми пальцами по ледяной поверхности колонн. Ждала я долго и устала стоять и поэтому уселась на пол. С ближайшей стены сразу же донесся вздох, и через отверстие выскользнуло округлое ложе без спинки из какого-то полупрозрачного материала. Я обошла это ложе кругом, опасаясь сесть на него. Казалось, эта штука прочла мою мысль, или, наверно, какой-то механизм определил, чего я хотела, по моему действию. Наконец, я испытала ложе, которое оказалось и упругим, и твердым. Мне пришла на ум одна глупая игра. «Воды!» — произнесла я вслух, чтобы увидеть, вызовет ли это какой-то отклик. Вызвало. Почти сразу же сквозь стену явился стройный одноногий столик, на котором стоял высокий штоф, сделанный из того, что походило на своего рода молочное стекло. Я понюхала находившуюся в нем жидкость; вода сверкала, оказалась холодной на вкус и искрилась у меня на языке. «Вина!» — приказала я. И появился

еще один столик с коричневым стеклянным бокалом, похожим на полое яйцо на высокой ножке. Красновато-коричневая жидкость опалила мне ноздри и обожгла рот, словно кислота. Странное, значит, вино пили эти небесные боги. Я потребовала яблоки, но, когда они появились в зеленой треногой вазе, то оказались странной формы и с пятнистой кожурой, а груши — слишком длинными и покрытыми мягким красным мехом. Тут я вспомнила, что говорю через посредство браслета. Наверное, будет небезопасным предъявлять какие-то дальнейшие требования, не зная, что именно я могу получить.

Я покинула ложе и рассыпь столиков с сомнительными напитками и фруктами, и теперь мною внезапно овладела клаустрофобия. Это было нечто большее, чем страх, своего рода паническое волнение, словно со мной вот-вот должно случиться что-то ужасное, нестерпимое, необязательно вредное или злое, но нечто роковое, невыносимое. И это случится, — должно случиться — если я останусь в этой комнате.

Я поспешила к скрытым дверям, и, как я и думала, они сразу же открылись. И, тоже как я и думала, двое мужчин повернулись и преградили мне дорогу.

— Подожди, пожалуйста, еще немножко, — бесстрастно попросил один.

— У нас есть приказ, — добавил другой. — Мы не должны пропускать тебя.

Он немного пошевелился, так что я ясно увидела загнутое за его пояс оружие. Оно не походило ни на какое другое когда либо виденное мной, и это больше чем что-либо иное, убедило меня, что оно может быть опасным.

— Чего я должна ждать? — спросила я у них.

Но в этот миг двое караульных потеряли интерес ко мне. Они внезапно повернулись лицом к коридору. Двери слева открылись, и оттуда шагнул человек. Я увидела его одежду — черная, а не белая, хотя на узких бедрах покоился белый пояс. Следом за ним вышли Йомис Лангорт и еще один мужчина.

Я попятилась в свою комнату, и двери закрылись, но это не давало гарантии безопасности: они откроются, как только этот незнакомец приблизится к ним.

Незнакомец.

Я пятилась все дальше по комнате между колоннами до тех пор, пока не достигла противоположной стены и не

уперлась в нее спиной. Я вдавила в нее ладонь, в то время как кровь и мозг мои, казалось, створжились. Я не могла думать. Я не могла думать ни о чем.

Двери открылись. Я попыталась закрыть глаза, но веки не смыкались. Он был один.

Черную рубашку рассекали поперек четыре фиолетовые полосы, а там, где кончалась ткань и начиналась загорелая линия шеи, был пристегнут какой-то серебряный знак различия. Густые черные волосы, отросшие только до загривка, а затем коротко остриженные, напомнили мне об очень многом, не имевшем больше значения. Он стоял не двигаясь, лицом ко мне.

— Я Рарм Завид, капитан этого корабля, — представился он.

Ярость и страх хлынули мне в глаза, словно слезы, и в рот, словно кровь.

— Нет, — пронзительно закричала я ему. — Ты — Дарак. Ты Дарак, или же ты Вазкор, ты кошмар — ходячий мертвец — призрак, насланный Карраказом, чтобы уничтожить мою волю и мою жизнь, — к этому моменту я совершенно обезумела. Прижавшись к стене, я поносила его, плакала и кляла его и умоляла его оставить меня. Это стало кульминацией всей страсти и отчаяния, какие я когда-либо испытывала. — Я не поеду с тобой на колеснице! — кричала я ему. — И не буду ни сражаться за тебя, ни рожать тебе детей, ни смотреть, как ты умираешь! Во имя всех мертвых богов мира, что я сделала, чтобы снова вызвать тебя?!

Полагаю, он все это время стоял и смотрел на меня. Он не подошел ко мне, не коснулся меня и не заговорил со мной, пока эта вспышка не закончилась. Я почувствовала под ладонями стену, дрожавшую и стучавшую, словно большое измученное сердце.

Молчание замкнуло мне уста. И в этом молчании я слышала рев какого-то огромного механизма, постепенно стихающего. Я оторвала руки от стены. Ошеломленная, я могла лишь смотреть на него в поисках объяснения, и поэтому именно на него я и смотрела.

— Я пришел задать тебе несколько вопросов, — сказал он. — В этом больше нет надобности. Ты дала мне ответ, — узкие темные глаза решительно ничего не выдавали, однако его лицо не обладало ни надменностью лица Дарака, ни холодной непроницаемостью лица Вазкора. — Я ду-

маю, — продолжал он, — что ты также убедила меня, что я очень напоминаю кого-то, кто был тебе близок и умер там, — он сделал рукой неопределенный жест, указывая на мир, который был моим, но не его.

— Двоих, — поправила я. — Двое. Теперь трое: Дарак-разбойник, Вазкор-колдун, Рарм Завид — капитан небесного корабля, у которого нет паруса.

Безумие прошло. Я устало смотрела, как он подошел ко мне поближе.

— Ты ведь не понимаешь, что ты сделала, — сказал он. — Не так ли?

— Что я сделала?

— Если ты и правда не имеешь представления, то не думаю, что ты готова к такому объяснению.

— всю мою жизнь, — возразила я, — ко мне приходило знание, к которому я была не готова.

— Мой корабль, — разъяснил он, — этот огромный космический скиталец. Ты сорвала его с неба, как виноградину с лозы, и стащила его вниз так быстро, что были повреждены оба экрана. А когда мы оказались достаточно близко, ты активировала наши защитные лучи и убила ими ящера на пляже. И этой опрометчивости тебе показалось мало, ты последовала за нами, а когда нашла место, где мы причалили, чтобы починить экраны, ты, по причинам лучше известным тебе самой, держала открытым наш главный сходной люк. Вот эта деятельность и выдала твое присутствие. Йомис и трое других догнали тебя и привели назад. С тех пор ты играла с электрическими цепями корабля, спроектированными так, чтобы реагировать только на членов экипажа, — он указал на ложе и столики. — И, наконец, ты сообщила свое эмоциональное расстройство кораблю с результатами, которые ты сама только что услышала и почувствовала.

Я ничего не сказала, меня больше не особо волновало, что я не понимаю.

— До сих пор, — мягко сказал Рарм Завид, — люди, наблюдавшие за вашей планетой, считали себя более развитыми в области разных наук. Теперь я начинаю сомневаться. Я вижу, что ты женщина, но помимо этого, что ты такое?

— Я ничто, — бросила я. — Отпустите меня.

— Ничто. А корабль. Как ты это объяснишь?

— Я не могу объяснить. Я не понимаю. Я даже не знала о вашем присутствии до появления того звука и Тени на берегу. Как я могла сделать все то, о чем ты говоришь? Как?

— Думаю, я могу тебе сообщить, — сказал он.

Он стоял передо мной, но я больше не смотрела на него. Его голос, голос Дарака и Вазкора, доносился до меня издали через высокие горы усталого страдания.

— Корабль, — говорил он между тем, — это больше, чем корабль. Он построен вокруг ядра — Силы, думаю, это слово ты поймешь. Эта Сила похожа на огромный мозг, связанный со всеми частями корабля. У нас есть собственные слова для обозначения этого мозга, но в твоём мире таких пока нет. В мозгу каждого корабля содержатся бесконечные сведения о каждом путешествующем на нём человеке. Эту память можно в любое время изменить или стереть дочи́ста, но она облегчает нам жизнь. Благодаря ей мозг по нашим командам, действиям или даже нашим мыслям узнает, что именно нам нужно. Еда, книги, кресла появляются, когда ты их пожелаешь. Если человек поранился в какой-то недоступной части корабля, не приходится бояться, что он останется без внимания, потому что мозг пошлет ему помощь. Мозг также ведет корабль, защищает его и увлекает его от одного мира к другому. Фактически все системы тесно связаны с мозгом, и мозг реагирует на любые повороты мыслей членов его экипажа. Ты понимаешь?

— Да, — тупо ответила я.

— Обыкновенно, — продолжал он, — никакие повороты мыслей, помимо принадлежащих его экипажу, не могут вмешиваться в работу мозга корабля; разумы наших миров недостаточно мощны для этого, не обнаружили мы такой мощи и за пределами наших миров — до сих пор. То, что разум, к которому мозг раньше никогда не получал доступа, внезапно дотянулся, вступил с ним в контакт и стал доминировать, явилось непредвиденным обстоятельством. Мозг был бессилен. Он подчинился тебе. Он опустил корабль на пляж и убил ящера.

— Подчинился мне? — не поверила я. — Я не звала ваш корабль.

— Звала, — возразил он. — И доказательство тому — твоё присутствие в этой долине.

— Я не знала, что я это сделала. Когда явилась Тень, я испугалась.

— Да, — медленно произнес он. — Я считаю, что ты не знала. Было ясно, что ты не понимаешь, когда корабль прореагировал на тебя несколько минут назад.

— Тогда освободи меня, — сказала я.

Он стоял, глядя на меня, и его глаза пронизывали мою усталость. Я тоже подняла на него взгляд. Лицо его было глубоко задумавшимся, серьезным.

— Нет, — отказал он. — Мне ясно, что тебе некуда идти. И мне ясно, что ты в расстройстве и в опасности. За все время, что мы наблюдали за этим миром, нашим правилом всегда было не вмешиваться в часто ошибочное и кровавое развитие человеческой жизни. Ты вынудила нас вмешаться. Поэтому давай забудем про это правило по отношению к тебе.

— Я не важная птица.

— Ты сама в это не веришь, — указал он. — Почему же ты ожидаешь, что поверю я?

— Я приношу смерть, — объяснила я. — Двое человек, которых ты напоминаешь, умерли из-за меня. Если я останусь поблизости от тебя, умрешь и ты.

— Нет, — сказал он. — Не думаю, что ты принесешь мне смерть.

Во мне что-то шевельнулось, тонкая струйка надежды и тепла, что влилась мне в жилы и мысли. Дарак всегда считал, что я — нечто большее, чем он, и страшился меня, и поэтому проклятие, которое я несла с собой, нашло его легкой добычей. Вазкор с его жадной властью и целеустремленностью, наверное, еще больше боялся богини по правую руку от себя. Но этот человек не трепетал передо мной. Во всем сказанном им не ощущалось ни тени настоящего благоговейного трепета. Он стремился понять тайну, которую, как ему представлялось, он нашел во мне; он, который ездил по небесам и был хозяином этого огромного мыслящего корабля. Он не испытывал ни малейшего страха.

Он улынулся. Увидел, что я уступила его воле. Это вызвало ощущение не цепей и не страха, а только огромного облегчения и покоя.

— За этой комнатой, — сказал он, — находится помещение, где ты можешь принять ванну и поспать. Прикажи двери не открываться ни перед кем другим, пока ты не дашь своего разрешения, и ты найдешь ее очень даже удобной. Ты могла бы удержать эти двери закрытыми для меня. Хотел бы я знать, почему ты этого не сделала. Чего бы тебе ни понадобилось, корабль все предоставит. Утром — но утро уже настало.

Я повернулась, чтобы выполнить его инструкции, но он внезапно спросил:

— Почему ты носишь эту маску?

— Я проклята страшным уродством лица, — мне и в голову не пришло уклоняться от ответа или солгать.

Он ничего не сказал в ответ, и поэтому я дошла до противоположной стены и двигалась вдоль нее, пока не открылись двери. Я прошла через них и действовала так, как он мне сказал. Я ничего не видела в этой комнате, кроме ложа, улеглась на него, и мысли, впечатления и боль утасили сами по себе, как случайные светильники.

2

Я проснулась, как мне подумалось, когда солнце было в зените, но свечение распространялось по потолку, а не из окна. Я лежала не двигаясь, разом вспомнив все, что со мной случилось, с каким-то отвлеченным любопытством. Через некоторое время я села и осмотрела комнату.

Моя постель представляла собой синее округлое ложе, намного большее, чем вызванное мной раньше, и совершенно непрозрачное... Однако оно обладало той же упругой твердостью, которая давала комфорт, не изнеживая. Подобно ложу, комната имела округлую форму и увенчивалась мягким горящим солнцем потолка с гладкими стенами цвета голубых колокольчиков и полом, выстеленным синими и серебряными квадратиками. Нарисованный справа от меня синий символ, казалось, указывал на иные двери, чем те, через которые я вошла. Художники Анкурума настаивают, что комната, выдержанная в сине-голубых тонах, может вызвать только меланхолию, но они абсолютно неправы. Эта комната навевала ощущение теплоты и безопасности.

Я опустила ноги на пол и заметила, что он гладкий и слегка нагретый. Когда я встала, постель грациозно удалилась в стену. Обозначенные символом двери открылись прежде, чем я дошла до них. За ними находилась крошечная ванная и, как и в Эзланне, из серебряных кранов текла не только холодная, но и горячая вода. Когда я покинула ванну, появились голубые полотенца и веяние теплого воздуха. Из стены выскользнул хрустальный поднос с хрустальными флаконами духов, расческами и даже косметикой, в то время как длинное зеркало выдвинулось позади

и напугало меня, когда я обернулась и внезапно увидела себя. Казалось черной неблагодарностью отказывать такому ревностному хозяину. Я не могла не думать о нем как о существе с чувствами, хотя это и не имело смысла. Я вымылась, вытерлась и причесала волосы, надушила их и тело, и с отвращением посмотрела на грязную, драную «рубашку», оставленную мной на полу. Она исчезла.

Тут я вспомнила, как Йомис Лангорт и мои конвоиры сбросили свою серебряную одежду, и стена поглотила ее. Я призывно посмотрела на стены, но ничего не произошло. Я торопливо застегнула браслет-посредник.

— Моя «рубашка», — произнесла я вслух, и по-прежнему ничего не произошло. В ванной висело высокомерное молчание. — Моя одежда — то, что я носила, — пожалуй-ста, верни мне ее, — у меня возникло отчетливое ощущение, что я имею дело с озорным животным или рбенком. — Тогда буду ходить нагишом, — пригрозила я. Но этого мне не хотелось. Я усвоила человеческое суеверие об уязвимости наготы.

Я прошла обратно в голубую комнату, и там стоял щит, а на нем висело длинное платье, казавшееся сделанным из гиацинтово-голубого шелка, и изящное одеяние в виде голубого нижнего белья, такого, как я носила в Эзлаппе. Я надела их медленно, наслаждаясь, несмотря ни на что, роскошью и комфортом. Когда я надела платье, то увидела, что моделью для него послужило то, другое платье, которое я носила в Анкуруме, белое парчовое, в котором я просидела ужин у посредника и в котором позже услышала, как Дарак отдал обе наши жизни Сагари. То платье было прекрасным, и мозг корабля каким-то образом извлек эти сведения из моей памяти, однако, надо полагать, раз в этой комнате все было голубым, платье тоже стало голубым, и меня порадовало это единственное отличие.

Появилось зеркало и слегка тронуло меня. Когда я повернулась, то увидела свое длинное отражение, и там присутствовала своеобразная красота, сплошная белизна, заключенная в переливающийся голубой шелк. Отрицала красоту только черная маска. Я подняла руки к ней, а потом беспомощно убрала их.

— Я проклята страшным уродством лица, — повторила я.

Зеркало и щит ускользнули. Появилось округлое кресло, и я уселась в него, а затем столик с голубыми стаканами, наполненными тем, что казалось молоком и водой, и

блюдами с тем, что казалось свежим хлебом и ягодами, вроде клубники.

Я пригубила жидкости и попробовала образчики пищи. Боли возникли, но не очень сильные. Я прошлась по комнате.

Должно быть, он уже знает, что я проснулась, оделась, готова поговорить с ним. Корабль наверняка сообщил ему. И все же я не была готова говорить с ним. Несмотря на молчаливое согласие, с наступлением дня вернулся и страх. Страх перед ним, и страх, да, страх перед самой собой и тем, что, по его словам, я сделала.

И он не пришел.

* * *

Наконец, я отвернулась от комнаты и прошла к дверям, через которые вошла днем раньше. Они открылись передо мной, и за ними лежало остекленное помещение с колоннами, где я ждала. Теперь там меня ждал кто-то другой. Я остановилась, как вкопанная, когда двери закрылись за мной. Мужчина, намного старше Йомиса Лангор-та и других виденных мною здесь людей, однако, подобно им, суховатого и крепкого телосложения. И в отличие от них он отрастил белокурые волосы до плеч. Подпоясанная белая туника свисала у него до колен поверх ставших привычными бледно-металлических штанов и сапог. На левом запястье он носил серебряный браслет с мигающим ярко-зеленым огоньком.

— Доброе утро. Я Сьёрден Джафазль, главный кибернетик этого корабля, специалист по компьютерам.

Он умолк и посмотрел на меня большими серыми глазами, пронизательно и быстро оценивая мою внешность, словно та была чем-то таким, что он должен живо усвоить, положить на хранение и снова вынуть после моего ухода для более подробного изучения.

— Вижу, что ты не понимаешь. По-моему, Рарм — наш капитан — рассказал тебе о мозге, управляющем нашим кораблем? Компьютер — это просто другое название его. Но неважно. Я хранитель мозга. Я способен связываться с ним, добиваться телепатического соединения. Для того, чтобы это сделать, я должен полностью открыть свой разум для потока информации в мозг. Человека неодаренного и нетренированного такая попытка просто убьет. Благодаря своему таланту и подготовке я способен пережить эту

операцию. Не думай, будто я хвастаюсь. Я знаю свое место. Во время опасности, катастрофы или неисправности я неоценим. Во времена спокойные и изобильные, такие, как сейчас, я... — он улыбнулся и сделал жест веселого отрицания, — очень незначителен.

— А зачем ты здесь, Сьёрден Джафаэль?

— Потому что меня прислал капитан. Хотя, заверяю тебя, я крайне рад встретиться, наконец, со своей соперницей по части завоевывания расположения компьютера... Э... мозга.

— Зачем тебя прислали, Сьёрден Джафаэль?

— Пожалуйста, — вежливо попросил он, — тебе совершенно необязательно называть меня сразу обоими именами. В общем-то для тебя было бы нормальным обращаться ко мне, называя вторым плюсом подобающим титулом, таким, как «мастер». Однако, при данных обстоятельствах отлично сойдет и Сьёрден. Зачем меня прислали? Отвести тебя к ядру компьютера — Ступице.

— Зачем?

— Зачем, — он подумал. — Понятия не имею, — сказал он наконец с видом легкого отчаяния.

Я рассмеялась, и какая-то часть напряжения покинула меня. Он казался реальным в этом новом мире.

— Ну, — он улыбнулся. — Начало лучше, чем я надеялся. А у тебя тоже есть имя.

— У меня нет имени.

— Тревожно, — сказал Сьёрден. — На наших мирах у всего есть имена и названия. Наверняка ведь и ваша планета не обладает иммунитетом против этой скверной привычки? — он предложил мне руку. Мы вполне могли находиться в Эзланне или в За, идя по какому-то официальному делу.

— Мое имя, как и мое начало, утеряно, — ответила я.

Стена открылась, и на пол высыпалась пара голубых сандалий. Сьёрден нагнулся и поднял их. Он вздохнул.

— Компьютер всегда вне себя от радости, когда корабль везет пассажира. Люди, которые живут в мундире и год за годом путешествуют по одним и тем же звездным дорогам, надоели ему до бесконечности. Догадываться, что они потребуют, совершенно неинтересно. Но ты — не только новая, но и иная, да к тому же еще и женщина.

— Так этот компьютер — мозг — думает и чувствует так же, как человек? — спросила я его. — По тону, каким гово-

рил о нем Парм, он мне представлялся неодушевленным и бесстрастным.

— Наверное, не так же, как человек. Но как существо. Наши ученые не согласны с этим. Машина, говорят они. Но если в этой штуке нет с самого начала каких-либо эмоциональных вывертов, то она взращивает их. Все специалисты по компьютерам подтвердят тебе то же самое. А теперь не разочаровывай своего поклонника. Надень сандалии, и мы наведаемся в Ступицу.

* * *

За моими комнатами коридор чуть дальше разветвлялся на два новых изогнутых хода. Сьёрден повел меня по левому, а чуть дальше, когда и этот коридор тоже разветвился, по правому. Пока мы шли, стены и полы менялись. Больше не встречалось никаких символов, указывающих на двери. Все было серебряным, как снаружи корабля. Коридор закончился на вид глухой стеной, но когда мы приблизились к ней, участок пола и стены начали погружаться вместе с нами.

— Не тревожься, — успокоил Сьёрден. — Ступица расположена между этой и двумя нижними палубами. Лестничный пролет сделал бы то же самое.

С миг-другой мы оставались в клетке из глухих стен, падая, а затем перед нами открылся вид нового коридора, и мы перестали двигаться. Этот коридор был белым. В противоположном конце серебряный символ на закрытой стене.

Сьёрден подошел к той стене и посторонился, пропуская меня вперед, когда раздвинулись двери.

За ними находилась большая овальная комната, которую держали в своего рода светящейся темноте. На всех стенах светился металл, и иногда загорался и гас глазок света. В центре комнаты единственная металлическая колонна тянулась ввысь и достигала потолка. На ее поверхности тлели, словно сонные, самоцветы, цветные панели. Но я не вошла в эту комнату. Я боялась прикоснуться к сверкающей паутине, плотно затянувшей вдоль и поперек все стены.

— Я не могу войти, Сьёрден, — сказала я.

— О... — Сьёрден улыбнулся. — Мне следует объяснить. То, что ты видишь, — совершенно безвредные световые

лучи, — он шагнул мимо меня и стоял среди них; его лицо и тело внезапно исполосовали цветные линии. — Как видишь, я не причиняю вреда им, и они тоже не причиняют вреда мне. Однако если сюда ворвется какой-нибудь захватчик или сумасшедший с целью повредить Ступицу, компьютер, прочтя его мысли, активирует лучи, чтобы оглушить его, а также включит тревогу. Защита здесь весьма необходима. Только в этом единственном месте компьютер уязвим, можно сказать, наг, открытое сердце, являющее всю сложность своих клапанов и механизмов. Идем.

Я последовала тогда за ним и тоже была поглощена паутиной света. Он обошел кругом тихо мурлыкавшую колонну, поглаживая ее одной рукой. Панели загорались и темнели.

— Здесь заключены, — нежно прошептал он, — бесконечные знания, сбалансированные суждения и интимные подробности жизни всех на борту этого корабля. В настоящее время у нас пятьдесят два человека. У каждого из наших разумов есть копия в этом металлическом покрытии, разум куда более тонкий и точный, чем тот, что мы носим в своих черепахах. Здесь уловлены все детали нашего опыта, истинно так, как это с нами произошло, а не так, как, *по нашему мнению*, это произошло после двадцати лет забвения. В этой колонне кричат младенцы, лазают по деревьям мальчишки, влюбляются подростки, а юнцы мечтают быть космонавтами, которыми они уже давно стали. Пятьдесят два набора незатуманенных воспоминаний, — он умолк и посмотрел на меня. — И, конечно, теперь и твоих тоже.

Запутанная в паутине, моя кожа заледенела.

— Моих? Я же не из ваших миров. Как же я могу быть — там?

— Потому, что твой мозг вступил в контакт, и даже взял верх над мозгом компьютера. Чтобы служить тебе, ему требовалось понимать тебя, как ему требуется понимать экипаж корабля для того, чтобы служить ему. Именно таким он построен. Представь себе, — предложил он, — представь себе, что год назад тебе дали на какой-то далекой планете чудесную еду, и ты *подумала*, что она обладает таким-то — таким-то вкусом, но ты забыла и ошибалась. Еда, которую доставит тебе компьютер, тоже была бы не той. А дай ему проникнуть тебе в мозг и выяснить, какой она *действительно* была на вкус год назад, и он даст тебе

то, что ты хочешь. Это, возможно, примитивный пример, но основной принцип остается верен, будь то выбор еды или человек, лежащий раненым и без сознания, которому нужно помочь.

— Так, — произнесла я очень тихо, словно могла не дать этой шутке услышать меня, — значит, все мои мысли, воспоминания, каждый эпизод моей жизни — известны вашему компьютеру.

— Да, — подтвердил Сьёрден. — Известны лучше, чем тебе самой. Ты мне сказала, что твое имя, как и твое начало, утеряно. В этой колонне ничто, касающееся тебя, не утеряно. Если у тебя есть имя, — оно здесь, и начало твоей жизни, которое ты сознательно забыла, тоже в памяти.

Мое начало. Моя детская жизнь, до того как я проснулась под Горой. Вещи, являвшиеся в снах, лебединые озера, мраморные лестницы, мечущееся зло пламени. Меня переполнил страх. Я ни на миг не задумалась, почему. Повернувшись к дверям, я хотела убежать, но в дверях стоял Рарм. Я не знала, сколько из сказанного он слышал. Похоже, что все. Его лицо выглядело темным, лишенным эмоций и сочувствия, лицом Вазкора.

— Ты обманом завлек меня сюда, — обвинила я Сьёрдена. — И ты тоже, — сказала я человеку в дверях. Меня охватил ужас. Я стиснула вместе трясущиеся руки. — Я никогда не считала вас богами. Теперь я вижу, что вы и правда люди, со всем мелким любопытством людей. Если я отдала свой мозг вашей машине, то больше не дам вам ничего. Отпустите меня. Я не стану участвовать в ваших инопланетных экспериментах над расой, которую вы считаете низшей по сравнению с вашей.

— Боюсь, — сказал Рарм, — что теперь ты не сможешь покинуть этот корабль. За последние несколько минут мы взлетели из долины и находимся теперь на орбите вокруг вашей планеты.

— Я тебя не понимаю, — сказала я. Но я поняла.

— Сьёрден, — скомандовал Рарм.

Сьёрден провел рукой по колонне. Металлические стены комнаты растаяли. Только в кошмаре я могла поверить, что такое существует вокруг меня. Со всех сторон черные небеса наполняли опаляющие белые капли звезд. Со всех сторон даль, пустота, черные стены, увлекающие душу наружу через глаза — падать в беспредельное ничто. А внизу голубоватая сфера, висящая, словно фонарик.

Мир. Мир, через который я пробежала, который казался мне таким прочным и таким огромным.

Потребность уцепиться за что-то устойчивое была невыносимой. Я повернулась к металлической колонне и уткнулась в нее лицом, закрыв глаза, держась за нее, словно отпустить — значило послать себя вечно вращаться в черной пустоте.

И колонна под моими ладонями запульсировала и застонала.

3

Деревья, растущие из металлических каналов в полу, распускали свои зеленые перья у высокого потолка, роняя черные перья теней на разрисованные стены этого сада другой планеты. Из стеклянных ваз изливались, словно кровь, удлинённые красные цветы.

Я сидела среди цветов, нюхая их странный запах, наблюдая, как он смотрит на меня. У меня не было полной уверенности насчет того, как я сюда попала. Был шум, и горящие огни, и звуки тревоги, похожей на военную. Их корабль реагировал на мой ужас до тех пор, пока Сьёрден, надо полагать, не сумел успокоить его. Затем Рарм, должно быть, привел меня в это место, словно эти странные растения могли положить конец пустому ледяному напряжению у меня под ложечкой, проистекавшему от знания о тьме повсюду вокруг меня. Меня радовало, что я причиняю им неудобства. Однако это было единственным удовольствием.

— Ты риск для моего корабля, — сказал Рарм. — Твой мозг заключает в себе силу, которую ты не можешь или не станешь контролировать. Ты можешь убить нас всех.

— Тогда отпусти меня.

Он подошел и сел рядом со мной, и я отвернулась от него, уставясь на красные цветы.

— Отпусти меня, — повторила я.

— Неужели ты не понимаешь опасности для себя самой? Твоя жизнь — для тебя несчастье. Компьютер способен проанализировать разум нас всех, и именно это он обязан сделать с тобой. Если ты мне разрешишь, я помогу тебе.

— Почему?

— Не в порядке эксперимента. Это ты только так думаешь.

— Я, — сказала я, чувствуя горечь этих слов, — низшая по сравнению с твоей расой.

— Низшая — это слово, которое употребляешь ты, и неправильно. Люди моих миров много лет наблюдали за твоей планетой, потому что на ней живут люди, подобные им самим — люди, человеки. Возможно, первобытные по нашим стандартам. Наши кровавые столкновения в прошлом, а ваши еще грядут. Разделяет нас время, только время. А время не создает ни высших, ни низших, только различия. Позволь мне помочь тебе.

— Что ты можешь сделать? — холодно осведомилась я.

— Не я. Компьютер.

— Нет.

— Почему же *нет*? Сьёрден считает, что существует ответ на то, что закрывает тебя от тебя самой — и у компьютера он имеется.

— Нет.

— Да. Ты боишься узнать ответ?

— Я боюсь, — ответила я. — И этого достаточно.

— Чего? — он вдруг схватил меня за плечи и повернул к себе своими настойчивыми, сильными, такими памятыми мне руками.

— Ты Дарак, — прошептала я. — Дарак на постоянном дворе в Анкуруме в темной палатке на Южной дороге.

— Через компьютер с помощью Сьёрдена в качестве посредника, — внушал он ровным тоном, — ты сможешь за несколько часов вновь пережить всю свою жизнь с момента рождения.

— Нет, — я заплакала, — отпусти меня.

Внезапно он встал.

— Тогда это должен сделать я, — сказал он.

Он повернулся к дверям. Я побежала за ним. Кричала на него и пыталась удержать его, но у меня, казалось, не было сил. Я не хотела, чтобы он знал меня так, как я сама себя знала, не могла этого вынести. А потом между нами возник барьер. Я не ощущала, не видела его, но и преодолеть его тоже не могла. Он достиг дверей.

— Прежде, — сказал он, — я был неподготовлен иметь дело с тобой. Теперь я не собираюсь рисковать. Я капитан этого корабля, и мой последний приказ аннулирует даже твои силы. И эта инструкция была дана. Без моего приказа тебе не будет позволено следовать за мной, хотя ты и можешь вернуться в свою комнату. Любая попытка подо-

рвать компьютер эмоциями приведет к твоей немедленной амнезии. Ты понимаешь меня?

— Пожалуйста, — взмолилась я.

Но двери за ним закрылись.

В комнате-саде я задержалась недолго. Я прикасалась к цветам, и они на мгновение раскрывались. В легком искусственном ветерке шевелились тени деревьев.

Мои мысли возникали спазматически. Мне остро хотелось спрятаться, искать смерти, которой я не могла получить. Стыд и отчаяние и неизвестный страх тянули меня в омут.

Наконец, я покинула сад, и мозг мне позволил. В коридоре я поняла, что не знаю дороги обратно в свои комнаты. С потолка сразу же ударил луч света, указывая на пол впереди меня. Я онемело пошла к нему, а он двинулся прочь. Он провел меня по многим коридорам и наверх по одному из движущихся полов. Дважды я проходила мимо групп людей, которые умолкали, когда я приближалась к ним, следуя за лучом. Я ощущала по отношению к себе сильный интерес, но мало приязни. Я являлась для них опасностью, однако, при всем том редкой и любопытной диковиной, вроде орхидей севера, которые запросто могут отхватить человеку палец. Я добралась до стеклянистого места, пересекла его и вступила в голубое безмолвие, которое было единственной частью этого корабля, где я могла пребывать в безопасности.

Из стены выскользнула постель, и я пошла к ней, ощущая свое тело тяжелым, как налитое свинцом.

Я молча лежала, думая о том, как он изнасиловал мой мозг в комнате со световой паутиной. Подумала о пустоте и бездне во мне, столь же ужасной, как пустота, поглотившая корабль.

А затем пришла новая мысль, маленькая острая мысль, которая прожгла мой череп. Я вспомнила, чего я страшилась снести от них, когда они поймали меня. Сила их была огромной, а сила их мозга-компьютера казалась богоподобной.

— Убей меня, — прошептала я безмолвно. — Дай мне умереть.

Комнату наполнило гудение, неистовый гневный звук.

— Служи мне, — велела я. — Повинуйся мне. Смерть — именно то, чего я желаю. Дай мне смерть.

Моя постель задрожала. Донесся гул отдаленного грома. Меня объял новый безграничный холод. В глазах у

меня потемнело. Меня душили слезы. Он дал мне то, чего я желала. И, наверное, он был достаточно силен, сильнее, чем мечи солдат Вазкора, длительней, чем могила в пустыне и обрушившаяся башня в Эшкореке.

Что-то сверкнуло во тьме. Нож, устремившийся ко мне с пылающего светом потолка. Я почувствовала, как у меня останавливается дыхание.

* * *

— Проснись, — нетерпеливо сказал мне Дарак.

— Оставь меня в покое, — пробормотала я. — Я умерла.

— Нет, ты не умерла, *богиня*. Выпей вот это.

Что-то просунулось под складки шайрина и мне в рот. Негустая прохладная жидкость нашла мое горло. Я глотнула и оттолкнула ее. И, не открывая глаз, села на постели. Мой мозг заполнили кружащиеся цвета. Чтобы скрыться от них, я в конце концов все-таки открыла глаза. Увидела голубую комнату и не могла вспомнить, где нахожусь. И глупо рассмеялась, глядя на сердитое лицо Дарак. Я не могла понять, почему он так сердится.

— Умерла, — он презрительно испробовал слово на своем языке. — Неужели тебе не приходило в голову, что машина, специально запрограммированная заботиться о комфорте и жизни ее экипажа, будет также запрограммирована никогда не убивать их? Будь ты дикаркой или варваркой — это имело бы смысл, но ведь ты же способна мыслить и рассуждать, — он встал. — Весь мой корабль пострадал бы, если б я не заблокировал тебя своим приказом. Анестезия в тот же миг, как ты вызвала у компьютера эмоциональные затруднения, — он нагнулся ко мне, взял меня за плечи и с силой встряхнул меня. — Неужели ты не можешь довериться мне?

— Дарак, — прошептала я.

— Нет, я не Дарак Златолов, горный разбойник-колесничий. И я также не Вазкор-убийца, первый успешный шаг к смерти и тьме, который пока успела сделать твоя планета. Я — Рарм Завид, дурак. Подымайся, — он помог мне встать и удерживал на ногах. — Выпей еще немного вот этого. А теперь пошли.

Мы пошли... Я начала вспоминать, где нахожусь, и все, что произошло. Я очень упорно старалась не вспомнить, но он мне не позволил. Наконец, он отпустил меня, и я в

первый раз ясно увидела его лицо. Оно было напряженным, сосредоточенным в выражении, скорее, тревоги и сожаления, чем гнева. Я вспомнила, что он и Сьёрден жили в моем разуме в Ступице. И возненавидела их.

— Много ли радости доставила тебе моя жизнь, Парм? — спросила я его злобно-сладко в своем стыде.

— Столько же, сколько и тебе, богиня.

— Никогда не называй меня так.

— Как же тогда мне тебя называть? Ты говоришь, что у тебя нет имени. Нет, — сказал он вдруг. — Мне не следует сердиться на тебя.

— Ты не имеешь никакого права сердиться. У тебя не было никакого права на мои воспоминания.

Он посмотрел на меня, и на лице его снова занялся беспомощный гнев, а потом растаял.

— Послушай, — сказал он. — Я узнал одно: пламя-создание, увиденное тобой в каменной чаше, которое ты называешь Карраказом, сказала тебе, что ты освободишься и вновь обрешь свою красоту и свои силы, *когда и если* ты найдешь сородича своей души, Нефрит. Если бы я заверил тебя, что компьютер знает решение этой задачи, ты бы согласилась сделать то, что я тебе говорил?

Мое сердце глухо застучало. Я уставилась на него.

— Откуда он может знать?

— Потому, что знаешь *ты*. Ответ находится в твоем же мозгу. Но он происходит из времени до того, как ты проснулась под вулканом. То время — то короткое время — вот все, что тебе надо пережить вновь, чтобы освободиться навек.

— Не могу тебе поверить, — прошептала я.

— Ты готова пойти на такой риск, чтобы найти Нефрит?

Я повернулась к нему. Во мне вскипела ненависть. Я схватила его за руку.

— Скажи мне сам! Ты знаешь!

— Я не могу тебе сказать. Во всяком случае, сейчас ты не поймешь. Ты должна пойти к компьютеру.

Я повернулась к дверям, почти готовая идти с ним. Но тут поднялся нерассуждающий страх и поглотил меня.

— К компьютеру, — повторила я. Сделала один негнувшийся шаг вперед, и колени у меня подкосились. Я упала и обнаружила, что не могу подняться. Я не могла пошевелить ни ногами, ни ступнями, ни руками, ни кистями. Па-

рализованная, омертвелая, я в отчаянии закричала, глаза мои почти ослепли; я едва могла говорить:

— Карраказ, — придушенно прохрипела я, зная теперь, что до Нефрита мне рукой подать, и что, видя это, демон моей расы поднялся лишить меня его. — Карраказ уничтожит меня.

— Нет, — заверил он, хотя голос его казался отдаленным и почти бессмысленным. Он поднял меня на руки, но, оцепеневшая, оглохшая, ослепшая, в пароксизме страха я не могла уразуметь ни того, что со мной происходит, ни куда он меня понес, и, наконец, ужасающая тьма накрыла, словно голодное море, и затопила меня, и унесла меня в себя, и я сгинула.

4

Рождение — это боль. Все чувства печали, страха и страдания начинаются в той борьбе и отторжении. После рождения мир выглядит абстрактным, бессмысленным и все же странно упорядоченным. Нет ничего логичного и, следовательно, нелогичность разумна и нормальна. Сосать, спать. Молчание и звуки наполняют искаженную плоскость, где скользят по глазам цвета, как в тумане. Никакого времени не существует, однако время идет.

Из этой затуманенности выросли образы и приобрели значение. Белые лебеди, движущиеся по блистающей воде, вытягивающие свои изогнутые шеи, принимая еду. Женщина с длинными светлыми волосами, ведущая меня за руку по изысканным садам, выходящим к морю, по полам невероятных комнат, где сидят элегантные мужчины и женщины. Иногда и другие, крупные, неотесанные, пляшущиеся, грязные, с коричневыми и покрытыми шрамами телами. Они внушают мне страх, ибо они не похожи на нас. Подобно диким, безобразным животным, они появляются, как призраки в галереях, их фигуры горбатятся, вскапывая цветочные клумбы. Наши рабы.

Я не должна была общаться с ними, но я раз заговорила с одним рабом, рубившим стройное дерево. Я спросила его, зачем он это делает.

— Это дерево больное, принцесса, — ответил он неуклюжим ворчанием, которым они, запинаясь, говорили на нашей речи. А затем уставился на меня с высоты своего большого роста. Его страшное лицо исказилось от боли,

которой я не поняла, ибо он улыбался. — Все заболевшие, — сказал он, — должны быть срублены. И сожжены.

Его глаза прогрызали себе дорогу в мои. Испугавшись, я попятилась от него, и в этот миг появился принц, который был моим отцом. Лицо раба изменилось, приняв выражение идиотского страха. Принц поднял меня одной рукой. Другой он жестом подозвал шедших за ним четырех стражников. Двое схватили раба и повалили его лицом вниз. Еще один содрал с него рубашку. Четвертый стоял наготове с окованным металлом бичом в руках.

— А теперь убейте его, — распорядился отец, поглаживая меня по волосам. — Но медленно. Моя царственная дочь должна видеть, что случится с каждым, кто посмсет оскорбить нас.

Бич монотонно подымался и падал. Раб пронзительно кричал и бился, и струи крови извивались в траве, словно змеи. Сперва я радовалась, но вскоре заскучала. Я смотрела на солдат отца. Они тоже были рабами, и хотя они лучше жили и лучше одевались, они выглядели совсем иными. Для них, казалось, не имело значения, что они запарывали одного из своих сородичей.

Вскоре раб умер, и отец увел меня.

* * *

Много дней, заполненных озерами с лилиями, комнатами с мраморными колоннами, развлечениями в виде смерти и красоты. А затем пришел страх. Сперва страх был лишь прозрачной тенью, отброшенной далью, шепотком, чем-то, скрытым за слоями мысли и действия. Затем страх стал глубже и ближе, он вертелся на языке, готовый быть выданным намеком и наполовину высказанным.

Сначала я не знала этого страха, только чувствовала его. Я слышала слово «мор», и оно ничего для меня не значило. Я слышала о смерти, но и это я начисто отвергла. Мы будем жить почти вечно. Нам ничто не могло повредить. Мы же не рабы, чтобы умирать от болезней или ран.

Но затем — алая заря, и сестра моей матери все кричала и кричала, бегая нагой по галереям дворца, с пламенеющими за плечами бледными волосами — безумство близны на фоне кроваво-красного неба. Ее возлюбленный

умер от Мора, скончался, лежа на ней. Она проснулась, обнаружив его разлагающееся тело рядом с собой. Я не знала, что тогда сделали, но по прошествии ряда дней узнала, ибо умерли и другие. За озером сложили погребальный костер, и здесь сжигали то, что оставалось от них и от их одежды. Если труп обнаруживали достаточно быстро, то могли послать рабов сделать слепок с тела, и его разрисовывали, украшали самоцветами и хоронили в гробнице владельца вместо его плоти. Но часто бывало слишком поздно это делать; тело оказывалось уже сгнившим. И именно потому-то Мор и был таким губительным для нас, так как не оставалось ничего, способного самоисцелиться: ни плоти, ни жил, ни любых органов, ни мозга, ни даже костей. Пришло истинное уничтожение.

Не существовало никаких симптомов Мора у его жертв до того момента, как они впадали в кому, и, следовательно, никакого предупреждения. И инфекция распространялась, словно гниль.

Умерла моя мать. Я не могла понять, с чего бы она покинула меня. Я ужаснулась и плакала от ужаса, а не от печали, когда шла за ее украшенными самоцветами погребальными носилками — пустыми, ибо она скончалась слишком быстро. Я вглядывалась в картины, нарисованные на стенах ее гробницы глубоко в подземелье дворца. Спящая фигура — женщина под Горой с ее небесной тучей, символ рождения и поддерживавшей его планеты; женщина с ее стражей и жезлами должности, символами ее светской власти; женщина, держащая направленный на себя нож, символ ее окончательного притяжения смерти. Я ненавидела эти ужасные картины — те же самые в каждой гробнице, за исключением того, что в мужском склепе нарисованную на них женщину заменял мужчина. Я ненавидела традиционный нефрит, наложенный на лицо, как будто смерть сделала мою мать безликой.

Отец пришел ко мне в сумерках. Свет низких светильников выхватывал маленький светящийся зеленый треугольник у него над переносицей, когда он нагнулся к моей постели.

— Завтра ты должна будешь встать рано, — сказал он. — Мы отправляемся в путешествие.

— Куда?

— В одно место, место под землей, храм. Там мы будем в безопасности.

Лето тоже умерло, и, когда мы ехали от северного побережья по стране, лили дожди и дули ветры. На реках и озерах загнивали наносы из бронзовых листьев.

С нами ехали члены других великих домов. Рабы правили нашими фургонами, разбивали на ночь палатки и заботились о наших надобностях во многом так же, как делали это у нас во дворцах. Никто из них не подхватил Мор, и они, кажется, не страшились его. Сбежать попытался только один. Из-под откинутого полога моего фургона я смотрела, как он спотыкается на журавлиных ногах по убранным полям какой-то деревни. Один из принцев повернулся и пристально посмотрел на бегущего человека. Человек тут же упал и не поднялся. Сила убивать еще не пришла ко мне, равно как и отрывать свое тело от земли. Рабы в ужасе смотрели на любого из нас, когда мы делали это. На своем отвратительном языке они называли нас Крылатыми, воображая, что у нас, должно быть, есть невидимые крылья и что мы летаем.

Одна принцесса умерла на пятый день пути. И в маленьком глинобитном городишке над названием Сирайнис почти целое тело моего отца сожгли на ветках лесных деревьев.

Сестра моей матери, все еще остававшаяся в живых, стала моей официальной опекуницей, хотя на нее косились из-за того, что она взяла себе в любовники одного из стражников. Мне он казался таким же отвратительным и безобразным, как и все остальные, хотя ее он ублажал достаточно хорошо.

Два дня спустя мы добрались до горы, под которой располагался храм. Я не вполне уразумела идею богов, но для меня всегда было смутно-очевидным, что мой народ иногда поклонялся им. Большие жертвенные чаши дворца, где всегда поддерживалось негасимое пламя, были символом произнесенных молитв. Как и на росписях в гробнице, гора являлась знаком земли, которая породила наше могущество. Им казалось вполне подходящим выдалбливать свои храмы под горами или, скорее, посылать выдалбливать их рабов.

Это была хмурая черная высота, казалось, не предлагавшая никакого утешения. За массивными дверями — тускло освещенные коридоры и лестницы, высеченные из

темной скалы. Люди в белых мантиях и золотых масках пели песнопения в пещере вокруг огромной грубо вытесанной каменной чаши, где фонтанировало пламя. Мрачное, холодное, отвратительное место. Я плакала, пока не заснула в своей маленькой скальной келье, как буду плакать, засыпая, полгода.

* * *

В первые месяцы от Мора умерли немногие. Тех немногих предали огнедышащему кратеру повыше в горе, куда добирались по узкой лестнице над пещерой. Этот кратер, сообщили нам люди в белых одеждах, все, что осталось от вулкана, каким он некогда был. Люди эти были жрецами, хотя, наверное, пребывали в этом звании недолго. Они производили впечатление непостоянных и иногда запинаясь в своих песнопениях. Они принадлежали к нашей расе и ходили, как принцы.

Поскольку наши потери уменьшились, возник своеобразный оптимизм. Казалось, что святость храма и в самом деле предоставила нам убежище. Каждый день мы ходили на молитвы туманным богам, которых я не могла постигнуть. И взрослые, и дети, мы все одинаково стояли на коленях в ледяной пещере вокруг чаши с пламенем, моля о прощении за гордыню, которая разгневала Их. Это тоже казалось мне бессмысленным. Кто мы такие, чтобы молить и выть, стоя на коленях, мы, которые были хозяевами всех людей?

Помимо молитв мне было почти нечем заполнить свое время. Никаких развлечений не позволялось. Мне давали читать книги, но они мне давались туго, так как опять же говорили о наших богах. А некоторые сочинения принцев и принцесс рассказывали только о наших преступлениях и насланном на нас наказании. Однако те, кто признавал свою вину, могли спастись, могли уберечься даже после того, как ими овладеет кома смерти, они уснут, но не умрут и пробудятся целыми и невредимыми через какой-то неопределенный период времени, чтобы вновь обрести свои силы.

Большую часть дня я бродила по недрам горы, заходя в запретные помещения, где висели мантии жрецов, поднимаясь по длиннейшим лестничным маршам в темные места, которые пугали меня.

Главным среди жрецов был принц по имени Секиш. Я страшилась и ненавидела его. Он носил алую мантию, и, в то время как многие из нашего народа отличались очень светлой кожей и волосами, Секиш был темнокожим и черноволосым. Высокий и сухопарый; его черная тень упала на меня, когда он стоял перед сестрой моей матери и бранил ее за то, что она завела любовника-человека.

— Ты выбрала стоящего ниже тебя, — рычал он. — Ты навлекла гнев Могущественных на нас всех.

— Может, мне следовало выбрать тебя, Секиш? — дерзко отпарировала она, и я съезжилась вместо нее. Но он выпрямился, и зеленый треугольник у него над переносицей засверкал, словно третий глаз его презрения. Он повернулся и покинул ее, а три дня спустя он объявил запрет на рабов. Они либо покинут гору, либо будут убиты. Те с радостью ушли, в том числе и ее любовник. Он был, как мне казалось, ее талисманом против смерти, и после четырех месяцев надежды она стала первой новой жертвой Мора.

За семь дней умерло еще десять человек. В горе разразилась истерия, и Секиш, Темный, ходил среди нас, буравя нас своими проникающими к нам в душу узкими черными глазами, внушая нам, что мы должны молиться, каяться, признать свою порочность и зло, которое мы создали и которое вернулось, чтобы уничтожить нас.

Теперь с утра до ночи — песнопения, самоуничтожения перед каменной чашей. Прекрасная одежда, драгоценности были оставлены. Мужчины и женщины ходили с распущенными волосами, в простых рубашках и туниках, хлеща себя розгами до крови, и хлеща вновь, как только затягивались быстро исцеляющиеся раны. Повсюду звуки ужаса, неистового и искреннего раскаяния, отчаяния, когда повелители людей пресмыкались на коленях.

— Карраказ, — шептала я перед пламенем в чаше, испытывая одеревенелость и боль во всем теле, — я зло на лице земли, я зараза, больная тварь, грязная, проклятая.

Вокруг меня другие шептали так же, как и я. Тучи шепота поднимались, словно пар. Я думала о статуе отца в зале его дворца, о блестящем материале, из которого ее сделали, о том, как я засмеялась, увидев ее и его, стоящих бок о бок, двоих одинаковых мужчин с короткой бородой и длинными волосами. Теперь от него только эта статуя и останется. Я заплакала. Уткнувшись лицом в ладони, за-

быв про песнопения о собственной греховности, пока на меня не легла, как влага, черная тень Секиша.

— Да, дитя, плачь, — вскричал он своим ужасающим голосом. — Плачь по своему низменному рождению и скверне, которая в тебе, скверна, которой твои мать и отец позволили вырасти из их похоти, — он нагнулся ближе и схватил меня за руку. Песнопение вокруг нас прервалось. — Но, я вижу, ты плачешь не из-за этого. Это мятежное дитя, дерзающее мечтать о своем проклятом прошлом. Это дитя может навлечь на нас Их гнев.

Глаза уставились на меня. Он подтащил меня ближе к огромной каменной чаше, и пламя секло светом его лицо. Он держал меня лицом к этому огню и, нагнувшись ближе, прошипел мне в ухо:

— Ты грязь и зло, порождение зла, утробы зла. Сила в тебе — нечистая, ужасная. Полная Сила — молись, молись никогда не обрести ее! Гордыня, порочность, уродство, зло! Ты грязь темных мест, навоз чудовищ в ямине похоти. Говори это. *Говори* это.

В ужасе я последовала, запинаясь, за ним.

— Я грязь... зло... Сила нечистая, ужасная... Я буду молиться никогда не обрести ее!

Эти отвратительные слова изрыгались вновь и вновь, когда он держал меня железными руками перед пламенем. Я раскаялась, что подумала об отце. Я не поняла, но усвоила. Я стала низкой, грязной. Я сморщилась, сжалась и была проклятой.

Когда он отпустил меня, я убежала в свою келью и свернулась в клубок, спрятав лицо и сжав тело от любого взгляда. Я чувствовала на себе следящие глаза богов, судящие и приговаривающие. Могла ли я усомниться, что я теперь тоже умру, и мое мясо будет падать с костей в темноте?

Однако с новым днем я проснулась, к своему горю. Секиш лежал перед каменной чашей, — вернее, то, что от него осталось.

После Секиша другого лидера не появилось. Однако мы и не нуждались в нем, наши собственные вина и страх служили суровым лидером.

В тот последний месяц смерть повыкосила нас, пока не осталась только кучка, восемь-десять принцев и принцесс из великих домов севера, да горстка жрецов. Если кто и оставался в живых за пределами нашего убежища, то мы не

имели никаких известий, равно как и никакой надежды на это. Земля отняла у нас свои дары, отдавшись опять человеческим дикарям, которые некогда владели ею.

А потом раздался гром, поставивший последнюю печать на нашей тьме. Спящая гора заворочалась и задрожала глубоко в своих недрах. Верхние галереи храма обрушились, оставив после себя лестницы, которые вели теперь в никуда, платформы их были отсечены, а помещения завалены рухнувшими камнями. Когда обвал, наконец, стих, обломки завалили высеченные в горе большие воздушные воронки. Теперь воздух, означавший для нас жизнь и пищу, не мог больше поступать, а оставшийся воздух стал затхлым и ядовитым.

Один за другим они впадали в сон удушья, и к одному за другим, лежавшим в своих комнатах, словно бедные забальзамированные куклы с заводными сердцами, являлся Мор и расплавлял их как воск.

Я медленно бродила по безмолвному храму, задыхаясь и рыдая, когда у меня хватало на это дыхания. Я наблюдала, как они умирают. Не найти слов для описания моих чувств, когда я задержалась, ожидая, что последую за ними к их отвратительному концу.

Среди них была одна принцесса, и она оставалась целой дольше, чем другие. Она лежала в трансе с рассыпавшимися белыми волосами, с ярко видимыми под тонкой одеждой прямыми белыми ногами и руками. На груди у нее сверкала капля алмаза — подарок какого-то давно умершего возлюбленного — который она не сняла даже в муках раскаяния. Каждый день я тащилась к ней в келью и сидела на полу около нее, держа ее обмякшую руку так, словно это служило защитой и утешением.

Однажды я пришла, а белый светильник ее кожи угас в вонючем пятне на ложе.

Я ушла обратно в свою маленькую келью. Свернулась в клубок. И в последний раз расплакалась, пока не заснула.

5

Проснуться и не знать — где ты, кто ты, что ты — то ли существо с ногами и руками, зверь, или хребет в теле огромной рыбы — согласитесь, это странное пробуждение.

Но через некоторое время возникла новая темнота, полная световых узоров. Я боялась. И боролась, пытаюсь

освободиться от лент, которые, казалось, держали меня, попробовала закричать, и даже мои тело и голос были теперь для меня новыми.

А затем возник обвал цвета, звука, движения, пронесшийся через мой мозг, омывая его и оставляя его избитым. Остальная моя жизнь прошла быстро, словно кто-то перелистывал страницы огромной книги слишком стремительно. Однако теперь я смогла вспомнить, что это не то первое пробуждение под Горой, то первое пробуждение в качестве женщины, которая заснула четырехлетней девочкой.

Вокруг меня биение скрытых двигателей в серебряном звездолете.

Руки сняли металлический обруч с моей головы и металлические браслеты с моих запястий. Я поднялась с металлического кресла и была свободна.

Я посмотрела на Сърдена, туда, где он по-прежнему сидел, медленно отодвигая от себя металлические ленты. Лицо у него выглядело сжавшимся и бледным. Он взглянул на меня и чуть улыбнулся.

— Утомительное путешествие, — сказал он, — для нас обоих.

Я кивнула. Мною овладели покой и пустота. Чувствуя ростки понимания, я, казалось, не нуждалась в достижении его. Оно придет.

Дверь в противоположной стене ушла в сторону; за ней находилась небольшая тускло освещенная комната. Свет загородила высокая фигура Парма. Он жестом подозвал меня, и я без трепета вошла в ту комнату. Он последовал за мной, и двери мягко закрылись.

Между нами повисло молчание. Наконец я проговорила:

— Странно вспомнить пережитое при рождении. Первая борьба, которую мы все забываем.

— Твое рождение, — отвечал он, — не важно. Ты раскопала собственную тайну?

— Да, по-моему, раскопала.

— Тогда скажи мне, — попросил он.

— Это кажется смехотворным, — сказала я, все еще не желая говорить об этом вслух.

— Потребность открыть ее для тебя так же важна, как и отыскать ее, — указал мне он. — А теперь скажи мне, — так, как ты это видишь, что с тобой произошло.

Я уселась на ложе, которое явилось ко мне из стены. И посмотрела на собственные руки, спокойные, белые, слегка раскрытые у меня на коленях.

— Дарак, Вазкор и ты, Парм Завид, уж это-то я ясно вижу, — тихо произнесла я. — Вы обладаете лишь поверхностным сходством друг с другом; нет того абсолютного подобия, которое, как я воображала, связывало каждого из вас с последним. Я также вижу, сходство с кем послужило началом моей одержимости — высоким темным узкоглазым мужчиной — Секишем, лицо которого появилось в моих первых снах после того, как я покинула Гору. Секишем, который напугал и унизил меня, который заставил меня осознать мое зло и недостойность жить. Я также понимаю, почему я заблокировала свои мысли четырех лет своего прошлого и особенно последнего полугода смерти и горя. За исключением того, что я помнила, Парм, и даже слишком хорошо — не вспоминая.

— Ты была сильной, — сказал он. — Каким-то чудом ты спаслась от Мора и выросла в женщину, пролежав шестнадцать лет в безвоздушной келье. *Безвоздушной келье*. Не дыша, ты могла лежать только в коме. Ты знаешь теперь, что тебя разбудило?

— По-моему, да, — не уверена.

— В последние дни Мора, — разъяснил он, — вулкан проснулся; скала обрушилась и перекрыла воздушные воронки. Шестнадцать лет твоей комы вулкан глухо ворчал и дрожал, готовясь к извержению. В последний день стены горы потрескались под давлением накопившихся внутри газов. Сквозь эти трещины к тебе просочился свежий воздух. Ты начала дышать. Через некоторое время в последние часы перед извержением ты очнулась.

— Значит, — заключила я, — не мое пробуждение вызвало извержение — эту часть проклятья и наказания, которое я должна понести за выход из горы. Именно извержение-то и пробудило меня.

— Твое проклятие и наказание, — повторил он. — Однако ты ведь теперь понимаешь, не так ли, кто тебя проклял и кто тебя наказал? Ты понимаешь, наконец, природу Карраказа?

— Карраказ был моим изобретением. Я наделила жертвенные чаши Сгинувших силой своего страха перед собой. Никогда не существовало никакого Злого, Бездушного, созданного из пороков моего народа и вернувшегося, чтобы

уничтожить его. Я страшилась своей Силы, потому что Секиш заставил меня страшиться ее, и я старалась всем существом своим не дать себе обрести ее.

— И это, — сказал он, — по нелепой иронии, стояло за всем, что с тобой случилось. Потому что ты проснулась, обладая Силой, своей *полной* Силой. Голос, который, как ты воображала, говорил с тобой из жертвенной чаши, сказал тебе, что ты никогда не сможешь вновь обрести прежнее величие, пока не найдешь сородича своей души в виде зеленого Нефрита — поиск, безнадежный поиск. Если б ты продолжала верить в это и следовать этой инструкции, тебе никогда не понадобилось бы раскрывать собственную Силу: требования Секиша были бы выполнены. Несмотря на твои очевидные дары — способность понимать любую речь посредством разновидности телепатии, способность исцелять самые смертельные заболевания — ты придумывала оправдания своим достижениям — толпа сама себя исцелила — и мечтала о Нефрите, которого никогда не смогла бы найти. Явился Дарак, и ты заживо похоронила себя в его образе жизни, сожалея о своем пропащем поиске, но не в состоянии вырваться на волю. В стане в ущелье ты поднималась к прислоненным камням, потому что чувствовала их ауру, ощущение зла, исходившее от них из-за суеверий разбойников. Оно идеально соответствовало тому представлению, какое ты создала о самой себе. На Южной дороге проявилась эмпатия, еще одна часть твоей Силы. Ты видела вещи, происходившие там в прошлом, ты видела Сгинувших, но видела глазами их человеческих рабов до такой степени, что тоже перепутала левитацию с полетом. А потом Ки-ул. Ты пригрозила самой себе молнией у Дорожных ворот, но руины все равно притягивали тебя.

Он умолк, подталкивая меня своим молчанием.

Я послушно продолжила:

— ... Меня одновременно и отталкивало и влекло, как отталкивало и влекло по всем местам, которые я могла наделить характером Карраказа. Я хотела уничтожить саму себя и, одновременно удушаемая личностью Дарака, я жаждала соединить себя со своим собственным «я» — отрезанной частью меня, которую я превратила в демона.

— Отсюда и сделка с Карраказом, — сказал он, — а потом твоя попытка убить Дарака упавшим камнем, когда он встряхнул тебя, выводя из транса.

— А подземный толчок, летящие камни, которые убили Кела и столько других людей — это вызвала я?

— Да. С помощью Силы, о которой ты и понятия не имела. Ты подняла бурю, чтобы уничтожить Дарака и ту жизнь, которую ты вела с ним, чтобы уничтожить саму себя, если сможешь.

— Но я побоялась, — сказала я.

— В тебе соединилось стремление к смерти и стремление к жизни, — сказал он. — Это обычно для всех людей. К несчастью, ты обладала способностью организовать и то, и другое.

— А смерть Дарака в Анкуруме? Она случилась из-за меня?

— Не думаю, — усомнился он, и мне хотелось ему верить. — Ты была убеждена, что на тебе лежит проклятье, что не может быть никакого счастья ни для тебя, ни для любого, кого ты полюбишь. Эта убежденность сообщилась и Дараку с Вазкором, но не прямо через тебя, потому что ты никогда не говорила им о ней.

Но я вспомнила, как сказала Дараку: «Увидеть мое лицо для тебя смерть».

Мне хотелось ему верить. Я оттолкнула прочь воспоминание о Дараке и воспоминание об Асутоо, воине, которого я загипнотизировала и убила, мстя за Дарака.

— Горное кольцо, — двинулась я дальше, — и Уасти. Благодаря ей моя ментальная сила возросла. Я думала, она учит меня новым вещам, а не высвобождает способности, которыми я уже обладала.

— Уасти была хорошей учительницей, — согласился он. — Она заставила тебя немного заглянуть в себя, увидеть, чем ты могла стать. Останься она в живых, возможно, ей удалось бы научить тебя самоконтролю.

— Но она умерла. Я правила караванщиками и переправилась через Воду. Меня убили, а я исцелилась и добралась до Эзланна. И Вазкора.

— Вазкора, — повторил Рарм. — Одно из наихудших твоих учителей. Для того, чтобы потягаться с ним, ты стала подобной ему. Ты обрела ту гордыню, которой Секиш заставил тебя страшиться. И даже до Эзланна ты убила на дороге караванщиков.

— Я всегда думала, — сказала я, — что их смерть была наихудшим моим преступлением, выходящим даже за пределы всех совершенных мной преступлений и жестокостей.

— Не суди себя сама, — посоветовал он. — Никому из нас это никогда хорошо не удастся. Я думаю, в то время для себя ты уже стала богиней. Раньше ты всегда думала, что можешь умереть, однако, ты восстала из могилы — такое делают только боги. В Городе ты бессознательно привлекла к себе трех стражей — так же, как неосознанно сделала это в стане разбойников.

— Потому, что часть меня помнила про трех стражей на картинах в гробнице, символе светской власти. Так же, как я помнила про символический нож и думала, что он может убить меня.

— Именно, — подтвердил он.

— В Эзланне и Городах пламя, которое я называла Карраказом, не шевелилось. Оно ни разу не побеспокоило меня. А в Белханноре, чтобы вызвать грозу, я объединилась с пламенем...

— В первом месте пламя оставило тебя в покое, потому что ты стала, наконец, слишком сильна — слишком сильна даже для внушенной тебе Секишем самобоязни. Ты встретила лицом к лицу с собой и сказала: «Я *есть* все, чем боюсь быть. С тем, что я *есть*, ничего не поделаешь. От меня это никак не зависит. Следовательно, я буду наслаждаться и пожинать выгоды своего превосходства и давить этих муравьев под своей пятой». В Белханноре не было никакой *связи* — ты просто почерпнула дополнительные резервы Силы, открытые теперь для тебя без установленных тобой же самой барьеров. Ты была Уастис, Восставшей, богиней Белой пустыни. И, наконец, ты пустила в ход свою силу против Вазкора — в презрении, потому что он не имел никакого права разделять с тобой твою гордыню.

— Я убила его, — прошептала я своим белым полуоткрытым рукам.

— Ты убила его, — повторил Парм, — а потом легла умереть под башней.

— А когда племя нашло меня, моя Сила исчезла. Я не могла даже понять их речи, не говоря уж о том, чтобы убить их провидца.

— Что было твоим окончательным наказанием самой себя. Ты увидела себя, обретшей Силу. Ты подтвердила суждения Секиша о тебе. И поэтому теперь ты полностью заблокировала свои Силы и позволила жестокости племени завершить твоё наказание. Ты страдала, но тебе требо-

валось и хотелось страдать. Когда с тобой обращались, как с бесполезной женщиной, дурой и рабыней, это было действием принцев и принцесс под горой, хлеставших себя в горестном смирении. Ты оставила своего ребенка не только потому, что он причинил тебе боль, но и потому, что это было целесообразно. И, наконец, ты стала зверем в болотах, отгородившись от всякого разумного контакта с человеком.

— До тех пор, пока черное племя не приняло меня к себе.

— И борьба началась вновь, — сказал Рарм. — Покой, а затем — Книга — один из тех дневников покаяний, которые тебе давали читать в детстве — напомнили тебе о поиске Нефрита. Ты отправилась к разрушенным городам на побережье, и там ты нашла Карраказа; знала, что найдешь, потому что структура гробницы и место, где стоит жертвенная чаша, были тебе известны.

— Я попыталась полностью уничтожить себя, — сказала я. — Сон смерти, который я внушила себе. Боролась я отнюдь не с демоном, а сама с собой. Однако так ужасно! Так реально для меня! Теперь не приходится удивляться, что Фетлин смог меня спасти. Ведь Сила была направлена только на меня — до тех пор, пока мы не достигли долины. Я вызвала там землетрясение, так же, как в Ки-уле?

— Да. Ты всегда была в состоянии привлечь огромные стихийные силы для собственного подавления.

— Сон, — произнесла я. — Темный покинутый город и красный огонь на мысе, вдающемся в залив. Погребальный костер, — поняла я. — Мор явился и к ним тоже. А потом ящер. А потом на берегу — тень корабля и луч света...

— Ты привела нас вниз, — сказал он, — использовала компьютер, чтобы убить ящера. Одно из немногих твоих действий для самосохранения.

— Почему?

— Наверное, — улыбнулся он, — наверное, ты каким-то образом знала, что последует все это. У тебя ведь, в конце концов, есть к тому же и дар предвидения.

В помещении опять воцарилось молчание. Затем он сказал:

— Теперь все твои Силы вернулись. Например, все это время мы общались без всяких затруднений.

— Браслет, — возразила я. Но когда посмотрела на него, зеленый огонек не мигал. Я сняла его с запястья. И сказала: — Я теперь понимаю, но еще не полностью. У меня

был один год жизни после детства. Но я гарантировала, что когда мне доведется родиться вновь, я появлюсь мертвой.

Он встал.

— Ты все еще мертва, — сказал он мне, и я отлично поняла его. Он подошел ко мне и поднял меня, пока я не оказалась лицом к лицу с ним. — Ты еще не нашла Нефрит.

Я отвернулась.

— Этого последнего я боюсь.

— Ты знаешь ответ. Ребенком ты знала. Став женщиной, ты заставила себя забыть. У тебя есть только один путь освободиться.

Из стены перед нами выскользнул серебряный лед зеркала. Оно стояло передо мной, словно неуязвимый страж, преграждая мне последний путь к бегству. В нем я увидела наши отражения, темный мужчина, бледная женщина с прикрытым лицом.

— Прежде, чем я отвел тебя к компьютеру узнать правду обо всем этом, — сказал он, — та часть тебя, которую ты называла Карраказом, парализовала и ослепила тебя, чтобы помешать твоему уходу. Теперь ты уничтожила этого убийцу, и тебе больше нельзя прятаться от действительности, — он умолк. И поставил меня впереди себя перед блистающим высоким зеркалом. — Сними маску, — приказал он.

Мои руки немного поднялись, запнулись и упали обратно.

Он держал меня на месте.

— Сними маску.

Мои руки двинулись к шее, вверх к линии волос, где заканчивалось черное налобье шайрина. Мои руки застыли и оцепенели и не желали ничего больше делать.

— Не могу, — простонала я. — Безобразие, как зверь...

— Нефрит, — напомнил он. — *Нефрит*.

— Да, — сказала я. Я закричала на отражение, словно оно теперь было моим врагом. Я содрала и сорвала шайрин с кожи, и моя кожа задышала, воздух ударил, словно снег, по моему лицу. Но я не могла вынести взгляда на то, что зияло передо мной. И закрыла лицо ладонями.

Я припадала к полу, обхватив одной рукой голову, прижавшись подбородком к груди.

— Нет, — заявил он. Опустившись позади меня на колени, он оторвал мои пальцы от лица, а когда я заменила их

другой рукой, он отнял и ее тоже. И держал мои руки прижатыми к бокам. Лицо его оказалось напротив моего, когда я попыталась уткнуться себе в грудь.

— Посмотри, — приказал он. — Посмотри.

Было в его голосе что-то такое — отчасти смех, отчасти горькая печаль. Я подняла голову, хотя и не достаточно высоко, чтобы видеть.

— Посмотри, — сказал он мне. И, мягко положив ладонь мне под подбородок, поднял его, и теперь я посмотрела в зеркало.

И тогда я увидела то, что увидели жители деревни, когда я явилась после первого гнева вулкана. Увидела то, что Дарак увидел у озера, а позже в полутьме и после этого ночами и рассветами нашего пребывания наедине. Увидела то, что увидела Уасти, что увидел и отчего вздрогнул Вазкор, что мысленно узрела в палатке на Змеиной тропе Котта. Увидела то, что увидел Парм, когда встал на колени позади меня.

И увидела, что именно заставляло их бояться или умолкать, и это оказалось не тем, что я думала.

Это происходило потому, что я была прекрасна. Прекрасна той красотой, которая почти недоступна человеческому пониманию; она выше обычной красоты, свойственной многим людям. Эта красота была, подобно Силе, прирожденным правом Сгинувших.

Медленно, с бесконечной осторожностью я коснулась своего лица безупречной белизны. Мои пальцы пробскались, чуть касаясь, по губам, лбу, длинным-предлинным алмазам глаз, которые, наверное, больше всего отличаются от человеческих. Я устала на себя и не испытывала совершенно никакой гордыни, потому что казалось и всегда будет казаться, что это не мое лицо, у меня, проклятой безобразием.

— Теперь ты понимаешь, — сказал мне Парм. — Это был твой последний рубящий удар по самой себе, чтобы убедить себя в собственном уродстве. Ты держалась за это убеждение и лелеяла его и даже отождествляла себя с дьявольской богиней Ораша в своей решимости быть проклятой. И тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, ты видела под горой ложное изображение, — протянув руку, он положил указательный палец мне на лоб, указывая на тот треугольник мягкого зеленого цвета у меня над переносицей. — А вот сородич твоей души, зеленый Нсфрит.

Вставленный под кожу, как всем членам твоей расы, через несколько часов после рождения, когда ребенок спит. Каким безнадежным сделала ты свой поиск, разыскивая по всему миру то, что уже носила в себе, — он убрал руку, мягко касаясь моих волос. — Третий глаз безымянной Принцессы Сгинувших. У которой, в конце концов, все-таки есть имя, которое она теперь помнит.

— Да, — подтвердила я.

Стоя на коленях перед жертвенной чашей, я шептала его, как и все, кто стоял там на коленях, шептали свои имена перед началом покаянного песнопения. Я так часто шептала его там, что оно стало символом чаши и всего, чего я страшилась в себе. Но больше нет никакого страха, и нет больше никакого раздвоения.

— Я знаю свое имя, — сказала я ему. — Меня зовут Карказ.

6

Так в черной пустоте космоса, в серебряной звезде я сбросила кандалы и стала сама собой. И поняла, что должна покинуть корабль и снова начать жить в мире людей, какими я их знала. Техническая мощь и великолепие планет, породивших людей, вроде Парма Завида, не для меня. Моя собственная цивилизация зашла далеко в своем развитии и достигла многого, прежде чем гордость, глупость и проклятье людей покончили с ней. Но она шла по иному пути, чем тот, который произвел эту полую звезду. Между нами могла быть встреча, но никакого единения. Не существовало связи, способной удержать в едином целом куски наших чуждых жизней.

Он не расскажет мне, чем он рисковал, чтобы помочь мне. И Съёрден тоже не станет об этом говорить, но я думаю, что многим. Экипажу этого корабля не терпелось выпроводить меня и вернуться к своим родным мирам, где люди их культуры будут судить Парма за сделанное им, за вмешательство в дела нашего мира, за задержку в нем. Я ничего не могла поделать. Кроме как позволить ему уйти с миром, уповая на его собственную чистоту и ум, на его собственные знания того, к чему он стремится.

А мне не хотелось отпускать его. Я не хотела потерять его живым, как потеряла Дарака, Асрена и Вазкора мертвыми. И он тоже не желал покидать меня, уж это-то я знала.

Через четыре дня после моего прихода к кораблю тот плавно приземлился в скалистой долине высоко в горах за морем. Новая земля и все же та же самая, что и земля, по которой я скиталась целый год своей жизни. В долине гудела летняя жара над россыпями валунов с позеленевшими краями. На много миль не было следов человеческого обитания. Наше появление испугало трех-четырёх диких овец, и я знала, что тут будет безмолвие, безмолвие страха перед неизвестным.

Я стояла в стеклянной комнате среди колонн, уставясь на долину сквозь обзорный экран в стене. Подошел Сьёрден и поцеловал мне руку, снова напоминая мне о знати Эзланна или За. Я поблагодарила его, и он улыбнулся с благоговением, которым осветилось его лицо, когда он посмотрел на меня. Он помог мне раскрепостить себя, и не поражаюсь этому. Мы оба это знали. После Сьёрдена, я знала, придет Рарм. И когда он, наконец, пришел, я полностью осознала, что никогда его больше не увижу. Связь, что соединяла меня с Секишем, распалась. Ничто не мешало моей любви к этому человеку, человеку, который вернул мне себя.

— Я должен поднять корабль очень скоро, — сказал он. — Я и так здесь задержался гораздо больше дозволенного.

— Я понимаю, — сказала я.

— И ты ничего с собой не возьмешь?

— Нет, Рарм, только одно это платье. Прежде чем наступит зима, у меня будет какое-нибудь убежище, и, как мы оба теперь знаем, я вообще не нуждаюсь в пище, только в той, какую я черпала из воздуха, которым дышу. Усваивать этот урок вновь мне будет тяжело, трудно вновь обретать утраченные привычки, но это можно сделать, и чем скорее я начну, тем лучше.

— Я желал бы, чтобы это не было концом всего, что произошло, — тихо сказал он. — Я не хочу покидать тебя.

— И я тебя, — призналась я, — но никакого иного пути для нас нет.

— Да, никакого другого пути нет.

Казалось, я шла к нему из своего прошлого все годы, что путешествовала; а теперь, когда мы встретились и соприкоснулись, миг настал — и закончился.

Тут он подошел ко мне и поцеловал меня, однако без особой страсти. Не было никакого смысла в страсти или желании между нами. Для нас уже было слишком поздно. Это была первая и последняя встреча.

Мы вместе прошли к шлюзу корабля и сходному люку, выходившему в долину. Он открылся для меня медленно, со скрипом, словно неохотно.

— Сьёрден сказал бы, что его компьютер не хочет, чтобы ты уходила, — заметил Рарм.

Я выглянула наружу, и мир зиял передо мной, словно великая пустота, висевшая вокруг корабля.

Я на миг вложила свою руку в его, а затем отвела от него взгляд, посмотрев на долину. Сходной люк скользнул к земле. Я вышла наружу. Я не оглядывалась. Шла по камням и жестким мхам. Маленькие розовые цветы выступали, словно вышитые на траве звезды.

Я не оглянулась посмотреть ни на него, ни на корабль.

Добравшись до гребня долины, я услышала позади высокий стон. Я не обернулась. Я представила, как овальная посеребренная машина подымается, сверкая, с обгоревшей земли, подымается, подымается, высоко в голубое летнее небо, уменьшаясь, превращаясь в крошечный серебряный огонек, исчезая, уносясь прочь и прочь.

Звук растаял в воздухе. Окружившее меня безмолвие постепенно наполнялось другими звуками. Сперва застрекотал сверчок, вслед за тем — биение птичьих крыльев: это закружил над скалами коричневый голубь. Вскоре тысячи мелких верещаний, шорохов, шуршаний. Страх исчез.

Мир за гребнем был зеленым, путь вниз, к деревьям и далекому сверканию воды. И к пастбищам, наверное, тоже и к людям. К деревням, селам и городам, где люди сохраняли собственные разрозненные воспоминания о Сгинувших, где могли быть каменные чаши с горящим пламенем и золотые книги с выцветшими страницами, вобравшие в себя чувства вины, страха и надежды пережить Мор и породившие легенду о втором пришествии богов.

Горячий ветер обжег мое обнаженное лицо, взметнув пряди волос.

Я одна. Никто не стоит рядом со мной. У меня нет никакого Темного принца, едущего рядом со мной на колеснице и прижимающего меня к себе. У меня никого нет. И все же у меня наконец есть я сама. *Я сама.* И мне в данное время это кажется достаточным. Это кажется более чем достаточным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

<i>Часть I: Под вулканом</i>	5
<i>Часть II: Горные станы</i>	31
<i>Часть III: Путь Верховного Владыки</i>	63
<i>Часть IV: Анкурум</i>	93

КНИГА ВТОРАЯ

<i>Часть I: Через Кольцо</i>	162
<i>Часть II: Вода</i>	192
<i>Часть III: Темный Город</i>	208
<i>Часть IV: Театр военных действий</i>	261
<i>Часть V: Башня - Эшкорек</i>	331

КНИГА ТРЕТЬЯ

<i>Часть I: Змеиная дорога</i>	360
<i>Часть II: Край моря</i>	397
<i>Часть III: В полой звезде</i>	426

ТАНИТ ЛИ

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА

Первая книга трилогии «Белая ведьма»

Серия «ORION»

Переводчик В. Федоров
Оформление художника К. Швеца
Макет И. Герасимов, А. Ксендилов
Редактор серии Д. Лобанов
Редактор Т. Зарубина
Художественный редактор И. Фаррахов
Технический редактор Н. Лакатош

Подписано в печать 5.11.93. Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.
Печать высокая. Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 28,1.
Тираж 50 000 экз. Заказ 541.

Библиополис. 197148, С.-Петербург, Бронницкая ул., 17.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ТОЛЬКО В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ БИБЛИОПОЛИС !

**САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ В ЖАНРЕ**

FANTASY И S.F.

1980-1993 годов

Впервые !!!

В России выходят романы

самых популярных на Западе авторов:

Тэда Уильямса, Танит Ли, Кэролайн Черри, Майкла Гира.

ТАНИТ ЛИ

Трилогия «Белая ведьма»

Книга #1

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА

Книги #2-#3

ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА

ПОИСК БЕЛОЙ ВЕДЬМЫ

МАЙКЛ ГИР

Трилогия «Спайдер»

Книга #1

ВОИНЫ БОГА ПАУКА

Книга #2

ПУТЬ ВОИНОВ

Книга #3

ПАУТИНА БОГА

ТЭД УИЛЬЯМС

Серия «Лига Пергамента»

Книга #1

ТРОН ИЗ КОСТЕЙ ДРАКОНА

Книга #2

СКАЛА ПРОЩАНИЯ

Книга #3

К БАШНЕ ЗЕЛЕНОГО АНГЕЛА

ДЭВИД ЭДДИНГС

Трилогия «Элениум»

Книга #1

АЛМАЗНЫЙ ТРОН

Книга #2

РУБИНОВЫЙ РЫЦАРЬ

Книга #3

САПФИРОВАЯ РОЗА

КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ

ЭЛЬФИЙСКИЙ КАМЕНЬ СНА

Большинству поклонников жанра *fantasy* произведения авторов, выходящие в этой серии, хорошо известны, так как это писатели, признанные лучшими в этом жанре, их произведения занимают высокие места в списках национальных и международных бестселлеров и издаются громадными тиражами во всем мире.

На русском языке все произведения публикуются впервые.

МАЙКЛ ГИР

Трилогия «Спайдер»

Книга #1. ВОИНЫ БОГА ПАУКА

В Директорате главенствует небольшая группа генетически измененных людей, имеющих постоянную связь с компьютерной сетью, в которой находится информация обо всех известных человечеству планетах и космических станциях. В течение многих веков Директорат управлял бесчисленным множеством звездных систем, и его авторитет был непоколебим, но сейчас в этой огромной империи появились признаки готовящегося восстания. В это напряженное время приходит сообщение об открытии новой планеты, которая становится известной под названием Мир. На этой планете выжившие после крушения звездолета потомки людей превращаются в расу воинов, расу, ведомую своими Пророками. Пророки — это люди, способные видеть возможные направления развития будущего. Они предвидели прилет патрульного корабля империи и подготовили своих воинов, воинов Паука, к этому первому контакту, в котором один неверный шаг мог привести к гибели их мира и империи.

МАЙКЛ ГИР

Трилогия «Спайдер»

Книга #2. ПУТЬ ВОИНОВ

Восстание на Сириусе грозило стать искрой, которая воспламенит всю галактику и приведет к разрушению управляемой Директоратом империи, являющейся тиранией элитной группы людей, мозги которых подключены к компьютеру. Чтобы покорить повстанцев Сириуса, у Директората остается единственный шанс — это три когда-то мощных, но сейчас изрядно потрепанных патрульных крейсера и раса примитивных воинов — романан.

Директорат в течение нескольких веков пытался вытравить из людей такие черты человеческого характера, как инициативность и способность к решительным действиям, и поэтому настоящие воины остались только в давно забытой колонии, называемой просто Мир. Но захотят ли романане добровольно присоединиться к людям, пришедшим со звезд и однажды пытавшимся разрушить их мир, и если захотят, то смогут ли они, до сих пор не знавшие современной технологии, противостоять врагу, готовому использовать легендарное оружие разрушения, самое смертоносное из известных человечеству.

МАЙКЛ ГИР

Трилогия «Спайдер»

Книга #3 ПАУТИНА БОГА

Восстание на Сириусе послужило катализатором для подъема двух мощных новых сил в галактике. Лидер неудавшегося восстания сбежал на отдаленную планету и создал там базу, которую он хочет сделать своим опорным пунктом в новой межзвездной войне и на которой он пытается восстановить давно запрещенную технологию, позволяющую превращать обычных людей в фанатичных солдат.

В это время на давно забытой колонии романане, известные как воины Паука, и их союзники из Патруля, составлявшего ранее часть военных сил, обеспечивавших порядок на планетах и станциях, контролируемых компьютерной сетью Директората, готовятся к последней битве против кажущегося непобедимым завоевателя.

**Один из самых известных и популярных
авторов в мире, обладатель премии Хьюго,
суперзвезда издательства DAW.
Впервые на русском языке.**

КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ

«ЭЛЬФИЙСКИЙ КАМЕНЬ СНА»

В мире наступило переходное время, когда человек с огнем и мечом пришел на земли, слышавшие раньше лишь отзвуки нечеловеческих голосов. В период подъема человека и гибели магии осталось лишь одно нетронутое место — небольшой лес Элдвуд, лес, в котором время текло в своей плоскости и совершенно по-иному, чем во всем мире. Арафель Сидха, живущая на этой земле, гордится ею и любит ее намного сильнее, чем любой другой представитель ее расы.

Это роман о последнем оплоте мира волшебства и магии в борьбе против железного меча, с которым приходит эра Человечества.

#1 «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» БЕСТСЕЛЛЕР

«Лучшее чтение для поклонников Толкиена... далеко превосходящее самую популярную фантастику... Трудно вообразить, что можно написать лучше».

«Эпическая фэнтези, в которую можно погрузиться на дни, а не только на часы».

Locus

Тэд Уильямс

Серия «Лига Пергамента»

Книга первая: Трон из костей дракона

Книга вторая: Скала Прощания

Книга третья: К Башне Зеленого ангела

Впервые на русском языке выходят произведения новой суперзвезды в жанре фэнтези. На западе произведения Тэда Уильямса сравнивают с «Властелином Колец» Толкиена.

Критики в восторге от его романов:

«Всячески рекомендуемый нами Тэд Уильямс опирается на многие мифологические системы как на основу своего фантастического эпоса, создавая превосходную эпопею, одобренную захватывающей политической интригой и наличием сильных привлекательных героев».

«Уильямс начал великолепную, полную привлекательных персонажей и легко читаемую сагу».

Publishers Weekly

ТЭД УИЛЬЯМС

«ТРОН ИЗ КОСТЕЙ ДРАКОНА»

Война, разожженная темными силами чародейства, грозит поглотить мирную землю Остен Арда, ибо Престер Джон, Верховный король, победитель ужасного дракона Шуракаи, при смерти. После его смерти будет освобождено, наконец, Древнее Зло, потому что Король Бурь, бессмертный правитель бессмертных ситхи, хочет вернуть себе потерянное царство, заключив договор с человеком королевской крови. И тогда, принужденный страшным заклятием, ненавистью и ревностью, принц вступит в борьбу с принцем, и страна погибнет, захлебнувшись кровью.

Только маленькая, рассеянная группа — Лига Пергамента — сознает опасность, нависшую над Остен Ардом. И Саймону, слуге из замка, который, сам того не подозревая, стал учеником одного из членов Лиги, предстоит возглавить поиски решения загадки, содержащей единственную надежду на спасение — тайны давно утерянных Мечей Власти... Мы увидим Саймона спасающимся и встречающим опасность лицом к лицу, среди врагов, словно вышедших на свет божий из ночных кошмаров.

«Трон из костей дракона» — первая часть долгожданного нового фантастического эпоса непревзойденного Тэда Уильямса.

Вот что говорят критики об этом романе:

«Уильямс рассказывает о мире драконов и волшебных мечей, юных героев и чародеев, о силах зла, прекрасных принцессах, персодеваниях и тайнах. То, что делает Уильямс, неизмеримо лучше большинства вещей, написанных в этом жанре... Великолепная *fantasy*, приближающаяся к „Властелину Колец“ Толкиена».

Cincinnati Post

ТЭД УИЛЬЯМС

«СКАЛА ПРОЩАНИЯ»

Это время тьмы, ужаса и предельного испытания для королевства Остен Ард. Сумасбродная магия и ужасающие приспешники Короля Бурь распространяют свое непобедимое зло по всему королевству. Потрепанные остатки когда-то гордой человеческой армии бегут в поисках последнего прибежища к Скале Прощания — в место, окутанное тайной и древней скорбью.

«Тэд Уильямс — один из немногих, кого можно признать самыми лучшими в жанре *fantasy*. Его творческий подход к теме, его блестящий талант в обращении с персонажами, его очевидное отвращение к ставшим клише подземельям и драконам, делают его надеждой всех тех, кто хочет, чтобы жанр *fantasy* выжил в девяностые годы... Уильямса скоро провозгласят новым королем *fantasy*».

«Эпический рассказ о борьбе добра со злом... Превосходное повествование о столкновении между силами света и тьмы».

San Francisco Chronicle

ТОЛЬКО В СЕРИИ «ORION»

Только в нашей серии вы прочитаете ВСЕ произведения Дэвида Эддингса, действие которых происходит в едином магическом мире. Герои его книг переходят из одной серии в другую.

Серия «Маллореон» — 5 томов

Серия «Элениум» — 3 тома

Серия «Тамули» — 3 тома

Серия «Белгариат» — 5 томов

Права на публикацию произведений, выходящих в серии «ORION», принадлежат исключительно издательству «Библиополис». Любое нарушение этих прав будет преследоваться по закону.

В СЕРИИ
«МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА»
ВЫШЛИ КНИГИ:

В.Барковский, А.Измайлов Русский транзит (трилогия)

Р.Старк Синдикат

Р.Чандлер Леди в озере

М.Спиллейн Змея

Д.Чейз Карьера убийцы

Д.Чейз Лучше бы я остался бедным

Д.Чейз Минутная слабость

Г.Р.Хаггард Священный цветок

Уважаемые господа!

Вас приветствует
торгово-издательская фирма «Библиополис»
г. Санкт-Петербург.

Издательство предлагает литературу повышенного спроса:
фантастику, зарубежный детектив, приключения,
женский роман, детскую литературу.

Сегодня Вы можете у нас приобрести оптом партии книг
и заключить договора на покупку книг до конца 1994 года.

«Библиополис»

предлагает своим клиентам следующие виды услуг:

- Отправка книг контейнерами в любую точку России.
- Отправка автотранспортом фирмы.

В нашем магазине Вы можете приобрести книги
в розницу.

Оплата в любой удобной для Вас форме.

Предоставляем скидку при оптовых закупках.

Ваши интересы определяют нашу работу!

Приглашаем всех к постоянному
и взаимовыгодному сотрудничеству!

**По вопросам закупок
обращаться в отдел реализации по адресу:**

г. Санкт-Петербург, ул.Бронницкая, д.17
Тел. 110-15-12 (с 9 до 18 ч. кроме субботы и воскресенья)

Адрес магазина фирмы:
Московский проспект, 41. Тел. 292-71-01

ТАНИТ ЛИ

«ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА»

«Большое, красочное, кровавое эпическое полотно меча и магии, с незабываемой героиней — такой же крутой, как Конан-варвар, но более убедительной».

«Танит Ли, которую называли блистательной суперзвездой в научной фантастике, теперь становится также и самой яркой звездой на небосклоне fantasy».

Baryon Preiss